M 52
95

И 52/95

НА ВОСТОКЪ

ПОѢЗДКА НА АМУРЪ

(въ 1860 — 1861 годахъ).

ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ

С. МАКСИМОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1864.

ПУБЛИЧ. И РУМЯНЦЕВ. МУЗЕИ
БИБЛІО-
ТЕКА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 13 Апрѣля 1864 года.

41701-0
2010456781

Типографія Товарищества «Общественная Польза», близъ Круглаго рынка, № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Введеніе 1

II. Путь на Амуръ:

1. По Россіи 62
2. По Сибири 111

III. На Амурѣ:

1. Первыя путевыя впечатлѣнія.

От Усть-Стрѣлки до Благовѣщенска 144
Отъ Благовѣщенска до Хабаровки 191
Отъ Хабаровки до Николаевска 237
2. Заселеніе рѣки Амура 268
3. На устьѣ Амура 307

IV. Въ Восточномъ океанѣ:

1. На берегахъ океана 325
2. Въ Каютъ-компаніи 353

V. Въ Японіи:

1-я глава 380
2-я глава 415

VI. Въ Манчжуріи:

1. Манчжуры 427
2. Городъ Айгунъ 452
3. Благовѣщенская ярмарка 477

VII. У Китайцовъ:

1. Китайцы въ Маймаченѣ 485
2. Русскіе въ Кяхтѣ 514
3. Бѣлый мѣсяцъ 533
4. Чайная торговля 560

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ четвертый разъ судьба снимаетъ насъ съ обсиженнаго уже и привычнаго мѣста, сдѣлавшагося если не роднымъ вполнѣ, то дорогимъ по многимъ воспоминаніямъ; въ четвертый разъ случай — рѣдкій, но всегда дорогой гость—отнимаетъ у насъ лучшее изъ достояній, добытыхъ родствомъ, привычкой и дружбой, и снова ведетъ на чужбину, въ чужіе люди, въ неизвѣстность. Съумѣвъ однажды развязать узелъ, связующій насъ съ существами дорогими сердцу, мы въ четвертый разъ замѣтно-равнодушнѣе переносимъ неизбѣжную разлуку. Рѣшившись на дальную поѣздку, въ четвертый разъ мы ужь не боимся дорожныхъ невзгодъ и лишеній и помнимъ толковую русскую пословицу, которая прямо говоритъ намъ, что «путь-дорога красна не сномъ, а заботой». Но отчего въ этотъ разъ, какъ въ былые и памятные прежніе, томитъ насъ тоска (не по родинѣ), мучитъ насъ скука (не одиночества), неотступно преслѣдуютъ сомнѣнія не въ возможность добраться до мѣста, не въ слабость силъ физическихъ: иначе, не для чего было подниматься съ мѣста? Но отчего мы испытываемъ безпокойство, неловкость положенія? Отчего самыя простыя, обыденныя вещи кажутся намъ чѣмъ-то роковымъ, непривѣтнымъ: кибитка, какъ стѣны каземата, душитъ насъ и волнуетъ;

дорога, на этотъ разъ и гладкая и удобная, кажется шероховатой степью, которая ведетъ насъ куда-то въ темную, мрачную неизвѣстность?

Вотъ вопросы, которые и на этотъ четвертый разъ также неотступно возстаютъ въ воображеніи и наполняютъ всѣ помыслы, какъ это было и въ первые три раза. Попробуемъ разъяснить ихъ себѣ, на сколько позволитъ намъ сдѣлать это память, умѣнье и силы. Кладемъ въ основу откровенность, личныя наблюденія, голые факты, цѣлостно-взятые изъ жизни. Возвращаюсь ко временамъ прошлымъ и начинаю сначала.

Въ маѣ 1855 я оставлялъ Петербургъ для нѣкоторыхъ уѣздовъ Владимірской Губерніи, населенныхъ тѣми промышленниками, которые въ разныхъ мѣстахъ Россіи носятъ разныя названія. Въ большей части случаевъ они извѣстны подъ общимъ прозваніемъ *офеней, ходебщиковъ, коробейщиковъ, разнощиковъ*; въ Малороссіи называютъ ихъ *варягами*, въ Бѣлоруссіи—*маяками*, на сѣверѣ Великой Россіи—*торгованами*, въ Сибири—*суздалами*, на Кавказѣ—*вязниковцами*; сами себя зовутъ они *мазыками*. Селеніями своими они преимущественно группируются въ Вязниковскомъ и Ковровскомъ уѣздахъ Владимірской Губерніи, очень-мало ихъ въ Шуйскомъ, почти нѣтъ въ Гороховецкомъ и положительно нѣтъ въ Суздальскомъ. Торгуютъ они образами, книгами, краснымъ товаромъ, сыромъ, каперсами, калбасами—всѣмъ тѣмъ, что успѣло залежаться и прогнить въ московскихъ лавкахъ Ильинскаго Ряда, всѣмъ тѣмъ, на что падокъ и помѣщикъ, и деревенская дѣвка и баба, и сельскій попъ, въ чемъ нуждается и богатый, и грамотный крестьянинъ, и щеголиха-попадья, и помѣщица, и волостная писарша, и почтальонша, и проч. Для того, чтобъ крупнѣе обманывать и легче (для своихъ работниковъ, темнѣе для покупщиковъ) объяснять всѣ тонкости надувательства, у купцовъ этихъ существуетъ особый языкъ — офенскій. Нѣсколько десятковъ словъ для примѣра помѣстилъ въ 1839 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ« г. Срезневскій съ коротенькимъ предисловіемъ: еще меньшее количество словъ удѣлили какіе-то изъ нумеровъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

Вотъ всѣ тѣ наличныя свѣдѣнія, къ которымъ могли привести меня печатные источники и съ которыми мнѣ привелось выѣзжать изъ Петербурга на новое дѣло, непривычное, затѣянное первый разъ въ жизни. Позади—ничтожная практика, сложившаяся изъ цѣпи случайностей, когда смотрѣлось на дѣло съ точки зрѣнія фланёра, дилеттанта и никакъ не работника, обязаннаго извѣстнымъ дѣломъ и непреложнымъ обѣтомъ. Впереди—темное дѣло съ темнымъ успѣхомъ, даже съ вѣроятностью неудачнаго исхода, тѣмъ болѣе, что опять-таки позади ни одного примѣра, никакой школы и поученія: масса путешествій—и въ нихъ конечные результаты, послѣдніе выводы и ни одного намёка на закулисныя, такъ-сказать, рудниковыя работы; значительное число путешественниковъ—и всѣ они или роются въ архивахъ, добывая историческіе матеріалы и заявляя ихъ міру, или собираютъ травы, каменья, наслѣживаютъ отмѣны, разновидности животнаго царства; таковы П. П. Свиньинъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Палласъ и многіе другіе; и затѣмъ почти ни одного слова *для* этнографіи и *за* этнографію. Почти двадцать лѣтъ раздается въ безпривѣтной пустынѣ одинъ голосъ Владиміра Ивановича Даля, голосъ сильный, заслужившій почетный авторитетъ, авторитетъ, взятый съ боя безъ уступокъ, безъ апелляцій. Голосъ этотъ не остался безъ привѣта и отвѣта: «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» сталъ наполняться этнографическими статьями, которыя замѣтно ослабѣли въ числѣ и качествѣ, когда вновь-основанное географическое общество заявило свои изданія: «Записки» и «Вѣстникъ». И тутъ и тамъ, и въ литературныхъ журналахъ стали часто появляться этнографическія статьи, но вездѣ съ конечнымъ итогомъ, съ послѣднимъ выводомъ. Вездѣ тщательно и кокетливо припрятывались предуготовительныя, закулисныя работы, тѣ, которыя могли бы давать и примѣры и поученіе. Оставалось идти по завѣтному русскому обычаю на авось; положиться на случай, попытаться придумать свои средства и запастись возможно-большимъ терпѣніемъ. Я такъ и сдѣлалъ.

Быстро примчала меня желѣзная дорога въ Москву; скоро очутился я у рогожской заставы, гдѣ большой тарантасъ, шедшій въ Нижній, дожидался только одного попутчика. Извощики, по обыкновенію, накинулись на меня огромной толпой: видимо рады были моему появленію; запросили съ меня огромную сумму, считая за новичка, и не ошиблись. Сѣвъ въ тарантасъ, я имѣлъ удовольствіе слышать отъ одного сосѣда, что онъ заплатилъ только половину моей суммы, и ѣхалъ до Нижняго, а отъ другаго, что онъ заплатилъ противъ меня вдвое и ѣхалъ не до Вязниковъ, какъ я, а только до Владиміра. Все, словомъ, случилось: такъ, какъ бываетъ это и до сихъ-поръ, по положенію: раньше, пришелъ — оплатишь всю дорогу; позже пришелъ, да узнаешь, что, сѣдоки есть, заплатишь ничтожную сумму, которую иной разъ стыдно выговорить; самымъ послѣднимъ пришелъ — при отъѣздѣ, когда уже не только окуплена вся дорога, но и взятъ крупный залишекъ — уѣдешь чуть не даромъ. Во всемъ умѣнье и сноровка и такова уже логика, исконный порядокъ и обычай всѣхъ ямщиковъ у рогожской.

Показали мы билеты свои на заставѣ, заплатили шоссейную пошлину и поѣхали. Ямщикъ у насъ безсмѣнный, беззастѣнчивый, разговорчивый; каждаго спросилъ, куда ѣдетъ, кто таковъ, и зачѣмъ. Дошелъ и до меня чередъ:

— Отгадай! предложилъ я ему.

— Да какъ тутъ тебя судить? дѣло темное. Пальто, вишь, на тебѣ изъ парусины, надо быть, шито; шапка нерваная. Кто тебя знаетъ, что ты такое?

— Такъ на то, поди-тебѣ, и голова въ плечи ввинчена, чтобъ знать да думать, и на то ты извощикомъ зовешься, чтобъ сразу отгадывать и въ одинъ духъ догадываться о сѣдокѣ; а затылкомъ-то я и самъ, братъ, крѣпокъ.

— По рѣчи-то по твоей равно бы ты изъ кутейниковъ. Они больно на языкъ-отъ зубасты бываютъ.

— Зачѣмъ же ты изругался-то?

— Кутейникомъ назвалъ? Извини! Такъ я тебя и духовенствомъ могу взвеличать—изволь, сдѣлай милость!

Такъ и вышло: всю дорогу до Вязниковъ я слылъ подъ именемъ духовнаго. Замѣшкался ли я на станціи—«духовнаго нѣтъ» замѣчалъ ямщикъ. «Какого духовнаго?»спрашивали товариши. «А что въ бѣломъ-то».

— Не бросай, господинъ духовный, окурокъ-отъ, дай мнѣ. Ка́къ ты вотъ ужо въ попахъ трубку-то будешь курить—за волосья трепать станутъ.

— А что, господинъ кутейникъ ... то-бишь духовный господинъ, подъискалъ ли ты себѣ поповну то? Безъ того, вѣдь, и мѣста не получишь.

— Учатъ ли васъ наукѣ-то этой, чтобы по звѣздамъ читать и сказывать, что̀ какая звѣзда значитъ, духовный человѣкъ?

И все въ такомъ родѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ, обращенныхъ въ большей части случаевъ въ формѣ вопросовъ, по которымъ можно было видѣть не пытливаго изслѣдователя, а простаго, празднаго разспрощика, который оттого и задаетъ вопросы, что ему больше дѣлать нечего. Онъ меня успѣлъ уже спросить (и не одинъ разъ): на чемъ свинья хвостъ носитъ? какъ выходитъ по наукѣ: къ слезамъ или къ радости лѣвый глазъ чешется; шуриновъ племянникъ какъ зятю родня? мужъ съ женой, братъ съ сестрой, шуринъ съ зятемъ: сколько народу стало? словомъ, это былъ ямщикъ, распущенный, избалованный купеческой повадкой и баловствомъ, ямщикъ, который хорошъ былъ бы въ лакейской компаніи, едва-ли пригоденъ къ другому дѣлу, помимо легкаго дѣла — извоза, и, навѣрное, не устоялъ бы въ такой работѣ, которая требуетъ и вниманія, и догадливости, и смѣтки, а потому-то онъ, навѣрное, и состоитъ въ ямщикахъ.

Спутники мои на этотъ разъ оказались тоже несостоятельными и пригодились только на то, чтобы идти въ долю на чай, на порцію селянки, на пару пива. Одинъ оставилъ насъ во Владимірѣ, его мѣсто занялъ другой, еще хуже, а въ Вязникахъ оставили меня и тѣ и другіе: и старые мои спутники, и новые.

Въ Вязникахъ я остался одинокъ, безъ совѣтника, безъ руководителя на постояломъ дворѣ, остался потому именно, что изъ Вязниковъ путь мнѣ лежалъ въ сторону за Клязьму, гдѣ, въ 40 верстахъ, лежало село Хòлуй, съ иконописцами до послѣдняго обитателя, съ окрестными деревнями и селами, заселенными исключительно одними офенями. Тамъ моя Мекка, моя Медина, мой Эльдорадо!

Толстый, безобразно-толстый и (вслѣдствіе того) флегматическій дворникъ оставался пока единственнымъ моимъ совѣтникомъ руководителемъ, другомъ, если я имѣлъ только право на это послѣднее названіе тогда, и если не принимать въ разсчетъ его грубые, краткіе отвѣты, которые обижали меня вначалѣ съ непривычки, отъ незнанія и неумѣнья освоиться съ настоящимъ своимъ положеніемъ. Такъ я рѣшилъ впослѣдствіи; но на первыхъ порахъ выговорилъ-таки дворнику этому свое неудовольствіе:

— Видимся мы съ тобой впервые, другой разъ, можетъ-быть, и не сойдемся; знаемъ мы другъ друга всего только безъ году недѣлю. Я тебя не обидѣлъ, и говорилъ-то съ тобой — только квасу попросилъ, а такой ты сердитый, неразговорчивый! Ляпнулъ мнѣ давича одинъ короткой да крутой отвѣтъ, и то словно быкъ рогатый въ бочку рявкнулъ.

— Да вы изъ дворянъ, что ли?

— А хоть бы и такъ, положимъ, на первый разъ.

— Ну, такъ извините: такъ и знать станемъ. Что же вамъ отъ меня надо?

— Хочется знать, какъ въ Хòлуй проѣхать?

— А по дорогѣ надо ѣхать.

— Остроту твою чувствую, а не дивлюсь: толку-то она мнѣ мало сказываетъ.

— Надо лошадей нанять.

— Не коровъ же, полагаю.

— По званію вашему, надо тройку взять: у меня есть на дворѣ угарная. Прикажете—сейчасъ подадимъ.

— А сколько возьмешь?

— Да десять рублей на серебро: вѣдь въ сторону.

— За сорокъ-то верстъ?

— За тридцать восемь съ половиной.

— Ну, Богъ съ тобой! у меня такихъ денегъ нѣтъ.

— Нѣтъ, такъ и разговору нѣтъ. Попутчика ждать придется вашей милости.

— А долго?

— Какъ Господь благословитъ: можетъ, недѣлю, можетъ и больше, а, можетъ-быть, и сейчасъ навернется....

Все видимо располагается не въ мою пользу: мало обнадеживаетъ успѣхомъ; къ тому же первый блинъ, да и тотъ комомъ. Все начинаетъ глядѣть на меня какъ-то сумрачно, сухо, непривѣтливо; ничто не радуетъ, ничто не увлекаетъ. Корова подошла почти ко мнѣ, вытянула шею и неистово, почти надъ самымъ ухомъ моимъ, промычала разъ, другой, третій, десятый, безъ паузъ, одинъ за другимъ. Зачѣмъ, къ-чему, ради какой причины? Бросилъ я въ нее палку—она отошла и опять заревѣла. Собака выбѣжала изъ подворотни, залаяла на нее и погнала: побѣжала корова, поднявъ хвостъ и прямо на мостъ, въ-прискочку. А подъ мостомъ, ужь вѣрно знаю, полощутся утки и шепчутся; пошепчутся въ октавныхъ тонахъ и опять пополощутся. Одна утка кончила, вышла изъ воды и пошла (что купчиха толстая, переваливаясь съ боку на бокъ) въ гору; за ней потянулась другая, третья, десятая. Вонъ вышли онѣ изъ-подъ моста и всѣ у меня на виду, и всѣ вытягиваются въ линію, въ прямую линію, и тянутся гусемъ; одна сбилась съ ноги и спѣшитъ поправиться, сравняться и не нарушать порядка—истые солдатики на батальойнномъ ученьи. И опять идутъ новыя утки, переваливаясь съ боку на бокъ и покрякивая, шепчутся между собою—о чемъ? на какомъ языкѣ? Вотъ сильно зашумѣла и понеслась за Клязьму огромная туча угорѣлыхъ воробьевъ: видно, напугалъ ихъ сторожъ и согналъ съ любимыхъ мѣстъ, съ вишневыхъ кустовъ, которыми усыпана вся вязниковская гора направо... Вонъ пронесла тройка какого-то счастливца въ Москву; сидитъ онъ въ пыли весь; колокольчикъ выколачиваетъ свою дурацкую, лѣнивую пѣсню. Скучно и досадно! *Скучно* потому, что съумѣлъ себя выбросить въ незнакомое, непривычное мѣсто; *досадно* потому, что третьи сутки жду и не дождусь избавителя-попутчика.

Но вотъ и онъ наконецъ.

Сидѣли мы съ дворникомъ на крылечкѣ. Я объяснялъ ему, отчего у человѣка жиръ наростаетъ, отчего у него икота дѣлается и какъ отъ подобныхъ непріятностей избавляются люди. Онъ жаловался мнѣ на тягость жизни: по лѣтамъ отъ жары и жиру, на необходимость потреблять огромное количество квасу ежедневно, почти ежечасно; говорилъ, что его и вода не принимаетъ, что онъ на ней, какъ на постели, можетъ ворочаться: и на спинѣ лежитъ, и на любой бокъ можетъ повернуться, а окунуться при купаньѣ —трудъ великій.

— Свиная жизнь, прибавлялъ онъ:—ходишь да хрюкаешь.

Словомъ, разговоры наши шли своимъ чередомъ и носили характеръ казенный, обыденный. Въ воротахъ, между-тѣмъ застучала телега и на дворъ въѣхала пара лошадей съ двумя сѣдоками. Одинъ изъ нихъ рылся въ телегѣ, другой ловко соскочилъ на землю и обратился къ дворнику съ тѣмъ же вопросомъ, съ какимъ и я, дня три назадъ.

— У насъ лошади есть, да дòроги, отвѣчалъ ему дворникъ— Ступай поищи въ слободѣ: тамъ найдешь охотниковъ. Тебѣ куда ѣхать-то?

— Въ Ряполово.

— Такъ вотъ тебѣ до Хòлуя попутчикъ.

Дѣло шло обо мнѣ. Сговариваться приводилось недолго: рѣшили платить пополамъ, и дѣло поступило въ архивъ, какъ оконченное. Товарищъ мой повертѣлся недолго около телеги, на дворѣ и въ избѣ. Изумилъ меня своею юркостью, лихорадочною подвижностью, бойкими глазами, которые ни на одинъ моментъ не сосредоточивались на одномъ и томъ же предметѣ; безпрерывное движеніе рукъ и подергиванье плечъ обличало въ немъ если не болѣзнь, то долгую привычку въ спѣшныхъ и торопливыхъ ра-ботахъ. На мои глаза это былъ купеческій прикащикъ, любимый у хозяина, довѣренный у него и главный.

— По-нашему, попросту, офеня это! объяснилъ мнѣ дворникъ, по уходѣ товарища.

— Вонъ и тотъ безпремѣнно офеня, продолжалъ онъ потомъ. Теперь они въ деревню, на побывку ѣдутъ — время такое: много съѣзжается; ужо, чрезъ недѣлю, поползутъ, что вороньё, успѣвай лошадей припасать.

Но у меня уже сердце на первыхъ словахъ переполнилось радостью; и чѣмъ дальше и больше говорилъ мнѣ дворникъ, тѣмъ сильнѣе возростало мое нетерпѣніе и душевный восторгъ. Предметъ исканій самъ дается мнѣ въ руки, и такъ легко и скоро, безъ всякаго труда! Надо теперь подойти къ нему осторожѣе и выпытать правду, но такъ, чтобъ онъ не замкнулся въ свой толстой раковинѣ, а распустился бы, какъ цвѣтокъ на весеннемъ солнышкѣ, всецѣло до послѣдняго, самаго мелкаго лепестка. Если офеня—думалось мнѣ въ тоже время — умѣетъ надувать всю Россію; надувалъ когда-то въ Венгріи, въ Австріи, надуваетъ теперь своего брата, и хозяина, то самъ, въ свою очередь, навѣрное, не легко поддается обману. Да еще и съумѣю ли придумать, съумѣю ли приложить къ дѣлу, съумѣю ли управить за всѣми изворотами и направить къ искомому результату: не попасть бы мнѣ на мель, и не сѣсть бы тутъ надолго; не наскочить бы на скалу и не разбиться бы въ дребезги. Но, попытка — не шутка, спросъ — не бѣда, попробуемъ!

Сѣлъ я съ офеней и поѣхалъ. Ѣхали мы не долго, за Клязьмой тотчасъ же слѣзли съ телеги и пошли пѣшкомъ. Жара была невыносимая, на телегѣ жаръ пропекалъ насъ до мозга костей и напоминалъ намъ о себѣ, за неимѣніемъ дѣла, ежеминутно. Пошли мы пѣшкомъ, задали себѣ работу—о жарѣ почти и забыли; закурили трубки, повели разговоръ съ обыкновенныхъ вопросовъ: кто мы, зачѣмъ и откуда.

Я—семинаристъ, отъискиваю мѣсто учителя.

Онъ—торгующій. Живетъ у хозяина, въ Оренбургской Губерніи; три года не былъ на родинѣ: идетъ отдохнуть и повидаться съ родными.

— Стало-быть, вы, офеня?

Сердитый взглядъ и короткій отвѣтъ:

— Мазыки.

— Съ коробкомъ ходите?

Опять, медвѣжье взглядье на меня и снова короткій отвѣтъ:

— Съ коробками мелкота ходитъ; здѣшные.

— А вы-то какъ же?

— Мы въ лавкѣ сидимъ, а на ярмарки съ возами ѣздимъ.

— Извините: нечаянно, не думавши обидѣлъ васъ.

Офеня мой промолчалъ: видимо, простилъ меня. И опять молчитъ, сосредоточенно покуривая трубочку и сплевывая. Хочется мнѣ опять приступить къ нему, натравить его на разговоръ; но съ какого конца? Боюсь опять не разсердить бы его, не ухватить бы за живое мѣсто. Попробую.

— И долго вы пробудете дома?

— Сколько прогостится, сколько сможется.

— Да, вѣдь, хозяинъ, вѣроятно, на срокъ отпустилъ.

— Хозяинъ намъ въ этомъ дѣлѣ не указъ; мы на него больше зависимость кладемъ, чѣмъ онъ на насъ.

— Ну да врешь же, парень!—перебилъ его нашъ ямщикъ, давно уже прислушивавшійся къ нашему разговору.—Прогостишь-то ты, чай, до макарьевской ярмарки, а тамъ, тебѣ велѣно въ Нижній ѣхать, товары принять, да и везти ихъ на мѣсто, къ хозяину.

«Спасибо ямщикъ! спасибо за то, что поддержалъ ты меня, вывелъ большое дѣло наружу. А кому и знать офенскіе обычаи, какъ не тебѣ: не первый же годъ ты, поди, съ ихнымъ братомъ водишься, да и сосѣдъ такой ближній, можетъ-быть, и самъ въ былыя поры офенствовалъ.

Такъ думалъ я про-себя, но сказать вслухъ не рѣшился: боялся. Офеня нашъ упорно молчалъ: обидчивый такой, суровый. Опять камень преткновенія! Что тутъ дѣлать съ нимъ? Печальный, сиротливый видъ дороги и окрестной мѣстности наводитъ на мысль, подаетъ надежду опять завести бесѣду.

— Все-то здѣсь песокъ, все-то одно божье дерево, ни ржи не видать, ни ячменю: видно не сѣютъ ихъ?

—Не сѣютъ совсѣмъ почти.

— Да вонъ и болота пошли, на болотахъ озерки, что́ лужи, расплылись, длинныя такія и рыбныя, думаю.

— За́водями зовемъ; а рыбы въ нихъ нѣтъ никакой.

— Много мѣстъ на святой Руси видѣлъ я, а такихъ печальныхъ, такихъ горемычныхъ, Богомъ обиженныхъ не видывалъ.

— Наши мѣста еще хуже.

— Могутъ ли быть хуже этихъ?

— А потому и могутъ, что у насъ все болота, все зыбуны, все за́води. Здѣсь хоть рѣка есть, и хорошая рѣка, песокъ есть, а мы и тѣмъ обездолены...

— Скучно же вамъ жить! сказалъ я, чтобъ только сказать что-нибудь.

— Отчего нашъ народъ на чужую сторону весь потянулся, какъ вы думаете?

— Вамъ это лучше знать, вы такой мудреный, задумчивый: надо быть, много знаете, да не любите сказывать.

Офеня мой пріятно и снисходительно улыбнулся (видно попалъ я въ шляпку гвоздя, что называется). И духъ у меня захватило; думаю, что̀ онъ скажетъ; но онъ снова обратился съ вопросомъ:

— А, какъ вы думаете?

— Вы это лучше меня понимаете: вамъ и книга въ руки.

Офеня мой опять снисходительно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Оттого народъ и ходитъ въ чужіе люди, что дома жить нельзя: ничего ты съ нашей горемычной землей не подѣлаешь, хоть зубами ты ее борони, да слезами своими поливай. Такъ-то!

— Ну да, братъ, и повадка тутъ большую силу имѣетъ!-опять раздается спасительный голосъ ямщика.

Офеня молчитъ, снисходительно выжидая чужаго мнѣнія. А мнѣ лучше, мнѣ пріятнѣе. Изъ споровъ выходитъ правда. Офеня молчитъ, но не молчитъ ямщикъ:

— Вѣдь и вы, что и другой кто (говорилъ ямщикъ):—какъ бараны: одинъ потянулся, такъ и всѣ за нимъ шарахнулись.

Рѣшился и я, въ свою очередь, поддержать ямщика:

—Ярославцы въ московскихъ и петербургскихъ гостинницахъ живутъ половыми...

— Точно!—въ свою очередь поддержалъ меня ямщикъ.

— Къ-чему же ваша рѣчь клонится? спросилъ меня офеня и въ вопросѣ его прозвучалъ тотъ же тонъ снисходительнаго вниманія и благосклонной, милостивой уступки, которымъ обыкновенно отличаются всѣ немногознайки, но хвастуны и спорщики.

— А къ тому моя рѣчь клонится, что если гдѣ завелся половой изъ ярославцевъ и удалось этому половому сдѣлаться буфетчикомъ, то ужь скоро и, навѣрное, весь трактиръ будетъ наполненъ ярославцами.

— Вѣрно! поддакнулъ ямщикъ.

— И вотъ почему вся Ярославская Губернія, или по-крайней-мѣрѣ большая половина ея, состоитъ въ половыхъ. Другихъ ярославцевъ я знаю только огородниками да малярами.

— Да ужъ ты, братъ, офеня, что ни толкуй, а повадку вамъ эту на счетъ дальной торговли Синельниковъ да Дунаевы дали. До нихъ—сказывала старуха матушка—рѣдкій который изъ вашихъ офенствовалъ. У Дунаевыхъ, сказываютъ, офенскія артели десятковъ до двухъ доходили; и гдѣ-гдѣ работники ихніе не таскались! Потомъ, вѣдь, ужь васъ на мѣсто-то усадили да велѣли къ городамъ приписываться и торговать тамъ, гдѣ указъ засталъ. Съ тѣмъ, братъ, и получай! малаго ребенка пришли—не обманемъ.

Я молчалъ и слушалъ. Разговоръ начиналъ принимать благопріятный для меня оборотъ и даже историческую форму. Ямщикъ говорилъ:

— Что бы вы до Дунаева-то сдѣлали, коли бы онъ не указалъ вамъ на красные товары?

Офеня молчалъ.

— Ничего бы не сдѣлали, хоть и богомазы подлѣ васъ живутъ: иконами-то немного бы наторговали.

— Иконы мѣняютъ, а не продаютъ—поправилъ офеня.

— Ну, да, вѣдь, на деньги же, братъ, мѣняютъ-то. А ты на словахъ-то меня не лови: знаю я самъ, что́ знаю. А ты скажи мнѣ, отчего ты самъ-отъ торгуешь?

Офеня молчалъ.

— Скажи-ко! приставалъ ямщикъ.

Офеня продолжалъ упорно молчать.

— Ну, такъ я скажу за тебя: торгуешь ты чай оттого, что поди, у тебя хозяинъ своякъ, братъ двоюродный, а, можетъ, и дядя родной. А что ужь онъ изъ одной съ тобой деревни— такъ это, братъ, вѣрное слово его-то было (кивокъ головой на меня).

Офеня на слова эти опять снисходительно улыбнулся, но не замедлилъ отвѣтить:

— Отгадалъ!

— Да ужь это мы тебѣ какъ по печатному — вѣрно такъ.

И, въ свою очередь, самодовольно улыбнулся ямщикъ. Радъ былъ и я его радости, тѣмъ болѣе, что, повидимому, офеня нашъ былъ одинъ изъ такихъ, которые крѣпко поняли свое ремесло и всѣ тайные его изгибы и лазейки, и обязали себя строгимъ обѣтомъ молчанія. Съ такими людьми тяжело вести дѣло: они, какъ тюремныя стѣны, и многое видѣли и многое слышали, но не дадутъ отвѣта. Несчастенъ тотъ часъ, когда съ ними сходишься; самое тяжелое и трудное время въ жизни:-когда съ ними сближаешься. Такимъ на первый разъ показался мнѣ и нашъ офеня; показался бы онъ мнѣ и простымъ дуракомъ, мало мыслившимъ, небойкимъ на языкъ; но если офеня—плутъ вообще, то опять-таки плутъ дуракомъ не бываетъ. Бесѣда съ офеней начала казаться мнѣ уже невозможною; оставалось надѣяться на будущихъ, дальнихъ. Но если одинъ такой угрюмый и скрытный глазъ на глазъ съ тобой, то что же можно ожидать отъ будущихъ и дальнихъ, которыхъ придется ловить и выспрашивать не поодиночкѣ, а въ цѣлой артели? Вѣроятнѣе неудача, чѣмъ какой-либо успѣхъ; и опять холодомъ обдало сердце и опять начали приступать и тоска и опасеніе. Но будетъ, что будетъ! А между-тѣмъ мы уже подъѣхали и къ Хóлуйской Слободѣ, къ цѣли первоначальной моей поѣздки. Здѣсь оставляетъ меня суровый мой спутникъ; здѣсь я рѣшилъ остановиться, потому-что, какъ извѣстно, слобода Холуй населена иконописцами, промыселъ которыхъ тѣсно связанъ съ офенствомъ. Дѣло мое идетъ здѣсь успѣшнѣе, потому-что работа вся на виду и далеко не секретъ. Пишетъ образа и мой хозяинъ, у котораго я нанялъ свѣтелку; пишутъ образа во всѣхъ домахъ и не пишетъ ихъ только мельникъ, и то потому, что сдѣлался мельникомъ, (но и онъ писать умѣетъ) да еще другой, здоровый, шутливый парень, который живетъ въ шалашѣ и сбираетъ съ возовъ гроши и пятаки за проѣздъ по мосту, наведенному чрезъ рѣку Тезу.

Рѣка эта дѣлитъ Хóлуй на двѣ половины и на два прихода, въ той и другой половинѣ каменныя церкви; есть каменные дома; та и другая половины принадлежатъ разнымъ помѣщикамъ. Безплатный, нестѣснительный переходъ по мосту даетъ возможность часто бывать на той сторонѣ и на этой. Вижу я и тутъ и тамъ большія и малыя хозяйства; вижу столъ; за однимъ сидитъ рабочихъ меньше, за другими больше; но у тѣхъ и у другихъ одни и тѣ же обычаи, разъ заведенные и потомъ замороженные. Маленькіе мальчишки растираютъ краски, подростки грунтуютъ и выглаживаютъ доски, взрослые пишутъ иконы. Отмѣнъ никакихъ, исключенія ничтожны. Одни изъ мастеровъ пишутъ *долишное*, то-есть ризы, одежду, детали и орнаменты, образцы которыхъ указаны кіевскими святцами (съ изображеніями святыхъ); но главнѣе всего примѣръ учителя и тѣ образцы, по которымъ выучился маляръ и на которыхъ онъ и остановился, не дѣлая шагу впередъ, не думая ни объ улучшеніяхъ, не стараясь познакомиться съ иными, лучшими учителями, современными образцами. Другіе мастера пишутъ только *лишное* (говоря ихъ же выраженіемъ), то-есть лица. Почасту случается такъ (особенно у богатыхъ хозяевъ), что тотъ, который умѣетъ писать долишное, не умѣетъ писать лицъ, и наоборотъ: сдѣлавъ свое дѣло, онъ передаетъ доску другому работнику для окончательной отдѣлки. Мастеръ, способный написать цѣлую икону одинъ, безъ помощника, почитается художникомъ и составляетъ исключеніе. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, полагается въ Хо̀луѣ, который, какъ извѣстно, приготовляетъ дешевыя иконы, писанныя обыкновенно яичными красками, и хорошими мастерами не хвалится. Лучшихъ, то-есть умѣющихъ писать масляными красками, я нашелъ уже въ другихъ, богатѣйшихъ селахъ Мстёрѣ и Палехѣ. Въ одномъ приготовляются образа старообрядскіе, въ другомъ—такого письма, которому позавидовали бы даже мастера лаврскіе (кіевскіе и сергіевскіе), хотя и они все-таки, въ свою очередь, далеки еще отъ совершенства. Пріемы въ производствѣ работъ оказались тѣ же самые, что и въ Хо̀луѣ.

Въ Хо̀луѣ я дождался тихвинской ярмарки. Ярмарка эта показала мнѣ то, чего я не могъ бы добиться въ другое время и никакими силами. На ярмарку эту пріѣхали московскіе купцы, ивановскіе и офени. Ивановскіе привезли сукна и красный товаръ, московскіе—чай и сахаръ и тѣ лубочныя диковинки, которыя, въ формѣ картинъ, пестрятъ всѣ рядскіе проходы и ворота въ Москвѣ, и въ формѣ книгъ украшаютъ рядскія прилавки (и не только въ Москвѣ, но и по всей Россіи). Книги продаются здѣсь десятками и на вѣсъ, картины—пачками и стопами; красный товаръ—на аршинъ и штуками. Тѣ и другіе скупаются офенями, но офенями — *мелкотой, хозяйчиками,* которые начинаютъ только торговать и расторговываться. Крупные, говорятъ, дѣлаютъ закупки въ Нижнемъ, на ярмаркѣ. Тогда же хо̀луйцы сбываютъ и предметы своего производства тѣмъ же офенямъ, и въ маломъ числѣ москвичамъ. На ярмаркѣ этой привелось мнѣ натолкнуться и видѣть всѣ тѣ сцены, которыя, охотно просясь на перо, неудобно ложатся на бумагу, и которыя въ десяткахъ изустныхъ анекдотовъ разошлись по всей Россіи. Тогда же привелось мнѣ окончательно убѣдиться и въ томъ, что хо̀луйцы смотрятъ на свое дѣло, какъ на простой обычный ручной промыселъ, что они точно такъ же легко могли бы быть и ткачами, какъ сосѣди ихъ, шуйскіе, и что иконописцы они именно потому, что такъ уже сложились историческія причины. Помимо того, что хо̀луйцы отдаютъ все, что успѣли заготовить, офенямъ (которые все это развезутъ и разнесутъ потомъ по дальнимъ угламъ и закоулкамъ Россіи), они и сами, въ свою очередь, дѣлаютъ необходимые запасы. Изумительно-быстро, до ранней обѣдни, успѣваютъ расхватать всѣ возы со *дсками* еловыми, ольховыми и дубовыми, возы, являющіеся сюда обыкновенно изъ дальняго Семеновскаго уѣзда Нижегородской Губерніи. Тогда же хо̀луйцы запасаются и всѣмъ нужнымъ для жизни; кромѣ хлѣба, который берутъ они въ десяти верстахъ отъ села на такъ-называемой «Пристани» на Клязьмѣ. Не будь этой пристани и тихвинской ярмарки, Хо̀луй существовать бы положительно не могъ: хлѣба въ немъ не сѣютъ ни зерна, ремеслъ, помимо главнаго, не знаютъ никакихъ; нѣтъ у Хо̀луйцевъ ни кузнеца, ни швеца, ни сапожника. Работая пять дней въ недѣлю и сбывая готовый матеріалъ одному изъ мѣстныхъ богачей-скупщиковъ, на чистыя деньги, они спѣшатъ купить хлѣба только на недѣлю и затѣмъ остатки тотчасъ же пропиваютъ въ субботу, и затѣмъ въ воскресенье бо̀льшаго пьянства, какъ въ Хо̀луѣ, я не видалъ уже нигдѣ ни прежде, ни послѣ того.

Двѣ недѣли прожилъ я въ этомъ селѣ, собирая свѣдѣнія не по обдуманному плану, а наугадъ; какъ они доставались и сообщались случайно:—дѣло неопытное, дѣло новое! Хотѣлось мнѣ поскорѣе добраться до офеней и тотъ же Хо̀луй доставилъ мнѣ этотъ случай и легко и просто.

Судьба столкнула меня на базарѣ съ офеней-хозяйчикомъ. Какіе-то пустяки заставили насъ заговорить другъ съ другомъ и разговориться. Я позвалъ его къ себѣ напиться чаю; онъ зазвалъ меня въ трактиръ выпить пару пива. Размѣнявшись взаимными обязательствами и любезностями, мы были уже съ нимъ какъ свои. Разговоры шли у насъ обыденные. Мнѣ удалось разсмѣшить его два раза до упаду. Смотрю: товарищъ мой—и добрякъ и простота-человѣкъ. Онъ потребовалъ еще пару пива. Я опять зазвалъ его къ себѣ и унесъ съ собой полуштофъ сладкой водки; завелись новые разговоры. Долго не думая, я рѣшился начинать прямо.

— А что, дружище, говорятъ, у васъ языкъ есть свой, какой-то; да я этому не вѣрю: на что онъ вамъ?

— Надо.

— Да врешь-вѣдь ты, хвастаешься? «Вѣдь, вотъ-молъ, я худъ человѣкъ, да два языка знаю».

— Нѣтъ, не хвастаюсь, а два языка знаю.

— Окромѣ свинячаго, какъ говорится.

— Ты не шути, а это вѣрно!

— Да ты не морочь-смотри: вѣдь-день теперь да и церковь видно.

— Я не колдунъ! А что свой языкъ и россійскій знаю—этому быть такъ.

— Не врешь, такъ правда. Научи-ка!

— И въ правду? На что идетъ?

— На что хочешь: я не боюсь и не вѣрю.

— Еще на пару пива.

— Идетъ.

— По-твоему, какъ вотъ это?

— Армякъ.

— По нашему *шеретнякъ*. Ну, а вонъ эвоно!

— Домъ.

— По нашему *рымъ*.

— Ври, небойсь, дальше: слушаемъ!

— Лопни мои глаза, коли я тебѣ вру! Да ты грамотный?

— Бывалое дѣло: учили господа. Нашему брату, дворовому человѣку, безъ того нельзя тоже—самъ знаешь.

— Пиши, что я сказывать тебѣ стану. Напишешь — завтра любому мазыку покажи: въ одномъ словѣ фальшъ сдѣлалъ — съ меня пара пива.

— Ладно, идетъ!

— А коли всѣ слова скажу — четверть водки съ тебя, и съ закуской!

— Идетъ, идетъ, идетъ!

И идетъ мое дѣло и спорко теперь и легко; руки дрожатъ отъ радости и придвигается слово къ слову и мелькаютъ цѣлые ряды словъ: *лохъ*—мужикъ, баба—*гируха*, дѣвка—*карата*, молодуха—*ламоха*, голова—*неразумница*, хрѣнъ—*нахринъ*, рѣпа—*кругалка*, рубли—*круглеки*, попъ—*кочетъ*, напиться—*набусаться*, бѣжать—*ухлывать*, сидѣть—*сеждонить*, продавать—*кухторить* и проч. и проч. Нѣсколько сотенъ словъ записалось въ тотъ же день. На другой день, на свѣжую память и на мои запросы посыпались новыя слова, по уговору, по обѣщанію передать мнѣ эту науку. Приложилъ я только ко вчерашней четверти еще новую, сталось полведра и писалось ужъ словъ за тысячу.

— Дешево ты, другъ любезный, продалъ.

— Дорого ты, сердечный пріятель, купилъ.

— По писаному-то я скоро выучу всю твою науку.

— Попробуй-ка, выучи! У меня на этомъ старуха—баушка зубы всѣ съѣла, а не выучилась: съ тѣмъ и померла.

— Я не баушка; у меня память молодая, здоровая.

— Да и на какой ты чортъ слова наши учить станешь?

— А чтобъ вашъ же братъ не надулъ потомъ.

— Не стоитъ же, паря, шкурка выдѣлки: и съ глазами надуютъ, не то съ языкомъ.

— Самъ торговать стану, офенствовать.

— А господская воля на что дѣлась?

— Да, вѣдь, я на волю отпущенъ...

— Ну, такъ слушай слово мое: языкъ нашъ на работѣ самой только и въ память идетъ; безъ того слова наши, что пузыри лопаются, забываешь. Хочешь, къ торговлѣ нашей приспособлю.

— Хитро, чай, не поймешь съ-разу?

— Погляди, можетъ, и скоро дастся. Вѣдь и я самъ не съ разу же началъ.

— Пріучи, сдѣлай милость!

— Пойдемъ въ деревню со мной. Ужо, черезъ недѣлю, у насъ на селѣ торжокъ будетъ: пойдемъ съ коробкомъ.

— Хорошо, согласенъ. Согласенъ хоть сейчасъ ѣхать!

— Ну, и пойдемъ!

Въ недѣлю эту видѣлъ я офеню въ домашнемъ быту; видѣлъ какъ буйно пьянствовали тѣ изъ офеней, которые приходили домой только на побывку и на отдыхъ, и дѣйствительно ничего больше не дѣлали, какъ только опоражнивали штофы и полуштофы. Пріятель мой присталъ къ землякамъ съ выиграннымъ полуведромъ, но тотчасъ же и отвалился, только почуялъ, что ведро уже кончено. Живя и налаживаясь около дома, онъ былъ бережоливъ и, что называется, скопи-домокъ.

Чрезъ недѣлю мы уже шли съ нимъ на торжокъ: онъ съ коробкомъ за плечами; я—съ его аршиномъ въ рукахъ. Памятны мнѣ и безутѣшная, тоскливая мѣстность, по которой мы шли; пыльная дорога, въ деревняхъ ломанныя гати, прорѣзывающія дорогу по болотамъ; ржавыя болота эти-топкія, сырыя, сырыя даже и въ то время. когда два почти мѣсяца стояли жары невыносимые, породившіе значительное число лѣсныхъ пожаровъ за Волгой и на Волгѣ. Длинныя зàводи по̀ этимъ болотамъ, заводи, которыя то кажутся рѣшительнымъ озеромъ, то безъ всякой, видимой причины, узятся въ рѣку, иногда въ ручеекъ, который соединяетъ одну зàводь съ другою, и такъ-какъ будто въ безконечность. Тамъ, гдѣ зàводь у̀же, встрѣчали мы мостикъ утлой и трясучій (и ѣздятъ по немъ, да мало—и то храбрецы) за мостомъ находили мы опять изрытую, крѣпко-подержанную гать съ погнившими бревнами. съ кое-какъ умятымъ и прилаженнымъ валежникомъ. Выходили мы въ ложбину сухую и душистую отъ недавно-скошеннаго сѣна; тащились въ гору, по большой части глинистую и невысокую, на которой думалъ я встрѣтить родную рожь съ васильками, ячмень, пшеницу, но встрѣчалъ только плохо принявшіеся кустарники. словно послѣ сильнаго лѣснаго пожара. Съ горы мы опять спускались въ ложбину и опять шли по болоту.

Я начиналъ изнемогать, уставать съ непривычки: шли мы уже двадцатыя версты. Надавленныя плечи (хотя и не было на нихъ никакой тяжести) болѣзненно ныли; подгибались колѣни, слышалась острая боль въ пяткахъ и подошвахъ. Выломилъ я себѣ палку, сталъ опираться—не помогла и она. Товарищъ мой весело шелъ, круто забирая привычными ногами, шелъ въ гору: я отставалъ отъ него, и отставалъ на значительное пространство. Хотѣлъ ложиться, но слышалъ съ горы предостерегающее наставленіе:

— Не ложись, все дѣло напортишь: не дойдешь потомъ; это ужь работа такая—знаю я ее!

— «И кому знать?» думалъ я и кричалъ ему въ свою очередь снизу:

— Не могу идти, умираю!

— Раньше смертнаго часу не помрешь. А ты понатужься, укрѣпись еще—недалечко: верстъ съ пятокъ осталось. У бабушки Лукерьи горяченькимъ вполоснемся: щецъ потреплемъ, молочка—важно будетъ!

— Силъ моихъ не хватаетъ!

— Была, знать, у тебя сила, когда мать на рукахъ носила; а ты бы по-моему пѣсню запѣлъ.

— Голосъ не пойдетъ.

— А ты попробуй! Не такую, стало-быть, пѣсню пѣлъ.

— Всякія пробовалъ: не выходитъ.

— А выходитъ, значитъ, то, что въ дорогѣ ты иди ровнымъ шагомъ, не прибавляй, не укорачивай его: хорошо будетъ.

— Слыхалъ я и это, да теперь ужь поздно.

— Поздно потому, что село близко. А то мужики-богомольцы, слыхалъ я, на траву ложатся и ноги кверху вздымаютъ, что оглобли: отливаетъ кровь—помогаетъ.

— И я такъ же сдѣлаю.

— Не смѣши, Христа-ради! На извощичью телегу похожъ станешь: вороны закаркаютъ.

Но вотъ, наконецъ и село, и бабушка Лукерья съ горячимъ, и теплыя полати, и крѣпкой сонъ; вотъ и торжокъ въ полномъ цвѣту и разгарѣ, по обыкновенію, шумливый, живой и разнообразный Приладили и мы изъ досокъ прилавокъ, вколотили четыре кола; навѣсъ отъ дождя и солнышка сдѣлали. Разложили на прилавкѣ вздоръ всякій: для бабъ и дѣвокъ пуговки, петельки, ленточки яркихъ цвѣтовъ, а на пущій соблазнъ зеркала раскрыли съ портретами Рюрика съ молоткомъ, Святослава съ мечомъ; для большаковъ—кожаные кошельки съ изображеніемъ взятія Варшавы съ одной стороны и Паскевича съ другой; для попадей и поповенъ—стеклянные ящички, нитки бумажныя, шолкъ, коробочки съ бисеромъ, наперстки, колечки: и серебряныя и волосяныя съ бисеромъ, цыганскаго дѣла, курительныя свѣчки московскаго дѣла и проч., и проч. Принесъ мой хозяинъ всего товару на 62 рубля сер., а продалъ на 129, умѣя и обмануть во-время и надуть подъ-часъ.

Не входя въ подробности этого дѣла, полагая ихъ предметомъ особой статьи, я останавливаюсь только на самомъ процессѣ работъ, на той обстановкѣ, которая сопровождала ихъ—и потому продолжаю.

Возвратившись съ ярмарки, я жилъ у пріятеля-офени еще два дня—*гостьбы на слитки,* какъ назвалъ онъ—два дня послѣдніе, прощальные, какъ думалось мнѣ самому, потому-что меня блазнило ближайшее село, въ которомъ жили офени, прибывшіе на побывку. Это были дальные, прикащики крупныхъ хозяевъ, а не офени— мелкота, какъ мой пріятель и его сосѣди. Тѣмъ же дешевымъ и легкимъ путемъ пѣшаго хожденія пришелъ я туда, но не могъ отъискать себѣ квартиры въ домѣ съ офенями: всѣ свѣтелки, отдѣльныя отъ хозяйскаго помѣщенія, построенныя обыкновенно надъ дворомъ и воротами, всѣ эти горницы заняты были гостями. Здѣсь гости эти, возвратившіеся домой послѣ долгой разлуки, да еще, въ добавокъ, съ порядочными деньгами и подарками въ семью свою, гости эти жили и отдыхали отъ тоскливой, сосредоточенной, однообразной жизни прикащика на чужой сторонѣ. Въ рѣдкомъ домѣ по этому случаю не была сварена брага и пиво, въ рѣдкой избѣ съ ранняго утра не стоялъ угаръ отъ множества приготовляемыхъ кушаній и масляныхъ и жирныхъ; рѣдкая деревня не наполнена была запасомъ жаренаго отъ начальной околицы съ овинами до выѣздной околицы съ банями. Видимо и хозяева были рады гостямъ, видимо и сами гости не поскупились расположить хозяевъ въ собственную пользу. Загулъ и пьянство были всеобщіе, начиная отъ дряхлыхъ стариковъ и оканчивая ребятами-подростками 15-ти лѣтъ. Подчиванья и угощенья начинались съ ранняго утра, съ того времени, когда подавались хозяйками плавающіе въ маслѣ блины и оладьи, не переставали продолжаться они и въ то время, когда все это снималось со стола и заканчивались они обѣдомъ съ бараниной, поросятиной, лапшой и пирогами. Послѣ обѣда гости-офени обыкновенно спали и, подкрѣпившись силами, сходились вечеромъ у кабака, или въ другой избѣ, и снова пили и пьянствовали до поздней ночи. Восемь дней прожилъ я на новомъ мѣстѣ и во все это время видѣлъ только долгое и систематическое пьянство. Только раннимъ утромъ удавалось мнѣ разговаривать съ офенями этими объ дѣлѣ; въ остальное время я слышалъ отъ нихъ нѣкоторыя откровенныя и закулисныя подробности, но въ рѣдкомъ и маломъ числѣ. Правда, что въ это время доставались на мою долю такія свѣдѣнія, которыхъ я не могъ доспроситься въ трезвыя минуты и никогда бы не добылъ ихъ прямымъ путемъ; но минуты эти были такъ рѣдки, дожидаться ихъ приводилось такъ долго и трудно! они валились какъ съ неба, совершенно-случайно, какъ дальняя и мелкая подробность въ долгой бесѣдѣ, наполовину пьяной, наполовину безалабарной. Въ пьянствѣ офени распоясывались, но все-таки какъ-то лѣниво и скупо, какъ-будто они опасались даже самихъ себя, боялись обязательно подѣлиться другъ съ другомъ тѣми данными, которыми удалось поживиться имъ самимъ при долгой практикѣ и приглядкѣ къ дѣлу.

Во всякомъ случаѣ, внутренній бытъ офени развертывался передо мною широко, являлъ много новыхъ чертъ и особенностей интересныхъ и поучительныхъ, открывалъ и обнаруживалъ иные вопросы, до которыхъ хотѣлось допытываться вопросами же и личными наблюденіями. Вопросы эти цѣплялись за другіе и шли какъ-будто въ безконечность. Работа моя становилась увлекательною и по самой легкости процесса ея и по вѣроятности успѣха который казался и близкимъ и возможнымъ. Ненужно уже было прибѣгать къ вопросамъ косвеннымъ, стороннимъ: вопросы возникали прямо одинъ изъ другаго. Начальная робость и оглядка превратились въ эти восемь дней въ смѣлость и храбрость, и безъ оглядки и безъ уступки. Я спрашивалъ обо всемъ, чего мнѣ хотѣлось; шолъ по приглашенію, не задумываясь; записывалъ, что хотѣлось и гдѣ приспѣвало это желаніе; офени трепали меня по плечу, цаловались со мной, называли дружкомъ, пріятелемъ, и слова: «халуй, лакей, барскій-баринъ» употребляли какъ слова ласкательныя. Я торжествовалъ; я готовъ былъ жить у нихъ еще не одну недѣлю, да такъ бы и сдѣлалъ, еслибъ не налетѣло темное, дождливое облачко, которому суждено было омрачить ясный горизонтъ моей жизни въ селѣ и разбить мгновенно всѣ мои планы и предположенія.

Дѣло было такъ. Я вышелъ на рѣку и, сидя на берегу, толковалъ съ двумя ребятишками, въ рѣчи которыхъ мнѣ нравилась та своеобразность вязниковскаго говора, цѣлостность котораго, отъ вліянія городовъ и дальной стороны, утратилась въ разговорѣ ихъ отцовъ. Бойкій изъ мальчиковъ особенно нравился мнѣ своею наивностью и откровенностью. Ему было двѣнадцать лѣтъ, и отецъ его бралъ съ собой на чужую сторону.

— Чай и ты плутовать будешь? спрашивалъ я.

— Нельзя безъ того, отвѣчалъ мнѣ мальчикъ смѣло и безъ запинки.

— Какъ же такъ?

— Тятька научитъ: онъ это умѣетъ.

— Да вѣдь это нехорошо и грѣшно дѣлать.

Мальчикъ посмотрѣлъ на меня во всѣ глаза, въ которыхъ такъ и свѣтилось сомнѣніе и невѣріе въ слова мои.

— Надуваньями денегъ не наживаютъ; за надуванья въ тюрьму сажаютъ, въ Сибирь посылаютъ.

— У тятьки денегъ много; въ тюрьму садятъ за долги, слышь а въ Сибирь посылаютъ, кто убьетъ кого.

— Отъ кого же ты узналъ все это?

— Всѣ сказываютъ. Я давно это знаю.

— Что жь они говорятъ?

— Да говорятъ, что нельзя не обманывать, потому, народъ очень-глупъ.

— Какой же народъ?

— Всякой. Пуще-то, слышь, всѣхъ барыни глупы очень: ихъ, сказываютъ, обманывать всѣхъ легче: надо-де только поддакивать имъ. Товары выкладывать имъ всѣ на-показъ: безпремѣнно, сказываютъ, выберутъ тогда...

Разговоръ нашъ продолжался все въ этомъ духѣ. Мы говорили бы долго и на этотъ разъ, какъ это дѣлывалось и вчера, и третьяго дня, и прежде, еслибъ намъ не помѣшалъ священникъ. Онъ подошелъ къ намъ, снялъ шапку, благословилъ мальчиковъ и отослалъ ихъ со словами:

— Ступайте домой, не мѣшайте намъ!

И затѣмъ обратился ко мнѣ:

— Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами...

— Я къ вашимъ услугамъ. Что вамъ угодно?

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Свое дѣло, батюшка.

— Какое же дѣло такое?

— Кому какое дѣло до моихъ занятій? Я могу и не сказать, да и не желаю этого...

Такъ думалось мнѣ, но выговорилось иное.

— Слѣжу за офенями, желаю познакомиться съ нравами ихъ и бытомъ.

— Я и самъ такъ рѣшилъ, когда узналъ и увидѣлъ васъ на другой день прихода сюда. Мнѣ сказали, что вы господскій человѣкъ, отпущены на волю и возвращаетесь на родину. Я сначала повѣрилъ; но, вглядываясь въ лице ваше, прислушиваясь къ разговору вашему, усомнился въ истинѣ показаній. Вы, должно-быть ученый, отъ географическаго общества посланы?

— Нѣтъ, отъ редакціи частнаго журнала, именно: отъ «Библіотеки для чтенія».

— Я давно хотѣлъ поговорить съ вами и предостеречь васъ.

— Благодаренъ за ваше вниманіе. Но чего жь я могу опасаться?

— Офени не такіе добряки и простаки, какъ вы полагаете.

— Я этого не думаю; но радушіе, съ которымъ они меня принимали, угощали...

— Не называйте это радушіемъ. Они сегодня приходили ко мнѣ и говорили объ васъ.

— Что жь такое?

— Что вы человѣкъ сомнительный и опасный; что вы что-то пишите про нихъ; что они васъ угощаютъ и что вы—извините меня—продадите ихъ: это были ихъ слова.

Вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Я никогда въ жизни не былъ такъ оскорбленъ до глубины души. Я растерялся и могъ найтись только на одинъ вопросъ:

— Не-уже-ли и вы, батюшка, считаете мое невинное дѣло изученія быта, дѣломъ сыщика-фискала?

— Не смѣю и думать этого.

— Какія же средства къ тому, чтобъ добиться правды у замкнутаго, неоткровеннаго человѣка, какими особенно показались мнѣ офени. Дальше этихъ средствъ не шли и прежніе изслѣдователи, лучшіе люди въ нашей литературѣ. Я только послѣдовалъ ихъ примѣру, не найдя лучшихъ; иныхъ средствъ, за неимѣніемъ, за крайнею невозможностью добыть ихъ, особенно при срочной работѣ, ограниченной тремя вакаціонными мѣсяцами...

— Я могу посовѣтовать вамъ только одно: уйти отсюда поскорѣе до несчастнаго случая.

— Но я не могу этого сдѣлать теперь, потому-что работа увлекла меня; она пошла такъ успѣшно и еще не кончена.

— Они хотятъ вести васъ къ становому...

— Я и пойду охотно, потому-что я не бѣглый и у меня есть отпускной билетъ отъ медико-хирургической академіи, въ которой я состою студентомъ.

— Но пойметъ ли васъ становой? пойметъ ли онъ вашу цѣль, и ваше полезное дѣло?

— Не сомнѣваюсь въ томъ, если съумѣю объяснить ему толково и просто.

Священникъ на послѣднія слова мои улыбнулся и недовѣрчиво покачалъ головой.

— Но можно ли въ этомъ сомнѣваться? спрашивалъ я его.

— Можно и должно, потому-что вы должны знать давно нашихъ становыхъ.

— Вы думаете, что я долженъ буду датъ ему взятку.

— Безъ нея онъ можетъ препроводить васъ въ земскій судъ, въ Вязники.

— Но это будетъ оскорбленіе. Я могу не пойти.

— На это онъ можетъ не смотрѣть, не принимать этого въ разсчетъ и не приметъ, если задобренъ будетъ со стороны вамъ враждебной, которая, вѣроятно, не поскупится на то, чтобъ удалить васъ отъ себя, какъ опаснаго человѣка.

— Но, вѣдь, это, батюшка, я думаю, одни только ваши предположенія?

— И вѣроятныя. Дай Богъ, чтобы они не случились.

— Но могутъ ли случиться?—это вопросъ...

— Неподлежащій сомнѣнію, потому-что они сегодня же хотѣли привести намѣреніе свое въ исполненіе. Я просилъ ихъ отсрочить, чтобъ переговорить съ вами. Ради Бога послушайтесь моего совѣта. За непріятный для васъ исходъ дѣла я могу поручиться, къ несчастію, и къ крайному моему прискорбію. Согласитесь, что вамъ непріятно будетъ находиться въ положеніи человѣка подозрительнаго и испытывать всѣ невыгоды этого положенія.

Снова кровь бросилась мнѣ въ голову; усиленно билось мое сердце; мнѣ было и непріятно и тяжело. Я не могъ говорить, я не могъ сосредоточиться помыслами на одной мысли, на одномъ пунктѣ. Говорилъ за меня священникъ и говорилъ правду, сущую, мрачную, неутѣшительную.

— Васъ поведутъ подъ конвоемъ въ становую квартиру, которая отсюда далеко. Для этого нарядятъ сотскихъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть связатъ ли вамъ руки, или оставить ихъ свободными.

— Но вы за меня заступитесь.

— По христіанской обязанности и долгу священства; но меня имѣютъ право не послушать и, можетъ-быть, не послушаютъ. А за дальнѣйшія послѣдствія я уже поручиться вамъ не могу. Богъ вѣсть, что тамъ съ вами сдѣлаютъ.

Богъ вѣстъ, что тамъ со мною сдѣлаютъ!?

Честный человѣкъ священникъ, награжденный такой благородной душой, говоритъ правду. Я предчувствую, предвижу, что со мною сдѣлаютъ; я почти не ошибаюсь въ своихъ предположеніяхъ и въ вѣроятіи тѣхъ подробностей картины, которыя рисуетъ мнѣ напуганное и напряженное воображеніе мое.

Приведутъ меня въ становую квартиру. Становой приставъ спитъ; велятъ подождать. И ждемъ мы, присѣвъ на крылечкѣ; понятые не оставляютъ меня, не позволяютъ мнѣ отойти отъ назначеннаго ими пункта и смотрятъ на меня сердито и косо, какъ мои заклятые враги. Насъ зовутъ: мы входимъ въ переднюю. Еще ждемъ нѣсколько времени; выходитъ становой, сердитый, заспанный. Спрашиваетъ:

— Что такое?

— Бродягу привели, говоритъ одинъ изъ понятыхъ, выступая впередъ и указывая на меня рукою.

И снова кровь приступаетъ къ головѣ и бросается въ лице. Вопросъ въ томъ: накинется ли на меня становой и начнетъ ругать всѣми выраженіями, насиженными, придуманными въ долгую жизнь или медленно, по пунктамъ, начнетъ выспрашивать меня, добиваться правды. Я не смѣю протестовать противъ его подозрѣнія: онъ имѣетъ на то много правъ; можетъ-быть, онъ человѣкъ небезгрѣшный, какъ гоголевскій городничій; можетъ-быть, онъ самъ боится подсылу. Чѣмъ я могу ему доказать, что я не проклятое инкогнито, и могу ли, наконецъ, убѣдить его. Мы будемъ кричать; будемъ горячиться. Онъ не остановится на моемъ; я не уступлю ему своего права. У меня роль отвѣтчика, взятаго съ поличнымъ; у него—власть и сила. Онъ приказываетъ привести подводу; приказываетъ везти меня въ городъ, въ земскій судъ. И везутъ и мучатъ физически и нравственно. Тамъ освободятъ и освободятъ непремѣнно, но скоро ли? А мученія пытки до счастливой поры свободы; а то состояніе неволи, отъ которой, по преданію, Марія-Антуанетта въ одну ночь посѣдѣла?...

— Я согласенъ съ вами, батюшка, и не знаю, чѣмъ благодарить васъ за добрый совѣтъ. Сегодня же я ухожу отсюда на нижегородскую дорогу.

— Ступайте съ Богомъ завтра, а сегодня милости прошу ко мнѣ. Я приглашу стариковъ и мы вмѣстѣ общими силами потолкуемъ съ ними. Пойдете сегодня въ сумерки, они васъ схватятъ на дорогѣ и будутъ имѣть полное основаніе: скорый отходъ вашъ они примутъ за прямое подтвержденіе ихъ подозрѣній.

Нельзя было не согласиться со словами моего покровителя. Вечеромъ пришли къ нему четыре старика, изъ которыхъ трое были мои знакомые. Мрачно глядѣли они на меня и даже не поклонились мнѣ—обстоятельство, чрезвычайно поразившее меня и, конечно, опечалившее до глубины души. Не въ духѣ простаго русскаго человѣка такая сухость обращенія, такое оскорбительное мщеніе за дѣло, которое окончательно еще не выяснилось не приняло опредѣленной и настоящей формы.

Говорилъ за меня священникъ и оправдывалъ мое дѣло почти столько же, сколько былъ бы въ состоянія я самъ это сдѣлать.

Вопросъ остановился на томъ подозрѣніи, зачѣмъ я пришелъ именно въ ихъ село, а не въ другое какое. Я оправдывалъ этотъ поступокъ случайностью. Отвѣтъ мой приняли недовѣрчиво. За меня отвѣчалъ священникъ.

— Пришелъ онъ въ ваше или въ не ваше село, но пришелъ за своимъ дѣломъ, и потому онъ уже имѣлъ на это право.

Старики молчали.

— Вѣдь и вы идете торговать въ тотъ городъ, гдѣ вамъ лучше, гдѣ вы знаете, что вамъ будетъ дѣло, и дѣло выгодное. Не такъ ли это въ-самомъ-дѣлѣ?

— Это правда твоя! это что говорить! Точно такъ! Вѣрно твое слово... отвѣчали старики въ одинъ голосъ.

— Кто же можетъ запретить кому-нибудь входить къ вамъ въ село: вѣдь оно незачумленое?

— Никто запретить не можетъ: село наше точно-что незаколдованное.

— Такъ за что же вы меня обидѣть хотѣли?

— Зачѣмъ обидѣть? Мы не хотимъ этого; мы хотимъ только у начальства спросить, какъ оно объ этомъ полагаетъ?

— На что же вамъ самимъ-то голова въ плечи ввинчена?

— Дѣло-то, вишь, это не наше, а начальничье; затѣмъ, вѣдь, они и живутъ у насъ.

— Отчего же вы міромъ не потолковали прежде? можетъ-быть, что-нибудь и хорошее вышло.

— Толковали и міромъ, да вышло на то, чтобы у батюшки совѣта спросить. Міръ-отъ толкуетъ зачѣмъ, вишь, ты по домамъ ходилъ?

— Въ домы меня приглашали: я не смѣлъ и не могъ обижать хлѣбосольныхъ хозяевъ, не желалъ обходить ихъ дома.

— Ну, а почто ты съ пьяными хороводничалъ, а самъ не пилъ.

— Съ пьяными толковалъ оттого, что пьяный скорѣе распоясывается, пьяный откровеннѣе.

— Ну, а почто это тебѣ?

— Батюшка сказалъ, что это мнѣ надо, что это мое дѣло. Я и самъ скажу то же самое.

— Ладно! пущай такъ! Ну, а зачѣмъ ты все это въ книжку писалъ, все, что тебѣ пьяные ни наболтаютъ съ дурьяго- то ума, своего?

— Въ книжку записывалъ для памяти и со скуки.

— Ну, а куда ты эту книжку отдашь?

— Это дѣло мое, отдамъ куда надо.

— Нѣтъ, ты скажи!... Пьяный мало ли что навретъ тебѣ; пьяный, братъ, знамо, врагъ себѣ. Ты возьми у него языкъ-отъ да и вырви.

— Отдамъ я это не начальству вашему, а друзьямъ вашимъ: людямъ надежнымъ и честнымъ.

— Да гдѣ ты найдешь такихъ? Что врешь-то непутное?

— Я ужь нашелъ и знаю такихъ. Да и самъ я развѣ врагъ вамъ, Христосъ съ вами? Батюшко-то вотъ передъ вами: спросите его.

— Мы и тебѣ вѣримъ. Книжку-то бы тебѣ нельзя было привозить—вотъ что! Книжка-та у тебя, можетъ, со шнуркомъ да съ печатью.

Я показалъ ее; эту тетрадку, безъ шнурка, безъ печати.

— Отдай намъ ее!

— Я бы отдалъ, еслибъ у меня была другая такая же.

— А если мы отнимемъ.

— Я за грабежъ почту и буду жаловаться объ этомъ въ Питерѣ. Если вы здѣсь мнѣ не вѣрите, то тамъ мнѣ повѣрятъ:—даю въ этомъ слово.

— Ладно, что тебя еще наши пьяные-то не убили.

— Это ужь ты далеко хватилъ! Еслибъ ты сказалъ мнѣ, что и теперь меня убить хотятъ, то я и этому бы не повѣрилъ. Ты говори дѣло, а не предположенія. Я бы и съ мѣста не двинулся не только на этотъ разъ, но и въ прежніе, еслибъ не былъ увѣренъ, что русскій человѣкъ не только друга своего, но и врага не убьетъ.

— Ну, извини, Христа ради! Сказалъ я тебѣ точно что дурость и такую дурость, что давно ужь такой не говаривалъ. Назадъ беру! А на чемъ вы съ батюшкой-то порѣшили?

— Я завтра иду отъ васъ и прахъ отъ ногъ отрясу, какъ въ писаніи сказано.

— Куда же пойдешь?

— А искать людей, которые добрѣе васъ и хлѣбосольнѣе; которые не станутъ меня попрекать за свою хлѣбъ-соль да грозить мнѣ за все это тюрьмой и становыми.

— А ты прости насъ, по писанію-то. Мы тебя съ этого твоего слова, какъ есть полюбили. Душа ты, видно, добрая и Христосъ съ тобой! Ты деревню нашу не ругай, мы къ тебѣ всѣмъ сердцемъ. Пошто ты вотъ въ книжечку-то писалъ? Это-то вотъ въ большую обиду намъ показалось.

— Книжечка эта, сказалъ я вамъ, пойдетъ въ надежныя руки, къ честнымъ людямъ. Это же самое и теперь повторю!

— Вотъ за это спасибо! за это награди тебя Господь! А все бы тебѣ ненадо съ пьяными-то возжаться. Лучше, кабы ты насъ спросилъ...

— А вы бы ничего не сказали. Я одного пробовалъ охаживать въ трезвомъ-то видѣ, такъ только языкъ намозолилъ, да на свою душу скорбь нагналъ, что и дѣваться некуда было.

Старики, мои слушатели, дружно засмѣялись и переглянулись между собою съ такою же коварною улыбкою, какою часто награждалъ меня мой спутникъ изъ Вязниковъ.

— Съ упрямымъ да съ неразговорчивымъ говорить—клещами на лошадь хомутъ натягивать, заключилъ я.

— Да, вѣдь, пьяные-то тебѣ, чай, чорта въ ступѣ нагородили?

— Это ужь мое дѣло: отличить тутъ ложь отъ правды.

— Знамое дѣло: кто къ чему простирается, тому то и въ понятіе—понимаемъ мы это!

— Такъ о чемъ же теперь разговоръ вашъ будетъ? что вамъ отъ меня надо?

— Погости ты еще у насъ.

— Обидѣли вы меня: сердце не терпитъ! Не сможешь, пожалуй, и дня прожить. Да съ меня ужь и будетъ.

— Знали бы мы раньше, мы не такъ бы и приняли тебя. Мы тогда все бы тебѣ по порядку сказали.

— Да полно такъ ли?

Старики не отвѣтили и опять переглянулись между собою.

— А еслибъ я по казенной надобности прiѣхалъ?

— Да нѣшто ты отъ казны?

— А хоть бы и такъ?

— Такъ мы тебѣ тогда и словечка бъ не молвили. Все бы тебя подчивали, да не такъ, какъ вотъ тѣ дураки, съ которыми ты хороводничалъ-то. Тѣ—ослы.

— А по-моему, такъ это лучшiе люди.

— По-твоему, можетъ, такъ, а по нашему-то, такъ мы ихъ утрѣ же, на мiрской сходкѣ на глумъ примемъ.

— Тогда я и другу и недругу закажу къ вамъ ѣздить.

Старики промолчали на это и взялись за шапки. Безопасность моего отхода, повидимому, была ужь обезпечена. Въ поступкахъ моихъ и тѣхъ прiемахъ, съ которыми я приступилъ къ своему дѣлу, мнѣ начинала уже видѣться предусмотрительная догадливость, можетъ-быть, на половину случайная, но, во всякомъ случаѣ, усвоенная съ легкой руки моего перваго офени. Оставаться въ этомъ селѣ я уже не находилъ пользы и поученiя; повидимому, мнѣ пришлось бы пировать, и на пирахъ этихъ быть не столько допрощикомъ, сколько, въ свою очередь, разскащикомъ. Подобные примѣры не разъ уже случались со мною и прежде, когда только приводилось заявить себя случайно охотникомъ говорить: у мужичковъ конца не было распросамъ. (Но объ этомъ ниже, въ своемъ мѣстѣ).

На другой день, на ранней зарѣ, я выбрался изъ села и цѣлыя двадцат верстъ находился въ томъ безпокойствiи, которые можетъ испытать человѣкъ съ большими деньгами, проѣзжающiй темною ночью въ темномъ лѣсу, гдѣ, какъ говорятъ, *пошаливаютъ*. Боялся я не за себя, боялся я за свою записную книжку. Можетъ-быть, не боялся бы я и за нее, еслибъ за околицей села не попался мнѣ одинъ изъ моихъ знакомыхъ офеней. Я простился съ нимъ. Онъ опросилъ меня:

— Совсѣмъ идешь?

— Совсѣмъ.

— Все ли захватилъ-то съ собой, не забылъ ли чего?

Я промолчалъ.

— Не пришлось бы вернуться тебѣ съ полдороги, али бы изъ нашихъ кому догонять тебя.

— Все со мной!... Прощай. Спасибо за хлѣбъ за соль!

— Не поминай лихомъ. Будь здоровъ со всѣхъ четырехъ сторонъ! Иди—не спотыкайся, бѣги—не оглядывайся.

Почему-то словамъ этимъ далъ я тогда какое-то враждебное, зловѣщее толкованіе, хотя могъ бы, конечно, объяснить ихъ и простымъ и мирнымъ путемъ, какъ это и оказалось на самомъ дѣлѣ. Я все-таки шелъ и оглядывался; а когда нагоняла меня телега, у меня замирало сердце и мнѣ становилось неловко. Въ одной телегѣ оказалась баба, въ другой-двѣ бабы. Я успокоивался и шелъ-себѣ впередъ, шелъ, наконецъ, послѣднія версты этой станціи и уже не оглядывался. На другой день я былъ въ Пурехѣ, большомъ и торговомъ селѣ Балахнинскаго уѣзда Нижегородской Губерніи. Село это—нѣкогда вотчина и мѣстопребываніе раненаго князя Пожарскаго—на мой приходъ туда полно было народа, съѣхавшагося на базаръ. Кончалась обѣдня; народъ валилъ изъ церкви. Все такъ свѣтло и радостно показалось мнѣ на ту пору; широко дышала грудь. Я былъ покоенъ и веселъ: я зналъ, что личность моя здѣсь пропала уже въ толпѣ всецѣло и безслѣдно. Я былъ такой же зѣвака, такой же праздношатающійся, какъ, вонъ, и этотъ парень въ красной рубахѣ, засучившій одинъ рукавъ и отщипывавшій на балалайкѣ веселыя, беззаботныя трели. Я любовался и на него и на свѣжую, здоровую молодку, которая искоса поглядывала на парня своими черными глазами и сладко улыбалась и поощряла его удалую посадку и доморощенную ловкость и досужество. Какъ-будто веселѣй и беззаботнѣй ржали лошади, какъ-будто откровеннѣй и полнѣй лилась волна народнаго говора и словно самые толки базарные были и смѣлѣе, и откровеннѣе, и простосердечнѣе. Жизнь и движеніе шли на-распашку, забывъ, что они перенесены на народную площадь; толпа болтала безъ умолку, и такъ хорошо и такъ свободно! На мое наболѣвшее сердце вѣяло чѣмъ-то живымъ, и если не новымъ вполнѣ, то,во всякомъ случаѣ, давно-забытымъ, но роднымъ и близкимъ. И какимъ молодцомъ, какимъ красавцомъ смотритъ на эту толпу съ трактирнаго крыльца рослый ямщикъ въ пуховой шляпѣ набекрень, въ синемъ рѣшемскомъ кафтанѣ, съ рукавицами и кнутомъ за поясомъ!

— Не свезешь ли ты меня въ Нижній?

— Можно.

— На тройкѣ?

— Какъ есть.

— Что возьмешь?

— Три на серебро и ѣзда со взломомъ.

— Валяй во всю тяжкую!

— Держись крѣпче: надо домой поспѣшать. Завтра, чѣмъ-свѣтъ въ Нижномъ будемъ.

Легъ я въ его просторный тарантасъ, еще вздохнулъ полной грудью и расплылся какъ сибаритъ, какъ лежебока, у котораго только и есть одна забота—на мягкое лечь и добыть себѣ, во что бы ни стало и какими бы то ни было средствами, и нѣгу и блаженство. Испыталъ и я на ту пору это блаженство, при которомъ, по народному присловью, изъ косточки въ косточку можжечекъ переливается. Все мнѣ начало улыбаться, все мнѣ несло и привѣтъ и ласку. Вонъ выбѣжали слѣва аллеи большой почтовой дороги, которая шла изъ родной мнѣ губерніи. Вонъ мелкнуло что-то свѣтлое впереди сначала немного, потомъ значительно-больше и наконецъ разлилась передо мною огромная масса воды и явилась во всей чарующей прелести рѣка-кормилица Волга, родная съиздѣтства, покинутая на-время для московскихъ фонтановъ и петербургской Невы.

— Волга это, ямщикъ?

— Волга дальше прошла, это—Вóлгушка: рукавъ, значитъ.

И закружился въ головѣ моей цѣлый рой воспоминаній свѣтлыхъ, живыхъ, свѣжихъ, и всегда пріятныхъ и дорогихъ свыше всякой цѣны и мѣры. Я жилъ дальнымъ прошедшимъ, жилъ лучшими воспоминаніями жизни и совершенно забылъ о недавнемъ прошедшемъ; я даже вспомнить не смѣлъ о немъ, чтобъ не оскорбить, чтобъ не испортить цѣлостности представленій и лучшихъ и святыхъ. Такія минуты рѣдки въ жизни и никогда не забываются. Я не вспоминалъ объ офеняхъ, я забылъ о нихъ на то время. Цѣлый мѣсяцъ истраченъ былъ мною на Вятскую Губернію и на преимущественное знакомство съ вотяками, отъ которыхъ я вернулся прямо, черезъ Семеновскій Уѣздъ, снова въ Нижній Новгородъ.

Офеней встрѣтилъ я уже въ то время, когда разыгралась нижегородская ярмарка; встрѣтилъ я ихъ на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ на нижнемъ базарѣ, потомъ въ ресторацiяхъ на мосту и на пескахъ. Въ тотъ же годъ наслѣдилъ я ихъ въ Москвѣ на Ильинкѣ, на Никольской, въ книжныхъ лавкахъ, въ проходныхъ воротахъ, у торговцовъ лубочными картинами ,и забывъ прошлое, толковывалъ съ ними уже не одинъ разъ дружно и миролюбиво въ ближайшихъ съ Городомъ трактирахъ. Не оставляя мысли о нихъ и преслѣдуя свою цѣль, я встрѣчался съ офенями и на Бѣломъ Морѣ: въ Кеми и Мезени, бесѣдовалъ съ ними и у помѣщиковъ Пензенской, Тверской, Костромской губерній и у вятскихъ чиновниковъ. Не оставилъ безъ вниманія и тотъ мелкій классъ офеней, представители котораго выпѣваютъ на петербургскихъ дворахъ козлинымъ, непріятнымъ для слуха голосомъ: «щетки, гребенки». Правда, что эти офени оказались въ большей части случаевъ не вязниковцами, а крестьянами костромскихъ уѣздовъ Буевскаго и Галицкаго, но и они знали офенскій языкъ (съ нѣкоторыми измѣненіями и особенностями), какъ знаютъ малую часть этого плутовскаго нарѣчія московскіе жулики, петербургскіе мазурики и нѣкоторая часть торговцовъ въ дворахъ Щукиномъ и Апраксиномъ.

Останавливаясь на нѣкоторыхъ подробностяхъ моего втораго путешествія, спѣшу оговориться. Путешествіе это совершалъ я по порученію морскаго министерства, гарантированный отъ него подорожною по казенной надобности и письмами г. управляющаго морскимъ министерствомъ ко всѣмъ начальникамъ тѣхъ губерній, въ предѣлахъ которыхъ согласился я производить работы. Работы эти обязывали меня приготовить рядъ статей для «Морскаго Сборника» и «изучить бытъ жителей прибрежьевъ Бѣлаго моря, Ладожскаго и Онежскаго Озеръ, мѣстныя условія нашихъ морскихъ заселеній, селеній и жителей; способы рыбной ловли и орудія, при ней употребляемыя; суда и судоходныя орудія; суевѣрія, предразсудки и вообще все, что я сочту за нужное включить въ свои описанія». Годъ истратилъ я для работъ и разъѣздовъ по Архангельской Губерніи, гдѣ привелось испробовать всевозможные способы переправъ: плывалъ на корбасахъ и на шкунахъ, ѣздилъ на почтовыхъ пàрахъ и тройкахъ въ телегахъ, ѣздилъ на оленяхъ, на лошадяхъ верхомъ и, наконецъ, ходилъ пѣшкомъ. Не испыталъ, стало-быть, только ѣзды на собакахъ. На озерахъ Ладожскомъ и Онежскомъ странствовать мнѣ не привелось, потому-что, какъ оказалось впослѣдствіи, работы мои обусловлены были *однимъ только годомъ*

Путешествіе по Архангельской Губерніи приняло для меня иныя формы, новую обстановку, опять-таки въ первый разъ извѣдываемую. Я имѣлъ въ рукахъ открытое предписаніе, которымъ предлагалось городскимъ и сельскимъ начальствамъ оказывать все зависящее отъ нихъ содѣйствіе при исполненіи возложеннаго на меня порученія. О подобномъ же обязательствѣ для мѣстныхъ властей при губернскихъ вѣдомостяхъ разосланъ былъ печатный указъ губернскаго правленія. И дѣйствительно при данныхъ подобнаго рода я не встрѣчалъ задержекъ въ пути, имѣлъ право требовать судебныя дѣла, принявшія бумажную форму и переданныя въ архивъ; имѣлъ право рыться въ этихъ архивахъ, на половину, правда, обездоленныхъ кѣмъ-то давно уже,—архивахъ, которые представляли безпорядочную, пыльную груду и которые во многихъ мѣстахъ находилъ я въ сырыхъ подвалахъ и ямахъ подъ колокольнями; въ другихъ не находилъ вовсе: архивы или сгорѣли отъ пожара, или утрачены по неизвѣстнымъ причинамъ, которыя даже не сохранились и въ преданіяхъ:—словомъ, все то, что зависѣло отъ мѣстныхъ властей и самыхъ простыхъ и легкихъ пріемовъ, для меня было доступно. Но за то все то, что составляло для меня самой живой интересъ, что обѣщало поучительную жатву—передо мною замыкалось, отъ меня сторонилось.

Внѣшняя, обрядовая сторона дѣла давалась просто, безъ малѣйшихъ препятствій. Легко замѣчалось то, что бросалось въ глаза и преслѣдовало потомъ много разъ. Но оставался внутренній бытъ, оставалась самая важная сторона дѣла. Передо мною становилось существо мыслящее—человѣкъ съ его убѣжденіями, религіей, вѣрованіями, съ его, пожалуй, суевѣріями, предразсудками; становился цѣлый міръ предо мною, и міръ богатый и интересный.

Но отчего первые шаги ваши неуспѣшны, первые пріемы поражаютъ безнадежностью? Приступаете вы къ существу этому съ полнымъ уваженіемъ, съ честнымъ, незлобивымъ помысломъ, съ вѣрою въ святость своего дѣла и неприкосновенную святыню этого существа, исповѣдникомъ, рѣшителемъ тайнъ котораго вы теперь становитесь. При первыхъ же попыткахъ вашихъ вы видите, что существо это замыкается, какъ улитка въ раковину. Между вами становится стѣна, какая-то преграда; какой-то злой духъ мрачитъ пространство между вами и превращаетъ его въ непроходимую, глубокую бездну. Нѣтъ исхода: ваша роль измѣняется; вы поставлены въ положеніе человѣка, къ которому не имѣютъ вѣры, котораго боятся, котораго считаютъ предателемъ и еще, чего хуже—фискаломъ...

Тяжелѣе этого нравственнаго удара, неизбѣжнаго для меня и въ этомъ случаѣ, какъ бывало и прежде, я представлять себѣ инаго не могъ. Та же самая замкнутость при разговорахъ встрѣчала меня и въ Архангельской Губерніи, какъ нѣкогда во Владимірской. Крестьяне-поморы, зная о моемъ открытомъ листѣ, успѣли уже дать мнѣ прозваніе «большаго начальника». Много случаевъ припоминается мнѣ на этотъ разъ, но приведу болѣе рѣзкій и памятный. Какъ теперь вижу огромную толпу печорцевъ, разсѣявшихся у крыльца моей отводной квартиры въ деревнѣ Великовисочной. На всѣ мои просьбы никто не входилъ въ избу, и когда уже я, въ безуспѣшности дѣла, садился въ сани, чтобъ ѣхать въ Пустозерскъ, всѣ они мгновенно скинули шапки. Когда же сани мои тронулись съ мѣста, изъ толпы, вслѣдъ за мной, полетѣло наивное замѣчаніе какого-то старика:

«Семьдесятъ годовъ живу на свѣтѣ, а начальника съ бородой не видывалъ«.

Въ большей части случаевъ я поставленъ былъ въ такое положеніе (противъ собственнаго желанія и воли), изъ котораго былъ прямой исходъ—простыя наблюденія того, что̀ металось передъ глазами: положеніе легкое, но незавидное; пріемы простые, но безуспѣшные. Въ избу крестьянина войти легко: гостепріимство и хлѣбосольство—наша племенная честь и гордость: «Милости просимъ, войдите!»

Вы осматриваете избу: изба опрятная и чистая; какъ-будто только сейчасъ для гостя прибранная. Вонъ, въ переднемъ углу тябло съ божьимъ милосердіемъ, въ заднемъ углу огромная печь; надъ кутомъ палати, кругомъ лавки; столъ, скамейка... Смотрите на картинки, которыя въ послѣднее время особенно часто выставляютъ наши художники въ залахъ академіи; обойдите всю Россію — одно и то же. Богаче народъ—домы опрятнѣе, но измѣненій немного. Эти измѣненія бросятся въ глаза только тогда, когда пойдете путемъ сравненія отъ первообраза русскихъ избъ — малороссійскихъ мазанокъ(которыя только-что успѣли замѣнить собою шатеръ, юрту, чумъ, шалашъ, кочевую кибитку), дойдете до бревенчатой, тѣсной и какой-то сиротливо-утлой избы крестьянъ черноземной полосы Россіи и до богатаго двухъэтажнаго дома вятскихъ, сибирскихъ и поморскихъ крестьянъ. Осмотритесь кругомъ дома: деревня похожа на всѣ сотни тысячъ деревень въ Россіи: избы рядами, всегда почти кривыми; бани на выѣздѣ; овины на задворьяхъ; въ селѣ—церковь; въ деревнѣ—часовня... Осмотрите костюмъ — то же самое; путемъ сравненія уйдете отъ рубахи до свиты, до азяма, армяка, поддёвки и наконецъ до цивилизованной сибирки, но найдете неизмѣнную подпояску на животѣ подъ грудью кушакомъ, или поясомъ, на груди крестъ. Подробность, роскошь наблюденій доведетъ васъ, можетъ-быть, до того, что вы замѣтите, что шапка съ развальцемъ и широкимъ днищемъ—новгородка, постепенно узится къ Москвѣ, переходитъ подъ Москвою въ форму гречневика и у рязанца и тамбовца является кувшиномъ съ перехватомъ по серединѣ, перевязаннымъ ленточкой. Найдете, можетъ-быть, что тамбовскій мужикъ носитъ подпояску низко, рязанскій — криво, щеголь-ярославецъ по срединѣ живота, костромичъ завываетъ узелъ подпояски почти на серединѣ груди.

Словомъ, вы убѣждаетесь, что внѣшняя часть дѣла чрезвычайно проста и доступна, да и о ней такъ уже много писано, что тутъ особенно-важныхъ и трудныхъ работъ ожидать нельзя. Попадете къ свадьбѣ: увидите и смотрины, и рукобитье, и сватанье, и дѣвишникъ, и поѣздъ, и красный столъ. Случатся похороны—тамъ то же все передъ глазами. Случатся крестины—опять то же. Случайность пріѣзда во́-время и на-счастье можетъ одной недѣлей обезпечить на долгое и подробное дѣло. Прожить годъ (*и непремѣнно всѣ четыре времени года*), можно смѣло поручиться себѣ въ усвоеніи внѣшной стороны несложнаго крестьянскаго дѣла.

Но обращаюсь къ собственному дѣлу въ Поморьѣ. Вспоминается и просится на перо еще одинъ случай.

Я пріѣхалъ въ одну изъ деревень кемскаго поморья. Прозваніе «большаго начальника» привезено уже было вмѣстѣ со мною ямщикомъ съ прежней станціи. Въ комнату мою добровольно собралось тотчасъ же человѣкъ двадцат крестьянъ. Они не ушли на дальный океанъ за промысломъ трески, по причинѣ крайней своей бѣдности и бездолья, причиненныхъ прошлогоднимъ крейсерствомъ англо-французскаго флота около береговъ Бѣлаго Моря.

Крестьяне эти собрались для того, чтобы, по обыкновенію, пожаловаться на свое бездолье, на трудную жизнь, на притѣсненія мѣстнаго земскаго и палатскаго начальствъ. Я поспѣшилъ объяснить имъ главную цѣль моей поѣздки—крестьяне недовѣрчиво посмотрѣли на меня. Я приступилъ къ разспросамъ—крестьяне упорно молчали. Я повторилъ просьбу и желаніе свое узнать, какую они ловятъ рыбу.

— Кто ловитъ? спросилъ наконецъ одинъ изъ крестьянъ, видимо самый бойкій изъ всѣхъ.

— А вы-то!—послѣдовалъ мой отвѣтъ.

— Мы-то?

— Да.

— То-ись?...

— Какую рыбку ловите, чѣмъ и когда?

— Рыбку-то ловимъ?

— Да.

— Всякую рыбку ловимъ.

Слѣдуетъ молчаніе долгое и мучительное. Я принужденъ былъ повторить вопросъ:

— Какую же именно, какой сортъ?

Послѣдовали опять тѣ же тоскливые, уклончивые вопросы, съ которыхъ началась бесѣда. Привелось мнѣ самому стать въ положеніе отвѣтчика вмѣсто того, чтобъ задавать имъ вопросы. Съ великимъ трудомъ и послѣ многихъ усилій удалось мнѣ допроситься отвѣта, и то, вѣроятно, опять-таки отъ самаго бойкаго изъ нихъ:

— Рыбку мы ловимъ такую, какую намъ Богъ пришлетъ, а море принесетъ. Такую-то вотъ мы рыбку и ловимъ.

За отвѣтомъ этимъ слѣдовало опять повтореніе прежнихъ уклончивыхъ отвѣтовъ, обращенныхъ въ формѣ вопроса ко мнѣ же самому. И опять отвѣтъ самаго бойкаго:

— Ловимъ мы рыбку снастями: сѣти такія живутъ...

— Какія же это сѣти?

— А всякія бываютъ.

— А именно?

— Чего?

— Какія же сѣти-то бываютъ, какъ называются?

— Чего называются?

— Сѣти-то.

— Сѣти-то?

— Да.

— А вотъ хоть бы къ примѣру, гарва.

— Слава Богу! Это что же такое?

— А гарва—сѣть, значитъ, такая...

— Ну, дальше.

— Чего дальше?

Инаго исхода я уже не видѣлъ изъ этой цѣпи вопросовъ, какъ отправиться самому на берегъ моря и лично посмотрѣть на сѣти и попросить указать ихъ примѣненіе.

Со мной отправилось трое, вѣроятно, избранныхъ, болѣе-опытныхъ и умѣлыхъ въ уклончивыхъ отвѣтахъ. Здѣсь мнѣ удалось наконецъ простымъ и дешевымъ личнымъ наблюденіемъ достигнуть своей цѣли. Но вызвать крестьянъ на откровенную бесѣду я не могъ при всѣхъ усиліяхъ.

Возвращаясь въ деревню, я услышалъ отъ троихъ моихъ спутниковъ слѣдующую просьбу:

— Батюшко, ваше сіятельное превосходительство! не пиши ты этого: можетъ, и сболтнули мы тебѣ чего неладнаго. Не погуби ты насъ, сдѣлай милость! Намъ ужь эти писанья очення непріятны и отъ своихъ-то! Мы, вѣдь, ужь больно просты: извини ты насъ!... прости ради-Христа и соловецкихъ угодниковъ!

Мнѣ хотѣлось собрать нѣсколько свѣдѣній о бытѣ раскольниковъ, особенно-интересныхъ въ томъ краю, и для этого приступилъ къ предварительнымъ разспросамъ.

— Вы ничего не узнаете, говорили мнѣ всѣ въ одинъ голосъ смѣло и откровенно.

— Почему же?

— Они вамъ ничего не скажутъ.

— Но для этого можно найдти средства. И отчего же, напримѣръ, не попытаться?

— Напрасенъ будетъ трудъ вашъ; печальна попытка.

— Но отчего же вы такъ думаете? почему вы это знаете?

— Потому-что раскольники знаютъ уже, что къ нимъ ѣдетъ чиновникъ изъ Петербурга, который станетъ ихъ разспрашивать, всѣ разспросы свои записывать и потомъ печатать. Раскольники знали о вашемъ пріѣздѣ гораздо-раньше насъ, людей офиціальныхъ. Мы получили печатный указъ губернскаго правленія ровно чрезъ три недѣли послѣ того, какъ одинъ изъ нашихъ главныхъ ересіарховъ показывалъ намъ письменную копію съ этого указа.

Впослѣдствіи я заходилъ въ одинъ скитъ—меня не пустилъ парень, помѣстившійся на крыльцѣ съ дубиной; останавливался я въ домахъ раскольниковъ—хозяева суетливо прибирали всѣ вещи, книги; оглядывали всѣ углы, шкапы, всѣ ящики въ столахъ...

Бо̀льшій привѣтъ, радушіе и словоохотливость встрѣчалъ я въ крестьянкахъ. Простыя русскія женщины, какъ извѣстно, почти единственныя хранительницы всей массы старыхъ преданій и вѣрныя поборницы всевозможныхъ суевѣрій и предразсудковъ. Робость съ перваго раза скоро переходитъ у нихъ въ крайнюю откровенность и замѣчательную словоохотливость послѣ того, какъ успѣешь посильно объяснить имъ, что разспрощикъ ихъ не врагъ и супостатъ, котораго надо окуривать ладаномъ или вспрыскивать богоявленской водой. Отъ нихъ я слышалъ тогда и свадебныя, вечеринковыя, хороводныя и похоронныя пѣсни, и стихотворную старину или сказку. Въ ихъ рѣчи чаще удавалось мнѣ услышать пословицу, поговорку, присловье По женскимъ рѣчамъ я наслѣживалъ и оттѣнки мѣстнаго говора, узнавалъ многія примѣты по звѣдамъ и по погодѣ, слышалъ чѣмъ лечится цынга, икота и комоха, какимъ заговоромъ останавливается кровь, вытирается изъ тѣла стрѣлье, какимъ *замкомъ* изгоняется бѣсъ изъ міряка и кликуши-икотницы. Отъ бабъ же узнавалъ я и всѣ мельчайшія подробности нашей довольно-сложной демонологіи: какой норовъ и повадка у чортова отродья, лѣсовика-лѣшаго, у водяного, домоваго, русалки-чертовки; когда слетаетъ на землю огненный змѣй; зачѣмъ ходитъ по деревнямъ кикимора и нарождаются на свѣтъ семь дщерей иродовыхъ—злыхъ сестеръ-лихоманокъ. Съ бабьихъ же словъ мнѣ удалось составить народный календарь на цѣлый годъ. Непадкія и некорыстныя на денежное вознагражденіе, неимѣющія даже почти никакого понятія о существующемъ курсѣ, простыя русскія женщины довольствовались грошикомъ на свѣчку, пятакомъ или семиткой на просвирку.

Изъ этихъ бабъ вспоминается мнѣ одна, свѣжѣе и болѣе другихъ. Еще раньше я слышалъ про нее, какъ про мастерицу пѣть пѣсни и знавшую много старинъ, стихотворныхъ историческихъ сказаній. Раннимъ утромъ пріѣхалъ я въ ту деревню, гдѣ жила она, именно въ Калгалакшу. Ко мнѣ явился старшина, бравый такой, ловкій!

— Знаешь такую-то мастерицу?

— Тётка Анна, отвѣчаетъ онъ.

— Узнай, пожалуйста, дома ли она? И если спитъ—не буди! (Перепугаетъ, думаю старуху: испортитъ дѣло).

— Не стучи у ней, не сбивай, какъ подводу.

(Ошеломитъ старуху—остатки памяти растеряетъ).

Далъ онъ мнѣ слово поступить по моему совѣту, но сдѣлалъ таки совсѣмъ по-своему. Не больше, какъ чрезъ четверть часа передъ моими окнами показался и онъ, старшина съ палкой, и она плелась, опустивъ внизъ голову, наскоро и криво покрытую платочкомъ: видно неумытая, съ неприбранными волосами, видно, сейчасъ и съ крикомъ поднятая съ постели къ начальнику. Вошла она робко, отвѣсила поясной поклонъ разъ, два и три, и остановилась въ углу у дверей, словно приговоренная къ смерти, словно овца, приведенная на заклапіе. Жаль мнѣ ее стало и больно! Испортилъ мнѣ дѣло старшина, но дѣлать было нечего.

Я обратился къ ней съ просьбой пропѣть пѣсню. Она отказалась незнаніемъ.

— Вретъ,ваше благородье! лютая пѣть!—объяснялъ старшина.

— Ты, старшина, не пугай ее; а ты, бабушка, не бойся. Я тебѣ за это денегъ дамъ.

— Какія, ваше благородье, деньги? по начальству пѣть должна. Поетъ же, вѣдь, безъ денегъ другой разъ.

— Я прошу тебя не мѣшаться! А ты, бабушка, сядь, обогрѣйся!

Старуха низенько поклонилась, но не сѣла.

— Чайку не хочешь ли?

Опять слѣдовалъ низкій поклонъ и ни слова въ отвѣтъ.

— Чашница, ваше благородье. Не станетъ.

— Напугалъ тебя старшина-то, баушка! Чудакъ, вѣдь, онъ. Я про тебя много слышалъ: всѣ тебя хвалятъ. Хотѣлось бы твоихъ пѣсенъ послушать. Ничего, кромѣ спасиба, сдѣлать тебѣ не могу.

Поддержалъ меня старшина, поддержали ямщики старый и новый: старуха какъ-будто отогрѣлась и вымолвила:

— Пѣть велишь, али такъ сказывать?

— Какъ хочешь, какъ самой лучше и легче.

Старуха запѣла. Пѣла она незнакомую мнѣ новгородскую старину про Романа Митріевича млада. Пѣла потомъ сонъ Мати-Маріи, про Ивана Грознаго, про Егорья-свѣта Храбра, про Алёшу Поповича, Чурилу Пленковича и проч. Пѣла и говорила, и охотно потомъ и смѣло. Ушла, наконецъ, отказавшись отъ всякаго вознагражденія. Черезъ часъ уже, когда я снова собрался въ дорогу, явилась моя хозяйка съ такимъ сказомъ:

— Баушка-та, что давѣ тебѣ старины пѣла, чайку у тебя щепоточку попросить наказываетъ, да сахарку два кусочка.

Кемскія дѣвки, во время ѣзды нашей на карбасѣ по морю, охотно пѣли мнѣ пѣсни, но не хотѣли ихъ диктовать, когда я принялся за перо и бумагу. Я прибѣгнулъ къ хитрости. На мое счастье отливъ, не допустивъ насъ до берега, посадилъ часа на два на мель, верстахъ въ двухъ отъ пристани. Начался довольно-бойкій дождь: мнѣ хорошо было въ будкѣ, гдѣ я засвѣтилъ себѣ свѣчку; скверно было дѣвкамъ на лавочкахъ. Онѣ стали проситься ко мнѣ. Я согласился пустить ихъ, но подъ условіемъ контрибуціи по пяти пѣсенъ съ горла:—и тридцать пѣсенъ успѣлъ записать до того времени, пока прибылая вода не подняла нашего карбаса и допустила насъ до пристани.

Была еще для меня одна надежда въ послѣдовательности моихъ работъ и распросовъ на духовенство, но духовенство архангельской эпархіи на большую половину свою не удовлетворяло меня, не давало отвѣта. Поставленные во враждебное положеніе почти ко всему поморскому люду, который крѣпко придерживается старой вѣры и раскола, священники сообщали мнѣ мало, почти ничего. Отъ тѣхъ же священниковъ, паства которыхъ не была подвержена расколу, я, по несчастію, слышалъ немногое. Мнѣ удавалось узнавать отъ нихъ подробности нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядовъ, и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, обязательными свидѣтелями которыхъ священники становилися по прямому своему долгу и обязанности. Кое-что разсказывали они о суевѣрныхъ обрядахъ, но и то въ большей части о тѣхъ, которые или прямо противорѣчили уставамъ православной церкви или были указаны предписаніями мѣстнаго эпархіальнаго начальства. Ни повѣрій, ни суевѣрій, ни всего, чѣмъ существуетъ и живетъ внутренній бытъ нашего крестьянина, священники въ большинствѣ своемъ не знали. Понимая одну только схоластическую сторону своего дѣла, они какъ-будто съ омерзеніемъ отворачивались отъ всѣхъ особенностей и отступленій въ понятіяхъ и жизни крестьянина, которыя противорѣчили смыслу и понятіямъ, принесеннымъ священниками съ семинарской скамьи.

«Не только запоминать, но омерзительно даже слушать и видѣть самому все то, чѣмъ злой духъ-дьяволъ, врагъ человѣческій изъ вѣковъ, опуталъ въ коварствѣ своемъ умы нашихъ поселянъ.»

Вотъ отвѣтъ, который мнѣ не одинъ десятокъ разъ доводилось слышать отъ сельскихъ священниковъ. Съ другой стороны, они были щедры на сообщеніе тѣхъ свѣденій, которыя относились ко внѣшнему быту крестьянина и его сельскимъ работамъ, къ числу и времени деревенскихъ праздниковъ, къ праздничнымъ обрядамъ и обыкновеніямъ—словомъ, ко всему тому, что достается легче, простымъ нагляднымъ наблюденіемъ. Къ томуже, почти всѣ сельскіе священники обязаны тѣми же работами и заботами, которыя несутъ и крестьяне наши. На вечеринки и къ хороводамъ доступъ священникамъ запрещенъ приличіемъ и значеніемъ самаго ихъ сана.

Попадьи могли еще сообщать мнѣ многія пѣсни свадебныя; сказывали нѣкоторыя деревенскія сплетни (частности, рѣдко пригодныя къ дѣлу), сообщали многое и въ замѣчательной подробности о крестьянской кухнѣ, и то потому, естественно, что попадья на всѣхъ праздникахъ почетная гостья, и потому, наконецъ, что она—та же крестьянская баба, родившаяся въ той же деревнѣ, воспитанная въ тѣхъ же правилахъ и убѣжденіяхъ, и попадья она отъ того только, что жена попа.

Надо было много испытаній, много труда и терпѣнья, чтобъ войдти въ довѣріе тѣхъ лицъ, отъ которыхъ ждалъ я поученія и нравственной пищи; много надо пускать въ ходъ всякихъ пружинъ, чтобъ оправдать себя въ глазахъ крестьянъ и разсѣять подозрѣнія и опасенія всякаго рода. Но, разъ добившись этого права, можно смѣло ручаться за непремѣнный успѣхъ дѣла. Откуда бралась и откровенность и словоохотливость, и долгіе подробные разговоры, которыми счастливили меня и на Печорѣ, и на Терскомъ и на Поморскомъ берегахъ Бѣлаго моря, на Двинѣ, Мезени и Пинегѣ. Я платилъ крестьянамъ деньги по уговору, платилъ деньги послѣ разсказа, въ благодарность за сообщенное и уже безъ всякаго договора. Хотѣлось ли мнѣ записывать пѣсни, я сначала пѣлъ самъ одну, другую и третью, хвалилъ свои пѣсни и, незамѣтно возбуждая зависть, а затѣмъ соревнованіе, слушалъ потомъ лучшую пѣсню туземную, мнѣ неизвѣстную. Хотѣлось мнѣ сказки—я разсказывалъ свою и далѣе слушалъ уже или ея варіантъ или новую сказку. Разсказами множества анекдотовъ я почасту доходилъ до понятій и убѣжденій крестьянина о чиновникѣ, о попѣ, и купцѣ и проч., и слышалъ отъ нихъ, въ свою очередь, подобные же разсказы, анекдоты, бывальщины и случаи, всегда чрезвычайно-характерные и поучительные...

Для третьяго систематически-обставленнаго и обдуманнаго мною путешествія по губерніямъ черноземной полосы Россіи, гдѣ преимущественно приводилось имѣть дѣло съ торгующимъ классомъ и на рынкахъ, я рѣшился пустить въ дѣло русскій костюмъ торговца средней руки. Костюмъ состоялъ изъ поддёвки такъ-называемаго сѣронѣмецкаго сукна со складками на поясницѣ, съ боковъ и сзади, высокихъ до колѣнъ сапогъ, мерлушичьей шапки и романовской овчинной шубы па плечахъ. Торговецъ въ прямыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьяниномъ: они въ постоянной дружбѣ и во взаимныхъ обязательствахъ: одинъ сбываетъ излишное, другой даетъ за то чистыя деньги. Связь эта и поразительна и несомнѣнна. И мелкій торгашъ, обманывая крестьянина, понимающаго его плутни, все-таки остается его другомъ и оттого, что торговецъ не ушелъ далеко въ своихъ понятіяхъ отъ своего побратима и оттого опять, что у крестьянина нѣтъ уже инаго друга и искать ему таковаго положительно негдѣ.

Такъ думалъ я, въ оправданіе своей новой выдумки, замаскироваться русскимъ костюмомъ торговаго человѣка, простымъ и удобнымъ при постоянныхъ дорожныхъ передвиженіяхъ—и не ошибся. Въ пять мѣсяцевъ я успѣлъ выполнить заранѣе-предначертанную себѣ программу и все то, на что, по крайнимъ разсчетамъ, полагалъ я годъ.

Выбирая мнѣ родъ занятій по своимъ соображеніямъ, крестьяне не считали меня ни бариномъ, ни начальникомъ, ни управителемъ, ни земскимъ, раскрывали мнѣ такую бездну подробностей, которыя являли иной міръ, невѣдомый, интересный до мельчайшихъ подробностей, хотя и возмутительно-печальный, крайне-несовершенный.

Особенныхъ невыгодъ и непріятностей костюмъ этотъ не принесъ мнѣ нигдѣ. Приплачивалъ я лишніе прогоны на тѣхъ трактахъ, гдѣ не установился правильно-устроенный проселочный путь, неполучившій еще прозванія купеческаго, задерживали лишніе часы на почтовыхъ станціяхъ, требуя двойныхъ прогоновъ, да гораздо-позже потомъ и уже въ кофейной московскаго Большаго Театра не пустили-было меня въ курильную комнату, требуя, чтобъ я снялъ кушакъ, и именно одинъ только кушакъ, и оставилъ его, какъ галоши, на сохраненіе. Но за-то до гробовой доски не забыть мнѣ лучшихъ, счастливыхъ минутъ моей жизни, которыми подарили меня вятскіе крестьяне Яранскаго уѣзда. Коротенькая бесѣда, имѣвшая предметомъ нѣкоторые эпизоды изъ русской исторіи, бесѣда, затѣянная съ вечера для хозяевъ, привела въ мою квартиру на другой день большую половину деревни съ разспросами и просьбою «поговорить о хорошомъ». Поздно вечеромъ собрался я выѣзжать оттуда дальше. Сталъ прощаться съ хозяевами и слушателями. Одинъ старикъ долго смотрѣлъ мнѣ въ лице и закачалъ головой:

— Не питерской ты купецъ, хоть ты и говорилъ вчера. Не вѣрю я, хоть ты и опять то же сказывай.

— Какой же, по твоему положенію?

— Да что хошь, а человѣкъ ты не питерской.

— Почему же тебѣ такъ кажется?

— Да не сталъ бы ты такъ толковать съ нами долго. Ты либо изъ Москвы, либо откуда поближе.

— По рѣчи, что ли, ты полагаешь такъ, или по другой какой причинѣ?

— И по рѣчи по твоей, и по охотѣ твоей къ разговору; да и много ты намъ занятнаго такого сказывалъ.

— Учился, дѣдушко, оттого и сказывалъ. Не затѣмъ, вѣдь, учился, чтобъ про себя держать. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

— Да вѣдь это, братъ, тоже человѣкомъ: изъ инаго коломъ не вышибешь, а и знаетъ, сказываютъ, много. Возьми ты, вонъ, нашихъ купцовъ...

— Да, можетъ, не спрашивали?

— Пытали и спрашивать, и все дѣлали. Ну, да мы тебѣ за это такую тройку обрядили, что слободскіе купцы на такихъ лошадяхъ изъ нашей деревни не выѣзжали, да и не выѣдутъ никогда.

Въ саняхъ своихъ нашелъ я буракъ съ пивомъ, кулекъ съ пирогами и жареной живностью. Ямщикъ ни за какія просьбы не соглашался взять съ меня ни на водку, ни прогонныхъ денегъ, отвѣчая на всѣ настоянія:

— Старики не велѣли. Узнаютъ—заклюютъ...

— Не узнаютъ, не откуда.

— Самъ промолвлюсь, здѣшнихъ спросятъ—скажутъ. Да я и самъ не желаю того—Христосъ съ тобой...

Русскій костюмъ торговаго человѣка указалъ мнѣ многое, до чего трудно и почти-невозможно добиться инымъ путемъ. Вотъ какое онъ далъ мнѣ поученіе и къ какимъ привелъ результатамъ.

Наши кабаки—эти народные клубы, откуда, по пословицѣ, идетъ весь мірской толкъ и разумъ—одно изъ важныхъ и живыхъ подспорій для изслѣдователя. Здѣсь русскій простой человѣкъ *распоясывается*, чрезъ искуственное возбужденіе дѣлается крайне-откровеннымъ и разговорчивымъ. Сюда онъ несетъ и завѣтную вещь и завѣтную мысль. Не боясь внутренняго себя, онъ рѣшаетъ здѣсь легко и скоро то, что не рѣшить ему нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Пусть изслѣдователь забудетъ на это время о существованіи паркетовъ, на которыхъ такъ легко и удобно свидѣтельствовать передъ всѣми о своемъ знаніи и ловкой выправкѣ во всевозможныхъ иноземныхъ танцахъ; пусть онъ забудетъ на-время о портьерахъ и тѣхъ изящныхъ кабинетахъ и гостиныхъ, гдѣ такъ легко говорится всякой вздоръ и такъ удобно ничего не дѣлается, и пусть онъ смѣло, съ полною вѣрою въ себя и въ свое дѣло, идетъ въ кабакъ, который и на крестьянскомъ языкѣ получилъ названіе проклятаго мѣста: тутъ видится жизнь безъ подготовки, безъ хитрости, вся на-распашку; тутъ слышатся пѣсни, пѣсни веселыя, не тѣ, которыя, по счастливому выраженію одного изъ нашихъ поэтовъ:

> Намело съ полей мятелицей,
> Нанесло съ пожарищъ дымомъ-копотью,

а тѣ, въ которыхъ высказывается и бойко прыщетъ весь юмористическій складъ хитраго русскаго ума, вся его затаенная мысль, которая подъ-часъ дышетъ бѣшеной веселостью и всегда жаждетъ свободы, простора и воли. За дверями кабака русскій человѣкъ такихъ пѣсенъ не поетъ, какъ не высказываетъ своихъ сокровенныхъ помысловъ, не выдаетъ всего себя съ душой на ладони, съ сердцемъ за поясомъ, говоря словами его же поговорки.

Вотъ отчасти почему служащіе по питейнымъ откупамъ, такъ называемые кабашники, можно сказать, лучшіе знатоки крестьянскаго быта. Прямыя соотношенія, частыя столкновенія (въ большей части случаевъ заискивающія, нерѣдко враждебныя и всегда погибельныя) сдѣлали и самыхъ откупщиковъ замѣчательными знатоками крестьянскаго быта. Считаю излишнимъ входить въ объясненіе этихъ и безъ того уже осязательныхъ причинъ: успѣхи откуповъ исторически и безапелляціонно доказываютъ мою мысль.

Изъ остальныхъ безчисленныхъ классовъ и подраздѣленій нашего общества въ прямыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами два болѣе другихъ рѣзко-выдающіеся, болѣе замѣчательные, это — помѣщики и управляющіе имѣніями. Богатые живутъ среди столичныхъ развлеченій, между спектаклями и клубами, относятся къ крестьянамъ чрезъ посредство управляющихъ. Помѣщики средней руки, если и живутъ въ своихъ имѣніяхъ, то опять-таки не прямо и непосредственно относятся къ крестьянамъ, а чрезъ бурмистра, старосту и иныхъ деревенскихъ властей. Лучшіе изъ нихъ заявили себя печатно. Остальная часть оказалась несостоятельною. Мнѣ не привелось слышать отъ нихъ ничего. Много говорилось о псовой охотѣ, о похожденіяхъ по крестьянскимо посѣдкамъ, толковали о невозможности жить на крестьянскія деньги въ столицахъ и проч. Самые бѣдные помѣщики поражали меня, при бѣдности вь матеріальныхъ средствахъ, крайнимъ недостаткомъ образованія. Въ исключительныхъ случаяхъ дѣти этихъ помѣщиковъ давно уже не въ деревнѣ, а въ ученьи или на службѣ. Живущіе и обжившіеся на родномъ пепелищѣ отличаются тѣми же суевѣріями, держатся тѣхъ же предразсудковъ, какъ и крестьяне ихъ, отъ которыхъ они ушли весьма-недалеко. Для изслѣдователя около этихъ помѣщиковъ, тотъ же заповѣдный и зачурованный робостью и боязнью кругъ, въ который не пройти никакой пытливости.

Но за то важнымъ подспорьемъ, сильно-пособляющимъ средствомъ для изслѣдованій служитъ особый и весьма-поучительный классъ людей, который составляютъ управители имѣній. Грамотный управитель, если онъ не отставной солдатъ и не нѣмецъ, внесетъ въ дневникъ путешественника многое и охотно. Я былъ счастливъ не однимъ десяткомъ людей этого класса и рода занятій. Грамотный, а тѣмъ болѣе образованный управитель для этнографа—высокій, многоцѣнный кладъ; изъ-за него хлопотъ и ходьбы немного; изъ-за него только развѣ одна повѣрка, контроль его показаній, и то для окончательнаго успокоенія совѣсти. Солдатъ съ перваго шага изъ деревни и крестьянской избы въ городъ и въ казарму становится чуждымъ крестьянскаго, роднаго ему быта и его интересовъ, а съ производства въ унтерофицерскій чинъ онъ уже презираетъ крестьянина и именемъ «мужика» бранитъ всякаго рекрутика, переданнаго ему въ науку, всякаго солдата, нисшаго чиномъ и должностью. Отъ управителя-солдата ничего нельзя узнать, вопервыхъ, потому, что онъ самъ не привыкъ и не умѣетъ разсуждать и много думать, а вовторыхъ и, въ послѣднихъ, потому, что введеніемъ въ управленіе дѣлами крестьянъ строгой системы онъ успѣлъ отдалить и себя самого отъ крестьянъ и крестьянъ отъ себя. Управляющій изъ нѣмцевъ, по самому происхожденію, по плоти и крови и по многимъ другимъ причинамъ, совершенно-чуждъ крестьянскихъ интересовъ; рѣдкій изъ нихъ умѣетъ говорить по русски. Эти случайности явленій, въ большей части случаевъ, складывались такъ, что отъ управителей изъ нѣмцевъ я никогда не узнавалъ ничего. Говорилось объ агрономическихъ работахъ въ Германіи, въ остзейскихъ губерніяхъ, у меннонистовъ и сарептскихъ гернгуттеровъ, о новомъ плугѣ, изобрѣтенномъ въ Саксоніи, объявлялось, что русскій мужикъ «неопрятный, и лѣнивый, и грубый, и глупый», но и — только.

Перехожу изъ крестьянской деревни и отъ крестьянина въ городъ.

Въ городъ крестьянинъ везетъ свои достатки, въ городѣ живутъ покупатели и потребители имъ привезеннаго; въ городѣ крестьянинъ на судѣ и въ отвѣтѣ, въ городѣ живутъ власти его и начальники; тѣ и другіе, и купцы и чиновники, находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами; тѣ и другіе кладутъ на него свою долю вліянія, судя по степени важности этихъ двухъ классовъ. Присутствіе этнографа въ городѣ необходимо: онъ долженъ имѣть тамъ мѣсто; но какое?

«Конечно (скажутъ) рѣшительно-выгодное, замѣтно-легкое и лучшее: тутъ онъ въ средѣ цивилизованныхъ людей; тутъ онъ между своими, людьми одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ на вещи, одинаковаго образованія; тутъ уже его нечего бояться, не зачѣмъ его принимать за ревизора, нѣтъ причины считать его за фискала».

Такъ, рѣшительно такъ! отвѣчу я всѣмъ на эти предположенія, если только они составлены будутъ по логическимъ наведеніямъ и...

«Нѣтъ, положительно нѣтъ!» скажу я всѣмъ, кто любитъ и хочетъ правды, и уважаетъ практику.

Положеніе изслѣдователя-путешественника въ городскомъ обществѣ (будетъ ли то̀ уѣздное, будетъ ли то̀ общество губернскаго города), положеніе изслѣдователя здѣсь едва-ли не печальнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, и работы его идутъ медленно и тяжелѣе. Много причинъ этого обстоятельства просятся теперь на перо, но я назову изъ нихъ главнѣйшія.

При столкновеніяхъ моихъ съ городскимъ обществомъ мнѣ прежде и легче всего выясняются два класса людей: однихъ, которые привыкли *всего бояться*, и другихъ, которые *ничего не боятся*. Говорю такимъ образомъ, чтобъ скорѣе и проще сократить изложеніе моихъ положеній. Оба эти положенія я выясняю себѣ такъ: всего боится, во первыхъ, тотъ, который уже съ измалѣтства былъ напуганъ и запуганъ нерѣдко до того состоянія, въ какомъ мы видимъ деревенскихъ дурачковъ-баженивовъ, которые и неглупы по натурѣ и отъ рожденія, но такъ уже поставлены, что не смѣютъ вымолвить умнаго слова; у такихъ людей нѣтъ уже вѣры въ человѣка ему незнакомаго: это предрасполагающая причина его болѣзненныхъ припадковъ.

Такой человѣкъ боится своихъ родныхъ, своего лучшаго друга; онъ не довѣряетъ даже имъ и вѣритъ только въ себя самого, но и то не во всѣхъ случаяхъ жизни. Исключенія изъ этого рода людей—герои, люди историческіе. А между-тѣмъ-этотъ классъ людей, привыкшихъ всего бояться, лучшій, честнѣйшій классъ общества; это наши передовые люди. Наше время, и особенно начало пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія, преимущественно и значительно обогатились такими субъектами.. Вовторыхъ, боится всего тотъ, на совѣсти котораго лежитъ много неомытыхъ, неискупленныхъ грѣховъ, который покойно спитъ ночью, покоенъ душевно, пожалуй, и днемъ иногда, если только не омрачится горизонтъ того дня появленіемъ новаго лица не изъ того общества, не изъ тѣхъ кружковъ или, проще, *инкогнито-проклятое*, говоря словами гоголевскаго городничаго. Горе путешественнику, если судьба случайно поставила его въ положеніе этого проклятаго инкогнито! Тутъ много надо ему силы душевной и присутствія духа, чтобы перенести то нравственное оскорбленіе, которое не замедлитъ основаться на одномъ подозрѣніи. Крѣпкимъ и опытнымъ борцомъ надо быть ему тогда, когда послѣдуютъ всяческія козни и препоны, неизбѣжно-основанныя на этомъ подозрѣніи. Надо много опыта въ жизни, много общественныхъ знаній и смысла, чтобъ оборонить себя, перешагнуть черезъ всѣ пороги, рытвины и кочки, на которые всегда щедро-подозрѣвающее человѣчество. Такъ вотъ и слышится опять тотъ же гоголевскій городничій съ его простосердечною безсмертною рѣчью: «мало того, что пойдешь въ посмѣшище, найдется щелкоперъ, бумагомаратель, въ комедію тебя вставить, чина, званія не пощадить».

Въ этихъ случаяхъ почти всегда приходится, посыпавъ главу пепломъ и отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, уходить въ мѣста иныя, гдѣ больше свѣта, меньше мрака, больше людей, а не чиновниковъ. И счастливъ пытливый изслѣдователь, если обрѣтетъ одну душу сочувствующую, одно сердце, способное болѣть его болью, жить его интересомъ; и горе ему, если онъ попадетъ на тотъ классъ общества, у котораго нѣтъ страха, который привыкъ ничего не бояться и всѣхъ презирать. Онъ привыкнетъ, онъ скоро пойметъ, что тѣ люди, которые, свысока поднявъ голову, смотрятъ на другихъ, на все общество въ pince-nez—жалкіе, ничтожные люди, что ихъ содержаніе внутреннее столько же бѣдно, сколько богата ихъ внѣшняя обстановка—ихъ платье, ихъ кабинетъ, ихъ обѣдъ. Что они похожи на бутылку лимонадъ-газеса, который хлопаетъ и шипитъ, но приторно-сладокъ на вкусъ и скоро выдыхается. Авторитета ихъ не признавалъ никто, его не признаютъ теперь, вѣроятно, не будутъ признавать никогда Они—порожденія того изъ безчисленнаго множества классовъ нашего общества, который уже потерялъ свой кредитъ и упалъ въ глазахъ большинства. Тутъ этнографу поучиться нечему. Мимо!

Другіе люди небоязливы по своимъ различнаго рода связямъ; ихъ тоже мимо: пожива плохая! Третьи грозятъ внѣшнею силою, силою, обусловленною обычаемъ и многими другими предразсудками общественными и необщественными, но и ихъ мимо: и отъ нихъ пожива плохая!

Негдѣ уже искать людей общественныхъ, могущихъ приносить изслѣдователю пользу: всѣ они несостоятельны или сами-по-себѣ и отъ себя, или по причинамъ, *отъ нихъ независящимъ*.

Опять посыпай этнографъ главу пепломъ и бѣги изъ города или, сложа руки, опять углубляйся въ самого-себя и ищи въ себѣ-самомъ отвѣта, ищи того, чего не нашелъ въ людяхъ. Но вотъ раскладываются передъ нимъ приманки: всѣми цвѣтами радуги, гармонически-соединенными, обольщаютъ его глаза; всѣми мотивами лучшихъ композицій плѣняютъ его слухъ, очаровываютъ воображеніе, оковываютъ всѣ пять чувствъ внѣшнихъ. Выборъ отъ тебя зависитъ: слабый ли ты, или крѣпкій духомъ—докажи теперь! Вотъ проба; дѣлай любое: поддавайся приманкѣ, если ты не знаешь, что пѣсня сиренъ и до сихъ еще поръ оглашаетъ если уже не тридентское, то житейское море, и бѣги, и бѣги мимо и дальше, если ты помнишь, что и болотная топь прикрывается бархатистою зеленью, что и звѣрь боа предварительно прельщаетъ кролика красотою перелива цвѣтовъ и завлекательными изгибами своего тѣла, и потомъ уже пожираетъ его всецѣло. При такихъ условіяхъ увидишь ты только балы а съ ними decolté, разнородные танцы, много свѣчей по стѣнамъ, но мало свѣта и правды въ рѣчахъ всегда стереотипныхъ и всегда пустыхъ и заученыхъ. Пойдешь въ театры, если ты еще не убѣдился въ томъ, что только одна Москва всецѣло и частью Петербургъ въ исключительныхъ сюжетахъ способны питать твое эстетическое чувство и не возмущаютъ его безобразіемъ исполненія всегда при плохой обстановкѣ, еще при худшей постановкѣ и меньше чѣмъ посредственномъ исполненіи. Увидишь ты маскарады — породіи на тѣ, гдѣ уважается инкогнито, нѣтъ, стало-быть, мѣста сплетнѣ, которая особенно зла и безобразна въ провинціи...

Съ-тѣхъ-поръ какъ поднялось въ литературѣ знамя обличенія и множество повѣстей, разсказовъ и драматическихъ сценъ обличительнаго характера наполнило столбцы нашихъ газетъ и журналовъ, городское общество сдѣлалось замѣтно-доступнѣе. На новое и свѣжее лицо не смотрятъ уже съ предубѣжденіемъ и опасливо, какъ это было назадъ тому четыре или пять лѣтъ.

Приводя эти факты, я не могу и не имѣю положительнаго основанія выводить заключеній, которыя не могутъ быть законченными, а тѣмъ болѣе непогрѣшительными. Ограничиваюсь сообщеніемъ однихъ только фактовъ.

Благодѣтельныя послѣдствія гласности возъимѣли уже всю свою силу законную и положительную. Въ пройденномъ мною пути въ прошедшія лѣто, осень и зиму я уже имѣлъ счастіе видѣть многіе плоды ея. Въ губернскихъ и даже нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ мнѣ указывали на весьма многихъ, посвятившихъ свои досуги приготовленію обличительныхъ статей. Описаніе плачевныхъ послѣдствій, которыя въ большой части случаевъ постигаилавторовъ, не входитъ въ планъ моей бесѣды. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что у насъ еще создается только общественное мнѣніе. Имѣютъ ли къ нему уваженіе, даютъ ли ему вѣру и ходъ — вотъ вопросы, рѣшеніемъ которыхъ или, лучше, приготовленіемъ матеріаловъ занята въ настоящее время журналистика. Рѣшено пока немногое.

Что въ нашемъ обществѣ развито стремленіе къ общественности, ко взаимному сближенію, есть желаніе составлять кружки—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. А что наше общество еще до-сихъ-поръ не придумало положительныхъ средствъ къ своему развлеченію — это также истина. Существующія средства не состоятельны и въ большей части дышутъ тою же скукою, которая ихъ породила. Смотря съ этой стороны на общественную жизнь и на общественныя отношенія, мы увидимъ всегдашнія карты — лучшее пока развлеченіе, получившее у насъ право гражданства, развлеченіе, дальше котораго не шло современное человѣчество. Тамъ, гдѣ публичностъ вошла въ гражданскія узаконенія, гдѣ журнальная дѣятельность возбуждаетъ общее сочувствіе, гдѣ чтеніе газетъ — насущная потребность, общественное мнѣніе и судъ стоятъ впереди: его боятся и уважаютъ. Въ нашемъ обществѣ пока еще чтеніе беллетристическихъ статей — главное чтеніе. Вопросы наукъ, и преимущественно наукъ политическихъ, только недавно, съ легкой руки московскихъ журналовъ, стала возбуждать сочувствіе русскаго общества, сочувствіе, которое, къ-несчастію, господствуетъ только въ маломъ кружкѣ избранныхъ. Оттого въ провинціи нѣтъ обществъ, гдѣ бы въ литературныхъ чтеніяхъ находили и пищу, и развлеченіе; оттого въ губерніяхъ на театральныя представленія смотрятъ, какъ на простое развлеченіе отъ-нечего-дѣлать, идутъ туда посмѣяться и на сцену смотрятъ какъ на средство, помогающее въ извѣстныхъ случаяхъ пищеваренію; оттого-то и на самой сценѣ господствуетъ изумительная безсмыслица, изъ цѣпи скандаловъ, грязно-двусмысленныхъ выраженій, безсмыслица, озаглавленная именемъ водевиля; оттого-то и успѣхъ французскихъ мелодрамъ со множествомъ нелѣпостей, неожиданностей и эффектовъ, которые пугаютъ дѣтей и ласкаютъ слухъ взрослыхъ, не западая въ душу. Къ-тому же недостатокъ образованія, бѣдность дарованій, преимущественно въ женскихъ сюжетахъ, дѣлаютъ то, что всѣмъ русскимъ городамъ, исключая столицъ, приводится видѣть не театральныя, а балаганныя представленія. Не буду говорить о балахъ, которые больше, чѣмъ гдѣ-либо обездоливая супружескіе и родительскіе карманы, больше, чѣмъ гдѣ-либо, дышутъ въ провинціяхъ натянутостью, скукою, бездѣльностью:—словомъ, всѣмъ тѣмъ, что ясно свидѣтельствуетъ о замѣчательной несостоятельности, какъ-будто даже племенной неподготовкѣ нашей веселиться общественно и объ умѣньи составлять лучшія свои компаніи только для выпивки, какъ остроумно и давно замѣчено однимъ изъ нашихъ писателей.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, приводятъ насъ къ тому положенію, что путешественнику-изслѣдователю и въ городскомъ обществѣ трудно находить данныя и подходить къ конечнымъ, разумнымъ результатамъ. Здѣсь онъ видитъ распаденіе цѣлаго на части, многочисленныя части, за неимѣніемъ общаго интереса и общественной связи; видитъ онъ лицъ служащихъ, взаимныя отношенія которыхъ держатся или на степени ихъ административнаго значенія, или на кровномъ родствѣ и почти никогда на душевномъ сочувствіи и родствѣ идей и убѣжденій; видитъ купцовъ, которые въ высшихъ слояхъ своихъ потянулись за дворянствомъ; или подражаютъ тому же чиновничьему быту: стало-быть, въ рѣдкихъ исключеніяхъ, самобытны и интересны. Въ низшихъ слояхъ своихъ купечество представляетъ интересъ и значительно-большій и существенно-важный. Тутъ вѣра въ преданія и обычаи отцовъ свято соблюдаются и почитаются. Наше купечество, необладающее крупными капиталами — единственный классъ, въ которомъ доводится наслѣдить особенности мѣстнаго, туземнаго колорита; только одни они и самобытны и отъ того, что независимы, и отъ того, что заключены въ кругъ занятій неизбѣжно-требующихъ ежедневныхъ работъ и ежечаснаго наблюденія. Классъ этотъ (въ рѣдкихъ исключеніяхъ замкнутъ, и то только въ купцахъ-раскольникахъ) — классъ этотъ интересенъ и по патріархальности своихъ вѣрованій и именно по тому, что въ немъ сохраняется всецѣло русскій человѣкъ, со всѣми его доблестями и слабостями Наше купечество дало уже возможность А. Н. Островскому наслѣдить складъ русскаго ума и сердца, всѣ мелкія особенности и весьма иногда мелкія подробности ихъ приложеній къ практикѣ, къ семейному быту, къ общественнымъ условіямъ и проч. Здѣсь Русь настоящая, та Русь, до которой не коснулась нѣмецкая бритва, на которую не надѣли французскаго кафтана, не окормили еще англійскимъ столомъ.

Переходя отъ купечества къ торгующимъ мѣщанамъ, даже крестьянамъ, изслѣдователь не увидитъ особенной разницы: дѣло будетъ состоять не въ общихъ чертахъ, а только въ дальнихъ и мелкихъ подробностяхъ. Подробности эти бросаются въ глаза вездѣ, гдѣ угодно: на базарѣ, на рѣчной пристани, у ярмарочныхъ балагановъ и проч. Дробность этого класса на множество оттѣнковъ объяснена географически, искать нетрудно. Въ южныхъ, подмосковныхъ губерніяхъ живетъ народъ, исключительно-занятый хлѣбопашествомъ; отсюда на ливенскихъ, елецкихъ, моршанскихъ и другихъ базарахъ толчется плутъ-перекупщикъ или сводчикъ, прозванный кулакомъ; отсюда въ южныхъ уѣздахъ Тверской и Псковской губерній, гдѣ производится торгъ льномъ

—булыня, тотъ же перекупщикъ. Владимірская губернія, обездоленная песчаною и неплодородною почвой, породила домашнія работы, и отсюда въ Шуйскомъ уѣздѣ—фабричный уродъ изъ простаго добраго народа нашего, пятно на честномъ его имени, фабричный—воръ, пьяница и развратникъ; отсюда въ Вязниковскомъ и Ковровскомъ уѣздахъ — богомазы-иконописцы, а вслѣдствіе того, и офеня-ходебщикъ, разнощикъ образнаго товара; въ Муромскомъ уѣздѣ—извощикъ, изъ Ярославля—половой, въ Архангельскѣ—рыбакъ и промышленникъ морскаго звѣря, изъ рязанскаго села Дѣднова—цаловальникъ, изъ Углича—колбасникъ, изъ Кимвровъ—сапожникъ, изъ Чухломы—маляръ, изъ Галича—плотникъ, изъ Ростова—огородникъ, изъ Романова—шубникъ и пр. и пр.

Остается мѣщанинъ, котораго можно было бы назвать городскимъ крестьяниномъ, еслибъ онъ не стоялъ въ той средѣ, которая зовется городскимъ обществомъ, еслибъ онъ, отставши отъ крестьянства и хлѣбопашества, не тянулъ къ купечеству и ремесламъ, еслибъ онъ, словомъ, не былъ мѣщанинъ. Классъ этотъ мало еще до-сихъ-поръ подвергался изслѣдованію; его отчето-то обѣгали, несмотря на всю его доступность. Классъ этотъ представляетъ столько же много интереса, сколько въ то же время поражаетъ своимъ конечнымъ бездольемъ, незавидною и, въ большей части случаевъ, бѣдною, внѣшною обстановкою своего быта (если только онъ не превратится изъ мѣщанина въ купца). Мѣщане неторговыхъ и непромышленныхъ городовъ — тѣ же крестьяне, только бѣдные и въ большей части случаевъ разоренные, и разоренные отъ того, что они уже не крестьяне, а горожане. Отсюда отчасти идутъ и всѣ тѣ пороки, выходятъ и всѣ тѣ негодяи, которые ложатся пятномъ на имя простаго (и настоящаго) русскаго люда; изъ мѣщанъ: и кулакъ, и всякій другой перекупень, лошадиной барышникъ, съ кнутомъ въ рукахъ, съ ложною клятвою на устахъ и съ подлымъ намѣреніемъ въ сердцѣ, барышникъ, готовый обмануть и крестьянина-продавца, и ремонтера-покупателя, вездѣ: и въ Лебедяни, и въ Ростовѣ, и въ Ромнахъ, и на Коренной. Мѣщане же въ подгородныхъ лѣсахъ и перелѣскахъ, темною ночью, обираютъ прохожаго и подрѣзаютъ у проѣзжихъ чемоданы, на что такъ особенно-досужи мѣщане кунгурскіе и орловскіе, недаромъ прозванные въ народной поговоркѣ «проломанными головами». За-то галицкіе мѣщане хорошо выдѣлываютъ мѣха, холмогорскіе — рѣжутъ на кости, осташковскіе — шьютъ сапоги, тульскіе—дѣлаютъ стальныя бездѣлушки, самовары и ружья, ветлужскіе — берестяныя издѣлія и тавлинки; мценскіе и балахнинскія мѣщанки плетутъ превосходныя кружева, кинешемскія и ярославскія ткутъ тонкія полотна, вяземскія пекутъ пряники, валдайскія — баранки, калужскія — тѣсто и проч.

Остается еще одинъ городской классъ общества многочисленный въ нѣкоторыхъ городахъ; таковы всѣ старинные: Кіевъ, Вологда, Москва, Новгородъ, Владиміръ; это—сословіе городскаго духовенства. Сословіе это, свободное отъ сельскихъ работъ и, стало-быть, отъ условій крестьянскаго быта, немногимъ, впрочемъ, разнится отъ духовенства сельскаго. Меньше угловатости, больше развязности; не поразитъ онъ книжнымъ, мертвеннымъ колоритомъ рѣчей своихъ; не наслѣдитъ онъ въ комнатахъ, не затруднится въ отвѣтѣ; успѣлъ оставить кой-какіе рутинные, застарѣлые предразсудки; не бѣжитъ отъ общества и на половину не чуждъ его интересовъ... И вотъ почти все.

Я бы остановился на многочисленномъ и постоянно-наростающемъ сословіи людей дворовыхъ, еслибъ о нихъ не было высказано много и почти все: что они тунеядцы, что они запачканы всѣми тѣми пороками, которые порождаются лѣнью, лестью, вѣчнымъ прислуживаньемъ; что въ нихъ успѣли совмѣститься всѣ дурныя стороны характера крестьянина и дурныя стороны самихъ господъ. Это—лакейство, хамство—слова̀, обратившіяся въ позорное прозвище, въ ругательство. Типы лучшихъ людей изъ нихъ — идеалы; честное сословіе такъ-называемыхъ старыхъ слугъ—отрадное исключеніе, но теперь уже старое преданіе, почти анахронизмъ.

Безутѣшно, повторю въ заключеніе, безутѣшно и непривлекательно положеніе путешественника-изслѣдователя, и будетъ оно трудно и тяжело, можетъ-быть, до-тѣхъ-поръ, пока не войдутъ у насъ въ плоть и кровь тѣ вѣрованія и убѣжденія, которыми живетъ Западная Европа и которыя у насъ, въ Россіи, такъ недавно стали высказываться, и то немногими избранными. Трудно, повторю, положеніе путешественника-изслѣдователя до-тѣхъ-поръ, пока не установится у насъ общественное убѣжденіе, что только сова и летучая мышь боятся свѣта и не любятъ его; что гласность если и начинаетъ выбирать жертвы, то эти жертвы очистительныя. Пусть этихъ жертвъ приносится больше: отъ каждой изъ нихъ прибыль истинѣ, прибыль обществу отъ малаго до великаго. Пусть, наконецъ, скорѣе раздастся голосъ привѣтный и призывный и прозвучитъ онъ твердо, радостно, и послѣдними словами его будетъ привѣтъ: «теперь выходите на дѣло свое прямо съ открытымъ лицомъ и подъ моимъ именемъ; не берите съ собою иныхъ запасовъ, кромѣ жажды труда и вѣры въ святость своего дѣла: трапеза будетъ готовая и здоровая. Не отравятъ у васъ ни одной минуты, ни одного момента; съ радостью васъ встрѣтятъ, съ благословеніями проводятъ, какъ лучшихъ друзей, какъ родныхъ по крови, и отъ чистаго, незлобнаго сердца пожелаютъ вамъ, по русскому завѣтному обычаю, «счастливаго пути» и «Бога въ помощь»!...

II.

ПУТЬ НА АМУРЪ.

I. ПО РОССІИ.

Говорятъ, пріятно и здорово путешествовать. Можетъ быть!— скажу я взявшимъ билетъ на почтовой пароходъ, чтобы ѣхать въ Штетинъ и въ Европу, и никакъ не скажу этого тѣмъ изъ моихъ знакомыхъ, которые заручились билетомъ на московской желѣзной дорогѣ, чтобы ѣхать въ Москву и въ Россію. При одномъ словѣ: «путешествіе по Россіи», въ воображеніи должны возставать десятки ужасовъ, начиная съ шоссейной пыли лѣтомъ и глубокихъ ухабовъ зимой, до станціонныхъ смотрителей и почтовыхъ форменныхъ экипажей, включительно, во всякое время года. Поведу рѣчь съ начала.

Москва праздничала на тотъ разъ, когда мнѣ приходилось начинать первыя версты путешествія. Праздничала Москва по обыкновенію цѣлымъ кружкомъ, *по душѣ*, шумливо и таровато, тамъ, гдѣ примкнулъ и отвелъ ей мѣсто старый вѣковой обычай, и гдѣ современные блюстители нравственности успѣли уже окружить ее тѣми педелями, которымъ давно и по справедливости дано прозваніе дантистовъ и костоправовъ. Въ толпѣ этой, приткнувшейся, на этотъ разъ, у воротъ Спасо-Андроніева монастыря, я успѣлъ однако увидѣть всѣхъ, кого было надо. Оказались всѣ на лицо: кумушки, торгующія всѣмъ, начиная съ краденнаго или добровольно ввѣреннаго ихъ попеченію салопа и оканчивая ихъ личною и чужою честью, совѣстью и невинностью; мужички, случайно занесенные въ Москву за небольшой трудовой копѣйкой и задержанные тутъ ихъ недоброхотами: можетъ быть кулакомъ съ Болота, можетъ быть хозяиномъ изъ лабаза. Вижу и самаго хозяина изъ лабаза, отростившаго уже свое чужеядное брюхо и налитаго чаемъ и водкою до того состоянія, когда уже пальцы его, что тротуарныя тумбы, не складываются вмѣстѣ и имѣютъ форму козла: клади между нихъ по три зарядскихъ сухихъ пряника — раздавятъ ихъ въ мелкія крошки, на споръ и пари. Тутъ же и нечистый на руку, зоркій жуликъ въ равной одеженкѣ, съ помятымъ лицомъ и битыми боками, жуликъ, который обчиститъ ужо многіе карманы и — не попадется. Тутъ и фабричный съ медвѣжьимъ взглядомъ, *съ мокрымъ рыломъ*, котораго ужо прибьютъ и посадятъ въ часть. Вонъ и дантисты.... и костоправы.... всѣ на лицо.

Вотъ и Рогожская застава съ опустѣлой будкой, безъ шлагбаума и караульныхъ солдатъ, а стало быть и безъ кучи телегъ, нѣкогда выжидавшихъ тутъ своей очереди по цѣлымъ полусуткамъ. Тѣже виды съ тѣми же выжидающими обозами разыгрываются теперь только подлѣ шоссейныхъ заставъ и шлагбаумовъ, гдѣ неизбѣженъ солдатъ изъ евреевъ, широкое окно на гауптвахтѣ и въ окнѣ путейскій щеголь — писарь, перетянутый въ рюмочку, тоже изъ евреевъ.

Говорятъ, за Рогожской заставой кончается Москва. Но съ этимъ положеніемъ трудно согласиться. Городская черта дѣйствительно кончается, но Москва будетъ васъ преслѣдовать долго и долго впередъ. Попробуйте оборотиться: длиннѣйшая колокольня Рогожскаго старообрядскаго кладбища стоитъ себѣ какъ бѣльмо на глазу на цѣлую станцію. Но вотъ и станція — попробуйте войти и потребовать:

— Лошадей!....

— Нѣтъ лошадей! — всѣ въ разгонѣ.

— Да вѣдь у васъ удвоенное число противъ довольно значительнаго обыкновеннаго числа лошадей?

— Удвоенное по случаю нижегородской ярмарки: но разгонъ великъ.

— Купцы ѣздятъ въ коровинскихъ и другихъ частныхъ тарантасахъ.

— Ѣздятъ и на почтовыхъ. А лошадей все-таки нѣту.

Въ книгу, гдѣ записываются подорожныя, если уже ѣдете не въ первый разъ, вы смотрѣть не станете, зная, что время отправки и число отпущенныхъ лошадей отмѣчено произвольно и такъ ловко, что книга прямо подтверждаетъ слова смотрителя. Заглянете на дворъ и въ конюшни—увидите много лошадей, но вамъ скажутъ, что это подъ почту и курьеровъ. Придется остановиться и ждать, если не выручитъ васъ изъ бѣды и сомнѣнія какой нибудь тутошный.

— Я тебѣ дамъ полтинникъ: скажи ради Бога по совѣсти, есть на станціи почтовыя лошади, лишнія, для проѣзжающихъ?

Онъ недолгое время помнется на одномъ мѣстѣ, обчешется весь и самъ въ свою очередь опроситъ васъ:

— Да вы *какіе* прогоны-то платите?

— Обыкновенные.

— Дайте купецкіе — повезутъ.

— Какіе же это купецкіе?

— А тройные.

— Не могу, да и не хочу.

— Потолкуйте со смотрителемъ: онъ можетъ и на двойные пойдетъ. Только посильнѣй попросите: крѣпко несговорны, упорчивы: вишь вѣдь нонѣ ярмарка....

— Да вѣрно ли ты говоришь, такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

— А мы ямщики: мой чередъ ѣхать съ первымъ проѣзжающимъ, лошади обхомутаны—готовы. Намъ ли не знать? Теперь дѣло ярмарочное —извѣстно.

Вернетесь къ смотрителю; попугаете его жалобой: онъ вамъ и книгу подложитъ. Пишите, упражняйтесь въ сочиненіи сильныхъ и жалостныхъ фразъ, если все это вамъ еще не надоѣло.

Одинъ исходъ — дожидаться, и одинъ выходъ — въ трактиръ, безъ которыхъ не стоитъ ни одна изъ деревушекъ, ближайшихъ къ Москвѣ. Въ трактирѣ, въ просторѣчіи именуемомъ «заведеніемъ», всѣ столы заняты, на всѣхъ столахъ пьютъ чай и именно одинъ только чай. Политико-экономы увѣряютъ, что чай суррогатъ вина. Въ добрый часъ, если это такъ будетъ впослѣдствіи! Я спрашивалъ многихъ:

— Отчего такъ много пьютъ чаю?

— Московская повадка, баловство! говорили старики.

— Въ чаю сила; чай потъ гонитъ, кости распариваетъ: оно рабочему человѣку и полезно! — отвѣтили тѣ, которые успѣли уже изъ семи печей хлѣба поѣсть.

— Канпанія за чаемъ важно ладится. Плошечекъ десятка два перешвыряешь — на ермоніи шаркнешь пѣсню другую-третью: весело! — отвѣчала молодежь.

Этимъ убѣжденіямъ слѣдуютъ, кажется, и московскіе купцы, которые до пятаго стакана толкуютъ о дѣлахъ; за пятымъ молчатъ и вздыхаютъ; передъ десятымъ выпиваютъ водки и крестятъ рты и, наливаясь чаемъ, опять дразнятъ половыхъ: половые ругаютъ ихъ алтынниками, аршинниками и другими приличными и неприличными прозвищами. Тѣмъ дѣло и кончается, если только азартный половой не швырнетъ въ лицо чашкой, салфеткой, не обольетъ помоями, и проч. На этомъ фактѣ можно бы остановиться подольше (но когда нибудь въ другой разъ): теперь готовы лошади, а въ дорогѣ нѣтъ ничего хуже, какъ заставлять лошадямъ дожидаться.

— Поталкивай, ямщикъ! — не съ молокомъ ѣдешь.

Молчитъ ямщикъ и рукой не тронетъ.

— Двѣнадцать верстъ въ часъ вези по положенію, на тебѣ взыщу.

Ямщикъ молчитъ и рукавицей не тронетъ: трусятъ-себѣ лошади, словно опоенныя.

— Сдѣлай же милость, прибавь имъ шагу!

Наконецъ летитъ отвѣтъ съ козелъ:

— На водку-то по скольку даете?

— По казенному.

— На такое положенie и ѣзда такая, казенная. Московской купецъ на двѣнадцать-то верстъ по полтиннику кладетъ, а покрѣпче наляжешь, такъ по той же силѣ и прибавка идетъ: ярмарка-то одинъ разъ въ году бываетъ.

На слѣдующей станцiи та же исторiя:

— Да вы, почтенной изъ какихъ? спрашиваетъ ямщикъ послѣ долгихъ усиленныхъ просьбъ скорѣе ѣхать.

— Изъ купцовъ, изъ московскихъ.

— Такъ вамъ по какому угодно: по московски, или по коломенски?

— Это что же такое?

— По московски пристяжныхъ только въ скокъ пущаемъ, а по коломенски, такъ и коренную вскачь. Такъ купцамъ и сказываемъ.

— Валяй по коломенски!

— Рубль стоитъ.

— Тамъ ужъ увидимъ.

— Нѣтъ, ты послѣднее сказывай: мы вѣдь безъ запросу. Уговоръ лучше денегъ.

— Однако, какъ я погляжу, вы порядочные плуты.

— Да вѣдь безъ того нельзя: на одномъ-то кнутѣ далеко не уѣдешь: такъ-то! А сухая ложка ротъ деретъ.

— Оставя философiю, ты вотъ что скажи-ко мнѣ лучше, ямщикъ: отчего и Покровъ такой же скверной городишко, какъ и Богородскъ?

— Да ужъ такъ видно надо.

— Нѣтъ, ты говори потолковѣй!

— Чего ужъ хотѣть хорошаго отъ городовъ нашихъ? извѣстно, маленькiе города, гдѣ имъ до Москвы тягаться!

— А можетъ быть они оттого и плохи, что Москва хороша.

— Тоись, какъ это такъ?

— Москва, что пьявка, высосала изъ нихъ все хорошее, всю кровь; сама разбухла, отвалилась и развалилась что наливщаяся чаемъ купчиха или тою же чужою кровью пьявка.

— А вѣдь это ты ладно сказываешь: ну-ко еще!

— Да ладно кажется. Погляди вонъ на Бронницы по рязанскому тракту или на Подольскъ по тульскому; на Дмитровъ, на Верею.... всѣ города эти чуть ли не хуже. Не любитъ же, стало быть, Москва, чтобы подлѣ селился богатый сосѣдъ: сейчасъ всякою хитростью переманитъ къ себѣ, да и обездолитъ....

— На это и я тебѣ сказывать могу, что вотъ и у насъ, который мужикъ сталъ въ брюхо рости, наковалъ копѣйку: сейчасъ онъ въ Москву съѣдетъ и старой домъ продастъ и семью перетащитъ. Тамъ—слышь—на Болотѣ ихному брату очень пріятно.

— Сказываешь ты извѣстное дѣло, да и я тебѣ передамъ не новое. По моему, который городъ подальше отодвинулся, да рѣкой хорошой позапасся на зло Москвѣ и всему ея роду—тотъ и богатъ, и почетенъ. Возьмемъ вотъ хоть бы городъ Коломну, Серпуховъ, Переяславль. Про Ростовъ и говорить не стану.

Но вотъ и Покровъ весь на лицо, точь-въ-точь такой же, какъ и первый отъ Москвы городъ Богородскъ: одна улица тянется изъ конца въ конецъ, изгибается посерединѣ подъ гору, переламывается на какой-то рѣченкѣ и, опять изогнувшись, прямикомъ уже идетъ въ гору и пропадаетъ на шоссе, на этотъ разъ пыльномъ и стало быть едва выносимомъ. Я оборачивался назадъ и встрѣчалъ то же однообразіе видовъ, доставшихся на долю тѣхъ городовъ, которые созидалъ не народъ, а назначало начальство. Въ городѣ двѣ-три церкви, одна соборная, другая кладбищенская. Города эти были села: одно Богородское (хоть бы напр. и на этотъ разъ), другое Покровъ. Пона добилось сдѣлать уѣздъ: села назвали городами, привезли чиновниковъ; построились каменныя присутственныя мѣста, каменные дома исправника, судьи, городничаго. Завелся купецъ бакалейныхъ товаровъ, винъ и москатели; кое-какъ понагрѣлъ руки у чиновниковъ и помѣщиковъ *смѣючи и умѣючи*; появился другой, третій. Всѣ трое выстроили по каменному дому. А остальное въ городѣ все осталось также плохо и вѣтхо, не подвигалось къ улучшенію ни на шагъ, ни на іоту. И рѣки въ этомъ городѣ нѣтъ хорошей, и бойкій бы трактъ идетъ на него, да идетъ онъ мимо: поживиться нечѣмъ, и живетъ Подольскъ и Богородскъ мелкимъ кулачествомъ, и нигдѣ столько не надоѣдаетъ нищая братія, какъ въ печальномъ городѣ Покровѣ, Ковровѣ и другихъ городахъ подмосковныхъ.

Незавидна участь и спопутнаго губернскаго города Владиміра, похожаго на купчика, которому досталось послѣ отца порядочное состояніе, да на бѣду и вѣдьма-мачиха. Въ то время, когда мачиха безпечно расплывалась въ ширину и толщину отъ китайскаго напитка, можайскихъ поросятъ и свиней и отъ калачей домашняго приготовленія, когда обстраивала она свой наслѣдственной участокъ на чужія деньги и чужими трудами,— пасынокъ день-ото-дня бѣднѣлъ. Бѣднѣлъ онъ, оттого ли что построился на неладномъ мѣстѣ, болотистомъ и безлюдномъ, или оттого, что плохо его надѣлили—нечѣмъ и не съ кѣмъ торговать ему—рѣшать не беремся. Злосчастный пасынокъ не съумѣлъ свести домокъ въ одинъ уголокъ, всѣ его бросили и всѣ перешли отъ него или къ той же толстой купчихѣ-мачихѣ или разбрелись по дальнымъ и чужимъ людямъ: одни нанялись у нѣмца на Невѣ дома рубить, печи класть, комнаты штукатурить и красить, другіе (*мелюзга-народъ*) поплелись у той же злой мачихи просить христова подаянья съ печально-пискливымъ припѣвомъ: «по ягоду—по клюкву, по володимерску—по крупну».

Обездолѣлъ Владиміръ, какъ и другой его дальній родственникъ Новгородъ (отъ такого же богатаго и злаго сосѣда и по той же самой причинѣ). Поволокъ Владиміръ дни свои въ тоскѣ да горѣ и не жить бы ему долго, если бы богатую ярмарку не завелъ ближній сосѣдъ Нижній-Новгородъ. Открылъ Владиміръ постоялый дворъ для проѣзжихъ отъ мачихи прикащиковъ и побирается кое-какъ съ крохи на кроху мелкотой—по пословицѣ; нанимаясь подчасъ и въ такія работы, какія совсѣмъ бы уже не купеческому уму править, каковъ напр. извозъ и другое-прочее. А и жаль: изъ честнаго, хорошаго роду шелъ, и ни однимъ себя сквернымъ дѣломъ не запачкалъ ни въ счастливые дни свои, ни въ ненастные. И стоитъ онъ теперь сирота-сиротой, словно уже приговоренный къ скорой и неизбѣжной смерти и словно въ послѣдніе любуется на немногое изъ стараго своего великолѣпія, отъ котораго остались одни только золотые ворота (но и тѣ совсѣмъ пообтерлись). Остальное все погорѣло: а деревянныя печи и желѣзныя церкви сохранились только въ одной присловкѣ.

Говорятъ, Андрей Боголюбскій, съ тоски отъ потери кіевскаго престола, построилъ свое Боголюбово на такомъ мѣстѣ, которое напоминало ему Кіевъ. Не знаю: такъ ли это на самомъ дѣлѣ, не можетъ быть, чтобы такъ это было тогда, но положительно не такъ это теперь. Мелкая и лѣнивая Клязьма—не бойкій Днѣпръ, а одинокая церковь на болотѣ, подъ горой—далеко не Крещатикъ. Мостъ, тотъ предательскій мостъ, на дорогѣ изъ Владиміра къ Вязникамъ, который обрушился и погубилъ подъ своими развалинами, не такъ давно, много народу во время церковной процессіи, не смѣетъ и напоминать о томъ мостѣ, которымъ красится и справедливо гордится нынѣшній Кіевъ.

— Вотъ этотъ мостъ!-говорилъ мнѣ ямщикъ.

— А гдѣ же глубокій оврагъ, о которомъ писали въ газетахъ?

— Оврáгъ засыпали.

— Слава Богу! — догадались. А отчего, говорятъ, у васъ мостъ обрушился?

—Сгнили—стало быть—балки; плохи были.

— А можетъ быть плохи были инженеры наши?

— Какіе это инженеры?

— А путейскіе.

— Можетъ бытъ.

— Можетъ быть, они плохо глядѣли?

— Можетъ быть и не доглядѣли.

— Глупой же ты, мужикъ, Христосъ съ тобой!

— Съ роду ужъ такой: простите!

Направо высокая гора вся въ зелени; подъ горой, по которой и по высокому отрогу разсыпался красивый городъ со множествомъ церквей разнообразной архитектуры, съ каменными домами; городъ видимо и старинный и не бѣдный. Городъ этотъ — Вязники. Влѣво отъ него, въ ложбинѣ разсыпались пески въ неоглядную даль; пески эти, разметавъ по сторонамъ, прорѣзала печальная, хотя и историческая, рѣка Клязьма. Мало на ней, въ ней и за ней жизни: рѣдко-рѣдко попадется на глаза какое нибудь утлое, рѣчное суденко: лодка, барка, плотъ; печально глядитъ песчаное поле; печальна зелень, вся почти въ низкомъ душистомъ божьемъ деревѣ и въ ивнякѣ, отъ котораго такъ мало сущей пользы, помимо употребленія на связку изгородей, на плетушки и корзинки. Съ городской горы виды богатые, хотя уже и достаточно прискучившіе русскому человѣку: внизу, у подножія, стелется городъ, похожій на всѣ старинные русскіе города и столько же на всякій другой восточной городъ: тонкія высокія колокольни, что минареты, высокіе дома и рядомъ низенькія лачужки; ихъ много, они составляютъ огромное большинство. Вонъ и рѣка, съ трудомъ одолѣвающая глубокіе пески и прорѣзавшаяся по мѣстамъ замѣчательно — узенькой лентой; а тамъ, за ней, и пошелъ писать сухой ивнякъ со тщедушнымъ божьимъ деревомъ, обдающимъ на ранней и поздней заряхъ своимъ камфарнымъ запахомъ. Ржавое болото; дальше, — словно случайно брошенный кусокъ стекла, — блеститъ одинокая лужа, озерко; бережно сторонясь, вьется и изгибается узкое полотно дороги, знакомой и пріятной теперь для меня въ дальнихъ воспоминаніяхъ. Пять лѣтъ тому назадъ шелъ я по ней пѣшкомъ, съ трудомъ осиливая ношу непривычнаго и новаго для меня труда. Шелъ я по ней одинокій, съ котомкой за плечами, замаскированный именемъ семинариста, отыскивающаго мѣсто учителя, шелъ я за сорокъ верстъ въ село Холуй, и ходилъ потомъ во Мстёру и Палехъ, чтобы видѣть на мѣстѣ иконное производство и познакомиться съ бытомъ иконописцевъ (въ просторѣчіи богомазовъ). Бродилъ я потомъ по офенямъ-разнощикамъ, которые вышли всѣ изъ сосѣднихъ съ этими селъ и деревень.... Но теперь уже я здѣсь временной только гость, проѣзжій въ болѣе далекія и безпривѣтныя страны. Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но Вязники все тѣже: тотъ же бой часовъ соборной колокольни, отсчитывавшихъ четырнадцать, и за тѣмъ черезъ часъ пятнадцать и еще черезъ часъ — шестнадцать: часы эти такъ называемаго евангельскаго или библейскаго звона, отбивающіе лѣтомъ бо́льшее число часовъ дня, меньшее число часовъ ночи (зимой — на оборотъ). Тѣже въ Вязникахъ зеленые кустарные сады по горнымъ отклонамъ, сады, снабжающіе Москву и значительную половину Россіи мелкими, но сладкими вишнями; тоже щелканье въ дощечки, укрѣпленныя на кустахъ и на веревкахъ, протянутыхъ къ одному центру, къ вышкѣ, укрѣпленной на высокихъ шестахъ; и тѣ же стаи воришекъ-воробьевъ, напуганныхъ этимъ сторожевымъ щелканьемъ, и густыми тучами летящихъ на время за Клязьму и на нижегородское шоссе.

На нижегородскомъ шоссе—тѣ же общіе виды: вдали село съ бѣлой церковью, обрамленной черной рамкой строеній, правѣе — опять село; лѣвѣе — третье, четвертое... точно также и за Вязниками, какъ и передъ Вязниками. До Вязниковъ съ ровнаго мѣста (и не съ горы даже) одинъ разъ я насчиталъ двѣнадцать селъ и не нахожу въ томъ ничего страннаго и удивительнаго. Москва, принявши и перенеся православіе изъ Кіева, начала дѣятельную пропаганду, на первыхъ же порахъ своего существованія, и направляла ее преимущественно въ сѣверныя страны, предоставивъ югъ вліянію Кіева. Владимірское княжество, какъ ближайшее, первое приняло и возрастило плоды этого усилія, сосредоточенно-настойчиваго и замѣчательно-дѣятельнаго. Во Владимірской губерніи больше теперь селъ, чѣмъ во всякой другой, даже московской и ярославской; число духовенства вдое превышаетъ количество того же сословія въ другихъ губерніяхъ. Владимірскаго крестьянина вы отличите и въ Петербургѣ и въ Москвѣ по той ревности, съ какою онъ совершаетъ молитвенные поклоны — передъ всякою церковью, передъ всякою иконою. Студенты московскаго университета изъ владимірскихъ приносятъ съ собою въ студентскую семью сотни гимновъ, церковныхъ тропарей, ирмосовъ, кондаковъ, и проч.

Предоставляя себѣ право еще разъ вернуться къ этому знаменательному явленію въ другое время, спѣшу оставить печальныя мѣста нижегородскаго шоссе, которое особенно становится скучнымъ по мѣрѣ того, какъ приближается къ Нижнему. На дорогѣ долженъ бы попадаться проѣзжему еще одинъ городъ Гороховецъ, но шоссе обошло его и—обездолило:

— Торгуютъ вишнями, а что другаго—прочаго нѣту-ти въ немъ! — говоритъ вамъ ямщикъ про этотъ городъ, и говоритъ справедливо.

Нѣкоторое время продолжаютъ еще преслѣдовать васъ стеклянные ящики въ станціонныхъ комнатахъ,—ящики, наполненные складными и перочинными ножиками, кинжалами, замками, нессесерами и прочими бездѣлками дорогой цѣны и аляповатой работы: доказательство, что недалеки отъ шоссейной дороги и мѣста родины этихъ стальныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ бездѣлокъ—Павлово и Ворсма—богатыя села-города на Окѣ.

Вонъ и крупныя, мрачныя горы вправо отъ шоссе, вдругъ ни откуда взявшіяся и вытянувшіяся въ плотную шеренгу. Горы эти—правый берегъ величавой, красивой рѣки Оки. Скоро Нижній и то мѣсто, гдѣ Ока соединяется съ Волгой и борется съ ней, намѣчая результаты этой борьбы въ широкихъ и длинныхъ перекатахъ, изъ которыхъ особенно знаменитъ такъ называемый Телячій бродъ.

Вонъ и послѣдняя шоссейная застава; цѣлое селеніе вправо съ церквами и каменными домами, какъ будто небольшой уѣздной городъ; вонъ часовня прямо, а вонъ на лѣво цѣлый каменный городъ, обставленный замѣчательнымъ множествомъ деревянныхъ строеній. Эти деревянныя строенія—трактиры и армянскія кухни; каменный городъ—ярмарочныя строенія, *ярмарка*. Вонъ и армянская церковь, православный соборъ, вонъ и татарская каменная мечеть на горкѣ; а вонъ на горѣ и городъ Нижній. Но передъ вами пока Кунавино и ярмарка (она на этотъ разъ въ полномъ цвѣту и широкомъ разгарѣ).

Нижегородская ярмарка существуетъ, живетъ отдѣльною, самобытною жизнію отъ города; съ нимъ она общаго ничего не имѣетъ. Ярмаркѣ Нижняго не нужно, она можетъ существовать и безъ него; ей только нужно то завидное мѣсто, которое успѣлъ занять въ дальнія историческія времена городъ Новгородъ *Нижній* (названный такъ въ отличіе отъ *Великаго*). Ярмаркѣ азіатско-русской именно необходимо было мѣсто сліянія двухъ знаменитыхъ рѣкъ, Оки и Волги. Одинъ уголъ занялъ своимъ кремлемъ городъ; другой уголъ заняла ярмарка, и хотя уголъ этотъ весенняя вода топитъ ежегодно и ежегодно ломаетъ строенія:—ярмарка, разъ крѣпко уцѣпившись за это дорогое и завидное мѣсто, держится на немъ уже пятый десятокъ лѣтъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, на сколько ярмарка не нуждается въ Нижномъ—стоитъ только пойти въ городъ. Но прежде полюбуйтесь на понараму, которая открывается съ ярмарки, съ песковъ и съ мосту на городъ: такихъ панорамъ немного въ цѣлой Россіи (вообще небогатой картинными видами): насчитаете три или четыре вида—и не пойдете дальше. Нижній базаръ шумливъ и люденъ, но онъ за то очень близокъ къ ярмаркѣ (онъ составляетъ ея продолженіе;) верхній базаръ тихъ и безлюденъ, но такимъ я видалъ его и зимой и весной, когда не бываетъ ярмарки (Нижній замѣчательно скучный и сосредоточенный городъ). Лавки всюду заперты, всѣ онѣ перенесены за Оку, на ярмарку, гдѣ свои трактиры, свой театръ, своя полиція и пожарная команда, своя почтовая контора и туда же на все время ярмарки поселяется губернаторъ. Чего же больше? я писалъ бы про Нижній и про ярмарку возможно подробнѣе, если бы не боялся повториться. Разъ я уже имѣлъ случай говорить объ этомъ, въ 1855 году, въ «Библіотекѣ для Чтенія». Хотѣлось бы говорить и про самый Нижній, но предвзятая задача дальней поѣздки въ дальную восточную часть дальной Сибири преслѣдовала ежедневно, ежечасно.—«На Амуръ! на Амуръ! и скорѣе!»

Выбралъ я благопріятный моментъ для отъѣзда во время особенно неблагопріятное для поѣздокъ по Волгѣ, не только вверхъ, но и внизъ. Волга отъ сильной засухи, малоснѣжной зимы и недождливаго лѣта сильно обмелѣла. По городу ходили неблагопріятные слухи. Говорили, что на рѣкѣ появились небывалые новые перекаты, что на Телячьемъ броду сидятъ на мели и ждутъ воды до пятнадцати пароходовъ разныхъ компаній и разнаго наименованія; что «Самолетъ» уменьшилъ на половину количество рейсовъ вверхъ къ Твери, до которой-де пароходы уже и не доходятъ, а если и проползаютъ иногда: то съ мучительными остановками и великимъ трудомъ. Говорили, что «Меркурій», назначая сегодня одинъ пароходъ къ отправленію, измѣнялъ назначеніе и спуталъ сроки и время отправокъ, что пароходныя печатныя объявленія не имѣютъ уже своего знаменательнаго смысла, какъ старое, покинутое и забытое преданіе. Говорили, что по Волгѣ ходятъ теперь до Казани только пять — шесть пароходовъ изъ всѣхъ компаній, что нужно вѣрить не общимъ объявленіямъ, а временнымъ—частнымъ, да флагамъ, которые выбрасываются на пароходныхъ пристаняхъ. Мы такъ и сдѣлали. Отъ компаніи Самолетъ отходилъ пароходъ «Телеграфъ».

Это одинъ изъ лучшихъ, мелкосидящихъ. Онъ, какъ мышь, проходитъ во всякую щелку, нащупываетъ самый узенькій, самый плохой фарватеръ и тихо и скромно проходитъ себѣ, и потомъ громко и весело подсмѣивается надъ отставшими своими сосѣдями и товарищами.

Вотъ что говорили намъ. Первое впечатлѣніе, конечно, радовало насъ и веселило. Нельзя же было не вѣрить честному слову честныхъ людей. Такъ и сталось: пароходъ «Телеграфъ» отходилъ черезъ два часа. Просимъ билета.

— Нѣтъ! говорятъ.

— А мы пришли такъ рано и первыми просимъ билета?

— Вчера всѣ распроданы.

— А сегодня назначенъ срокъ распродажи.

— Совершенная правда.

— Отчего же вышло иначе?

— Билеты наканунѣ распродаютъ на ярмарочной сибирской пристани. Надо бы вамъ тамъ справиться.

— Но мы этого не знали; объ этомъ не извѣщали насъ. О, ужасъ!

— Спросите г—на офицера.

Еще лучъ надежды. Счастіе намъ улыбается: билеты нашлись. Насъ видимо хотѣли пугнуть и потѣшиться: — пусть-де пострадаетъ человѣкъ—иногда это бываетъ полезно.

Надо было сдавать вещи: идемъ туда, но находимъ такой хаосъ, какой и вообразить трудно. Богъ вѣсть, кто принимаетъ вещи, кому ввѣряютъ ихъ. Невдалекѣ кипитъ ярмарка, на которую выѣзжаютъ, говорятъ, до тысячи московскихъ жуликовъ и петербургскихъ мазуриковъ, падкихъ на чужую собственность, ловкихъ на самую сложную изобрѣтательность. А здѣсь такъ это разкидано, по домашному, а пароходъ стоитъ о бортъ съ пристанью.

Наконецъ мы замѣчаемъ одного мужика, который болѣе другихъ суетится, кричитъ и дерется: видимо серьезно и старательно онъ занятъ дѣломъ своимъ и обязательствомъ. Говорятъ, и къ этимъ уловкамъ прибѣгаютъ опытные мошенники, тѣмъ болѣе, что мы на суетливомъ мужикѣ не видимъ ни бляхи, ни инаго знака, господа съ бляхами стоятъ поодаль, не принимая никакого участія въ этой суматохѣ, какъ будто все это и не ихъ дѣло, и какъ будто мѣдная дощечка на лбу, съ надписью «Самолетъ», существуетъ только для украшенія.

Кое-какъ добрались и мы до крикливаго и суетливаго господина.

— Прими, пожалуйста, наши вещи!

— Нѣкогда!... подождите!...

— Мы ждемъ уже полчаса; скоро девять, пароходъ вашъ уйдетъ.

— Послѣ завтра другой пойдетъ.

— Остроумно!—замѣчаетъ кто-то изъ толпы.

— И справедливо!—прибавляетъ другой.

— Но намъ оттого не легче!—отвѣчаемъ мы.

— У нихъ всегда такъ: такой порядокъ!—раздается иной голосъ и слышится въ немъ тонъ оскорбленнаго чувства, вызваннаго тѣмъ же безполезно-долгимъ ожиданіемъ. Насъ тѣснятъ и давятъ; идемъ на уступку: ждемъ еще полчаса, слышимъ звонъ цѣпей, усиленные вздохи пароходной трубы. Боимся опоздать и снова рѣшаемся напомнить о себѣ суетливому и бранчиво-грубому господину.

— Подождите, ради Христа!—дайте вотъ барскія вещи принять.

— Какія барскія вещи?

— Дворянскія—значитъ.

Ничего не понимаемъ. Знаемъ только одно, что мы съ бородой и что въ Нижегородской губерніи и въ слѣдующихъ за ней губерніяхъ много помѣщиковъ, много дворянъ, живущихъ въ имѣніяхъ. Знаемъ, что много ихъ выѣзжаетъ на ярмарку, что для нихъ существуетъ такъ называемый Никита съ общимъ столомъ, всегда жирнымъ и до безконечности сытнымъ. Знаемъ мы и еще кое-что, и еще кое-что приходитъ намъ въ ту пору на память; но молчимъ и ждемъ, и входимъ наконецъ на пороходъ. За нами сейчасъ же убираютъ трапъ. Мы были послѣдними.

Но вотъ и палуба. Передъ нами крутой берегъ Волги: и отсюда также хорошъ Нижній, какъ и отъ ярмарки; подъ нами и за пароходомъ Волга мутно-желтая рябитъ легкой волной и слегка раскачиваетъ пароходъ; онъ визгливо свиститъ и по временамъ отдаетъ на берегъ учащеннымъ звономъ въ колоколъ. Палуба полна народомъ, загромождена вещами, для которыхъ словно и нѣтъ уже другаго мѣста, а онѣ между тѣмъ рѣшительно не позволяютъ ни ходить, ни лазить; впрочемъ общая картина носитъ оживленный характеръ. Между многими видится бородатая, довольно плотная фигура, по видимому, купца. Купецъ осѣняетъ крестнымъ знаменемъ небольшую группу на берегу: ребенка, готоваго кинуться въ воду и едва сдерживаемаго рукою матери, обливающейся горючими слезами разставанья и другаго мальчика-подростка, ухватившагося за платье матери и тоже неутѣшно рыдающаго. Отецъ продолжаетъ крестить и вполголоса приговаривать:

— Благослови васъ Господи!... Простите, простите!... Молчи Никандрушко, Христосъ надъ тобой. По́дьтё домой, по́дьтё...

Ребенокъ бѣжитъ къ берегу: его не пускаютъ; онъ вырывается изъ рукъ матери и готовъ кинуться въ воду. Едва во время схваченный, онъ плетется въ гору, по временамъ вырываясь и продолжая ревѣть безнадежнымъ, зарѣзаннымъ голосомъ. Нѣкоторые насмѣшливо смотрятъ на эту сцену; иные негодуютъ на визгъ ребенка; другіе, принимая участіе, обращаются къ отцу съ казенными вопросами:

— Сынокъ вашъ?

— Сынъ, сынъ....

— Любимый, надо быть?

— Балую, балую: согрѣшилъ передъ Богомъ! Четвертый годочекъ пошелъ: глупъ, потому малъ; извините!

Слова его перебиваетъ громкій крикъ съ берега:

— Постегай ты моего пострѣла, постегай покрѣпче; пущай не балуетъ!

— Ладно! слышится отвѣтный голосъ.

На палубѣ общій смѣхъ.

— Вотъ тебѣ и родительское благословеніе!—замѣчаетъ кто-то.

— Крапивой ты его постегай!—продолжаетъ отецъ.

— Ладно—ну! ладно: слышу.

— Сдѣлай божеское одолженіе!

— Не проси, не трудись. Прощай-ко!

Пароходъ почему-то еще не отчаливаетъ; говорятъ ждутъ кого-то. Съ горяча и въ суматохѣ этотъ кто-то—по обыкновенію—растерялся и—затерялся. Перекличка палубныхъ съ береговыми продолжается.

— Хлѣбъ-отъ прихватилъ ли, Матюха?

— Есева!—отвѣчаетъ нашъ и показываетъ коровай.

— Мотри, не помри съ голодухи. Хватило бы!

— Пощо? Не помру.... хватитъ.

— Кланяйся нашимъ! на ярманкѣ-молъ примостился. Нонѣ въ бурлачину не пойду: чертъ съ ней; всего изломало. Нутро болитъ, грудь....

— Ладно—ну, молвлю!

— Сдѣлай милость!

— Не проси: молвлю!

И опять новые:

— Трубку забыли, ваше благородье.

— Давай сюда! Ты смотри: съ радостей, что проводилъ меня —не облопайся!

— Слушаю, ваше благородье, ради стараться!

Видится на берегу одутлое, заспанное лицо деньщика, его сѣрая куртка, военная фуражка съ козырькомъ, а вонъ на палубѣ и его баринъ—армеецъ. Всѣ стоятъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ: пароходъ отчаливалъ. Отперли буфетъ: на водное пространство — какъ извѣстно — вліяніе виннаго откупа непростиралось. Пассажиры потеряли съ этой минуты все свое личное значеніе и сдѣлались чужою собственностью, въ полномъ распоряженіи капитана и его приспѣшниковъ.

Права пассажирскія не широки и не многосложны, но и не завидны. Тѣ, которые получили билеты 1-го класса, пользуются лучшею участью, у нихъ зеркала, диваны; за ними право не платить денегъ за вытребованное изъ буфета тотчасъ же, по потребленіи; они могутъ безнаказанно посѣщать всѣ мѣста низшихъ цѣнъ, смотрѣть свысока и не удостоивать ни вниманіемъ, ни разговоромъ тѣхъ, у которыхъ билеты низшихъ цѣнъ. Пароходная прислуга съ ними замѣчательно вѣжлива и предупредительна; у нихъ въ каютѣ не только можно сидѣть, но и прилечь въ случаѣ надобности. Не то въ каютѣ втораго класса: здѣсь отъ тѣсноты собравшихся пассажировъ дохнуть, повернуться нельзя. Компанія Самолетъ, вѣрно расчитавши собственную прибыль, не приняла въ разсчетъ того, что пассажиръ не тюкъ со льномъ, не ящикъ съ мыломъ (которые—кстати сказать—нашли себѣ завидное мѣсто на палубѣ и бережно прикрыты рогожками и еще сверху парусиной). Права пассажировъ 2-го класса всѣ сошлись, что называется, клиномъ: спать имъ нельзя, сидѣть съ трудомъ (какіе-то номера, прилѣпленные сзади къ стѣнкамъ, ничего не значатъ). Пришли поздно — едва найдете не мѣсто, а мѣстечко; все занято тѣми, кому судьба посчастливила придти раньше (какъ сдѣлали на этотъ разъ персіяне). Неумѣлые ѣздить въ дальній путь обложились сакъ-вояжами, кардонками, ящиками, узелками и прочимъ. Пассажиры 2-го класса могутъ требовать и не требовать припасовъ изъ буфета, обложенныхъ дорогими, выше чѣмъ петербургскими, цѣнами; пассажиры 2-го класса платятъ за кипятокъ почти столько же, сколько и за самый чай, взятый изъ буфета. Они могутъ выходить на палубу и расплачиваться за вытребованный сюда чай десятью копѣйками меньше, чѣмъ за тотъ же чай, потребованный въ каюту. Будьте вы пассажиромъ 2-го класса—все одно—въ каютѣ чай дороже, хотя цѣны за деревянные бифштексы, тухлыя котлетки, жидкіе и холодные щи безобразно и одинаково дороги и въ каютахъ и на палубѣ. Золотопромышленникъ, возвращавшійся въ Сибирь, потребовалъ бутылку шампанскаго, заплатилъ за нее 6 рублей и— уже другой бутылки не спрашивалъ.

Вотъ всѣ права и привиллегіи пассажировъ первыхъ двухъ классовъ; общее у нихъ одно только—право прятаться отъ дождя въ каюту, завидное право, котораго безжалостно лишены несчастные пассажиры 3-го класса. Это—по обыкновенію—рабочій народъ изъ сѣраго, трудолюбиваго, добраго, простаго русскаго люда. Размѣстили ихъ на некрашеныхъ скамьяхъ, оставили за ними право ѣсть въ сухомятку и пользоваться всѣми неудобствами дождливой погоды.

Вотъ набѣжали черныя дождливыя облака; изъ нихъ по временамъ начинаетъ сыпать дождь; вотъ онъ пріударилъ бойкой полосой и окатилъ пароходную палубу: мужички подогадливѣе свалились подъ скамейки и лавочки, другіе пялятъ надъ головами свои дирявые кафтаны; третьи забились подъ полушубки. Дождь назойливо продолжаетъ обливать ихъ холодной волной еще нѣсколько времени до той поры, когда взыграла дальная радуга и тучу пронесло на Нижній. Мужички оправились, но, промокшіе до послѣдней нитки, представляли изъ себя весьма плачевную, неутѣшительную картину, обратившую на себя вниманіе нѣкоторыхъ.

— На порядкахъ-таки васъ, братцы, пополоскало! — замѣчаетъ купеческій прикащикъ въ синей сибиркѣ, съ бисерной цѣпочкой и копеечной сигарой во рту.

— Живетъ-таки! — отвѣтилъ одинъ голосъ.

— Ничего, почтенный! Дождь — не дубина, мы — не глина! — объяснилъ другой голосъ.

— Богъ вымочитъ — Богъ и высушитъ! — успокоилъ ихъ прикащикъ и — отошелъ.

— Тебѣ чай, синей сибиркѣ ничего подъ крышкой-то! Парилъ-молъ брюхо чаемъ съ ромомъ. Это хорошо! — сказываютъ. Уходи-ко!

— Станемъ, други, хоть сказки сказывать; а тамъ гляди солнышко выглянетъ — высушитъ; паки накроетъ дождикъ — вымочитъ. Такъ ли я высказываю?

— Во истину!

— Чай, вѣдь бурлаки все?

— Бурлаки. А ты кто?

— Тоже пожалуй бурлакъ: барской лакей! За бариномъ на запяткахъ стоимъ, привычны тоже.... насчетъ дождя.

— Ты кажись выпилъ, паря? Мокрому-то тебѣ экому тоже пущай дождикъ-отъ ни почемъ.

— Ты меня не поилъ, а ладно сказываешь. Передъ тобой, какъ передъ тещей — не таю, полуштофъ урѣзалъ, одинъ.

— На здоровье!

— Не стоитъ благодарности!

Лакей сталъ набивать трубочку: послѣдовало молчаніе. Кто-то зѣвнулъ и вздохнулъ: лакей поймалъ это движеніе.

— Эхъ кабы теперь на печь или бы въ баню!

— Да такъ, такъ, парень, такъ! — слѣдовалъ отвѣтъ.

Въ одномъ углу послышался сильный храпъ; лакей и это поймалъ. Онъ сошелъ съ мѣста и сталъ будить спавшаго:

— Дядя Обросимъ!... какъ тебя звать? Пузыри наспишь! Вставай! Гляди опять дождемъ пугаетъ. Очнись!..

Проснувшійся сердится, бранится, но лакей входитъ въ роль весельчака, души компаніи, безъ котораго не обходится ни одна артель: будетъ ли то плотничья, бурлачья, солдатская и всякая другая.

Мы оставляемъ палубу, потому что дождикъ опять началъ барабанить по ней: мужички бросились подъ лавки. Одинъ изъ нихъ лежалъ еще нѣкоторое время лицомъ на дождѣ, но и онъ спряталъ голову подъ уголъ полушубка и подобралъ подъ себя ноги.

Въ каютѣ втораго класса — по обычаю русскаго человѣка — также повидимому всѣ ознакомились между собою охотно и скоро и — разговорились. Образовались отдѣльные кружки; слышались своеобразные, различные разговоры.

— Построили противу разбойниковъ этихъ суда такія — гаркоуты! — слышалось изъ одного кружка. Разсказывалъ старикъ.

— Построили эти гаркоуты — продолжалъ онъ — казенныхъ солдатъ и офицеровъ на нихъ нарядили и на эти гаркоуты посадили. Сказывали имъ по начальству такое слово: «есть-де на Волгѣ мѣста такія (и такихъ-де мѣстъ очень много), гдѣ въ Волгу мелкія и немелкія рѣки впадаютъ. Тутъ завсегда лѣсъ ростетъ покрѣпче; пригорки есть, за ними можно прятаться, а если жилье ушло далеко и лѣсъ выросъ раменной — тутъ разбойникамъ лафа, тутъ они любятъ хорониться съ косными своими лодками и выжидаютъ добычи»! Вотъ и ѣдетъ богатой купецъ на ярмарку или съ ярмарки отъ Макарья. Тогда ярмарка еще на Жолтыхъ водахъ была; у него десятокъ работниковъ въ бурлакахъ: половина спитъ по обычаю; другая свою должность правитъ: ладитъ паруса и снасти. Оплошка есть—да малая. Сторожевой, чередовой разбойникъ въ кустахъ спрятался и все видитъ и видитъ больше того, что хозяинъ барки думаетъ. У нихъ ужъ такіе лазутчики были въ нищей братіи, что разузнавали всю подноготную: какой купецъ когда поѣдетъ, какіе повезетъ товары и на сколько рублей и сколько этихъ рублей въ мошнѣ у него; какая у него сила, сколько рабочихъ, и хворой ли то народъ, али здоровой. Все знали лазутчики и объ всемъ давали знать воровскому атаману. Тотъ по окраскѣ и судно узналъ, а на кормѣ у него во всю силу и имя прописано. Молодцы сейчасъ въ лодку, и сейчасъ за разбойничью пѣсню свою, и пѣли ее такъ ладно и складно, что заслушаешься и страхъ позабудешь на время. Это первая уловка разбойничья:—да ей не давались! И гребутъ разбойники къ судну купецкому и кричатъ на него свою «сарынь на кичку». Дуракъ-бурлакъ понималъ это слово, понималъ онъ его такъ, что сейчасъ же ничкомъ ложился на палубѣ: разбойники приходили, все обирали; и ничего не оставалось дѣлать хозяину, какъ отдать свои денежки, потому что вся прислуга ничкомъ лежитъ и не шелохнется. Кто пошевелился—тому и ножъ въ затылокъ: расправа короткая! А лежалъ бурлакъ ничкомъ потому, что въ бурлацкихъ артеляхъ мнѣніе такое было, что разбойникъ съ нечистою силою знается, а что въ атаманы они и не брали такого, который зараньше не продавалъ свою душу черту за шелковую персидскую рубаху и за бархатные шаровары. И былъ у меня въ старые годы дружокъ (нонѣ покойной) вятской купецъ Анфилатовъ: въ городѣ Слободскомъ онъ купеческой банкъ основалъ. А на тотъ годъ онъ впервые торговать началъ: нагрузилъ барку хлѣбомъ да и поѣхалъ въ Астрахань за персидскими разными товарами. И зналъ онъ про бурлачью дурь, про повадку и сказывалъ имъ: «кто-де изъ васъ первой ляжетъ ничкомъ — тому первому и пуля въ лобъ. Себя—сказывалъ—не пожалѣю». Такъ и сталось: выѣхали разбойники, свою «сарынь на кичку» вскричали, а бурлаки стоятъ себѣ на ногахъ и не валятся. Раза три кричали свое слово разбойники, да и полѣзли на верхъ: Анфилатовъ топоромъ урѣзалъ перваго: «положилъ въ воду». Другой полѣзъ—и того положилъ. Видятъ останные, что дѣло плохо—на утекъ....

— Извините, я вашу рѣчь перебью!

Старикъ пріостановился. Общее вниманіе перенесено было на новое лицо, перебившее рѣчь старика. Это былъ сухой господинъ, съ французской бородой, въ очкахъ и въ помятой пуховой шляпѣ, той формы, которая такъ быстро успѣла войдти въ послѣднее время во всеобщее употребленіе.

— Чѣмъ-то этотъ хочетъ потѣшить насъ?—думали многіе, если не всѣ и—опустивъ головы, стали прислушиваться. Затронутое любопытство, но съ большою долею равнодушія и праздности, смѣшивалось на многихъ лицахъ. Ждали недолго; господинъ въ мятой шляпѣ продолжалъ:

— Важно—говорилъ—онъ не то, что вы разсказываете; не то, что про разбойниковъ и противъ разбойниковъ построены были гаркоуты. Надо же было принимать когда нибудь и хоть какія нибудь мѣры предосторожности. Разбои такъ быстро и сильно увеличивались. Все приволожье обуялъ какой-то страхъ паническій, страхъ, который не могли разсѣять ни воинскія команды, ни дневной свѣтъ, котораго вообще боится всякій воръ, изъ какого бы онъ народа ни происходилъ, въ какой бы части свѣта ни родился. Разбои на Волгѣ происходили среди бѣла-дня, при блестящемъ солнечномъ освѣщеніи—это факты. Разбойники хорошо знали, что за ними назначены слѣдить воинскія команды на гаркоутахъ, мало того, они видали эти гаркоуты; скажу больше—бывали на нихъ, пили водку, пиво. Важенъ тотъ фактъ, хочу я сказать, что эти же самые казенные гаркоуты производили грабежи (правда не разбои); не говорилось «сарынь на кичку», но брался оброкъ и довольно тяжелый, сильно — стѣснительный. Важно здѣсь то обстоятельство, что въ процессъ искорененія однаго зла успѣло вкрасться иное зло, домашнее. Грустно думать, что у насъ доброе начало въ большей части случаевъ имѣетъ скверныя послѣдствія. Руки у насъ нечисты; словно до самаго корня пропитаны мы зломъ, а зло успѣло раздробиться на тысячи видовъ и каждый видъ получилъ свое названіе. Казнокрадство и взяточничество, неуваженіе къ чужой собственности и къ чужой личности—худшія изъ этихъ золъ, но они существуютъ и теперь, а что было тогда? Гаркоуты *велѣно* было уничтожить: они превосходили всякую возможную мѣру терпѣнія Разбои прекратились, но не гаркоутами, а сами собой: некому было воровать; да и разбойники, сначала напуганные правительственною мѣрою—замолчали, перестали выѣзжать; потомъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и изумленіемъ смотрѣли на новыхъ дѣятелей и, изобрѣтательные сами по себѣ, изумлялись находчивости соперниковъ, и наконецъ кончили тѣмъ, что обратились къ мирнымъ занятіямъ и преспокойно нанялись—себѣ въ бурлаки, въ ямщики. Тогда берега Волги кстати успѣли крѣпко облюдѣть, заселиться. Я хотѣлъ сказать, что все вами разсказанное теперь, не новость: про это всякой слыхалъ и читалъ; мало того, видалъ даже на сценѣ. Стоитъ только вспомнить московскія сѣробумажныя изданія тридцатыхъ годовъ, гдѣ вы найдете и «Таньку разбойницу Ростокинскую», и другихъ разбойниковъ. Ванька Каинъ на своемъ оригинальномъ, замѣчательно-мѣткомъ языкѣ добросовѣстно передалъ ко всеобщему свѣдѣнію свои личныя разбойничьи похожденія. Смотрите на столичныхъ сценахъ, на масляницѣ — счастливую драму или лучше дивертиссементъ князя Шаховскаго «Двумужницу», вы увидите повсюду если не совсѣмъ правду, то во всякомъ случаѣ что-то чрезвычайно близкое къ дѣйствительности. Такова по всему вѣроятію была внѣшняя сторона разбойничьяго дѣла, декораціи, которыми украшался и обставлялся этотъ родъ грѣховнаго промысла. Онъ всегда грязенъ и отвратителенъ, потому что на немъ запеклася кровь.

— Мнѣ кажется: это были по большей части тѣ уроды изъ простаго народа, тѣ негодяи, которые избаловались и привыкли къ праздности, привыкли къ кабаку. Нуждались въ выпивкѣ—шли въ разбойники.

— Это слишкомъ узко. Такъ судить о знаменательныхъ событіяхъ нельзя. Съ такими положеніями мы не далеко уйдемъ.

— Но вы начинаете сердиться....

— Не сержусь я на то, когда оправдываютъ разбойника и отвыкъ сердиться и уходился до того, что спокойно вѣрю и въ тотъ знаменательный фактъ, что едвали нашему времени позволено будетъ и удастся раскрыть прямую причину разбоевъ. Она такъ сложна и запутанна! Я не стану ходить далеко и возьму въ примѣръ недавнихъ казанскихъ разбойниковъ; со смерти или лучше сказать со времени казни ихъ не прошло и двухъ десятковъ лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, именно Быковъ, сознался, что зарѣзалъ беременную женщину за тѣмъ, чтобы посмотрѣть какъ у ней лежитъ въ маткѣ младенецъ и живой ли онъ; и разорвалъ татарина пополамъ, привязавши ногами къ двумъ наклоненнымъ вершинамъ для того только, чтобы видѣть, что изъ того будетъ. И потомъ прибавлялъ, что собственными руками не сдѣлалъ онъ ни одного преступленія, не запачкалъ ихъ ни одною каплею крови: все за него исполнялъ товарищъ его Чайкинъ. Да такъ дѣйствительно и было. Въ этомъ характерѣ Быкова я вижу что-то демоническое, фатальное.

— Онъ былъ сумасшедшій

— Да! Но манія его достойна глубокаго изученія: и патологическаго и философскаго. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ бѣшеныхъ, отысканіе причины маніи которыхъ предметъ интересный, серьезный и чрезвычайно трудный. Самъ онъ ничего не отвѣтилъ. Вѣрю: можетъ быть и оттого, что его не умѣли спрашивать, хотя, говорятъ, онъ и сказалъ одному изъ членовъ, желавшему знать причины его звѣрства: «на что вамъ это? али на всякой случай, чтобъ самимъ впередъ пригодилось». Вѣрю также невозможности раскаянія и присутствію чистосердечія въ томъ человѣкѣ при смерти, который ни разу не уступилъ совѣсти при жизни. Нѣтъ! что хотите, а я не вѣрю такимъ скороспѣлымъ выводамъ, которые вы успѣли высказать. Зачѣмъ же были Стеньки Разины, Пугачевы? Мы займемся теперь разборомъ простѣйшихъ, болѣе доступныхъ намъ фактовъ. Что вы, напримѣръ, думаете въ этомъ случаѣ о бурлакахъ?

— Полагаю, что страхъ ихъ поддерживался суевѣріемъ — исконнымъ достояніемъ всякаго народа, а въ томъ числѣ и нашего.

— Этого по моему даже и не нужно, какъ и доказалъ то, напр., тотъ же Анфилатовъ; онъ показалъ пистолетъ—и бурлаки предпочли невещественный, отвлеченный страхъ дѣйствительному, вещественному. Я знаю и многіе другіе примѣры подобнаго рода, но не стану приводить ихъ, потому что не хотѣлъ собственно и говорить объ этомъ предметѣ, да скучно стало сидѣть, да и пришлось къ слову. По вашему, что такое бурлакъ?

— Это одинъ изъ несчастнѣйшихъ видовъ, подраздѣленій нашего простаго народа. Бурлакъ — человѣкъ, профессія котораго, сосредоточивая и развивая силу физическую, обездолила его нравственную сторону. Это—рабочая сила, которая только теперь, къ счастію, и то на половину только, замѣнена лошадьми и паромъ; рабочая сила — повторю я — подчиненная произволу и волѣ одного человѣка за извѣстную плату, на извѣстную путину. Онъ видитъ только впереди извѣстное число рублей, которые пропьетъ до послѣдней копѣйки разъ въ Рыбинскѣ, другой — въ Астрахани и третій разъ въ Нижномъ; знаетъ онъ только одного хозяина....

— Съ которымъ однако (прибавлю я) не связанъ нравственными узами. Хозяйское добро бережетъ или самъ хозяинъ или прикащикъ, бурлакъ только добро это тащитъ, куда велѣно. Онъ не муромскій, не коломенскій извощикъ, который беретъ всѣ обозы на свой страхъ и попеченіе и за цѣлость ихъ, по накладной, отвѣчаетъ только честнымъ словомъ, кстати сказать, всегда вѣрнымъ и незыблемымъ. Бурлакъ, ложившійся ничкомъ передъ ножами разбойниковъ, думалъ никакъ недальше слѣдующаго: «пронеси, Господи, бѣду мимо меня, а у хозяина денегъ много; коли отдастъ, сколько потребуютъ—не убьютъ; а наши деньги всегда оставятъ, таковъ ужъ разбойничій обычай! Да и изъ за какого чорта лысаго станемъ мы животы свои тратить; на это насъ не подряжалъ хозяинъ, да и не вѣсть какія деньги и такъ то получаемъ, изъ за нихъ и мизинецъ занозить стыдобушка. Опять же когда и не наша — на бѣду — возьметъ; разбойникъ ближній человѣкъ, сосѣдній: изъ одной деревни другой найдется—чего добраго! А со своимъ человѣкомъ ссориться—хуже худа нѣту. Опятьже сегодня одинъ хозяинъ, а на другой годъ и къ другому можно наняться. Матушка Волга широка долга—не клиномъ сошлась на ту бѣду!» Не правдали, что это отчасти такъ? — отнесся господинъ въ мятой шляпѣ къ старику — разскащику.

— А я, признаться, объ разбояхъ этихъ мало размышлялъ; разсказываю что слыхалъ, а самому испытывать не доводилось. Правда же это, что добраго прикащика и встарь, что и нонѣ, днемъ съ огнемъ поищешь, а ужъ не только рабочаго какого.

— Разбойники, по моему мнѣнію (продолжалъ господинъ въ измятой шляпѣ) плодились быстро отъ того, что была имъ повадка отъ продажной совѣсти земской власти и отъ того равнодушія (не скажу пока сочувствія), какое питало къ этому людному сословію остальное наше простонародье. Иначе, чѣмъ объяснить то явленіе, что отъ самаго истока до крайняго устья Волги почти на каждомъ шагу попадаются бугры и горы, заклейменные именемъ какого нибудь разбойника и даже разбойницы? отчего отъ самаго истока у рѣдкаго села нѣтъ позорнаго прозвища: то слышишь «Новоторы—воры да и Осташи хороши»; то «Слопинецъ да Бобринецъ ворамъ кормилецъ, а Елецъ ворамъ отецъ», то «Лихвинскія горы да Новото̀ржскіе воры злѣе всѣхъ», то «Кинешма да Рѣшьма кутитъ да мутитъ, а Со̀лдогда, Арменки убытки платитъ», и проч. Не диво отчасти, что при такомъ множествѣ коренныхъ пунктовъ, корпораціи разбойниковъ были многолюдны. Нѣтъ ничего страннаго, если предположимъ, что между всѣми партіями существовала, помимо нравственной, и вещественная, дѣйствительная связь, какъ это и доказываетъ признаніе Ваньки Каина въ собственной повѣсти. Не дивлюсь я теперь, что бурлакъ послушно падалъ при крикѣ «сарынь на кичку»: бурлакъ такой убитый человѣкъ! Я даже не вѣрю, чтобы они были авторами поэтическихъ думъ и пѣсенъ волжскихъ. Ихъ воображеніе и фантазія не могли идти дальше той простой пѣсни, которая бьетъ имъ тактъ и уравниваетъ ихъ шаги, пѣсни, въ которой нѣтъ никакого особеннаго смысла, кромѣ ряда словъ, разставленныхъ въ извѣстное количество равныхъ слоговъ. Авторы волжскихъ пѣсенъ—несомнѣнно разбойники. Бурлаки только хранители этихъ пѣсенъ и то плохіе: теперь онѣ уже замѣтно пропали и у рѣдкаго доспросишься, рѣдкой подаритъ замѣчательной пѣсней помимо тѣхъ, какія уже успѣли набить оскомину съ ученической скамьи до веселой и бурливой компаніи въ настоящее время. Счастливѣе другихъ былъ въ этомъ отношеніи г-нъ Костомаровъ, начавшій печатать свой замѣчательный сборникъ въ саратовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, но не кончившій. Г. Якушкинъ, напр., нашелъ волжскую разбойничью пѣсню въ Орловской губ., Богъ вѣсть кѣмъ и когда занесенную. Пѣсня эта особенно замѣчательна по тому обстоятельству, что въ ней возстаетъ изумительно-поэтическій образъ женщины-разбойницы: можетъ быть Дуньки Казанской, можетъ быть Таньки Ростокинской. Во всякомъ случаѣ образъ этотъ—гомерическій. Имъ можно любоваться до ужаса. Такой же точно чудовищный образъ женщины-атамана видѣнъ въ одной изъ пѣсенъ костомаровскаго сборника, описанный не менѣе яркими красками и обставленный не меньшими ужасами. Знаете-ли что? объ разбояхъ можно говорить много и наши писатели обязаны говорить объ этомъ много. Чувствую, что трудъ не малый; Богъ вѣсть—гдѣ разбоевъ не было, Богъ вѣсть сколько архивовъ надо перерыть для этого дѣла! Рѣшая задачу Стеньки Разина, г. Костомаровъ положилъ только начало дѣлу. Останавливаясь на созданіи Руси въ Кіевѣ, на обрученіи ея съ Византіею въ Москвѣ, на крещеніи ея Петромъ, я готовъ еще остановиться на казачествѣ, на Великомъ Новгородѣ, на расколѣ и на разбояхъ, чтобы вывести послѣднiй итогъ и уяснить себѣ многое, если не все.

Рѣчь разскащика прервана была пронзительнымъ свисткомъ, возвѣстившимъ намъ, что мы близко пристани. Выйдя на палубу, мы увидѣли мрачныя, одинокія стѣны монастыря, за ними церкви и утлые домишки несчастнаго города Макарьева. Видѣли дѣвокъ, таскавшихъ на пароходъ дрова, двухъ-трехъ послушниковъ, бабъ, продававшихъ пироги, яица, молоко, ягоды и яблоки. Видѣли опять господина въ мятой шляпѣ съ товарищемъ, возвращающимися съ берега на пароходъ.

Разскащикъ говорилъ, и говорилъ уже болѣе смягченнымъ тономъ и спокойнымъ голосомъ.

— Это понятно, дѣло дѣтское. Не играйте—говорятъ имъ—тутъ, потому-то и потому-то, дурно и вредно, играйте здѣсь, потому что здѣсь лучше, посмотрите сами! «ай—и въ самомъ дѣлѣ лучше, станемте играть лучше здѣсь!» Такъ точно и тутъ—«вамъ, говорятъ, торговать, лучше тамъ, гдѣ это удобнѣе, а торговать все-таки надо, торгуйте лучше тамъ, гдѣ сошлись Ока съ Волгой, и посмотрите какія это славныя рѣки, а здѣсь—говорятъ—что за мѣсто? и рѣка мелка и некрасиво». Посмотрѣли, подумали—нашли, что и въ самомъ дѣлѣ лучше, сначала, по тупой привычкѣ, года два-три ѣздили на старое мѣсто, а потомъ догадались, и совсѣмъ перешли на новое. Умныя дѣти, послушныя дѣти! Мы вамъ за это игрушки подаримъ: вотъ пока вамъ каменная дорога, а вотъ вамъ и желѣзная за хорошее поведенiе.

— Но отчего же, такъ вдругъ обѣднѣлъ городъ?—спрашивалъ товарищъ.

— Да онъ никогда и не былъ богатымъ. Развѣ самый Нижнiй сильно богатѣетъ? Вѣдь ярмарка привозитъ деньги и удѣляетъ ихъ, но въ то же время она привозитъ и столичныя затѣи. А мы народъ и балованный и неумѣлый, потому что не только мало образованы, но и мало грамотны: истина старая и истертая уже до безобразiя. Вы укажите мнѣ хоть одинъ городъ, который разбогатѣлъ бы отъ ярмарки.

— Ростовъ.

— У него и безъ нея много средствъ богатѣть. Не забудьте кстати, что ростовцы—всѣ огородники, лучшіе и единственные по всей Россіи. Да и Ростовъ—давно строится, Ростовъ старый-престарый городъ. Недаромъ ярмарки придумали выносить за городскую черту, какъ это дѣлается вездѣ: и въ Лебедяни и въ Курскѣ, и въ самомъ Нижномъ и въ Ромнахъ, и вездѣ, рѣшительно вездѣ. Ярмаркѣ только нужно приткнуться такимъ образомъ, чтобы не строить себѣ (лишній разъ не хлопотать) постоялыхъ дворовъ и гостинницъ. Вотъ эти-то постоялые дворы и замѣняетъ городъ, этими-то гостинницами и служитъ онъ для пріѣзжихъ купцовъ, именно для *пріѣзжихъ*, потому большинство туземцевъ маклачитъ по мелочамъ, торгуетъ на грошъ: дѣло мѣщанское! Я знаю, что въ Лебедяни мѣщане—барышники лошадиные; на хлѣбныхъ рынкахъ—кулаки, въ Ростовѣ они торгуютъ мелкою дрянью: дѣятельность невидная! Виднѣе еще какъ будто торговля съѣстнымъ, но и та ведется женскимъ населеніемъ города, но и та съ крохи на кроху мелкотой пробивается, изъ за хлѣба на квасъ не заработываетъ, говоря словами ихъ же поговорки.

— Изумительно печально положеніе нашихъ мѣщанъ!

— А еще печальнѣе то, что за нихъ еще почти совсѣмъ не вступалась наша литература и обходила ихъ, какъ будто забывая, что они существуютъ, что они составляютъ самостоятельный и интересный для изученія и поученія классъ, что они—не крестьяне и не купцы, а именно—мѣщане, срединное звѣно между этими двумя звѣньями въ сложной цѣпи сословій русскаго царства. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ еще на череди, мы не будемъ говорить объ немъ теперь: пойдемте лучше любоваться на Волгу, она такъ хороша здѣсь!

Дѣйствительно, гористый и лѣсистый правый берегъ Волги необыкновенно живописенъ. Начинаясь высоко отъ самаго Нижняго, онъ здѣсь, за Макарьевымъ и особенно отъ стороны богатаго Лыскова, изумляетъ величиной и разнообразіемъ высей. И мирно плыветъ рядомъ съ нимъ низменный лѣвый берегъ, весь въ зелени, весь заросшій сочной, богатой травой. Хороша Волга налѣво и еще лучше направо. Контрасты разительны, и въ тоже время такъ своеобразны и увлекательны! Налѣво что-то кроткое и мирное, направо что-то торжественное и страшное; налѣво—тѣни легкія и ласкающія, направо—рѣзкія и пугающія.

— Если разбойники водились и въ здѣшнихъ мѣстахъ, то они непремѣнно выходили изъ деревень этого, праваго берега. Бурлаки непремѣнно въ свою очередь жили въ то время въ деревняхъ лѣваго берега.

Такъ говорилъ нашъ недавній знакомецъ — словоохотливый разскащикъ въ помятой шляпѣ.

— Впрочемъ—прибавилъ онъ—Волга такъ хороша, и про нее такъ много было говорено и печатано, что лучшаго не придумаешь. Однѣ народныя пѣсни даютъ на это какой богатый и полный отвѣтъ!

Съ этими словами нельзя было не согласиться вполнѣ и безспорно.

Пароходъ нашъ, между тѣмъ, летѣлъ очень скоро, притягивая новые виды и давая достоточно времени, чтобы ими полюбоваться. Замѣчалось разнообразіе, хотя и не особенно рѣзкое. Начинало между тѣмъ смеркаться. Лѣвый берегъ отошелъ отъ насъ далеко и пропалъ во мракѣ; правый почернѣлъ еще болѣе и еще сумрачнѣе сталъ глядѣть на насъ. И какъ онъ дико-красивъ былъ въ эту пору!

По несчастію намъ привелось этимъ любоваться недолго: берегъ вскорѣ пересѣкла широкая полоса рѣки. Рѣка оказалась Сурой, знаменитой своими стерлядями, лучшими послѣ чепецкихъ. Тамъ, далеко въ темнотѣ, пропадалъ городъ Василь и хорошо дѣлалъ: печальнѣе его и бѣднѣе мало другихъ городовъ на святой Руси.

Мы бросили якорь. Намъ объявили, что за темнотою капитанъ не надѣется пройти дальній и довольно-опасный перекатъ, и потому мы должны были простоять здѣсь часа четыре, пока длился ночной сумракъ. Воспользовавшись этимъ временемъ, я вышелъ на берегъ.

Песокъ хрустѣлъ подъ ногами; кругомъ было тихо, вдали виднѣлся огонекъ, какъ будто разложена была теплина. Я пошелъ по этому направленію. Вижу разложенный огонь, надъ нимъ чугунный котелокъ, подлѣ валяются живыя фигуры—человѣкъ шесть.

— Здѣшніе вы?

— Нѣту, бурлаки.

— Откуда?

— Вятскіе.

— Какъ это васъ сюда Богъ занесъ, въ даль такую?

— Ребята нахвалили: пошли попробовать.

— Ну что, хорошо?

— Больно плохо: тяжелѣе работы — кажись — и на свѣтѣ нѣту. Не знаемъ, какъ и до дому добредемъ, а добредемъ—назадъ ужъ не вернемся.

— Одёжей износились; въ баню бы вотъ хочется; такъ вишь не готовятъ, а закажи—слышь: и прождешь цѣлой день; а работа на срокъ.

— Да можетъ быть, выгодно нанялись?

— А не знаемъ. Чай домой-то и трети не принесешь выручки....

— Хлѣбъ-отъ есть ли у васъ?

— Хлѣбъ есть: въ Козмодемьянскомъ купили. На варево больно вишь шибко позываетъ: надоѣла сухомятка. Вонъ какую-то рыбку половили: уху варимъ. А опричь того—ничего больше и нѣтути.....

— Подайте, батюшки, отцы благодѣтели, бѣдной странницѣ на пропитаніе!—вдругъ откуда ни взялся разбитый старушечій голосъ, и сама, разбитая ногами, старуха-нищенка стояла уже подлѣ группы нашей, изъ среды которой раздался новой голосъ, не менѣе разбитый, въ отвѣтъ ей:

— Богъ подастъ, баушка, сами семерыхъ послали—не знаемъ что принесутъ.

Всѣ засмѣялись.

— Шишка нашъ!—счелъ за нужное объяснить мнѣ самый ближайшій ко мнѣ.

— Веселый же онъ у васъ, и съ голоду—шутитъ!-замѣтилъ я.

— Такой ли онъ былъ, какъ изъ дому шолъ?! Изломало его пуще всѣхъ: дѣло вишь его такое, что навсегда онъ долженъ быть впереди, вся тягость-то на него и ложится. Онъ же и пѣсню запѣвай; онъ первымъ и лямку дергай. Трудно!

— Какъ не трудно, когда все на грудь ложится: болитъ—поди!

— Схватывается же онъ за нее часто, жалуется, а все шутитъ.

— Шутки шутить всѣхъ веселить, дядя Мартынъ!—такъ-то!—отвѣчаетъ уже самъ шишка, и продолжаетъ потомъ:

— Дѣло бурлачье, почтенной человѣкъ, такое выходитъ: что пять тебѣ алтынъ, да изъ боку ребро—вся тутъ и сказка. Идешь себѣ путиной да и думаешь: шелъ—перешелъ: кабы день прошелъ, а ужъ объ томъ не кладешь заботы, что тебѣ завтра ѣсть дадутъ, а ино смѣкаешь, что большая-де сыть брюхо портитъ, да вѣдь и опять же много ѣсть—не велика честь, не назовутъ богатыремъ, а объѣдалой. Дома, почтенной человѣкъ, безотмѣнно лучше, чѣмъ здѣся!

Всѣ засмѣялись. Одобренный повадкой, шутникъ продолжалъ:

— Богъ дастъ день—Богъ дастъ и пищу—сказано, а на другой день попищимъ-попищимъ, да и такъ просидимъ. А вѣдь ужъ бурлацкое дѣло такое: нѣтъ ему ни отъ вѣтра затулы, ни отъ дождя защиты, и въ лаптяхъ идемъ, а не спотыкаемся. Дома—таки не въ примѣръ лучше.

— Да ты женатый?

— Была жена да и тоё корова сожрала, кабы не попово сѣно и самаго бы съѣла.

Опять всѣ хохочутъ.

— Чѣмъ же тебѣ дома-то лучше?

— Да хоть бы и тѣмъ, что тамъ ѣшь сколько хошь, ѣшь покуда упадешь, а на ноги поставятъ, опять ѣсть заставятъ. Оставя шутки надо тебѣ говорить, господинъ честной, вотъ что: баней мы очень тяготимся; дядя-то Мартынъ тебѣ давѣ правду сказывалъ. Бабы наши не даромъ толкуютъ, и вѣрно: въ банѣ паришься, изъ косточки въ косточку можжечекъ переливается. А тутъ вонъ тебѣ судовой-то хозяинъ дастъ деньги—да и сказываетъ: вотъ тебѣ слышь копѣйка, выпей хорошенько, закуси да грошъ сдачи принеси. Вотъ что худо.

И опять общій смѣхъ и вѣроятно продолжится этотъ поддерживающій силы, отрезвляющій помыслы смѣхъ, честный и искренній, до тѣхъ поръ, пока не устанетъ и не угомонится шутникъ-шишка. Не буду же и я мѣшать имъ и употреблять во зло словоохотливость и откровенность простосердечнаго и добродушнаго вятскаго народа.

Потянется шуба за кафтаномъ, наступитъ осень, станетъ рябить матушку-Волгу въ послѣдніе разы и начнетъ прихватывать съ краевъ и затягивать цѣльнымъ полотномъ ледянымъ отъ берега до берега—придетъ бурлаку пора ко двору тянуться. А встанетъ вода на воронкахъ и осилитъ ихъ ледъ и придутъ по Волгѣ обозы съ деревянной посудой, съ кожами, съ лыкомъ, да съ мерзлой рыбой, да съ овечьимъ руномъ—бурлакъ уже давно дома на печи шутки шутитъ, за столомъ, черезъ хлѣбъ, калачъ достаетъ; ѣстъ сколько въ горло войдетъ. А мужицкое горло что бердо по пословицѣ—долото проглотитъ, а брюхо изъ семи овчинъ шито!

На дорогѣ мнѣ попался опять нашъ неутомимый разскащикъ, также возвращавшійся на пароходъ. Онъ говорилъ:

— Пословица говорится: богатому быть трудно, а сытому не мудрено. Разъ не успѣвши захватить въ свои руки хлѣбной торговли, разъ не заявивши себя срединнымъ хлѣбнымъ центромъ, Василю ужъ трудно было дѣлать что нибудь въ то время, когда завелись богатые-пребогатые сосѣди, за которыми тягаться далеко—упаришься, напр. село Лысково и городъ Козмодемьянскъ. Конечно Василь собственно долженъ быть пунктомъ хлѣбнымъ для Суры и посредникомъ для передачи низоваго хлѣба на Волгу, но во первыхъ тамъ, въ верховьяхъ Суры, завелось дѣятельное торговое село Промзино-Городище, а во вторыхъ ни одинъ хлѣбный прикащикъ, по завѣту отцовъ и по приказу хозяевъ, не закупаетъ хлѣба въ Василѣ, а ѣдетъ въ Промзино-Городище. Это-то село, почти съ исключительною привиллегіею для себя, и отправляетъ на мокшанахъ весь пензенскій, тамбовскій, и отчасти симбирскій и саратовскій хлѣбъ въ Петербургъ. Я видѣлъ это село—деревянное правда, но многолюдное и лѣтомъ крайне-оживленное: оно какъ будто втянуло и сосредоточило въ себѣ всю силу хлѣбной торговли по Сурѣ, обездоливъ остальные сурскіе города: и Алатырь, и Курмышъ, и Ядринъ. Послѣдній городъ еще является соперникомъ, но слабымъ и ничтожнымъ...

— А рыбные промыслы въ Василѣ?

— Ничтожны: капля въ Волгѣ.

— Однако сурскія стерляди почитаются лучшими изъ волжскихъ, нейдутъ въ сравненіе ни съ шекснинскими, ни съ унженскими, ни съ ветлужскими. Онѣ уступаютъ, говорятъ, однимъ только вятскимъ, именно чепецкимъ.

— Лучшее доказательство ихъ достоинства вы видѣли сейчасъ въ трактирѣ: горячая вода, двѣ луковки, двѣ стерлядки, и—на половину миски ржавчина—вкуснѣйшій жиръ и такая уха, какой не пададутъ вамъ ни въ одной изъ столицъ.

— Въ Козмодемьянскѣ мы ничего не найдемъ особенно замѣчательнаго?

— Ничего, да и тамъ не надолго остановимся.

На другой день, со свѣтомъ, мы снялись съ якоря. Острова по Волгѣ стали попадаться рѣже; выплылъ одинъ, но замѣтно больше против тѣхъ, какіе уже намъ попадались десятками. Волга становилась замѣчательно шире: приближалось то мѣсто, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Ветлуга своимъ широкимъ, песчанистымъ устьемъ. Ветлуга—шестая большая рѣка (отъ истока), впадающая въ Волгу, шестая рѣка, бѣгущая изъ лѣсовъ, стало быть многоводная, и многоводная въ той степени, что она изъ лѣсныхъ рѣкъ уступаетъ въ величинѣ одной только Камѣ—царственной рѣкѣ всего приволжья, послѣдней изъ лѣсныхъ волжскихъ притоковъ. Остальные притоки Волги бѣгутъ изъ степныхъ полосъ Россіи и между ними Ока является достойной соперницей Камы, за тѣмъ слѣдуютъ: недавняя Сура и недалекая уже (для насъ) Свіяга и затѣмъ степныхъ притоковъ Волги нѣтъ, всѣ остальные ничтожны и немногозначущи. Ветлуга, какъ Кострома-рѣка, Унжа, какъ Керженецъ, какъ Кокшага, несутъ въ Волгу лѣсные матеріалы въ плотахъ, а нерѣдко и въ судахъ разныхъ наименованій, между которыми гусянкамъ принадлежитъ первое мѣсто. Правда, что подобнаго рода промыслы по рѣкамъ Унжѣ и Ветлугѣ обездолили эти рѣки, засыпанныя теперь песками и способныя поднимать неглубоко сидящія барки только во время весенняго половодья. Ветлуга не выпустила даже въ Волгу недавно выстроеннаго (собственно для нея) парохода, скоро принужденнаго ограничить свои рейсы небольшими прогулками и затѣмъ — сколько помнится — совершенно прекратить ихъ. Насколько между тѣмъ развита лѣсная промышленность въ притокахъ Волги, можно судить по двумъ рѣкамъ, короткимъ въ своемъ теченіи, каковы Керженецъ — нѣкогда средоточіе сильнаго раскольничьяго толка, и Кокшага, при устьѣ которой, въ селѣ того же имени, въ весеннюю и лѣтнюю пору, временно основывается цѣлый городъ, шумный попойками, громкій сильной карточной игрой и другими дѣлами, на какія падко богатое деньгами и праздное человѣчество.

Между тѣмъ «Телеграфъ». исполняя свое обѣщаніе сегодня же доставить насъ въ Казань, спѣшитъ далѣе. Мы видимъ издали Козмодемьянскъ, видимъ Чебоксары, вдали бѣлѣетъ Свіяжскъ — городъ Грознаго. Видимъ тутъ, тамъ и здѣсь, бѣлыя и желтыя старинныя церкви, каменные дома. Видимъ барки, росшивы и другія суда, бѣгущія къ намъ на встрѣчу. Несутся оттуда завѣтныя бурлацкія пѣсни, которыхъ успѣешь еще наслушаться подъ Нижнымъ и которымъ не будетъ конца и за Казанью до Самары, и до Астрахани.

Вотъ бѣлѣетъ вдалекѣ, въ десяти верстахъ отъ Волги, разбросанная на горахъ и подъ горой, Казань. Пароходъ останавливается на Бакалдѣ. Извощики-татары чуть не разрываютъ васъ на части: нѣкоторые въ пролеткахъ, другіе съ долгушками, но большая часть—ломовыхъ въ какихъ то курьезно-мелкихъ телегахъ. Беремъ и того, и другаго: и ѣдемъ по отвратительно-скверной дорогѣ, едва возможной для ѣзды, едва выносимой. Не дорогой собственно ѣдемъ мы дальше: везутъ насъ между кустами, по какимъ- то тропинкамъ, оврагамъ; деревья хлещутъ въ лицо; колеса срываются въ глубокія колеи и грозятъ ежеминутнымъ паденіемъ. Съ трудомъ добираемся мы, обрызганные, на половину измученные, до Адмиралтейской слободы, по которой предстоитъ новый рядъ мученій, едва ли не тягчайшихъ. Мученія не оставляютъ насъ и на дамбѣ, связующей слободу съ Забулацкой стороной города. Но отчего мученія эти переносимъ мы съ меньшимъ ропотомъ? Отчего радуетъ насъ появленіе казанскаго памятника, въ которомъ, кромѣ пирамиды, нѣтъ ничего бросающагося вь глаза и особенно радующаго? Отчего наконецъ бьется наше сердце и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе придвигается къ намъ Казань. Отчего испытываемъ мы радостный трепетъ даже и въ то время, когда являются печальные виды недавно погорѣвшаго, несчастнаго города, обездоленнаго на большую свою половину? Отчего, наконецъ, мы начинаемъ испытывать ту лихорадочность нетерпѣнія, какая такъ рѣдко дается въ жизни, и становится дальнимъ туманнымъ преданіемъ темнаго дѣтства, то пріятное нетерпѣніе, обливающее сердце кровью и наполняющее всѣ помыслы, когда вы видите родной кровъ, родныя лица, улыбающіяся вамъ послѣ долгой разлуки, когда вы смотрите на тѣхъ существъ, которыя не покупаются ни за как[illegible] деньги въ жизни, а даруются природой, какъ лучшій ея даръ, какъ драгоцѣнное, жизненное достояніе. Прочь всякая преступная, задняя мысль! Прочь всякое сомнѣніе, недовѣріе, скептицизмъ!...

Но отчего же именно Казань ласкаетъ насъ своимъ видомъ и обхватываетъ все существо пріятной радостью, навѣваетъ тысячи отрадныхъ воспоминаній и ощущеній? Въ Казани нѣтъ для насъ ни одного кровнаго существа. Въ Казани нѣтъ для насъ родительской кровли. Тѣ и другая тамъ далеко, за Волгой, за дремучими лѣсами, въ печальныхъ мѣстахъ дальняго Костромскаго уѣзда. Въ Казани мы прожили только два мѣсяца своей скитальческой жизни, жизни, сложившейся уже изъ трехъ десятковъ лѣтъ. И мы все таки радуемся полною радостію, искреннею и неподкупною. Мы блаженствуетъ, мы наслаждаемся. Забылось все прошлое, живется однимъ настоящимъ, всецѣло вѣрится въ будущее.

Пойметъ насъ—можетъ быть—тотъ, кому удалось уже въ жизни не одинъ разъ сниматься съ привычнаго, обсиженнаго мѣста и толкаться между чужими людьми, гдѣ мало привѣту и нѣтъ мѣста для душевнаго спокойствія, для сердечныхъ наслажденій. Всѣ дни, недѣли и мѣсяцы сложились изъ цѣпи безпокойствъ, недовольствъ, неудобствъ вещественныхъ и нравственныхъ. Начинаешь день въ полномъ невѣденіи того, что придется уловить, чѣмъ поживиться, продолжаешь день подъ вліяніемъ въ большей части случайностей (рѣдко удается дѣйствовать навѣрняка) и кончаешь день почасту въ неудачахъ, почасту ложишься спать измученнымъ, далеко неудовлетвореннымъ. Наступаетъ иной день, полный безконечныхъ тревогъ и туманныхъ, сосредоточенныхъ ожиданій и въ то время, когда новыя мѣста манятъ своей новизной, своимъ интересомъ. Эти же новыя мѣста, бездна новыхъ лицъ, обставленныхъ неизвѣстной знаменательной средой, иные нравы, иные повѣрья, суевѣрія, предразсудки, новыя слова, пословицы, поговорки, неотступно преслѣдуя, обязательно, и всецѣлостно увлекая, обусловливаютъ впереди новые дни, цѣлый рядъ дней, недѣль и мѣсяцевъ рабочихъ, богатыхъ тревогами и ожиданіями. Больше чѣмъ когда либо понимаешь глубину нравственнаго смысла простой пословки: «путь-дорога красна не сномъ, а заботой» и не видишь инаго исхода, кромѣ работы и заботы. И вотъ мелькнетъ привѣтный огонекъ, разогрѣтъ очажокъ для тебя; обступила тебя хлѣбосольная, радушная семья людей добрыхъ и честныхъ; не жалѣютъ для тебя завѣтнаго, вкуснаго куска, удѣляютъ тебѣ много изъ того, чѣмъ высятся и красятся ихъ добрыя и честныя души. Благословеніями и неподкупно-добрыми пожеланіями, и съ тою же хлѣбомъ-солью провожаютъ тебя за околицу. Несешь ты объ нихъ свои лучшія, свѣтлыя впечатлѣнія, живешь воспоминаніями объ нихъ долго и ласкаешь себя ими потомъ, въ минуты тоски и печали. И вотъ вновь счастливитъ тебѣ судьба и благопріятствуетъ случай снова увидѣть еще разъ въ жизни тѣхъ же людей, которыхъ ты привыкъ уже считать почти родными, своими. Въ ласки, въ привѣтъ ихъ вѣришь — и не ошибаешься. Такія минуты рѣдки въ жизни скитальца, но оттого-то онѣ такъ и цѣнны, оттого-то онѣ такъ и волнуютъ сердце!....

Казань больше, чѣмъ какой либо иной русскій городъ, похожъ на восточный: можетъ онъ соперничать въ этомъ смыслѣ съ Москвой одной, но во всякомъ случаѣ перещеголяетъ и Астрахань и Симферополь—необлыжные восточные города. Въ Забулачьѣ (на этотъ разъ заваленномъ грудами погорѣлыхъ развалинъ) встрѣчаетъ васъ та же грязь, которая была бы даже въ пору хоть и самому Константинополю. Грязь эта по набережной Булака лежитъ глянцевитой массой, какъ жидкій овсяный кисель. и расплывается на всемъ длинномъ пространствѣ, до озера Большаго Кабана, изъ котораго, какъ извѣстно, вытекаетъ Булакъ, изъ котораго (также всѣмъ извѣстно) казанцы пьютъ отвратительно-грязную воду, наполненную живыми, примѣтными даже невооруженному глазу, инфузоріями. Одинъ досужій человѣкъ вычислилъ математически (и говорятъ очень вѣрно), что на каждую живую душу въ Казани приходится въ годъ слишкомъ по полу-пуду грязи. Чтобы уменьшить, а по возможности и уничтожить эту пропорцію, вотъ уже десятый годъ усидчиво думаютъ умные люди и—пока ничего не придумали. Болѣе достаточные и конечно счастливые пьютъ недурную воду изъ колодцевъ, между которыми колодезь, принадлежащій духовной академіи, почитается лучшимъ (но онъ лежитъ на противоположномъ краю города, чрезвычайно далеко; тамъ же есть еще два-три колодца, но и только). Самый Булакъ тоже грязная полоса, таже грязь только замѣтно пожиже, рѣкой и даже рѣчонкой назвать его нельзя, потому что высокіе берега, въ которые онъ глубоко заключенъ—искусственная, вытянутая въ линію прямизна, съ каковою Булакъ идетъ въ Казанку, скорѣе даетъ ему видъ и форму канала, чѣмъ рѣки. Это далеко уже не тотъ Булакъ, *мутный и тинистый*, черезъ который переходилъ Иванъ Грозный—рѣшитель судебъ царствъ татарскихъ.

Чрезъ Булакъ перекинуто нѣсколько мостовъ: выбирайте любой для переѣзда въ самый городъ—встрѣчаете ту же грязь и на Вознесенской улицѣ и на Проломной, которыя тянутся параллельно другъ другу въ замѣчательную даль и кончаются замѣчательною грязью на рыбныхъ площадяхъ, грязью превосходящею всякое вѣроятіе. Это—подгорная часть города; надъ ней высятся горы; на этихъ горахъ разбросаны хорошо распланированныя и постоянно сухія, лучшія улицы города. Между ними Воскресенская—Невскій проспектъ Казани, Невскій проспектъ потому даже, что на ней существуютъ еще до сихъ поръ остатки торцовой мостовой. Въ концѣ ея: и клиники, и зданіе университета; была до давняго пожара семинарія, до сихъ еще поръ стоящая въ развалинахъ—длинное зданіе съ замѣчательною по архитектурѣ Петропавловскою церковью во дворѣ.

Воскресенская улица ведетъ въ кремль съ Сумбекиной башней, съ старинньмъ Спасскимъ монастыремъ, въ которомъ низенькая церковь, постройки Грознаго—первая православная церковь въ Казани. Въ крѣпости же этой дворецъ и замѣчательно—длинное, полуразрушенное и грязное зданіе присутственныхъ мѣстъ, съ неопрятностью которыхъ могутъ еще спорить стоящія напротивъ ихъ казармы. Изъ кремля можно любоваться на разбросанный по горамъ и подъ горами городъ, на картинную группу казанскаго женскаго монастыря, на единственный въ городѣ бульваръ, между зеленью котораго видится озеро, справедливо прозванное Чернымъ. За Чернымъ озеромъ недалеко театръ, еще дальше и значительно дальше Арское поле, съ духовною академіею, военнымъ госпиталемъ и родіоновскимъ дѣвичьимъ институтомъ. Собственно Казань ушла за Булакъ и Большой Кабанъ.

Тамъ то именно Старая Казань, гдѣ и каменныя мечети и каменные дома татарскихъ князей—купцовъ и татарскаго плебса, который и по городу ѣздитъ въ извощикахъ, и на домахъ русскихъ въ наймѣ исправляетъ всегда крупныя ломовыя работы, и на Волгѣ сидитъ въ веслахъ, и частицею ходитъ въ Москву и Петербургъ съ именемъ бухарца и съ халатами.... Таковъ внѣшній видъ на Казань, при бѣгломъ взглядѣ на нее проѣзжаго.....

Многое и весьма многое иное просится теперь на перо, но обязуя себя правомъ и долгомъ говорить о Казани отдѣльно, я оставляю ее ради дороги, а съ нею и вольной почты, которая преслѣдуетъ ѣдущаго въ Сибирь далеко за Уральскій хребетъ.

— Согласитесь, что можетъ быть лучше и удобнѣе вольной почты!—говорилъ мнѣ одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Вы приносите свой билетъ, выданный вамъ на проѣздъ, платите деньги впередъ. получаете квитанцію въ полученіи денегъ и билетъ изъ конторы. Съ билетомъ этимъ не терпите остановокъ, лошади для васъ всегда готовы; экипажи удобные: вы уже не получаете тѣхъ мучительныхъ форменныхъ телегъ, какими до сихъ еще поръ щеголяютъ обыкновенные почтовые тракты.

— Но за все это—прибавьте—плачу я по 3 коп. на версту и на лошадь, т. е. ровно по 1½ коп. лишнихъ противъ обыкновеннаго положенія.

— Васъ цѣлую дорогу не безпокоятъ. Вамъ нѣтъ нужды расплачиваться на каждой станціи.

— Но я могу имѣть мелкія деньги готовыми, имѣть товарища—спутника, помощника, прислугу. Онъ платитъ ночью и спитъ днемъ или на оборотъ.

— Вы можете взять на прокатъ экипажъ въ конторѣ....

— Но всего лучше я могу имѣть свой экипажъ. Это такъ не трудно.

— Но за взятый экипажъ на прокатъ вы платите только по 1 коп. на версту....

— И заплачу огромныя деньги, если на бѣду экипажъ, взятый на прокатъ, изломается на дорогѣ, могу даже вовсе остаться безъ экипажа и опять мучиться на перекладныхъ. Свое, хорошо извѣстное, лучше, чѣмъ чужое, неизвѣданное.

— Вамъ не нужно подорожной....

— Но я ее и не боюсь; я плачу за нее только по копѣйкѣ на версту: полкопѣйки моихъ лишнихъ остается еще за вольною почтой.

— За эти полукопѣйки вы избавлены отъ труда засиживаться въ ожиданіи лошадей на станціи.

— И дольше 6 часовъ не прожду: и это самое большое. Да я, сдѣлавши по Россіи нѣсколько десятковъ тысячъ верстъ, мало вѣрю въ эти сидѣнья на станціяхъ. Тутъ или стачка смотрителя и почтсодержателя съ ямщиками или простое желаніе взять на водку лишное: лошади въ хомутахъ и въ конюшнѣ, хотя онѣ по книгѣ и въ разгонѣ. Да и бѣшеная скорость ѣзды пріятна и выгодна можетъ быть иркутскому курьеру, нужна московскому купцу, поспѣшающему въ Ирбитъ или въ Тюмень, а долговременное сидѣнье на станціи непріятно можетъ быть только нервному и раздражительному человѣку, но такихъ людей почасту и самая скорая ѣзда не удовлетворяетъ.

— Однако теперь по всей Россіи берутъ уже по 2½ коп. на версту.

— И никто на почтовыхъ не ѣздитъ. Въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ стоятъ почтовые дворы, повезетъ за 1½ коп. любой мужичекъ. По Вятской губерніи дѣлаютъ даже ½ коп. скидки (въ Сибири по Барабѣ берутъ семитку (2 коп.) на тройку), я слышалъ даже, что многіе почтсодержатели просили назначить прежнюю прогонную плату. Всѣ проѣзжіе повернули на проселки.

— Говорятъ, что вольныя почты будутъ по всей Россіи....

— Сожалѣемъ мы объ Россіи и спрашиваемъ; куда же дѣнутся тысячи извощиковъ, вольныхъ ямщиковъ?

— Они тоже будутъ возить, потому что конторы вольныхъ почтъ ихъ же самыхъ и нанимаютъ.....

— Но не всѣхъ желающихъ, а вѣроятно только тѣхъ, кого захотятъ.

— Не знаю.

— Я знаю даже больше:—вольные ямщики, нанятые для вольной почты, жаловались мнѣ на дальность очереди, кототорая до нихъ доходитъ иногда разъ въ три недѣли; на ничтожность заработной платы, и проч. Вольная почта хороша во время ярмарокъ, когда творится и бойкій, и сильный разгонъ, и чѣмъ-то недостигающимъ цѣли, почти лишнимъ является она въ остальные $^7/_8$ времени года и на томъ трактѣ, каковъ сибирскій, по которому сравнительно очень малый проѣздъ. Да и три копѣйки очень дорого, потому что вы, ѣдущій по собственной надобности, платите еще по 12 коп. сер. на каждой станціи за экипажъ. На квитанціи вы—правда—видите еще новую для себя привиллегію, которая гласитъ: «ямщики на водку требовать права не имѣютъ, но это предоставляется на волю проѣзжающаго». Но во 1-хъ, кто же захочетъ отнять у ямщика право просить на водку, когда ему удалось—что называется—заслужить это, угодивши сѣдоку скорой ѣздой и когда уже онъ сдѣлалъ привычку безъ того не отпускать-«барина» и, избалованный повадкой, въ самомъ дѣлѣ проситъ на водку на каждой станціи. И кто же, во 2-хъ поскупится дать ему 6—10 коп., какъ это давалось и даже по всей Россіи, и когда все это составляетъ и въ итогѣ десятковъ станцій примѣтно—немного. Нѣтъ, какъ хотите—а путешествовать по Россіи и дорого и неудобно и вольная почта нимало не достигаетъ прямой цѣли, не исправляетъ этого недостатка.

— Но вы какъ будто сердиты на нее....

— Напротивъ! Но въ то же время и не вижу въ этомъ учрежденіи особыхъ достоинствъ, уже потому, что это—монополія. Изъ того города, гдѣ контора: возьмемъ хоть Казань, ни одинъ заѣхавшій сюда ямщикъ ни на какой трактъ, даже проселочный не можетъ взять сѣдока: иначе заплатитъ огромный штрафъ. Вольная почта взяла въ исключительную привиллегію возить на всѣ окрестныя станціи—будутъ ли они на почтовомъ трактѣ, будутъ ли на глухомъ, проселочномъ. Для обратнаго ямщика это, пожалуй, и не особая потеря, но для меня скверно: я не знаю гдѣ остановиться; я завезенъ въ незнакомое мѣсто, какъ человѣкъ, которому несомнѣнно надо ѣхать впередъ и съ котораго стало быть любой ямщикъ имѣетъ право требовать и взять сколько ему угодно, безъ таксы, безъ совѣсти. Поѣзжай я съ ямщикомъ обратнымъ и прямо съ мѣста, онъ привезетъ меня въ знакомую ему деревню, къ своему дружку. Этотъ непремѣнно возьметъ съ меня дешевле, чѣмъ тотъ, который привезъ меня изъ города, но и этотъ всегда согласится и скоро согласится на половинную цѣну за провозъ противъ назначенной отъ вольной почты. Не удивите вы меня ни этими круглыми бляхами на шляпѣ и лѣвомъ плечѣ ямщика (онѣ ничего не доказываютъ и надѣваются только для сѣдока съ крупнымъ чиномъ); ни этими двумя колокольчиками (передъ ними также не сторонятся обозы, какъ и передъ завѣтнымъ однимъ колокольцомъ всѣхъ остальныхъ почтовыхъ дорогъ въ Россіи). Что мнѣ въ большомъ помѣщеніи станціонныхъ домовъ вольныхъ почтъ, гдѣ большая половина занята семействомъ смотрителя и ровно также ничего нѣтъ, ничего не найдете изъ съѣстнаго, какъ и въ тѣсныхъ станціонныхъ домахъ другихъ трактовъ. Я помню станцію Дебесы; помню ея прейсъ-курантъ съ весьма высокими цѣнами, прейсъ-курантъ, на которомъ написаны: и супы, и щи, и соусы, и котлеты, и жареные рябчики, бекасы, и много другаго, способнаго расшевелить и апетитъ и возбудить надежды.

— Дайте мнѣ самаго простаго: щей съ говядиной, жареной говядины.

— Нѣту сегодня, не готовлено.

— Когда же ведется у васъ этотъ обычай?

— Закажите яичницу-скородумку: поспѣетъ.

Пришлось ограничиться стаканомъ молока, за которой и заплачено было по таксѣ: 10 коп. сереб. и въ той губерніи, гдѣ кринка молока стоитъ 5 и 6 коп.

Спрашивалъ молока на другой станціи.

— Коровы не доятъ—былъ отвѣтъ.

Спрашивалъ на третьей:

— Коровъ не держимъ.

На четвертой станціи я бѣжалъ уже въ сосѣднюю крестьянскую избу и находилъ тамъ и молоко, и яица.

Не знаю, замѣчали ли проѣзжіе на вольныхъ почтахъ особенную непривѣтливость, иногда даже грубость всѣхъ станціонныхъ лицъ: мнѣ она надоѣдала на всемъ пути до Перми и далѣе до Екатеринбурга, надоѣдала и за Екатеринбургомъ къ Шадринску, но не бѣсила отъ привычки, отъ готовности переносить мелкія мелочи, когда я успѣлъ уже примириться съ самыми крупными.

Но вотъ и печальный Оханскъ; вотъ и Пермь, разбросанная, такъ рѣдко обстроившаяся, какъ ни одинъ изъ другихъ губернскихъ городовъ Россіи. На ней кончаются пароходные рейсы по Камѣ, но не кончаются вольныя почты, которыя даютъ уже иныя впечатлѣнія, носятъ иной характеръ. При выѣздѣ нашемъ изъ города, намъ попадаются конные казаки съ калмыцкимъ оттѣнкомъ въ лицахъ, съ пиками въ рукахъ.

— Откуда они?

— Съ пикетовъ; очередные.

— Кого же они караулятъ, что стерегутъ?

— А недобрыхъ людей.

— Что же это: бѣглыхъ изъ Сибири?

— Нѣту, своихъ.

— Что же, *пошаливаютъ*, что ли, здѣсь?

— Случается. Теперь рѣже, теперь только съ возами; а вотъ ярмарка въ Ирбитѣ начнется, такъ ужъ со всѣми, тогда разбору нѣту.

— Однако и теперь тоже можетъ случиться?

— Да вѣдь это какъ имъ вздумается: извѣстно. Кто ихъ думу пойметъ.

— Все-таки бываетъ и эдакъ?

— Рѣдко,—и то больше къ ночи, а то и на утрѣ бываетъ. Недавно—сказываютъ—возъ на свѣту подрѣзали и сумерекъ еще не было. Опасна эта первая станція, потому она большая и все вишь лѣсомъ; дальше тише, за то бойся Кунгура-города.

Дѣйствительно въ Кунгурѣ посовѣтовали мнѣ остаться ночеватъ. Городъ этотъ, хорошо обстроенный и церквами и домами каменными, издавна славится тѣми мошенниками, которые въ былыя (и недавнія впрочемъ) времена выѣзжали на лихихъ тройкахъ и, выѣзжая на встрѣчу проѣзжей тройкѣ, путали упряжь, кричали, суетились. Въ то время валявшіеся въ канавахъ соучастники ихъ выходили на дорогу и, прорѣзывая задокъ экипажа, подрѣзывали чемоданы, выхватывали сакъ-вояжи и все, что попадало подъ руку. Въ Кунгурѣ—говорили намъ—многіе купцы сдѣлались богатыми и зажили въ каменныхъ домахъ именно отъ этого рода промысла. Промыселъ этотъ кунгурскими мѣщанами не покинутъ и теперь, хотя уже и производится въ мелкихъ размѣрахъ. Примѣру ихъ слѣдуютъ заводскіе крестьяне слѣдующихъ по дорогѣ уральскихъ заводовъ; занимаются тѣмъ же—какъ говорятъ—и татары деревень, расположенныхъ въ сторонѣ отъ почтоваго тракта; мошенничаютъ и бѣглые изъ Сибири (ихъ также любятъ принимать и татары и заводскіе.)

Чѣмъ глубже забираешься по этому тракту, чѣмъ рѣзче мѣстность принимаетъ характеръ горно-уральскій, чѣмъ чаще попадаются заводы въ сторонѣ и на дорогѣ—тѣмъ разсказы о дорожныхъ шалостяхъ увеличиваются и принимаютъ грозную форму.

Разсказываютъ, что на дняхъ отрѣзали задокъ у тарантаса.

— И тарантасъ-то былъ нашъ, на прокатъ брали — говоритъ ямщикъ. И какое важное желѣзо крѣпило, а перерѣзали молодцы, ножомъ перерѣзали и такъ, братецъ ты мой, ловко: любо-два! Ножи знать ужъ у нихъ такіе острые, стальные.

— Ну да далеко ли у васъ тутъ достать ножи хорошіе?

— Это точно, что такъ! Заводовъ много. Вонъ видишь ты хоть бы эту гору, въ сторонкѣ?

— Коричневая такая—вижу.

— Все вѣдь мѣдь, все руда.

— А вонъ въ этихъ дальнихъ-то, что лѣсомъ покрыты, есть руда-то?

— Да почесть всѣ перерыты; всѣ горы почесть на одних подпоркахъ держатся. Мѣди здѣсь сила, а про желѣзо и говорить нечего.

— Ну да и мошенниковъ много.

— Много же и есть: вѣрно твое слово.

На слѣдующей станціи новые разсказы. На одинъ обозъ, шедшій съ чаемъ, выбѣжала изъ лѣсу цѣлая шайка, человѣкъ съ десять: схватили возъ съ 6 мѣстами, да и потащили въ сторону и съ лошадью. Возчики бросились защищать; началась драка: возъ былъ отбитъ, но съ потерею трехъ мѣстъ, изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ отъ 2½ до 3 пудовъ чаю и стоитъ приблизительно 100—120 рублей.

— Зачѣмъ же они по ночамъ ѣздятъ? — спрашивалъ я туземцевъ.

— Да какъ не поѣдешь, когда поставку на срокъ получилъ Они пожалуй ночью-то и спятъ въ деревняхъ, а вѣдь сумерекъ-то какъ избѣжишь? Тутъ-то вотъ ихъ и накрываютъ.

— И слѣда нѣтъ пропажѣ?

— Опытные и бывалые знаютъ, може, всѣхъ главныхъ-то коноводовъ и нащупаютъ пожалуй пропажу: да вѣдь деньгами надо выкупать, а судомъ поди ищи-свищи, — да и на другой разъ не ѣзди, коли затѣялъ ссору, тогда весь обозъ пожалуй вырѣжутъ и самому бока наколотятъ.

— Разбои бывали?

— Разбоевъ не слыхать,—и примѣровъ не было. Плететъ народъ сказки, да мы мало этому вѣримъ. Одинъ — говорятъ — прорѣзалъ ножемъ кожу сзади, да маленькому мальчику (по серединѣ лежалъ) горлушко перерѣзалъ, нечаянно...

— Чего же смотритъ начальство?

— Смотритъ начальство, да какъ углядишь? Пикеты на каждыхъ пяти верстахъ разставлены.

— Ну и усмотрятъ ли они, что на третьей верстѣ дѣлается?

— Извѣстно нѣтъ.

— А услышатъ ли?

— Да коли вѣтеръ оттуда: можетъ и услышатъ.

— А можетъ не услышатъ и при вѣтрѣ?

— Чего добраго и при вѣтрѣ пожалуй не услышатъ.

— Принимаютъ ли сами извощики какія либо предосторожности?

— Принимаютъ, да пользы мало. Самое лучшее ночью не ѣздить—сказываютъ. У нихъ на трехъ-четырехъ возахъ веревками крѣпко фонари привязаны, чтобы видно было недобраго человѣка. Такъ воръ ихняго брата и тутъ перехитрилъ Они, лежа въ канавѣ, швыряютъ камушки такъ мѣтко, что и въ одномъ фонарѣ стекло разобьетъ (а вѣтеръ огонь задуетъ) и въ другомъ и въ третьемъ.... Бросятся возчики къ фонарю, глядятъ—назади одинъ ужъ мастеритъ свое дѣло—подрѣзываетъ. Они туда, а тамъ ужъ въ другомъ мѣстѣ другой рѣжетъ. Нѣтъ имъ на такое дѣло хуже волчьихъ ночей этихъ, когда не глядитъ мѣсяцъ. Нѣтъ того обоза, на которомъ бы на ту пору трехъ-четырехъ мѣстъ не срѣзали.

— Но когда же все это прекратится?

— А Господь вѣдаетъ: возчики-то и кистени бы съ собой возятъ—не помогаетъ....

И между тѣмъ эта лучшая дорога въ Россіи, дорога, усыпанная хрящикомъ, налаженная въ былыя поры и поддерживаемая до сихъ поръ въ состояніи самороднаго, естественнаго шоссе, ровная, гладкая, богатая разнообразными, картинными видами; однимъ словомъ, завидная на Руси дорога отравлена такими тяжелыми, непріятными впечатлѣніями, запугивающими разсказами. Сколько хороша дорога эта осенью, столько увлекательна она должна быть весною и лѣтомъ. Высокія горы—ближайшіе отроги Уральскаго хребта, свѣтлыя, бойкія рѣки, людныя селенія; большой билимбаевскій заводъ на дорогѣ: все это рисуетъ иную жизнь, невѣдомую, обхватываетъ новыми впечатлѣніями, неиспытанными. Равнина, безконечная равнина преслѣдовала васъ издѣтства; попадались вамъ на путяхъ-дорогахъ и такія горы, при спускѣ съ которыхъ ямщикъ вашъ тормозилъ колеса, потому что эти горы были круты; но были ли онѣ горами, смѣли ли, имѣли ли право называться онѣ этимъ именемъ, которое такъ торжественно и съ такою славою поддерживаютъ именно вотъ эти горы, окружающія насъ теперь. Вторую сотню верстъ преслѣдуютъ онѣ насъ всѣмъ разнообразіемъ своего строенія; однѣ—говорятъ намъ—богаты мѣдью, другія желѣзомъ, въ третьихъ попадаются цвѣтные камни, такъ любимые и въ печаткахъ и въ запонкахъ; есть цѣлая магнитная гора; вонъ подъ горой разбрасалось людное селеніе, въ селеніи этомъ ванны; изъ горы этой текутъ сѣрные ключи, дающіе цѣлебную воду. Живописецъ обогатитъ здѣсь портфейль свой до безконечности разнообразными, картинными видами. Рѣдко путешественника ввозятъ на гору, но и съ низменностей, по которымъ идетъ большая половина дороги, виды являются во всемъ своемъ разнообразіи и великолѣпіи; и глазъ не оторвешь отъ диковинокъ, когда дорога, незамѣтно поднявшись на гору, начинаетъ спускаться съ крутаго обрыва: тамъ, далеко внизу, разсыпались избы, стоитъ церковь; на кровляхъ ихъ видна мельчайшая подробность, малѣйшая щепка, случайно попавшая туда. Серебристо-зеркальной ленточкой, какъ змѣйка въ тысячу изгибовъ, прокрадывается по зеленому полю рѣченка. Она подъ нашими ногами уже и вблизи превращается въ порядочно-бурливую, довольно широкую рѣку, которая оттого можетъ быть по мѣстамъ мелка и песчаниста, что обездолилъ ее какой-нибудь дальній заводъ, поживившійся и водой и ея силой.

Также незамѣтно везли насъ отъ билимбаевскаго завода въ гору: не чуялось намъ ея присутствія, не давалъ и глазъ никакихъ рѣзкихъ и разительныхъ доказательствъ и свидѣтельствъ тому: высокія горы по обыкновенію стояли далеко впереди. Проѣхали мы и вторую половину станціи, къ деревнѣ Рѣшетамъ, по той же равнинѣ, по такимъ же низменностямъ, какъ это было нѣсколько разъ прежде.

— Гдѣ же Уралъ?—спрашивали мы у ямщика.

— А сейчасъ переѣхали. Онъ тутъ низокъ: совсѣмъ, почитай, непримѣтенъ!—отвѣчалъ намъ ямщикъ, и хотя не сказалъ намъ ничего новаго, но сказалъ сущую правду. Еще учитель гимназіи (Богъ вѣсть какъ давно!) говорилъ намъ, что Уралъ такъ невысокъ передъ Екатеринбургомъ, что переѣздъ чрезъ него совсѣмъ непримѣтенъ. Тогда вѣрили мы ему на слово; теперь убѣдились въ томъ на самомъ дѣлѣ и фактѣ. Въ этомъ только и была наша находка и выгода!...

И вотъ географическій рубежъ между двумя частями свѣта! Вотъ водораздѣлъ: вода въ рѣкахъ текла къ намъ навстрѣчу, теперь потекла прочь, по направленію нашего пути. Слѣдующую станцію отъ Рѣшетъ мы ѣхали уже въ Азіи. Сердце наше іокнуло и затѣмъ говорило намъ многое; воображеніе рисовало туманныя, безутѣшныя картины. Все говорило намъ, что мы въ Азіи, хотя туземцы и увѣряли насъ, что мы еще въ Россіи, а не въ Сибири. Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ—долженъ рѣшить Екатеринбургъ и слѣдующее за нимъ длинное пространство Пермской губерніи до рубежа Тобольской, которая уже по всѣмъ правамъ и положеніямъ губернія сибирская.

Вотъ и Екатеринбургъ—пока въ полусвѣтѣ утреннихъ сумерекъ—объятый до послѣдняго обитателя крѣпкимъ и глубокимъ сномъ.

II. ПО СИБИРИ.

Сильный осенній дождь, крѣпкой, порывистый вѣтеръ, изрытая колеями грязная почтовая дорога заставили меня остановиться въ ближайшей деревнѣ, войти въ первую попавшуюся избу. Деревня была вятская; изба, какъ всѣ православныя избы. Дѣло клонилось къ вечеру. Въ избѣ горитъ лучина, тускло освѣщая предметы. Стрекнетъ уголекъ и зашипитъ въ лохани и вспыхнетъ тотчасъ за нимъ яркая струйка пламени, освѣщая старые, давно мнѣ знакомые и любезные виды и лица. Тускло глядитъ въ правомъ углѣ на тяблѣ Божіе Милосердіе: Казанская Владычица, Никола Угодникъ и Праздники. Дѣдушка на полатяхъ лежитъ, по временамъ кряхтитъ, по временамъ зѣваетъ, всякій разъ прикрывая ротъ ладонью и затѣмъ осѣняя его крестнымъ знаменіемъ. Большакъ семьи туезъ гнетъ за столомъ изъ береста; жена его въ лѣвомъ уголку шумитъ веретеномъ—нитку тянетъ. Бабушка на печи закатилась отъ кашля, тяжелаго, груднаго кашля, которому и конца не видно: имъ она какъ будто въ послѣдніе разы откашливаетъ небольшіе остатки силы и самую жизнь, тягостную для себя, тяжелую для семьи и для всѣхъ равно безполезную. Въ избѣ еще два-три мужичка, безъ дѣла. забредшихъ съ улицы, и я—человѣкъ заѣзжій,—жертва безконечныхъ распросовъ: кто я, зачѣмъ и откуда?

— Изъ Питера ѣду на Амуръ: посмотрѣть тамошнее житье-бытье.

— Далеко же тебя Богъ несетъ. Шибко—сказываютъ—далеко.

— Десять тысячъ верстъ, дѣдушко, насчитали, съ хвостикомъ.

— Эдакихъ-то поди дальнихъ мѣстъ и нѣту больше.

— Есть, дѣдушко, да мало.

— И что это тамъ за Муръ такой проявился?—вступилась хозяйка. Недавно про него толковать стали: али его допрежъ и на свѣтѣ не было? Вонъ у насъ тутъ мужичокъ туда же сбирается. Хорошо ужъ что ли тамъ, на Мурѣ-то на этомъ?

— Хорошо, хозяюшка; такъ—говорятъ—хорошо, что и сказать невозможно. Берега слышь кисельныя, вода сытовая.

— Это что въ сказкахъ-то сказываютъ?

— Эту-то вотъ, хозяюшка, рѣку и нашли теперь.

— Такъ, родименькой мой, такъ. Оттого-то, стало, народъ туда и охотится.

— Оттого и охотится, что и золота — серебра тамъ много, и камнями многоцѣнными прудъ пруди; и птицы человѣчьимъ голосомъ молву ведутъ. Виноградъ растетъ, хозяюшка!

— Это какой же такой виноградъ растетъ?

— А вотъ большаки-то твои въ кабакѣ водку покупаютъ. А тамъ вишь дерево такое ростетъ, что и въ кабакъ ходить не надо. Рви съ него ягоду, жми ее — вино будетъ. Тигры, хозяюшка, водятся.

— Ну, ужъ и это мнѣ не вдомекъ твое слово.

— А это звѣрь такой, что волка лютѣе, медвѣдя сильнѣе.

— Такъ чѣмъ-же сторонѣ-то оттого лучше, что такое лютое звѣрье живетъ?

— А это звѣрье (велятъ понимать)-благодатную сторонку обозначаютъ. Въ худыхъ мѣстахъ не живутъ онѣ. Тѣмъ и начальство тамошное хвастаетъ. Съ ихныхъ словъ и я тебѣ сказываю. За что купилъ: за то и продаю.

— Ну, а еще-то что, родименькой мой?

— Да чего тебѣ больше? Будетъ съ тебя и этого. Лучше-то этого есть мѣста, да не наши.

— А ты, баба, не слушай его! — вступился старикъ. Не слушай его потому, — сказывалъ вѣдь онъ тебѣ, что изъ Питера ѣдетъ. Столичной народъ — извѣстно — на похвальбу озорно́й. Извини ты меня на этомъ крутомъ словѣ; а это дѣло такъ, вѣрно оно. Сказывай ты лучше, какова земля-то тамъ?

— Хороша земля, ужъ если виноградъ родится.

— Да онъ-отъ родится, для него-то она можетъ и хороша, а для хлѣбушка поди и не споркая; хлѣбушка-то она можетъ и не подыметъ, силы-то ему своей, соку-то и не дастъ. Всякая вѣдь тоже и земля у Бога живетъ. Наша вотъ ячмень родитъ хорошій, рожь самую наилучшую. Къ Архангельскому городу купцы наши возятъ: — нѣмцы, слышь, не нахвалятся. А вотъ къ примѣру пашеницы хорошей землѣ нашей не поднять ни за что, на то есть тамъ, гдѣ-то, на низу такая земля, гдѣ пшено выходитъ что янтарь чистое, на свѣтъ прикинешь, такъ какъ бы стеклышко, чуть-чуть чужаго глазу не видно. Вѣрно, братъ, это, ей Богу! А живалъ ли тамъ, въ землѣ твоей, допрежъ этова народъ какой?

— Нѣтъ, не живалъ; земля впустѣ лежала.

— А лежала земля въ пустыряхъ и народу въ ней не жило — на землю ты на эту похвальбы большой не клади: подождемъ, посмотримъ сначала, пораспрошаемъ. Знаешь ли ты, что нѣтъ для мужика крещенаго того зла на свѣтѣ злѣе, какъ вотъ съ этими но́вями возиться. Такъ трудно, что и сказать не можно! Тутъ кажинный пень чуть не зубомъ выковыриваешь, кажинной корешекъ чуть не ногтемъ окаличиваешь; а и поднимешь землю, зерно положишь — двумя засѣвами оно тебя не порадуетъ; ты такъ и знай, что многаго она не дастъ; земля эта еще крѣпко набалована; траву давать любитъ. Надо такъ, что бы на Муръ на твой народъ шелъ со своимъ запасомъ на четыре года, а на Муръ бы на твой не надѣялся.

— За что же ты его моимъ, дѣдушко, называешь?

— А за то, что ты его уже крѣпко превознесъ, возвеличилъ.

— Да вѣдь я съ чужаго голосу тебѣ сказывалъ, а самъ я его не видалъ. Затѣмъ вотъ и ѣду теперь.

— И поѣзжай, Господень ты человѣкъ, самъ присмотри за всѣмъ, что̀ тамъ и какъ: да въ добромъ здоровьѣ къ намъ возвращайся и обсказывай. А допрежъ ты того ничего не хвали и не смущай ты своими насказами крещенаго люда, не соблазняй......

Простыя слова простаго вятскаго человѣка до сихъ еще поръ звучатъ для меня всею простосердечною истиною и до сихъ поръ памятны для меня, переданныя почти въ томъ видѣ, въ какомъ были получены. Прошелъ тому уже не одинъ мѣсяцъ; многое я уже могъ забыть; помню, что въ летучей, на скоро надуманной и затѣянной бесѣдѣ не было съ моей стороны ничего, что̀ могло бы заставить старика находить въ простыхъ моихъ словахъ значеніе соблазна. Снимаясь съ мѣста, я видѣлъ въ Амурѣ новую страну — интересный предметъ для изысканій: вотъ и все. Тогда только начинались еще споры съ двухъ противоположныхъ сторонъ, несогласныхъ во многихъ положеніяхъ. По временамъ и урывками доходили до меня на дорогѣ остальныя подробности этого интереснаго спора: враждующія стороны не сходились уже между собою ни въ чемъ. Амуръ принималъ для меня видъ загадки, истинный смыслъ рѣшенія которой заключался въ хитромъ сплетеніи фразъ, противорѣчившихъ другъ другу фактахъ. Путаясь въ дѣльныхъ и недѣльныхъ подробностяхъ, вопросъ объ Амурѣ завязывался сложнымъ узломъ, развязать который желалось ежечасно, но могли это сдѣлать только время и самое мѣсто. Препятствія были ничтожны, хотя и огромное разстояніе отдѣляло меня отъ цѣли моей поѣздки; но тамъ, гдѣ существуютъ въ Россіи правильно организованныя средства къ переѣздамъ—переѣзды эти легки и возможны. Нѣтъ, правда, тѣхъ удобствъ, которыми такъ комфортабельно обставилась Западная Европа, множество лишеній сопровождаютъ еще до сихъ поръ каждаго, кто рѣшится на дальную дорогу, но и противъ этихъ злыхъ и непримиримыхъ враговъ существуетъ вѣрное специфическое средство: — привычка. И я ѣхалъ впередъ, ѣхалъ и думалъ:

— Счастливъ я буду, когда наконецъ судьба приведетъ меня къ тому мѣсту, къ которому давно уже стремятся и около котораго давно уже вращаются всѣ мои помыслы; и трижды—четырежды буду счастливъ я тѣмъ, когда та же судьба и случай поставятъ меня въ возможность внести и свое слово въ рѣшеніе того вопроса, какимъ такъ занято было на тотъ разъ все русское общество. Но пусть это мое слово будетъ твердо и истинно!

— Тамъ, на Амурѣ (думалось мнѣ)—совершается теперь и долго будетъ продолжаться интересный, поучительный процессъ перерожденія разныхъ національностей во имя новой страны, по степени вліяній климатическихъ, физическихъ, административныхъ; тотъ процессъ, который до сихъ поръ ускользалъ отъ исторіи, съ трудомъ наслѣженный по ту сторону океановъ: въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ и въ Новой Голландіи. Тамъ—на Амурѣ—работы много, и работа эта несетъ и заботу и наслажденіе.

— Ищите тамъ (говорили мнѣ одни) того развеселаго русскаго горя, которое... сказывается пѣсней, русской пѣсней, какой нѣтъ уже ни у какого другаго народа.

— Ловите слова, пословицы (совѣтовали мнѣ другіе); да нѣтъ ли такого новаго слова и новой пословицы, въ которыхъ бы также все-цѣло и неподражаемо мастерски улеглась добытая умомъ и жизнію какая нибудь интересная сторона житейской мудрости. Пусть она дышетъ тѣмъ же горькимъ юморомъ, какъ и всѣ другія; безъ того нашъ русскій человѣкъ и не высказывается, и чѣмъ больше этого юмору, тѣмъ лучше: стало быть, есть еще надежда на будущее.

— Собирайте (говорили мнѣ третьи), собирайте старыя преданія, собирайте все, что̀ ни попадется интереснаго, во всемъ амурскомъ есть для всѣхъ уже что-то притягательное, что-то обѣщающее и даже можетъ быть—обновляющее.

И я снова ѣхалъ впередъ, ласкаемый надеждой на святость дѣла, въ которомъ и мнѣ предлагается малая крупица, полный вѣры въ неопровержимую пользу того края, которымъ судьба хочетъ соединить нашу Россію съ Восточнымъ океаномъ—этимъ *Средиземнымъ моремъ будущаго*, какъ условились и привыкли говорить объ океанѣ въ то время.

«На Амурѣ сталкивается Россія съ Китаемъ (опять думалось мнѣ). То и другое государство сходятся лицомъ къ лицу; то и другое неизбѣжно должны выставить свое для сравненія, для поученія. Одно упорно держится еще за старыя вѣрованія, за высиженное вѣками взаперти на своихъ правилахъ; но и имѣетъ вслѣдствіе того уже многія застывшія формы, облеченныя въ форму закона и религіи. Другое, также упорно державшееся за старыя преданія, теперь готово обновиться... Борьба между этими двумя незнакомыми элементами неизбѣжна, и притомъ неизбѣжна на первыхъ же порахъ: можетъ быть она уже и началась на Амурѣ. Кяхта не примѣръ: тамъ и цѣль и самый характеръ сношеній должны быть до крайней степени дружелюбны. Коммерція начиналась оружіемъ, но никогда не сопровождалась имъ. Другое дѣло Амура, взятаго на скоро, только теперь обставляемаго, какъ собственность Россіи, какъ такая страна, на которую одна только Россія и имѣетъ право».

— Слѣдите же (говорили мнѣ многіе)—чья возметъ? На чьей сторонѣ будетъ больше побѣды, хотя бы признаки ея были пока мелки, едва уловимы. Способны ли мы имѣть силу національнаго вліянія на чуждыя народности; не осилитъ ли насъ крутая, упорная національность манчжурская и останется въ цѣлостности своей и особности, возьмутъ ли они отъ насъ что нибудь и нѣтъ ли у нихъ того, чему бы и намъ самимъ можно было поучиться. Также ли устойчивы и самобытны останутся другія племена приамурскія, какъ остаются крымскіе татары и черемисы, или также падутъ подъ вліяніемъ славянскаго элемента, какъ пали другія племена: вотяки, мордва и вогулы?.....

Всѣ эти вопросы и предначертанія, преслѣдуя одинъ другаго, уясняли и создавали новые въ послѣдовательной связи, въ замѣчательномъ количествѣ. Время между тѣмъ уносило пространства. Мелькнулъ чистенькій, каменный Екатеринбургъ; торговый и хлопотливый Шадринскъ. Дорога вела по настоящей Сибири, хотя пермяки отказывались отъ названія сибиряковъ, уклончиво и наивно указывая границу Сибири съ Россіею тамъ, гдѣ она сошлась съ границею губерній Тобольской и Пермской. Вотъ и Сибирь, и сибиряки и—ничего рѣзкаго, ничего бросающагося въ глаза на первыхъ порахъ. Круто завертывали октябрскіе морозы, бойчѣе бѣжали лошадки; народъ глядѣлъ нѣсколько веселѣе и толковалъ посвободнѣе: ни дать ни взять какъ въ благословенныхъ странахъ архангельскаго края. Изумляетъ поразительное сходство говора въ названіи предметовъ первой необходимости, относительная чистота домашныхъ помѣщеній и еще немногое. Вотъ и могила Ермака, историческій Иртышъ, на дняхъ только остановившійся и еще не успѣвшій затянуться въ зимній саванъ; ребрами стоялъ ледъ, запружая дорогу и являя ту же безобразную картину, какую имѣетъ и Нева послѣ перваго ледостава. Бурлила вода быстраго Иртыша въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ледъ оставилъ полыньи, еще не успѣвшія затянуться даже саломъ. Мы въѣхали въ гору крутымъ, обрывистымъ оврагомъ: за горой раскинулась деревушка.

— Далеко ли у васъ тутъ Бараба-то? спрашивалъ я.

— Да вотъ Бараба все и пойдетъ отъ нашей деревни. Мы ужъ въ степи живемъ.

— Чѣмъ же ваша степь отличается отъ той, которую мы сейчасъ проѣхали передъ Иртышемъ?

— Ничѣмъ не отличается, да видишь ужъ такъ прозвали. Бараба, стало-быть, и пошла отъ нашей деревни чуть-ли не до самаго Томска.

Какъ бы то ни было, но вотъ и Барабинская степь—одна изъ тѣхъ степей, которыми вообще богата Россія, только эта—самая большая изъ нихъ, но едва ли меньше ихъ скучная, тоску наводящая. Уныло глядятъ чахлыя деревья, рѣдко разставленныя по сторонамъ, по большей части, сиротливыми кучками; но чѣмъ дальше въ степь, тѣмъ меньше этихъ перелѣсковъ. Большими, безконечно длинными полосами легла прохваченная морозомъ и пожелтѣлая ковыль-трава, до которой можетъ быть отъ вѣковъ не касались коса и грабли. Иногда по годамъ проходятъ тутъ палы, при представленіи которыхъ у рѣдкаго сибиряка не дрожитъ сердце; рѣдкій сибирякъ ихъ не любитъ. Быстро перебѣгаютъ эти лѣсные пожары съ одного мѣста на другое огненными змѣями и—говорятъ—поразительны по своей картинности и по опасности: иногда сгораютъ огромные годовые запасы сѣна, а иногда и (весьма не рѣдко) цѣлыя деревни.

Въ 1761 году приступлено было къ заселенію большаго почтоваго тракта по Барабинской степи на 600—верстномъ протяженіи. Только три форпоста до того времени служили станціями для курьеровъ, и по степи пролегали чуть примѣтныя тропы. Въ четыре года сибирскій губернаторъ Чичеринъ—одинъ изъ энергическихъ и замѣчательныхъ администраторовъ этого отдаленнаго края—успѣлъ заселить степь и преимущественно тѣми помѣщичьими крестьянами, которые присылались сюда за развратное поведеніе, въ зачетъ рекрутъ. Въ эти четыре года они успѣли расчистить лѣса, построить дома, устроить мосты, гати, запастись земледѣльческими орудіями, благодаря строгой дисциплинѣ и расправѣ съ ссыльными, о которыхъ еще много въ народной памяти свѣжихъ преданій. И вотъ черезъ сто лѣтъ, трудно уже наслѣдить примѣтные признаки новыхъ поселеній. Деревни людныя и длинныя; крѣпко-подержанные дома и прочно-устроенныя хозяйства рѣзко бросаются въ глаза даже и при бѣгломъ обзорѣ, при такой быстрой ѣздѣ, про которую давно уже на цѣлую Россію прошла слава и вошла даже въ азбучныя картинки подъ названіемъ: «сибирскій ѣздокъ». Еще до сихъ поръ съ честію поддерживаютъ эту славу барабинскіе «дружки», хотя уже и нѣтъ тѣхъ докучливыхъ криковъ и дракъ, съ какими нѣкогда выбѣгали они на дорогу, и каждый изъ поселенцевъ тащилъ проѣзжаго на свой дворъ.

Операція эта производится теперь гораздо проще, и для того, чтобы воспользоваться ея приложеніемъ, надо непремѣнно съ почтоваго тракта свернуть на проселочный, «на дружковъ», какъ называютъ тамъ. Трактъ этотъ, по которому возятъ дружки, на 150 верстъ короче почтоваго. Выигрывая во времени, проѣзжій лишенъ докучливыхъ формальностей и избавленъ отъ непріятности видѣть самые тоскливые изъ тоскливѣйшихъ городовъ русскихъ и сибирскихъ, каковы: Ишимъ и Ялуторовскъ; даже казенный, форменный Омскъ остается въ сторонѣ и не показывается.

Первый дружокъ, принимая проѣзжаго съ почтовой тройки, обыкновенно торгуется о количествѣ прогонъ и непремѣнно на тройку; на парѣ, сколько я могъ замѣтить, дружки ѣздить не любятъ. Торговля о цѣнѣ происходитъ не долго: сибирякъ сговорчивъ; въ переторжкѣ его нѣтъ того упорства, той досадной сдѣлки съ другими, которая московскихъ ямщиковъ, въ уговорахъ съ сѣдокомъ, доводитъ до упрямства, до остротъ въ началѣ и даже до дерзкихъ словъ потомъ. У Рогожской и Крестовской заставъ проѣзжіе нерѣдко кончаютъ разговоры въ ямщичьихъ кружкахъ тѣмъ, что ведутъ ямщика въ полицію или тутъ же на мѣстѣ производятъ короткую расправу собственноручно. Тамъ ужъ какъ-то ямщики и привыкли къ этому. Мнѣ не разъ — къ крайней досадѣ — приводилось слышать отъ нихъ отвѣтъ на это такого сорта: «гдѣ дѣло идетъ объ деньгахъ, тамъ безъ крику, безъ драки — нельзя! Деньги — дѣло жаркое и щекотливое. Мнѣ меньше взять не хочется, сѣдоку дать больше не трафится: вотъ мы и снимемся, подеремся и поругаемся. А тотъ и ямщикъ — не ямщикъ, которой на съѣзжей не ночевывалъ». Совсѣмъ не таковъ сибирскій дружокъ. Съ нимъ перекинешься двумя-тремя словами, и дѣло въ шляпѣ. Дружокъ даже спѣшитъ съ вами кончить сдѣлку, зная и какъ бы боясь, что вотъ-вотъ тотчасъ же изъ за угла выскочитъ его сосѣдъ, да и не одинъ и не два, а цѣлый десятокъ, которые тотчасъ пойдутъ съ нимъ на перебой, возьмутъ дешевле: и онъ не повезетъ. Главное дѣло, кажется, тутъ не въ томъ, чтобы взять дешевле, а именно въ томъ, чтобъ самому везти, а не передавать этого дѣла въ чужія руки.

Кончивши дѣло такимъ образомъ съ однимъ, вы уже кончили въ тоже время дѣло со всей Барабой и остальнымъ трактомъ до Томска. У перваго дружка отличная тройка, но плохой экипажъ, какая-нибудь разбитая, мочалами связанная кошева или легонькія саночки; у него—неисправимое поползновеніе ѣхать вскачь и что называется—и въ хвостъ и въ гриву, на сколько хватитъ у лошадей духу и силы; и въ тоже время—рѣдко хорошо выѣзженная тройка. Большая часть лошадей бѣшеныя, какія-то угорѣлыя, непослушныя. Мнѣ всегда почти случалось садиться у крыльца въ сани въ то время, когда ворота на улицу были заперты, и тройку, сильно храпѣвшую и рывшую ногами снѣгъ, держали двое-трое подъ—уздцы. Ямщикъ бросался въ кошеву наскоро, иногда опрокидывался вверхъ ногами, оправлялся, обматывался вожжами. Отпирались ворота; сподручники отскакивали въ сторону, тройка бѣшено вырывалась на улицу; рѣдко успѣвалъ ямщикъ уснаравливать ее вдоль улицы, прямо на выѣздъ; по большой части тройка налетала на сосѣдній домъ, въ ближайшія открытыя ворота, черезъ дворъ въ огородъ: изъ огорода въ сосѣдній оврагъ, куда выкидывала и меня, и ямщика, и мои чемоданы и его теплую оленью или козулью даху. Такимъ образомъ случилось со мною два раза. Постромки и вся упряжь путалась, съ трудомъ оправлялась; съ трудомъ лошади выводились на трактъ и на улицу, при помощи брата, сына ямщика, который откуда ни брался на помощь, размахивая руками и нещадно ругая и лошадей, и оврагъ, и сосѣда, который на бѣду растворилъ ворота: словно тотъ и не могъ этого-де сдѣлать послѣ. Полдороги потомъ лошади мчали насъ вскачь, рѣдко по главному полотну дороги; большею частію по степнымъ кочкамъ и рытвинамъ: и только съ половины пути, усталыя и измученныя отъ собственной безразсудной рьяности, начинали вступать въ права настоящихъ разъѣзжихъ лошадей, съ крупною и быстрою рысью.

— Отчего ваши лошади такія шальныя?—спрашивалъ я барабинскихъ ямщиковъ.

— Оттого, что степныя. Все онѣ у насъ лѣто въ степи гуляютъ на вольной волѣ, гдѣ хотятъ: оттого и сердитыя такія.

— Гдѣ же вы ихъ покупаете?

— У киргизъ покупаемъ, въ Петропавловскѣ, рублей пятьдесятъ на серебро за самую ужь наилучшую платимъ. Лошадку киргизъ продастъ, а уздечку ни за какія тысячи не отдастъ. На деньги онъ сговорчивъ; деньги ему любы, а лошадей у киргиза довольно. Степи ихнія лучше нашихъ.

— Однако, если лошади ваши всѣ бѣшеныя, то и ѣзда съ вами на охотника!

— Да вотъ на такого, какъ и ты же!

— Я другой разъ съ вами не поѣду.

— Поѣдешь, братъ, не разсказывай. Эдакъ-то вотъ толковалъ красноярскій купецъ въ прошломъ году, когда ему Ѳомка въ оврагѣ шею сломалъ, а нонче вотъ опять пробѣжалъ въ Расею на нашихъ лошадкахъ. Кому дѣло къ спѣху—такіе завсегда съ нами: почтовыя возятъ хуже, а степь-то наша вишь она скучная какая!

Дѣйствительно скучная степь: убійственное однообразіе окрестностей, голыя пространства, малая населенность, полное — *зимнее* — отсутствіе всяческой жизни: все противъ васъ. Однообразіе степныхъ пространствъ сбивается даже до того, что ужъ если показалась впереди роща, послѣ долгой степной глади, за рощей этой непремѣнно раскинется деревенька; и непремѣнно—роща эта тщательно расчищена, деревенька неправильно разбросана, улица кривая и узенькая; дома крѣпко подержанные; и опять-таки непремѣнно ямщикъ везетъ къ своему дружку. Тамъ въ четверть, много въ полчаса, запрягутъ лошадей, дружка стараго усадятъ чай пить, накормятъ за дружбу и побратимство всякою съѣстною благодатью, въ которой замѣчается изумительное обиліе. Въ Филипово заговѣнье я увидѣлъ у нихъ за ужиномъ плошку со бараниной, другую—съ поросенкомъ; жирныя щи со свининой, пироги съ рыбой, безсмертные пельмени, пельмени на всемъ трактѣ отъ Екатеринбурга, и вѣчный, почти безсмѣнный чай, чай въ тѣхъ неистовыхъ размѣрахъ, съ какими услаждаются этимъ китайскимъ напиткомъ одни только московскіе купцы въ трактирахъ и ресторацiяхъ на Никольской улицѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Съ избыткомъ живутъ барабинскіе поселенцы и рѣдко можно встрѣчать такой достатокъ въ другихъ мѣстахъ Россіи и Сибири.

Остальныя впечатлѣнія Барабинской степени ничтожны и утомительны: всегдашніе длинные обозы съ мѣстами чаю; всегда распущенные, несвязанные возы: лошади въ разбродку по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только можно проѣхать встрѣчному. Валитъ въ снѣгъ ваши сани, вашу тройку, летитъ ямщикъ вашъ, летите въ сугробы вы сами; перебраниваются извощики съ ямщиками и все одно и тоже по нѣскольку разъ въ день. И опять «станокъ», и опять вы въ чистенькой, теплой избѣ дружка ямщика вашего. Къ другому васъ не повезутъ, да другіе уже и не выбѣгаютъ. Иногда робко, изподтишка подойдетъ къ кошевѣ вашей, когда вы въ ней одни сидите, какой нибудь молодецъ въ дахѣ или полушубкѣ и спроситъ:

— Почемъ вы за тройку платите?

— По три копѣйки серебромъ согласились.

— А мы бы и по двѣ копѣечки взяли съ твоей милости, да и лошадей-то бы получше впрягли, не такихъ одровъ.

Да тѣмъ и удовольствуется и отойдетъ, положа напраслину на своего сосѣда,—можетъ быть во всѣхъ другихъ случаяхъ его закадычнаго пріятеля. У новаго ямщика вашего такія же хорошія лошади изъ степей, отъ киргизовъ, онъ и самъ такой же мастеръ и охотникъ быстро ѣздить, какъ и всѣ прежніе. Не даромъ же про нихъ, про всѣхъ, идетъ такая слава; не даромъ же ихъ считали долгое время (а многіе и до сихъ поръ) потомками коренныхъ русскихъ ямщиковъ: московскихъ, тверскихъ и новгородскихъ. Хуже лошади становятся по Барабѣ послѣ того, какъ мелькнетъ мимо васъ печальнѣйшій городокъ Тюкала, а особенно когда проѣдете Колывань, городъ безъ крышъ, безпорядочно разбросанный, вновь строющійся на новомъ мѣстѣ и упраздненный, исключенный изъ числа (уѣздныхъ) окружныхъ городовъ Томской губерніи.

И снова остальныя впечатлѣнія сбиваются на одно: на безконечные возы съ чаемъ, на желтенькіе домики этаповъ въ каждомъ селеніи, домики холодные, отапливаемые только въ назначенный день прихода кандальной партіи. Изрѣдка разнообразитъ впечатлѣнія и самая эта кандальная партія: но ужъ лучше, если бы она и не разнообразила. Медленнымъ шагомъ, побрякивая цѣпями, тянется она во всю длину селенія и мучительно-тоскливымъ голосомъ поетъ свою такъ называемую «милосердну», и выбѣгаетъ на пѣсню эту народъ изъ домовъ, и тянутся руки туземцевъ съ подаяніемъ грошика, симитки, куска пирога, чернаго хлѣба. Партію угонятъ въ острогъ и запрутъ тамъ. Черезъ часъ пойдетъ по селенію одинъ изъ кандальныхъ—артельный староста—за новымъ, одиночнымъ сборомъ. На третій-на четвертый день обгоняете вы новую партію, впереди которой на отдѣльной подводѣ въ одну лошадку мелькнетъ мимо васъ этапный офицеръ: онъ только обогналъ партію, но не отошелъ отъ нея, вѣрно служа свою трудную, безпокойную и опасную службу.

— А не бѣгутъ они изъ партіи, не вводятъ въ отвѣтъ офицера?—спрашивалъ я у ямщиковъ: и отъ всѣхъ получалъ одинъ отвѣтъ:

— Да вѣдь они на сдѣлкѣ съ нимъ. Хорошъ-де будешь, и все станешь отдавать намъ по положенію, тебѣ же поможемъ. Было разъ такъ, что трое бѣжали, а офицеръ-отъ хорошій былъ, любили его. «Позволь—сказывали—ваше благородіе: мы ихъ сами поймаемъ!» отпустилъ—согласился. Два дня проходили, на третій и сами пришли и бѣглыхъ привели. Они вѣдь каторжные-то смирны, когда въ кандалахъ идутъ.

— Да вѣдь бѣгутъ же они, бѣгаютъ часто?

— А ужъ это съ мѣстовъ бѣгутъ, гдѣ ихъ посадятъ; изъ заводовъ бѣгутъ, а изъ кандальной партіи это рѣдко бываетъ. Вотъ начнетъ весна обогрѣвать землю—жди гостей.

— И они для васъ не опасны, вы не боитесь ихъ?

— Смирной народъ: его только не трогай, а онъ тебя не тронетъ; ты его только на родину-то пропусти: ее-то ему подай, объ ней-то у него и забота. Мы вотъ лѣтомъ-то на страду ходимъ, такъ на оконцѣ (на полочкѣ на такой) и хлѣбца выставляемъ, и молочка, и пирожка. Вернемся домой: все съѣдено — значитъ *варнаки* были. А и въ избу зайдемъ: все на мѣстѣ, ничего не переворошено. Большими же они артелями бѣгаютъ, человѣкъ по тридцати и больше.

— И вы ихъ не ловите?

— А вотъ станутъ холода завертывать, онъ самъ на заводъ придетъ, бери его руками. Одеженка у него — значитъ — поизмызгалась, холода-то сибирскіе — дѣло не слишкомъ привышное, ну да и нагулялся. Возьмутъ его — постегаютъ; а къ веснѣ — онъ опять уйдетъ, по осени — онъ опять придетъ. Много есть и такихъ, очень много. Да вонъ мужиченко сторонкой идетъ — видишь?

Ямщикъ показалъ на окраину дороги. Я увидѣлъ мужика съ котомкой за плечами, въ рваномъ полушубкѣ Онъ шелъ смѣло и не смотрѣлъ на насъ, какъ будто даже ему проѣзжій — дѣло привычное. Шелъ онъ медленнымъ, спокойнымъ шагомъ.

— Какую ты мнѣ поруку дашь? — спрашивалъ меня ямщикъ — какую поруку дашь, что не варнакъ это. Спроси у него пачпортъ — не отыщешь. А бредетъ вотъ онъ себѣ — и Христосъ съ нимъ!

— А гдѣ онъ полушубокъ-то себѣ взялъ?

— Да стащилъ, поди, гдѣ. Не безъ тово!

— Такъ вотъ видишь же, не всѣ они такіе хорошіе, какъ ты разсказывалъ мнѣ.

— Ну да всякіе же, всякіе живутъ. Такъ вѣдь и опять тебѣ тоже молвить надо: на то человѣку и глаза въ лобъ ввинчены, чтобы всякой за своимъ добромъ глядѣлъ, не отдавалъ бы добра своего лихому человѣку. По пословицѣ: плохо лежитъ — вору корысть. Эти варнаки еще что?! противу этихъ оборонаесть; варнакъ тебя боится, потому ты его по начальству можешь представить. А ты меня научи, какъ вотъ намъ съ амурцами дѣла дѣлать?

— Кого же ты амурцами называешь?

— Да вотъ года три стали новыхъ гостей къ намъ нагонять. Видишь народъ туда для сельбы понадобился, и стали вотъ изъ Расеи солдатъ отправлять.... Партіи большія, народъ отпѣтой.... А по мнѣ, какой ужъ въ этомъ народѣ прокъ?

— Что же они такое дѣлаютъ?

— Да все, что неладно-то, чего бы не надо-то, тò они и дѣлаютъ. Начать съ того, что бабъ нашихъ очень обижаютъ, пристаютъ. Ты вотъ отъ него отвернуться не успѣлъ, а ужъ онъ къ твоей бабѣ лѣзетъ....

— Опять же скверно и то, что воруютъ. Ты отвернулся—а онъ у тебя и стащилъ что-нибудь.....

И у ямщика моего даже улыбка скользнула по лицу.

— Что же такое они сдѣлали?

— Ловко сдѣлали, ей Богу, ловко: слышать даже пріятно, пущай что неладное, да скверное такое дѣло сдѣлали.

— Въ чемъ же дѣло-то?

— Да и дѣло-то такое, что никакъ ты не надумаешься—никакъ ты не смѣкнешь: вотъ какъ чисто сдѣлали!

— Разсказывай же, сдѣлай милость!

— Стояли они, амурцы эти, въ одной тутъ избѣ, въ нашей деревнѣ, у бабушки Маремьяны. А у бабушки три внука съ меня ростомъ: большіе ребята. А вотъ вѣдь ухитрились, сдѣлали же, сорванцы!...

Съ великимъ трудомъ наладилъ я ямщика своего на разсказъ: такъ онъ былъ увлеченъ и очарованъ поступкомъ амурца. И между тѣмъ все дѣло состояло въ слѣдующемъ:

Одинъ изъ амурцевъ, успѣвшій уже обрѣзать полы казеннаго полушубка до половины и заложить овчинки съ подолу, признанныя имъ за лишнія, въ ближайшемъ кабакѣ, нашелъ свою овчинную куртку невыгодною въ путешествіи. Стоя въ избѣ, на которую указывалъ мой ямщикъ, амурецъ этотъ замѣтилъ на полатяхъ новую хозяйскую овчинную шубу. Утащить ее смѣло и рѣшительно онъ не могъ: изъ избы не выходили хозяева во все время и зорко слѣдили за гостями. Амурецъ пустился на хитрость: онъ легъ на полати отдохнуть, съ позволенія хозяевъ, успѣлъ въ это время отрѣзать у шубы оба рукава и надѣть ихъ на ноги. Когда партія вышла изъ деревни, вышелъ вслѣдъ за другими и этотъ солдатикъ. Мужички изъ деревни—по обыкновенію—провожали партію за околицу; провожали ее и хозяева солдатика. Этотъ не прошелъ и версты, какъ вернулся назадъ и побѣжалъ прямо въ тотъ самый домъ, гдѣ стоялъ на дневкѣ. Тамъ оставалась одна старуха и младшій сынъ. Амурецъ вбѣгаетъ въ попыхахъ:

— А я у васъ, бабушка, шубу забылъ.

— Какую шубу?—не видала на тебѣ такой.

— Овчинную, бабушка, шубу забылъ, новую.

— Да новая-то шуба вѣдь наша. Вечорась швецы дошивали.

— У тебя, бабушка, не бываетъ такой: моя шуба солдатская, безъ рукавовъ.

— Безъ рукавовъ у насъ не живетъ шубы!—ворчитъ бабушка;—коли найдешь безъ рукавовъ шубу—твоя шуба.

— Давай-ко я ее поищу; твою найду—тебѣ отдамъ. Я спряталъ ее подъ вашу лопатину на тотъ случай, чтобы нашъ же братъ солдатикъ не стащилъ ее.

Сталъ искать и конечно нашелъ ее тамъ, гдѣ самъ положилъ, и конечно безъ рукавовъ. Увидѣла бабушка шубу безъ рукавовъ, увидѣлъ ее и парень—отдали шубу солдату:

— Твоя, солдатикъ, шуба, коли безъ рукавовъ шуба. Наша съ рукавами была; зачѣмъ мы ее безъ рукавовъ шить станемъ?

Такимъ образомъ пока они искали своей новой шубы съ рукавами—солдатикъ уже былъ далеко.

На новомъ станкѣ—новые разсказы про похожденія амурцевъ. Въ третьемъ мѣстѣ тоже.....

— Куда же идутъ всѣ эти краденыя амурцами вещи? что ихъ понуждаетъ на эти кражи?—спрашивалъ я людей опытныхъ и присмотрѣвшихся къ похожденіямъ амурскихъ поселенцевъ.

— Да дальше кабака они вещей этихъ еще не носили!—отвѣчали мнѣ. Посмотрите вы на тѣ селенія, которыя счастливятъ своимъ пребываніемъ питейные дома и пьющіе гости изъ Россіи: сколько въ нихъ шуму, исторій; сколько въ нихъ бѣшеной пьяной жизни, о которыхъ наши смирные сибиряки и понятія не имѣютъ; грязныхъ подробностей, которыхъ имъ и во снѣ не снилось! Бываютъ у насъ въ Сибири свои, домашніе загулы съ трескомъ и визгомъ, но мы такихъ еще и не видывали. Разъ въ году бушуютъ наши промысловыя партіи, заручившіяся большой и бѣшеной копѣйкой на золотыхъ промыслахъ. Но и тѣ какъ-то годъ отъ году становятся замѣтно тише, пьютъ легче, бушуютъ меньше. Не слыхать уже, давно не слыхать безразсудныхъ поливаній шампанскимъ тѣхъ дорогъ, по которымъ благоугодно будетъ проѣхать нашему сошедшему съ ума на золотѣ золотопромышленнику. Не ѣздятъ уже они на бабахъ, запряженныхъ въ сани, по улицамъ селъ и деревень; не мечутъ уже они въ толпу горстей серебра и золота. Глядя на хозяевъ угомонились и промысловыя партіи. Есть еще у нихъ загулы и пропойства, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, съ какими производятъ эту же операцію амурскіе солдаты, которымъ удастся гдѣ нибудь ловко поживиться чужимъ, плохо положеннымъ добромъ. Противъ нашихъ промысловыхъ буяновъ и пьяницъ приняты уже мѣры даже самими хозяевами, противъ амурскихъ нужно принять такія же мѣры.....

—На все это дастъ отвѣты время и обстоятельства; можетъ быть поблагопріятствуетъ даже самая случайность. Вѣдь выросло же въ Сибири изъ ссыльныхъ поселенцевъ русскихъ—здоровое, мыслящее и способное племя сибиряковъ, у которыхъ есть хорошая и (можетъ даже быть) блестящая будущность.

—Давай-то Богъ вашими устами да медъ пить... Поѣзжайте дальше — увидите и услышите многое сами! — говорилъ мнѣ одинъ изъ коренныхъ, одинъ изъ умнѣйшихъ сибиряковъ.

И я снова ѣхалъ впередъ, ѣхалъ много и долго, ѣхалъ до того долго, что и у меня, какъ у Калиновича въ романѣ А. Ѳ. Писемскаго («Тысяча душъ»), ямщикомъ очутилась наконецъ баба.

Только тогда уже узналъ я объ этомъ, когда она сняла даху въ избѣ своего дружка и когда шипѣлъ на столѣ приготовленный для нея самоваръ.

Не было со мной попутчика купца, который бы оговорилъ ямщика-бабу; не было и ямщиковъ, которые подняли бы ее на смѣхъ. Все на этотъ разъ казалось обыкновеннымъ. Ямщики-дружки спросили ее только «какова дорога?» и ни однимъ замѣчаніемъ, ни единой насмѣшкой ее не обидѣли.

—Что тебя, тетка, заставляетъ ѣздить: не бабье вѣдь это дѣло?—спрашивалъ я.

—Кому же и ѣздить-то, коли у меня хозяина въ дому нѣту?...

Также молодцовато вскочила и соскочила она съ облучка. также бойко и послушливо бѣжали и у ней лошади, какъ бы и у любаго ямщика, какъ бы наконець у той же бабы Писемскаго, которая везла Калиновича съ купцомъ. Даха и нѣсколько грубый мужской голосъ довершили мое очарованіе.

Но вотъ Бараба кончилась; кончилась и не Бараба —то пространство, которое отдѣляетъ ее отъ Томска. Томскъ потребовалъ съ моей стороны нѣкоторой остановки для отдыха. Сзади меня легли слишкомъ тысяча верстъ и восемъ сутокъ скорой ѣзды днемъ и ночью; то и другое круто сказалось на моихъ спинѣ и плечахъ и на всемъ физическомъ составѣ. «Нѣтъ, думалось мнѣ на тотъ разъ, и курьерская ѣзда требуетъ призванія и подготовки. Хорошо испивать горькую чашу всю разомъ до дна, но и на это нужно умѣнье и снаровку.»

Отрадно, весело и привѣтливо мелькнулъ передо мною этотъ одинъ изъ лучшихъ сибирскихъ городовъ, не уступающій даже во многихъ отношеніяхъ столицѣ Восточной-Сибири—Иркутску Составляя одинъ изъ главныхъ центровъ золотопромышленной дѣятельности, Томскъ хорошо обстроенъ; нѣкоторые дома его отдѣланы даже роскошно и комфортабельно. Правда, что такихъ домовъ немного; правда наконецъ и то, что Томскъ во многихъ и лучшихъ мѣстахъ погорѣлъ и до сихъ еще поръ не оправился, все же онъ оставляетъ пріятное впечатлѣніе въ проѣзжемъ. Городъ носитъ тотъ видъ, какъ будто онъ еще не совсѣмъ готовъ и продолжаетъ еще строиться, какъ будто въ немъ и самое общество еще не готово и усиленно, старательно стремится въ дружную, согласную семью. Томскъ вызываетъ много вопросовъ и на многіе изъ нихъ даетъ самъ отвѣты положительные и безапеляціонные. Что до меня лично, то на меня городъ этотъ произвелъ отрадное, освѣжающее впечатлѣніе. Въ малой, избранной части общества, не передовой по своему положенію, я встрѣтилъ много хорошаго. Небольшой кружокъ этотъ серьезно и внимательно слѣдитъ за движеніемъ мысли, за умственной и практической жизнію обновляющейся Россіи; ему не чужды интересы прогресса, онъ уже успѣлъ соединиться въ тѣсную дружескую кучку, ведущую еженедѣльно оживленныя, серьезныя бесѣды, какія носятъ названіе литературныхъ вечеровъ. Мыслящіе люди, безъ подготовки, безъ церемоніальныхъ приглашеній, назначаютъ себѣ день и часъ для сходки, ведутъ бесѣду о какомъ нибудь—болѣе знакомомъ всѣмъ и каждому—предметѣ, спорятъ и въ большей части случаевъ расходятся поздно вечеромъ. При мнѣ читали двѣ бесѣды: объ ядахъ и о взглядѣ магометанъ на Евангеліе. Та и другая оставляли крупныя, живыя и свѣжія впечатлѣнія. Жаль, если и это общество постигнетъ та же участь, какая постигла въ самомъ началѣ иркутское педагогическое общество. Въ Томскѣ между учителями гимназіи и профессорами семинаріи есть много людей съ свѣжими и крѣпкими силами, еще не надорванныя ни рутиной, ни пошлостью жизни, которая вращается вокругъ и около. О той половинѣ томскаго общества, которая играетъ въ карты, я на этотъ разъ говорить не стану. Съ одной стороны оно похоже на всевозможныя провинціальныя общества, а съ другой—имѣетъ крупныя отмѣны и различіе (но и объ этомъ послѣ, въ другое время.) Бѣглымъ, летучимъ замѣткамъ нельзя подводить итога. Да и пора—на Амуръ!

Много несется уже объ немъ свѣжихъ слуховъ; слухи эти становятся учащеннѣе, хотя и звучатъ еще глухо, неполно, даже и тамъ, гдѣ лежитъ граница между Восточной Сибирью и Западной.

На пути за Томскомъ попадаются еще два печальныхъ городка; города эти только по названію: одинъ новопожалованный изъ села Кіи—Маріинскъ, другой раскиданный—Ачинскъ. Первый начинаетъ уже испытывать ту печальную участь, какую несутъ всѣ русскія села, переименованныя въ областные и уѣздные города. Нѣкогда въ Кіѣ сосредоточивалось сильное торговое движеніе, по поводу найма въ этомъ мѣстѣ рабочихъ на золотые промыслы. Ачинскъ же никогда не игралъ значительной роли. Это—первый городъ Восточной Сибири. Скоро за нимъ и Красноярскъ, поразительный по горамъ, обступившимъ его со всѣхъ сторонъ и по отсутствію снѣга въ самомъ городѣ и кругомъ его на тридцать и больше верстъ. Весь снѣгъ сносится частыми въ тѣхъ мѣстахъ и сильными вѣтрами. Красноярскъ—главный центръ золотопромышленной дѣятельности, соперничающій только съ однимъ Енисейскомъ, но все таки городъ не изъ лучшихъ. И онъ какъ будто застроенъ и не додѣланъ: много пустырей, огромныхъ площадей, но мало домовъ прочныхъ, хозяйственныхъ, стародавнихъ.

Мало несетъ дорога живыхъ, свѣжихъ впечатлѣній. Нетерпѣливо хочется, если не достичь, то покрайней мѣрѣ, скорѣе приблизиться къ вожделѣнной преднамѣренной цѣли поѣздки. Амуръ начинаетъ преслѣдовать меня даже до смѣшнаго, до случайностей. Въ Томскъ пріѣхали мы ночью; часовъ пять искали гостинницы, попали въ какой-то трактиръ, гдѣ наскоро отдѣлили особенную комнату съ диваномъ, съ какими-то портретами, относительно чистенькую и для жилья сносную. Утромъ на другой день, выѣзжая изъ воротъ трактира въ городъ, я обернулся назадъ, чтобы по вывѣскѣ узнать и запомнить названіе заведенія,—вижу курсивными, косыми буквами съ какими-то диковинными завитками, на вывѣскѣ этой начертано: «Гостинница Амуръ». Въ Красноярскѣ, тоже на угадъ, по пріѣздѣ, ночью, въ первой, попавшейся изъ трехъ существующихъ гостинницъ, та же исторія: на вывѣскѣ еще прихотливѣе курсивъ гласилъ мнѣ (какъ будто на пущее зло и досаду): «Амуръ, гостинница для господъ пріѣзжающихъ».

Амуръ еще далеко, ужасно далеко, и новыя впечатлѣнія, новые виды заслоняютъ гадательныя представленія объ немъ. Правда, что впечатлѣній этихъ немного, и всѣ они такія тусклыя, такія нерадостныя. Длинный, чуть не тысячеверстный путь до Иркутска, холодные станціонные дома, покрашенные убійственно-досадной желтой краской, какой покрашены тѣ же этапы, все еще преслѣдуютъ васъ на каждомъ станкѣ (по сибирски) или станціи (по русски). На станціонныхъ домахъ нечего достать изъ съѣстнаго. Словно крѣпкая нужда подошла къ этому краю; почтовыя книги исписаны жалобами проѣзжихъ купцовъ на невыдачу лошадей, на задержки на станціяхъ иногда болѣе сутокъ, и проч. и проч. Весь этотъ трактъ мало населенъ, замѣчательно безлюденъ. Самое населеніе его шло путемъ какой-то случайности, ничего вѣрнаго, все неудачи. Вотъ эта коротенькая исторія.

По указу Павла I (отъ 17 октября 1799 года) назначено было 2000 поселенцевъ въ Забайкалье. Часть ихъ была отправлена туда, но тамъ сильно поднялись на хлѣбъ цѣны, чувствовался недостатокъ продовольствія. Сенатъ, указомъ отъ 3 сентября 1801 года, велѣлъ остановить находившихся въ пути переселенцевъ, а въ 1802 году поселить ихъ по тракту отъ Красноярска до Иркутска и въ Нижнеудинскомъ округѣ. Въ эту категорію поселенцевъ вошли (по смыслу указа) преступники, которые не подлежали къ ссылкѣ въ каторжную работу, и которыхъ указано было называть сначала просто ссыльными, а по истеченіи десяти лѣтъ, смотря по поведенію и прилежанію къ земледѣлію, государственными крестьянами и—помѣщичьихъ людей съ зачетомъ въ рекруты, не старѣе 45 лѣтъ. Отставнымъ солдатамъ, которые отъ воинскихъ командъ назначены были, и которыхъ, по указу Сената, и по населеніи указано было считать государственными поселянами, предоставлено было на ихъ собственную волю право селиться въ Забайкальи. Дѣйст. ст. сов. Лабу, командированный Сенатомъ для удостовѣренія, какъ въ образѣ пересылки, такъ и въ способахъ обзаведенія людей пересыльныхъ, нашелъ, что люди отправлены были отъ помѣщиковъ въ рубищахъ, почти полунагими и безъ достаточнаго числа кормовыхъ денегъ;

деньгами довольствованы были безрасчетно, и выданныя по рукамъ были промотаны. Большая часть поселенцевъ этихъ денегъ не получила, большая часть изъ нихъ принуждена была продавать свое платье. Толпами бродили поселенцы по дорогамъ съ женами и дѣтьми, питаясь мірскимъ подаяніемъ, къ крайнему отягощенію обывателей. «Смѣшавшись между собою, поселенцы часто утрачивали свои документы, съ которыми не рѣдко терялась и извѣстность о происхожденіи и званіи ихъ. Нигдѣ не было смотрителей, обязанныхъ заботиться о содержаніи поселенцевъ. Между послѣдними были люди (противъ положенія) имѣвшіе свыше 45 лѣтъ; между другими же были дряхлые старики, увѣчные, неспособные къ поселенію. Съ беременными женщинами и съ больными поступали небрежно: ихъ возили за партіями въ самомъ жалкомъ положеніи, оттого нѣкоторые безвременно умирали; женщины рожали въ телѣгахъ. Наконецъ отъ всѣхъ этихъ безпорядковъ потерялся счетъ и людямъ и отпущеннымъ на продовольствіе деньгамъ.» Кормовыя деньги для поселенцевъ присылались обыкновенно впередъ по почтѣ въ губернскія правленія: въ Иркутскомъ было до 25 тысячъ, изъ которыхъ выдана малая часть при проходѣ небольшаго числа переселенцевъ черезъ Иркутскъ. Изъ двухъ тысячъ душъ явилось на мѣста только 1454 человѣка.

Но—дальше въ дорогу.

Еще два ничтожныхъ города попались на пути: одинъ маленькій, сбившійся въ кучу, Канскъ и другой Нижнеудинскъ. Тѣ же этапы въ каждомъ селеніи, тѣ же лошадиные трупы, валявшіеся подлѣ дороги; надъ ними носились—по обыкновенію—черныя, густыя стаи вороновъ. Я бы не придалъ этому обстоятельству особеннаго значенія ни тогда, ни теперь, если бы оно было слишкомъ обыкновенно на русскихъ дорогахъ и замѣтно поразительно по сибирскимъ. Дороги по Барабѣ, дорога между Томскомъ и Красноярскомъ, между Красноярскомъ и Иркутскомъ, на рѣдкомъ перегонѣ не пополнены этимъ аттрибутомъ, какъ будто онъ неизбѣженъ, какъ будто онъ такъ обыкновененъ, что на него и не стоитъ обращать вниманія. Я однако рѣшался спрашивать ямщиковъ и всегда получалъ одинъ отвѣтъ:

— Курьеры заматываютъ: очень ужъ крѣпко—много наѣзжаетъ ихъ, а есть между ними такіе крутые господа, что и упаси Господи! Никакой ты его молитвой не умолишь; такъ уже и просить ихъ побаиваемся: не просимъ.

На станціяхъ получаешь какіе-то темные, неопредѣленные совѣты объ осторожности при проѣздѣ, въ потемень и по ночамъ и короткій отвѣтъ: «варнаки де гуляютъ, пошаливаютъ, а мѣста глухія». И вотъ, не доѣзжая до Иркутска двѣ-три станціи, ямщикъ обращается ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— Я теперь лошадокъ-то потише пущу,—пущай вздохнутъ: а вотъ какъ съ лѣскомъ-то дальнымъ станемъ равняться: я ужъ во всю прыть погоню; надо то мѣсто шибчае проѣхать.

— Отчего же такъ?

— Да на дняхъ тутъ купца съ прикащикомъ ограбили. Слѣдствіе наѣзжало, да еще не знаемъ, кто сотворилъ экое не хорошее дѣло....

Дѣло было къ вечеру. Глухою полночью подъѣхалъ я къ Иркутску благополучно. Было начало декабря; глубокіе снѣга лежали по дорогамъ и окрестностямъ; но Ангара не поддавалась еще морозамъ, и мрачно оттѣнялась передъ нами темною, широкою полосою. По ней шла уже, такъ называемая шуга или сало, которое обезпечивало возможность предположенія, что рѣка должна скоро покориться сибирской зимѣ и покрыться льдомъ, хотя и на короткое время—двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Я переѣхалъ Ангару въ лодкѣ и очутился въ Иркутскѣ, въ которомъ судьба судила мнѣ найти радушный, искренній привѣтъ, теплую дружбу и—теплый уголъ.

Почти два мѣсяца прожилъ я въ Иркутскѣ. Бѣглыми, летучими замѣтками отдѣлываться отъ него я не имѣю права и не въ силахъ этого сдѣлать по той причинѣ, что пребываніе мое тамъ—одно изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Но теперь опять таки скорѣе—на Амуръ и къ Амуру!

Байкалъ, сибирское *море*, на то время покрылся уже льдомъ, давая возможность сократить путь и избавляя отъ того мучительнаго, такъ называемаго, *кругоморскаго* пути, о которомъ ни одинъ сибирякъ и не-сибирякъ не могутъ вспоминать безъ ужаса. Высокія горы, дурно устроенныя дороги, ѣзда верхомъ надъ пропастями: все—говорятъ—враждебно противодѣйствуетъ смѣлому рѣшенію ѣхать тамъ. Байкалъ-море успѣлъ уже на время нашего проѣзда дать длинныя и широкія (аршина въ 2½) трещины, на которыя клались доски и—проѣздъ совершался благополучно. Двѣ станціи (около 50 верстъ) вели насъ по льду не въ далекѣ отъ берега, и одна станція въ 55 верстъ, на пересѣченіе, поперегъ, къ монастырю Посольскому.

И вотъ я въ Забайкальи, судьба котораго такъ тѣсно и неразрывно связана съ настоящими и будущими судьбами вновь пріобрѣтеннаго Россіей Амурскаго края. Отсюда шли (и идутъ до сихъ поръ) первые и большая часть поселенцевъ; отсюда же идетъ хлѣбъ и все необходимое для насущныхъ, первыхъ надобностей. Амуръ безъ Забайкалья существовать не могъ, не можетъ въ настоящее время, и едва ли будетъ въ состояніи еще и на долгое, будущее время обходиться безъ помощи этой благословенной, плодородной страны. Изученіе и знакомство съ этимъ краемъ, едва ли не важнѣе изученія самаго Амура, а изученіе Амура безъ крайняго знакомства съ положеніемъ Забайкальскаго края и невозможно и даже немыслимо. Но и у Забайкальскаго края естъ своя исторія правительственнаго, не самопроизвольнаго заселенія и исторія эта весьма недавняя и во всякомъ случаѣ поучительная. На ней-то я и остановлюсь пока на нѣкоторое время.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія правительство наше съ большею заботливостью, сравнительно съ населеніемъ другихъ сибирскихъ мѣстъ, занялось заселеніемъ Забайкальскаго края. Указомъ отъ 17 октября 1799 года повелѣно было: 1) поселить тамъ на первый разъ до 10, 000 душъ: 2) поселеніе начать съ сентября 1800 года, чтобы къ тому времени заготовить все нужное; 3) подъ поселеніе отвести удобнѣйшія мѣста между Байкаломъ, рѣкою Верхнею Ангарою, Нерчинскомъ и Кяхтою, назначая на каждую душу по 30 десятинъ; 4) при отводѣ этомъ не касаться пространства, находящагося между городомъ Верхнеудинскомъ и Читинскимъ острогомъ, если оно занимается харинскими бурятами, ни другихъ мѣстъ, кому либо принадлежащихъ, или кочующими народами занятыхъ; 5) селенія расположить такъ, чтобы въ одномъ мѣстѣ болѣе 100 дворовъ не было, и тѣ селенія расположить позади линій государственныхъ крестьянъ, разумѣя отъ китайской границы, 6) на первый разъ построить для 200 душъ, въ назначенныхъ селеніяхъ, домы на счетъ казны, запасти хлѣба на 1½ года, приготовить земледѣльческія и другія орудія, снабдивъ поселянъ потребнымъ скотомъ для обзаведенія и сѣменами для посѣва, а на отдаваемыхъ съ зачетомъ въ рекруты, какъ они берутся безъ разбора, взыскивать съ помѣщиковъ жалованье и провіантъ на годъ, съ обыкновенною при рекрутскихъ пріемахъ обувью и платьемъ; 7) когда первые 2000 человѣкъ поселены будутъ, должны они въ свободное время отъ работъ заготовлять домы для слѣдующихъ на будущій годъ поселянъ, и для того первое поселеніе расположить такъ, чтобы въ назначенномъ для селенія мѣстѣ было бы не болѣе 20 дворовъ; 8) до совершеннаго устройства поселеній губернское начальство обязано опредѣлить попечительныхъ, надежныхъ и знающихъ сельское хозяйство надзирателей; 9) каждый пришедшій поселянинъ свободенъ отъ всякихъ податей десять лѣтъ, а солдатамъ быть наравнѣ съ прочими таковыми же поселянами въ другихъ мѣстахъ; 10) однакожъ предполагается, не въ видѣ податей, а для общей пользы того края, особливо же для приходящихъ вновь, собирать съ каждой души хлѣба въ магазины по одному четверику, начиная съ перваго урожая. Иркутскій военный губернаторъ Леццано исчислилъ на это 98, 156 руб. 22 коп. и предполагалъ для постройки 334 домовъ употребить самыхъ поселенцевъ, съ дачею имъ плакатныхъ денегъ. Сумма, назначенная Леццано, была ассигнована, но согласія на второе предложеніе не дано затѣмъ, чтобы не изнурить съ перваго раза людей, еще неимѣющихъ пристанища. Сенатъ предписалъ непремѣнно заготовить третью часть домовъ, а орудія и инструменты доставить съ казенныхъ заводовъ.

Затѣмъ неудача слѣдовала за неудачей, какъ я уже и имѣлъ случай говорить выше по поводу заселенія тракта между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Для удостовѣренія, какъ въ образѣ пересылки, такъ и въ способахъ обзаведенія переселенцевъ, посланъ былъ Лаба. «Лаба — по свидѣтельству г. Пейзена (изъ статьи котораго я дѣлаю эти извлеченія)—отведенныя за Байкаломъ земли нашелъ къ поселенію неудобными, разбросанными на пространствѣ болѣе 4000 верстъ. Въ замѣнъ того, онъ отыскалъ 150,000 десятинъ самой плодоносной земли въ томъ краѣ. Лаба не нашелъ также ни нужнаго количества хлѣба для водворенія первыхъ 2000 душъ, ни назначеннаго числа домовъ для помѣщенія ихъ (исключая 35, построенныхъ и купленныхъ, въ которыхъ и водворено 236 человѣкъ семьями). По представленію Лабы, начертаны были правила, по которымъ въ Забайкалье велѣно обратить всѣхъ людей прежнихъ, обзаведшихся и водворившихся въ другихъ мѣстахъ поселенцевъ и не стѣсняя солдатъ въ свободѣ выбора мѣстъ. На каждую семью положено выдать по одной лошади, по одной коровѣ, по три овцы, по три свиньи.

Вообще все дѣло шло не только крайне неудачно, но и противорѣчило тѣмъ намѣреніямъ, съ какими предпринято было устройство поселеній за Байкаломъ. Все дѣло поправилъ Трескинъ — иркутской гражданскій губернаторъ и привелъ его въ исполненіе быстро—въ одинъ (1807) годъ. По его распоряженіямъ переселенцы, по прибытіи на мѣсто водворенія, были тотчасъ снабжены всѣмъ необходимымъ для хозяйства. Земли для первоначальныхъ посѣвовъ приготовлялись самими поселенцами или прежде водворенными. Лѣса вырубались въ свободное время отъ полевыхъ работъ. Дома строились по чертежу, изд. 1722 года, для двухъ семей, состоявшихъ изъ одного женатаго и двухъ холостыхъ. Положено въ каждыхъ двухъ селеніяхъ завести по одной кузницѣ и выстроить во всякомъ новомъ селеніи запасные магазины, въ которые и собирать хлѣбъ, съ перваго урожая, назначенное число. Чтобы обезпечить женитьбу поселенцевъ, Трескинъ просилъ иркутскаго архіепископа предписать сосланныхъ въ Забайкалье дѣвицъ и женщинъ не вѣнчать ни съ кѣмъ, кромѣ поселенцевъ: что и было исполнено. Скотъ для поселенцевъ покупался въ Верхнеудинскомъ округѣ и у харинскихъ бурятъ, дѣлавшихъ — по приглашенію начальства — въ пользу поселеній значительныя безмездныя пожертвованія. Кромѣ того, нѣкоторыя частныя лица добровольно приносили значительныя пожертвованія. Петровскій заводъ изготовлялъ земледѣльческія и домашнія орудія *).

Какимъ образомъ производилось все это дѣло, какими подробностями обставлялось оно и о процессахъ дальнѣйшихъ, новѣйшихъ, поселеній и переселеній за Байкаломъ — мы позволяемъ себѣ говорить потомъ, дальше, въ своемъ мѣстѣ. Но не можемъ при этомъ не остановиться на томъ грустномъ и многознаменательномъ фактѣ, что вообще поселеніямъ въ Восточной Сибири какъ-то не счастливилось. Западной Сибири въ этомъ отношеніи выпала болѣе благопріятная доля. Поселенцы, помѣщенные по рѣкѣ Вилюю (109 душъ), не имѣютъ осѣдлости, крайне облѣни-

---

*) На каждый домъ поселенца выдавалось: одна корова, топоръ двурубной, долото, два бурава, большой и малой скобель, ножъ, косарь, котелъ желѣзный или чугунный въ 10 фунтовъ. На каждую семью полагалось: лошадь, двѣ овцы, двѣ свиньи, конская упряжъ съ приборомъ, десять саженъ веревокъ, пара сошниковъ, топоръ плотничій, коса-литовка, два серпа; хлѣба для посѣва: ржи или ярицы по 12 пудовъ, ячменю по 6 пудовъ, овса по 6 пудовъ, сѣмени конопляногo по одному нуду и на продовольствіе на восемнадцать мѣсяцевъ каждому поселенцу муки ржаной по 36 пудовъ, и соли по одному фунту въ мѣсяцъ; женщинамъ и дѣтямъ противъ всего половину. Съ 1807—1809 поселенія основывались; потомъ въ послѣдующее десятилѣтіе, устроились. Результаты были благопріятны: въ Нерчинскомъ округѣ число скота замѣтно увеличилось. Причину этому обстоятельству полагаютъ въ изобильныхъ и превосходныхъ пастбищахъ.

лись, ѣдятъ рыбу и сосновую кору. Съ жителями Амгинской слободы (въ 200 верстахъ отъ Якутска) совершился диковинный фактъ: люди славянской расы превратились (посредствомъ браковъ) въ якутовъ, утратили русскій типъ, нравы, обычаи, языкъ; находятся въ бѣдности и безъ хлѣба, замѣняя его сосновой корой (въ числѣ 400 душъ). Но въ этомъ случаѣ покрайней мѣрѣ не благопріятствуетъ климатъ; тамъ нѣтъ ни сѣнокосныхъ, ни удобныхъ мѣстъ для хлѣбопашества (кромѣ Амги и Алдана). При столкновеніи съ этимъ краемъ—оказалась даже невозможною гужевая дорога, стоившая казнѣ огромныхъ издержекъ, не принесшихъ никакой пользы. Вновь проложенный путь (въ 1852 году) отъ Якутска до Аяна, на который издержано 20,000 руб. и переселено 211 душъ, ничѣмъ не отличается отъ стариннаго несноснаго пути по болотамъ къ Охотску. Мѣстность тамошняя—лѣсистая и болотистая; климатъ —недружелюбно суровый и переселенные люди—жалкіе. Но и тутъ опять-таки препятствія физическія: обширныя тундры и кочковатыя болота, лѣтомъ превращающіяся въ непроходимыя топи, потомъ каменистыя и утесистыя горы съ горными потоками, безпрестанно мѣняющими свое направленіе. Нельзя строить ни мостовъ, ни перевозовъ. Въ 1853 году пытались было снова между Амгою и Охотскомъ (на 803 верстахъ) устроить поселенія, но и эти попытки рухнули... Противъ природы не пойдешь!

«Въ Америкѣ—говоритъ г. Пейзенъ въ концѣ своей статьи—въ Америкѣ духъ предпріимчивости, промышленныхъ и торговыхъ спекуляцій имѣлъ послѣдствіемъ, что цвѣтущія колоніи, города, мануфактуры, фабрики возникаютъ съ неимовѣрною быстротою: всему этому осталась чужда Сибирь!» «Казалось бы для населенія столь огромнаго края, какъ Сибирь, много должны были способствовать ссыльные поселенцы, которыми наполняется Сибирь вотъ уже двѣсти лѣтъ и которыхъ ежегодно присылается сюда по нѣскольку тысячъ. Но, къ сожалѣнію, должно сказать, что въ настоящее время, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ развились въ Сибири золотые пріиски, колонизація ссыльными не достигаетъ дѣйствительной своей цѣли: ссыльные увеличиваются только числомъ, но вліяніе ихъ на заселеніе края и развитіе въ немъ предпріимчиваго духа — самое ничтожное».

Неужели такая же судьба ждетъ и амурскія поселенія? Для Амура обстоятельства сложились иначе, благопріятнѣе. Сзади администраторовъ лежитъ цѣлая исторія всяческихъ колонизацій, начиная отъ Америки и Ботанибея до французскихъ поселеній въ Алжирѣ и до русскихъ въ оренбургскихъ и саратовскихъ степяхъ. Тутъ и тамъ—готовыя ошибки, которыя опасны такъ, какъ опасны кораблю банки и рифы; тутъ и тамъ—готовыя формы, по которымъ съ перваго разу можно отливать оконченные образы. За Амуромъ — право Богомъ благословенной страны, богатой климатомъ, роскошной растительностью, на половину тѣ же условія физическія, какія представляетъ Забайкалье, на половину тѣ, которыя схожи съ условіями недавнихъ поселеній въ Охотскомъ краю. За примѣромъ и поученіемъ ходить недалеко. Подъ бокомъ у Амура богатая, хлѣбородная, готовая въ своихъ формахъ страна; глубокія воды, удобныя для сплавовъ отъ слія-нія главныхъ рѣкъ до самаго дальнаго изъ всѣхъ океановъ—Восточнаго. Такъ ли все это творится тамъ, какъ творилось прежде, или взяты новые источники, приложены иныя правила, не менѣе логичныя и послѣдовательныя?

Вотъ всѣ тѣ вопросы, которые естественно возникаютъ впереди всѣхъ другихъ, и требуютъ правдиваго, неподкупнаго отвѣта. Съ вѣрою въ возможность легкой добычи матеріаловъ, при всяческомъ обезпеченіи, съ убѣжденіемъ въ несомнѣнную пользу всѣхъ выводовъ и наблюденій, и наконецъ, съ твердымъ намѣреніемъ говорить только то, въ чемъ можно убѣдиться только при личномъ наблюденіи—приближался я, не торопясь и исподоволь, къ вожделѣнному и темному для меня Амуру. Осталась сзади меня Карымская степь съ бурятами, городъ Чита, выстроенный на печальномъ и неудобномъ мѣстѣ; городъ Нерчинскъ, не тотъ Нерчинскъ, куда по указу 1797 года велѣно отсылать уголовныхъ преступниковъ». Этотъ Нерчинскъ-городъ; онъ населенъ по преимуществу коренными сибиряками и заводскими, отслужившими свой срокъ, крестьянами; слишкомъ въ 200 верстахъ лежитъ отъ города ссыльное мѣсто каторжныхъ, носящее названіе Нерчинскаго завода (который почему-то привыкли у насъ смѣшивать съ мирнымъ городомъ Нерчинскомъ). Здѣсь, въ послѣднемъ, въ двухъ соборахъ стараго и новаго города, сохраняются тѣ образа, которые были нѣкогда съ казаками на Амурѣ, въ Албазинѣ, двѣсти лѣтъ тому назадъ. А вотъ и село Бянкино, въ тридцати верстахъ отъ города, съ нѣкоторою остановкою для меня.

Предоставляя себѣ право снова обратиться къ этимъ мѣстамъ для болѣе подробнаго описанія, я теперь прямо и непосредственно перехожу къ тому времени, въ которое я приблизился къ Амуру. На этотъ разъ я пока принужденъ буду ограничиться мелкими замѣтками, какія удалось мнѣ вносить въ дневникъ по мѣрѣ того, какъ амурскія подробности бросались въ глаза. Добытыя простымъ путемъ личныхъ наблюденій и распросовъ, замѣтки эти останутся въ томъ же видѣ и въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ наскоро вписались въ дневникъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ ловились на мѣстѣ, попадались подъ перо въ тотъ же самый часъ, даже въ тѣ самыя минуты.

Въ то время, когда рѣка Шилка понесла свой послѣдній весенній ледъ, отправился и я вслѣдъ за нимъ по теченію рѣки къ Амуру изъ села Срѣтенскаго, на которомъ прекращается лѣтній телѣжный путь. Срѣтенскъ разлучалъ меня на долго съ сухопутьемъ, со способами переѣздовъ, родными и привычными съ дѣтства. Мнѣ предстоялъ впереди длинный и продолжительный водяной путь по Амуру, обѣщавшій со временемъ превратиться въ неменѣе безотрадный морской путь. Быстро плыла моя лодка по теченію Шилки, подгоняемая еще такъ называемою коренною водою. Вода эта—по туземнымъ примѣтамъ—сопровождаетъ, а иногда и совпадаетъ съ весеннею прибылою водою отъ рѣчныхъ льдовъ. Коренная вода набирается отъ ручьевъ и источниковъ изъ оттаявшихъ болотъ и горныхъ родниковъ. Быстро плыла моя лодка на этой коренной водѣ, скоро мелькали мимо меня берега и селенія, и вотъ что писалось на ту пору въ дневникѣ:

«Общія впечатлѣнія рѣки Шилки неблагопріятны. Разъ задалась она извѣстнаго рода картинами и потомъ на всемъ своемъ долгомъ протяженіи и пошла писать все одно и то же, повторять одни и тѣ же виды съ ничтожными измѣненіями. Течетъ она прихотливо-извилисто; горы направо, горы налѣво, большею частію каменистыя, а иногда и сплошь каменныя. Растительность не изъ богатыхъ, деревья рѣдки, отчасти можетъ быть и оттого, что сильно вырублены. Можетъ быть тамъ, за горами, деревья эти образуютъ сплошной лѣсъ, но на прибрежьяхъ лѣса эти глядятъ рѣшительными рощами. Тамъ, гдѣ горы отойдутъ отъ воды и выдвинутъ впередъ себя лощину, низменность: станица стоитъ, село выстроилось. Таковы: Бянкино, Вологдино, Срѣтенскъ, Шилкинскій заводъ, Горбица и друг. Тамъ, гдѣ выбѣгаетъ изъ лощины (по здѣшному — па́ди) прибрежныхъ горъ рѣка Черная, бойкая и быстрая, теченіе Шилки сильно. Черная прямо бьетъ въ утесъ противоположнаго берега.

— Немного не уснаровишь (говорилъ мнѣ гребецъ) — какъ разъ на эту скалу наскочишь. Плоты и баржи казенныя здѣсь зачастую бѣдуютъ.

Утесъ, обрѣзанный водой и какъ будто подрубленный снизу, чрезвычайно картиненъ съ лодки. Вода подъ нимъ и визжитъ и шипитъ. Шипитъ она и журчитъ во многихъ мѣстахъ и на дальнѣйшемъ протяженіи тамъ, гдѣ изъ ложбинъ между скалъ выбѣгаютъ горные ручьи, всегда бойкіе, иногда минеральные, какъ напр. въ Ключахъ (въ деревнѣ въ 5 верстахъ отъ Бянкиной *).

Станицы, расположенныя по берегамъ — грустно-унылаго вида, который еще болѣе мрачится тѣми сѣрыми, полусгнившими ча-

---

*) Ключъ этотъ, давшій свое названіе деревнѣ—кислый; открывается онъ на поверхности земли въ іюнѣ по собственной прихоти, гдѣ вздумаетъ.

стоколами, за которыми берегутъ, во время дневокъ, каторжныхъ, кандальныхъ и ссыльно-поселенцевъ. Остроги эти, преслѣдуя отъ Москвы черезъ всю Сибирь, наконецъ кончаются здѣсь Шилкинскимъ заводомъ (казеннымъ стекляннымъ, гдѣ теперь работаютъ по волѣ; каторжныхъ уже нѣтъ). При устьѣ Кары, по берегу Шилки, выстроилось длинное зданіе госпиталя для больныхъ каторжныхъ. Здоровые изъ нихъ работаютъ въ 15 верстахъ отъ того мѣста, на такъ-называемыхъ карійскихъ промыслахъ. Тамъ-то вотъ и послѣдній, самый дальній изъ остроговъ, крайній пунктъ, до котораго тянутся кандальныя партіи изъ-за Урала. Остроговъ этихъ нѣтъ уже на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи Шилки.

За Горбицами Шилка уныла: лѣса очень часты, сплошные и непочатые: ничтожныя по величинѣ площадки вырублены на 28—30 верстахъ для зимниковъ, въ которыхъ живутъ почтовые ямщики. Шилка передъ сближеніемъ съ Аргунью, круто поворачиваясь къ югу и загибаясь—камениста, къ тому же и теченіе ея становится быстрѣй и прямо идетъ на скалы. Гребцы-ямщики не брались везти моей лодки даже и въ ту легкую потемень, которая характеризовала на то время весеннія забайкальскія ночи. Равняясь съ Аргунью, Шилка расходится на три протоки (средняя глубже другихъ), между которыми образовались два небольшихъ острова и видно было много дичи: куликовъ и утокъ, поднимавшихся надъ водой густыми, шумливыми стаями. Аргунь вышла также двумя протоками, но самая широкая изъ нихъ немногимъ больше самой узкой протоки шилкинской. Повидимому Аргунь меньше Шилки и къ тому же—какъ говорятъ—очень камениста. Видъ на сліяніе этихъ рѣкъ очень хорошъ: оставленная казаками станица (или караулъ)—Усть-стрѣлка прилѣпилась къ невысокой, правда, скалѣ, но такой, которую вѣнчаетъ высокій гребень горъ лѣсистыхъ, шилкинскихъ. Высокіе же гребни горъ пошли по правому прибрежью Аргуни и затянулись синевой и тою картинною мрачностью, до какихъ такіе охотники живописцы морскихъ видовъ....

Начался Амуръ, тотъ Амуръ, до котораго два уже года стремились всѣ мои помыслы; два года лелѣянная въ моемъ воображеніи, сильно-расхваленная одной стороной, значительно-униженная другой, но для меня во всякомъ случаѣ рѣка вождѣлѣнная. Радостно бьется сердце по мѣрѣ того, какъ весла моей лодки зачерпываютъ воду уже амурскую, а не шилкинскую. Шилкинская вода послѣ малоснѣжной зимы — сиротлива: баржи и лодки казеннаго сплава то и дѣло становились по мелямъ....

Виды Амура на первыхъ порахъ не представляютъ ничего особеннаго; они служатъ только продолженіемъ шилкинскихъ: та же лиственница (начинающая уже зеленѣть), та же береза, что и по Шилкѣ; Амуръ даже и не шире ея теченіемъ. Если оба берега Шилки обставились крутыми горами — отрогами Яблоноваго хребта безразлично и одинаковой мѣры; за то берега Амура начинаютъ уже какъ будто сдавать и подчиняться общему закону всѣхъ рѣкъ на свѣтѣ. Правый его берегъ пошелъ круче: скалы отвѣсны, на лѣвомъ берегу чаще показываются низменности, за которыми чернѣютъ ближайшія и синѣютъ дальнѣйшія горы; и опять всюду лиственница. Ледъ, разбросанный по обоимъ берегамъ Шилки, разбросанъ и по обоимъ берегамъ Амура, гдѣ онъ и будетъ изнывать на солнечныхъ лучахъ, распространяя вредные міазмы и заразы. Теченіе воды въ Амурѣ становится замѣтно спокойнѣе, дѣлается какъ будто торжественнѣе, особенно по сравненіи съ теченіемъ Шилки.

Вотъ и первая амурская станица — *Покровская* — изъ новыхъ, существующая только три года.

III.

НА АМУРѢ.

(Первыя путевыя впечатлѣнія).

I. ОТЪ УСТЬ-СТРѢЛКИ ДО БЛАГОВѢЩЕНСКА.

На лѣвый берегъ Амура вышелъ частоколъ и потянулся внизъ по теченію на цѣлую версту; за частоколомъ этимъ тотчасъ огороды, (на этотъ разъ съ разчищенными грядами); въ огородахъ торчатъ черные пни обгорѣлыхъ толстыхъ деревьевъ, такіе же точно пни попадаются и въ тѣхъ узкихъ проходахъ, которые ведутъ между огородами на улицу. Улица эта узка и обставлена въ одинъ рядъ домами, которыхъ на этотъ разъ 23. Дома въ одно жилье, въ два-три окна, новенькіе; многіе даже безъ крышъ, съ голыми стропилами. За домами пустыри, огороженные на образецъ двориковъ; въ нихъ кое-гдѣ за́городи, выстланныя соломой для скота; на нихъ бродятъ куры, свиньи, телята. Кое-гдѣ за домами амбарушки; у весьма рѣдкихъ—баня. Сзади селенія потянулся лѣсъ, который кое-гдѣ успѣли уже расчистить и засѣять. Вотъ общій видъ первой амурской станціи—*Покровской*.

Зашелъ я въ избу: тамъ—свѣтло, чисто, поразительно опрятно (зимой-де было тепло). Снаружи все приглажено, все вычищено; столъ новенькій, печь недавно бѣленая. Но каково-то въ печи и на столѣ?

— Ничего, слава Богу, живемъ помаленьку; привыкаемъ.

— А не тоскуете по родинѣ?

— Да чего тосковать-то? Здѣсь еще пожалуй и лучше: повольнѣе.....

— То есть какъ повольнѣе?

— Да вотъ хоть бы насчетъ пашни и огородовъ: паши и городьбу городи, гдѣ хочешь: мѣста много. Наряды ужъ очень обижаютъ...

— Какіе наряды?

— Да кое-куда: все больше насчетъ стройки. Не успѣетъ парень домой вернуться—опять шлютъ. Вонъ тамъ, пониже-то, Черняеву станицу строятъ.

— А свыклись между собою?

— Живемъ ладно: не ссоримся. Жены вотъ больше, ну да вѣдь это ихное дѣло—извѣстно. Очень намъ неохота гарнизонныхъ солдатъ принимать....

— Отчего же?

— Пакостятъ много. Уйдешь ты на службу, а онъ наровитъ какъ бы къ женѣ твоей. Съ этими тяжело.

— Это дѣло пущай бы бабы и дѣлали; пусть бы, какъ знаютъ, и расправлялись.

— Такъ опять же пользы-то отъ нихъ мало видать. Какіе ужъ они работники?

Выступаетъ впередъ толпы старикъ сѣдой:

— Я вотъ старъ. Въ прошломъ году у меня въ Амурѣ сынъ потонулъ, другой при мнѣ—хворенькой; оба состоимъ на *нутренной службѣ*; а давай мнѣ «сынка»—не возьму. Они только бѣдокурятъ. Ну-ихъ, къ ляду!

Ребятишки подошли къ намъ, такіе пухленькіе, веселенькіе—и не дичатся. Да и вообще всѣ казаки замѣтно свободны въ движеніяхъ, а до нѣкоторой степени и въ отвѣтахъ. Такъ по крайней мѣрѣ кажется мнѣ на первый взглядъ.

— Всѣ вы здоровы?

— Слава Богу—посвыклись. Ребятишекъ къ веснѣ лихорадка прихватывала: такъ потрясетъ, потрясетъ и перестанетъ.

— И ничѣмъ не лечили?

— Да чѣмъ лечить? У насъ нѣтъ снадобьевъ.

Позади станицы, къ дальной горѣ, въ луговыхъ ложбинахъ, поля распахиваются, но замѣтно въ маломъ количествѣ.

Ребята въ корытѣ-боту, выдолбленномъ изъ бревна, приплыли изъ за рѣки, которая здѣсь немногимъ, чуть-чуть, пошире рѣки Шилки, на всемъ ея долгомъ и тоскливомъ теченіи. Ребята эти привезли козулю, утку.

— Гдѣ же вы порохъ берете?

— Казна даетъ. Здѣсь на счетъ рыбы и дичи—очень хорошо. Много ихъ.

И дѣйствительно очень много. Огромныя стаи куликовъ и утокъ тучами летали надъ нашими головами, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка Шилка сливалась съ Аргунью, образуя травянистые, длинные острова съ цѣпкими, частыми кустарниками. Водораздѣльный хребетъ высокъ и покрытъ рѣдкимъ и невысокимъ лиственнымъ и отчасти березовымъ лѣсомъ. На мѣстѣ сліянія рѣкъ хребетъ этотъ оступается въ Амуръ небольшимъ каменистымъ утесомъ, впереди котораго, по предгорію (не широкому и печальнаго вида) разбросано нѣсколько (около 15) домовъ, почернѣлыхъ отъ времени и непогодей, съ обвалившимися крышами и покинутыхъ жителями: казаки отсюда разселены по новымъ амурскимъ станицамъ. Это—давнишній Усть-стрѣлочный караулъ. Не доѣзжая Усть-Стрѣлки—верстахъ въ двухъ отъ нея на Шилкѣ — казенный соляной сарай; при немъ, по наряду отъ казаковъ, староста, который на то время кое-у кого въ Покровскомъ землю пахалъ, городьбу городилъ, гряды копалъ. Тѣмъ и кормился.

— А суха земля, хороша для пашни?

— Хороша земля. Есть же однако болотины.

Болота, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выходятъ даже на берегъ Амура. Горы сопровождаютъ рѣку по обоимъ ея берегамъ, и если иногда отходятъ отъ нея на небольшія разстоянія, то оставляютъ впереди себя низменность, всегда обрывистую. На низменности около станицы Покровской стоятъ полѣнницы дровъ, заготовленныя (по 50 коп. за сажень) для частнаго парохода *Адмиралъ Казакевичъ* и для казеннаго «Лена». Вотъ и этотъ частный пароходъ, поднимающійся вверхъ по рѣкѣ къ Срѣтенску, диковинный такой, безобразный. Сахарный заводъ, поставленный на барку, какъ остроумно выразился мой спутникъ: — съ однимъ колесомъ посади кормы, накрытымъ чудовищнымъ зонтикомъ. Надъ пассажирскою рубкою (сахарнымъ заводомъ) еще одна рубка для лоцмана, словно скворечникъ. Обладая при высокихъ рубкахъ огромною парусностью, опасною при постановкѣ поперекъ рѣки, при сильныхъ вѣтрахъ и волненіи пароходъ этотъ все-таки, говорятъ, ходитъ скоро и счастливо Чудовищная, некрасивая форма его, говорятъ, весьма обыкновенна въ американскихъ рѣкахъ, но на Амурѣ она какъ-то дика и глядитъ странно, можетъ быть и потому, что не привыкъ русскій взглядъ къ подобнаго рода пароходной конструкціи.

Оставляя станицу Покровскую, я спрашивалъ казаковъ: отчего они оставили родныя мѣста ради неизвѣстныхъ, невѣдомыхъ новыхъ?

— Тѣсновато же тамъ стало!—отвѣчали они мнѣ, хотя, какъ извѣстно, они переселены по волѣ начальства, а очутились здѣсь по жеребью.

И вотъ на первый разъ всѣ впечатлѣнія первой амурской станицы.

Вторая станица—Амазаръ. Вотъ что писалось на то время въ дневникѣ:

«Вотъ гдѣ настоящая бѣдность! Въ домахъ пусто, сиротливо; въ амбарушкѣ шаромъ покати; полей не видать; казаки такіе сиротливые. Вотъ какъ это объясняютъ они сами:

— Взяли насъ съ Аргуни—велѣли ѣхать сюда: вотъ это мѣсто указали. Пріѣхало начальство, сказывало: «живите съ Богомъ и будьте довольны; васъ теперь на свѣтъ вывели. Тамъ въ глуши-то своей вы вѣдь ничего не видали». Вонъ огородцы развели: хотимъ картофель садить. Хотѣли хлѣбушко было сѣять, а сѣмянъ ни зернушка. Да и получить негдѣ, да и пахать негдѣ.

Дѣйствительно негдѣ. Прибрежная гора отошла отъ рѣки недальше ста саженъ, оставивши низменность версты на двѣ въ длину, и затѣмъ сама встала крутой, безплодной, скалистой стѣной, словно на сторожѣ. Низменность и песчана и мокра. Но мѣсто найдено удобнымъ для заселенія и на берегу рѣки врытъ въ землю столбикъ; къ нему прибита дощечка; на дощечкѣ написано крупнымъ и четкимъ почеркомъ: «станица Амазарская». Въ станицѣ четыре дома (одинъ еще только строится). Дома маленькіе, наскоро срубленные, мало надежные. Подлѣ одной избенки пригорожено родъ собачьей конурки для птицы; немного подальше, на задахъ, отгорожены мѣста для скота (этотъ де еще кое-какъ держится, на половину однако палъ еще во время сплава, не доходя Амура). Въ избахъ пожалуй и чистенько: но потому, что нечѣмъ грязнить; пожалуй и просторно даже, но и просторно оттого, что тѣснить нечему: столъ тяжело и наскоро сработанный, лавки подлѣ стѣны: и все тутъ. Передъ домами, по берегу, у самой рѣки, расчищены огороды, но ничего еще не посажено: и сиротливо глядятъ они поднятыми, разрыхленными, раскопанными пустыми грядами.

— А тутъ еще на бѣду наряды. Двое ушли въ Черняеву —станицу строить; да одинъ въ нарядъ съ чиновникомъ. Хотятъ еще—слышь—три семьи приселить къ намъ.

— Чѣмъ же живете?

— Кое-какъ маемся: въ Покровское въ работы наймуемся: огородцы тамъ копаемъ, робимъ по маленьку, а они намъ за то хлѣбца даютъ.

— А покровскіе-то живутъ несравненно богаче васъ....

— Тѣ и на Усть-Стрѣлкѣ жили съ достаткомъ У нихъ и земля въ отводѣ не въ примѣръ лучше нашей. А насъ вѣдь и съ мѣста сняли бѣдными.

— Просились бы вы на другое мѣсто.

— Да куда проситься-то?! Новое мѣсто насъ не обогатитъ.

На ребятишкахъ одеженка рваная. Бабы немногимъ лучше. На казакахъ платье поприглядпѣй и то вѣроятно оттого, что солдатская шинель скоро не изнашивается, и всегда въ одной красотѣ.

У покровскихъ же *робили* и тѣ двѣ Орочо̀нки, которыя встрѣтили меня на берегу и продали мнѣ утку. Орочо̀нки эти недурно говорили по русски (особенно молодая) и давно, говорятъ, выучилась.

— А гдѣ вы живете?—спрашивалъ я ихъ.

— А вонъ гдѣ!—и онѣ указали мнѣ на груду тряпья, валявшагося на прибрежномъ песку; подлѣ кучи этой сидѣлъ орочо̀нокъ. Оказывается, что онѣ кочуютъ изъ станицы въ станицу и, гдѣ можно, нанимаются въ работу.

Въ гребцахъ у меня очутился еще одинъ орочо̀нъ, котораго только по чернымъ, жесткимъ волосамъ да по излишней развитости верхней челюсти можно было признать за инородца, а относительно онъ не дуренъ. Маленькіе орочоны вообще не безобраны и далеки отъ соплеменниковъ взрослыхъ. Весьма недурна молодая орочонка (ей 25 лѣтъ), которая продала мнѣ утку, особенно если попристальнѣе вглядѣться въ нее: глаза черные, взглядъ веселый, добрая улыбка и смѣшки. Но за то, по мѣрѣ того, какъ скелетъ орочона, съ лѣтами, складывается, развивается, принимаетъ законченныя формы; чѣмъ однимъ словомъ человѣкъ становится старѣе, тѣмъ черты его принимаютъ округлость и близятся къ некрасивому самородному типу. Такова тутъ же, у берега, стоявшая старуха: она и мала ростомъ и щеки ея необыкновенно отдуты и какъ будто распухли, особенно по орбитѣ глазъ, да и ходитъ она какъ-то въ прискочку на своихъ тоненькихъ ногахъ. Но вообще во взглядѣ орочонъ нѣтъ той тупости и безсмыслія, которыми отличаются старые друзья мои, вотяки и самоѣды.

Амуръ продолжаетъ говорить одно и тоже. Горы лѣваго берега, отходя отъ рѣки, оставляютъ впереди себя площадь широкую, всю обсаженную тою же лиственницей, начавшею уже на этотъ разъ зеленѣть. Горы праваго берега, принадлежащія уже Китайской имперіи, все-таки продолжаютъ оступаться въ рѣку крутыми утесами, кое-гдѣ разрѣзанными поперекъ ложбинами, изъ которыхъ, журча, бѣгутъ ручейки. Изъ русскаго берега выпала рѣка Урка, рыбная; на ней сдѣланъ такъ называемый ѣзъ, т. е. тотъ же бѣломорскій заборъ для рыбы, только съ измѣненными названіями принадлежностей *). Попадаютъ въ эти заѣздки: харьюсы, лини, таймени, налимы. Видимо, казаки наши не зѣваютъ. Не зѣваютъ они и около себя. На правомъ берегу во многихъ мѣстахъ виденъ былъ дымъ, показывался даже огонь. Сибирякъ и на Амуръ перенесъ свои вѣковые обычаи пускать такъ называемые *палы̀*, объяснять и здѣсь ихъ необходимость тѣмъ же, чѣмъ объясняютъ это обыкновеніе и на Шилкѣ, и на Енисеѣ, и на Иртышѣ. Палы эти сжигаютъ, истребляютъ кобылку, вредную для хлѣбовъ,—въ самомъ ея зародышѣ; въ яйцахъ и куколкахъ истребляютъ и всякаго другаго *паута̀* (насѣкомыхъ и гадовъ). Но палы опасны для селеній—это неоспоримая, ежегодно нѣсколько разъ доказываемая истина. Чрезвычайно красивы эти пожары ночью, когда огненныя змѣйки ихъ вбѣгаютъ въ различныхъ направленіяхъ въ гору, или-такими же огненными ручейками сбѣгаютъ внизъ, въ чрезвычайно прихотливыхъ и разнообразныхъ извивахъ. Но вотъ бѣлесоватый дымъ паловъ измѣнился въ черный и повалилъ густо и быстро, спиралью крутясь вверхъ и брызгая по сторонамъ крупными искрами—загорѣлись смолистые пни, валежникъ, хвоя ближай-

---

*) Талья называется здѣсь бердо; частые колья—*ска̀мьи*. Въ отверстіе въ тальяхъ также вставляются плетеныя изъ побережнаго тростника конусы—*мордочки* (по архангельски-нёрши).

шаго дерева. Палы̀ начинаютъ трещать и гудѣть: подуй въ это время усиленный, настойчивый вѣтеръ—палы̀ быстро превращаются въ лѣсной пожаръ, отъ котораго трудно сибиряку защититься канавами и новыми пала̀ми, пущенными на встрѣчу. Догадливые крестьяне при приближенiи сильныхъ чужихъ паловъ—деревни свои предварительно опаливаютъ своими палами и иногда спасаютъ ихъ.

— Палы здѣсь (на Амурѣ) жгутъ для скота, чтобы *вѣтошь* (старая, прошлогодняя нескошенная трава) новой травы не глушила, чтобы была хорошая *еланъ* (сѣнокосное мѣсто)—объясняетъ мнѣ одинъ изъ гребцовъ.

Между тѣмъ высокiя и округлыя горы китайскаго берега ушли отъ берега далеко, въ дальную монгольскую степь; показалась низменность лѣсистая, а можетъ быть дальше и болотистая. Лѣвый берегъ, по прежнему низменный; по прежнему горы стоятъ вдалекѣ, въ сторонѣ, уступая мѣсто этой равнинѣ, иногда выбѣгающей къ водѣ прикрутостью. Рѣка кое-гдѣ начинаетъ разбиваться на протоки и такимъ образомъ строитъ острова, песчаные у самаго берега, зеленые на всемъ остальномъ протяженiи. Но вотъ рѣчка Игнашина, а за ней, по берегу, и тотъ рядъ новыхъ избъ, которому дано названiе станицы *Игнашинской*.

Въ ней 20 дворовъ; тѣ же виды и тѣ же вѣсти: впереди огороды, позади ихъ дома, обращенные лицомъ къ рѣкѣ. Сзади домовъ проложили было улицу, да раздумали.

— Начальство нашло, что не ладно тамъ-то. Улица по задворьямъ домовъ не живетъ: велѣли прочищать впереди.

Огороды вслѣдствiе того стали такiе маленькiе и уютные, не столько огороды, сколько игрушечки; улица вышла такая узенькая, неровная, оттого, что изрыта поперегъ недавними бороздами и грядами.

— Шибко же грязно живетъ, когда дожди пойдутъ. Земля разрыхлена, что пухъ; для огородовъ приспособляли, а теперь вишь улица стала. Чистимъ-чистимъ гряды: все плохо!

— Понятно: еще бы не такъ!

Въ началѣ поселенія много пало скота и лошадей: коровы, во время сплава, промочили ноги, по колѣни стоя въ водѣ во все время, рѣдко получая пищу и не сходя на берегъ; лошади замагались отъ усиленной казенной гоньбы съ почтами и курьерами: — оттого игнашинскіе казаки нынѣшній годъ половину полей не поднимали. Обсѣялись ячменемъ, пшеницей и рожью изъ собственныхъ запасовъ, оставшихся отъ прошлаго года. Запасами въ нынѣшномъ году подошли сильно, особенно въ хлѣбѣ; ждали вспоможеній отъ казны, да говорятъ-де отказали, не дадутъ. Зимой четыре мѣсяца пользовались казеннымъ пособіемъ, выдаваемымъ на одинъ мѣсяцъ, за которымъ пособіемъ (кому нужно было) ѣздили на своихъ подводахъ въ Покровское. Живутъ чисто. Землю хвалятъ: лучше-де аргунской. Начали рыбу ловить самоловами (большими сѣтями запастись еще не успѣли). Селеніе прибавляется, обстраивается, да тутъ и есть гдѣ: мѣста много. Одинъ казакъ, по видимому болѣе достаточный, къ первоначальному квадратному скороспѣлому дому своему сдѣлалъ пристройку. Вышло не дурно, помѣстительно для его большой семьи. Онъ къ дому и клѣтушку придѣлалъ и скотъ огородилъ плотно.

По бойкости и развязности въ разговорахъ и движеніяхъ, по кропотливой дѣятельности около дому, по всей наглазной обстановкѣ (въ гребцы со мной наряжаютъ по большей части ребятишекъ съ однимъ какимъ нибудь взрослымъ калѣкой), вообще по всему видно, что благодарная, но невоздѣланная и новая почва заставила сбросить лѣнь, принудила, что называется, развернуться. Такъ и должно быть. Лѣнивый и у каши не спорокъ. А труда видно было много: лѣсные пни въ аршинъ въ діаметрѣ видны еще во многихъ мѣстахъ: и передъ домами на улицахъ, и на дворахъ, и на задворьяхъ. Лѣсъ этотъ выжигали, и отчасти вырубали. Избы въ станицѣ выстроены изъ толстыхъ, диковинныхъ бревенъ, и зимой — говорятъ — теплы были. Въ гостиныхъ комнатахъ завелись даже картинныя украшенія московскаго дѣла (покупали у проѣзжихъ купцовъ съ Шилки).

Станица Уруши, съ новыми разсказами и жалобами на бѣдность....

Въ рѣчахъ разскащиковъ много простоты и искренности, и въ говорѣ ихъ особенностей. Вообще всѣ казаки, пришедшіе на Амуръ съ Аргуни, картавятъ и призекиваютъ: букву *з* употребляютъ вмѣсто *ж*, *с* вмѣсто *ш*, и проч. Въ самомъ типѣ ихъ замѣчается что-то особенное: примѣтная скуластость, узкій разрѣзъ глазъ, поразительная смуглость кожи—какъ бы перерожденіе монгольскаго типа въ плохой русскій. Черты и того и другаго типа сплываются и заплываютъ. Всѣ они хорошо говорятъ по-монгольски, вслѣдствіе тѣхъ простыхъ причинъ, что они до этого времени жили по китайской границѣ, среди трехъ племенъ монгольской расы: тунгузскаго, монгольскаго кореннаго и бурятскаго. Женщины—казачки довольно красивы.

За Уруши Амуръ становится замѣтно шире, но берега не теряютъ своей основной характеристики: китайской лѣсистъ и гористъ, нашъ низмененъ у береговъ, гористъ на дальнѣйшемъ протяженіи. Сплошной рядъ деревьевъ сопровождаетъ рѣку на всемъ ея теченіи и такимъ идетъ, кажется, и дальше. Дальше—новая станица *Олгдой* (20 дворовъ), но тоже горе. Въ маленькой тѣсной избенкѣ живутъ по два и по три семейства. Видъ станицы тотъ же, но съ рѣки не дуренъ; вся она въ лѣсу, обросла крупной лиственницей нови: хорошенько еще не успѣли прочистить. Но за то внутри бѣдность. Я осмотрѣлъ двѣ клѣтушки и нашелъ только лопать (носильное платье), но хлѣба ни зерна. Въ одной кадушкѣ осталось малёнки двѣ-три гречихи, для сѣмянъ. Заработковъ нѣтъ никакихъ, кромѣ казенныхъ, стало быть обязательныхъ и безплатныхъ. Вблизи отъ станицы въ ближнихъ хребтахъ ищутъ золото (и говорятъ даже нашли въ незначительномъ содержаніи), но зачѣмъ? За тѣмъ ли, чтобы и здѣсь воспитать негодное, пьяное, развратное и лѣнивое населеніе; чтобы отклонить казаковъ хорошими и надежными заработками отъ присущихъ, отъ самыхъ важныхъ занятій по земледѣлію и домоводству, или наконецъ, чтобы и здѣсь на молодомъ

Амурѣ повторить печальныя мрачныя исторіи нашей Енисейской губерніи и не нашей Калифорніи?!....

Отъ Ольдоя низменный берегъ Амура продолжаетъ тянуться еще верстъ на 10. Тутъ—говорятъ—и трава хороша и для *пахотъ* много мѣста—все оно принадлежитъ Ольдою. Китайскій берегъ продолжаетъ тянуться горами, но уже замѣчательно меньшей высоты. Работы для поселенцевъ съ ихъ лѣсомъ меньше: деревья крупныя, нѣтъ тѣхъ густыхъ, цѣпкихъ кустарниковъ, съ которыми довелось вести долго почти нечеловѣческое дѣло сѣверо-американскимъ поселенцамъ. Да къ тому же для нашихъ не такъ часто разсадились и самыя деревья. Климатъ по видимому также не враждуетъ съ новыми поселенцами, а напротивъ—по общему сказу—всѣ казаки здоровы, здоровы бабы, здоровы и ребятишки....

Ѣдемъ мы дальше и дальше писалось мнѣ въ дневникѣ: «Амуръ прихотливъ, хотя въ теченіи своемъ по временамъ и стремится къ чему-то систематическому; такъ напр. въ иныхъ мѣстахъ, если русскій берегъ гористъ близъ воды, то противоположный—китайскій—низмененъ; иногда же оба берега низменны, и вотъ на китайскомъ опять вышли на берегъ лѣсистыя горы, нашъ русскій продолжаетъ быть низменнымъ. Ледъ, который непрерывными полосами лежалъ выброшеннымъ по берегамъ Шилки и въ началѣ теченія Амура, теперь вотъ уже вторую сотню верстъ не виденъ: весь ледъ унесло не порывистое, бойкое теченіе, какъ въ Шилкѣ, но строго-спокойное теченіе Амура, какимъ онъ и является, говорятъ, на всемъ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи. За то снѣгъ залегъ и лежитъ еще большими довольно-значительными грудами въ ущельяхъ обоихъ береговъ, особенно русскаго.»

Станица Орловка сказываетъ тоже, что и прежнія: припасовъ нѣтъ. Хлѣбъ успѣли посѣять и ро́счисти сдѣлали, хотя и живутъ на новомъ мѣстѣ только еще одинъ годъ.

Но вотъ берегъ амурскій оступился съ лѣвой стороны въ воду высокой скалой; подъ скалой выбѣжала въ Амуръ рѣчка

Невуръ; вотъ и станица Рейново (7 дворовъ). Графъ Муравьевъ Амурскій назвалъ эту станицу—говорятъ—по имени одного изъ своихъ, но на языкѣ казаковъ она превратилась въ Релино и очутилась въ тѣхъ же печальныхъ условіяхъ, въ какихъ находятся и всѣ прежнія: хлѣба мало для ѣды; нѣтъ для посѣва. Для послѣдней цѣли услали нѣсколько человѣкъ отъ станицы въ Забайкалье на родныя мѣста за сѣменами: ждутъ со дня на день. Огороды раскопали и засадили кортофелемъ. Одинъ казакъ ушелъ въ станицу Черняеву,—двое на годовую службу въ Благовѣщенскъ. Къ счастію лошади и при сильной зимней гоньбѣ, но при короткой станціи, успѣли къ веснѣ отдохнуть и поправиться. Казаки, бывшіе въ гребцахъ, идутъ назадъ домой пѣшкомъ, берегомъ, и идутъ скоро (у меня былъ такой, который успѣлъ уже въ эти сутки разъ сплавать сюда). Дома много работы: избы не отстроены, нѣкоторыя даже не покрыты; сѣнокосныя, мелкихъ надворныхъ работъ много... Видимо, крѣпкая нужда заставляетъ казаковъ дорожить домомъ и спѣшить къ дому. «Спасибо стужа—поджививила ноги». Хорошо, если дѣйствительно справедливо и это предположеніе и тотъ слухъ, который утверждаетъ, что казаки и лѣнивы и ненаходчивы въ трудныхъ, крутыхъ обстоятельствахъ. Можно бы было благодарить судьбу и считать ее благодѣющею Амурскому краю, если бы новыя мѣста и труды, сопряженные съ росчисткой и обработкой земли, выколотили изъ казаковъ ту лѣнь, которую—говорятъ—привезли они съ собой. И какой теперь ловкій, отличный случай обратить казаковъ на путь правды и сдѣлать изъ нихъ полезныхъ и трудолюбивыхъ! Архангельскій людъ, да и всякій другой, поставленный лицомъ къ лицу со враждебной, негостепріимной природой, не знаетъ устали, а обусловленный положеніемъ государственныхъ крестьянъ, и независимъ и не имѣетъ того забитаго печальнаго вида, какимъ отличаются всѣ забайкальскіе.

Казаковъ забайкальскихъ наполовину сдѣлали изъ казенныхъ заводскихъ крестьянъ для того, —какъ объясняютъ— чтобы имѣть казенныхъ рабочихъ, обязанныхъ, по самому учрежденію и положенію своему, быть всегда готовыми и не наемными работниками. А забайкальскихъ казаковъ переселили между прочимъ и для того, чтобы такимъ образомъ упростить и облегчить дѣло устройства Амура. Но все-таки должно сказать, что казакъ забайкальскій, а стало быть и амурскій вышелъ дурно-обтесанный! Какъ его ни учили вертѣться на каблучкахъ, прищелкивая носками, какъ ни выдергивали руки—онъ все-таки надѣваетъ халатъ и поразительно любитъ его носить по праздникамъ, хотя въ то же время и при солдаткой фуражкѣ безъ козырька, съ краснымъ околышемъ; а солдатскую шинель свою и амурскій и забайкальскій казакъ все-таки подпоясываетъ кушакомъ, не утратилъ и крестьянской любви своей къ полушубкамъ, теплой шапкѣ и рукавицамъ.

Амуръ передъ Албазиномъ разбился на множество протокъ (кажется 5); всѣ острова въ свѣжей, хотя еще и небольшой зелени. Горы и нашего и китайскаго береговъ ушли далеко въ сторону, словно для того, чтобы, разступившись, дать мѣсто картиннымъ островамъ. Съ высокаго мѣста видъ на Амуръ и на всѣ его острова и на всѣ его протоки долженъ быть очарователенъ. Главная протока, по которой ходятъ, все-таки чрезвычайно широка.

Замѣчательно, что способъ постройки станицъ начинаетъ нѣсколько измѣняться. Такъ напр. въ Орловкѣ улица тянется уже по берегу; огороды приготовлены позади дворовъ. Огороды впереди дворовъ не составляютъ уже существенной, обязательной необходимости. Одинъ казакъ выпихнулъ даже баню впередъ, на берегъ рѣки. Некрасиво оно: да за то за водой не надо бѣгать: она тутъ же подъ руками; выскочилъ, зачерпнулъ и опять въ баню и подъ вѣникъ; опять выскочилъ и въ воду по завѣтному русскому обычаю, который закалилъ здоровье нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Отчего же и не быть банѣ тутъ, и отчего же не дѣлать этого?.....

Но вотъ и Албазинъ—48 семействъ, 40 домовъ—нѣчто солидное и серьезное. Станица, хотя и существуетъ только три года, но глядитъ большимъ и люднымъ селеніемъ. Поселенцы большею частію казаки съ Шилки (изъ Горбицъ и Усть-Черной); недавно пришли два «сынка» гарнизонныхъ изъ Благовѣщенска и поселены у болѣе-достаточныхъ казаковъ. Нужды однѣ и тѣже: «перебиваемся говорятъ — кое-какъ, а жить тяжело».

Послали на Шилку за хлѣбомъ.

— Какъ же перебиваетесь? — спрашивалъ я ихъ.

— Да займуемъ другъ у друга.

— А не отказываютъ вамъ богатые-то?

— Пошто же они будутъ отказывать, — когда сами видятъ, что у насъ ничего нѣтъ. Даютъ мало-мало.

Лица казаковъ имѣютъ еще нѣкоторую пріятность въ чертахъ, особенно тѣ, которые выселены съ Шилки (аргунскіе уже пропадаютъ). Но вообще казаки пользуются хорошимъ здоровьемъ; хворали они только по веснѣ и осенью, когда приводилось имъ, по цѣлымъ суткамъ, стоять по поясъ въ водѣ — помогать казеннымъ, сѣвшимъ на мель баржамъ и потомъ платиться за то ногами и страдать тифомъ. Особенныхъ, новыхъ характерическихъ видоизмѣненій извѣстныхъ болѣзней не замѣчено. Ребятенки хвараютъ лихорадкой (хина помогаетъ). Ссыльно-каторжнымъ поражаетъ очень часто цынга, казаковъ — рѣдко.

Положеніе Албазина довольно счастливое. Позади его идетъ широкая и пространная равнина въ огромную даль (лѣсъ начали вырубать). На китайскомъ берегу впала въ Амуръ рѣка Албазиха, необыкновенно быстрая, достаточно рыбная. Туда орочоны (живущіе подлѣ Албазина, въ береговыхъ юртахъ) ходятъ за промыслами; ловятъ хорьковъ, бѣлокъ и лосей, соболей мало, но за то албазинскіе соболи почитаются лучшими во всей Сибири.

Большая и главная часть нынѣшной станицы выстроена внутри тѣхъ укрѣпленій, которыя построилъ выходецъ изъ Великаго Устюга, Хабаровъ. Нѣсколько нынѣшнихъ домовъ лежатъ позади этихъ укрѣпленій отдѣльной слободкой. Укрѣпленія до сихъ поръ изумительно-хорошо сохранились и во рвахъ и въ насыпяхъ, Два рва и между ними высокая, неправильной формы насыпь, начиная съ на самомъ берегу Амура, справа отъ селенія, тянутся въ гору. Тамъ (въ невырубленномъ еще лѣсу) насыпь и рвы поворачиваютъ влѣво и, обходя кругомъ станицы, справа ея выходятъ снова на берегъ рѣки. Здѣсь въ этомъ мѣстѣ (въ лѣвомъ концѣ станицы) возвышается надъ рѣкою новый валъ, по видимому насыпной. Это—собственно городокъ, послѣднее мѣсто защиты нашихъ казаковъ. Городокъ господствуетъ надъ всею станицею, такъ что второе укрѣпленіе правильнѣе нужно называть нижнимъ. Мѣсто для него, по однимъ, выбрано казацкою дружиною, посланною нерчинскимъ воеводою въ 1658, а по другимъ—гораздо раньше, въ 1652, занято самимъ Хабаровымъ, какъ уже готовое, и именно послѣ упорной защиты этого мѣста манчжурскимъ княземъ Албазою. Пока Хабаровъ ходилъ съ товарищами внизъ по Амуру для новыхъ завоеваній—Албазинъ былъ оставленъ. Въ 1665 онъ вновь былъ занятъ и возобновленъ однимъ изъ искателей сильныхъ приключеній, бѣглымъ полякомъ Никифоромъ Черниговскимъ. Онъ возобновилъ острогъ въ видѣ крѣпостцы (13 саж. ширины, 18 длины), имѣвшей двѣ башни на стѣнѣ, обращенной къ Амуру, и одну съ воротами на нагорной; внутри сдѣланы были кладовыя. Жилища находились подъ горой и именно тамъ, гдѣ теперь стоитъ наша станица. Въ 1685 г. явилось къ городу манчжурское войско, и Албазинъ снова былъ оставленъ. 25 человѣкъ ушли къ манчжурамъ и увлекли съ собою священника Максима Леонтьева. Нерчинскій воевода Власовъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ того же несчастнаго года, послалъ сюда нѣмца Афанасія фонъ-Бейтона, который и привелъ съ собою нарочно для Албазина сформированный въ Тобольскѣ шести-сотенный казачій полкъ. Этотъ-то Бейтонъ и соорудилъ тотъ валъ, вмѣсто острога, примѣтные остатки котораго идутъ четыреугольникомъ кругомъ настоящей станицы. Валъ этотъ имѣлъ въ основаніи 4 сажени, 3 саж. въ вышину и скрѣпленъ былъ кореньями и дерномъ. Округлость той стѣны вала, которая обращена на рѣку, хорошо сохранилась: съ вала этого ясно видна между зеленью противоположнаго острова китайская батарея (въ горѣ городка выкопаны недавно ядра, брошенныя этой батареей). Въ самомъ городкѣ, отступя нѣсколько шаговъ отъ рѣчнаго берега, примѣтна яма, какъ думаютъ, остатки казачьяго колодца; въ гору — къ сторонѣ лѣса — кирпичная яма; тутъ былъ по всему вѣроятію пороховой погребъ (кирпичи изумительно сохранились и необыкновенно прочны до сихъ поръ). Къ сторонѣ вновь строющейся церкви и подлѣ нея замѣтны слѣды землянокъ, въ которыхъ жили албазинцы въ іюлѣ 1686 г., когда подъ городомъ явилось восьми-тысячное манчжурское войско и когда всѣ дома, находившіеся внѣ крѣпости, были оставлены и сожжены. Нынѣшную станицу пересѣкаетъ, почти на двѣ равныя части, сухой и глубокій оврагъ, по которому на то время можетъ быть протекалъ ручей. Манчжуры, какъ извѣстно, повели траншеи, окопались рвомъ и прикрылись деревянной стѣной, которую однако русскіе уничтожили. Тогда-то манчжуры и насыпали тотъ валъ, остатки котораго (и вмѣстѣ со рвомъ) такъ хорошо сохранились теперь, нѣсколько отступя и противъ остатковъ русскихъ укрѣпленій. (Манчжурскія укрѣпленія сохранились лучше русскихъ). 1-го сентября 1686 года непріятель рѣшился на приступъ, но былъ отбитъ съ жестокой потерей. Манчжуры повели осадныя работы и вели ихъ съ такимъ искуствомъ, что способны дивить и въ настоящее время опытныхъ инженеровъ. Русскимъ, какъ извѣстно, не благопріятствовали обстоятельства. Толбузинъ былъ убитъ ядромъ въ первые дни осады (его мѣсто заступилъ Бейтонъ); въ крѣпости отъ сырыхъ землянокъ распространилась цынга. Недостатка въ съѣстныхъ припасахъ на 736 человѣкъ повидимому не было, если принятъ въ разсчетъ то, что еще до построенія городка Толбузинъ озаботился снять въ полей весь хлѣбъ, не уничтоженный манчжурами послѣ втораго оставленія Албазина русскими (хлѣба насчитано было тысяча десятинъ). Когда манчжуры прослышали, что въ лагерѣ открылась цынга, то предложили своихъ лекарей, но Бейтонъ лекарей не взялъ, а для доказательства избытка въ провизіи послалъ въ непріятельскій лагерь пирогъ вѣсомъ въ пудъ. Осада продолжалась съ ноября по май 1687 г. Манчжуры сначала отошли отъ города на четыре версты, а вскорѣ и совсѣмъ оставили осаду. Русскіе начали было уже строить дома, когда было объявлено имъ о трактатѣ, заключенномъ въ Нерчинскѣ 27 августа 1689 года. По смыслу этого трактата русскіе, какъ извѣстно, обязаны были очистить Амуръ и оставить Албазинъ. Всѣ они переведены были въ Нерчинскъ. Туда же отвезены были и образа. Нѣсколько иконъ хранится въ старомъ городѣ; три—въ новомъ соборѣ. Образъ Ильи Пророка находится на Шилкѣ въ часовнѣ станицы «Боты» и принесенъ туда однимъ изъ албазинскихъ жителей, потомки котораго Выходцевы до сихъ поръ живутъ въ Ботáхъ. Остальные защитники Албазина разсѣялись по разныхъ деревнямъ Нерчинскаго округа *), но—по старой привычкѣ—все еще продолжали ходить на Амуръ для промысла звѣря и рыбы и для торговли съ инородцами (тоже дѣлали до настоящаго занятія Амура и ихъ потомки).

Существованіе въ древнемъ Албазинѣ церкви почти не подлежитъ сомнѣнію и весьма неудивительно, что она была именно въ крѣпостцѣ на горѣ — послѣднемъ мѣстѣ геройской защиты казаковъ, и можетъ быть даже на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ строится настоящая церковь. Доказательство: образа въ Перчинскѣ, по всему вѣроятію, церковныя, мѣстныя; попъ Максимъ Леонтьевъ, сдавшійся китайцамъ и основавшій въ Пекинѣ первую русскую церковь. Если въ Албазинѣ и не успѣли построить церкви въ то давнее время, то во всякомъ случаѣ могла и должна быть часовня, какъ и существуетъ въ настоящее время таковая же сзади селенія на горкѣ, въ лиственичномъ лѣсу, но внутри стараго укрѣпленія. Замѣчательно, что въ старинныхъ рвахъ, и русскихъ и китайскихъ, успѣли уже за эти 170 лѣтъ вырости

---

*) Въ одномъ изъ домовъ новой амурской станицы—*Бейтоновской*—я видѣлъ еще одинъ албазинскій образъ, принесенный поселенцами изъ Горбицъ. Образъ писанъ на холстѣ масляными красками не дурно, но небрежно держится; каменья (настоящій аметистъ, гранатки и друг.) по мѣстамъ отвалились; вѣнчикъ изломанъ. Образъ принадлежитъ казаку Исакову.

огромныя, высокія лиственницы (изъ которыхъ многія впрочемъ нынѣшними казаками уже вырублены). На горѣ, внутри крѣпости нынѣшнимъ казакамъ селиться, сказываютъ, заказано. Распахивая подъ поля нóви, казаки находили внутри нижняго большаго городка землю разрыхленною, мягкою, вѣроятно вспаханную прежними казаками Хабарова. Откопали топоръ, сошники; находили кресты натѣльные: одинъ серебряный, другой мѣдный.

Амуръ за Албазинымъ продолжаютъ разбиваться на протоки и обставляться зелеными островами: мѣста необыкновенно картинныя. Берега все еще низменны: горы синѣютъ вдалекѣ, какъ по правому берегу, такъ и по лѣвому. Въ лѣсахъ появляется особенный видъ березы — *черной* (betula daurica). Казаки начали дѣлать изъ нея кое какія подѣлки и находятъ ее прочнѣе бѣлой березы, хотя и сплошнаго чернаго цвѣта въ разрубѣ.

Подъ Бейтоновской станицей сидятъ на мели четыре баржи и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сидѣли, въ прошломъ году другія баржи. Эти четыре баржи нынѣшнею весною разгружены; припасы, находившіеся тутъ, сложены на плоты и отправлены въ Благовѣщенскъ.

Баржи эти еще на нашихъ глазахъ продолжаютъ разгружать на плоты. На берегу мука, говорятъ, подмоченная, слежавшаяся, гнилая; на берегу люди, подлѣ берега плоты. Вотъ какими видами и слухами встрѣчаетъ насъ Бейтоново.

Въ ней 23 дома и 23 семьи. Эта станица и глядитъ веселѣе и живется въ ней лучше: такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ. Казаки картавятъ, поселены съ Шилки и родную свою рѣку всѣ продолжаютъ называть Шилька. Въ началѣ поселенія хворали, но кое-какъ перемоглись: страдали по большей части лихорадкой. Теперь здоровы и старики и дѣти. Мѣста хвалятъ. Прочистивши лѣсъ и расчищая нови, нашли землю такую, которая когда-то и кѣмъ-то была уже разрыхлена, вспахана, но послѣ того успѣла прорости густымъ лиственничнымъ лѣсомъ. По откопаннымъ въ землѣ сошникамъ и по формѣ ихъ предполагаютъ поселеніе манчжурское. Очищая мѣста подъ избы, въ лѣвомъ (отъ Амура) краю селенія, находили срубы; нашли кирпичи отъ припечки, обуглившееся дерево, ямы для погребовъ. Одна казачья изба по этимъ старымъ указаніямъ такъ и выстроились: гдѣ гнилушки сруба—тамъ домъ; гдѣ яма—тамъ погребъ. Одинъ казакъ нашелъ подъ своимъ домомъ тонкія плиты хорошо обтесаннаго камня; другой казакъ откопалъ ножикъ (формы манчжурскаго), огниву и стальную огнивную плитку уже чисто русской формы. Отчего же не повѣрить и не задаться тѣмъ предложеніемъ, что древніе поселенцы были русскіе, особенно, если припомнимъ, что Хабаровъ изъ Албазина съ казаками ушелъ на низъ, и что казаки, разъ проживши и сумѣвши соорудить городъ и потомъ навѣщая Амуръ ради промысловъ, могли имѣть двѣ-три избы вблизи Албазина, хотя бы и въ томъ мѣстѣ, гдѣ строится теперь Бейтоново. Между тѣмъ извѣстно, что Хабаровъ на обратномъ пути снизу останавливался и спрашивалъ своихъ казаковъ, гдѣ бы построить городъ для зимовки. Это было въ 1653 году. Выбраны были три мѣста и построены три острога: первый у князя Лавкая другой ниже; а третій на устьѣ рѣки Зеи. Товарищъ Хабарова, Степановъ привелъ это въ исполненіе и въ томъ же году поставилъ острожокъ тамъ, гдѣ былъ городокъ Лавкаевъ, второй на устьѣ Урки, а третій—на устьѣ Зеи.

Что можетъ быть счастливѣе выбора этого имени, взятаго въ названіе новой современной станицы! Плѣненный въ польскую войну и сосланный потомъ въ Тобольскъ, Афанасій-фонъ-Бейтонъ (родомъ нѣмецъ) привелъ въ Нерчинскъ казачій полкъ изъ шести сотенъ (когда Албазинъ уже сдался). Двѣсти человѣкъ, а съ нимъ и прежніе албазинскіе жители, пошли опять въ Албазинъ, по приказанію воеводы Власова. Бейтонъ сдѣлалъ валъ и укрѣпленія, а когда То́лбузинъ (вновь назначенный албазинскімъ воеводою) былъ убитъ, Бейтонъ принялъ начальство надъ войскомъ и, благодаря личнымъ познаніямъ въ инженерномъ искусствѣ, десять мѣсяцевъ выдерживалъ осаду, веденную тоже опытными руками китайскихъ миссіонеровъ — инженерами изъ іезуитовъ. Не прельщаясь никакими предложеніями манчжу, ровъ (привязываемыми къ стрѣламъ и бросаемыми въ русской городъ), Бейтонъ умѣлъ, хорошо укрѣпившись, крѣпко и упорно держаться безъ продовольствія, безъ всякой надежды на какое-либо подкрѣпленіе. Только нерчинскій трактатъ 1689 года могъ заставить его выдти изъ укрѣпленій.

Осада Албазина—выдержанная, побѣдоносная, одна изъ рѣдкихъ въ русской исторіи, хотя и не особенно замѣчательная по своимъ послѣдствіямъ: мы все-таки не удержали за собою Амура.

Замѣчательно, что и въ Бейтоновской станицѣ тоже горе: по первоначальному плану на рѣку слѣдовали огороды, потомъ дома: позади домовъ — улица(!!). Нашли это неудобнымъ: улицу велѣно пробить передъ домами и между ними и огородами. Огороды были уже раскопаны и обсѣяны. Стало быть пролито достаточно поту, чтожъ дѣлать? Дѣлать надо было новыя загороди, отодвигать ихъ отъ домовъ сажени на 4, на 5; уменьшать величину грядъ и огородовъ, лѣсь рубить, гряды старыя уравнивать: оттого-то улицы до сихъ поръ и не гладки и требуютъ новыхъ усиленныхъ работъ и вниманія. На бѣду еще казакъ отъ себя прибавилъ: выпихнулъ хлѣвы на самый берегъ; тутъ же, подлѣ, бани приладилъ. Оно и некрасиво, да по крайней мѣрѣ своеобразно.

Казаки бейтоновскіе начали уже ловить рыбу самоловами версты за четыре отъ станицы (осетрину, калугу, тайменей). Неводовъ завести еще не успѣли. Замѣчаютъ, что осетръ шелъ, при началѣ ихъ поселенія, около самаго берега, но что теперь началъ держаться середины и идетъ, нащупывая стрежъ. Въ первые годы рыба ловилась обильно: нынѣшной попадаетъ очень мало. Кто виноватъ? Усиленное движеніе судовъ, усиленный уловъ на низу, населеніе прибрежное, шумъ и свистъ пароходовъ? Все это должны рѣшить послѣдующее время и сравнительные уловы самой рыбы. Старикъ рыбакъ началъ очищать (и даже продавать по 1 руб. сер. фунтъ) осетровый клей. Показывалъ: нѣкоторые куски бѣлы и смотрятъ настоящими продажными; другіе красны, кровянисты: «надо — замѣчалъ старикъ — болѣе промывать: которые вотъ промыть не полѣнился, тѣ и бѣлы стали!»

Станица *Пермикина*—13 дворовъ.

Тѣже неудобства первоначальнаго заселенія; но къ прежнимъ общимъ здѣсь присоединились новыя враждебныя препятствія:

— Одолѣли ребятъ комары и мошка и *пауты* (оводы). Змѣя (черная и бурая) въ большомъ количествѣ живетъ, ужалила вымя коровы, ребенка. Но, слава Богу! — все прошло благополучно. Змѣю больше аршина убили у меня на углу избы,—сказывалъ старикъ — отецъ старшаго. Онъ же разсказывалъ, что, передъ переселеніемъ ихъ съ мѣста родины, въ родныхъ ихъ избахъ цѣлый годъ не видать было тараканов.

— Ушли и Господь ихъ вѣдаетъ куда! Сорока опять же появилась, а допрежъ того мы экой птицы въ нашихъ мѣстахъ и не видывали.

Тоже самое подтвердила старуха—жена его, и дочка. Видимо присущее бездолье и несчастія, не находя оправданія въ дѣйствительности, заставляютъ казаковъ стараться объяснятъ ихъ мистическими предзнаменованіями.

Впрочемъ старикъ этотъ видимо крѣпко суевѣренъ: онъ полагаетъ, напр. что змѣя скоро должна уйти отъ селенія, потому что свиньями обзавелись.

— Не терпитъ въ гадинѣ дьявольская сила свинаго духа,— и пропадаютъ змѣи. Въ нашихъ мѣстахъ за Байкаломъ бывало ужъ экое дѣло.

Болотъ, сказываютъ, нѣтъ, и земли подъ станицей въ избыткѣ. Къ ней подошла длинная широкая равнина; мѣсто это никогда прежде заселено не было. Для скота корму много.

— А дѣвки за ягодами ходятъ?

— Да нѣту ягодъ-то, кажись, а можетъ и есть, такъ еще не успѣли присмотрѣться-то, доискаться.

— А вечорки по зимамъ затѣвали онѣ?

— Дѣвокъ-то у насъ мало, да и не до вечорокъ.

— А на Шилкѣ было весело?

— Ну да какъ не весело? Своя сторонушка! Ревѣли-ревѣли, какъ съ роднаго мѣста снимались! тяжело вѣдь, дѣло-то не свычное! А здѣсь вонъ и коровушки-то какъ-то плохо телятся: то недоносками безъ шерсти, то зобатые. Родится экимъ теленочекъ, да и помретъ.

Слѣдующая станица *Бекетово* повторяетъ тоже самое вслѣдъ за предъидущими. Мѣсто для нея выбрано невыгодное: на горѣ тѣсное, каменистое; дѣлаютъ росчисти, но медленно, за неимѣніемъ достаточнаго числа рукъ.

Прошлой зимой вблизи этой и предъидущей станицы кочевали манегры — особенное отъ орочонъ племя. У нихъ и черты лица правильнѣе; они и зажиточнѣе, богаче орочонъ, дѣятельнѣе и оборотливѣе ихъ въ торговлѣ, но тѣ и другіе кочующіе: орочоны съ оленями, манегры или манегиры съ лошадьми. Нѣкогда юрты манегровъ попадались по всему теченію Амура, начиная отъ рѣки Невуръ и Албазина, и дальше. Я не видалъ ни одного представителя изъ этого племени; а бродили они, гооврятъ, до Кутоманды.

— Куда же они дѣлись?—спрашивалъ я у казаковъ Бейтоновской станицы.

—Пріѣзжалъ, сказываютъ, къ нимъ манчжурскій чиновникъ, перевелъ ихъ на свою сторону. Сказываютъ тоже, что поселили ихъ по рѣкѣ Кумарѣ въ двухъ дняхъ пути отъ Амура. Тамъ-де они и живутъ теперь. Начальство наше велѣло обходиться съ ними поласковѣе, на свою сторону переманивать. Старались мы, прикармливали, припаивали. Иные успѣли даже и призадолжать кое-кому и кое-что.

— А каковъ народъ этотъ на ваши глаза показался?

— Тихой народъ, доброй народъ; кажется и орочонъ лучше; съ ними жить хорошо было.

— Каково вы съ манегирами жили?—спрашивалъ я въ Бекетовской станицѣ.

— Ладно жили. Пользовались отъ нихъ рыбой, мѣхами, кожами на лопать. Давали имъ старыя, рваныя рубахи свои, бутылки, у кого были. Все брали, ничѣмъ не брезговали; особенно имъ любы были старыя наши тряпки. Да вотъ по зимѣ-то ушли отъ насъ: всѣ вдругъ, словно по заговору. Успѣли задолжать — не расквитались! Чиновника манчжурскаго однако не видали.

— Вернутся они къ вамъ, какъ вы думаете?

— Кто ихъ знаетъ: можетъ къ веснѣ-то и вернутся: вотъ ужъ ни единаго человѣка во всю зиму не видали, а намъ около нихъ и хорошо было: рыбку давали, мѣха продавали: есть же страстишка къ торговлѣ-то....

Амуръ отъ станицы Бекетовой продолжаетъ по прежнему разбиваться на протоки и обставляться островами. Пристально вглядываясь, находишь, что коренные берега Амура—горы, хотя онѣ и отходятъ всегда нѣсколько въ сторону. Низменности въ послѣднемъ случаѣ выходящія на берегъ—или острова, образованные протоками рѣки, или случайность; случайность въ такой степени, что большая часть окраинъ этихъ низменностей ежегодно отмывается весенней водой и значительными грудами отваливается. Пропадаютъ, говорятъ, цѣлые острова; берега за одну весну успѣваютъ сокращаться саженъ на пять—на десять: часто изъ воды торчатъ опрокинутыя недавно, вывороченныя лѣсины, цѣлые кусты, называемые туземцами *паршами*. Такихъ паршей чрезвычайно много по всему Амуру; въ этомъ отношеніи онъ представляетъ замѣчательную особенность рѣки, еще не установившей своего кореннаго теченія, продолжающей строиться, принимать законченныя и надлежащія формы. Такихъ рѣкъ, какъ извѣстно, не существуетъ во всей Европѣ; нѣтъ ничего подобнаго и въ рѣкахъ сибирскихъ. Зимою, говорятъ, рѣка имѣетъ новые капризы: она обыкновенно замерзаетъ замѣчательно толстымъ слоемъ льду, но теплые ключи береговые въ примѣтномъ множествѣ выжимаютъ воду на ледяную поверхность. Вода тамъ снова замерзаетъ сплошной корой и такъ иногда до трехъ разъ и больше. Вода теплыхъ подземныхъ ключей и ея подледныя испаренія, не находя себѣ исхода, выпираютъ ледъ на верхъ и такимъ образомъ дѣлаютъ бугры высокіе, неправильной формы, большею частію конической! Въ иныхъ и частыхъ случаяхъ испаренія ея успѣваютъ просочить ледъ въ видѣ полыньи, преимущественно около кустарниковъ и въ этихъ мѣстахъ рѣка обыкновенно и постоянно отдаетъ паромъ. Такихъ мѣстъ много на Амурѣ. Много и такихъ, гдѣ недостаточно теплые ручьи подводные затягиваются тонкимъ слоемъ льду и забрасываются обманчиво снѣгомъ и гдѣ стало быть очень часто проваливаются и верховые проѣзжіе и ѣдущіе въ саняхъ. Послѣднее обстоятельство важно еще потому, что теплые ключи не всегда являются въ одномъ и томъ же мѣстѣ: прошлогодніе обнаруживаются и въ слѣдующій годъ, но весьма нерѣдко на совершенно другомъ, новомъ мѣстѣ.

Острововъ по Амуру чрезвычайно много, острова эти низменны, песчаны, покрыты кустарниками; красиво выплываютъ они впереди, картинно затягиваются въ туманную синеву и пропадаютъ изъ глазъ, предварительно сгуппировавшись въ одинъ сплошной островъ. Такихъ острововъ особенно много передъ ст. Толбузино; легко между ними запутаться: станицы не видать за островами, успѣвшими уже одѣться бойкою и густою зеленью, которая особенно распустилась послѣ недавняго дождя. Чтобы не блуждали въ этомъ мѣстѣ казенные плоты и баржи, догадались, на выдавшемся мысу берега, построить избу—караулку, которая и служитъ маякомъ.

То́лбузино. И вотъ снова историческое имя въ названіи станицы. Алексѣй То́лбузинъ два раза былъ на Амурѣ албазинскимъ воеводой; первоначально въ 1684 году. Когда при осадѣ русскіе потеряли сто человѣкъ и когда священникъ съ жителяли просили объявить непріятелю о сдачѣ города, То̀лбузинъ согласился только съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ остальные люди отпущены были въ Нерчинскъ. Манчжуры пригласили воеводу и жителей въ лагерь и тамъ вновь предлагали передаться на особенно выгодныхъ условіяхъ. 25 человѣкъ соблазнились и сдались; остальныхъ воевода повелъ въ Нерчинскъ. На пути ихъ вернулъ, какъ извѣстно и выше сказано—Бейтонъ, шедшій изъ Тобольска съ войскомъ, и Толбузинъ снова назначенъ былъ воеводою. Въ іюлѣ 1686 г. явились манчжуры. Толбузинъ, при искуствѣ Бейтона, держался долгое время; но вскорѣ, во время вторичнаго приступа, убитъ былъ ядромъ. Еще одно историческое имя мелькаетъ въ названіи станицы — имя храбраго Хабарова, но далеко впереди, при впаденіи въ Амуръ рѣки Уссури.

Мѣсто для станицы Толбузиной выбрано весьма неудачно. Отъ береговой избы, пустой и съ выбитыми стеклами, до селенія слишкомъ двѣ версты. Тропа къ ней отъ берега Амура ведетъ по болотнымъ кочкамъ, въ четыре мокрыхъ оврага; въ двухъ изъ нихъ налились даже значительной величины лужи. Такое же точно озерко подошло и къ самой станицѣ. Изъ него казаки берутъ воду, стоячую, едва ли особенно годную: озеро весьма невелико и не глубоко, а протокъ Амура, какъ будто направившійся къ станицѣ, взялъ влѣво и до станицы не дошелъ съ версту, а можетъ быть и больше. Станица пристроилась къ горѣ, но направо и налѣво отъ нея потянулись луга. По суходольямъ выросла лиственичная роща, въ которой расчищаются пашни. Въ станицѣ обыкновенные виды: дома въ рядъ, скороспѣлые; улица, тоже сдѣланная изъ огородовъ, кочковатая, грязная, едва проходимая послѣ недавняго дождя. Между поселенцами-казаками съ *Онона*, выселился бурятъ, у котораго на дворѣ, въ уголку, сохранилась еще юрта. Хотя бурятъ и выстроилъ для себя русскую избу, но не живетъ въ ней по племенной непривычкѣ. Юрта бурята, какъ и всѣ забайкальскія, укрыта кошмами; посрединѣ въ верхушкѣ конуса отверстіе дымовой трубы, три тагана и три шкапика—первые легкіе признаки нѣкоторой цивилизаціи.

— Отчего—спрашивалъ я казаковъ—отчего выбрали вы такое неудобное мѣсто?

— А лучше нѣтъ. Посуше вонъ тѣ, которыя къ протоку, такъ ужъ очень низки.

— А здоровы ли вы?

— Этимъ не похвалимся. Лихорадка часто схватываетъ. Сыро у насъ, большой сыростью сдаетъ вонъ съ болота-то. Ребенокъ захворалъ было лихорадкой — выздоровѣлъ, такъ вонъ вишь горлышкомъ храпаетъ.

И дѣйствительно у мальчика въ горлѣ сильное накопленіе мокротъ, а вслѣдствіе того и хрипота *).

Поселенцы слѣдующей Амурской станицы Вагановской, выселенные изъ Кучугая, помѣщены здѣсь весьма неудобно: во 1-хъ они нашли непроходимую густую чащу (кое-какъ вырубали и выжигали); во 2-хъ мѣсто каменистое, къ хлѣбопашеству неспособное, а потому казаки пашни свои перенесли на противоположный китайскій берегъ, гдѣ земля—говорятъ—чрезвычайно хороша. Тамъ они успѣли уже высѣять гречиху, пшеницу; сѣяли еще на острову, по пути къ ст. Олгиной, хотя островъ этотъ тоже близокъ къ китайскому берегу, отъ котораго отдѣленъ неглубокой (въ $1\frac{1}{2}$ сажени) протокой.

— Ну а прогонятъ васъ, выжгутъ вашъ хлѣбъ?

— Нѣтъ, не выжгутъ. Мы спрашивали манегировъ въ прошломъ году: «ничего—сказываютъ—пашите, сколько хотите. Мы не препятствуемъ; намъ лучше: у васъ готоваго хлѣбца купимъ. Только бы нашъ-де начальникъ не запримѣтилъ и не запретилъ бы». Накосили мы тамъ сѣна—манегри его не жгли, не трогали, развѣ только когда клочочекъ для своихъ коней брали. Нельзя же безъ того: Христосъ съ ними!

Въ доказательство невыгоднаго положенія Вагановской станицы тамошніе казаки приводятъ и то, что скотъ ихъ, не находя себѣ пищи, переплываетъ за кормомъ на другую сторону (у одного казака уплыли такимъ образомъ двѣ лошади; не могли найти).

Станицу свою казаки прозвали было *Ключевскою*, отъ двухъ ключей, бѣгущихъ вблизи (и съ нихъ-де всегда вѣтеръ), но начальство прислало приказъ назвать ее именемъ де офицера, который ѣздилъ къ китайцамъ и тамъ былъ убитъ; вывезены-де были однѣ только кости.

---

*) «Теперь еще они ладно живутъ—сказывали мнѣ потомъ въ станицѣ Вагановской. А то вотъ проѣзжали мимо ихъ мы прошлой весной—всѣхъ до единаго застали больными.

Между врагами своими новые поселенцы указываютъ еще на крысъ, которыя объѣдаютъ мѣшки съ мукой.

— Такъ полъ-мѣшка и отвалитъ проклятая, и съ холстомъ сожретъ по всей долинѣ посудины—объяснялъ мнѣ старшо́й станицы.

— Крысы сѣдыя, величиной другая въ рукавицу. Одну задавили собаки—смотрѣть было страшно: такая большая! Другая завелась въ избѣ, ныла и проѣдала потолокъ долго, да кое-какъ убили пѣшнями. А кошки зимой на улицу не ходятъ. Какъ вотъ стало кошекъ больше, и крысы поубавились. Рубль серебромъ я вотъ за свою кошку-то заплатилъ: нѣту у насъ ихъ. Христомъ ужъ Богомъ, на лодкѣ у купца, выпросилъ уступить мнѣ. Людямъ однако крысы эти обиды не дѣлаютъ.

Не дѣлаютъ также обиды и змѣи, которыхъ также много и въ лѣсу и по берегу, и между которыми бываютъ-де и черныя и пестрыя.

— На китайскомъ берегу змѣй и крысъ *однако* не видали. Змѣи эти проклятыя молоко у насъ пить повадились. Бабы замѣчаютъ, что у коровъ молоко высасываютъ. Изъ звѣрей видывали козъ, зюбрей, волковъ, медвѣдей: никто однако къ станицѣ не подходилъ, не безпокоили. Рыбу вотъ ловить ладимся: лѣтомъ осетёръ идетъ. Зимой перегораживали кое-гдѣ рѣку: линёчьки, таймени попадались.

Видъ изъ станицы на Амуръ картиненъ, особенно въ правую сторону, гдѣ плаваютъ три, затянутыхъ въ зелень, острова: одинъ изъ нихъ совершенно круглой. Острова эти продолжаютъ сопровождать насъ и дальше. Амуръ дѣлаетъ изгибъ, колѣно. Зимой разстояніе между станицами Вагановской и Олгиной всего только 15 верстъ; рѣкой же теперь верстъ 30. Но вотъ и станица *Олгина*, въ десять дворовъ. Олгина она не по Олѣ какой-нибудь, а по рѣкѣ Олгѣ, отстоящей отъ станицы верстъ на 8 и прозванной такъ первыми кочевниками здѣшнихъ мѣстъ—манеграми. Манегры кочевали и на той сторонѣ и на этой. Поселенцы всѣ съ Онону.

Для станицы назначено было мѣсто ниже и внизу, на луговинѣ: тамъ и успѣли уже построить 5 дворовъ три года тому назадъ. Потомъ нашли, что берегъ рыхлый, Амуръ его подмываетъ, а въ большую воду и совсѣмъ затопляетъ; тогда отнесли станицу нѣсколько (съ версту) выше на гору, которая оказалась и крута и высока, покрыта березнякомъ. Березнякъ этотъ успѣли вырубить и построили тутъ пять дворовъ, въ которыхъ успѣли уже завестись сивыя крысы и желтенькія полевыя мыши; не завелось достатку, но нѣтъ и особенныхъ лишеній. Новой станицѣ на новомъ мѣстѣ истекъ годъ. Огороды еще копаютъ, пашни хвалятъ, хотя работы сначала и шли туго. Точно также не благопріятствовали и луга: скотъ хворалъ и даже нерѣдко падалъ. И опять повтореніе страннаго явленія. Здѣсь также коровы родятъ зобатыхъ телятъ. Не объѣдаются ли онѣ какой нибудь вредной болотной травой? Болота есть по близости, хотя и небольшія и неслишкомъ топкія; на нихъ озера достаточной глубины и рыбныя. Ловятъ рыбу и въ Амурѣ по осенямъ. Въ заѣзды попадаются осетры; въ невода лини, таймени. Отравляли лисицъ; водятся волки; змѣй по близости нѣтъ; медвѣдь не бѣдокуритъ; водится бѣлка; продавали пріѣзжимъ купцамъ сверху: за лисицу давали 2 и 4 рубли, смотря по времени, а больше по наличнымъ достаткамъ.

Климатъ новыхъ поселенцовъ встрѣтилъ сначала недружелюбно: перехворали всѣ; теперь, свыкшись, кое-какъ перемогаются.

— По родинѣ вотъ тоскуется: часто же она приходитъ на память; а придетъ—и всплачешься. Тамъ хозяйство было лучше: здѣсь еще не успѣли устроиться. Съумѣемъ—тогда можетъ и позабудемъ про родину.

Берега Амура за этой станицой опять гористы, и оба покрыты исключительно одной лиственицой. На китайскомъ берегу часто выясняются па́ди; въ одной изъ нихъ говорливо журчитъ ручеекъ, но кажется временной, а не постоянный: у него нѣтъ русла и мечется онъ, въ двѣ пѣнистыя струи, черезъ камни.

Амуръ (собственно *Шилькаръ*) *) начинаетъ становиться шире; особенно замѣтно это между станицами Черняевой и Кузнецовой. Въ Черняевой казаки успѣли уже устроиться и хорошо устроиться, хотя и живутъ только одинъ годъ: по десятинѣ хлѣба нынѣшной годъ посѣяли, огородцы раскопали; мѣсто для станицы выбрано хорошее, луговое, все въ зелени. Хорошо, если на Черняевскихъ благодѣтельно подѣйствовали неудачи первыхъ поселенцовъ и они поспѣшили взяться за умъ—разумъ. Велика задача: въ два казенныхъ года расчистить нови, обстроиться, да еще и запасами со своихъ полей заручиться!

Русскій берегъ передъ ст. Кузнецовой становится опять гористымъ; противъ него растянулись низменности китайскаго берега (а за нимъ пошли и горы). Изъ па́дей шумливо бѣгутъ ручьи, на берегу слышатся живые голоса: птицы чирикаютъ, кукушка кукуетъ. Чуется всюду замѣтная жизнь, и замѣчается на самомъ дѣлѣ, что мы поплыли теперь замѣтно къ югу, и весна входитъ во всю свою силу и права. Горы продолжаютъ держать на себѣ красной цвѣтъ. Казаки увѣряютъ, что краснота ихъ отъ травы; между нею чернѣютъ камни, цѣлыя, выдающіяся въ неправильныхъ формахъ, скалы. Двѣ изъ нихъ (за 2 версты до ст. Кузнецовой) словно остатки стѣнъ, параллельно стоящихъ

---

*) Кстати объ названіи рѣки. По всему вѣроятію имя *Амуръ* дано рѣкѣ, образовавшейся изъ соединенія Шилки съ Аргунью, еще первыми казаками и можетъ быть самимъ Хабаровымъ. Впервые слышится это имя въ актахъ 1650 года. Мѣстные обитатели, аборигены прибрежьевъ Амура называютъ ее различно: верхняя часть отъ Усть-Стрѣлки до впаденія Сунгари, наз. Хе-Лунъ- Цзянъ (рѣка чернаго дракона, у китайцовъ) и Сахалянъ-Ула-черная, и дѣйствительно черная рѣка, у Манчжуровъ). Нижняя часть до впаденія въ море—Хунь-Тхунь-Чзянъ (у китайцовъ) и Сунгари-Ула (у Манчжуръ). Монголы дѣленія этого, какъ и русскіе, не признаютъ и всю рѣку зовутъ общимъ именемъ Хара-Мурень (т. е. черная рѣка); равно какъ Тунгусы—*Шилькаръ* (т. е. плесъ).

другъ къ другу, какъ будто остатки зáмка, острога. Правильные четвероугольные камни, словно кирпичи, образуютъ ту и другую стѣну. Обѣ скалы, взятыя отдѣльно и издалека, имѣютъ рѣшительную форму башенъ. Форма эта прихотливо видоизмѣняется по мѣрѣ того, какъ наша лодка отходитъ отъ нихъ. Гранитныя стѣны эти нѣсколько отошли отъ берега (хотя и нераздѣльны съ нимъ). Такъ по-крайней мѣрѣ кажутся онѣ издали и видъ на нихъ съ боку необыкновенно красивъ и оригиналенъ. Передняя стѣна фантастическаго зáмка, острога, ящика, словно отвалилась отъ двухъ оставшихся и провалилась въ воду. Въ серединѣ, между обѣими стѣнами, разбросаны камни, ютится зелень травы и даже кое-гдѣ деревья; промежутокъ между стѣнами усыпанъ камнями. Послѣ низменности, передъ станицой, и китайской берегъ становится высокимъ, гористымъ, засыпаннымъ зеленью: береза и лиственница смѣняются между собою попеременно. Вскорѣ въ свою очередь китайскій берегъ, сдѣлавшійся крутымъ, началъ выставлять скалы, но неправильной и некрасивой формы. Русскій берегъ превратился въ низменность; изъ-за зелени ея виднѣется уже и станица Кузнецова (бывшій Ангань), въ 8 дворовъ.

Ангань. Станица эта зовется такъ потому, что тутъ вблизи текутъ двѣ рѣчки этого имени, а Кузнецова—неизвѣстно (самъ старшій объяснить не могъ). Казаки переселены съ Онона: нужды большой въ продовольствіи не чувствуютъ. Въ прошломъ году пахали землю и нашли ее разрыхленною, даже примѣтны были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бóрозды: видимо кто-то распахивалъ, если не Манчжуры, то русскіе казаки временъ Хабарова. Нынѣшной годъ хотѣли было сѣять, да бѣда стряслась: отъ усиленныхъ зимнихъ разгоновъ лошади къ веснѣ пали (у старшаго двѣ; у сосѣда его—три). Объясняютъ:

— Станокъ до Ольгина большой: уѣдешь да съ недѣлю и не бываешь дома; а ѣзда по горамъ трудная. Однимъ казна давала лошадей; другимъ не давала. Ищите-де свою правду—найдете: станемъ вотъ просить: что Богъ дастъ?

Тѣ казаки, которые выселились позднѣе, строятъ дома повыше рѣки, поодаль отъ настоящей станицы (два дома уже выстроены тамъ).

— Такъ вотъ и велѣно строиться все въ гору.

Дальше къ низу идетъ низменность, которую въ полную воду понимаетъ Амуръ. Гора отошла въ задъ станицы, версты на три: и все это мѣсто поросло лиственницой; мѣста болотистыя. Такой же болотистой овражекъ залегъ между рѣкой и станицой: здѣсь — по всему вѣроятію — нѣкогда было русло Амура. До сихъ поръ сверкаютъ тутъ длинныя озерки направо и налѣво отъ той тропы, по которой шелъ и мнѣ путь въ селеніе, черезъ кочки и по лужамъ въ этой русловой ложбинкѣ.

— Травы у насъ хорошія — подсказываетъ казакъ — и мѣста для пашенъ и огородовъ ладныя. Змѣй нѣтъ; лисицъ отравляемъ; про медвѣдей не слыхать; бѣлокъ кое-когда промышляемъ.

— Чѣмъ же вы землю распахиваете, когда у васъ лошади пали?

— А другъ у друга займуемся. Беремъ у тѣхъ, у кого остались лошади, помиловалъ Богъ, а то и на волахъ обработываемъ. Да вонъ!

По косогору къ рѣкѣ дѣйствительно два вола поднимали черную землю и какъ говорятъ — для огородовъ.

Мѣстомъ въ слѣдующей — *Ермаковой* — станицѣ казаки остаются довольны, почитаютъ здоровымъ, хотя справа и подошло къ самой станицѣ болото, а на немъ разлилось мелкое озерко; дальше — рѣка рыбная. Прозвали рѣку Онономъ — именемъ родной рѣки. Мѣста подъ станицой много: траву при началѣ заселенія жгли — было, да не принялись запалы: очень густа и влажна была. Къ осени успѣли накосить сѣна, да стояли зимой пурги сильныя: много стоговъ разметало. Скотъ однако кое-какъ перемогается. Нѣкоторыя коровы телились голышами, которые тотчасъ по рожденіи и помирали; другія коровы рожали телятъ съ зобами.

— Я — сказывала одна баба — съ чужаго совѣта сосѣдей, которые раньше насъ выселились, пробовала прикладывать къ зобу сало на тряпочкѣ—помогало: зобъ опадалъ; а видать его однако и по сю-пору. Овцы начали ягниться *на зелень* (т. е. ко времени настоящей, зеленой весны).

— А какъ вамъ жилось въ началѣ?

— Да ничего, слава Богу. Сначала жили въ балаганахъ, а по осени да при хворости кое-какъ печь сбили, пазы замазали. Зиму жили тепло и сыто: провизiю отъ казны получаемъ, на то у насъ—въ селенiи то—и магазея есть.

Въ хлѣбномъ ермаковскомъ магазинѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, успѣли завестись крысы.

— И плодущiя такiя, проклятыя, и голодныя: не усмотришь —всю муку изъ мѣшка такъ и высыплетъ, хоть и не сожретъ всего. Много же этихъ крысъ и до насъ по берегу-то было.

Змѣй также много: одна заползла не только въ землянку, но и на постель.

— Зашевелилась—разбудила; вздули огня—смотримъ: черная такая, вреда не сдѣлала. А сразу мы того и не смекнули.

Рыбы еще не ловятъ; промышлять въ лѣсу тоже еще не успѣли собраться. Зимнiя подводы съ кругу сбили:

— Человѣкъ по десяти господъ въ одинъ день собиралось; иные дня по два ждали. Не успѣешь лошадей откормить — и опять въ дорогу. Тяжело было, а теперь легче маленько.

Сбивали мнѣ долго подводу; въ гребцы нарядили между прочимъ двухъ «сынковъ»—гарнизонныхъ солдатиковъ.

— Хорошо ли они живутъ съ вами?

— Да не всякой же: все больше озорники. Рѣдкой хорошой-то попадется. Въ работѣ онъ тебѣ не помогаетъ, топора въ руки взять не умѣетъ, да и бариномъ жить хочетъ. Я-де у тебя до времени въ избѣ живу, а паекъ свой получаю: стало быть вы мнѣ не указчики; я-де васъ и знать не хочу. Лаемся-лаемся, грыземся-грыземся, а онъ устоитъ-таки на своемъ и ничего ты съ нимъ не подѣлаешь. Посылаемъ вотъ ихъ больше въ казенныхъ подводахъ. Никакой они намъ подмоги не дѣлаютъ. Мы ужъ такъ имъ не рады, что хоть бы взяли ихъ отъ насъ—обѣими бы руками перекрестились!

Вотъ и дальные, давніе слухи объ нихъ — на самомъ дѣлѣ, на самомъ фактѣ. Народъ впрочемъ бойкой въ движеніяхъ, ловкой на словахъ, острый на языкъ. Всю станцію пѣсни пѣли и въ добавокъ еще веселыя: видимо даже гордятся этимъ и хвастаются; забайкальскіе казаки—какъ извѣстно—что рыбы, пѣсенъ никогда не поютъ и не знаютъ. Не слыхалъ я пѣсни давно, больше полугода. Казаки и топоромъ тешутъ, и сѣно косятъ, и веслами гребутъ сосредоточенно — молча, ни слова между собою, ни прибаутки, ни присказки. Ихъ по видимому дивили даже развеселые солдатики, но пѣсни ихъ нравились.

Одинъ изъ «сынковъ» гребетъ и приговариваетъ: «кто на Амурѣ не бывалъ—тотъ и горя не знавалъ; кто на Амурѣ побывалъ—тотъ и горе распозналъ», и завернулъ это все глубокимъ, тяжелымъ вздохомъ. Вотъ и новая, готовая поговорка пока на время; пойдетъ ли она дальше въ вѣка? — неизвѣстно. И опять-таки высказалъ ее, выпустилъ изъ устъ не забайкальскій казакъ, а *россійскій* солдатикъ.

— Не хитра она складомъ, да ладная!—замѣтилъ онъ мнѣ.

На половинѣ станціи русской берегъ изъ скалистаго превратился въ песчаный. Полукругомъ правильнаго очертанія обступилъ онъ рѣку и состоитъ изъ желтаго песчаника вверху съ тонкимъ напластованіемъ чернозема и съ довольно-скудною растительностью (лиственницъ на $^3/_4$ вышины). Желтый песчаникъ нерѣдко превращается въ бѣлый, который во многихъ мѣстахъ въ свою очередь перерѣзанъ тонкими слоями или полосами, какъ будто глины. Бѣлый песчаникъ во многихъ мѣстахъ отдѣлился отъ основнаго желтаго и образовалъ родъ скалъ, такихъ же, каковы до этого времени были каменныя скалы. Верхнія глыбы этихъ песчаныхъ скалъ, какъ будто известковаго свойства. Онѣ идутъ, на дальномъ своемъ протяженіи, при тѣхъ же условіяхъ, какъ шли прежде каменныя скалы, т. е. съ ущеліями и пещерами. Въ одномъ изъ этихъ ущелій дымится, курится что-то, или какъ называютъ казаки «горитъ живой огонь».

— Ѣдешь ночью—увѣряютъ гребцы—видишь даже, какъ сыплется оттуда песокъ и даже съ искрами. А дымитъ такъ, что когда ни поѣдешь: днемъ ли то, ночью—все куритъ и не перестаетъ. Зимой дорога стороной идетъ — не видывали, что тогда бываетъ.

По серединѣ этого песчаниковаго полукружія, почти въ самомъ центрѣ его, помѣстился на Амурѣ совершенно песчаный же островъ, съ зеленью на томъ краю, который обращенъ по направленію къ ближней станицѣ. Видъ на полукруглый берегъ издали, если не особенно красивъ, то во всякомъ случаѣ неожиданный и оригинальный. Берегъ очень крутъ и обрывистъ: подниматься на него прямо съ рѣки нѣтъ никакой возможности, надо обходить далеко, даже очень далеко. Амуръ въ этомъ мѣстѣ подъ берегомъ—по словамъ гребцовъ—чрезвычайно глубокъ. Глубокъ онъ и вообще на всемъ протяженіи, подлѣ всѣхъ крутыхъ и обрывистыхъ береговъ своихъ, сколько Рможно судить объ этомъ по постоянно-вертящимся и крутящимся кругамъ. Темнота воды также поразительна.

Впереди еще три станицы печальнаго вида. Двѣ изъ нихъ выстроены недавно; одна принадлежитъ къ первымъ заселеніямъ. Въ *Аносовой* (Унмійской) — девять домовъ, одиннадцать семей, черноземная земля, мѣсто хорошое и благодарное. Раскапывая землю, находили ее и здѣсь разрыхленною для пашенъ; костей всякихъ нашли довольно, черепа откапывали, втулку отъ телѣги нашли. Въ нынѣшнемъ году въ станицѣ пало много лошадей (отъ частыхъ зимнихъ разгоновъ, и много пало рогатаго скота); отъ глубокихъ снѣговъ, совсѣмъ почти не было сѣна. Станица отодвинута отъ Амура на полверсты, но за то стоитъ на сухомъ мѣстѣ: сильно разливающійся въ этомъ мѣстѣ Амуръ во всякомъ случаѣ до селенія никогда не доходитъ. Подъ тѣми же условіями заселено и *Кольцово* (два дома, пять семей). Нужды здѣсь не имѣютъ, получая пока еще казенной провіантъ (живутъ на новомъ мѣстѣ только годъ), но спѣшатъ засѣяться, чтобы имѣть запасы на будущее время, когда сойдутъ съ казеннаго содержанія (по истеченіи двугодичнаго срока). Ни въ лѣсу, ни въ рѣкѣ осмотрѣться еще не успѣли. Къ осени прошлаго года, вскорѣ по приходѣ на мѣсто, сильно прихварывали. Здѣсь не только телята, но и ягнята родятся съ зобами, съ желваками: по совѣту сосѣдей — припариваютъ опивками отъ кирпичнаго чаю — «помогаетъ: желваки мало-мало пропадаютъ». Станица *Ушакова* (4 дома, 5 семей) только строится: двое живутъ еще въ землянкѣ, хотя со времени прибытія ихъ сюда прошелъ уже годъ. Жилье вырыто въ берегу рѣки и кое-гдѣ схвачено тонкими бревнами, и безъ крыши. Безъ крыши же стоятъ и двѣ другихъ избы: одна вновь построенная, другая временная, прошлогодняя, которая—конечно—скоро превратится въ баню; въ ней не столько тепло, сколько душно. Нужды не чувствуютъ, потому что живутъ еще на казенномъ довольствіи (успѣли однако развести огородецъ и пашутъ поле); но всѣ болѣютъ: понятно, что столько же и новой климатъ, сколько наконецъ и сырое помѣщеніе въ землянкахъ невоздѣланной первобытной земли—пораждаютъ лихорадки. Больныхъ много. Мѣсто однакожъ привольное и сухое: равнина прошла на далекое пространство: хороши покосы, хороша и пастьба для скота: «Зимой замотались отъ гоньбы лошади—и пали».

По предписаніямъ областнаго начальства видно, что прошлымъ лѣтомъ слышались жалобы казаковъ на сплавщиковъ, шедшихъ съ паромами: сплавщики—солдатики, разтерявши или даже и истребивши въ пищу казенный скотъ, угоняли казачій и воровали по избамъ лопать. Посовѣтовали—остерегаться и смотрѣть за собственностью. По другому изъ таковыхъ предписаній видно, что по Амуру гуляла фальшивая бумажка въ 25 руб., но аляповатой, топорной работы. По третьему видно, что солдаты бѣгали съ плотовъ: «выпросится на берегъ скота пасти—и удеретъ». Казаки приносили жалобу также и на то, что поселенческій скотъ травилъ ихъ траву и даже готовое сѣно.

Амуръ, на всемъ этомъ протяженіи (въ 75 верстъ) между тремя упомянутыми станицами, становится замѣчательно широкимъ. Особенно широкъ онъ верстахъ въ 7 отъ станицы Кольцовой, гдѣ лѣвый берегъ тянется обширною, безлѣсною низменностію, видъ на которую не лишенъ оригинальности. На китайскомъ берегу (все еще гористомъ) виднѣлась высокая обрывистая скала. При взглядѣ на нее видится легкая возможность существованія баттареи, которая обстрѣливаетъ рѣку на значительныхъ пространствахъ, господствуетъ надъ низменнымъ русскимъ берегомъ и можетъ не пропускать въ Амуръ никого, ни съ верху плывущихъ, ни съ низу. Дальнѣйшій китайскій берегъ далеко не высокъ въ такой степени, и хотя еще гористъ, но не даетъ скалъ. За станицой Ушаковой оба берега низменны и песчаны. Иногда эти площади усыпаны мелкими каменьями; по рѣкѣ плаваютъ зеленые острова. Берега однако не выдерживаютъ своей характеристики: и горы, все время уходившія въ даль, передъ станицей Кумарской вышли на рѣку и оступились въ воду крутымъ утесомъ съ небольшимъ навѣсомъ у вершины. На утесѣ русскаго берега крестъ поставленъ; говорятъ такъ—для примѣты. Растительность на горахъ становится замѣтно рѣже и лѣса почти пропадаютъ: нѣсколько держатся они только въ ложбинахъ, въ падяхъ между горъ. По видимому—начинаемъ мы близиться къ степнымъ мѣстамъ. За дальными островами сверкаютъ протоки и наконецъ рѣка Кумара, вышедшая изъ китайскаго берега, по которой разселены манегры и живутъ манчжуры. На низменности подлѣ рѣки видны распаханныя поля, торчитъ шалашъ—говорятъ манчжурская сторожка: видно де тутъ у нихъ хлѣбъ посѣянъ. Замѣтна жизнь; замѣтно движеніе ея теперь и на правомъ берегу, до сихъ поръ мертвенно-пустынномъ, въ первобытной тишинѣ и безлюдьи. На русскомъ берегу, песчаномъ въ водѣ, зеленомъ во внутренности, бродятъ коровы; видны лошади. Видна наконецъ и станица *Кумарская*.

Это одна изъ самыхъ большихъ и людныхъ станицъ по числу душъ и домовъ (домовъ 28, семей около 40). Видъ ея и съ берегу обѣщаетъ многолюдство и кажетъ селеніе. Вытянутая въ одну линію и на этотъ разъ неправильную, она, съ двумя амбарами на низу, съ двумя улицами, съ огородами, не примкнутыми къ домамъ, а разбросанными кое-гдѣ и кое-какъ безъ стремленія къ симметріи военныхъ старорусскихъ поселеній — кажется рѣшительнымъ селеніемъ, не похожимъ на всѣ прежнія станицы (исключая можетъ быть одного только Албазина). Чистенькой и опрятный съ виду домикъ сотеннаго командира съ полисадникомъ впереди, вновъ строющаяся церковь, новая выстроенная позади селенія вѣтреная мельница, скоро сдѣлаютъ изъ станицы рѣшительное село, которое будетъ напоминать сколько великорусскія, столько же и сибирскія села. Къ церкви пристроивается слободка въ пять домовъ. Только они, можно сказать, одни напоминаютъ еще недавность заселенія и нѣкоторую скороспѣлость. Этотъ видъ новыхъ домиковъ, въ большей части случаевъ чрезвычайно похожихъ одинъ на другой, эти свѣжія загороди огородовъ, пни, которые торчатъ по всѣмъ дворамъ и на улицахъ — въ иной чуствительной душѣ могутъ еще пожалуй произвести нѣкотораго рода восторгъ, довольство. Что до меня, то мнѣ уже все это во-первыхъ надоѣло, а во-вторыхъ и послѣднихъ — эта чистота внѣшняя теперь начинаетъ пугать. Не декорація ли это, наскоро и ярко написанная, издали обманчивая декорація, которая скрываетъ за собою много сору, много неприбраннаго, безпорядочнаго хламу? Артисты еще полунагіе, принарядиться и подмазаться не успѣли, ролей не затвердили и къ выходу не готовы. Къ тому же, судя по степени ихъ талантовъ, не обѣщаютъ они не только хорошаго, но даже и порядочнаго спектакля. Пускался я и въ долгіе распросы, надѣясь какъ-нибудь удержать за собою пріятность перваго впечатлѣнія и — не имѣлъ успѣха:

— Многіе очень нуждаются, особенно тѣ, которые живутъ здѣсь третій годъ и четвертый, хотя при батальонахъ и сотняхъ старались селить богатыхъ казаковъ. Земли вспахать еще не успѣли: трудна очень, жестка. Семянъ для посѣвовъ не припасли. На родинѣ (одни съ Онона, другіе съ Аргуни) не въ примѣръ было лучше: тамъ и земля-то какъ будто ладнѣе. За что ни ухватись — все здѣсь купи, за все отдай деньги. А купцы привозятъ товаръ, что ни на есть гниль: надѣнешь два раза и сбрасывай. Деньги за все берутъ нестерпимыя. Вотъ кирпичный чай по два рубля серебромъ за кирпичъ покупали. А намъ безъ него, какъ безъ рукъ: и привыкли, и сытной онъ. Лѝньской (прошедшій) годъ у манчжуръ еще кое-чѣмъ заимствовались: нонѣ и они не стали ходить.

— Давно ли же они къ вамъ не ходятъ?

— А не видать ихъ съ той съ самой поры, какъ рѣка встала. Разсердились что ли на то, что ихніе бекеты противу нашего берега сожгли, или за то, что имъ не велѣли на нашемъ берегу лѣсъ рубить—Господь ихъ вѣдаетъ! И тѣ насъ горемычныхъ покинули. Никого теперь и не осталось за нами.

— Какую же пользу приносили вамъ манчжуры?

— Муку продавали, *буду* (пшено) привозили. Купишь буды куль: кашу и ѣшь въ сласть и въ прохолодь.

— На что же вы у нихъ все это покупали?

— А все брали. Старой, чуть годящій полушубокъ, платокъ рваной; всякую негодную лопатинку брали и—не обижали. А вотъ имъ пятаки мѣдные, старинные: такъ ужъ это самое лучшее. Это ужъ ихъ великая радость: дивно любятъ пятаки. Бумажки-то вотъ однако не берутъ же, стало не понимаютъ ихъ силы, какая въ нихъ такая она заключается.

— Какъ же вы съ ними объяснялись?

— Да ладили кое-какъ. Чего на перстахъ, чего какъ.. смѣкали же, а то и слова ихнія стали домекать; свои имъ тоже втолковывали. Ничего: шло дѣло! А вотъ теперь и ихъ нѣту...

Чувствуя, что разговоръ нашъ опять впадетъ въ плаксивой тонъ, я перебилъ:

— Ну, а манегры что и какъ?

— Да и манегры ушли: увели ихъ. Манегры вѣдь тѣ сами народъ бѣдной; отъ этихъ нечѣмъ поживиться. Народъ этотъ такой, что ему самому какъ бы сыту быть, а ужъ другимъ удѣлить нечего. Жили они гдѣ-день, гдѣ-ночь; сегодня на одномъ мѣстѣ, на утрѣ—ищи ихъ на другомъ. Дикой тоже народъ.

Паромы съ гарнизонными солдатами, сѣвшіе въ прошломъ году на мель, оставили въ Кумарской станицѣ нѣсколько молодцовъ, назначенныхъ къ поселенію на Уссури. Разговорился я съ ними:

— Да что, ваше благородье!—говорилъ одинъ. Житье здѣсь самое не натуральное, потому какъ очень казаки здѣшные во всякомъ провіантѣ сами нуждаются очень, и таперича безъ всякой причины ихъ мало того, что нарядами обвязываютъ, еще къ нимъ сынковъ изъ нашихъ гарнизонныхъ ставятъ. Иному самому кормиться нечѣмъ, а тутъ другаго еще корми.

Вотъ таки-договорился, какъ ни сильно ткалъ свою россійскую, казарменно-писарскую рѣчь, желая уснастить ее красноглаголаніемъ и долго не попадая *въ настоящую точку*.

— Только вотъ кажись въ одну полночь, когда ужъ крѣпкимъ сномъ забудешься,—объ родинѣ-то своей не вспоминаешь, а то она родная все на умѣ: домъ-отъ нашъ, сусѣди... и все (слезы).

— Ты откуда родомъ-то?

— Изъ Расеи; изъ Саратовской губерніи (жена одного изъ гарнизонныхъ солдатиковъ).

— Овцы плохо ведутся: слѣпнутъ (телята родятся здѣсь уже безъ зобовъ).

— Не вредитъ ли имъ гадъ какой? Хороша ли пища; нѣтъ ли болотъ по близости, и тамъ травъ вредныхъ?

— Трава-то пожалуй и хорошая, а коли и есть болота, такъ небольшія, да и тѣ больше въ озерки втягиваются. Травы тоже вредной не замѣчали, а и гадъ не вредитъ: нѣту такого!

— Въ прежнихъ станицахъ на змѣй указывали.

— Есть онѣ и у насъ, да вреда никакого не дѣлаютъ. Лѣтось парнишко мой сидѣлъ на дворѣ коло пня, посмотрю: одна калачомъ такъ и легла кругъ него, а не ужалила. Большая была, пестрая. На первыхъ-то порахъ, какъ выселились сюда, много ихъ было. Теперь стало не въ примѣръ меньше. Сталъ онѣ бояться человѣка, стало дальше въ лѣсъ уходятъ, въ хребты, въ пади.

Изъ послѣдующихъ распросовъ оказалось, что крестъ, видѣнный нами на скалѣ русскаго берега, поставленъ по приказанію начальства, и молебствіе-де при этомъ было; а никакой тутъ могилки нѣту.

Казакъ обкапываетъ древесный пень, среди улицы. Я спросилъ:

— Тяжела поди работа-то: долго провозишься?

— А вотъ обкопаю кругомъ: корни стану топоромъ перерубать и выворочу: часа на два будетъ работы. Надо же вырубать!

И здѣсь, въ станицѣ Кумарской, зимнія подводы измотали лошадей, изъ которыхъ также многія пали.

Позади селенія мѣста много, и мѣста̀ привольныя, хотя берегъ нашъ и низменный по обыкновенію. Противъ него, за рѣкой высоко поднимается скалистый, крутой манчжурскій.

Шесть человѣкъ гарнизонныхъ солдатъ, помѣщенныхъ въ Кумарѣ въ сынки—по словамъ старшаго—люди хорошіе; другіе есть со всячиной.

— Съ какой же всячиной? спрашивалъ я.

— Лѣнивы работать.

— Грубы, не послушны?

— Ну этого нѣтъ, потому какъ подлѣ боку начальство.

Вообще старшой здѣшней станицы не разговорчивъ, но расторопенъ: скоро по требованію нарядилъ мнѣ гребцовъ: поѣхали. Дорогою я разговорился съ рулевымъ (казакъ, поселенецъ съ Аргуни).

— Какъ поживаешь, привыкаешь ли?

— Плохо. Провіанту мало.

— Какъ же перебиваешься?

— А у манчжуръ покупаемъ будушку: тѣмъ и питаюсь.

— Да вѣдь они ушли отъ васъ?

— Зимой были; да вотъ гляди—скоро опять придутъ. Становятся на устьѣ Кумары шалашами. Мы ѣздимъ туда, и они къ намъ въ станицу ѣздятъ.

— Что же они тутъ на устьѣ дѣлаютъ?

— А ничего: стоятъ да наблюдаютъ, чтобы наши на ихномъ берегу земли не пахали. Сѣно косить не воспрещаютъ однако.

— Рыбу-то ты ловишь?

— Семьистые которые казаки—тѣ ловятъ, а одинокому—нельзя. Поставишь ловушку-то, а тамъ тебя на службу угонятъ. Два дня проходишь: вода и унесетъ твою ловушку. Вотъ и въ лѣсахъ одни только богатые промышляютъ козъ...

— А бѣлокъ?

— Нѣтъ же у насъ бѣлки-то, не водятся какъ-то. Вонъ и манчжуры приходятъ съ Кумары и приносятъ бѣлку, да мало да и бѣлка не хорошая такая.

— Много мы, ваше превосходительство, скота дорогой порастеряли, у меня одного шесть головъ пало. Надо быть отъ дороги все это: сходили въ воду — ноги застудили, опятъ же все на водѣ да въ водѣ и все больше безъ пищи, безъ гулянки опять; а путь дальной: какъ тутъ не падать скотинкѣ.

— Сколько же теперь у тебя осталось?

— Да двѣ лошади: зимой изморились — къ веснѣ опять въ тѣло вошли. Землю-то ужъ волами зацяли пахать. Овецька одна есть — а купить другую: такъ вотъ у насъ овца-то рубль стоитъ.

Аргунецъ — по обыкновенію — шепеляетъ и цокаетъ. По этому признаку казаковъ съ Аргуни весьма легко отличить отъ поселенцевъ съ Шилки.

За пять верстъ до ст. Казакевича, лѣвой, русскій берегъ скалистъ, и скалы эти, какъ будто разрѣзанныя пополамъ, картинно глядятся и оступаются въ воду, на этотъ разъ затянутыя еще сверхъ того красноватымъ отблескомъ заходящаго солнца. Китайскій берегъ — лѣсистая низменность, въ добавокъ еще песчанистаго свойства. Одна часть береговаго русскаго хребта, постепенно понижаясь, оканчивается сопкой правильной коническої формы; въ вершинѣ ея, прихотливо забравшись, выросло капризное деревцо одно-одинёшенько. Образовалась падь; изъ пади по обыкновенію выбѣжала рѣчка (небольшая). Изъ рѣчки опять поднимается скала, начинающая новый хребетъ, который также въ свою очередь (на разстояніи 1 $^1/_2$ версты), постепенно и въ полуторахъ верстахъ отъ станицы Казакевича, выдвигаетъ изъ себя выпуклую скалу.

— На скалѣ этой—разсказываетъ рулевой—у манчжуръ моленная была. Приносили они тутъ жертвы камнямъ, и позади была настоящая моленная. Ее велѣли сжечь и эту сжечь. Манчжуры прошлой зимой опять приходили и зачали строить новую кумирню. Отъ насъ, изъ Кумары, назначены были 20 человѣкъ—разломали: строиться не пустили. Кумирню-то они начали ладить дощатую: легко было ломать.

— Сердились манчжуры-то?

— Отступились, бросили строить. Ладятъ, сказываютъ, на нонѣшной годъ строить новую, супротивъ старой.

Этотъ пунктъ—выдавшаяся скала—важенъ потому, что по пади вправо отъ него, тропинкой, до изгиба Амура всего только версты 1 $^1/_2$—2. Вотъ почему и тамъ и здѣсь рѣшились буддисты-манчжуры освятить пункты священными зданіями. Отъ этой-то выдающейся скалы, изъ той же пади, гдѣ идетъ тропинка въ станицу Карсакову, сейчасъ же поднимается утесъ, образующій сплошной кряжъ на всемъ протяженіи до станицы Казакевича. Угрюмо глядитъ онъ высокими, темными скалами, вышина которыхъ замѣчательна и по сравненію со всѣми прежними. Словно громадный камень, сплошной и твердый, залегъ тутъ. Объ этотъ-то камень какъ будто и надломился Амуръ, соблазнившись низменностью противоположнаго манчжурскаго берега. Рѣка дѣлаетъ луку, крутой поворотъ къ западу, встрѣчая дальше скалы и на манчжурскомъ берегу и, словно сдавленная ими, беретъ направленіе къ юго-востоку и потомъ снова течетъ къ сѣверу, какъ будто завязываетъ узелъ, и обоими своими концами не сходится только въ разстояніи 3—4 верстъ. Форма извива Амура въ этомъ мѣстѣ нѣсколько похожа на подобный же тому въ Волгѣ, подъ

Самарой, гдѣ, по словамъ пѣсни, любили «разбойнички шалить».

Извивъ Амура съумѣлъ такъ выгнуться колѣномъ, что вмѣсто трехъ верстъ разстоянія между станицами даетъ намъ обходъ въ *28 верстъ.* Скала, на которой совершается этотъ переломъ рѣки, быстро сбѣгаетъ въ низменность, на мысу которой и стоитъ станица Казакевича.

— На этомъ мѣстѣ (продолжаетъ рулевой все объ той же пади съ тропинкой и прямикомъ въ станицѣ Карсакова), да и тамъ, подъ Карсаковой, манчжуры жили еще въ прошломъ году. Теперь ихъ прогнали: не живутъ больше. Мѣсто это что-то они очень любили.

— Ну будетъ, казакъ, спасибо и на томъ! А какая это птица кричитъ?

— А не знаю, какъ назвать: не примѣнились еще; не приладили прозванія никакаго.

— Островамъ именъ тоже не дали?

— Не дали еще. Можетъ послѣ какъ приладятъ.

Однако я слышалъ уже, что одну высокую скалу, вышедшую на Амурѣ выше станицы Амосовой, казаки успѣли уже прозвать *Масляной.* Мало по малу такимъ образомъ и все окрестятъ.

Обѣ станицы (Казакевича и Карсакова) отправляютъ гоньбу по очереди (понедѣльно) съобща. Въ Казакевичевой 8 дворовъ; огороды раскопали, рожь взошла хорошо, ярица—тоже. Разговорился я въ ней съ казаками:

— Какъ вы думаете: отчего Амуръ-отъ изогнулся?

— Не можемъ знать отчего.

— И не думали вы объ этомъ, не толковали?

— Не думали. Господь его вѣдаетъ, чего онъ этакъ-то...

— Земля-то плотная, когда вы ее распахивали?

— Хорошая земля, плотная.

— До камней въ низу не дорывались?

— Не дорывались.

— А ничего тамъ не находили?

— Черепки отъ горшковъ словно попадались, когда вотъ погреба себѣ рыли.

— А не замѣчали, чтó земля была разрыхлена и тутъ было селеніе прежде, когда-то?

— Нѣту, не замѣчали. А три дома манчжурскихъ у Карсаковой были.

— Да вѣдъ вы ихъ сожгли вмѣстѣ съ кумирней?

— Сожгли.

— Сердились манчжуры-то?

— Сердились точно, а не грозились однако: такъ и ушли.

По мѣрѣ того, какъ мы плыли дальше, плыли вторые сутки, береговыя горы начинали принимать печальный видъ: утлые деревья разсажены кое-гдѣ, въ рѣдкую, по вершинамъ и въ ничтожномъ количествѣ; выплывающіе на встрѣчу острова покрыты низкими и негустыми кустарниками. Лѣвой берегъ настойчиво удерживаетъ за собою характеръ низменнаго, равниннаго; правой только въ падяхъ горъ зеленѣетъ какъ будто лѣсомъ. На низменностяхъ русскаго берега разбросаны кустарники (и стало быть лѣсъ также дровяной, а не строевой). Въ станицахъ къ прежнимъ и общимъ жалобамъ присоединяются новыя:

— Мѣсто у насъ привольное, сухое, однимъ вотъ только и тяготимся: лѣсу очень мало, строиться не изъ чего. Рубили ужъ вотъ на томъ берегу; тамъ еще задался кое-какой, а живемъ вона въ землянкахъ еще, что кроты какіе нибудь.

Вотъ что говорили мнѣ въ ст. *Буссе*. Въ *Бибиковой* видѣлъ я готовыя дома: но всѣ они глядятъ замѣтно почернѣе и станица не имѣетъ свѣжести первыхъ. Поселенцы (съ Онона) плыли сюда на плотахъ; бревна изъ этихъ плотовъ и были употреблены ими на постройку домовъ (которыхъ въ станицѣ десять). Свѣжи еще, впрочемъ, глубокія ямы въ берегу — мѣста недавнихъ землянокъ. Дворы и хлѣва успѣли уже обнести плетнемъ.

— Ивняку-то много же по берегамъ! замѣтилъ мнѣ казакъ изъ гарнизонныхъ солдатъ, съ годъ уже поселенный здѣсь.

— Лѣсу-то у васъ мало: не видно нигдѣ!

— У насъ еще что?! У насъ хоть дровяной есть—версты за двѣ растетъ. А вонъ въ Благовѣщенскѣ за двѣнадцать верстъ за дровами-то ѣздятъ. Сажень до 3 руб. сер. дошла тамъ. На улицѣ кажную щепочьку приберутъ да припрячутъ.

Вижу нѣсколько полѣнницъ по берегу Амура: дрова, вѣроятно, заготовлены для частнаго парохода. Спрашиваю:

— Почемъ они вамъ за сажень-то платятъ?

— По два рубля серебромъ ставили.

Въ доказательство близости степныхъ мѣстъ казаки приводили мнѣ необыкновенное присутствіе на всѣхъ этихъ прибрежьяхъ и островахъ паута̀ (т. е. комаровъ, мушекъ и слѣпней): «отъ нихъ-де и на водѣ нѣтъ никакого спасенія, и скотину сильно обижаютъ; часовъ пять побродитъ она въ полѣ, да и бѣжитъ домой: силъ ея не хватаетъ. Мошка какая-то жгучая; слѣпни тучами носятся. Легче бываетъ, когда дождичекъ вспрыснетъ, либо сильный вѣтеръ завяжется: мошка и всякій пау̀тъ тогда улетаетъ, по своимъ мѣстамъ прячется».

Въ станицѣ *Екатерининской* (по казацки *Катериновкѣ*) живутъ по большей части въ землянкахъ. Нѣкоторые также успѣли построить дома изъ бревенъ, приплавленныхъ въ плотахъ съ дальныхъ мѣстъ родины, но дома эти обнаружили всю свою невыгоду: всю зиму сильно промерзали, неуспѣвши сѣсть и просохнуть, и давали сильную капель со стѣнъ и потолка, противъ которой нельзя было предпринимать никакихъ рѣшительно мѣръ.

— Вытрешь когда—глядишь и опять зака̀пало. Опять же шибко угарны были: головушекъ не подымывали. Лихорадка крѣпко била, да вотъ не отстаетъ и теперь. Ждемъ своихъ сверху—не дождемся: мѣсто здѣсь просторное, да все и веселѣй кабысь будетъ съ ними, да и по нарядамъ казеннымъ легче. Опричъ лихорадки-то—тоска одолѣла. Выйдешь на берегъ-отъ, да чуть не всплачешь: вода да горы и все тебѣ тутъ. Зимой-вотъ, что̀ выѣздишь, что̀ заработаешь денегъ, то и отдашь манчжурамъ за припасы.

По берегу валяются выдернутые пни толстыхъ деревьевъ. Такія же точно деревья (и даже березовыя) гнили на берегу ст. Бибикова. По всему вѣроятію здѣсь нѣкогда существовалъ густой лѣсъ, который и вырубленъ манчжурами. По множеству полѣнницъ, стоящихъ на правомъ берегу — думаю — безошибочно можно заключить о томъ, что манчжуры въ здѣшнихъ мѣстахъ заготовляютъ лѣсъ и дрова: можетъ даже быть и для Айгуна.

Разговорился я съ однимъ казакомъ. Казакъ этотъ разсказывалъ, что пестрыя-де крысы безпокоятъ, а есть де и маленькія мыши, красненькія; соболямъ и слыху нѣтъ; бѣлкамъ также.

— Нѣтъ ни осины, ни лиственницы: оттого и не водъ имъ. Волкъ одинъ заходилъ зимой, заходилъ на дворъ: овцу зарѣзалъ. Лисицы есть: одна объѣлась (окормили), другую затоптали лошадями.

— Какъ такъ?

— А возвращались домой съ подводы — увидали. Стали на лошади гоняться — замучили, загоняли. Видѣли разъ и чернобурую лисицу да не доспѣли.

— А рыбы много было?

— Лоньскимъ годомъ много было: не пріѣдали—(въ Бибиковой сказывали, что де не только сами объѣдались, но и продавали чуть не возами). Какъ поселились, то и заѣзды сдѣлали и—нивѣсть сколько попадалось. Нонѣ весна-то что ли запоздала: совсѣмъ стало рыбы мало. Оттого поди нонѣшной годъ все словно не такъ кабы починается. Ужъ Христосъ вѣдаетъ отчего!..

На правомъ берегу огоньки засвѣтились:

— Что это такое?

— А манегры: рыбу, надо быть, ловятъ. Всегда они въ это время выходятъ сюда.

— Куда-жъ и за чѣмъ уходятъ отсюда?

— А Господь ихъ вѣдаетъ: этого мы не знаемъ.

Еще до Екатерининской станицы Амуръ величественно-смѣло началъ разливаться въ неоглядную даль, особенно когда перестали тѣснить его послѣднія скалы манчжурскаго берега. Амуръ становится замѣчательно-красивымъ: во множествѣ плаваютъ на немъ на половину зеленые, на половину песчаные острова. Оба берега становятся низменными. На встрѣчу выплываетъ одинъ островъ; два остались назади и, помѣстившись середи рѣки, становятся одинъ за другой, выравниваются, какъ лебеди на полетѣ къ небу, въ дружной и большой стаѣ. Выравниваются острова какъ будто для того, чтобы пропустить впередъ себя другаго вожака передоваго, болѣе ихъ красиваго, болѣе ихъ зеленаго. А тамъ, за этимъ самымъ переднимъ островомъ, и голубое небо слилось съ водой. Пріятно и отрадно дать теперь возможность отдохнуть глазамъ на вольномъ просторѣ прибрежныхъ равнинъ. Надоѣли уже, сильно надоѣли эти горы, эти скалы, которыя вотъ уже двѣнадцать сутокъ утомляютъ наше зрѣніе, около тысячи верстъ тѣснятъ теченіе Амура.

За Екатерининской станицой Амуръ прямо-таки пошелъ по равнинѣ. Горы ушли отъ него въ замѣтную даль. Острововъ показалось гораздо большее количество, чаще стали вливаться въ Амуръ рѣки. Вотъ двѣ, такъ называемыя *Грязныя*, впали. Скоро выйдетъ большая—Зея рѣка.

— И все вотъ такъ идетъ она до самого Благовѣщенска—объясняетъ рулевой. Протокъ очень много и косы есть: одна подъ самымъ городомъ, большая очень. Зея надо быть наметала.

Въ водѣ плескаются и выпархиваютъ потомъ на берегъ воробьи особой породы, такъ называемые *водяные*, нѣсколько по больше полевыхъ, но съ длинными, родъ утиныхъ, носами. Гуси огромными стаями и очень часто летаютъ надъ нашими головами и гогочутъ; лебеди показались. Наступила ночь, выплыла луна: рѣка сдѣлалась еще красивѣе: береговъ почти не видать стало....

На другой день, раннимъ утромъ, я былъ уже въ Благовѣщенскѣ.

II. ОТЪ БЛАГОВѢЩЕНСКА ДО ХАБАРО́ВКИ.

Немного надо умѣнья и красокъ, чтобы описать внѣшній видъ новаго амурскаго города Благовѣщенска. Достаточно, если читатель представитъ себѣ длинный рядъ новыхъ домовъ (числомъ 16), вытянутыхъ въ прямую линію по прибрежной равнинѣ рѣки Амура на двухверстномъ пространствѣ. Мнѣ прибавить къ этому остается немного: всѣ эти дома деревянные, недавней постройки, всѣ съ красными крышами, всѣ однообразнаго фасада. Два изъ этихъ домовъ (крайній и средній) съ балконами вышли на самый берегъ рѣки; всѣ остальные отошли на замѣтное разстояніе внутрь, образуя впереди себя длинную площадь, на этотъ разъ пыльную и пустынную. Дома эти, не стянутые заборами, кое-гдѣ и изрѣдка обставленные кое-какими службами, придаютъ новому мѣсту видъ чего-то унылаго и тоскливаго. Пустыри, залегшіе кругомъ строеній, отсутствіе малѣйшаго, ничтожнаго деревца, долгая и безпривѣтная степь справа, слѣва и позади строеній — все это взятое вмѣстѣ не располагаетъ новаго пришельца въ пользу новаго города. Можно надѣяться на его будущее, но нельзя похвалить настоящаго: Благовѣщенскъ пока только казарма наскоро построенная, холодная, со сквознымъ вѣтромъ, съ капелью съ потолковъ и крышъ. Ладилъ ее линейный солдатикъ, у котораго въ первой разъ въ жизни очутился въ рукахъ топоръ ненадежной работы казеннаго Петровскаго завода. Дѣло солдатику этому дано на урокъ и на спѣхъ, оттого онъ и углы плохо приладилъ, онъ и пазы кое-какъ загрунтовалъ; кое-гдѣ моху положилъ, кое-гдѣ заткнулъ просто вѣтошь т. е. старую прошлогоднюю траву; солдатъ-плотникъ кое-гдѣ и такъ обошелся. Пусть себѣ сквозитъ и дуетъ: отъ холоду можно и въ полушубкахъ согрѣваться, а чиновники могутъ и въ шубахъ праздничные визиты дѣлать. Оттого-то говорятъ въ цѣломъ городѣ въ прошлую зиму было всего три или четыре теплыхъ комнаты; оттого-то слова: «житейской комфортъ, удобства здѣсь пока еще анахронизмъ, и оттого-то наконецъ Благовѣщенскъ—городъ только еще въ будущемъ, и никакъ не въ настоящемъ. Правда однако то, что дѣлается въ немъ много, но сдѣлано мало; пустыри стараются застроить, облюдить; между казармами заложенъ огромный домъ для губернатора и небольшой частной; сзади казармъ видится нѣсколько срубовъ, маленькая церковь, сдѣланная недавно и наскоро изъ часовни; на двухъ противоположныхъ краяхъ казарменной линіи, въ двухверстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, расположены два замкнутыхъ заборами, отдѣльныхъ квартала: одинъ принадлежитъ Амурской компаніи, другой—артиллерійской баттареѣ. Оба они представляютъ видъ нѣкоторой законченности и постройки не на-живую, а на прочную и крѣпкую нитку. Отъ Амурскаго квартала вышли впередъ, на самой берегъ, два сарая-пакгауза, около которыхъ предположено разселить торгующее купечество съ ихъ домами и лавками по направленію, внизъ рѣки, къ устью Зеи. Между пакгаузами выстроится домъ, долженствующій служить украшеніемъ города; передъ ними соорудится пристань для частныхъ и компанейскихъ пароходовъ. Въ свою очередь, на противоположномъ краю города, противъ такъ называемаго артиллерійскаго квартала, на берегъ Амура вышли два сарая, но уже на этотъ разъ казенные, для хлѣбныхъ и другихъ складовъ; позади предполагается строить новый кварталъ съ госпитальными зданіями. Тутъ же, въ этомъ краю Благовѣщенска, уцѣлѣли два-три обмазанныхъ глиной барака, въ которыхъ жили первые прибывшие сюда поселенцы. Вблизи этихъ первоначальныхъ городскихъ строеній, на самомъ берегу рѣки, крутомъ и обрывистомъ, прилѣпились землянки—эти стрижовыя норы, людскія гнѣзда—составляющія большинство городскихъ зданій. Такой же рядъ землянокъ, плотно прилаженныхъ одна къ другой, выстроился и на дальномъ противоположномъ концѣ города, противъ компанейскаго квартала, въ количествѣ свыше десятка.

Таковъ общій планъ новаго амурскаго города. Прибавлять къ описанію его остается немного. Часть казармъ зянята гражданскими и военными чиновниками по количеству далеко еще незаполненнаго штата по положенію объ новомъ сибирскомъ областномъ городѣ Амурской области. Въ четырехъ казармахъ размѣщенъ линейной баталіонъ, на обязанности котораго давно уже легла и лежитъ до сихъ поръ вся постройка городскихъ строеній: вольныхъ плотниковъ въ Благовѣщенскѣ нѣтъ, да и взять ихъ негдѣ. Вольные поселенцы изъ охотниковъ и выслужившихъ казенной срокъ ссыльныхъ, всѣ размѣстились по берегу въ землянкахъ. Нѣсколько (меньше десятка) частныхъ домовъ застроились позади казармъ по сторонамъ церкви и церковной площади.

Наружный характеръ города не представляетъ также многихъ особенностей. Преобладающее населеніе—военное; рѣдко попадается борода и проходитъ какой-нибудь мастеровой, мужикъ изъ поселенцовъ; еще рѣже—чиновникъ. Солдаты на площади пилятъ бревна; солдаты на домахъ и въ домахъ рубятъ тѣже бревна. Со всѣхъ сторонъ слышится звонъ и стукъ топора, визгъ пилы, во многихъ мѣстахъ затянули «дубинушку»—тащатъ бревно изъ рѣчныхъ плотовъ на берегъ, тащатъ его на вновь-строящееся зданіе—солдаты вездѣ, солдаты кругомъ, куда ни обернешься. Если прибавить ко всему этому: рядъ казармъ, высокія окна которыхъ съ рамами, какъ будто снятыми на время съ парниковъ,—уныло глядятъ на берегъ, и десятокъ чугунныхъ пушекъ на той же площади, которыя тоже зачѣмъ-то глядятъ на рѣку—то картина города едва ли не будетъ полная и законченная, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она казалась мнѣ въ теченіи трехъ дней мая мѣсяца. Вся эта картина нова и пожалуй недурна; все это пожалуй и похоже на начатокъ города; все это живитъ и пожалуй радуетъ, особенно послѣ утомительнаго однообразія верховыхъ станицъ.

Берега Амура ниже Благовѣщенска становятся разнообразнѣе и оживленнѣе. Мѣстность все еще упорно продолжаетъ сохранять свой низменный, безлѣсный, степной характеръ, особенно по правому русскому берегу. Этотъ берегъ замѣтно песчанѣе, именно съ того мѣста, гдѣ рѣка Зея вливаетъ свое широкое русло, вдвое бо̀льшее русла Амура. Растительность все еще ничтожна и едва примѣтна: это ни иное что, какъ чахлые и невысокіе кустарники Таковъ по преимуществу лѣвой берегъ. Правой берегъ замѣчательно оживленъ, особенно по мѣрѣ приближенія къ манчжурскому городу Айгуну, на 35 верстномъ разстояніи между нимъ и Благовѣщенскомъ. Еще противъ этого послѣдняго города разбросалась манчжурская деревушка Сахалянъ-Ула, и за тѣмъ весь правой берегъ вплотную почти усыпанъ деревнями (на лѣвомъ берегу деревни эти попадаются замѣтно рѣже). Видъ на нихъ относительно очень обыкновенный, но послѣ верховаго безлюдья онъ производитъ живительное, успокоивающее впечатлѣніе. Къ этому надо прибавить еще то важное обстоятельство, что всѣ эти манчжурскія деревни тонутъ въ рощахъ, на этотъ разъ покрытыхъ уже густой свѣжей зеленью. На сколько голъ и безъ деревьевъ новой русской городъ, на столько богаты зеленью деревни манчжуръ. Этому обстоятельству они обязаны — какъ говорятъ — тому религіозному чувству, которое повелѣваетъ имъ осѣнять тѣнью деревьевъ высокочтимыя ими могилы отцовъ и дѣдовъ. Деревья кладбищенскія становятся съ того времени неприкосновенною святыней: кто ихъ срубитъ, тотъ лишается головы. Наши, напротивъ, стараются все срубать: и голая равнина вслѣдствіе того тянется печально отъ Благовѣщенска и до дальныхъ станицъ. За то почти сплошная зелень подошла и къ самому городу Айгуну. Тѣже деревни и тѣже рощи тянутся еще и за Айгуномъ по правому берегу на пространствѣ больше, чѣмъ ста верстъ. Станицы казачьи по прежнему размѣщены въ 30 и 40 верстномъ разстояніи одна отъ другой, но во всякомъ случаѣ выстроились и поселились подъ благопріятными условіями. Амуръ обложился пространными площадями-равнинами: горы изрѣдка выходятъ на рѣку, но малыми отрогами и по преимуществу на правомъ берегу. Отсутствіе лѣса крайне замѣтно на всѣхъ этихъ пространствахъ: острова, правда, выкрыты всѣ до единаго кое-какою зеленью и кустарниками, а дальныя горы отдаютъ чернѣтью еще невырубленныхъ лѣсовъ—все таки станицы строились изъ приплавленнаго сверху лѣсу, иногда шилкинскаго, нерѣдко ононскаго. Таковы условія, соблюденныя при постройкѣ станицы Низменной, гдѣ береговые кустарники заслоняютъ строенія отъ рѣки, и въ ст. Константиновской, удаленной отъ рѣки на 1½ версты, по той причинѣ, что берегъ ея песчаный, низменный и подмывается водой (нынѣшной весной отвалила вода огромный кусокъ, сажени на четыре въ ширину). Къ счастію, Амуръ тутъ очень глубокъ, и мѣсто это не скоро можетъ засориться; болотистая у берега равнина эта идетъ къ станицѣ суходольемъ. Мѣстныя обстоятельства станицѣ благопріятствуютъ. Вотъ что по этому поводу разсказывалъ мнѣ старшой.

— Противу нашей станицы есть островъ —*винограднымъ* мы его прозвали.

— За что же такъ?

— Виноградъ на немъ растетъ.

— Да негодной—поди, кислой?

— Кислой-прекислой, а ѣсть можно: успѣваетъ же дозрѣвать. Такъ вотъ за этимъ островомъ *Старой* Амуръ прошелъ—преширокая такая протока! Она мелкая, во многихъ мѣстахъ промерзаетъ до дна: рыба-та вся и идетъ къ намъ, въ нашу протоку. Вылавливаемъ ее столь много, что успѣвали въ прошломъ году продавать въ чужіе люди, на сторону

— Хорошо ли вы живете: не хвораете ли?

— Хворостью Богъ миловалъ, а жили по первоначалу со всячиной. Безъ манчжуровъ было бы плохо.

— Дружно вы живете съ ними, не бранитесь, не деретесь?

— За чѣмъ драться? Мы отъ нихъ сами ничего худаго не видимъ: другъ-дружкѣ помогаемъ то же, потому что все за едино. Они намъ хлѣба, а мы имъ что намъ самимъ ненадо — отдаемъ. Очень они наши овчины полюбили: пять кулей крупы давали въ прошломъ году за плохонькой, крѣпко-поношеной полушубокъ. Лопотнóе (носильное) всякое тоже берутъ, и оно у нихъ въ большой силѣ. Съ ними ладить можно, какъ они еще не свычны, не понятливы на наше добро....

— Не привѣсились.

— Точно такъ! — Настоящее это слово. Сами мы промышляемъ лисицъ, да докудова еще очень мало.

Эта Константиновская станица одна изъ большихъ по всему Амуру: тутъ — говорятъ — поселена цѣлая казачья сотня. Слѣдующія станицы: Сычевская, Пояркова и Купріянова прожили тоже подъ благодѣтельнымъ пособіемъ манчжуръ, которые весьма охотно (не смотря на запрещеніе начальства) продавали казакамъ муку и буду̀ (крупу). Казаки успѣли уже поосвоиться, пообсѣяться. Лѣса за ст. Поярковой становятся замѣтно гуще и чаще, и на лѣвомъ берегу, по мѣрѣ удаленія отъ манчжурскихъ деревень, преобладающіе въ немъ сорты деревьевъ — черная береза, на этотъ разъ одѣтая густой-прегустой зеленью. Въ станицѣ Купріяновой разсказывали про слѣдующее весьма замѣчательное событіе. Вблизи ея существовали долгое время двѣ деревни орочо̀нъ. Деревни эти сожжены въ прошломъ году по приказанію манчжурскаго нойона (чиновника), пріѣзжавшаго изъ самаго города Цицикара. Причину этого приказанія казаки объясняютъ слѣдующимъ образомъ: орочо̀ны эти платили манчжурамъ ясакъ соболями; по прибытіи русскихъ — лучшихъ соболей они стали продавать новымъ пришельцамъ; худшіе соболи поступали въ ясакъ. Это было замѣчено въ Цицикарѣ. Замѣчено было также и то, что орочоны стали сближаться съ русскими и показываютъ имъ больше расположенія, чѣмъ своимъ прежнимъ владѣтелямъ. Для изслѣдованія подробностей на мѣстѣ, присланъ былъ полномочный чиновникъ, который, найдя, что орочоны близки уже къ тому, чтобы перейти на русскую сторону, рѣшилъ деревни орочонскія сжечь до тла въ чаяніи, что народъ этотъ, оставшись безъ жилищъ, пойдетъ внутрь страны. Но чиновникъ въ разсчетахъ ошибся. Орочоны жмутся къ старому пепелищу, и до сихъ поръ отъ него не отходятъ:

— Если насъ и за сто верстъ отведутъ отсюда — говорятъ они нашимъ казакамъ—мы опять придемъ къ вамъ. Жаль, что нойонъ не попался намъ глазъ-на-глазъ — мы бы его непремѣнно убили.

— Сидятъ вотъ теперь на пожарищахъ-то своихъ да горько воютъ: жалость даже беретъ! — разсказывали мнѣ казаки купріяновскіе.

— Что же вы: торговали съ ними, покупали у нихъ что-нибудь?

— Рыбу покупали; звѣрей покупали. Больше-то вѣдь у нихъ ничего не купишь: земли вѣдь они не пашутъ.

— А бродячую жизнь-то ведутъ?

— Нѣтъ: въ домахъ живутъ. Да знать уже такіе несвычные. А плутъ же народъ: туги очень, а мы ихъ ласкали, приманивали. Очень ужъ они насъ за то и полюбили.

Казаки здѣшные какъ будто развязнѣе, смѣлѣе, разговорчивѣе нѣтъ натянутости въ движеніяхъ, опасливости въ разговорахъ и отвѣтахъ; одѣты довольно чисто и опрятно: оборванцовъ почти не видать вовсе. Въ добрый часъ! Станицы—вѣроятно по причинѣ ближайшаго сосѣдства съ манчжурами — сгруппированы чаще и населены гуще. На дальнѣйшихъ 56 верстахъ, залегшихъ между старыми станицами, Купріяновой и Скобельцына, начали строить новую—Никольскую (готовы только три двора). Мѣсто для нея выбрано довольно удачно: вся она тонетъ въ густой зелени черной березы. Подлѣ выбѣжала рѣченка, вся затянутая въ густую зелень листвы. Дома отстроены: землянокъ не видать уже

Прибрежья песчаны, но не обрывисты, а потому и станичныя избы подошли почти къ самому Амуру. Горъ на берегу нѣтъ и въ поминѣ: словно всѣхъ ихъ вытянуло въ дальную тундру сѣверной Сибири и тамъ распластало и разбило на мелкіе холмы и болотныя кочки. Правый берегъ продолжаетъ по прежнему быть густо-зеленымъ: горы не высоки, но за то чрезвычайно-отлоги; кое-гдѣ видятся отдѣльные холмы; одинъ изъ таковыхъ плотно усаженъ дубками и черной березой, а по *подушкамъ* (маленькимъ пригоркамъ) разсыпалась ель. По всѣмъ этимъ мѣстамъ и по низменностямъ наши казаки во многихъ мѣстахъ видали ямы; были-ли то жилья или укрѣпленія, за которыми прятались — распознать теперь трудно. На рѣкѣ стояла юрта орочонъ, но ее также сожгли манчжуры.

Равнина лѣваго берега выпустила изъ себя рѣку Бурею — одинъ изъ главныхъ и большихъ притоковъ Амура; устье ея замѣчательно широко и едва ли меньше устья благовѣщенской Зеи. Про Бурею разсказываютъ казаки, что она — рѣка лѣсная, что на нее ходятъ орочоны на промысла (*звѣруютъ* тамъ), но что остаются ли тамъ на житье — неизвѣстно. Вообще казаки наши, за краткимъ временемъ пребыванія своего на новыхъ мѣстахъ и за крайнимъ недосугомъ, осмотрѣться кругомъ себя еще далеко не успѣли; но знаютъ навѣрное, что отъ Айгуна и манчжурскихъ деревень прямикомъ на Бурею давно уже проложена большая, трактовая дорога. Знаютъ также, что по пространнымъ равнинамъ лѣваго берега разбросано множество рыбныхъ озеръ, и что по рѣкѣ Буреѣ живетъ особое орочонское племя, называющее себя бирарами. Нѣкоторые представители этого племени выходятъ иногда на амурскія прибрежья съ хорошими соболями для промѣна ихъ на буду и одежду.

Между тѣмъ лодка моя подвигалась все дальше, и Амуръ дарилъ насъ такимъ вечеромъ, роскошно-теплымъ, весеннимъ, о которомъ мнѣ давно уже не мечталось. Особенно хорошъ былъ тогда Амуръ при лучахъ заходящаго солнца. И вотъ что на этотъ разъ привелось мнѣ записать въ дневникѣ:

«Неистовый визгъ, пискъ, сливающійся во что-то необычайно-шипящее, несется къ намъ съ сосѣдняго острова направо. На острову болото; въ болотѣ миріады лягушекъ, у которыхъ по словамъ рулеваго теперь въ родѣ какъ бы *гоньбища.* Вотъ уже оплываемъ вторую версту, а шумъ этотъ все еще необычаенъ. Какъ будто пилятъ во множество пилъ, какъ будто громадный самоваръ шипитъ и хлещетъ по краямъ.... На Амурѣ необыкновенно тихо и торжественно. Острова продолжаютъ выплывать впереди и назади: и всѣ зеленые, и всѣ такіе красивые, даже и въ сумерки. Но скоро выплыветъ луна и острова будутъ еще лучше.

— Отчего (слышу спрашиваетъ мой спутникъ А. Ѳ. Б. казака рулеваго), отчего—какъ я замѣтилъ—многіе изъ казаковъ неохотно идутъ въ греблю?

— А оттого, что тутъ есть обида. Въ греблю идетъ и тотъ, у котораго лошадь есть: онъ за эту лошадь и получаетъ, а идетъ и такой, пѣшой....

— Какой пѣшой?

— А такой, у котораго лошади нѣтъ: пала. Это очень обидно, потому что онъ вѣдь не за себя, а за лошадь въ греблѣ получаетъ; а я ему по человѣчеству и землю вспаши, да и ступай съ нимъ и одинаковое получай. Вотъ отчего идутъ неохотно!

— Намъ хотѣлось, чтобы начальство гоньбу на подрядъ отдало: и охотники находились. Начальство не согласилось однако— сказалъ казакъ и—操 совралъ.

Вспоминается мнѣ при этомъ совершенно противурѣчащій разсказъ одного изъ начальствующихъ лицъ Амурской области. Лицо это въ одной изъ станицъ хотѣло припугнуть казаковъ, ради желанія узнать ихъ мнѣніе.

— Слышалъ я—говорило это лицо—слышалъ я, что вамъ тяжело, братцы, казенныя подводы гонять!

— Очень тяжело.

— Такъ я думаю на казенный счетъ принять это.

— Нѣтъ уже помилосердуйте: дайте намъ—мы какъ нибудь сами ладить станемъ. Не очень же шибко тяжело. Мы *однако* справимся!...

«Гребцы начинаютъ учащать удары веслами: подошла Бурея и валитъ сильную воду. Вышелъ я изъ каюты: влѣвѣ засверкало широкое русло этой рѣки, быстрой и крутой теченіемъ. На двухъ противуположныхъ мысахъ ея зачернѣла густая зелень. На заднемъ и дальнемъ мысу горитъ великолѣпный палъ сильнымъ пожаромъ, пущенный можетъ быть и нашими казаками, а можетъ быть и орочонами, у которыхъ существуетъ тоже обыкновеніе, вѣроятно, заимствованное у русскихъ. За переднимъ мысомъ раскинулась станица. Бурея—славная рѣка.

— Сюземная рѣка!—прихвалилъ ее рулевой казакъ.

— Что же это значитъ?

— А на счетъ промысловъ и звѣровья очень всѣ одобряютъ.

— Лѣсныя мѣста-то пошли по Буреѣ, крѣпко лѣсныя, оттого и есть гдѣ палу разгуляться, оттого онъ и яркой такой!—толковалъ мнѣ рулевой.

«Но вотъ и станица Скобельцына (286 верстъ отъ Благовѣщенска). Пошелъ я въ нее—и не нашелъ. Блуждалъ по пнямъ и кочкамъ, по гладко-укатанному побережному песку, между кустами черной березы; блуждалъ по кочковатому полю; слышалъ опять визгливый хоръ лягушекъ, хотя и не такой сильный и громкій; блуждалъ я версты съ полторы, но въ станицу-таки не попалъ. Ни свѣту, ни собачьяго лаю и—ничего путеводящаго. Пришелъ старшой и сказываетъ, что поселены здѣсь казаки съ Онона, съ Шилки, но большая часть съ китайской границы. Домовъ въ станицѣ 14; семей 24. Всѣ здоровы. Живутъ порядочно. Успѣли посѣять. Станица удалена отъ берега версты на двѣ!...

«Просыпаюсь по утру и вижу: Амуръ продолжаетъ обставляться по прежнему берегами низменными, разбивается на протоки и на острова, которыхъ на этихъ мѣстахъ и особенно много, и они особенно велики. Зелень мечется въ глаза преимущественно на правомъ берегу (тамъ видны и горы, ушедшія далеко отъ воды). Лѣвый берегъ песчанистъ, обсыпчивъ и совершенно голый, безъ деревьевъ. О горахъ на этомъ берегу нѣтъ и помину. Вода Амура желта и необыкновенно мутна: прибываетъ ли рѣка—какъ увѣряютъ казаки, или перемутилъ воду цѣлую ночь шедшій дождикъ? Теперь ни дождя, ни вѣтра; солнце свѣтитъ во всю силу и день предстоитъ великолѣпный. Весна во всемъ своемъ блескѣ: миріады какихъ-то насѣкомыхъ—родъ бабочекъ съ длиннымъ туловищемъ и крыльями, летаютъ надъ водой, плывутъ по водѣ, лезутъ въ лицо, и садятся всюду. Жужжалъ комаръ—тоскливый и докучливый гость на Амурѣ, но комарамъ еще—какъ увѣряютъ казаки—не время (20 мая). Появились мухи, одна сейчасъ влетала въ каюту—огромная, черная, шумливая.

«На лѣвомъ берегу начали, наконецъ, появляться еще голыя деревья-розги густыми кустами, но печальнаго красноватаго цвѣта и безъ всякой зелени. Низменность предсказывала прежде близость станицы, но теперь это уже не примѣта: низменности обложились кругомъ, но низменности эти—послѣднія. Сегодня же для насъ начинается Хинганъ, картинный—говорятъ—интересный. Но вотъ пока станица *Халтанская* или *Косаткина*.»

Халтанъ—эта станица оттого, что такъ названо было это мѣсто первыми обитателями, орочонами. До сихъ еще поръ сохранилась покинутая орочономъ юрта въ неприкосновенной цѣлости; и тутъ же подлѣ нея мельница съ жерновами. Хозяинъ оставилъ старое пепелище по приказанію манчжуръ и, конечно, неохотно; но сила власти взяла верхъ надъ силою привычки къ насиженному и отогрѣтому мѣстечку. По словамъ казаковъ, всѣ сосѣдніе имъ орочоны отведены къ Айгуну и размѣщены по тому тракту, который ведетъ отъ этого города къ главному городу области, Цицикару, въ числѣ—какъ увѣряютъ—двѣнадцати тысячъ. Причину этому полагаютъ въ томъ, что—какъ говорятъ—между манчжурами прошелъ вѣрный слухъ, что русскіе намѣрены въ непродолжительномъ времени идти внутръ Китайской имперіи, и по ближайшему пути: именно къ городу Цицикару. И вотъ по этому случаю приготовляется имъ на этомъ пути препятствіе и сильная отпора. Но эти же вооруженные орочоны успѣли уже привыкнуть и полюбить русскихъ.

— И будь у насъ—говорили казаки—будь лишняя мука, крупа, одежда—орочоны эти и не задумались бы: всѣ бы перешли на нашу сторону. Манчжурами они крѣпко недовольны; нойоны ихъ грабятъ. «Не успѣваемъ-де соболей бить, а не знаемъ, какъ и выплатить: все, что ни выловимъ, все идетъ въ ясакъ и все еще мы же—говорятъ намъ нойоны—въ большомъ долгу у нихъ. Араки̂ (водку) и буду̂ (пшено) цѣнятъ ужасно дорого, а нашихъ соболей почти ни во что не ставятъ. Русскіе пришли—мы ими довольны: у насъ соболи стали подороже: видно новые люди толкъ въ нихъ знаютъ».

Дома свои инородцы передъ уходомъ сожгли и здѣсь, будто бы по приказу манчжурскаго нойона, который — по слухамъ— и сюда наѣзжалъ также. Орочонъ по близости станицы не видать теперь вовсе.

Мѣсто для станицы этой, равно какъ и предыдущей, Иннокентьевской, и для заселенія въ полномъ смыслѣ слова великолѣпное и удобное. Равнина здѣсь и тамъ суха и неоглядна. Горы—отроги Хинганскаго хребта—чуть-чуть синѣютъ вдали. Съ обѣихъ сторонъ ст. Халтанской выбѣжали рѣчки, въ которыхъ въ прежніе годы ловили много рыбы (такъ какъ-де рыба была очень дикая, глупая); теперь, однако, попадаетъ замѣтно меньше («стала опасаться снастей нашихъ: вѣдь она тоже разсужденіе себѣ имѣетъ»). Я ходилъ по тропинкамъ, проложеннымъ сзади станицы: суходолье выстилалось мелкимъ приземистымъ кустарникомъ, тѣми кустиками, которые въ сообществѣ съ полынью любятъ затягивать жилыя мѣста, и одни безъ полыни все тѣ суходолья, которыя разъ когда-то были уже пропаханы. Доказательство послѣднему — домъ старика орочона, оставленный имъ только въ прошломъ году. Станица отнесена нѣсколько на пригорокъ: въ 20 лѣтъ одинъ разъ (по свидѣтельству старика-орочона) Амуръ успѣлъ залить весенней водой все это мѣсто. Замѣчательно, что при началѣ заселенія позади станицы была болотистая луговина: стали выжигать траву и валить кустарникъ—высохла. Я шелъ по ней свободно, а безъ указанія и подозрѣвать бы не могъ, что бы тутъ такъ недавно могло быть сырое болото. Всѣ остальныя мѣста кругомъ—сухія.

Земля трудна, жестка была для первоначальныхъ работъ, но теперь обѣщаетъ хорошій урожай. Если казакъ не полѣнится, разъ пропахавши землю, пройтись по ней плугомъ въ другой разъ, чтобы разбить траву и корни и такимъ образомъ дать имъ время загнить и превратиться въ наземъ — урожай вѣрный. Безъ этого передваиванья трава вздохнетъ и будетъ потомъ глушить хлѣбъ. Жечь траву на выгонахъ казаки также полагаютъ необходимымъ: прошлогодняя трава глушитъ свѣжую и въ тоже время сама по себѣ совершенно безполезная вѣтошь. Даже самый воздухъ хуже: «воздухъ на свѣжей травѣ здоровѣе»—замѣчаютъ даже сами казаки. Земля подъ станицой — по разсказамъ—благодарна до такой степени, что если, напримѣръ, ростокъ или траву поднявшагося картофеля нѣсколько подрѣзать у самаго корня и потомъ пересадить въ новую ямку, въ новое мѣсто—картофель получается необыкновенно крупный (толщиной въ здоровый кулакъ). Надрѣзанный стебель, при этомъ процессѣ, обыкновенно поднимается снова, но потомъ отваливается. По видимому и сами казаки своей новой землей довольны и—не нахвалятся. «Одно только тяготитъ—говорили они—что сперва очень трудно было—маялись: жестка земля была и дѣло несвычное. Приглядимся—пойдетъ на ладъ: все отъ времени».

Стороннія обстоятельства также благопріятствуютъ станицѣ. Двѣ рѣки: Гануканъ, выбѣжавшая изъ озера, даетъ часто осетровъ и калугъ; а Хара (впадающая въ Амуръ въ 30 верстахъ выше Иннокентьевской и на двадцать верстъ подходящая къ Касаткиной) идетъ хребтами, въ которыхъ много соболей (*).

(*) Рѣка Хара, вмѣстѣ съ Буреей, вышла изъ одного хребта — Становаго. Теченіе ихъ отдѣлено другъ отъ друга невысокимъ, отдѣльнымъ хребтомъ, на разстояніи—какъ говорятъ—не больше 20 верстъ.

Мѣста по Харѣ весьма удобны для заселенія: нѣкоторые изъ халтанскихъ казаковъ успѣли уже упромыслить на ней нѣсколько соболей. Вотъ что разсказывалъ мнѣ по этому поводу одинъ изъ казаковъ:

— Соболь въ хребтахъ живетъ, въ норахъ. Онъ вѣдь тоже самъ промышленникъ: питается кровью, ѣстъ полевыхъ мышей и другихъ маленькихъ звѣрковъ, которыхъ можетъ одолѣть своей силой. За ними ходимъ съ собакой. Собаки ужъ ихъ и должны отыскивать, а звѣрь соболь—злюга. Да па бѣду наши собаки плохія; и ведутся онѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ какъ-то туго, таскаютъ щенятъ—да все какихъ-то неладныхъ, мохнатыхъ, глупыхъ. Къ этому вотъ мы еще не успѣли приснаровиться. Опять же въ здѣшнихъ мѣстахъ лисицъ много: брали на отраву. Про медвѣдей не слыхать. Въ прошломъ году тигра убили.

И вотъ что разсказывалъ мнѣ и по этому послѣднему поводу одинъ изъ зауряд-офицеровъ казачьихъ:

— Залегъ тигръ на острову, въ чащѣ, а чаща густая была: только теперь и начали мы ее выжигать. трава на острову превысокая.

Вижу я и островокъ этотъ, какъ разъ подлѣ крайной избы селенія, отъ которой отдѣляется узенькимъ ручейкомъ. Густота растительности на немъ дѣйствительно замѣчательная. Зауряд продолжалъ:

— Поселился онъ въ этой чащѣ—сталъ собакъ заманивать. Думаемъ, скоро пожалуй и до скотины доберется. Я собралъ десять человѣкъ казаковъ съ винтовками: собакъ не взяли. Думаемъ такъ: бросится онъ на собаку, собака испугается, побѣжитъ къ человѣку: тигръ человѣка испортитъ. Стали мы въ чащу стрѣлять: звѣрь на видъ къ намъ вышелъ. Одинъ прицѣлился—попалъ надо быть, потому что тигръ присѣлъ, спрятался, а трава густая, выше аршина—не видать его. «Гдѣ-молъ онъ?»—А вонъ—говорятъ—въ этой травѣ. Я ударилъ въ нее. Одни, сказывали, въ лобъ-де попалъ. Д я не повѣрилъ: велѣлъ другимъ стрѣлять: одинъ взадъ угодилъ; другой переднія ноги перешибъ. Онъ уже и не пошелъ—убили его. Много же этихъ тигровъ тутъ шатается, бродяжничаютъ. Приходятъ они сюда изъ Хингана, а куда ладятъ—неизвѣстно.

— Да вѣдь они тутъ въ Хинганѣ и родятся, стало быть никуда дальше его и не ходятъ.

— Щенятъ ихныхъ дѣйствительно видали, а того не знаемъ: тутъ ли они родятся, или изъ Китая откуда приходятъ.

— Змѣи, крысы есть тоже и у васъ въ станицѣ?

— Змѣй стало меньше: вреда, однако, не дѣлали; много змѣй въ Пасѣковой. Мы штукъ шесть за все-то это время убили ли полно?! А крысъ много—и есть преужасныя. Эти, какъ орочоны же, когда мы пришли: были бродячія; ходили съ мѣста на мѣсто. Я еще и смѣялся въ ту пору своимъ казакамъ: какъ молъ люди-то, такъ молъ и крысы-то: бродяжничаютъ. Вѣроятно оттого, что за людьми и они ходили, потому что отъ людей имъ пожива вѣрнѣе.

— Теперь есть, стало быть, надежда, что онѣ скоро сдѣлаются, а можетъ быть ужъ и сдѣлались осѣдлыми, потому что новые люди не бродятъ съ мѣста на мѣсто.

На задворьяхъ станицы валяется множество костей и лошадиныхъ череповъ: много лошадей пало въ прошлую зиму отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, что и въ верховьяхъ Амура. Вправо отъ станицы по задворьямъ пошла поскотина; дальше къ лѣсу—поля. И вотъ что разсказывали казаки о поляхъ этихъ:

— Сѣмена къ намъ пришли въ прошломъ году всѣ перемѣшаны, перепутаны: сѣемъ ярицу—родится рожь; сѣемъ рожь—смотримъ: всходитъ и рожь и ярица. Надо быть тамъ въ Забайкальи, а можетъ быть и во время сплава по Амуру плохо смотрѣли за этимъ.

Дома станицы Косаткиной, какъ и Иннокентьевской, разставлены довольно далеко одинъ отъ другаго. Между ними отставлены значительные промежутки, столь пригодные и полезные на случай пожара. Это произвело то, что переселенцы не могли сѣсть всѣ вплотную на одномъ мѣстѣ (ниже мѣсто низменнѣе), а потому и принуждены были, отойдя отъ большой станцы на версту и выше, начать строить новую отдѣльную слободу (въ ней теперь уже 7—8 домовъ). Тотъ же самый фактъ повторился и въ предъидущей Иннокентьевской станицѣ, гдѣ на серединѣ, между обѣими слободами, начали строить церковь и соорудили два сарая для казенныхъ складовъ. Дома, какъ въ Косаткиной, такъ и въ Иннокентьевской станицахъ—мазанки, за недостаткомъ и неимѣніемъ по близости лѣсу. Дубы здѣшніе какіе-то дряблые, дуплистые, съ толстой корой, но съ мертвой, гнилой древесиной: удобное жилище для крысъ и барсуковъ, но для домовыхъ подѣлокъ неспособное. Впрочемъ, лѣсъ вначалѣ на этомъ мѣстѣ было очень частъ и требовалъ многихъ хлопотъ. Пни во многихъ мѣстахъ цѣлы до сихъ еще поръ. Мазанки эти не иное что, какъ два ряда плетней, утвержденныхъ на четырехъ устояхъ, подставахъ. Плотно шитые и закрѣпленные на углахъ, плетни эти, въ промежуткахъ, наполнены сухой землей; внутри и снаружи обмазаны глиной. Сверху на плетни эти положены два бревна и на нихъ утвержденъ потолокъ. Крыши, пока соломенныя, но думаютъ сдѣлать дощатыя. Избы внутри небольшія, но уютныя и довольно-опрятныя; полы земляные, но думаютъ сдѣлать также дощатые; печи изъ сыромятныхъ кирпичей и не слишкомъ большія. Зимой въ этихъ землянкахъ было и холодно и сыро. Въ Иннокентьевской станицѣ казаки полѣнились связать кольцами угловые устои, а если и связали, то очень небольшимъ числомъ. Вышло изъ этого то, что тяжесть потолка и бревенъ сверху и земли внутри, раздвинула устои, выперла стѣны и—обездолила казаковъ. Замѣтно, что какъ въ Халтанской, такъ и въ предъидущей станицѣ казаки спѣшатъ къ зимѣ запастись бревнами, сплавляя ихъ съ Буреи и приготовляясь заводить знакомыя, привычныя, бревенчатыя избы. Во многихъ станицахъ (напр. въ Пасѣковой) мазанки эти строили батальонные солдаты (въ 1857 г.), и строили не для себя—стало быть кое-какъ, не закрѣпляя плетни къ устоямъ-кольямъ.

— Мажемъ, мажемъ (говорила мнѣ одна казачька) мажемъ и внутри и снаружи, а не можемъ никакъ сладитъ: все претъ.

Съ двухъ сторонъ этихъ мазанокъ большія окна; было одно окно и съ третьей стороны, да начальство-де распорядилось заколотить это третье окно доской и замазать.

— Что же, лучше-ли, теплѣе-отъ этаго стало?

— Какое теплѣе! свѣту-то только кажись меньше стало, а ничего не лучше.

День выпалъ на нашу долю свѣтлой, теплой, настоящій весеній. Недавніе дожди успѣли развернуть всяческую зелень и она теперь вся дышетъ тѣмъ здоровымъ ароматомъ, отъ котораго широко въ груди, легко и пріятно дышется. Все встрѣпенулось и зажило цѣлостной, завидной, торжественно—веселой жизнью: птицы щебечутъ во всѣхъ кустахъ, въ каждой травяной густотѣ. Капризно перебираетъ, пробуетъ различные трели и мотивы здѣшная маленькая желтая птичка, которую казаки назвали соловьемъ; скворецъ — и тотъ ведетъ разнообразный пріятный говоръ (воробьевъ нѣтъ; вороны не смѣютъ и носу показать). Тамъ далеко, въ низовьяхъ Амура, гніютъ еще по берегамъ выкинутыя весенней водой льдины; здѣсь же въ срединномъ теченіи Амура повсюду уже воцарилась веселая, цвѣтущая, торжественная весна. Легче она чуется; труднѣе впечатлѣнія ея передаются. Весенній день этотъ надолго долженъ остаться въ памяти; какъ будто онъ нарочно прибрался и пріукрасился для того, чтобы картину входа Амура въ Хинганской хребетъ, такъ сильно восхваленную, сдѣлать на этотъ разъ еще красивѣе и торжественнѣе.

И вотъ на правый берегъ рѣки вышелъ одинъ изъ отроговъ Хинганскаго хребта. Весь вплотную и густо затянутый зеленью, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (и преимущественно около вершинъ) проглядываетъ прогалинами, сѣропепельнаго цвѣта голышами. Видъ на хребетъ этотъ съ лодки и съ рѣки не лишонъ оригинальности, но пока не имѣетъ еще ничего поразительнаго. Густая зелень его выкупаетъ многое, а высота и неправильность очертаній разнообразитъ мѣстность, которая вотъ уже около пятисотъ верстъ идетъ почти сплошной низменностью, степью, которой могли бы позавидовать и астраханскія и тѣже забайкальскія братскія степи. Правда, что лѣвый берегъ все еще низменной и кажется рѣшительнымъ пигмеемъ передъ высотами Хингана на противоположномъ правомъ берегу. Къ лѣвому берегу подтянулись острова, которые замѣтно узятъ рѣку, до сихъ поръ разливавшуюся на замѣчательно-большое пространство. И вотъ разбиваясь на отдѣльные хребты и на мелкіе, песчанистые отроги, Хинганъ главнымъ хребтомъ своимъ вышелъ прямо на берегъ и оступился въ воду крутой скалой, выкрытой однакожъ бойкой зеленью. Наискось отъ этой скалы, по суходолью низменности лѣваго берега, разсыпалась станица Пасѣкова, имѣющая также въ свою очередь въ общей картинѣ *входа Амура въ Хинганъ* не послѣднее и не худое мѣсто. Станица эта въ добавокъ еще одна изъ людныхъ на Амурѣ и растянулась почти на цѣлую версту. Къ ней примкнулъ и отъ нея потянулся другой отрогъ, другія не менѣе высокія горы того же Хинганскаго хребта. Рѣка въ этомъ мѣстѣ изгибается нѣсколько къ сѣверу и затѣмъ уже круто поворачиваетъ на югъ, уступая силѣ вліянія скалистыхъ хребтовъ и прибрежья. За станицей Пасѣковой Амуръ уже вступаетъ въ настоящій коренной Хинганъ: русло рѣки становится замѣчательно уже; теченіе несравнено быстрѣе и глубина поразительная (*). Рѣку обступаютъ горы и прикрутости, носящія на казачьемъ языкѣ названіе *щекъ*. Щеки эти на правомъ берегу замѣтно круче и выше, чѣмъ на лѣвомъ; лѣвый берегъ изрѣдка дѣлаетъ даже уступки: пуская впередъ себя отлогости, онъ вдругъ оступается горами своими въ низменность, которая тянется иногда верстъ на пять въ длину. Горы въ такомъ случаѣ

(*) Говорятъ теченіе Амура по фарватеру имѣетъ въ Хинганѣ пять узловъ. Глубина его почти вездѣ одинакова, ровна отъ однаго берега до другаго. При входѣ и при выходѣ рѣки въ Хинганѣ залегли въ двухъ мѣстахъ, весьма впрочемъ незначительныя, мели, которыя лежатъ ближе къ лѣвому, русскому, берегу.

и по обыкновенію начинаютъ отходить дальше отъ рѣки, дугой, чтобы потомъ опять выйти на рѣку и круто оступиться въ воду. Правый берегъ во все время продолжаетъ выдерживать свой характеръ — идетъ крутыми высями, между которыми залегаютъ иногда мрачныя и глубокія пади.

Передъ станицой Раддевской Амуръ становится замѣчательно узокъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ мнѣ сильно напоминаетъ Шилку: тѣже густые лѣса, тѣже темныя пади. Амуръ только можетъ быть нѣсколько шире и мрачнѣе, глубже и богаче всякой рыбой, и то затѣмъ можетъ быть только, что богатства его недавно еще только пущены въ оборотъ и не получили опредѣленной, законченной формы. Передъ станицей Раддевской низменной лѣвой берегъ отдѣлилъ и пустилъ впередъ себя островъ.... и вотъ другой.... вотъ наконецъ и правой берегъ дѣлаетъ уступку, постепенно спускаясь отлогостями и выпуская впередъ себя низменность: Амуръ, пользуясь случаемъ, разливается, становится замѣтно шире. Но за то узкимъ, замѣчательно-узкимъ проходомъ, какъ бы корридоромъ, кажетъ русло рѣки, когда обернешься и посмотришь назадъ; и чѣмъ-то торжественно-мрачнымъ глядитъ вся окрестность впереди и съ боковъ. Сидимъ мы какъ будто замкнутые въ гробу, и спѣшитъ вода, спѣшитъ за водой наша лодка, какъ бы нарочно стараясь высвободиться на вольной просторъ отъ гнѣтущей темноты и мрачности прибрежныхъ отроговъ Хингана. Неровности этихъ отроговъ за ст. Раддевской рисуются на горизонтѣ неровными зубцами, словно стѣны крѣпости, и въ общей фигурѣ имѣютъ видъ отдѣльныхъ холмовъ, въ большей части конусообразныхъ возвышенностей, носящихъ на казацкомъ языкѣ названіе сопокъ. Особенно много этихъ сопокъ за станицой Помпеевской. Тамъ одна изъ нихъ, самая большая, исподоволь поднимаясь изъ Амура, растянула у подошвы своей довольно отлогую покатость, а сама ушла въ черную падь и тамъ—по всему вѣроятію—разбилась на мелкіе холмы и огромные и частые камни. У подошвы одной изъ сопокъ, по отлогой покатости, потянулся правильной рядъ домовъ въ одну линію; сзади домовъ огороды; видна нѣкоторая жизнь, что-то новое и притомъ хорошее новое, тѣмъ болѣе, что кругомъ все затянуто густой, непроницаемой зеленью. Зелень эта, глухой и высокой стѣной, высится направо и налѣво, высится назади. Горы, какъ великаны, высоко поднимаясь и какъ-бы чередуясь между собою, обступили Амуръ со всѣхъ сторонъ. Нигдѣ онъ такъ часто и такъ прихотливо и неожиданно не изгибается, не дѣлаетъ колѣнъ, какъ здѣсь. Хинганъ стѣснилъ и сжалъ Амуръ до такой степени, что ширина его теченія дѣлается меньше полуверсты; рѣка течетъ въ рѣшительныхъ стѣнахъ, закованная въ насилованныя, гнѣтущія цѣпи. Рѣдко даетъ вздохнуть рѣкѣ каменистый Хинганъ; рѣдко позволяетъ ей сдѣлаться нѣсколько пошире, но и то только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хребетъ съумѣетъ выпустить глубокую падь, и изъ подъ ней успѣетъ вытянуться недлинная и неширокая площадка, вся въ густой зелени. Но такихъ площадокъ попадается очень мало: упорно держатся каменныя вы̀си, болѣе каменистыя и съ частыми голышами на правомъ берегу, чѣмъ на лѣвомъ. Вы̀сей этихъ нельзя впрочемъ назвать горами въ полномъ значеніи этого слова: и на Шилкѣ и на верхнемъ Амурѣ скалы попадались выше этихъ. Отроги Хингана скорѣе высокіе холмы, тѣмъ болѣе, что Хинганъ дробится на безчисленное множество такихъ сопокъ. Всѣ онѣ соединяются между собою, но не на берегу, а внутри материка, вдали отъ берега. Рѣдко сливаются онѣ въ сплошныя горы; горы такого рода въ большей части случаевъ чернѣютъ вдали, за глубокими и мрачными падями. На самый берегъ выходятъ лѣса и деревья, изъ которыхъ многіе успѣли уже зацвѣсти: одни сплошнымъ бѣлымъ цвѣтомъ, какъ черемуха. Изъ глубокихъ и длинныхъ падей выбѣгаютъ рѣчки и, по замѣчательной случайности, не шумливыя, но спокойныя. Богаче этими ручьями и рѣчками манчжурскій берегъ. Между деревьями не трудно отличить отъ преобладающей черной березы—и кедры и пихту (елокъ нѣтъ; сосна—рѣдкая гостья), изрѣдка попадается и грецкій орѣхъ (ростущій по преимуществу у самаго берега), но орѣхъ этотъ имѣетъ скорлупу необыкновенно толстую, съ трудомъ разбиваемую; зерно, вслѣдствіе толстоты скорлупы, маленькое, мизерное. Тою же грубостью и негодностью отличается и амурскій виноградъ, вьющійся преимущественно подлѣ воды. Мякоть винограда необыкновенно кисла; зерна велики и ѣдки; самъ онъ ростетъ въ Хинганѣ не гроздіями, а ползетъ отдѣльными ягодами по стволу. «На клюкву похожъ, но до настоящаго винограда ему далеко».

Вотъ и послѣдняя станица въ Хинганѣ—Поликарповка.... Но возвратимся назадъ, къ первой.

Ст. Пасъкова (Пашкова, 23 дома) выстроена вся въ орѣшникѣ, котораго очень много подъ самыми домами; онъ уже устилаетъ всѣ зады станицы и берега небольшой рѣчки, Хингана, протекающей въ верстѣ отъ селенія: рѣка—шумлива и бѣшена въ полную воду, рыбная въ тихую. Много рыбы и въ Амурѣ, на счастіе станицы выселены сюда изъ Горбицъ (съ Шилки) рыболовы, которые и поспѣшили завести здѣсь самоловы, сложившись между собою артелями, по двѣ семьи вмѣстѣ (*).

Позади станицы, и сейчасъ за домами, пришелся лугъ—болотистый и водяной въ томъ мѣстѣ, которое подошло широкой ямой къ берегу Амура. Змѣй около станицы много (и чѣмъ дальше въ Хинганъ, тѣмъ ихъ больше); водятся змѣи всюду: и чрезъ Амуръ плывутъ и по хребтамъ ползаютъ. Въ хребтѣ, позади станицы, водятся соболи, которыхъ казаки сбываютъ купцамъ проѣзжимъ за 5—6 руб. сер. и самыхъ лучшихъ за 8 и за 10 руб. Въ свою очередь и сами казаки скупаютъ ихъ у орочонъ. За соболя прежде давали одну штуку дабы (да еще — говорятъ—отрывали кусокъ), а теперь давай-де двѣ штуки.

(*) Самоловы эти—довольно толстыя веревки съ крючьями, которые смазываются саломъ или сметаной; на нихъ укрѣпляется поплавокъ изъ сосновой коры. Самоловы эти привязываются къ толстой веревкѣ. Веревка укрѣпляется на каменномъ якорѣ, утвержденномъ въ деревянной распоркѣ. На поверхность воды выпускается деревянная поплавь. Началó эту поплавь тянуть въ воду — на крючья попала рыба: по большей части севрюжина, калужина (не превышавшая вѣсу 20 пудовъ). Про стерлядей казаки не слыхали, да—говорятъ—и нѣтъ ихъ здѣсь.

*

— Да и все вотъ такъ теперь сильно вздорожало, и въ станицѣ настоитъ нужда великая.

Мальчишки бѣгутъ мимо меня въ рваныхъ рубашонкахъ:—

— Бѣдно же живутъ казаки: вонъ и ребятъ одѣть не могли...

— Одинъ казакъ всю зиму ходилъ въ одной и той же рубахѣ; да я ужъ глядѣлъ—глядѣлъ: далъ свою казенную. Намъ по три рубахи выдали. (Разскащикъ изъ гарнизонныхъ солдатъ Владимірскаго баталіона, въ *сынкихъ* у бѣднаго казака, который-де ведетъ свои дѣла еще кое-какъ).

— Всю, батюшко, лопотинку за хлѣбъ манчжурамъ (орочонамъ) отдали. Такъ дошли, что и холодно и голодно было. А теперь вотъ новое горе: *безъ соли* сидимъ. И рыбы промыслишь, да не станешь ее ѣсть безъ соли. Ладно вотъ, еще хоть скотинка-то мало-мало держится: которая благополучно дошла да устоялась, та и хорошая, за ту и руками и ногами хватаемся—бережемъ значитъ.

— А не рожаетъ она уродовъ, съ зобами?

— Этимъ Богъ миловалъ. Овцы почесть извелись: собаки перегрызли. Господа проѣзжали тутъ у насъ: злющихъ какихъ-то собакъ оставили; дали приплодъ. Презлыя собаки стали и все какія-то несвычныя.

— Про медвѣдей и волковъ не слыхать. Бѣлокъ очень много: на крышахъ домовъ зачастую бѣгаютъ. Да теперь и тѣхъ стало меньше: удаляются. Тигровъ видали въ сторонѣ, а къ деревнѣ они не подходили. Водятся барсы. Одинъ плылъ черезъ Амуръ—увидалъ казаковъ въ лодкѣ: поплылъ на-нихъ за лодкой. Казакъ одинъ выстрѣлилъ въ него изъ винтовки: сказываютъ подлѣ сердца попалъ. На томъ и успокоились, а сами спѣшили угребать и плыли верстъ тридцать; барсъ до половины плылъ за ними, а тамъ и пропалъ. Пристали казаки къ берегу: стали теплину разводить. Одинъ изъ ихныхъ бѣжитъ и кричитъ: «барсъ-отъ, братцы, здѣсь!»—Что врешь-то молъ не путное. «Ей Богу—слышь—здѣсь: подите—посмотрите.» Приходятъ и видятъ: лежитъ, распластался: мертвый. Лежитъ въ пади подлѣ самаго того мѣста, гдѣ наши огонь развели. Ихъ надо быть искалъ и наслѣживалъ, да не дошелъ: вотъ какой живущой. Рану подлѣ самаго сердца нащупали.

У станицы Пасѣковой начинается первый строевой лѣсъ; растущій не дальше 4 — 6 верстъ. Пашни въ этой станицѣ разведены за версту повыше и по ту сторону рѣки Хингана, потому что сзади селенія потянулся въ гору густой орѣшникъ и все станичное мѣсто имѣетъ видъ восходящаго возвышенія, какъ подошва Хингана.

Станица *Раддевка* прислонилась къ двумъ горамъ—отрогамъ Хингана, между которыми образовалась падь: каменистая, съ *пещерами*—какъ выразились казаки. Поля пошли влѣво, вверхъ по рѣкѣ, по низменности. Избы бревенчатыя; станица большая: мѣсто выбрано удачно. Хинганъ праваго берега невысокъ; одинаковы съ нимъ горы и лѣваго берега. Казаки распахали пашню; осенью (съ Покрова) ходили въ хребты за соболями (штукъ около 200 упромыслили). Скотъ станичный нѣсколько подошелъ, потому что проходившій въ прошломъ году скотъ все потравилъ: и траву и сѣно. Особенно туго и трудно поправляется тотъ скотъ, который приплавленъ былъ на казенныхъ паромахъ. Всходы по веснѣ были хороши, но теперь хлѣбъ въ стрѣлу пошелъ, оттого-де, что все засуха стоитъ, ни одного дождя не видали. Изъ звѣрей—бѣлокъ стало меньше: «оттого-де, что въ прошломъ году былъ малый урожай на кедровые орѣхи». Много волковъ: обижаютъ (рѣжутъ) скотину, особенно въ настоящее весеннее время. Охотясь по зимамъ, видали слѣды тигровъ и барсовъ, но немного.....

Ст. Помпеевская (по казацки *Панфеева*) разбросана по косогору и—по словамъ казаковъ—не на удобномъ мѣстѣ.

— Гдѣ у васъ поля?—спрашивалъ я у нихъ.

— А по пади вправо, да туда дальше верстъ за восемь Мѣста не хорошія, потому что камней очень много. Вотъ хлопотали два года, а только по десятинѣ на домъ и успѣли заготовить. А земля очень хорошая: черноземина такая, что вонъ въ Ратьбинскомъ (въ Раддевкѣ) по залежамъ пашутъ. Хорошо бы пахать по пади на правомъ берегу: тамъ и камней почесть совсѣмъ нѣтъ, такъ вишь земля-то сказываютъ—не наша. По рѣкѣ трава родится хорошая: сѣна нагребли на цѣлую зиму. Одно не ладно: въ прошломъ году много лошадей пало отъ сильной гоньбы: въ первой-отъ годъ гоньбы меньше было—и скотъ поправился, въ тѣло вошелъ.

Строевой лѣсъ верстахъ въ 14—15 отъ станицы: крупный кедровникъ.

Слѣдующая станица въ Хинганѣ—*Поликарпова*, несетъ всѣ тяжести неудачно-выбраннаго мѣста: ни скотины некуда выпустить (лѣсъ черноберезовой густъ, луговинки малы и ничтожны), ни огородовъ распахать (тѣже препятствія).

— Студено было: всего скота познобили. Мѣсто открытое, круглые сутки вѣтры дуютъ.

Къ станицѣ подошла высокая, каменистая сопка, но она нисколько станицы отъ вѣтровъ не защищаетъ.

— Пахать совсѣмъ негдѣ: вотъ и сѣменной хлѣбъ привезли. Кабы туда намъ переселиться, али бы вотъ верстъ за 15 отсюда (мѣста хорошія!)—жить бы можно.

— Хотимъ на ту сторону перебраться—и начальникъ совѣтовалъ.

— Мы на томъ берегу все лѣто лоньскаго году прожили и сѣна тамъ накосили. Такъ и того боимся, чтобы не прогнали: чужое мѣсто. А здѣсь выпустилъ скотину да и гляди — не ушла бы, а уйдетъ—пропадетъ; кругомъ чаща да орѣшникъ.

Въ прошломъ году одну лошадь зарѣзалъ тигръ верстахъ въ полуторахъ отъ деревни:

— Прибѣжалъ я туда (искалъ ее); смотрю—весь пестрой, жретъ—и до половины съѣлъ, а хвостище у него длинной да толстой, что полозъ отъ саней. Далъ я драла назадъ—не что станешь дѣлать.

— Скудно живемъ: вотъ старику и укусить нечего. Хочу ему изъ сѣменнаго хлѣба дать—все пріѣли.

Смотрю: собралась ко мнѣ вся станица, съ просьбою похлопотать перевести ихъ на другое мѣсто.

— А здѣсь не сживешь—тяжело очень и гнуса всякаго много: змѣи, крысы одолѣли. Рѣки нынче мелкія: рыбы дали мало, да и совсѣмъ почесть нѣту. Вонъ взять пониже-то Бѣлую, али Быструю (*)..., Есть у насъ и орѣхи грецкіе, виноградъ ростетъ по берегамъ-то, да что въ нихъ толку-то?! — и не глядѣлъ бы. Хлѣбъ намъ изъ своей стороны (съ Аргуни, изъ острога) везли: такъ сложили слышь въ Низменной, а къ намъ не спущаютъ. Сказываютъ, что будто ужъ его тамъ и порѣшили. Не знаемъ мы, какъ и жить. А еще—сказываютъ—десять семей селить хотятъ. Мы дома свои перенесли ужъ на зады, за лѣсокъ, а то, гдѣ теперь стоитъ, мѣсто неладное, всю зиму студило. Тамъ словно и вольготнѣе будетъ, потеплѣе — соболя кругомъ насъ очень довольно, и соболь хорошій; такъ опять же нѣкогда ходить за нимъ: около дому дѣла много. Распахиваешь—распахиваешь, а все немного наготовишь. Очень трудна земля, и—не приведи Богъ! Все новое: росчистей старыхъ невидать, да и не было Зимовье однако орочонское было да снесено теперь. Въ Панфеевой не въ примѣръ лучше!....

Хинганъ въ этомъ мѣстѣ довольно живописенъ.

— Хороши мѣста здѣсь, красивы!—замѣтилъ я матросу Ершову, который плылъ со мной изъ отпуска въ Николаевскъ.

— Нѣтъ, не хороши: горы все, полей нѣту!

— Да ужъ поля надоѣли; горы теперь пріятнѣе. Мы уже отъ нихъ начали было отвыкать.

— Нѣтъ, поля лучше. Вотъ они опять скоро пойдутъ туда пониже-то. Здѣсь на счетъ козуль очень надо быть хорошо: ихъ много.

— Козуль мало—перебилъ казакъ—тѣ либо выше гдѣ, либо ниже водятся. Изюбрей здѣсь много....

(*) Рѣку эту казаки прозвали Быстрой за необыкновенно-бойкое ея теченіе по камняхъ, которыми такъ она и завалена вплотную. Изъ этой рѣчки выходитъ и идетъ вверхъ полуголая, скалистая сопка.

Но вотъ и самъ козелъ, легокъ на поминѣ. Козелъ этотъ, вѣроятно выждавши проходъ нашей лодки, незамѣтно соскочилъ въ воду съ лѣваго берега. Мы видѣли уже, какъ онъ плылъ, оставивши на поверхности воды одну только голову. Плылъ онъ бойко и скоро вышелъ на правый берегъ; встряхнулся тамъ и быстро исчезъ на своихъ бойкихъ ногахъ въ береговой чащѣ.

— Когда вотъ въ первой-отъ годъ поселенія заводили—медвѣдей очень много видали. Ужасти много медвѣдя было, и звѣрья всякаго. Медвѣдь смиренъ: никого не трогаетъ. Иной сядетъ на берегу да и поглядываетъ на лодку-то, словно дивится. Много звѣрья и по рѣкѣ плавало. Теперь все это ушло дальше съ той самой поры, какъ *русь* поселилась.

Отступя пять верстъ ниже станицы Поликарповой, Хинганъ незначительной крутизной разстается съ Амуромъ на манчжурскомъ берегу, и потомъ идетъ и круто сворачиваетъ вправо, сначала значительно возвышаясь и потомъ постепенно спадая и теряясь въ туманной синевѣ и дали. Впередъ себя онъ на этотъ разъ пустилъ огромную низменную равнину, уставленную богатой растительностью. Щеки Хингана кончились, но лѣвой берегъ продолжаетъ еще быть гористымъ, какъ бы наверстывая то пространство, которымъ онъ запоздалъ передъ ст. Пасѣковой. Горы этого берега на половину изъ голаго камня: въ падяхъ растительность гуще и изъ многихъ текутъ рѣки; по рѣкамъ тянутся луговины.

— Сюда-то вотъ и пропадаетъ нашъ скотъ. Сюда-то вотъ онъ и заходитъ такъ, что никакъ мы его и отыскать не можемъ—замѣтилъ мнѣ рулевой.

— Вотъ бы вамъ хорошо было здѣсь поселиться!—замѣтилъ я въ свою очередь, указывая на роскошную низменность манчжурскаго берега.

— Гдѣ ужъ намъ!? Намъ бы вотъ и въ концѣ гривы-то той ладно было.

И онъ указалъ на отлогости при подошвѣ Хингана, кончавшагося на правомъ берегу. Къ подошвѣ этой подошла довольно широкая падь, растительность на которой и не такъ густа, а—по словамъ казаковъ—и лужаекъ больше и для скота привольнѣе. Вся бѣда въ томъ, что та—хорошая сторона—не наша. Казаки этого никакъ понять не хотятъ.

— Вишь лѣвой-отъ берегъ (толкуютъ они) гористой такой задался! Чтобы начальству-то нашему правой бы взять, а лѣвой манчжурамъ отдать: пущай бы ихъ тамъ!....

По мѣрѣ удаленія отъ Поликарповки, Хинганъ лѣваго берега начинаетъ дѣлать уступки: разъ отошелъ отъ берега на большое пространство, пустивши по обыкновенію впередъ себя низменность. На низменности этой двѣ избы, недавно выстроенныя, но еще не покрытыя. Мѣсто хорошее. Подъ хребтомъ (голымъ къ низменности) протекаетъ порядочная рѣчка.

— По ней хорошіе луга, травянистые—объясняетъ казакъ. По хребтамъ довольное количество еланей для пахоты. Сюда-было мы и просились, а на старомъ мѣстѣ хотѣли зимовье сдѣлать и соглашалися станокъ держать для проѣзжающихъ. Начальство не позволило: нельзя—говоритъ — старому мѣсту безъ селенія оставаться. Тутъ бы и залежи есть: манчжуры жили, расчищали мѣсто. Да оно и зовется-то Манчжурка. Не знаамъ, какъ теперь началъство позволитъ прозыватъ. До этого вотъ до самаго мѣста отъ нашей станицы ни одного лужка ни одной елани нѣтъ: все горы крутыя, да съ густыми гривами, а ничего больше.

Скалы, заключающія Хинганъ на Амурѣ (лѣваго берега) голы и обрывисты: видъ на нихъ издали очень недуренъ. Вблизи онѣ кажутъ мало разнообразія: между нѣкоторыми изъ нихъ образовалось отверстіе — родъ воротъ; во многихъ другихъ видны дыры, норы, нерѣдко глубокія. Въ ложбинахъ, рубцахъ, уцѣлѣла земля и на ней прицѣпились маленькіе дубки, почти пропадающіе въ общей картинѣ сѣраго фона. Это—сѣверный отклонъ; восточный нѣсколько богаче растительностью. Послѣдняя скала отлого спустилась въ воду, довольно красиво поросши, по покатому спуску своему, рѣденькими деревцами, словно алеей столбовой почтовой дороги. На берегъ вышла лѣсистая низменность; но растительность съ этой поры начинаетъ замѣтно ослабѣвать; дубы выросли только на берегу; дальше идетъ уже голая степь. Горы праваго берега всѣ густо-прегусто затянуло дымкой и онѣ отошли далеко назадъ, стали едва примѣтны.

И вотъ Хингана словно не бывало. 158 верстъ сопровождалъ насъ этотъ хребетъ, идущій изъ крайной дали Манчжуріи и Кореи и, черезъ Бурейскія горы, соединяющійся съ юго-восточными отрогами нашего сѣвернаго—Становаго—хребта. Больше расхваленный, чѣмъ картинный на самомъ дѣлѣ, онъ можетъ быть и поразилъ бы свѣжаго прохожаго, если бы не существовало, на пути къ нему, Шилки съ ея не менѣе высокими прибрежьями, не менѣе своеобразными и характерными неожиданностями. Изъ станицы Екатерино-Никольской Хинганъ праваго и лѣваго берега сливается уже въ одну сплошную стѣну и густо затягивается синеватой дымкой дали.

На берегу Амура пропасть ребятишекъ: шумъ, смѣхъ и громкіе, звонкіе разговоры: подбираютъ разбросанные кули съ сѣменнымъ хлѣбомъ. Станица обѣщаетъ многолюдство; два съѣзда— нѣкоторой родъ хозяйственнаго благоустройства. И — дѣйствительно:

Станица глядитъ привѣтливо и весело. Не даромъ ходятъ слухи, что на этомъ мѣстѣ хотятъ выстроить городъ. Мѣсто счастливое, просторное, веселое. Крутой и высокій берегъ Амура (на 6 и на 7 саж.) обезпечиваетъ станицу отъ могущихъ быть когда-либо наводненій. Рядъ домовъ тянется по берегу рѣки; противъ нихъ картинно и счастливо уцѣлѣли довольно толстые и высокіе дубы. Вправо отъ станицы, внизъ по Амуру, на крайномъ углу помѣстились дома Амурской Компаніи; нѣсколько отойдя (саженъ около ста) на высокомъ пригоркѣ заложена церковь. Позади ея, въ глубь еще не вырубленнаго лѣса, пошелъ новый порядокъ домовъ. Такой же рядъ избъ тянется позади домовъ Амурской Компаніи. Распаханы огороды; распаханы поля.

Вотъ привезли сегодня сѣменнаго хлѣба—казаки ликуютъ, несказанно радуются. Къ Троицыну дню начальство неожиданный праздникъ пригнало.

— Чему больно обрадовались?—спрашивелъ я у толпы.

— Какъ тутъ не радоваться?! Землю мы вспахали, а сѣмянъ не было; засуха начала просушивать все, что ни успѣли поднять. Дождей нѣту. Боимся за голодъ: а ужъ онъ къ намъ и такъ началъ-было подбираться. Теперь—слава Богу—какъ будто-бы и отойдемъ маненько: есть надежда!...

Между станицей и тѣмъ возвышеніемъ, на которомъ строится церковь, замѣчательно сохранились слѣды трехъ рвовъ: два изъ нихъ съ возвышеніями несомнѣнно насыпными (которыя однако успѣли уже порости толстыми и высокими дубами) идутъ отъ настоящей станицы и круто, подъ прямымъ угломъ, поворачиваютъ въ Амуръ и оканчиваются на берегу его. Прямо противъ нихъ идетъ третій ровъ, которой почти правильнымъ квадратомъ ограничиваетъ площадку саженъ въ десять—двѣнадцать. Внутри этой площадки—глубокіе и хорошо сохранившіеся слѣды ямъ—мѣста землянокъ. Такія же ямы залегли между первыми двумя параллельно идущими рвами, по направленію къ возвышенности, на которой церковь. Квадратъ этотъ четвертой стороной своей примыкаетъ къ рѣкѣ; берегъ рѣки крутъ и осыпчивъ. Подробности земляныхъ работъ тождественны съ работами (лучше впрочемъ сохранившимися) въ Албазинѣ и видимо производились подъ одними тѣми же условіями, по одному и тому же закону. По видимому этими слѣдами древнихъ укрѣпленій въ ст. Катерино-Никольской дорожить не намѣрены. Одинъ ровъ уже вскопали, чтобы приладить на томъ мѣстѣ домъ для священника и отыскать въ этомъ мѣстѣ глину, которой дѣйствительно тутъ много. Станица впрочемъ стоитъ вся на песчаной почвѣ и туфъ —какъ говорятъ—доходитъ только до однаго фута глубины. Туфъ этотъ естественно образовался отъ наноса листьевъ съ деревьевъ, листьевъ постепенно обращавшихся въ почву въ теченіи не одного столѣтія. Ниже станицы — лучшія мѣста для пахоты. Выше ея, на рѣкѣ Манчжуркѣ (въ 14 верстахъ) попадаются извѣстковыя мѣсторожденія: одна большая плита — мраморная.

Между распросами одно извѣстіе поражаетъ всѣмъ ужасомъ неожиданности: прошлой весной въ станицѣ Катерино-Никольской тигръ растерзалъ часоваго казака, поставленнаго къ сараю съ казеннымъ складомъ.

— Изба его была тутъ подлѣ самаго магазина. Никто даже не слыхалъ его голосу: не успѣлъ видно крикнуть—прибавляли казаки къ этому печальному извѣстію.

Второй разсказъ о тигрѣ имѣетъ иной характеръ. Казаки выѣхали преслѣдовать его на лошадяхъ—нашли спрятавшимся за горой. Выѣхавши на эту гору, встрѣтились съ нимъ почти лицомъ къ лицу и быстро спѣшились. Одинъ выстрѣлилъ—мимо; другой бросился на звѣря, но тигръ подмялъ казака подъ себя и началъ хватать лапой за руку, постепенно переставляя лапу. Третій казакъ въ это время принялъ тигра на штыкъ и поднялъ на дыбы. Подмятой казакъ былъ спасенъ; тигръ началъ возню со штыкомъ. Стараясь высвободиться, звѣрь обернется направо и казакъ наклоняетъ штыкъ направо. Тигръ сильно погнулся—и штыкъ переломилъ. Но казаки успѣли уже доходить его пулями изъ ружей.

—

«За станицой Екатерино-Никольской Амуръ новелъ свою обыденную, казенную степную форму: сильно разлился онъ въ этихъ мѣстахъ. На правый берегъ вышла невысокая, коническая сопка, одинокая, сиротливая. Богъ вѣсть откуда она взялась, и зачѣмъ тутъ одиноко помѣстилась. День опять задался чудный. На лѣвомъ берегу кричитъ, словно въ громкую дудочку, какая-то птичка и словно выговариваетъ: «кто ты таковъ?» Говорятъ, маленькая, желтенькая.

— А какъ вы ее назвали?

— Поботунъ назвали. Незнаемъ ладно ли?

И вотъ новое слово, и при томъ мѣткое и ловкое.

— А есть еще птица, которая все около самой земли летаетъ и словно бы все стонетъ жалобно. Эту назвать еще не примѣнились какъ. Обѣ эти птички на летъ проворныя, спѣшливыя. Все летаютъ, и никакъ долго не посидятъ на мѣстѣ.

Рѣка Амуръ становится замѣтно шире (470 саж. противъ ст. Екатерино-Никольской). Станица Добрая отошла отъ берега на цѣлую версту.

— Такъ-де сначала начальство распорядилось; теперь стали выселяться на берегъ: земля очень хорошая. Голоду хватить-таки успѣли.

Въ этой станицѣ попался мнѣ первый гольдъ, подъѣхавшій на своей маленькой лодкѣ, форма которой рѣшительная манчжурка: въ родѣ длиннаго ящика, безъ киля, съ четвероугольною, почти квадратною кормою и выступомъ на носу. У гольда въ лодкѣ сѣть и на распоркахъ, словно крылья летучей мыши, просушивается кожа съ рыбы калуги. Кожу эту гольды употребляютъ на обувь. Съ гольдомъ трое ребятишекъ: у одного подвѣска въ ухѣ, серьга: вѣроятно дѣвочька; двое другихъ—повидимому мальчики. Цвѣтъ лицъ рѣшительно-черный; но окладъ имѣетъ замѣчательное сходство съ манчжурскимъ. Гольдъ ласковой такой: кричить «мендо!» (здраствуй!). Казаки разговорились съ нимъ:

— Рыба есть купи?

— Рыба купи нѣту.

— А соболи есть?

— Има; юрта (есть въ юртѣ). И юрта эта тутъ же недалеко, на правомъ берегу. Гольдъ этотъ пришелъ съ Сунгари, которая въ этомъ мѣстѣ только на 15 верстъ отошла русломъ отъ русла амурскаго. На ребятишкахъ—гольдахъ надѣта ужасная рванъ безпредѣльно дырявые полушубки, вѣроятно вымѣненные у казака на соболя. На самомъ гольдѣ шляпа чуть держится и до того вѣтха, что похожа на старый, измызганный, истоптаный валяный сапогъ. Подъѣзжалъ онъ къ намъ видимо изъ одного любопытства: иной причины не могло быть, потому что въ лодкѣ у него ничего, кромѣ рыбьей кожи на распоркахъ, не было.

Ст. Квашнина (13 домовъ, 26 семей) выстроилась подъ тѣми же благопріятными условіями, какъ и предъидущія: мѣсто просторное, сухое и привольное; степь даетъ и мѣста пахатныя и великолѣпныя мѣста сѣнокосныя, здоровыя:

— Всего одинъ казакъ умеръ.

— Тягостно одно вотъ: лѣсу нѣту, лѣсъ далеко.

— А вотъ этотъ лѣсъ, что подлѣ растетъ?

— Этотъ лѣсъ никуда негодящій: вотъ посмотрите!

Дома станицы выстроены изъ сосѣдняго сосняку и отчасти дубняку. Короткія бревна принуждены были утвердить на четырехъ столбахъ, поставленныхъ съ каждой стороны по фасаду —чрезвычайно оригинально. Бревна эти мохомъ не скрѣплены, а по всѣмъ пазамъ наскоро смазаны глиной: «холодны были, да перебивались же кое-какъ».

Празднику (Троицыну дню) казаки обрадовались: вырядились въ бѣлыя рубахи; казачки — въ ситцевыя платья (купленныя у проѣзжихъ купцовъ); даже маленькія дѣвочки и тѣ въ ситцахъ и платкахъ на головахъ. Дѣвочки эти поставили на краю станицы березку: ухватились за руки — сталъ хороводъ; родину на чужой сторонѣ вспомянули: «по своей забайкальской *вѣрѣ*»—замѣтилъ мнѣ одинъ старикъ.

— А тоскуется? спросилъ я его.

— Ну да какъ-же?! Оно пожалуй и все бы ничего, колибъ вотъ хлѣбушко-то былъ, а родится онъ хорошо: земля добрая; супротивъ нашей забайкальской будетъ много лучше.

Орочоны для казаковъ подспорье ничтожное; гольды—также.

— Рыбой около нихъ заимствуемся. Прежде они все брали: всякую рвань, всякую тряпку; а нонѣ давай имъ дабу да серебро. А гдѣ мы серебра-то возьмемъ: мы его отродясь не видывали; нѣту его у насъ.

— Сами-то вы начали ловить рыбу?

— Нѣту; достатковъ не хватаетъ. Зимой-то острогой ловили тоже сомовъ, осетровъ....

— Много у васъ сомовъ?

— Шибко много; рыбы всякой много.

— Въ Сунгари-то вы хаживали?

— Не доводилось.

— А пускаютъ туда?

— Нѣтъ, не пускаютъ. Тутъ у нихъ бекетъ стоитъ: домовъ пять; чиновники ихніе живутъ—не пускаютъ, ни за что. Чиновники есть всякіе: и съ синими шариками на шапкѣ и съ бѣлыми, а есть и такіе, у которыхъ шарики эти не каменные, а шелковые: простые надо полагать. Одинъ купеческой прикащикъ съ товарищемъ прошелъ туда, а не пропускали-было. Сказываютъ до ихнаго города (Санъ-Сина) доходилъ, ни на кого не посмотрѣлъ: молодецъ! Однако его убили тамъ. Одни сказываютъ, что къ манчжуркѣ подъѣзжалъ: такъ мужъ-де поступился; а другіе толкуютъ, что-де велѣно было его убить и на тотъ конецъ чиновникъ къ нему приставленъ былъ, какъ это у нихъ всегда водится.

— А слыхали вы что-нибудь про-рѣку эту?

— Да вонъ вышла въ Амуръ-отъ (верстахъ въ сорока отъ нашей станицы) большая-пребольшая и не ладитъ съ Амуромъ-то, а своей струей идетъ. По рѣкѣ-то по этой много же сказываютъ, всякаго народу живетъ; города-де у нихъ тамъ пошли. По первоначалу—слышь гольды поселены, а тамъ ужъ и манчжуры пошли дальше.

Вотъ уже въ пятой станицѣ по пути крышки все соломенныя и всѣ размётаны; торчатъ почти одни только стропила. Отчего это?

— Вѣтры у насъ живутъ сильные: никакого противу нихъ способу нѣтъ. Тутъ вотъ съ недѣлю назадъ такая мятель закрутила, что все поломала: ужасти что было!

Отвѣтъ этотъ почти слово въ слово передавался мнѣ и въ ст. Квашниной, какъ и во всѣхъ четырехъ предъидущихъ. Особенно эти мятели со взломомъ яростно сказались въ ст. Екатерино-Никольской и Поликарповой, гдѣ вѣтеръ вырывается изъ падей Хингана и всегда въ этихъ случаяхъ необычайно свирѣпъ и продолжителенъ.

Берегъ Амура передъ станицей низмененъ, песчанъ и сильно обрывистъ: — вода подмываетъ. Едва ли не придется казакамъ перетащить свои дома подальше. Правда, что впереди домовъ они успѣли уже развести огороды и въ этихъ огородахъ кое-что посѣять. Изъ-за-острова (въ 3 верстахъ отъ станицы) вышла въ Амуръ довольно большая рѣка, названія которой еще не придумали казаки. За этой рѣкой синѣютъ горы, но очень далеко.

— Наши—говоритъ рулевой—ходили-было туда для бѣлко́вья: четыре дня шли. Кажетъ-то вѣдь это только такъ, что близко, а на самомъ дѣлѣ ужасно далеко.

Въ *ст. Дежнева* тѣже условія постройки домовъ на осиновыхъ столбахъ (съ трудомъ отыскиваемыхъ) и изъ сборнаго лѣсу (еловыхъ и дубовыхъ бревенъ) и тѣ же явленія и слухи: крыши разметаны; вѣнцы выворочены бурями; луга хорошіе, но въ лѣсѣ сильный недостатокъ. На бѣду еще станица построенна не на материкѣ, а очутилась на острову: некуда скотъ выпускать; мало мѣста для огородовъ: просятся на мѣсто пониже настоящаго: «тамъ-де и мѣсто выше, нѣтъ опасности отъ воды, да и мѣста отмѣнно хорошія. Въ дуплистыхъ дубахъ живутъ бурундуки, которые въ сообществѣ съ крысами подъѣдаютъ хлѣбъ.

— А мѣста здѣшныя не въ примѣръ лучше забайкальскихъ: одинъ казакъ высѣялъ три фунта гречихи—получилъ три пуда; и можетъ развѣ немногимъ меньше. Большое количество бурундуки у насъ хлѣба поѣли.

Для звѣровья ходили въ хребты, но промыселъ былъ ничтоженъ: соболей попадается мало.

— Да и тугія времена подходятъ: купцы и проѣзжіе чиновники наложили и подняли цѣну на соболей у гольдовъ. Прежде бывало: за кусокъ свинцу отдавали соболя; а теперь просятъ деньги серебряныя, да и тѣ чтобы были цѣлковыми.

Влизи станицы видится много лисицъ, а по всему суходолью, въ дубовыхъ перелѣскахъ, въ норахъ живутъ еноты. Енотовъ этихъ промышляютъ и гольды, но подняли пѣну на шкурку до 2 руб. сер. Промышляютъ ихъ обыкновенно такимъ образомъ: найдя съ собакой норку, въ которой звѣрь любитъ селиться, и которую онъ прорываетъ глубоко и далеко,—входъ въ нее закладываютъ сухимъ назёмомъ. Назёмъ поджигаютъ, а чтобы дымъ не терялся въ воздухѣ—покрываютъ все это мѣсто дерномъ. Звѣря дымъ выгоняетъ вонъ: звѣрь выбѣжитъ—его подстрѣливаютъ.

Въ прошломъ году, когда на Сунгарійскомъ посту стояли чиновники манчжурскіе, казаки ходили туда безпрепятственно и даже маклачили кое-какой торговлей. Но теперь—говорятъ—присланы чиновники изъ никáновъ (китайцовъ), торговля запрещена и казаковъ къ гольдамъ не пускаютъ. Никогда впрочемъ и прежде не пускали ихъ на самую Сунгари̇: а тамъ-де еще можно бы было вести съ ними торговлю: достатки у нихъ большіе; и народъ бы хорошій гольды, повадливой,—съ ними жить-де можно въ сласть и удовольствіе.

Устье Сунгари̇ и на немъ китайскій постъ расположены въ двадцати верстахъ отъ ст. Дежневой. Эта станица—самое южное мѣсто на всемъ Амурѣ; отъ устья Сунгари̇ Амуръ заворачивается къ сѣверу и постепенно идетъ въ этомъ направленіи къ Николаевску. Лѣвой берегъ Сунгари̇ сопровождаютъ высокія горы; правый отстается долгое время низменнымъ. Рѣка эта, впадая въ Амуръ подъ замѣчательно-острымъ угломъ, долго борется своими водами съ водами Амура. Вотъ отчего и здѣсь существуетъ такой же споръ и такое же убѣжденіе, какъ и въ Нижномъ относительно рѣкъ Оки и Волги. Манчжуры остановились на томъ убѣжденіи, что не Сунгари впала въ Амуръ, а Амуръ—въ Сунгари̇. Во всякомъ случаѣ рѣка Сунгари̇ чрезвычайно важна во многихъ отношеніяхъ. Она течетъ изъ дальныхъ и высокихъ горъ

Корейскаго полуострова; принимаетъ въ себя двѣ (и даже три) большихъ рѣки: *Гулху-бира*, текущую съ юга изъ тѣхъ же Корейскихъ горъ и впадающую въ Сунгари подъ городомъ Санъ-Синъ (Ичше-Хотонъ), и рѣку *Нонни*, берущую начало изъ кореннаго материковаго—Хинганскаго хребта. На этой послѣдней рѣкѣ лежатъ два города: Мэргенъ (на сѣверѣ) и Цицикаръ (южнѣе)—ближайшіе города къ амурскому Айгуну. Въ самомъ южномъ теченіи Сунгари, при выходѣ ея изъ Корейскаго хребта, лежитъ городъ Гиринъ-Хотонъ (Гиринъ—городъ.)

Про рѣку эту извѣстно русскимъ гораздо больше, чѣмъ про всякую другую, выходящую изъ Манчжуріи. Обнародованіе этихъ свѣдѣній лежитъ на обязанности тѣхъ изъ русскихъ, которые успѣли случайно посѣтить эту рѣку. Разсказы про Сунгари не рѣдки, но по большей части или противорѣчатъ другъ другу, или сообщаютъ гадательныя, неправильныя свѣденія. Мы на нихъ останавливаться не рѣшаемся.

Ст. Михайло-Семеновская лежитъ верстою ниже отъ того мѣста, гдѣ вышли на берегъ Амура дома батальоннаго штаба и поставлены двѣ пушки и мачта съ флагомъ.

Манчжуры со здѣшними казаками не имѣютъ никакихъ сношеній и ни за что не рѣшаются пускать ихъ въ Сунгари; однако враждебныхъ дѣйствій никакихъ не показывали: ни буды, ни муки казакамъ достать было негдѣ. Нужда настояла въ станицѣ, настояла едва ли не бо̀льшая, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ. Въ добавокъ еще ко всему, они обязаны были въ *полтора мѣсяца* (!) соорудить два батальонныхъ дома, которые были и холодны и сыры, и весной лилъ съ потолка буквально дождикъ.

Гольды, кочующіе по близости, полезны были для казаковъ только рыбой и отчасти соболями (покупали ихъ отъ 3 до 5 руб. серебряною монетою за шкурку). Сами казаки били енотовъ, выкуривая ихъ изъ норъ.

Отъ впаденія Сунгари Амуръ сдѣлался необыкновенно широкимъ. Образуя множество протокъ, онъ разбился на большое число длинныхъ и низменныхъ острововъ: одна протока оставаясь главною, ведетъ за собою форватеръ; остальныя по большей части мелки, и только подъ крутыми и обсыпчивыми берегами имѣютъ глубину, достаточную для прохода судовъ. За тремя такими мелкими протокоми расположена и *станица Воскресенская* (9 дворовъ, 27 семей), на этотъ разъ очутившаяся въ горахъ; но горы эти, крутыя и высокія, преимущественно синѣютъ вдалекѣ за множествомъ острововъ, которыми особенно сильно затянулся въ этомъ мѣстѣ Амуръ. Положеніе станицы во всякомъ случаѣ не блестящее: она удалена отъ главнаго русла на значительное разстояніе (и лишняго живаго человѣка не увидишь); она окружена болотами и вообще глядитъ какъ-то и уныло, и крайне бѣдно.

Ничѣмъ не лучше положеніе и состояніе и слѣдующей станицы *Степной* (домовъ 8, душъ 23). Степная она на столько же, на сколько и всѣ предыдущія. Съ одной ея стороны синѣютъ горы, но до нихъ 40 верстъ, день ходьбы; заднія горы того же лѣваго берега удалены еще дальше, на два дня ходьбы—стало быть на разстояніе около ста верстъ.

Дома въ станицѣ строены изъ лѣсу, вырубленнаго по сосѣдству и уже не на столбахъ, да и глядятъ какъ-то лучше и привѣтливѣе, потому что выкрыты не соломой, а берестомъ: бури были часты, но дома ихъ выдержали; зимой было тепло.

У одного казака крысы шесть мѣшковъ порѣшили. Въ этой станицѣ—по разсказамъ—ихъ больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ.

— Мало провизію — курицъ жрутъ проклятыя. Сядетъ на курицу-то верхомъ, да и ѣздитъ проклятая и все наровитъ какъ бы за горло ухватить и перегрызть его. Бурундуковъ бездна не знаемъ, какъ и избавиться отъ нихъ. Барсуковъ стрѣляемъ.

— А каковы ваши сосѣди?

— Гольды—честный народъ; забудешь у нихъ вещь—онъ ужъ и бѣжитъ за тобой, возвращаетъ. Въ торговлѣ однако стараются какъ бы свою подороже отдать, чужую вещь подешевле пріобрѣсти. Рвани нашей теперь не берутъ; попріодѣлись коло насъ. Манчжуры шибко красть любятъ. Когда мы плыли на паромахъ — придутъ къ намъ: гляди, слизнулъ что-нибудь. Такъ ужъ это по положенію. Придутъ манчжуры: и все нашъ скотъ считаютъ и все пишутъ по своему. На что это имъ надобно—Господь про то вѣдаетъ!...

Скотъ, приплавленный на паромахъ, и здѣсь не выдержалъ: лошади пали, овцы ослѣпли. Казаки думаютъ—отъ высокой травы и новой свѣжей пищи:

— А можетъ и ноги застудили. Овцы поживутъ не долго на новомъ мѣстѣ; глядишь: выпучатъ глаза, встанутъ, не двигаясь, и—ничего не видятъ. Лошади трудны были потому, что взяты въ Забайкальи изъ степей, съ вольной волюшки. Съ трудомъ великимъ пріучались къ домовымъ работамъ, привыкали къ хозяевамъ. Запропавшихъ коней казна вознаграждала новыми. И спасибо ей!—на наше счастье кони попадались молодые все: легче съ ними ладить было. Скотъ теперь ладно держится на богатыхъ травахъ. У насъ и молочко теперь завелось. Коровушки выходились.

Поля въ Степной станицѣ отошли отъ нея далеко, версты за 4 за 5; потому что къ самому селенію подошла болотистая луговина, логъ.

— Сѣяли сѣмяна хлѣбныя, да что-то неладно вышли, высѣяли ярицу--выросла рожь и какими-то кустами, клочьями. Къ осени догадались, по забайкальской вѣрѣ, траву скотомъ потравили. Трава вышла на нонѣшную весну новая, а зеренъ не дала. Сѣяли гречиху, овесъ—отмѣнные вышли. Сѣмена-то вишь подвозятъ къ намъ все не во время--запаздываютъ.

Мѣсто станичное казаки хвалятъ, но строиться-де шибко дорого. Особенно сильно жаловался гарнизонный солдатикъ изъ евреевъ, выселенный сюда изъ Россіи:

— Дорого платишь за бревна: 15 коп. за вывозъ изъ рѣки одного бревна. Строить некому: всѣ руки заняты.

Купцы казаковъ шибко прижимаютъ. Знаютъ они, что казаку вещь нужная, что ни проси—купитъ.

— Не торгуютъ они съ нами—замѣтилъ одинъ старикъ казакъ—не торгуютъ, а грабятъ насъ. Я такъ это самое одному купцу въ глаза и сказывалъ на дняхъ.

Солдатикъ изъ евреевъ, вѣрный племенному характеру, успѣлъ уже завести кое-какую торговлю по мелочамъ: по перекупкѣ, перепродажамъ. Вырядившись въ пальто и жилетку, онъ ведетъ эту торговлю, разнообразную, суетливую:

— Да мало—говоритъ—тянетъ, не клюетъ. Гольды за соболь-то съ трехъ рублей довели теперь до восьми.

На дворѣ Духовъ день, и въ станицѣ—праздникъ: въ избахъ жаренымъ пахнетъ (вѣроятно козуля). Середи улицъ стоитъ березка; къ верхушкѣ ея привязана ленточка, словно флагъ. Сама березка обвязана платками; кругомъ ея ходятъ маленькія дѣвочки одна за другой и поютъ пѣсни согласно и вѣрно. Старушка подлѣ стоитъ: учитъ ихъ, налаживаетъ дѣло, показываетъ какъ надо, какъ водится это на матушкѣ родинѣ, въ Забайкальи. Вечеромъ березку эту снимутъ съ мѣста, понесутъ на рѣку, и потомъ съ пѣснями бросятъ на воду и что нибудь загадаютъ на свое дѣвичье, а можетъ быть и станичное счастье... А маленькія дѣвочки отправляютъ обрядъ этотъ потому, что большихъ дѣвицъ нѣтъ.

Амуръ за станицей продолжаетъ разливаться словно широкое озеро. Необыкновенно широка и главная протока: посмотришь направо—островъ вышелъ и кругомъ этого острова обходитъ вторая протока далеко-далеко; можетъ бытъ къ тѣмъ самымъ горамъ, которыя затянуты дымкой и синевой. Посмотришь на лѣво—то же самое. Острова выплываютъ впереди; плаваютъ назади; островамъ этимъ конца не видать. Амуръ разнообразенъ и своеобразенъ. Прихотливо измѣняетъ онъ свой характеръ почти на каждой сотнѣ верстъ. День стоитъ чудесный; солнце, въ истинномъ смыслѣ южное солнце, печетъ сильно. Небо необыкновенно чисто и повсюду тихо, берега далеки, оттого вѣроятно и птицъ не слыхать; не слыхать даже кукушки, которая крикомъ своимъ преслѣдовала насъ съ утра до вечера нѣсколько сутокъ сряду. На встрѣчу намъ, тяжело махая крыльями, летитъ журавль подлѣ самой воды и скрывается потомъ въ тальникѣ и высокой болотной травѣ. Вѣроятно сегодншній лягушечій концертъ не будетъ совершенно полный; не одинъ вѣроятно пѣвецъ сократится: не даромъ у журавля и длинныя ноги и длинной носъ; и журавль—итица болотная.

Берега Амура замѣчательно низменны и всѣ подмыты водой. Во многихъ мѣстахъ торчатъ тальниковые корни и у берега въ водѣ пропасть корья; но и тальникъ этотъ вѣроятно скоро рухнетъ въ воду всей своей кучей. По лѣвому берегу выстроено семь домовъ въ рядъ—*ст. Головина,* построенная на половину изъ лѣсу, приплавленнаго изъ Забайкалья; остальная половина—бревна осиновыя, мѣстныя. Къ числу общихъ казачьихъ повинностей въ этой станицѣ присоединилось еще содержаніе перевозовъ на двухъ сосѣднихъ рѣчкахъ (одна въ 4 верстахъ отъ станицы; другая въ одной верстѣ). Также низменныя берега и также широко, какъ озеро, и картинно расплывается Амуръ и передъ слѣдующей станицей *Вознесенской.*

Станица эта удалена отъ главнаго русла Амура версты на полторы, на цѣлую версту отъ протока и помѣстилась на маленькой возвышенности, посреди такихъ луговинъ, которыя, судя по кочкамъ, по разсказамъ гольдовъ и по примѣтамъ самихъ казаковъ, въ иные годы покрываются водой. Оттого трава по луговинамъ отличная и выгоны для скота роскошные на столько, сколько мугутъ позволять это амурскія степныя пространства. Подлѣ деревни довольно длинное озеро, которое въ сухія лѣта высыхаетъ почти все: заводятся черви; но теперь Амуръ наполнилъ его водой, которую казаки употребляютъ въ пищу и остаются довольны. Родниковъ по близости нѣтъ, и самое озеро конечно не иное что, какъ протока Амура, замѣненная новой. Но насколько хороши около станицы травы, столько же неблагодарна земля исключительно песчанаго свойства. Вообще хлѣбъ не родится, и поля ушли далеко. Дома большею частію сдѣланы изъ лѣсу, приплавленнаго въ паромахъ съ Шилки. Кое-какой осинникъ вырубаютъ въ сосѣднихъ перелѣскахъ. Незначительное число бревенъ тащитъ за собой Амуръ на полной водѣ—и «имаемъ» (ловимъ—добавляютъ казаки). Въ дровахъ недостатку нѣтъ. Къ домамъ придѣланы даже крылечки, видно за тѣмъ малымъ досугомъ, который даетъ непригодная къ посѣвамъ земля. Отъ протока къ станицѣ на первомъ году поселенія успѣли проложить порядочную дорогу и даже черезъ одну болотную луговину мостъ навели.

Посѣтила цынга и эту станицу (какъ и всѣ печти отъ самаго Благовѣщенска).

— На родинѣ-то мы про нее и не слыхивали, а здѣсь вотъ довелось и на костыляхъ походить—сначала-то шибко мучились: не знали, что и дѣлать. Да вотъ степь-то дала лукъ экой (дикой — черемша): стали ѣсть, ладно вышло. Лукъ-отъ этотъ крѣпко способляетъ. Теперь однако цынги этой меньше стало.

Оказалось, что первыхъ поселенцевъ этой станицы сначала выселили было на островъ, который тянется вблизи настоящей станицы, за узенькой, но глубокой протокой. Островъ оказался узкимъ (саженъ 150), хотя и длиннымъ (16 верстъ), но безъ удобныхъ мѣстъ для пахоты. Казаки начали сильно жаловаться. Велѣли имъ отыскать новое: выбрали то, на которомъ стоитъ теперь станица.

— Наше мѣсто еще ничего, говорили мнѣ казаки, а вотъ будутъ станицы пониже, дрянь такая, что и не приведи Господи! Кочки да топи все: лѣсу опять же нѣту. У насъ хоть выѣхать за дровами, за лѣсомъ есть куда, а тамъ и того нѣту.

Ст. Петровская (8 домовъ, 20 семей) помѣщена въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. До сихъ еще поръ въ неприкосновенной цѣлости всѣ пни, сучья, неровныя, кочковатыя тропинки: все, однимъ словомъ, обстоитъ благополучно.

— Каково, братцы, живете-можете?

— Да такъ, кое-какъ пробиваемся.

— Есть ли запасы; есть ли сѣмена для посѣву?

— Запасы подъ исходъ идутъ: запасами-то крѣпко нуждаемся. А посѣять-то? *мало-мало* посѣяли. Вишь у насъ сѣять негдѣ; пахоты-то нѣту, мѣстовъ такихъ: все кочки да болотины.

— Зато для скота-поди лучше?

— Скоту точно что привольно. Травы ростутъ хорошія.

— Лѣсъ для домовъ гдѣ брали?

— А здѣсь вотъ осинникъ рубили: такой и лѣсъ нашъ.

— Да вѣдь этотъ непрочный: погніетъ скоро.

— Какой ужъ это лѣсъ! Мы на своей-то сторонѣ и въ избу его въ свою не носили, брезговали. А вотъ теперь и онъ въ честь попалъ: жить въ немъ довелось. Прочность-то его какая:—года чай два простоитъ ли полно?! Весь онъ укрѣпленъ на вѣтоши: моху не нашли. Вѣтошью (а кое у кого и берестомъ) и крыши мы свои крыли. На вѣтошь эту (старую, прошлогоднюю траву) мы въ Забайкальи палы̀ напускали, а здѣсь вотъ и она въ великую честь попала.

— Въ вѣтоши-то этой поди всякаго гнусу много?

— Довольное количество: и ужасти!

— Вѣтры—поди тоже мечутъ крыши ваши?

— Зимами-то сильныя пурги живутъ. Да вотъ и теперь: коли днемъ вѣтру не было, жди къ ночи. Дня безъ вѣтру не проходитъ.

И дѣйствительно такъ. На Амурѣ погода расходится замѣчательно скоро. Глазомъ почти мигнуть не успѣешь и пойдетъ волна постукивать въ борты лодки.

— Ладно ли ѣдите-то; ладно ли зиму-то прожили?

— Да со всячиной.

Станица *Луговая* (7 домовъ, 26 семей) помѣщена за протокой; за протокой же лежитъ и ст. *Спасовская* въ пять дворовъ (21 семья). Спасская протока вытянула длинный островъ, весь затянутый въ густую зелень. Изъ за зелени этой не видно втораго устья рѣки Уссури, которымъ вышла она въ Амуръ не далекѣ отъ Спасской станицы. Второе и главное устье Уссури расположилось въ 40 верстахъ отсюда, подъ Хабаровкой. Между этими двумя устьями и Амуромъ, обѣ рѣки набросали длинный, низменный, песчаный островъ, замѣчательный по величинѣ своей и крайней безполезности.

— Мѣсто тутъ (говорили казаки) самое такое дикое, что все одинъ песокъ да тальникъ, и какая есть трава на свѣтѣ, такъ и той кажись нѣту вовсе.

На правый берегъ Амура (лѣвой уссурійской протоки) вышелъ коротенькій, но довольно высокій горный кряжъ: его-то прорѣзываетъ устье Уссури, столько же широкое, какъ и главная (матёрая по казацки) протока Амура. Мелкимъ островамъ въ этихъ мѣстахъ какъ будто и конца нѣтъ. Прямо противъ станицы Спасской самый длинный изъ острововъ этихъ; подлѣ него залегла мель и оголилась длинная песчаная коса.

Въ этой станицѣ жалобы на бездолье превращаются уже въ ропотъ. Оказывается все дурно: и земля вся песчаная—ни садить, ни сѣять; для пахоты мѣста вовсе нѣтъ, луга хороши, но кочковаты; лѣсъ еще не вырубленъ. Мѣсто дѣйствительно безутѣшное. Въ нуждѣ своей казаки дошли напр. до того, что ѣли дубовые жолуди (недѣли за двѣ до моего пріѣзду).

— Зимой всю лопатину (носильное платье) проѣли за буду гольдамъ.

Нѣкоторые стали шить себѣ рубахи изъ мѣшечнаго холста. Хлѣбъ начали подвозить только теперь (24 мая):

— Надо быть сѣмена, говорили казаки, да мы ихъ съѣдимъ.

Въ огородахъ посаженъ лукъ, огурцы; послѣдніе уродились особенно хорошо—пришлись залежи. На этомъ мѣстѣ весьма не давно жили гольды и до сихъ поръ еще цѣлъ покинутый ими домъ. Въ дому этомъ бабы дѣлаютъ свои уроки-кирпичи не столько изъ глины, сколько изъ песку: изо ста кирпичей успѣваютъ обжигать только тридцать; остальные отъ жару трескаются и разваливаются на нѣсколько мелкихъ кусковъ (*).

(*) Новый родъ повинности—дѣланіе кирпичей лежитъ на обязанности казачекъ. Въ ст. Головиной каждая баба, начиная съ дѣвокъ и оканчивая старухами, обязаны сдѣлать въ мѣсяцъ по *тысячѣ* кирпичей для вновь строющагося сотеннаго дома.

Гольдскій домъ замѣчательно выстроенъ. Стѣны его изъ глины, перемѣшанной и перемятой вмѣстѣ съ вѣтошью, укрѣплены на тонкихъ столбахъ и чрезвычайно прочны. Потолка, по обыкновенію, нѣтъ; но крыша держится вся на тонкихъ тальниковыхъ прутьяхъ, положенныхъ прямо на стропила. Тальникъ этотъ устланъ однимъ слоемъ той же вѣтоши и также круто смѣшанной съ глиной. На этотъ слой накладывается слой сырой глины по длинѣ крыши, чтобы вода свободно могла стекать на дворъ, а не просачиваться сквозь крышу. На слой глины снова накладывается толстый слой вѣтоши, которая обыкновенно сплетается *китами*, т. е. пучками, и рѣшительно въ томъ самомъ видѣ и съ тѣми же подробностями, какъ это привелось мнѣ видѣть: въ Орловской, Тамбовской и Пензенской губерніяхъ.

— Вотъ вамъ, казаки, гдѣ бы поучиться! замѣтилъ я своимъ проводникамъ. А то вѣдь ваши крыши всѣ разметало да побросало. Крыша твердая, толстая, а вѣдь пожалуй и красивая, да и давно ужъ стоитъ поди.

— Лѣтъ восемь стоитъ, надо быть, потому что и мы-то вотъ ужъ четвертый годъ здѣсь живемъ, а домъ этотъ казалъ и въ началѣ словно бы давно ужъ тутъ.

— Такъ отчего же вы не берете простыхъ такихъ и хорошихъ примѣровъ?

— Нѣкогда, Богу повѣрьте: нѣкогда! Денегъ въ рукахъ своихъ никакихъ не видимъ. Получимъ вотъ сѣмянъ да и все тутъ.

— У насъ еще что! приговаривалъ другой казакъ. А вотъ по Усюрѣ, такъ тамъ ужъ плохо. Мы хоть козулю убьемъ да съѣдимъ; а тамъ и того нѣту. Вонъ баталіонъ-то подъ горой пришелся....

«Не знаемъ, говорили мнѣ бабы, ребятъ ли кормить, огородцы полоть, скотину обряжать; за мололѣтками смотрѣтъ; около дому возиться, али казенные кирпичи дѣлать?» Въ ст. Вознесенской тотъ же урокъ, и по той же тысячѣ на бабу. Въ прошломъ году, сказывали онѣ мнѣ, по полутораста кирпичей дѣлали для себя, а нынѣ вотъ на казенную работу посадили; а глина здѣсь съ пескомъ, плохая глина—половину сдѣлаешь, другая такъ прахомъ на огнѣ и разсыплется!

Вправо отъ насъ синѣетъ гора, подъ которой течетъ Уссури и выстроена станица Казакевича съ баталіоннымъ штабомъ (до нея отъ станицы Спасской съ небольшимъ 30 верстъ прямикомъ по уссурійской протокѣ).

— Работа у нихъ тяжелая, разсказывалъ мнѣ казакъ. Лодки-то плавятъ они все въ верхъ: станокъ-отъ еле въ сутки одолѣваютъ......

Не больше радостей и вѣстей отрадныхъ получаешь и въ слѣдующей амурской станицѣ—*Новгородской*. Первоначальное мѣсто для ея основанія пришлось въ лѣсу, среди кочекъ и выбоинъ; мѣстъ для пахоты изыскивать было нельзя; рѣшились перенести селеніе на новое мѣсто, верстъ на пять пониже. Мѣсто оказалось очень удобное: всходы были отличные. Въ день моего пріѣзда получили небольшое количество сѣмянъ и всѣ, не смотря на празничный день, бросились въ поле (верстахъ въ 3 отъ селенія). Въ станицѣ я не нашелъ ни одного казака. Лѣсъ отъ станицы верстахъ въ двухъ, но хорошаго нѣтъ: одинъ только осинникъ. Бурундуки разрываютъ огороды и ощипываютъ зелень преимущественно на капустѣ.

— Какъ (говорятъ) плотно ни прикроешь разсаду: пролезетъ проклятой. Есть они тоже у насъ въ Забайкальѣ, такъ станешь прочищать мѣста около лѣсу, корни выкапывать—пропадаютъ.

Въ сосѣднемъ лѣсу трехъ кабановъ убили: одного въ 10 пудъ, другаго въ три. Тѣ, которыхъ убили осенью, были жирнѣе; весенніе (недавніе) попались скудны тѣломъ и жиромъ. Охотились на сохатаго, на козуль. Вотъ казачья мясная пища! Въ прошломъ году былъ неводъ—рыбу ловили.

— Нынче неводъ загнилъ, а новаго сдѣлать некогда, да и не на что. Хлѣбомъ кое-какъ перебивались изъ Хабаровки, по небольшому количеству снабжали — были милостивы. Кое-что покупали у гольдовъ. У манчжуръ всего много въ избыткѣ, да ничего они продавать не хотятъ. Такъ, слышь, имъ отъ ихняго начальства приказано!

Новгородская станица—послѣднее казачье селеніе на лѣвомъ берегу Амура и послѣдняя принадлежащая Амурской области. Хабаровка—первая станица на правомъ берегу Амура и лѣвомъ Сибири. Характеръ мѣстности и характеръ самыхъ населеній принимаетъ иныя формы, видоизмѣняется. Амуръ изъ степныхъ пространствъ вступаетъ въ лѣсную полосу: лѣса сопровождаютъ его вплоть до устья, до Охотскаго моря. Все пространство это отъ устья Уссури предназначено для такъ называемыхъ гражданскихъ поселенцевъ, изъ охотниковъ—крестьянъ русскихъ губерній. Хабаровка стоитъ на самомъ рубежѣ этихъ двухъ разнородныхъ семействъ: казачьяго и крестьянскаго (казачьи поселенія идутъ еще по всему правому берегу рѣки Уссури).

Хабаровка расположена въ 927 верстахъ отъ Благовѣщенска и почти въ такомъ же разстояніи отъ Николаевска.

III. ОТЪ ХАБАРÓВКИ ДО НИКОЛАЕВСКА.

Рѣка Уссури, впадая въ Амуръ почти подъ прямымъ угломъ, ведетъ по лѣвому берегу своему тотъ низменный и песчанистый островъ, который образуется ея вторымъ рукавомъ и рѣкою Амуромъ. На правый берегъ Уссури (за 40 верстъ до устья) выходятъ высокія сопки—отроги внутренняго возвышеннаго хребта, носящаго на языкѣ туземцевъ названіе *Хохцыра.* Отроги его, по мѣрѣ приближенія рѣки къ устью, постепенно склоняются и идутъ въ большей части случаевъ сплошными прикрутостями. Тамъ, гдѣ Уссури встрѣчается съ Амуромъ, послѣдняя прикрутость Хохцыра оступается въ воду крутой, каменистой скалой, стоящей какъ бы отдѣльно и въ тоже время богатой разновидностями растительнаго царства. Объ эту скалу Амуръ какъ будто надламывается и, какъ бы уступая быстрому подгорному теченію Уссури, круто поворачиваетъ къ сѣверу и идетъ почти въ томъ же направленіи, какъ и Уссури. Долго затѣмъ темная вода этой послѣдней рѣки не мѣшается съ желтоватою полосою воды амурской; долго потомъ Амуръ течетъ все въ одномъ и томъ направленіи, какое назначено ея притокомъ. Устье обѣихъ рѣкъ замѣчательно широко и многоводно; сліяніе ихъ обозначилось вначалѣ огромнымъ откосомъ, замѣчательной величины мелью; фарватеры обѣихъ рѣкъ прижимаются къ противоположнымъ берегамъ (уссурійскій къ правому, амурскій фарватеръ къ лѣвому берегу); круто-обрывистая скала служитъ раздѣломъ водъ и той и другой рѣки. Около этой-то скалы и по ея отклонамъ, или прикрутостямъ уссурійскаго берега, выстроилось новое казенное селеніе, носящее имя перваго храбраго завоевателя Амурскаго края, *Хабарова.*

Застроенная исключительно домами баталіоннаго штаба (въ видѣ крупныхъ казармъ и мелкихъ домовъ для семейныхъ), Хабаровка съ рѣки поражаетъ замѣчательною оригинальностью постройки и самаго вида. Благодаря естественному строенію Хабаровской горы, разбившейся на двѣ—на три террасы, и отчасти предусмотрительности строителей, Хабаровка выстроена именно такимъ образомъ, что ни одно строеніе ея, какъ бы оно ничтожно и не красиво ни было, не прячется отъ глазъ, не скрывается одно за другимъ. При сравнительно-маломъ числѣ строеній, Хабаровка кажетъ при выѣздѣ съ Амура большимъ, люднымъ и хорошо обстроеннымъ селеніемъ. Дома Амурской компаніи, застроенныя поодаль за оврагомъ на отдѣльной прикрутости (по направленію къ Уссури), въ общемъ видѣ Хабаровскаго селенія играютъ не послѣднюю роль и въ свою очередь значительно дополняютъ своеобразность этого ландшафта. Лишь только проѣзжій очутится на берегу, стукъ топора и визгъ пилы преслѣдуютъ его съ утра до вечера, вездѣ: и на томъ краю, гдѣ выстроились въ два ряда длинныя казармы, и на другомъ *флангѣ* (какъ привыкли выражаться въ Хабаровкѣ), гдѣ опять идутъ казармы, нѣсколько землянокъ и оврагъ съ пересыхающимъ ручьемъ, за которымъ на горѣ и въ невырубленномъ еще лѣсу помѣстились строенія Амурской компаніи. Между домами кое-гдѣ огороды, во многихъ мѣстахъ убраны свѣжіе пни богатыхъ и нѣкогда рослыхъ деревьевъ и, благодаря распорядительности начальства, съ одного конца селенія до другаго (на разстояніи двухъ верстъ) проведена гладкая дорога, родъ шоссе. Шоссе это, воспользовавшись разлогами скалъ, спускается на берегъ Амура, ниже скалы, раздѣляющей воды двухъ рѣкъ, и оканчивается тамъ, гдѣ выстроены госпитальныя зданія. Лѣсъ на этой скалѣ остался въ цѣлости, невырубленнымъ; прочищены между деревьями дорожки и убранъ валежникъ, вслѣдствіе чего первобытное лѣсное мѣсто превратилось въ довольно большой и красивый садъ. Съ одного пункта этого сада, съ одной площадки его, видна вся затѣйливая и хитро обдуманная постройка Хабаровки, видна Уссури съ двумя песчаными отмелями, съ низменнымъ огромнымъ островомъ, дальнымъ высокимъ хребтомъ Хохцыръ, видѣнъ прямо передъ глазами широкій Амуъ, огибающій огромную низменность, ушедшую въ безконечную даль къ станицамъ Новгородской, Спасской и Луговой (*). Вторая, расчищенная въ саду площадка выводитъ наблюдателя уже прямо на Амуръ и показываетъ ему то мѣсто, гдѣ обѣ рѣки сошлись въ одно русло и только подлѣ самаго берега, подъ ногами, вода рѣки Уссури быстротой теченія оспариваетъ свое мѣсто и право у спокойнаго, торжественнаго теченія желтоватой воды амурской. Прямо передъ глазами тянется еще во всей своей неоглядной красотѣ зеленая степь низменнаго лѣваго амурскаго берега; правѣе и дальше выплываютъ амурскіе острова, и еще правѣе, по правому берегу Амура, потянулись уже вѣковые густые лѣса, наполненные дубами, лиственицей, букомъ, орѣшникомъ, и проч. На этотъ разъ правой берегъ Амура—русскій берегъ, нераздѣльно съ лѣвымъ, принадлежащій по правительственному раздѣленію —какъ извѣстно—къ приморской области Восточной Сибири.

Во всякомъ случаѣ Хаборовку должны мы отнести къ числу лучшихъ, красивѣйшихъ мѣстъ по всему долгому теченію Амура, и готовы пожалуй признать за нею всѣ выгоды и преимущества для того, чтобы селенію этому со временемъ превратиться въ городъ. Дѣйствительно лучшаго мѣста для города выбрать трудно

(*) Тутъ же, неподалеку отъ этой бесѣдки, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ скалы, уцѣлѣлъ еще до сихъ поръ маленькій гольдской храмъ, родъ часовни, съ чугуннымъ колпакомъ у дверей, замѣнявшимъ для инородцевъ колоколъ. Въ храмѣ этомъ сохранились еще два деревянныхъ подсвѣчника и даже уродливый бурханъ—идолъ изъ дерева, можетъ быть и недавній, судя по свѣжести березы, можетъ быть вчера поставленный поклонниками. Всѣ хабаровскіе гольды выселились нѣсколько пониже, небольшая часть живетъ въ Хабаровкѣ въ услуженіи.

и вѣроятно городъ и будетъ тутъ, если измѣнятся настоящія условія амурскихъ заселеній и если будущее Амура будетъ счастливѣе его настоящаго.

Уссури сдѣлала Амуръ на дальнѣйшемъ теченіи его замѣчательно широкимъ. Рѣдко онъ успѣваетъ протянуть свое русло отъ гористаго материковаго берега до горъ другаго противоположнаго, по большей части, какъ и прежде, застилаясь множествмъ островов, но за то острова эти становятся замѣчательно больше. Вѣтры, которые на этотъ разъ по большей части низовые (встрѣчные) и по преимуществу сильные и устойчивые, успѣваютъ разводить и гнать такія волны, которыя рѣшительно напоминаютъ волны морскія. Въ одномъ мѣстѣ намъ удается замѣтить такое огромное количество чаекъ, какое можетъ быть видно только въ одномъ Соловецкомъ монастырѣ; но тамъ чаекъ этихъ прикармливаютъ—здѣсь онѣ сами, невыразимымъ пискомъ, поминутно набрасываются на воду, предварительно описывая круги въ воздухѣ. Видимо рыбы тутъ много, и если не всякой, то по крайней мѣрѣ мелкой. Не увеличивая своей глубины, рѣка продолжаетъ иногда затягиваться мелями и даже во многихъ мѣстахъ сдавать такъ называемыми *перелѣвами*, т. е. песчаными косами такого рода, которыя появляются середи рѣки и затягиваютъ ее почти отъ одного ея берега до другаго. По обыкновенію также замѣчательная на рѣкѣ рѣдкость—*буяны*-камни, случайно помѣстившіеся иногда въ самой серединѣ (*). Береговые отпрядыши, откоски, все еще по прежнему очень часты и примѣтны для глазъ по желтизнѣ воды на всѣхъ мѣстахъ подобнаго рода и по тѣмъ *толкунцамъ*, которые набиваютъ набѣгающія волны—*бѣльки*. Теченіе рѣки замѣтно быстрѣй, по крайнѣй мѣрѣ на всемъ ближай-

---

(*) Черезъ буяны эти вода—какъ говорятъ казаки—*перекатывается*; оттого они всегда непримѣтны. Пять-шесть камней замѣчено нами на всемъ теченіи Амура. Малое количество ихъ—гордость, счастливая особенность Амура!

шемъ къ Хабаро́вкѣ пространствѣ; быстрота эта примѣтно и значительно увеличивается во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ естественно, гдѣ въ Амуръ выбѣгаютъ рѣки, всегда на этотъ разъ горныя и конечно быстрыя, и если не порожистыя, то во всѣхъ случаяхъ каменистыя и рыбныя. Горы, сопровождающія сначала одинъ правый берегъ, а потомъ, на второй сотнѣ верстъ отъ Хабаровки, оба берега, какъ будто круче и выше; вершины ихъ острѣе, и во всякомъ случаѣ всѣ выкрыты довольно-густымъ лѣсомъ и всѣ мрачнаго, непривѣтливаго вида. Нѣкоторыя сопки, зачастую выходящія прямо на рѣчной берегъ, высотой своей не уступаютъ Хинганскимъ сопкамъ; большая часть изъ нихъ голы и обрывисты. Иногда между горными кряжами задаются пространныя низменности, но замѣчательно рѣдко,—всѣ они заставлены густыми, темными рощами. Острова одни (которымъ положительно можно счетъ потерять) все еще бѣдны растительностью; на большую половину песчанистаго свойства, обрывистые и обсыпчивые на всякой сильной и устойчивой волнѣ, острова эти, по большей части, выкрыты чахлымъ кустарникомъ, носящимъ на мѣстномъ языкѣ казаковъ и солдатъ названіе *таволожника*. Кустарники эти растутъ часто и плотно, съ трудомъ проходимы, особенно когда по окраинамъ береговъ они идутъ въ сопровожденіи высокаго безтолковаго тальника. Рѣка во многихъ мѣстахъ подлѣ береговъ завалена грудами вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ—явленіе особенно частое и особенно замѣчательное на Амурѣ. Здѣсь процессъ строенія береговъ и образованія кореннаго законченнаго русла все еще какъ будто не остановился ни на чемъ положительномъ; все еще какъ будто продолжается. Во многихъ мѣстахъ острова значительно (на половину иногда) уменьшились въ величинѣ и объемѣ; во многихъ они совершенно смыты, пропали. Особенно знаменательный фактъ совершился противъ ст. Горинской (Хоро). Тамъ пропалъ нынѣшной весной островъ, который—по словамъ старожиловъ—до прихода русскихъ имѣлъ длины шесть верстъ; въ началѣ нынѣшной весны отъ него оставался еще замѣчательно-большой кусокъ длиной съ версту. Вода пять лѣтъ подмывала его и потомъ, разломавши медленно и вѣрно на нѣсколько частей, разсыпала наконецъ въ разныя стороны безъ шуму, безъ грому, со всѣмъ сущимъ на немъ: деревьями, камнями, бурундуками, крысами и прочимъ. Конечно теперь въ этомъ мѣстѣ образовалась мель. Берега Амура густо поросли лѣсомъ: березой, пихтой, сосной и елью; часто на прибрежный щебень, изъ па́дей выбѣгаютъ живые, свѣжіе ручейки-ключи, которые, кажется, нынѣшной только весной выбились на свѣтъ Божій и мчатъ-себѣ безъ русла прямо по камнямъ и черезъ нихъ, мало-по-малу быстротой своей раздвигая ихъ. Лѣтомъ образуется русло; къ осени оно пересохнетъ и на осеннихъ дождяхъ, по всему вѣроятію, снова расширится. Зимой все это затянетъ снѣгомъ и закрѣпитъ льдами; на будущую весну ручей вздумаетъ проложить новую дорогу и старое русло пропало на вѣки. Такихъ ложбинокъ по прибрежьямъ очень много.

Стороннiе виды, на этомъ низовомъ теченiи Амура, необычайно-дики, особенно по правому берегу рѣки: темная, густая полярная зелень сосенъ, пихтъ и елей сумрачно глядитъ по низовьямъ этого берега и, лѣса, то постепенно понижаясь и возвышаясь, взбираются по ближайшему невысокому гребню, то, рѣдѣя и путаясь съ свѣжею зеленью недавно распустившихся березъ и лиственницы, разсыпаются по всей ширинѣ и длинѣ ближайшихъ къ водѣ прибрежій. Хороши и картинны во всѣхъ этихъ случаяхъ подъемы на горныя отлогости по ровнымъ, словно подстриженнымъ, вершинамъ деревьевъ. Тянутся лѣса эти ровно и гладко на широкомъ пространствѣ и, постепенно чернѣя вдали, пропадаютъ въ падяхъ, заставленныхъ новой горой, также вплотную выкрытыхъ такой же рощей. А тамъ дальше, назади, словно великаны, стоятъ на сторожѣ высокiе хребты плотной и мрачной стѣной. Зелень тамъ стушевалась въ громадную черносинюю площадь, по зубчатымъ вершинамъ которой стелются и липнутъ по мѣстамъ, что облака, бѣлесоватые и длинные клубы тумановъ. Но за то мирно глядитъ лѣвый берегъ, весь усыпанный мелкимъ щебнемъ, между которымъ съ великимъ трудомъ можно отыскать крупные камни. Камни эти, какъ осколки, сопровождаютъ только скалистые берега; у лѣсовъ же, какъ и на низменныхъ берегахъ, большіе крупные камни—замѣчательная рѣдкость.

Дикость и безпривѣтность всѣхъ этихъ мѣстъ удвоивается еще крайнимъ безлюдьемъ. На всемъ этомъ пространствѣ отъ Хабаровки до Маріинска (въ пятьсотъ слишкомъ верстъ) весьма рѣдко разставлены одинокія избы въ разстояніи одна отъ другой въ 30—35—40 верстахъ. Избы эти носятъ названія по большей части ближайшихъ къ нимъ гольдскихъ селеній и рѣкъ, чаще отличаются нумерами, по счету, начатому съ Хабаро̀вки. Избы эти—станки, деревянные дома, на половину не отстроенные,—населены небольшимъ числомъ (меньше десятка) линейныхъ солдатъ, получающихъ казенное содержаніе и обязанныхъ смотрѣть за казенными почтовыми лошадьми, рубить лѣсъ для казенныхъ пароходовъ. Они выстроили эти избы и перестроили ихъ, когда время въ-явь показало, что все, что скоро—не бываетъ споро. За все это солдаты получаютъ 1½ фунта хлѣба (сухарями); муки, когда подвезутъ; крупы, когда дадутъ, и вотъ уже почти полгода не получаютъ *ни щепотки соли*. Что̀ и рыба гольдская, что̀ и дичь лѣсная безъ этой приправы?

При нѣкоторыхъ избахъ семейными солда̀тами разведены огороды; вырублены значительныя лѣсныя росчисти; но пахатныхъ мѣстъ нигдѣ не заготовлено, и по необязательству, и за недосугомъ. Въ помѣщеніи этихъ станковъ замѣчается одно общее стремленіе—ставить ихъ ближе къ селеніямъ гольдовъ, безъ разбора удобныхъ или неудобныхъ мѣстъ; нѣкоторые изъ нихъ очутились на острову и иногда на подмываемыхъ водою берегахъ, отчего нѣкоторые станки принуждены были перенести во второй разъ на новыя мѣста. При нѣкоторыхъ изъ нихъ построены бани, по большей части изъ первоначальныхъ землянокъ; около многихъ сооружены сараи для складовъ пайка и покупной у гольдовъ провизіи. Выстроенныя на мѣстахъ, открытыхъ вѣтрамъ, станціонныя избы представляютъ видъ разрушенія: разметанныя крыши, разбитыя окна. У нѣкоторыхъ изъ этихъ станковъ пристроено нѣсколько новыхъ избъ, назначенныхъ для такъ называемыхъ гражданскихъ переселенцевъ, плывущихъ сюда изъ внутреннихъ русскихъ губерній. Таково по крайней мѣрѣ селеніе *Горинское*.

Еще далеко до этого селенія и почти сейчасъ же за Хабаровкой, на берегу Амура, разбросаны гольдскія селенія, доходящія въ количествѣ юртъ своихъ въ одномъ мѣстѣ отъ 3 и 4 до 12 и 23. Впрочемъ большая часть этихъ деревень держится материковаго берега и разбросана за островами и по протокамъ; замѣчательно рѣдки онѣ по берегамъ главнаго амурскаго русла. Но всѣ по преимуществу заняли лучшія, удобныя мѣста для поселеній; гольдскія деревни, какъ маяки, могутъ въ этомъ случаѣ служить указаніемъ для новыхъ русскихъ поселеній. Выйдетъ широкая, обширная падь съ бойкой рѣкой или рѣчонкой; разстелется ровная прикрутость, заслоненная горами,—гольдская деревня непремѣнно уже разбросалась со своими зимниками (назади) по уступамъ, террасамъ, по такъ называемымъ *подушечкамъ* и со своими лѣтниками,—на *стрѣлкахъ*, по песчанистымъ или каменистымъ прибрежьямъ, впереди селенія. Зимники обмазаны глиной, лѣтники изъ береста: обстоятельство, дѣлающее гольдскія деревни похожими одна на другую, какъ двѣ капли воды, даже и въ мельчайшихъ подробностяхъ и обстановкѣ. Таковы всѣ, попавшія намъ на глаза гольдскія деревни: Доле, Маи, Панке, Хунгари, Джооми, Мылки, Бѣльго, Цянка, Хоро и друг. Гольдовской деревнѣ обыкновенно предшествуютъ большіе и частые ряды мелкихъ кольевъ, воткнутыхъ въ землю на всемъ пространствѣ отъ воды до юртъ. На перекладины этихъ кольевъ гольды вѣшаютъ обыкновенно свою юколу—ремни, ленты, вырѣзанныя изъ выловленной красной рыбы: киты и горбуши, и желтыя изъ осетрины (головы рыбы просушиваются особо). Оттого-то осенью гольдская деревня всегда отливаетъ краснымъ цвѣтомъ, какъ будто сплошными полосами крышъ. На этихъ кольяхъ красная рыба обыкновенно вялится и по зимамъ служитъ вмѣстѣ съ будою единственною пищею этого инородческаго племени (эта же юкола вмѣсто мяса вошла въ паекъ для солдатъ, населяющихъ станки). По этимъ же кольямъ можно легко узнать гольдскую деревню издали и этихъ же колышковъ можно пожелать и русскимъ селеніямъ Немного отступя отъ берега, поближе къ водѣ, всегда на низменности, выстроены берестяныя юрты-лѣтники, которыя иногда снимаютъ на зиму, иногда относятъ ихъ на нѣкоторыя разстоянія отъ селеній, на мѣста болѣе счастливыхъ и выгодныхъ улововъ рыбы. За лѣтниками, всегда на возвышенности, выстроены зимники изъ мятой и смѣшанной съ ветошью глины. Юрты эти ничѣмъ не отличаются отъ манчжурскихъ юртъ. Тѣже широкія окна съ бумагой вмѣсто стеколъ, тѣже нары кругомъ всей юрты, накрытыя соломенными цыновками, и подогрѣваемыя снизу проведенными изъ печки трубами; тѣже неизмѣнные горнушки съ горячими угольями во многихъ мѣстахъ подлѣ самыхъ наръ, въ количествѣ трехъ-четырехъ, смотря по числу семействъ, живущихъ въ юртѣ. Уголья эти необходимы для гольдовъ и гольдянокъ, зараженныхъ отъ мала до велика страстью къ куренію табаку. По этой причинѣ у рѣдкаго изъ гольдскихъ селеній не видать на задахъ огородовъ съ длинными зелеными лопухами манчжурскаго табаку. Кромѣ огородовъ у гольдовской деревни нѣтъ никакихъ другихъ особенныхъ украшеній. Въ замѣчательно-рѣдкой изъ нихъ, гдѣ нибудь на пригоркѣ виднѣется деревянный храмикъ съ деревянными же, но не крашенными бурханами. Но за то во всякой изъ деревень, клети для рыболовныхъ снастей и домашняго скарбу, утвержденныя на четырехъ столбахъ, на нѣкоторомъ возвышеніи отъ земли (*); кучи собакъ, злыхъ и безпокойныхъ; нѣсколько

(*) — Отъ крысъ, какъ увѣряютъ гольды: обыкновеніе замѣчательное, которому нашимъ казакамъ и солдатамъ не мѣшало бы послѣдовать. На одномъ только русскомъ станкѣ я видѣлъ клеть на столбахъ, но во всѣхъ слышалъ жалобы на бездолье, причиняемое крысами казенному провіанту.

стариковъ, женщинъ и малолѣтковъ, оставшихся домовничать за уходомъ всѣхъ остальныхъ на рыбные промыслы; на берегу лежатъ опрокинутыми гольдскія лодки, носящія общее названіе манчжурокъ (*). Затѣмъ — картина гольдской деревни не требуетъ уже никакихъ пополненій.

Гольды только чернотой лица и бòльшею скулатостью отличаются отъ манчжуръ, да еще можетъ быть страстью ко всякаго рода подвѣскамъ. Намъ случалось встрѣчать и у мужчинъ въ ушахъ огромныя кольца съ подвѣсками изъ разноцвѣтныхъ камней; тѣже огромныя мѣдныя кольца попадались въ ушахъ у женщинъ и въ ноздряхъ у маленькихъ дѣвочекъ. Домашная обстановка, одежда — все повидимому заимствовано гольдами и народъ этотъ, какъ будто ни иное что, какъ одичавшее племя манчжуровъ, живущее въ пустыняхъ и за горами, вдалекѣ отъ городовъ и людныхъ селеній. Тѣже бритые лбы, длинные косы, черные какъ смоль волоса, рубахи и русскія и манчжурскія, курмы и у голь-

---

(*) Изумительно просто устройство этой лодки. Въ основаніе ея положена доска нѣсколько согнутая, приподнятая къ носу и закругленная. На носу, отступя четверти на двѣ отъ краевъ, въ жолобахъ утверждаются двѣ четыреугольныя доски подъ острымъ угломъ, образующія самый носъ. Къ этимъ носовымъ доскамъ и къ нижней основной прикрѣпляются двѣ параллельныя доски, которыя на кормѣ закрѣпляются снова одной (шестой) досчечкой и — лодка въ родѣ ящика готова. Служитъ она обыкновенно года два-три. Весла очень легки (ихъ два) и имѣютъ форму закругленной лопатки. Кромѣ лодокъ подобнаго несложнаго устройства, между гольдами, орочонами и манчжурами употребительна также и такъ называемая *оморча* или лучше корыто изъ береста. Бересто прибито къ шпангоуту; шпангоутъ этотъ или ребра изъ узкихъ и тоненькихъ дранокъ. По бортамъ — скрѣпы круглыми деревянными брусками съ тремя, четырьмя и пятью распорками поперекъ. Садится одинъ человѣкъ по ширинѣ лодки и борты ея уже подлѣ самыхъ боковъ сѣдока. По длинѣ оморочи могутъ располагаться, поджавши и даже вытянувши ноги, два и три человѣка на днѣ. Весло держится обѣими руками и противъ груди, потому что у весла этого двѣ лопасти съ противоположныхъ краевъ. Гольдъ обыкновенно то опускаетъ одну лопасть, поднимаетъ другую, то загребаетъ одной лопастью, смотря потому куда и какъ ему нужно приставать и во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ необыкновенно ловко. Оморочa летаетъ какъ птица, не отставая отъ легкихъ амурскихъ пароходовъ на полномъ ходу. Оморочу гольдъ обыкновенно по берегу переноситъ на плечахъ: такъ она легка. Легка и манчжурка: ее обыкновенно свободно носятъ два человѣка.

довъ, какъ у самихъ манчжуръ. Языкъ гольдскій впрочемъ не имѣетъ ничего схожаго, но за то та же страсть украшать кисеты съ табакомъ нашими русскими цѣлковыми и полтинниками; таже страсть къ торговлѣ, доведенная до навязчивости и наконецъ тѣже законы въ заимствованіи и коверканьи рускихъ словъ въ способахъ и пріемахъ при торговлѣ.

— Далеко ли до Бѣльго? спрашивали мы одного гольда.

— Нѣту далеко! отвѣтилъ намъ гольдъ также, какъ отвѣтилъ бы намъ въ подобномъ случаѣ и манчжуръ, умѣющій—что называется здѣсь—говорить по русски.

—Деревня тамъ?—спрашивали мы опять того же гольда.

—Рушки юртъ—отвѣчалъ онъ намъ; и тотчасъ же обратился съ своимъ запросомъ:

—Соболи есть купи: селебело есть купи соболи?

Отъ привычки нетрудно было понять, что у него есть соболи, что онъ желаетъ ихъ продать, но не иначе, какъ на серебряную монету.

Въ лодку мою, лишь только она приставала къ какой нибудь гольдовской деревнѣ, лѣзли эти гольды съ юколой, осетриной, бѣлужьей свѣжей икрой. Привелось мнѣ у одного купить и расплачиваться пятиалтынными. Гольдъ и толкъ потерялъ: не беретъ.

—Покажи сколько ихъ приведется на чальковой!—могъ я понять по его движеніямъ и словамъ. Манчжуры въ этомъ отношеніи далеко опередили гольдовъ, и счетъ деньгамъ русскимъ знаютъ лучше нашей другой старосвѣтской мелкопомѣстной барыни.

Одинъ только гольдъ на всемъ пути моемъ отъ Хабаровки до Маріинска съумѣлъ прямо выпросить *четыре чальковыхъ и половину* за одного довольно порядочнаго соболя.

Солдаты наши у одного изъ гольдовъ на кисетѣ съ табакомъ, между многими другими подвѣсками, замѣтили русскій серебряный крестъ. Потолковавши между собой, рѣшили крестъ этотъ выкупить, «чтобы нехристь надъ нимъ не надругалась». Пошли на сдѣлку и «кое по перстамъ, кое на языкѣ», столковались на томъ, чтобы отдать столько серебряныхъ монетъ, сколько вытянетъ крестъ. «Крестъ вытянулъ три четвертака: три четвертака и отдали»

Кроткій, миролюбивый взглядъ, крайняя бѣдность одежды, коротенькія наполеоновскія клинообразныя бороды у стариковъ, смѣлыя улыбающіяся лица у ребятишекъ и робость при встрѣчѣ русскаго только въ прекрасной половинѣ гольдскаго племени; въ говорѣ частныя придыханія:—вотъ все, что можно было замѣтить въ гольдахъ при легкомъ поверхностномъ наблюденіи.

Шумно живутъ довольно-людныя гольдскія деревни, оживленныя и людскимъ крикомъ и лаемъ собакъ. Какъ и быть надо, жилымъ и настоящимъ селеніемъ глядятъ всѣ эти Бѣльго, Джооми, Хунгари и друг. Въ этомъ отношеніи имъ могутъ даже позавидовать всѣ наши казачьи верховыя станицы. И какимъ-то мертвеннымъ, бездушнымъ контрастомъ отбиваютъ наши русскія избы, построенныя всегда поодаль деревень гольдовъ (верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ и 2-хъ), хоть бы напр: и та изба, которая выстроена не подалеку отъ деревни *Цянка*. Въ деревнѣ этой намъ довелось купить у гольда рыбы калужины (бѣлужины) и фунтовъ 10 икры. Мы давали ему серебра; серебра онъ не бралъ: просилъ табаку. «Подари, говоритъ, мнѣ табаку, а я тебѣ рыбу подарю».....

— Чѣмъ вы пользуетесъ отъ гольдовъ? — спрашивалъ я у солдатъ.

— Да чѣмъ отъ нихъ поживишься?! Рыбу даютъ; рыбы они много промышляютъ.

— Чѣмъ же вы платите имъ за это?

— А ничѣмъ, да и нечѣмъ: даромъ даютъ, въ подарокъ.

— И дружно вы съ ними живете?

— Дружно: народъ чудесной, честной. Гиляки пониже-то живутъ: тѣ народъ—плуты, разбойники, скверной народъ. Самогиры съ верховьевъ Горюна-рѣки (Гирина) приходятъ, совсѣмъ какъ гольды, по языку только и распознаешь: другой языкъ. А то все одно!

— Чѣмъ эти промышляютъ?

— Соболей много живетъ въ хребтахъ-то.

— А еще что живетъ тамъ?

— Медвѣдей много. Вотъ и теперь у нихъ съ годъ ужъ живетъ одинъ въ срубѣ: для гиляковъ откармливаютъ. Гиляки эти разъ въ году, въ праздникъ, медвѣдя этого выпускаютъ изъ сруба; бѣгутъ за нимъ, на веревки крутятъ, борются; а какъ онъ изойдетъ ужъ силой—тогда прикалываютъ и ѣдятъ. Этимъ они своему богу почетъ воздаютъ. А на счетъ медвѣдя, тò они этого звѣря почитаютъ за человѣка; очень поэтому его любятъ и боятся..... Въ хребтахъ-то нашихъ еще олени водятся....

И вотъ послѣ слуховъ о кровожадныхъ тиграхъ, начинаются слухи о недальныхъ оленяхъ—самыхъ мирныхъ изо всѣхъ лѣсныхъ обитателей. Амуръ сильно подается къ сѣверу и все на немъ обличаетъ близость суровыхъ полярныхъ странъ. Дни все время стоятъ замѣтно холоднѣе, чѣмъ тѣ, какими дарили насъ берега Амура между Хинганомъ и Хабаровкой; ночи замѣтно суровѣе; разъ завязавшійся вѣтеръ, всегда противный и всегда крѣпкій, тянетъ безпрерывно полторы-двои сутки. Вѣтеръ этотъ какъ будто припадетъ на рѣкѣ; слышишь—онъ уже гудитъ по горѣ, шатаетъ лѣсами, несетъ оттуда гулъ, который постепенно усиливается; вѣтеръ накидывается на воду, круче заворачиваетъ уже раньше расходившіяся волны и рябитъ ихъ хребты съ визгомъ и крупными брызгами. Гулъ становится общимъ; опять на время припадетъ и опять начнетъ сначала. Вѣтеръ иногда, что называется, обтечетъ и станетъ намъ боковымъ и начнетъ какъ будто укладывать, уменьшать волны; смотришь— и опять онъ во всей своей силѣ, какъ и быть надо весеннему свѣжему и не столько рѣчному, сколько морскому вѣтру.

На дальныхъ горахъ замѣчаются какъ будто прòсвѣты и прòсвѣтовъ этихъ особенно много послѣ того, какъ разрѣдились туманы, сгруппировавшіеся по дальнимъ окраинамъ неба. Какія-то свѣтлыя, серебристыя, яркія пятна видятся намъ на дальныхъ горныхъ вершинахъ.

— Гольцы подошли!—замѣтилъ одинъ солдатикъ.

— Въ Камчаткѣ и все такъ!—подсказалъ другой.

— На Байкалѣ-морѣ такихъ гольцовъ тоже очень много, и на нихъ снѣгъ никогда не таетъ. Эти, надо быть, къ морю ужъ подошли!—рѣшилъ изъ гребцовъ моихъ третій.

И дѣйствительно, горы такъ высоки, что какъ будто упираются вершинами своими въ небо. Мѣстахъ въ десяти сверкаютъ остатки снѣга, можетъ быть вѣчнаго, но во всякомъ случаѣ вёшняго. Туманъ по мѣстамъ прицѣпился къ нимъ и снѣгъ оттѣняетъ своимъ мертвеннымъ, дымчатымъ цвѣтомъ еще яснѣе. Горы кажутся рѣшительно высеребренными. Долго смотришь на нихъ и не можешь достаточно налюбоваться: и дико, и своеобразно, и великолѣпно!.... Цѣлый гребень гольцовъ этихъ залегъ тамъ въ туманной дали и долго тянется длинной и непрерывной цѣпью; ярко-серебристымъ цвѣтомъ отливаютъ они, рѣзко, необыкновенно-рѣзко оттѣняясь отъ сосѣднихъ бѣлесоватыхъ облаковъ. Одинъ хребетъ выше другаго и безъ всякаго сравненія выше переднихъ, близкихъ къ рѣкѣ. Послѣ крайняго однообразія амурскихъ береговъ картины гольцовъ увлекательны. Долго потомъ держался туманъ около этихъ снѣговъ, но затѣмъ мало по малу пропалъ, поднявшись выше и серебро горъ потеряло всю свою прелесть и весь эффектъ. Серебро вершинъ ихъ, неоттѣняемое теперь контрастомъ дымки тумана, оказалось простыми глыбами снѣгу, залежавшагося еще на горахъ, не смотря на то, что было 1-е іюня. Гольцы по всему вѣроятію не гольцы, а болѣе возвышенныя вершины. выкрытыя тѣмъ же лѣсомъ, хотя на этотъ разъ можетъ быть и чахлымъ, рѣденькимъ, низкимъ. Горятъ серебромъ только оамое дальніе и высокіе хребты; на горахъ (также высокихъ) по лѣвому берегу, снѣгу уже нѣтъ нигдѣ и уцѣлѣлъ онъ только въ падяхъ и ложбинахъ между горами праваго берега.

Немного разнообразія несутъ за собою и слѣдующія мѣста по Амуру, и слѣдующіе станки за Гириномъ, окрещенные уже русскими именами, каковы: Чуринова, Шелехова, Литвинцева, Жеребцовская, Шахматова, Ѳедоровская, Елисеева. Чуриновскій домикъ — рѣшительная вербная игрушка: и лѣсенка, и избушка, и мохъ даже есть.... Въ немъ нашли мы двухъ линейныхъ солдатъ (двое другихъ ушли на работу въ лѣсъ); ни полей, ни огородовъ не разводили. Соль вчера получили; безъ нея сидѣли долго. Въ Шелеховой видъ тотъ же: изба на горѣ по подушкѣ, ручеекъ выбѣжалъ, на берегу къ горѣ примкнулась баня..... Въ станкѣ Ѳедоровскомъ на берегъ вышла баба; гребцы мои солдатики, отправленные въ Николаевскъ изъ Хабаровки, завели съ ней разговоры, ничего интереснаго.

— Сколько верстъ до Елисеевскаго?

— Тридцать.

— Гдѣ солдаты-то?

— Лѣсъ рубятъ (слышенъ звонъ топоровъ гдѣ-то по близости).

— Чей мальчикъ-то?

— Мой.

— И ладно! Промежуточнаго станка нѣтъ?

— Нѣту.

— Будь здорова, тетка, прощай!

И ребята хохочутъ: довольны.

— Охота же вамъ объ такихъ пустякахъ разговаривать—замѣтилъ я имъ.

— Живой человѣкъ, ваши благородіе! Поговорить хочется: скучно ужъ очень шестые сутки безъ молвы ѣхать; скучно ѣхать....

Дѣйствительно скучно: мѣста прибрежныя становятся сумрачнѣе и тоскливѣе; горы глядятъ голыми камнями, лѣсъ затянулся мертвенной хвоей. Противный вѣтеръ тянетъ крѣпкимъ холодомъ и цѣлые сутки держитъ насъ прибитыми въ лодкѣ къ пустынному песчанистому берегу. Гольдскія деревни становятся рѣже и мельче: дома два-три и — небольше. Припадетъ вѣтеръ—на вершинахъ горъ завяжутся туманы: скоро поползутъ они внизъ; мгновенно затянутъ дальную деревню, разстелются по рѣкѣ; мигомъ закроютъ отъ насъ все и сыплютъ потомъ на лодку, на ваше платье крупныя капли росы. Долго и упорно крѣпится туманъ надъ рѣкою; пахнетъ вѣтерокъ—погонитъ его съ воды, съ береговъ; покажетъ намъ вдалекѣ одинокую, сиротливую избу-станокъ, какъ двѣ капли воды похожую на всѣ прежнія, и поползетъ опять этотъ докучливой туманъ по горнымъ отлогостямъ къ вершинамъ; заляжетъ въ ложбинахъ и долго потомъ лежитъ въ нихъ, недвигаясь, до тѣхъ поръ, пока опять не потянетъ низовой вѣтеръ.

— Безъ вѣтру знатъ Амуръ-отъ не живетъ! замѣчаютъ про себя мои солдатики.

— Зубъ, братецъ ты мой, на зубъ не попадаетъ, а кажись бы и лѣто въ порѣ!—подсказываютъ другіе.

И то и другое замѣчаніе справедливы и неоспоримы. Но отъ этого не легче!

Къ полудню начнетъ проглядывать и пригрѣвать солнышко. Въ лѣсу заиграетъ какая-то птица, словно горнистъ въ трубу: и густо, и звонко, и часто, какъ будто пробуетъ горло, не отсырѣло ли оно, не засорилось ли за ночь и за туманомъ. Еще какія-то птички чирикаютъ и съ ними неизбѣжная кукушка, которая особенно любитъ расходиться къ вечеру. Для полноты картины лягушки разведутъ свои концерты. И иногда, изрѣдка, гольды, легкіе на поминѣ и на ногу, протащатъ вверхъ на лямкѣ большую лодку, бойко прыгая по камнямъ и вызовутъ отъ моихъ солдатиковъ безцѣльное замѣчаніе:

— Должно быть на дальной промыселъ собрались!

Гольды, однако, въ лѣтнемъ платьѣ и всѣ въ своихъ остроконечныхъ, на подобіе воронки, бѣлыхъ шляпахъ, сдѣланныхъ изъ бересты и въ одномъ только мѣстѣ (и аляповато) сшитыхъ черными толстыми нитками.

Ст. Елисеевская то мелькнетъ, то снова пропадетъ отъ насъ за возвышенностями праваго берега, спрятавшись между кустами острова, хотя и стоитъ она на матеромъ берегу (*). Изъ

(*) Материковый берегъ казаками называется *становымъ; материкомъ* же называется собственно стрежъ, фарватеръ. Отмелое мѣсто, мель безъ различія зовется и *лайдой и кокой*.

за острова вышла вторая протока; при сліяніи ея на берегу очутилась обрывистая и крутая скала, покрытая лѣсомъ. За скалой образовалась падь; на этой-то пади и выстроена станціонная изба Елисеевская. За ней, по обыкновенію, вблизи растянулась гольдская деревушка; на этотъ разъ большая (10 домовъ) и красивая.

Въ избѣ солдатики что-то варятъ въ печи: оказалась рыба, подаренная гольдами; на заѣдку казенные сухари принесли.

— Отбираемъ—толкуютъ солдатики. Которые ржавые—не ѣдимъ; остальные въ водѣ мочимъ—хорошо. Муку вотъ очень плохую получаемъ. На сплавѣ-то она подмокла.

Показали и муку эту: дѣйствительно нехороша.

— Плохое же, братцы, житье ваше.

— Очень плохое: вотъ и обуви и одежи нѣту хорошой.

Дѣйствительно: на нихъ какія-то куцыя шинелёнки, дырявыя и заплатанныя рубахи.

На ногахъ какіе-то ошметки, называемые *чаркй* или *черки*, изъ сыромятной кожи. Это—башмаки, калоши, туфли—все что угодно, только никакъ не сапоги. Процессъ созиданія ихъ очень простъ и печаленъ. Это—кожа, очищенная отъ шерсти и потомъ мятая въ талькахъ (родъ льнянаго трепала съ языкомъ) самими же солдатами изъ казеннаго товару и потомъ сшитая въ казармахъ умѣлыми и досужими. За чирки берутъ рубль, а больше одного-де мѣсяца не выдерживаютъ. На поношенные, прослужившіе мѣсячный срокъ смотрѣть невозможно. Подобные чаркй носятъ всѣ линейные солдаты; подобнаго же рода ошметки оказались на ногахъ и моихъ гребцовъ.

— Въ Николаевскѣ—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ—матросы въ сапогахъ ходятъ. (*)

И неужели амурскій солдатъ не стоитъ лучшей одежды и

(*) Сапоги или такъ называемые *бродни* стоятъ въ продажѣ (хотя бы и въ той же Хабаровкѣ и на Уссури) 1 руб. 50 коп. сер. и 1 руб. 70 коп. Кунгурскіе сапоги отъ 3 руб. 25 коп. до 3 руб. 50 коп.

обуви, когда онъ поставленъ въ трудное, бездомовное и безпріютное положеніе? Солдатикъ на Амурѣ, какъ извѣстно, несетъ тройную службу: онъ и сплавщикъ казенныхъ складовъ на паромахъ, лодкахъ и баржахъ; онъ и плотникъ—строитель всѣхъ казенныхъ зданій по Амуру, всѣхъ станціонныхъ домовъ и проч; онъ же и подъ ружьемъ на николаевской гауптвахтѣ; онъ—однимъ словомъ, на всѣхъ тѣхъ работахъ, гдѣ и платье вчетверо скорѣе изнашивается и рвется.

Но—ѣдемъ дальше!

Правыя горы за ст. Елисеевской выходятъ на берегъ сначала невысокой обрывистой скалой, потомъ идутъ лѣсистыми высокими сопками. Въ кустахъ лѣваго берега видны двѣ гольдскія деревушки; а вотъ на прикрутости праваго берега и *городъ Софійскъ*!

Длинная—длинная казарма съ ярко выкрашенной красною краскою крышей, вся еще на сваяхъ, безъ загрунтовки. Вблизи этой казармы четыре—пять домиковъ, крыши которыхъ не успѣли еще выкрасить красной краской. Застроенная и до половины не доведенная церковь стоитъ прямо подлѣ берега. Пни на берегу; пни передъ казармою и пни за казармою; приготовленный шестъ для флага. Кругомъ густой, дремучій лѣсъ; огромныя выси скалъ. Вотъ общія впечатлѣнія того мѣста, которому рѣшено дать названіе города Софійска. Затѣмъ—стройка кругомъ; солдатики во всѣхъ мѣстахъ: и на строеніяхъ, и на берегу. Вездѣ щепа и соръ. Мѣсто впрочемъ довольно возвышенное и удобное для заселенія, хотя гигантскихъ трудовъ стоила—по всему вѣроятію—очистка его, плотно и густо поросшаго лѣсомъ. На гору ведетъ лѣстница. На самомъ берегу еще что-то застроили. Городъ покуда заселенъ только одними солдатами; часть изъ нихъ ушла прорубать просѣку къ озеру Кизи и отъ озера Кизи къ морю (версты съ четыре уже прорубили, а всѣхъ около ста).

Одинъ изъ моихъ солдатиковъ стоитъ на кормѣ, глядитъ на Софійскъ, головой покачалъ, и глубоко вздохнулъ. Я спросилъ:

— Кого тебѣ жалко? — Поднялъ вздохъ съ самаго донушка.

— А вотъ на городъ-отъ смотрю и всячески думаю: строили строили. Сколько денегъ потеряли, а зачѣмъ все? Поставили бы станокъ и такъ бы хорошо было.

— Да вѣдь городъ надо.

— Зачѣмъ городъ? Не надо города. Обошлись бы всячески и безъ города. Вѣдь есть городъ, Маріинскъ, близко.

— Да вѣдь, чудакъ, надо же гдѣ-нибудь начальству жить, чтобы народомъ-то управлять?

— Какимъ народомъ управлять? Много ли мы съ вами народу видѣли, отъ Хабаровки ѣхадши?

— Все же, кавалеръ, лучше какъ городъ стоитъ, а не станокъ.

— Ничего не лучше!

— Толкуй съ тобой!

Но солдатикъ мой везетъ свое:

— Зданьевъ-то настроили много, а что въ нихъ пути? Все на живую нитку. Дуракъ вѣдь медвѣдь здѣшной — смиренъ....

— Какъ такъ?

— Напустить бы нашего, рассейскаго, умѣлаго: ему бы тутъ и на одну ночь работы не хватило. А двухъ приставить — живо, по бревнушку разметали бы....

Воспослѣдовалъ неистовый, довольный хохотъ. Рулевой, вообще смѣшливой, такъ и занылъ. Слушу: и между гребцами кто-то хихикаетъ: и правый гребецъ очень доволенъ и крѣпко осклабился, и ротозѣй солдатикъ, замѣнявшій въ артели должность повара, сначала гигикнулъ, а потомъ и его раскачало со смѣху.

Тотчасъ же отъ Софійска, подлѣ берега начала изгибаться правая протока по направленію къ озеру Кизи; на мелкихъ лодкахъ ее проходятъ смѣло. Лѣвая протока глубже и полагается если не главною, то удобною; верстами пятью она длиннѣе правой и соединяется съ нею въ одно русло въ 50 верстахъ ниже Маріинска, т. е. идетъ самостоятельно и разъединенно восемьдесятъ верстъ. Между обѣими главными протоками образуется такимъ образомъ длинной островъ, разсѣченный ручьями и малыми протоками на множество побочныхъ мелкихъ острововъ (что замѣтно даже на скороспѣлой и крайне невѣрной почтовой картѣ рѣки Амура изд. 1859 г.). Но особенно замѣтно это, когда проплывешь половину тридцативерстнаго пространства между двумя городами (упраздненнымъ Маріинскомъ и вновь сооружаемымъ Софійскомъ). До половины этого пути Софійскъ продолжаетъ виднѣться и бѣлѣть своими новыми зданіями даже до того мѣста, гдѣ торчитъ избенка, съ отшельникомъ-солдатомъ, такъ называемой *полустанокъ*. Протокамъ, а вслѣдствіе того и островамъ нѣтъ числа. Этотъ лабиринтъ, этотъ архипелагъ острововъ единственное (и послѣднее) мѣсто на всемъ Амурѣ. Ночью идти тутъ нѣтъ, положительно, никакой возможности. Острова и протоки перепутаны такъ, что непрерывною цѣпью окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ: не знаешь куда идти и что выбрать; протоки всѣ, какъ будто, одной ширины; у всѣхъ изъ нихъ правой берегъ обрывистый и приглубый. Въ глинистыхъ обрывахъ его стрижи понадѣлали норки и мечутся около нихъ, словно мухи, въ огромномъ количествѣ. Теченіе по берегамъ мыритъ воду: вѣроятно тутъ и сильная глубина и можетъ бытъ подводные ключи бьютъ: вода ходитъ большими кругами и образуетъ по часту во многихъ мѣстахъ воронки.

Соблазнительны для насъ и правыя протоки; обѣщаютъ удачное плаваніе и лѣвыя. Нѣтъ ни одного знака, ни одной примѣты, которая бы указывала намъ настоящую дорогу. Плывемъ на-угадъ, помня предостереженіе и совѣтъ держаться съ половины пути правой стороны; но тамъ боимся попасть въ большую мелкую протоку. Боимся плыть и влѣво, чтобы не уйти далеко: хочется видѣть Маріинскъ. Плывемъ долго и много; попали въ какую-то узенькую протоку, въ которой весла наши задѣваютъ за оба берега. Мы несомнѣнно заплутались и остановились у перваго острова. Островъ этотъ оказался песчаный и съ диковинкой: видимъ нѣсколько деревьевъ, вершинами какъ будто связанныхъ до того, что въ такомъ видѣ образовали родъ алеи, или лучше—полукруглыхъ воротъ, подъ самымъ крайнымъ сводомъ которыхъ стоитъ что-то бѣлое, берестяное, родъ улья. Отъ улья этого, по песку къ берегу, идутъ въ два ряда колушки, образующіе родъ тропинки, дорожки, ведущей прямо въ воду. Налѣво отъ улья, низенькаго и широкаго, къ кустамъ вытянута и брошена лодка довольно уже почернѣлая, и съ веслами.

— Что это такое?

— Гольдъ потерялся.

— Какъ потерялся?

— Сдохъ тутъ.

— Какъ сдохъ?

— Потонулъ—значитъ. Тутъ ему могилу сдѣлали и вишь какую честь воздали. Промышленникъ надо быть былъ....

Съ трудомъ, при неистово-бурномъ и враждебномъ намъ вѣтрѣ тянулись мы впередъ. Въ серединѣ самой широкой и едва-ли не главной протоки вытянулась мель, вся уже затянутая въ зелень—будущій (и недалекій уже) островъ. Отъ праваго острова отошла новая отмель, воды на ней сначала оказывалась на два-аршина, а потомъ сдѣлалось на пол-аршина. Мы стукнулись и остановились. Съ великимъ трудомъ и послѣ сильныхъ и долгихъ блужданій мы выбрались въ главное русло Амура и передъ нами сверкали уже огоньки селенія Кизи и ех-города Маріинска.

Селенію Кизи предшествуетъ скала, на которой выстроенъ красивый домикъ фермы (принадлежащей командиру портовъ Восточнаго океана П. В. Казакевичу). По низменности растянуты казенныя зданія казармъ, между ними—окончательно отстроенная церковь, домъ священника, купеческая лавка. Общій видъ селенія очень недуренъ; по близости его идетъ та неширокая протока, которая соединяетъ главное русло Амура съ озеромъ Кизи, расположеннымъ не дальше версты отъ селенія, получившаго его имя. Озеро это—говорятъ — мелко и удобно для прохода только мелкихъ судовъ, но подвергнутое вліянію воды амурской, въ нѣкоторые годы и на нѣкоторое время оно наполняется до значительной глубины. Окруженное отчасти горами, отрогами внутренняго хребта (Геонга?), отчасти низменностями, озеро это, широкое и длинное, важно въ томъ отношенiи, что сокращаетъ путь отъ Амура до гавани де-Кастри, находящейся уже въ Восточномъ океанѣ. Отъ селенiя Кизи до поста нашего въ этой гавани давно уже существуетъ сообщенiе (на половину въ лодкѣ по озеру и на другую половину по просѣкѣ); сообщенiе это нельзя назвать правильнымъ, но и нельзя сказать, чтобы оно было особенно часто; просѣку, проложенную къ гавани, также нельзя считать удобнымъ путемъ и окончательною дорогою; и то и другое ждетъ еще будущаго; настоящее и тускло, и печально, и мало-надежно. Озеро Кизи, не смотря на неудобства, представляемыя его мелководьемъ во все лѣто, должно однако останавливать на себѣ административное и стратегическое вниманiе. Амуръ какъ будто хотѣлъ на этомъ мѣстѣ сократить свое долгое теченiе и повернуть прямо къ морю. Но спопутныя каменныя твердыни горъ позволили ему только заполнить водою подгорную котловину, вылиться въ озеро, но не идти дальше ни рѣчкой, даже ни ручейкомъ. Съ другой стороны низменныя, степныя приволья лѣваго берега достаточно соблазняли и обезпечивали возможность прорыва, и рѣка, какъ будто надломившись объ кизинскую, спопутную скалу, взяла влѣво и тотчасъ у ближайшей скалы повернула, вмѣсто юго-востока, прямо на сѣверо-востокъ, разлившись на безчисленное множество мелкихъ протоковъ и засыпавшись значительнымъ числомъ крупныхъ и небольшихъ островковъ. И дѣйствительно, Амуръ въ этомъ мѣстѣ замѣчательно широкъ и глубокъ. Въ весеннюю воду онъ—говорятъ—разливается на неоглядное пространство по низовьямъ лѣваго берега и даже заливаетъ весь тотъ низменный, болотистый перешеекъ, который отдѣляетъ селенiе Кизи отъ Марiинска и находится въ связи съ низменностями прибрежьевъ озера. Изъ низменностей перешейка этого, по отлогимъ прикрутостямъ разбросалось и то селенiе, которое носило названiе города Маріинска (*). Маріинскъ замѣчательно больше и населеннѣе не только сосѣдняго Кизи, но и многихъ другихъ, лежащихъ по Амуру. Нѣкоторое сходство имѣетъ онъ съ Хабаровкой, представляя въ свою очередь тотъ же видъ военнаго лагеря, остановившагося на долгую и продолжительную стоянку. Батальонный командиръ выстроилъ для себя на лучшемъ, выгодномъ и возвышенномъ мѣстѣ бревенчатый домъ съ крылечкомъ и выставилъ подлѣ послѣдняго неизбѣжный денежный ящикъ на колесахъ, выкрашенный зеленой краской, и приставилъ къ нему часоваго. Кое-кто изъ офицеровъ и даже изъ солдатъ многіе успѣли также обзавестись домами собственными, можетъ быть по скорости и непрочно сдѣланными, холодными и тѣсными, но во всякомъ случаѣ также бревенчатыми. Построили госпиталь, баню, сараи для казенныхъ складовъ и цейхгаузъ. Изворотливый, ловкій и падкій на барыши купецъ, откуда ни взявшись, поспѣшилъ пристроить къ господамъ военнымъ людямъ и свой домишко. Въ домишкѣ этомъ, въ одной изъ комнатъ его, онъ понадѣлалъ полки и разложилъ на нихъ кое-какіе, попавшіеся подъ руку товары: красные и некрасные; комнату эту разгородилъ на двое прилавкомъ; на прилавокъ чернильницу поставилъ, щеты положилъ и сталъ маклачить, торговать на мелкоту, но преимущественно виномъ и водкой. Когда немного оправились дѣла его, онъ надъ дверями приколотилъ вывѣску, во многихъ мѣстахъ починилъ свою хату, еще больше накупилъ въ Николаевскѣ товаровъ и опять на слѣдующій годъ повелъ торговлю и опять преимущественно виномъ и водкой.

Маріинскъ отъ Хабаровки отличается можетъ быть тѣмъ только, что въ немъ замѣчательно больше вольныхъ поселенцевъ и цѣлая улица наполнилась домами частныхъ собственниковъ; но и здѣсь, также какъ и тамъ, преобладающее населеніе военное.

(*) Городъ этотъ переведенъ въ Софійскъ, линейные солдаты батальона въ Николаевскъ. Дома, которыми успѣли уже они обзавестись за долгую стоянку, поступили въ частныя руки назначенныхъ сюда поселенцевъ изъ Вятской губерніи.

Нѣтъ въ Маріинскѣ церкви; нѣтъ даже и часовни; жители его ходятъ молиться за двѣ версты, въ Кизи. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣстились эти два русскихъ селенія, существовала деревня гольдовъ Кизи, оставившая послѣ себя только одно названіе, перешедшее по наслѣдству къ новому русскому селенію. На скалѣ Маріинской—по обыкновенію—существовалъ гольдскій храмъ, также въ свою очередь теперь оставленный ими и позабытый даже съ бурханами.

Отъ Маріинска внизъ по Амуру живетъ уже другое инородческое племя—*гиляки*, совершенно отличное отъ мирнаго гольдскаго племени. Крайняя скуластость, свидѣтельствующая объ необлыжномъ монгольскомъ происхожденіи гиляцкаго племени; крупныя угрсвыя черты лица; самый взглядъ, въ которомъ много звѣрства и дерзости—все это замѣтное и для простаго глаза отличаетъ суровыхъ гиляковъ отъ кроткихъ и мирныхъ гольдовъ. Гиляцкое племя искало и нашло болѣе суровыя страны; оно потянулось къ морю, какъ будто отыскивая опасности и разбрелось по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, которыя негостепріимны и по климату и по качеству почвы: каковы устья Амура, сѣверныя прибрежья Охотскаго моря и сѣверныя берега острова Сахалина. Много разсказываютъ объ ихъ звѣрскихъ наклонностяхъ, объ ихъ жаждѣ къ крови, негостепріимныхъ и грубыхъ пріемахъ, оказанныхъ новымъ пришельцамъ на ихъ старыя пепелища, объ отправленіи мирныхъ религіозныхъ праздествъ съ участіемъ въ долгой и свирѣпой борьбѣ съ нарочно-откармливаемымъ цѣлый годъ медвѣдемъ. Говорятъ объ ихъ изумительной ловкости на водѣ при самыхъ опасныхъ промыслахъ, каковы напр. промыслы бѣлугъ и тюленей; но положительно всѣ согласны отличать и признавать гиляковъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ племенемъ отъ гольдскаго, хотя бы они и сходились въ одинаковости производства промысловъ, домашняго быта, въ подробностяхъ одежды, хотя бы носили тѣже косы и также бы безпрестанно курили ганзы и мужчины, и женщины, и дѣти. Если признавать гольдовъ одичавшимъ племенемъ манчжуръ, то гиляки по всему вѣроятію осколокъ монгольскаго племени и можетъ быть разновидность племени тунгусовъ (ихъ ближайшихъ сосѣдей), съ тою только разницею, что тунгусы гораздо миролюбивѣе амурскихъ и приморскихъ гиляковъ. Этими гиляками населены всѣ тѣ мѣста низовьевъ Амура, которыя нанесены даже и на почтовую карту: всѣ эти Тыръ, Кабачь, Кальго, Табахъ, Мяго, Сабахъ, Проньга, и проч.

Въ средѣ этого народа и среди его давнихъ поселеній разселены первые поселенцы изъ крестьянъ Иркутской губерніи и Забайкальской области. Селенія этихъ крестьянъ (носящія въ большей части случаевъ имена праздниковъ, отправляемыхъ крестьянами на мѣстахъ ихъ родины), въ числѣ пяти, помѣщены ниже Маріинска. Это—Иркутское, Богородское. Михайловское, Ново-Михайловское и Воскресенское. Основаніе этихъ селъ одновременно съ водвореніемъ первыхъ казаковъ и основаніемъ первыхъ амурскихъ станицъ въ верховьяхъ рѣки. Въ каждомъ изъ этихъ крестьянскихъ селеній предположено выстроить церковь, но церкви существуютъ пока только въ двухъ селеніяхъ: Богородскомъ и Михайловскомъ. Это послѣднее люднѣе и обстроено лучше другихъ. Если судить по замѣчательному количеству домовъ, по внѣшному виду села, разбросаннаго по горѣ и раздѣленнаго оврагомъ на двѣ половины—крестьяне поселились лучше. Обезпеченные гарантирующими ихъ льготами, они скоро успѣли выстроить хорошіе, теплые дома съ надворными строеніями, имѣющими законченный видъ; много расчистили лѣсу, завели пашни, раскопали огороды и второй годъ уже успѣваютъ продавать въ Николаевскѣ картофель и другія овощи, хотя разстояніе до города и замѣтно большое (около полутораста верстъ). Выгода новыхъ мѣстъ жительства, по сравненію съ оставленными прежними мѣстами родины, остается конечно на сторонѣ послѣднихъ, но крестьяне довольны отчасти и остановились на заманчивыхъ преимуществахъ отъ рекрутчины и всякихъ податей. Въ Михайловскомъ выстроенъ даже домъ для сельской школы; сооружена большая и помѣстительная церковь; крестьяне живутъ въ довольствѣ; ѣдятъ сыто и сладко. Всѣ другія крестьянскія селенія малы и только какъ будто зачатки будущихъ большихъ селъ (таковы въ особенности Ново-Михайловское, Воскресенское и Иркутское). Всѣ они расположены одинъ отъ другаго въ замѣчательно-равномъ разстояніи (въ сорокъ верстъ).

Амуръ въ этихъ низовыхъ частяхъ своихъ между Маріинскомъ и Николаевскомъ (на пространствѣ слишкомъ въ триста верстъ) какъ бы совершенно утрачиваетъ свои рѣчныя свойства. Сохраняя только прѣсный вкусъ воды, онъ носитъ крупныя морскія волны, которыя долго потомъ (по прекращеніи вѣтра) не укладываются. Обставляясь въ большую часть года густыми туманами, Амуръ почти всегда находится въ состояніи той же погоды, какая существуетъ на тоже время по лиману и на морѣ. Вліяніе послѣдняго ощутительно до такой степени, что подлѣ Тыра и самаго Маріинска (а нерѣдко и выше его) ходятъ огромныя стада крупнаго морскаго звѣря бѣлухи (balaena sphineter). Рыба въ огромномъ количествѣ и крупнаго вида замѣчательно густо наполняетъ амурскія воды и рыба эта всегда морская, какова *кита̀* (семга Охотскаго моря), горбуша (родъ лососины), огромные сомы, и проч. Огибая высокую скалу *Тыръ* (также освященную пребываніемъ гиляцкаго божества и существованіемъ храма), Амуръ мчится мимо этой скалы съ поразительной быстротой и прорываетъ въ этомъ мѣстѣ глубину въ *сорокъ* саженъ..... Устойчивые, продолжительные и холодные вѣтры дуютъ здѣсь большую половину года по нѣскольким суткамъ кряду, не переставая. Съ трудомъ осиливаютъ ихъ казенные пароходы, каковы напр. «Аргунь» и «Лена», и всегда почти прибиваются къ берегу большія и малыя лодки: почтовыя, пассажирскія и купеческія. Замѣчательно тише шелъ и частный пароходъ *Адмиралъ Казакевичъ*, снабженный высокой, въ видѣ сахарной фабрики, рубкой; пароходъ, замѣчательный своей устойчивостью и акуратнымъ ходомъ.

Пароходъ этотъ американской постройки и конструкціи, столько употребительной на рѣкахъ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ, но для русскаго глаза невиданный и странный. Устройство его хотя и просто, но оригинально. На баркѣ или днищѣ утверждено необыкновенно высокое зданіе въ два этажа, съ окнами: нижній этажъ назначенъ для клади, кухни и пароходной прислуги; верхній для пассажировъ, могущихъ пріобрѣсти право на каюты и удобное помѣщеніе. Въ носовой части подъ навѣсомъ помѣщаются тѣ пассажиры, которые лишены возможности платитъ за удобное помѣщеніе. Колесо утверждено назади, за кормой, и прикрыто огромнымъ зонтикомъ. Надъ пассажирской рубкой, издали имѣющей рѣшительное подобіе какой то фабрики, укрѣплена еще вторая рубка, вся въ стеклахъ, какъ фонарикъ. Все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ пароходъ чрезвычайно оригинальнымъ. Онъ очень скоръ на ходу, не смотря на сильную парусность двухъ рубокъ и надколеснаго зонтика. Рѣдкому изъ пасажировъ не приходитъ на умъ, при сильномъ боковомъ вѣтрѣ, предположеніе возможности лечь пароходу на бокъ: такъ высока и длинна его рубка! Впрочемъ подобнаго рода несчастій съ нимъ не случалось (пароходъ ходилъ уже второе лѣто); въ быстротѣ, хода соперничаетъ съ нимъ изъ всѣхъ амурскихъ пароходовъ только казенный «Амуръ».

Мелкосидящій американскій пароходъ *Казакевичъ* ходитъ далеко по Шилкѣ—до Стрѣтенска, а въ нынѣшномъ году, благодаря смѣлости и рѣшительности своего опытнаго и трудолюбиваго капитана, онъ—какъ говорятъ—входилъ даже въ мелкую рѣку Нерчу (воспользовавшись прибылой водой) и грузился у гостиннаго двора города Нерчинска. Событіе знаменательное, небывалое по риску и случайностямъ и по всему вѣроятію—не мало поразившее обитателей этого мирнаго сибирскаго городка. Замѣчательно также и то, что пароходъ *Казакевичъ* никогда почти не становится на мель, чѣмъ не могутъ похвалиться ни одинъ изъ казенныхъ пароходовъ. Удобствъ въ помѣщеніи этотъ частный пароходъ особенныхъ не представляетъ: огромная зала его со столомъ по серединѣ и съ койками по сторонамъ, въ два ряда, отчасти напоминаетъ семейную баню, не высокую, съ полками, и въ добавокъ еще на лѣтнее время чрезвычайно-жаркую. Отдѣльныхъ каютъ для дамъ только двѣ, но и тѣ замѣчательно узки и тѣсны. Если принять въ разсчетъ много пустыхъ, незамѣщенныхъ мѣстъ между колесомъ и рубкою, всегда свободную носовую часть (употребляемую для товарныхъ складовъ), неудобство помѣщеній, то пароходъ *Казакевичъ* нельзя принять ни въ какомъ случаѣ за образецъ пароходовъ, необходимыхъ для амурскаго края; онъ—неболѣе, какъ оригинальная случайность и не ничтожное пособіе при передвиженіяхъ и при совершающихся работахъ по заселенію вновь пріобрѣтеннаго края. Ко всему этому надо прибавить и то серьезное и важное обстоятельство, что цѣна за проѣздъ на этомъ пароходѣ замѣчательно велика, даже принявъ въ соображеніе вообще высокія цѣны, существующія на Амурѣ на всѣ необходимые жизненные припасы (*). «Пассажиры, желающіе имѣть собственный столъ, на пароходъ не принимаются»—говоритъ объявленіе. Но почему же? для того ли, чтобы лишить ихъ возможности ѣсть въ сухомятку въ видахъ заботы о здравіи русскаго желудка, или наконецъ для того, чтобы обязать пассажировъ непремѣнно ѣсть тѣ припасы, которыми запасается пароходъ въ большомъ количествѣ? Послѣднее обстоятельство можетъ имѣть основаніе въ томъ только случаѣ, когда пассажиры обезпечены возможностью

(*) Пароходъ *Казакевичъ* беретъ съ пассажировъ, ѣдущихъ вверхъ по рѣкѣ отъ Николаевска до Кизи, 25 руб. (за 300 верстъ), отъ Николаевска до Хабаровки—75 руб., до Благовѣщенска—125, до Усть-Стрѣлки—175 и до Шилкинскаго завода 200 руб.—суммы значительныя для ѣдущихъ съ семействомъ, хотя бы даже съ дѣтей и прислуги полагалась половинная плата, хотя бы всякій пассажиръ и имѣлъ право взять съ собою безплатно два пуда тяжести, а дѣти и прислуга по одному, и хотя бы наконецъ плата за провозъ внизъ по рѣкѣ полагалась ниже и именно вдвое противъ означенной выше. За тяжелый грузъ назначается особенная плата, пунктуально обозначенная въ таксѣ (цѣна довольно впрочемъ высокая), гдѣ грузъ подраздѣленъ даже на тяжелый, легкій и громоздкій и даже обозначены предметы, принадлежащіе къ той и другой категоріи грузовъ. Но отчего же купцы жалуются на самопроизвольное увеличеніе цѣнъ и предпочитаютъ сплавлять товары на собственныхъ лодкахъ, и отчего же на послѣдній рейсъ нынѣшняго года за товары взята—говорятъ—изумительно высокая, произвольная сумма!

получать всегда свѣжую провизію, какъ то: печеный хлѣбъ и мясо. Амуръ въ нынѣшномъ году оказался не такъ бездоленъ, какъ былъ онъ въ прошломъ и въ прежніе годы. Если не всегда и не вездѣ можно было доставать свѣжее мясо, то повсюду почти была свѣжая огородная зелень и свѣжій печеный хлѣбъ; а на пароходѣ, въ теченіе трехъ сутокъ моего пребыванія, на столѣ были одни только сухари и солонина. Правда, подавались свѣжія яица къ утреннему чаю и какая-нибудь жареная рыба къ ужину. Но рыба на Амурѣ такая недиковинка, которая въ недѣлю успѣваетъ, что-называется, набить оскомину; и относительно этихъ двухъ пунктовъ (послѣднихъ) можно сказать развѣ только то, что хозяева парохода исполняютъ всѣ свои обѣщанія, высказанныя въ объявленіи, и что за означенную плату пассажиры имѣютъ общій столъ, который *дѣйствительно* накрывается три раза въ день, но —и только! Замѣчательно также и то, что всѣ семейные люди, всѣ чиновники, ѣдущіе на службу или въ отпускъ, стараются выждать и выпросить у начальства право попасть на какой нибудь изъ казенныхъ пароходовъ. Дороговизна цѣнъ за проѣздъ, по всему вѣроятію, играетъ тутъ одну изъ главныхъ ролей. Тѣже лица готовы заплатить охотно половину прогонныхъ денегъ за проѣздъ и умѣренную плату за столъ особо, по ихъ личному желанію. Объ семейныхъ пассажирахъ во всякомъ случаѣ хозяева парохода «Казакевичъ» обязаны серьезно подумать и позаботиться, или же въ противномъ случаѣ не могутъ претендовать на то, когда этимъ лицамъ обязательное начальство изъ амурскаго края отведетъ теплое, удобное и дешевое мѣсто на одномъ изъ казенныхъ пароходовъ (*). Наконецъ ко всему вышесказанному въ заключеніе

(*) Казенные пароходы обыкновенно берутъ 1 руб. 60 к., и 1 руб. 75 коп. за проѣздъ черезъ всю рѣку Амуръ и за проѣздъ отъ одного ближайшаго мѣста до другаго—безразлично. Деньги эти поступаютъ въ число суммы такъ называемаго запаснаго капитала. Капиталъ этотъ предназначенъ, какъ говорятъ, для споспѣшествованія вообще успѣхамъ заселенія пріамурскаго и приморскаго краевъ. Подолжно присовокупить и то, что пароходъ ходитъ въ неопредѣленные сроки, къ которымъ онъ конечно въ настоящее время и примѣниться не можетъ.

День пятаго іюня задался какой-то туманный и тяжелый; облака, свинцовою стѣной нависшія надъ Амуромъ, темнили воду. Вода, на тотъ разъ поднимаемая низовымъ вѣтромъ, бросала крѣпкія и сердитыя волны; цѣлое утро лежалъ по берегамъ туманъ, и только къ полудню при сильнымъ вѣтрѣ его разнесло по падямъ. Сумрачно глядѣлъ правый берегъ, гористый и высокій, весь затянутый въ мертвенно-мрачную полярную зелень елей и сосенъ. На середину рѣки вышелъ длинный, безконечно-длинный островъ, оказавшійся Константиновскимъ; изъ за него глянула на насъ баттарея того же названія и наконецъ самъ Николаевскъ. Видно, какъ вырублена была для него просѣка въ дремучемъ лѣсу, обступившемъ его и теперь непроглядной стѣной, съ трехъ сторонъ; видны дикаго цвѣта дома, покрашенные зеленой краской и приглядлнаго вида; видимъ нѣсколько морскихъ судовъ крупнаго ранга на рейдѣ: два корвета (Бояринъ и Гридень), шкуна, транспортъ, два клипера, три-четыре парохода, какое-то большое купеческое судно (брикъ); суда подняли вымпелы; одинъ только клиперъ стоитъ на боку, обставленный кругомъ его вбитыми сваями. Рейдъ николаевскій—богатый и оживленный; въ порту слышно стуканье, звонъ; надъ зданіями порта несется дымъ и паръ, на водѣ пыхтитъ и шумитъ паровой барказъ, пробираясь за чѣмъ-то къ судамъ отъ портовой пристани. Городъ вытянулся на большое пространство и обстроился широко и плотно. Видъ на него съ рѣки чрезвычайно картиненъ и оригиналенъ: свѣжіе недавніе дома безконечно разнообразныхъ фасадовъ; церковь съ выкрашенными главами и еще не обшитыми стѣнами; направо по низменности,

---

явившійся въ нынѣшнемъ году пароходъ Амурской компаніи взялъ съ пассажировъ половинную противъ американскаго парохода цѣну; но къ несчастію разбился при входѣ въ рѣку Шилку и пассажировъ и клади не довезъ. Четыре легкихъ казенныхъ пущены также для плаванія внизъ и вверхъ по рѣкѣ.

далеко вытянувшейся въ рѣку, зданія порта всѣ деревянныя и конечно въ фасадахъ своихъ не менѣе оригинальныя: два элинга, зданіе, гдѣ шьются паруса, зданіе, гдѣ помѣщенъ паровой молотъ; крошечный домишко (одинъ изъ первыхъ въ Николаевскѣ), вмѣщающій въ себѣ контору надъ портомъ. Видно, что повсюду много сдѣлано, но не все еще сдѣлано: во всякомъ случаѣ Николаевскъ глядитъ рѣшительнымъ городомъ, больше чѣмъ даже Чита какая нибудь, а тѣмъ паче Благовѣщенскъ.

IV. ЗАСЕЛЕНІЕ РѢКИ АМУРА.

Заселеніе Амура произведено было, какъ извѣстно, тремя путями: посредствомъ казаковъ Забайкальскаго войска; посредствомъ переселенія государственныхъ крестьянъ, вызванныхъ изъ россійскихъ губерній, и солдатъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, также присланныхъ изъ Россіи. На этотъ разъ мы останавливаемся на операціяхъ переселенія государственныхъ крестьянъ изъ Россіи, какъ на обстоятельствѣ, ближайшемъ намъ по роду нашихъ работъ. Мы будемъ слѣдить за нимъ въ этой статьѣ по оффиціальнымъ даннымъ и по личнымъ наблюденіямъ нашимъ, сдѣланнымъ на самомъ мѣстѣ водворенія и на пути слѣдованія этихъ крестьянъ. Вотъ что говорятъ намъ оффиціальные матеріалы:

«Одно уже развитіе нашихъ военныхъ морскихъ силъ на устьяхъ Амура, помимо всѣхъ другихъ соображеній, требуетъ настоятельно быстраго заселенія при-амурскаго края. Своевременная доставка продовольствія для сухопутныхъ и морскихъ командъ, снабженіе флота всѣми необходимыми сырыми матеріалами, будутъ вполнѣ обезпечены только тогда, когда разовьется мѣстная производительность края, чего безъ усиленія народонаселенія достигнуть невозможно».

Вотъ что писалъ 20 сентября 1858 года генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Е. И. В. Генералъ-Адмиралу. Гр. Муравьевъ полагалъ прозвести переселеніе въ большомъ размѣрѣ чрезъ дозволеніе его лицамъ всѣхъ свободныхъ состояній, по желанію, на собственномъ иждивеніи и безъ правительственныхъ расходовъ. При этомъ предполагалось освободить переселенцевъ отъ разныхъ формальностей, затрудняющихъ переходъ, какова напр. рекрутская очередь, отъ который ради Амура освобождаются женатые и семейные. Эта мѣра, по мнѣнію гр. Муравьева, представляетъ ручательства къ скорѣйшему заселенію края, собственно потому, что уничтожаетъ многія стѣснительныя условія для перехода. Она не простирается на Забайкальскую область, которая, по мнѣнію проэкта, можетъ тогда ослабѣть народонаселеніемъ и уменьшить свои производительныя силы. Переселенцы не подаютъ просьбъ по инстанціямъ (отъ волостнаго къ окружному начальству и отъ окружнаго въ палату гос. им.), ибо «прохожденіе всѣхъ этихъ инстанцій влечетъ за собою: потерю времени, а темные расходы охлаждаютъ въ простомъ народѣ охоту къ переселенію.» Отъ правительства не требуется никакихъ пожертвованій; но для выходцевъ изъ отдаленныхъ мѣстъ европейской Россіи, настоитъ надобность въ расходахъ для пріобрѣтенія земледѣльческихъ орудій и скота. Переселенцы въ Читѣ или въ Иркутскѣ, городахъ ближайшихъ къ Амуру, будутъ имѣть такимъ образомъ возможность получать ссуды деньгами въ необходимомъ количествѣ, съ возвратомъ впослѣдствіи. Ссуды производятся изъ хозяйственнаго капитала Восточной Сибири, который восходитъ до 300 тыс. руб. сер., и въ который поступаетъ ежегодно до 17 тыс. Независимо отъ денежныхъ ссудъ предполагается (для обезпеченія на первое время продовольствія переселенцевъ) учредить на нѣкоторыхъ пунктахъ Амура запасные магазины на счетъ того же капитала. Отсюда прибывшіе на Амуръ получаютъ за деньги или заимообразно потребное количество сѣмянъ для обсѣва полей и муки для пропитанія на первое время, пока не будетъ ими снятъ хлѣбъ съ засѣянныхъ полей. Все же переселеніе предполагалось произвести возможно скорѣе.

На послѣднее заключеніе министерство госуд. им. дѣлаетъ замѣчаніе, что «во всякомъ дѣлѣ, а въ особенности въ подобномъ настоящему, нужны система и послѣдовательность; безъ этого не можетъ быть порядка, и самая цѣль заселенія—развитіе промышленности—не будетъ достигнута». Для истиннаго достиженія цѣли, министерство полагаетъ употребить тотъ же способъ переселенія, который предпринятъ былъ относительно заселенія Камчатки, т. е. пригласить къ этому заселенію старожиловъ Западной и Восточной Сибири и затѣмъ усилить переселеніе изъ внутреннихъ губерній въ сибирскія (*). При ограниченности же способовъ переселеніе будетъ совершаться въ незначительномъ размѣрѣ и пріисканіе желающихъ не будетъ затруднительно; не зачѣмъ, стало быть, прибѣгать къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, могущимъ развить бродяжничество. Министръ, между прочимъ, полагаетъ достаточнымъ, вызвать на Амуръ желающихъ изъ губерній сѣверныхъ и восточныхъ. § 3 говоритъ: «если бы въ областяхъ (при-амурскихъ) оказались люди обоего пола, безъ всякихъ видовъ, то мѣстное начальство, не высылая ихъ изъ области, оставляетъ на мѣстахъ жительства свободно». Это пра-

---

(*) Операціи эти произведены были вслѣдствіе Высочайшихъ повелѣній, послѣдовавшихъ въ 1850 и въ 1852 г. относительно водворенія переселенцевъ на почтовомъ трактѣ между Якутскомъ и Аяномъ. Вызваны были изъ сибирскихъ губерній тѣ, которые не состояли подъ слѣдствіемъ или судомъ, и которые не были обязаны частными сдѣлками или условіями. Переселенцы освобождены отъ представленія увольнительныхъ отъ обществъ приговоровъ. Предполагалось обезпечить ихъ продовольствіемъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ со дня выхода изъ Иркутска, снабдить необходимымъ пособіемъ для постройки домовъ и для пріобрѣтенія скота и земледѣльческихъ орудій, и хлѣбными и овощными сѣменами. Переселенцы избавлены отъ платежа податей и отъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей на 20 лѣтъ и отъ рекрутства навсегда. Въ теченіе 1852 и 1853 годовъ переселено въ Камчатку 25 семей, но въ послѣдующіе годы, *по случаю военныхъ обстоятельствъ* (какъ сказано въ рапортѣ ген.-губерн. Восточной Сибири), дальнѣйшее переселеніе оказалось невозможнымъ. Въ замѣнъ слѣдующихъ къ переселенію въ Камчатку, отправлено 51 семейство къ водворенію около устья рѣки Амура. Переселенцамъ этимъ предоставлены были тѣ же права и преимущества, какія обѣщало правительство и камчатскимъ переселенцамъ. Для переселенія же на мѣста убылыхъ изъ Сибири, мин. гос. им. въ 1857 г. предписало выпустить по 200 семей изъ губ. Пермской и Вятской на переселеніе въ Восточную Сибирь.

вило не относится только до каторжныхъ и ссыльныхъ. Противъ этого § возраженія не послѣдовало, но принято въ разсчетъ, что такое продолжительное и трудное переселеніе требуетъ предварительнаго обезпеченія переселенцевъ въ пути (чего, какъ извѣстно, не желалъ ген.-губ. Вост. Сибири) и что съ 1839 по 1852 г. въ распоряженіе мин. гос. им. отпускалось ежегодно на расходы по переселенію малоземельныхъ крестьянъ по 142,857 руб. Относительно освобожденія отъ рекрутской повинности принято министерствомъ въ соображеніе, что повинность эта все-таки должна обременительно лечь на семейства, оставшіяся на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, къ переселенію на Амуръ, имѣлось въ виду назначать тѣ семейства государственныхъ крестьянъ, на которыхъ приходится менѣе 5 десятинъ на душу. При этомъ министерство желало бы, чтобы въ одинъ годъ шло на Амуръ не болѣе 500 семей или 3500 душъ обоего пола, «ибо по приблизительному разсчету содержаніе каждаго семейства обойдется во 150 р.: сумма значительная и обременительная для правительства!» На продовольствіе въ пути выдается по 3½ коп. на каждую наличную душу обоего пола и на платежъ прогонныхъ денегъ по ½ к. на версту, на каждую подводу. Относительно предполагаемой возможности нѣкоторымъ переселенцамъ достигнуть до верховьевъ Амура съ семьями—министерство госуд. имущ. высказываетъ сомнѣніе, чтобы въ числѣ переселяющихся нашлось много такихъ и предполагаетъ, въ дѣлѣ столь важномъ, необходимость пожертвованій со стороны правительства. Несогласно также министерство на произвольное занятіе мѣстъ водворенія прибывшими въ Амуръ переселенцами: «такой порядокъ, по его мнѣнію, можетъ возбудить на переселенцахъ превратное понятіе о правахъ ихъ на занятую землю». Ген.-губ. Вост. Сибири предполагалъ на предметъ заселенія Амура употребить 50 тыс. р. изъ хозяйственнаго капитала и притомъ на выдаваемыя изъ этой суммы ссуды взыскивать, въ предупрежденіе убыли капитала, по 3%.

«Сибирскій комитетъ, разсмотрѣвъ и обсудивъ подробно всѣ вообще обстоятельства настоящаго дѣла, нашелъ, что вопросъ о заселеніи при-амурскаго края есть вопросъ первостепенной важности. Усиленіе тамъ населенія существенно необходимо для развитія огромныхъ матеріальныхъ силъ края. Безъ этого вновь присоединенный богатый край не принесетъ той пользы, которую отъ него вправѣ и ожидать и требовать Россія. Относительно усиленія на Амурѣ русскаго населенія, комитетъ вполнѣ соглашается, но признаетъ также полезнымъ, «допустить къ населенію тамъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ переселенцевъ, преимущественно нѣмцевъ, извѣстныхъ своимъ трудолюбіемъ, посредствомъ коихъ отчасти заселились у насъ огромныя новороссійскія степи.» Для привлеченія поселенцевъ, комитетъ находитъ главнымъ и существеннымъ условіемъ: твердое обезпеченіе поземельнаго за переселенцами владѣнія: «было бы справедливо (сказано въ отношеніи къ министру госуд. им.) постановить условіемъ, что всякій переселенецъ, отправляющійся въ при-амурскій край на свой собственный счетъ, имѣетъ право на пріобрѣтеніе тамъ участка земли въ собственность и что лица, переселяемыя туда на счетъ правительства, получаютъ участки земли только въ пользованіе». При исполненіи такихъ мѣръ комитетъ надѣется, что на Амуръ пойдутъ даже изъ такихъ сословій, «переселеніе коихъ туда особенно было бы желательно, напр. изъ мелкопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ дворянъ, отставныхъ солдатъ, и т. п. Съ предложеніемъ относительно ассигнованія вспомогательной суммы ста тысячъ руб. сер. комитетъ и министръ финансовъ согласились. Сумму предположено отпускать изъ государственнаго казначейства ежегодно и притомъ исключительно на заселеніе при-амурскаго края. Отпускъ этотъ рѣшено начать съ 1859 года. Употребленіе 50 т. изъ хозяйственнаго капитала также разрѣшено, какъ дозволено съ 1859 года переселеніе государственныхъ крестьянъ внутреннихъ губерній подъ руководствомъ министра государственныхъ имуществъ. Дозволено генералъ-губернатору давать разрѣшенія на переселеніе лицамъ свободнаго состоянія, живущимъ въ Восточной Сибири, а также и неживущихъ въ ней, «если только лица сіи для переселенія туда соблюдутъ узаконенія установленыя вообще для переселенія свободнаго состоянія лицъ изъ мѣста ихъ жительства». На эти мнѣнія комитета, въ 8-й день декабря 1858 г., воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Министерство госуд. имущ. предположило переселить на Амуръ въ 1859 году: 300 семей изъ Вятской губ.; 200 изъ Пермской, 50 изъ Тамбовской и 50 изъ Воронежской; всего 600 семей. На водвореніе и путевое слѣдованіе этихъ переселенцевъ Сибирскій комитетъ назначилъ 100 тысячъ руб. Сверхъ того 200 семействъ изъ Пермской губ. и 200 изъ Вятской, предназначенныя министерствомъ къ переселенію въ Енисейскую губ., направлены, по Высочайшему повелѣнію отъ 25 декабря 1859 г., въ Амурскій край. Переселеніе это обусловливалось слѣдующими правилами: 1) Желающіе переселиться избавляются отъ увольнительныхъ отъ обществъ приговоровъ, если на нихъ не числится мірскихъ недоимокъ или другихъ, неисполненныхъ въ отношеніи обществъ, обязательствъ. 2) Переселеніе можетъ быть разрѣшаемо крестьянамъ и тѣхъ селеній, при коихъ состоитъ земли болѣе 5 десятинъ на душу, если переселеніе изъ этихъ селеній, по другимъ уваженіямъ, будетъ признано полезнымъ. 3) Прошенія могутъ быть подаваемы на простой бумагѣ. 4) Независимо отъ установленныхъ пособій на путевые расходы и на устройство домообзаведенія, переселенцамъ будетъ предоставлена льгота отъ податей и повинностей на 16 лѣтъ и отъ рекрутской повинности въ продолженіе шести наборовъ, и 5) по прибытіи на мѣсто новаго водворенія переселенцамъ будетъ отведено такое количество земли, которое каждый домохозяинъ въ состояніи будетъ обработать. Палатамъ госуд. имущ. предписано объявлять эти условія въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ «по свѣдѣніямъ палатъ могутъ быть желающіе переселиться». Предписано наблюдать, чтобы семейства переселенцевъ были въ состояніи перенести трудности пути, и не допускать къ переселенію одинокихъ, неженатыхъ (« если эти неженатые не принадлежатъ ни къ какому семейству»), «а равно семействъ, обремененныхъ значительнымъ числомъ малолѣтныхъ или пожилыхъ, и держаться правила, чтобы въ каждомъ семействѣ было не менѣе двухъ работниковъ». Въ предупрежденiе растраты денегъ предписано снабдить переселенцевъ пособiемъ на путевые расходы до ближайшаго губернскаго города; отправленiе партiй начать съ наступленiемъ ранней весны; маршрутъ составить для каждой переселенческой партiи до Тобольской губ., направивъ партiи на городъ Тюмень, «такъ какъ дальнѣйшiя распоряженiя въ отношенiи слѣдованiя партiй, попеченiе о содержанiи переселенцевъ въ пути и размѣщенiе ихъ на зимовку и вообще наблюденiе за симъ дѣломъ будетъ зависѣть отъ главнаго сибирскаго начальства». Въ то же время начальникамъ тѣхъ губернiй, изъ которыхъ должны слѣдовать на Амуръ переселенцы, министерство между прочимъ предложило имѣть въ виду, чтобы переселенiе приведено было въ исполненiе безъ излишной огласки въ краѣ, «дабы не возбудить превратныхъ толковъ о цѣли сего переселенiя, а въ народѣ вреднаго движенiя и тревоги».

Охотниковъ на Амуръ нашлось много во всѣхъ тѣхъ губернiяхъ, которыя назначены были министерствомъ. Дѣятельнѣе другихъ въ этомъ отношенiи оказалось губернiя Воронежская, доставившая бóльшее количество просьбъ желающихъ изъ уѣздовъ Землянскаго, Острогожскаго, Валуйскаго и Павловскаго. За тѣмъ слѣдовали Вятская, Тамбовская и Пермская (*). Переселенцы раздѣлены были на партiи; какъ напр. воронежскiе

(*) Въ такихъ числовыхъ данныхъ: изъ Воронежской губ. Острогожскаго уѣзда 28 семей въ количествѣ 294 душъ обоего пола; Валуйскаго 7 семей (63 души), Павловскаго 7 семей (88 душъ) и Землянскаго 8 семей (75 душъ). Изъ Вятской губ. оказалось желающихъ 309 семей, но разрѣшено переселенiе только 132 въ количествѣ 1174 душъ. Изъ Тамбовской 450 душъ обоего пола (въ числѣ 34 семей) Тамб. уѣзда и 14 сем. Липецкаго. Губ. Пермская дала только 40 семействъ изъ уѣздовъ Чердынскаго и Оханскаго. При этомъ пермская палата госуд. им. объявляла, что «прiисканiе желающихъ идти на Амуръ крайне затруднительно», не смотря на то, что палата вынуждена была сдѣлать вызовъ по всей губернiи. «Главная причина—увѣряетъ она—заключается въ неизвѣстности края, какъ объясняютъ крестьяне лично».

на три: въ одной 174 души; во второй—168 душъ и въ третьей—170.

Причины, заставлявшія крестьянъ оставить прежнія мѣста ихъ жительства, заключались главнымъ образомъ въ недостаткѣ земель, годныхъ для хлѣбопашества, или, какъ выразились въ своемъ прошеніи землянскіе крестьяне, «крайнее и даже раззорительное стѣсненіе въ земляныхъ угодьяхъ». Крестьяне Павловскаго уѣзда писали въ своемъ прошеніи, между прочимъ, слѣдующее: «Съ давняго времени мы съ товарищами своими, по причинѣ малоземелія и неудобности оной къ хлѣбопашеству, ибо большая часть состоитъ изъ мѣла, претерпѣваемъ большую бѣдность въ пропитаніи себя съ семействами и подъ селомъ не имѣемъ средства продовольствовать самый необходимый рабочій скотъ. Въ настоящее же время дошли до того, что не въ силахъ уже уплачивать казенныхъ податей, а тѣмъ болѣе отбывать натуральныя повинности, потому что чрезъ неудобныя земли большая часть изъ товарищей нашихъ въ лѣтнее время по паспортамъ отправляется въ разныя мѣста на заработки собственно для уплаты казенныхъ податей, а въ зимнее время пропитываемъ свои семейства чрезъ избытокъ самаго необходимаго скота за самую несходную цѣну и лишаемся послѣднихъ средствъ къ одѣянію себя». Почти такого же смысла были прошенія крестьянъ остальныхъ губерній, отправившихъ представителей своихъ на Амуръ. Опредѣленнаго желанія идти именно на Амуръ, крестьяне не объявляли въ большей части случаевъ: землянскіе готовы были переселиться въ Томскую губернію или на Амуръ; острогожскіе изъявили желаніе въ Енисейскую губ. въ числѣ 287 семей, но на Амуръ изъ того числа нашлось только 24 семьи. Землянскіе желали «впередъ послать работниковъ въ этомъ 1859 г. и притомъ, если угодно правительству, то переселиться желаютъ на собственный счетъ», и притомъ для нихъ все равно: въ этомъ ли 1859 году начнется ихъ переселеніе, или въ 1860 году.

«Губерніи Тамбовская и Воронежская привлечены къ участію въ переселеніи съ цѣлію испытать вліяніе этой мѣры на внутреннія губерніи» — писалъ министръ къ ген-губ. Восточной Сибири.

Переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ ожидали уже новыя положенія, составленныя ген.-губ. Восточной Сибири, который, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, нашелся вынужденнымъ измѣнить и пополнить нѣкоторыя правила, указанныя Сибирскимъ комитетомъ. Губернаторамъ Амурской и Приморской областей поставлено въ обязанность: «1) при занятіи мѣстъ для жительства не упускать изъ виду условія, чтобы удобныхъ земель приводилось никакъ не менѣе 21 десятины на каждую мужескаго пола душу, дабы съ умноженіемъ впослѣдствіи населенія не было недостатка у нихъ въ землѣ и значительнаго скопленія въ одномъ пунктѣ». 2) Не дозволять селиться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя назначаются для казачьихъ станицъ и гдѣ въ настоящее время находятся селенія манчжуровъ и другихъ туземцевъ. Въ городахъ и селеніяхъ мѣста подъ усадебное устройство, вдоль рѣки Амура и другихъ, отводить для каждаго отдѣльно—живущаго семейства не болѣе 50 саженъ, дабы такимъ образомъ не лишить и имѣющихъ прибыть впослѣдствіи поселенцевъ возможности пользоваться выгодною близостью рѣки. Въ глубь же страны переселенцы могутъ занимать столько земли, сколько будутъ въ состояніи обработать.

Въ началѣ весны 1859 года переселенцы на Амуръ вышли съ мѣстъ своей родины. Движеніе ихъ сопровождалось неблагопріятными обстоятельствами. 13 іюля 1859 г. получено было управляющимъ министерствомъ госуд. имущ. извѣщеніе отъ главнаго управленія Западной Сибири, по которому видно, что переселенцы пришли въ Сибирь несчастливо. «Изъ числа прибывшихъ въ г. Тюмень переселенцевъ Вятской губ. нѣкоторые крестьяне обратились къ мѣстному начальству съ просьбою о выдачѣ имъ прогонныхъ денегъ (хотя-де они и прибыли на собственныхъ лошадяхъ). При этомъ они присовокупили, что подножнаго корма слишкомъ недостаточно для сохраненія крѣпости и силы въ лошадяхъ при предстоящемъ имъ пути въ такой отдаленный край и что на покупку фуража для лошадей они не имѣютъ никакихъ средствъ. При этомъ дознано, что мѣстное начальство нѣкоторымъ изъ крестьянъ дозволило продавать лошадей; другимъ же таковая продажа воспрещена». Въ Томской губерніи къ амурскимъ переселенцамъ присоединилась еще партія изъ семи семействъ, самовольно зашедшихъ въ эту губернію изъ Орловской. У пришедшихъ въ Енисейскую губернію не хватило на предстоявшее зимнее время теплой одежды, которая и была роздана изъ заготовленной для арестантовъ или пріобрѣтенной у торговцевъ хозяйственнымъ образомъ. Въ этой же губерніи, по случаю возвысившейся цѣны на хлѣбъ отъ неурожаевъ, оказались недостаточными кормовыя деньги въ размѣрѣ 3½ коп. въ сутки (на каждаго). Потребовалось выдавать сверхъ того еще по 2½ коп. Изъ назначенныхъ къ переселенію на Амуръ 250 семействъ пришло въ Иркутскъ только 230; три семейства оставлены для водворенія въ Иркутской губерніи и Забайкальской области за смертію и болѣзнію главныхъ членовъ семействъ; остальныя 17 семействъ зимовали въ предѣлахъ Западной Сибири и на Амуръ не отправлены, а размѣщены въ Иркутскомъ округѣ. Многія изъ пришедшихъ въ Иркутскъ семействъ, отъ долгаго пути, износили свою одежду. Все это потребовало новыхъ расходовъ сверхъ ассигнованныхъ правительствомъ 100 тысячъ. Всѣ эти расходы — по сознанію ген-губ. Восточной Сибири—при исчисленіи издержекъ въ виду не были (*). Для покрытія ихъ предположено было назначить примѣрно до 70 тыс. рублей. На отпускъ этотъ разрѣшеніе послѣдовало въ томъ предположеніи, чтобы расходы эти отнесены были въ счетъ тѣхъ 100 тыс., которыя должны быть ассигно-

Ч.П.

(*) Издержки эти соображались по слѣдующимъ даннымъ: «казаки съ семействами отъ сборныхъ пунктовъ по рр. Шилкѣ и Аргуни до средняго теченія Амура стоили казнѣ до 163 руб. на семью изъ 5 душъ, не включая въ эту цифру расхода на покупку домашняго скота, который казаки обязаны имѣть собственный».

ваны въ слѣдующемъ, т. е. 1861 году. Такимъ образомъ въ распоряженіе ген-губ. Восточной Сибири отпущено было въ 1861 году 14 февраля изъ Государственнаго казначейства 10,587 р. 36$^3/_4$ коп.; остальныя деньги 59,412 руб. 63$^1/_4$ коп. приняло на себя министерство госуд. имущ. и отнесло ихъ въ счетъ хозяйственнаго капитала министерства. Необходимость этихъ расходовъ оправдывали тѣмъ, что путь переселенцевъ подвергается различнымъ случайностямъ, что «близъ Читы крестьянамъ должно рубить лѣсъ, строить баржи и паромы для сплава (вызывающія значительные мѣстные расходы); сверхъ того пришедшимъ крестьянамъ нужно выдавать хлѣбъ на продовольствіе и снабдить скотомъ».

Въ тоже время, когда такимъ образомъ, вслѣдствіе вызововъ, накопилась желаемая начальствомъ Восточной Сибири цифра тысячи семействъ для Амура и приступлено было къ передвиженію народа изъ внутреннихъ губерній, ген.-губ. Вост. Сибири нашелъ, что ста тысячъ недостаточно для 500 семей: «ихъ можетъ достать развѣ на 300 семей: изъ этого же слѣдуетъ, что 400 семействъ вятскихъ и пермскихъ крестьянъ, имѣющихъ быть переселенными въ Енисейскую губернію, не могутъ быть обращены на переселеніе въ при-амурскій край». Министръ госуд. имущ. предположилъ, вслѣдствіе этого представленія, отправить на Амуръ вмѣсто 500 только 250 семей; остальныхъ же, по личному вызову ген.-губ. Западной Сибири, рѣшено было водворить въ Западной Сибири (*).

Между тѣмъ значеніе прересeленій на Амурѣ въ глазахъ правительства измѣняется. Сибирскій комитетъ говоритъ: «свободное

(*) Для водворенія тамъ назначена Семипалатинская область съ Заилійскимъ краемъ. Переселенцы эти, въ количествѣ 34 семействъ (или 163 душъ обоего пола) были зачислены въ казаки Сибирскаго линейнаго войска въ составъ предназначеннаго къ образованію Семипалатинскаго пѣшаго казачьяго полубаталіона или отчасти и Заилійскаго. На тотъ же конецъ приняты и тѣ 159 семействъ, которыя предназначено было выпустить изъ Пермской губ., въ 1860 году. На эту операцію Государственное казначейство въ 1859 году выдало 20 тысячъ, въ 1860 гопереселеніе на Амуръ можетъ заключаться въ крестьянахъ, которые неимѣютъ достаточно земель для обработки въ настоящихъ мѣстахъ ихъ жительства, и въ предпріимчивыхъ людяхъ всѣхъ другихъ сословій, которые большею частію желаютъ пріобрѣсть земли въ полную собственность». Въ тоже время, не встрѣчая никакой побудительной причины желать особенно поспѣшнаго населенія Амурскаго края, «который долженъ—такъ сказать—составлять поземельный запасъ для Россіи въ будущности, правительство не имѣетъ надобности и дарить принадлежащія земли въ собственность частнымъ лицамъ или даже продавать ихъ за безцѣнокъ, когда безъ малѣйшаго сомнѣнія, страны, прилегающія къ Амуру, будутъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтать и бо̀льшее значеніе и бо̀льшую цѣнность, по мѣрѣ развитія европейской и американской промышленности и торговли на Восточномъ океанѣ».

Вслѣдствіе подобнаго рода соображеній и изданы были правила для желающихъ переселяться на Амуръ во всеобщее извѣстіе. Принято было при этомъ въ соображеніе, что цѣна (10 руб.) за десятину, назначенная генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, нѣсколько высока, судя по цѣнамъ на земли въ многоземельныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, однако министерство государственныхъ имуществъ, предполагая, что «таковое предположеніе основано на мѣстныхъ соображеніяхъ» рѣшило, что можетъ быть допущено въ видѣ опыта (*)». При введеніи общихъ правилъ въ употребленіе, принято полезнымъ сколь возможно со-

---

ду—10 тыс. и потомъ снова 2515 руб, 6 коп. и оренбургской палатѣ госуд. имущ. 5581 руб. $34^{1}|_{2}$ коп. Не лишнимъ считаемъ просовокупить при этомъ, что многіе крестьяне не изъявили своего желанія перейти въ казаки и просили позволенія, вмѣстѣ со своими семействами, возратиться на родину. Министерство госуд. имущ. не находило къ тому препятствія, «если только эти крестьяне обяжутся подпиской пополнить въ казну издержки, употребленныя на путевое слѣдованіе и водвореніе ихъ».

(**) Въ правилахъ цѣна за десятину назначена 3 руб., но только на первыя 20 лѣтъ: впослѣдствіи она должна измѣниться. Вообще почти всѣ правила писаны, какъ временная переходная мѣра.

кратить въ этомъ дѣлѣ бюрократическія формы. Переселеніе государственныхъ крестьянъ на казенный счетъ прекращено. Ассигнованная на этотъ предметъ сумма должна идти въ распоряженіе главнаго управленія Восточной Сибири для оказанія пособій переселенцамъ на Амуръ заимообразно и для составленія съ этою цѣлію особаго капитала (запаснаго). Далѣе—по предположенію генералъ-губернатора Восточной Сибири, «изъ денегъ, которыя будутъ получаемы за продажу земель въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ, половина должна быть обращаема въ государственное казначейство на возмѣщеніе издержекъ, сдѣланныхъ на первоначальное заселеніе береговъ Амура казаками, а другая половина должна поступать на различныя полезныя устройства въ новомъ краѣ и преимущественно путей сообщенія (какъ водяныхъ, такъ и сухопутныхъ) и телеграфическихъ линій».

Относительно иностранныхъ колонистовъ предполагалось неизбѣжнымъ правиломъ, чтобы они вступали въ русское подданство, были поселены лишь внутри при-амурскихъ областей; всѣ же стратегическіе пункты должны быть заняты исключительно русскими поселенцами и славянами (?).

Просьбы государственныхъ крестьянъ на Амуръ все-таки не прекратились. Изъ одной Вятской губ. нашлось охотниковъ въ 1861 году 337 семействъ; изъ нихъ разрѣшено переселеніе 57 семействамъ, которыя и отданы въ распоряженіе ген.-губ. Западной Сибири. Зачѣмъ, въ маѣ 1862 года, о томъ же переселеніи на Амуръ подали просьбу 108 душъ изъ Павловскаго уѣзда Воронежской губ. и крестьяне Уржумскаго уѣзда Вятской губ. Всѣмъ имъ объявлено, что они переселяться могутъ на собственный счетъ, но не иначе, какъ съ дозволенія мѣстнаго начальства. Въ маѣ (24 числа) 1862 года изъ Вятской губ. (уѣздовъ: Котельницкаго, Орловскаго, Слободскаго и Глазовскаго) отправились въ Сибирь 33 семьи (въ количествѣ 146 душъ мужескаго пола, а наличныхъ обоего пола 315 душъ).

Но возвратимся къ переселенцамъ 1860 года. Всѣ они, по распоряженію начальства Восточной Сибири, назначены для водворенія въ Приморской области, по обоимъ берегамъ Амура, отъ Уссури до Софійска. Намъ привелось видѣть это водвореніе на мѣстѣ, и потому далѣе мы будемъ слѣдовать уже нашимъ личнымъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ.

На берегахъ Шилки, на обширной равнинѣ, образовался временной городокъ, таборъ или *лагери*—какъ называло его мѣстное военное начальство. Изъ лагерей этихъ доносился оживленный громкій гулъ; затѣвались пѣсни, мурлыкала гармоника и тринкала балалайка: великорусскій людъ перенесъ свои затѣи на чужую землю, гдѣ народъ вообще мало поетъ и рѣдко пляшетъ. Все это, вмѣстѣ взятое, глядѣло въ лагеряхъ беззаботною жизнію; обѣщало какъ будто довольство настоящимъ и вѣрующій взглядъ на будущее. Вечеромъ зажигались огни и безконечно долгое время продолжался тотъ же оживленный базарный говоръ; огни картинно отражались въ Шилкѣ; красиво глядѣли расположившіяся около огней этихъ группы народа; къ довершенію картины видны были и телѣги, и скотъ, и бѣлыя палатки; видѣлось однимъ словомъ все то, что такъ хорошо на картинкахъ и до чего такіе великіе охотники наши пейзажисты. Но, привыкши нѣсколько разъ разувѣряться въ истинномъ изяществѣ внѣшнихъ блестокъ, мы и на этотъ разъ не дали полной вѣры своимъ первымъ впечатлѣніямъ. Не находя ничего поэтическаго въ этихъ лохмотьяхъ, которыя виднѣлись и на отцахъ и на дѣтяхъ, мы относились съ распросами къ этимъ людямъ, которые — какъ выше сказано — въ послѣднихъ числахъ апрѣля собрались таборомъ на берегахъ рѣки Шилки.

Примѣч. Считаемъ нелишнимъ упомянуть въ заключеніе, что нѣкто. Як. Ник. Бутковскій, отправившій въ 1859 и 1860 г. г. три судна къ берегамъ Восточной Сибири съ грузами Морскаго Министерства и съ нѣсколькими пассажирами, предлагалъ свои услуги. Министерство государственныхъ имуществъ отвѣчало, что не нуждается въ перевозкѣ крестьянъ изъ внутренныхъ губерній.

Намъ отвѣчали:

— Самъ Господь про то вѣдаетъ, что впередъ будетъ, а пока хорошаго мало. Сколько тысячъ верстъ прошли, да еще чуть ли не столько обѣщаютъ. Когда еще до мѣста доберемся, а вотъ ужъ годъ цѣлый истратили. И тоскуется крѣпко....

— Объ родинѣ?

— Родину-бы Господь съ ней: мы вѣдь ее оставили за тѣмъ, что тѣсновато жить стало: земли было мало, а народъ мы бѣдный. Нахвалили намъ Амуръ этотъ—одолѣлъ соблазнъ. А когда еще мы до него доберемся?!

— Теперь ужъ до него недалеко.

— А кто про то знаетъ?! Сказываютъ вонъ, слышь, что еще тысячъ пять будетъ. Мы вѣдь, надо правду говорить, за нимъ-то и не стояли, какъ вотъ въ Сибирь эту пришли. Барабой тамъ какой-то шли, мѣста намъ тѣ приглянулись; просили оставить—отказало начальство. До Иркутскова не доходя — опять мѣста ладныя были: и на тѣхъ не оставили. Вотъ и за Байкаломъ-то просились: такъ нельзя вишь оставить; на Амуръ-де назначеніе вамъ вышло: туда ступайте! Пойдемъ: дѣлать нечего.

— Такъ объ чемъ же тоскуется?

— Нужды много терпимъ; да опять же и не сказали намъ, сколь далеко это мѣсто. «Не больно же далеко»—слышь. Сказать бы раньше надо, такъ мы бы по другому и думали; а то вишь и начальство-то наше, надо быть, само этого не знало толкомъ-то:—такъ надо полагать.

— Здорово ли шли вы?

— Да со всячинкой: кое-кого прихватывало. Вятскихъ вонъ крѣпко схватывало; у нихъ, сказываютъ, много же народу погибло. Лихоманки все больше одолѣвали.

— Чего же вамъ хочется получить на Амурѣ?

— А что дадутъ, то и ладно: Господь тоже знаетъ, что на немъ есть такое. Мы, признаться, въ этотъ годъ шли все да шли —устали, всякое ужъ хотѣнье-то и попризабыли. Далъ бы Богъ до мѣста-то только добраться. А тамъ....

— Голодъ подберется?

— Твори Господь волю Свою.

— Заживете богато!...

— И на то власть Господня.

— Забудете про родныхъ и родину....

— И то въ волѣ Божьей.

— Пѣсни запоете....

— Какой ужъ тутъ тебѣ, чортъ, пѣсни: до пѣсенъ-ли!

Эти отвѣты мы получали отъ умѣренныхъ (а такихъ бóльшая часть); но были и нетерпѣливые, нашлись и озобленные. Удалось намъ попасть и на такихъ и слышали мы отъ нихъ совсѣмъ другое:

— Мы вотъ становищемъ-то своимъ на цыганъ больно похожи. Тѣ въ нашихъ мѣстахъ на счетъ воровства ловки. Намъ бы милостыню надо было просить пойти: да куда? Поглядимъ-поглядимъ мы, такъ и здѣшному народу подать нечего: бѣдно живутъ. А заведется у кого добро какое: такъ онъ за него и зубами и руками. Спросишь чего у нихъ, такъ такую цѣну съ тебя сдеретъ, что ходишь потомъ сутки съ трои, да почесываешься.

— Молока ребетенкамъ пошла промыслить—серебряной двугривенникъ отдала.

— Щецъ потрепать блажь пришла по дурацкой-то рассейской повадкѣ, такъ и языкъ обожегъ: гривенникъ спрашивали. Ѣдимъ какъ вонъ въ нашихъ мѣстахъ вотяки не ѣдятъ: болтушку.

— Скота намъ дали одрань такую, что не глядѣлъ бы.

— Скатъ колесъ мы изъ дому-то своего (изъ Тамбовской губ.) привезли: пригодятся-молъ на чужой сторонѣ; и ядреныя такія колеса, дубовыя; не велитъ начальство брать: тѣсно-де будетъ на паромахъ.

— Безпокоятъ больно: скорѣй слышь все, скорѣй собирайся. Намъ-де некогда съ вами тутъ проклажаться. Само начальство, чуть вонъ не само, и паромы-то отпихивало отъ берегу. Тягостно это: обидно!...

— Не знаемъ, чтó будетъ; не знаемъ, какъ попловёмъ теперь: мѣсто не ближное, надо полагать. А сколько верстъ будетъ?

словно слѣпые какіе—не знаемъ. И какъ попловёмъ—надо опять сказывать—какъ и попловёмъ: не знаемъ.

А какъ поплывутъ переселенцы—предсказать было нетрудно на этотъ разъ. Мало обѣщали успѣха съ одной стороны—торопливость и неизбѣжная съ нею безпорядочность; съ другой—замѣтно мало практичности, мало умѣнья взяться за дѣло, по простой причинѣ: дѣло это для большей части приставниковъ (если не для всѣхъ поголовно) дѣло новое, да и къ тому же еще обязательное, служебное. Если разъ уже мы привыкли видѣть только одинъ конецъ дѣла, оттѣненный еще въ добавокъ привлекательнымъ розовымъ оттѣнкомъ,—для насъ во всякомъ случаѣ непримѣтна та обстановка и тѣ подробности, на которыя заявляетъ свои требованія самое теченіе дѣла. Мы знаемъ объ этихъ требованіяхъ инстинктивно, гадательно, но вообразить ихъ себѣ цѣлостно, предусмотрѣть и предугадать подробности мы не желаемъ, а можетъ быть и не въ силахъ, опять-таки по весьма простой причинѣ—мы этого дѣла не знаемъ; оно для насъ дѣло новое, да и къ тому же еще требовательно-спѣшное дѣло. Требованія человѣколюбія и состраданія—такіе отвлеченные вопросы, къ разрѣшенію которыхъ мы неприготовлены самымъ воспитаніемъ, да и не имѣемъ силы вовладать съ этимъ: мужики—это такія терпѣливыя натуры, что грубость ихъ поражаетъ насъ, и до того требовательныя и недовольныя всегда и во всѣхъ случаяхъ, что не стоитъ труда преклонять уха къ желаніямъ и пользамъ ихъ. Было бы поскорѣе кончено дѣло, а тамъ намъ хоть трава не рости.

При такихъ принципахъ естественнымъ образомъ далеко не уйдешь, хотя и доплывешь можетъ быть (относительно говоря), доплывешь до назначенныхъ граней. Но какъ доплывешь?—это другой вопросъ. Амуръ на долгомъ своемъ теченіи подверженъ многимъ случайностямъ: иначе и быть не можетъ. Переселенцамъ приходилось плыть чуть-ли не всѣ три тысячи верстъ теченія Амура. Путь приводился по водѣ, по теченію: стало быть не требовалъ особеннаго напряженія и усилій. Весна начинала сдавать тепломъ; Шилка очистилась отъ льда: стало быть, время для плаванія самое благопріятное. Поплыли, но забыли: русскій человѣкъ, сбираясь въ дальную дорогу, безъ того не обходится, чтобы чего нибудь не забыть, хотя бы и собирался раньше нѣсколько сутокъ. На этотъ разъ забыли.... забыли взять лоцмановъ. Но лоцмановъ — какъ безспорно и всякому извѣстно — нѣтъ на Амурѣ; есть какой-то десятокъ бывалыхъ, разъ или два уже ходившихъ туда, но они или были разобраны болѣе предусмотрительными сплавщиками, или заговорены частными лицами—торгующимъ людомъ, или же, наконецъ, давно выселены на Амуръ куда-то далеко впередъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно одно, что лоцмановъ для переселенческихъ баржъ и плотовъ не взяли. Но съ другой стороны на такой громадный путь надобенъ же какой нибудь проводникъ или руководитель; а въ этомъ случаѣ большое подспорье—какъ всякому извѣстно—хорошая карта: ее не забыли-ли? Картъ Амура существуетъ двѣ: одна скороспѣлая, почтовая, но на ней Амуръ вытянулся въ черную нитку, небрежно брошенную: кое-гдѣ нитка эта перегнулась, перепуталась; въ другомъ мѣстѣ какъ будто оборвалась; прописаны на ней кое-какія станицы (и то далеко не всѣ): однимъ словомъ карта эта и по внѣшному виду своему крайне подозрительна; довѣриться ей—на льду обломиться, да и нѣтъ причины: существуетъ другая карта. Эта карта состоитъ изъ нѣсколькихъ листовъ: на ней нанесены острова, обозначены коегдѣ мели; берега обозначены. Но, во 1-хъ, до этой карты безъ протекціи и большихъ денегъ доступиться нельзя: ни у одного изъ частныхъ плавателей по Амуру, даже у лицъ амурской компаніи, карты этой не было; а во 2-хъ, эта подробная карта (на тотъ годъ библіографическая рѣдкость) замѣчательна многими невѣрностями. Мы пробовали плыть съ ней, вѣрили этой картѣ, и она насъ обманывала. Остается стало быть одно: положиться на самое ненадежное средство—на собственный глазъ и сметку. Сметка, какъ извѣстно, развивается отъ привычки, а морской глазъ—привиллегія немногихъ—дѣло тоже нелегкое; изощряется онъ только при частыхъ и долгихъ опытахъ. Мы готовы на этотъ разъ примириться съ огромнымъ значеніемъ такъ называемаго морскаго (а пожалуй и рѣчнаго) глаза, и—плывемъ дальше. Но плывемъ все-таки на угадъ, на авось, на удачу; и плывемъ во всякомъ случаѣ—несчастливо: четыреугольные, тяжелые и некрашенные ящики, носящіе названіе баржъ (но при этомъ—не забудьте, баржъ *ленскихъ*), плохо слушаются руля и валятъ къ берегу съ энергіей и безъ удержи при всякомъ крутомъ порывѣ боковаго вѣтра: на шестахъ не удержишься. Можетъ быть, хороши эти недодѣланные срубы, сусѣки (все, что хотите, только не рѣчныя суда), хороши они на р. Ленѣ—мѣстѣ своего происхожденія, но изъ рукъ вонъ плохи здѣсь, на широкомъ Амурѣ, на торжественно-спокойномъ его теченіи. Сядетъ эта уродливая баржа на мель: съ ней возня, уму непостижимая: всѣ 15—20 человѣкъ должны лѣзть въ воду и съ неистовыми криками, и огромными усиліями должны ее стаскивать съ мели. Возятся эти люди иногда цѣлые сутки, баржу снимаютъ; но иной разъ снимаютъ ее для того, чтобы опять посадить на новую мель тотчасъ же: мель эта ни на карту не нанесена, ни въ мечтаніяхъ не предвидѣлась. Гарнизонные солдаты—сплавщики отъ этихъ операцій бѣгутъ въ лѣсъ, а потомъ, если не въ Россію, то въ тюрьму во всякомъ случаѣ. Переселенцамъ бѣжать некуда; да и не затѣмъ они доплелись до Амура. Съ плотами по крайней мѣрѣ другое дѣло: плотъ такая посудина, которую, на какую воду не спусти, будетъ плавать. Плотъ, если и на мель сядетъ, снять его легче шестами: рѣдко и въ воду приходится слѣзать. Неудобенъ онъ потому только, что на немъ никакъ не помѣстишь человѣка съ необходимымъ даже нетребовательнымъ комфортомъ: плоты придуманы, какъ извѣстно, для сплава тѣхъ бревенъ, изъ которыхъ они сшиты, но на Амурѣ на одни изъ нихъ пристроиваютъ перилы и становятъ рогатый скотъ; на другіе ставятъ тѣже перила кругомъ плота и устраиваютъ самихъ переселенцевъ съ дѣтьми. Переселенецъ можетъ на плотахъ распялить армякъ свой или полушубокъ—и вотъ ему и отъ вѣтра затула и отъ дождевой воды сверху, а положитъ онъ на пазы плота доски—ему и отъ рѣчной воды снизу защита. Русскій человѣкъ, закаленный на всяческихъ невзгодахъ, и житейскихъ и климатическихъ, простуды не боится, комфорта не требуетъ: великое счастье для неопытныхъ, непредусмотрительныхъ и недальновидныхъ приставниковъ его..... На этотъ разъ на неудобныхъ, безбожныхъ амурскихъ плотахъ, плывутъ переселенцы по Амуру на угадъ; въ станицахъ они ничего не находятъ; привычнаго варева не имѣютъ, ибо не имѣютъ столько денегъ, чтобы оплатить варево, изготовляемое амурскими казачками изрѣдка про себя; дождей переселенцы не боятся, рѣчной мокроты тоже,—все это для нихъ дѣло привычное: Богъ вымочитъ ихъ—Богъ и высушитъ; къ тому же весеннее солнышко во всей своей яркости въ верховьяхъ рѣки; на проходѣ по среднему теченію—солнышко разыгралось во всю свою лѣтнюю, боевую силу; а на осень, къ сентябрю, переселенцы были уже на назначенныхъ имъ мѣстахъ.

Но что же такое нашли тамъ для себя переселенцы? Нашли они тамъ немного, если судить относительно тѣхъ обѣщаній, которыя были сдѣланы имъ. Главнымъ образомъ нашли они на берегахъ Амура не тѣ мѣста, которымъ самою природою назначено быть лучшими, и именно такими какія, нужны для пришедшихъ переселенцевъ.

Амуръ на своемъ длинномъ, въ три тысячи верстъ, протяженіи, представляетъ—какъ мы выше сказали—три видоизмѣненія. Верховья этой рѣки носятъ одинаковый характеръ съ берегами Шилки и именно той ея части, которая ближе къ Амуру. Здѣсь развѣтвился Большой Хинганъ своими отрогами и собственно мало представляетъ мѣстъ, удобныхъ для поселенія большими и частыми деревнями. Горы въ большей части случаевъ выходятъ на самый берегъ или идутъ параллельно съ нимъ, но въ недальномъ отъ него разстояніи. Изрѣдка такимъ образомъ у рѣки остаются иногда длинныя, но не широкія низменности; но очень часто низменности эти замѣчательно коротки и узки. Горный характеръ этой мѣстности не теряется и въ отдаленіи отъ амурскаго берега, и рѣки, впадающія въ Амуръ—горныя рѣки. На нижномъ теченіи Шилки, во всемъ схожей съ верховыми берегами Амура, которые положительно составляютъ продолженіе береговъ этого амурскаго притока—во все время долгаго существованія этихъ береговъ въ русскомъ владѣніи—сдѣлано было немного: селенія очень рѣдки и малы, а на послѣднихъ 217 верстахъ (отъ деревни Горбицы до Усть-стрѣлочнаго караула при сліяніи Шилки съ Аргунью) селеній нѣтъ вовсе, да и быть не могутъ. Горы, покрытыя густыми хвойными лѣсами, круто оступаются въ рѣку и выпускаютъ впередъ себя на берегъ узенькія, ничтожныя низменности. Амуръ, точно такимъ же образомъ, на всемъ протяженіи отъ Усть-стрѣлочпаго караула до Кумáры, даетъ мало мѣстъ, удобныхъ для заселенія. Болѣе благопріятными изъ нихъ можно полагать только тѣ, которыя уже и заняты настоящими станицами. Таковы: Покровская, Албазинъ, Бейтоновка, Толбузина и Кумара—на всемъ этомъ протяженіи въ 700 верстъ слишкомъ. На Шилкѣ подобныя географическія условія послужили причиною къ тому, что промыселъ пушнаго звѣря (*звѣрованье*, по туземному) послужилъ въ ущербъ развитію сельскаго хозяйства—хлѣбопашества. Если же примемъ въ основаніе то обстоятельство, что поселенные въ верховьяхъ Амура казаки всѣ взяты по большей части съ Шилки и Аргуни (находящейся въ тѣхъ же географическихъ условіяхъ), то приблизительно можемъ судить о направленіи будущихъ хозяйственныхъ занятій казаковъ. Они, казаки эти, еще далеко до того времени, когда присоединенъ былъ Амуръ въ Россіи (по айгунскому трактату), по старому дѣдовскому преданію и обыкновенію—ходили въ эту часть Амура за пушнымъ звѣремъ (въ Албазинъ за лучшимъ соболемъ, и въ другія мѣста за хорошей бѣлкой) и съ кочующими туземцами затѣвали торги и скодки въ условныхъ мѣстахъ (больчжáры, по туземному). Не удивительно, если до сихъ поръ въ верховьяхъ Амура не завели хлѣбопашества, и казаки тамошніе охотнѣе уходятъ въ хребты за соболямъ или ловять рыбу, чѣмъ поднимаютъ плугомъ вѣками залежалую, лѣсную землю и не производятъ работы, для нихъ трудной и постылой. Казаки будутъ ходить за соболемъ и продавать его на горячія деньги тѣмъ торговцамъ изъ-за-Байкалья, которые десятками и сотнями будутъ являться сюда: благо опыты сдѣланы уже въ большихъ размѣрахъ. Хлѣбъ и мясо казаки купятъ; хлѣбъ и мясо казакамъ привезутъ ближайшіе сосѣди, которымъ судила судьба занять дальнѣйшія мѣста Амура.

Амуръ за станицею Бибикова вступаетъ въ степную полосу; течетъ рѣшительною степью, со всѣми ея признаками: высокою травою, обезпечивающею существованіе скотоводства въ большихъ размѣрахъ; богатымъ и сочнымъ черноземомъ, образовавшимся отъ накопленія во многіе вѣка старой степной травы, никѣмъ некошенной, ничѣмъ невытравленной. Для того, чтобъ дать возможность молодой травѣ заявить свою силу, казаки принуждены уже пускать на старую траву (такъ называемую *вѣтошь*) *палы*, т. е. жечь ее въ началѣ каждой весны. Амуръ такимъ образомъ течетъ степью на пространствѣ слишкомъ 820 верстъ до впаденія въ него рѣки Уссури (*). На этомъ пространствѣ горы рѣдки; большею частію онѣ синѣютъ въ отдаленіи и только незначительной высоты холмами выходятъ на берегъ. За то пластъ чернозема въ большей части мѣстъ залегаетъ на $1\frac{1}{2}$—2 аршина и даже на сажень глубиною; впадающія въ Амуръ рѣки широки и многоводны и замѣчательно часты, чѣмъ въ верховьяхъ главной рѣки. Нѣтъ на этомъ пространствѣ лѣсовъ,

---

(*) Въ это число мы не включили 160 верстъ теченія Амура, прорѣзаннаго Малымъ Хинганомъ. Мѣста эти къ поселенію рѣшительно неудобны. Хинганъ не даетъ ни одной замѣчательной низменности. Существующія тутъ станицы (6)—жалкія станицы. Мѣсто это можетъ обезпечить существованіе нѣсколькихъ станцій, но ни для какого хозяйства неудобно. Ни скотоводства, ни хлѣбопашества разводить негдѣ. Лѣсные промыслы также не обезпечиваютъ возможности существованія. Малый Хинганъ—мѣсто родины хищныхъ звѣрей: барсовъ и тигровъ; но даетъ плохую бѣлку и очень мало соболей. Дикія козы — небогатое подспорье для голодовокъ въ случаѣ недостатка мяса, да даютъ мѣхъ, который пригоденъ для *дахи*; но и только.

смѣнившихся чахлымъ и мало-полезнымъ тальникомъ, да изрѣдка березой; но за то Малый Хинганъ вышелъ весь усаженный дубомъ (хотя и мелкимъ), орѣшникомъ и черной березой. За Малымъ Хинганомъ Амуръ опять идетъ голою степью, и здѣсь между устьями двухъ огромныхъ притоковъ Амура—рѣкъ Сунгари и Уссури, залегли лучшія, благословенныя мѣста всего Приамурья. Тутъ дико растетъ (хотя и не дозрѣваетъ) и хваленый виноградъ и сладкіе яблоки; тутъ на то время, когда въ верховьяхъ Амура таетъ разкиданный по берегамъ рѣчной ледъ, и просвѣчиваютъ въ падяхъ большія снѣжныя глыбы,—цвѣтетъ черемуха, и благоухаетъ весна въ оживленной и очаровательной прелести. На этомъ огромномъ пространствѣ между устьями амурскихъ притоковъ Зеи и Сунгари, манчжуры сгруппировали людное и часто насаженное населеніе и съ давнихъ временъ образуютъ колоніи изъ ссыльныхъ китайцевъ, часто уроженцевъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Небесной имперіи. Если эти прибрежья дальняго Амура служатъ для Китая мѣстами ссылки, то во всякомъ случаѣ для Россіи они богатое пріобрѣтеніе для будущихъ колоній, если только колоніи эти будутъ устроиваться рукою опытною. Но еще благопріятнѣе, еще счастливѣе этихъ мѣстъ для русскихъ колоній, безъ всякаго сомнѣнія, тѣ мѣста, которыя пошли къ югу отъ Хабаровки по правому берегу рѣки Уссури, оставленному за Россіей по послѣднему тянзинскому трактату. Все благопріятствуетъ тамъ возможности существованія на будущее время большихъ и цвѣтущихъ селеній: и большая судоходная рыбная рѣка съ глубокими протоками, дѣвственные, богатые пушнымъ звѣремъ лѣса со многими разновидностями древесныхъ породъ, и обширныя степныя, нетронутыя пространства, залегшія между прибрежными хребтами и лѣсами. Такъ по крайнній мѣрѣ на всемъ протяженіи рѣки Уссури отъ устья до впаденія въ нее Сунгачи, вытекающей, какъ извѣстно, изъ озера Ханкая. Между озеромъ этимъ и корейскимъ берегомъ устроены китайскимъ правительствомъ большія плантаціи извѣстнаго цѣлебнаго корня жинь-шеня (по манчжурски орохото); въ одномъ изъ прибрежныхъ уссурійскихъ озеръ водятся рѣчныя черепахи; прирѣчные лѣса даютъ много прихотливыхъ южныхъ породъ плодовыхъ деревьевъ: въ обиліи яблоки, груши, кедровые орѣхи, дикій виноградъ успѣваетъ иногда дозрѣвать. Все, однимъ словомъ, обѣщаетъ много блестящихъ надеждъ въ будущемъ отъ этого пріобрѣтенія: во всякомъ случаѣ прибрежья рѣки Уссури — лучшія мѣста во всемъ при-амурскомъ краѣ, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ другія; и на нихъ-то по преимуществу — по нашему крайнему разумѣнію — должны сосредочиваться виды и надежды мѣстнымъ колонизаторовъ.

Далеко не тѣ картины рисуютъ предъ нами низовья Амура. На первой сотнѣ верстъ рѣка утрачиваетъ свой степной характеръ и вступаетъ въ лѣсныя пространства. Круто поворачивая къ сѣверу и идя далѣе въ сѣверовосточномъ направленіи, она разбивается на острова и протоки: острова песчаны и бѣдны растительностью, протоки обставлены густыми первозданными и почти исключительно хвойными лѣсами. Климатъ чувствительно суровѣе, большія болота и широкія озера въ большомъ числѣ залегаютъ по берегамъ. Съ половины этого тысячеверстнаго теченія Амура, отъ устья Уссури до моря, мѣстность принимаетъ тотъ тайговой безпривѣтный характеръ, который носятъ прибрежья Лены, Оби, Печоры. Разительнымъ контрастомъ является эта мѣстность по отношенію ко всѣмъ другимъ мѣстностямъ Амура: далеко нѣтъ той мягкости колорита, которая очаровываетъ въ срединномъ теченіи рѣки; самыя краски крупнѣе и грубѣе, чѣмъ даже въ верховьяхъ Амура. Сильно напоминаетъ эта мѣстность сѣверныя пространства Россіи, родныя и милыя, но тѣмъ не менѣе безпривѣтныя и безнадежныя. Здѣсь въ началѣ іюня лежали еще по горамъ нерастаявшія громадныя массы снѣга; стояли холодные вѣтры, и Амуръ сдавалъ волнами крутыми и устойчивыми, каковы бываютъ однѣ только морскія волны. И чѣмъ ближе къ устью (почти отъ самаго впаденія рѣки Хунгари), тѣмъ природа становилась суровѣе: быстро измѣнялись и грубѣли черты ея; быстро подлаживалась къ ея мрачному сѣверному колориту и вся обстановка. Мягкія черты кроткихъ гольдовъ смѣнились скуластыми, сумрачными и даже немножко-свирѣпыми лицами гиляковъ; на мѣсто домовитыхъ и прочныхъ юртъ манчжуровъ встали скороспѣлыя временныя юрты гиляковъ, оборванныхъ и почти полуголыхъ; голодныхъ и почти ничего неготовящихъ въ запасъ на будущее время...

Поселенія въ этихъ мѣстахъ требуютъ усиленныхъ работъ и сосредоточеннаго вниманія. Готовыхъ мѣстъ для селеній—самое ничтожное количество; большая часть требуетъ расчистки отъ вѣковыхъ сосенъ и елей. Почва не обѣщаетъ хорошаго плодородія, а разбросанность удобныхъ мѣстъ, одного отъ другаго, почти не даетъ никакихъ гарантій для возможности существованія плотнаго и обезпеченнаго населенія. Все оно, по всему вѣроятію, должно устремиться по направленію къ югу отъ устья Уссури, если конечно не встрѣтитъ сильныхъ противодѣйствій со стороны колонизаторовъ. Селенія, образованныя изъ переселенцевъ, назначенныхъ въ Камчатку, и расположенныя на пространствѣ между Маріинскомъ и Николаевскомъ, представляютъ печальный результатъ оживленія этой безпривѣтной мѣстности, переселенцы при всѣхъ усиліяхъ въ пять лѣтъ успѣли только обстроиться, кое-какъ сдѣлать росчисти и завести хозяйства, которыя найдены были нами въ весьма печальномъ состояніи.

На этой-то именно мѣстности при-амурскаго края и поселены тѣ переселенцы изъ пяти великорусскихъ губерній, за судьбою которыхъ мы слѣдили въ началѣ этой статьи по официальнымъ даннымъ. Прослѣдимъ далѣе за ними по нашимъ личнымъ наблюденіямъ и соображеніямъ.

Въ концѣ августа и въ началѣ сентября всѣ эти переселенцы были уже, какъ извѣстно, па мѣстахъ своего водворенія.

Наступила суровая осень, хотя и стоялъ августъ мѣсяцъ далеко еще не въ послѣднихъ своихъ числахъ. Дожди и туманы вступали въ свои прова и мрачили передъ нами окрестность. Богъ вѣстъ какими безутѣшными и безпривѣтными являлись они всѣмъ намъ на ту пору. Мы поднимались вверхъ и въ обратный путь на легкомъ и небольшомъ казенномъ пароходѣ, у котораго на этотъ разъ было названіе «Ононъ».

Пароходъ бросилъ якорь. Мы вышли на берегъ. Толпа крестьянъ и ребятишекъ окружила насъ. Оказались переселенцы. Изъ какой губерніи?—изъ Тамбовской.

Мы видимъ на берегу цѣлую полѣнницу бѣлыхъ мѣшковъ, и спрашиваемъ. Оказался провіантъ, выданный переселенцамъ; въ мѣшкахъ—мука. Хороша-ли?

— Шибко подмочена: солодѣлая.

— Квасъ стало быть хорошо варить!—замѣтилъ какой-то острякъ.

— Хорошо и квасъ—отвѣчалъ одинъ изъ толпы; а хорошо и такъ ее бросить; никуда эта мука негодящая. Мы эдакой—на родинѣ-то своей и телятамъ не мѣсили.

— Дожди теперь идутъ; а она у васъ загнила вся; черви завелись. Отчего мѣшки у васъ ничемъ не покрыты?

— Намъ и себя-то покрыть нечѣмъ, а объ мѣшкахъ съ мукой намъ и думать не приводится.

Осмотрѣлись мы: слова мужичка были справедливы.

— По четыре недѣли рубахъ не снимаемъ—обносились.

— Нехорошія мѣста на вашу долю выпали...

— Такія нехорошія, что кабы знали, такъ и не снимались совсѣмъ; на родинѣ не въ примѣръ было лучше. Есть же и на Амурѣ-то этомъ мѣста хорошія. Просились мы подъ городомъ Благовѣщенскимъ, сюда поближе: не вышло разрѣшенія. Сюда сказали, разрѣшеніе вамъ.

— Пытали просить у начальства.

— Вонъ тамъ по Усюрѣ рѣкѣ важныя мѣста, сказываютъ.

— Ну да вонъ и повыше-то мѣста маленько получше же этихъ.

— Нѣтъ, знать хорошія-то мѣста не про насъ пасли; много, братцы, хорошихъ мѣстовъ на свѣтѣ: да не наши мѣста-то эти.

И заговорили. Заговорили переселенцы всѣ вдругъ, какъ любитъ говорить русскій человѣкъ, когда затронетъ всѣ сердца одинъ общій интересъ и накипитъ на этихъ сердцахъ невзгода и недовольство и когда нѣтъ русскому человѣку никакого другаго исхода, кромѣ этихъ торопливыхъ и недовольныхъ разговоровъ. «Хоть въ разговорахъ-то и жалобахъ этихъ—думаетъ онъ—разведу я свое горе и уложу расходившееся сердце, благо наскочилъ на меня живой человѣкъ, которой меня слушаетъ, а можетъ быть и сочувствуетъ мнѣ, а можетъ быть и поможетъ мнѣ».

— Мѣста намъ выпали такія, что кажись хуже ихъ и нѣтъ на Амурѣ: все болота либо глина.

— Просились бы на другія! — вырвалось замѣчаніе у всѣхъ насъ въ одно слово; тѣмъ болѣе, что всѣ мы видѣли, что крестьянъ дѣйствительно высадили на болото. Мы брели по грязи, по болотной мокротѣ и кочкамъ. Эти болотныя кочки шли дальше, шли подъ гору, шли вдоль рѣки. Намъ сдѣлалось грустно за переселенцевъ; мы видѣли насущное горе ихъ и были не въ силахъ помочь имъ. Переселенцы говорили намъ:

— Рѣшено, слышь, такъ, чтобы насъ-де ужъ не снимать съ этого мѣста: такая-де судьба наша. Для того тутъ, слышь, и столбъ поставленъ; а столбъ-де этотъ не мы ставили. Просили мы: «позвольте молъ, хоть на пригорочекъ вонъ этотъ выселиться!—Это-де можно!»

— Да и на горѣ-то этой, братцы, все глина; ходилъ я утрась да чуть сапоговъ тамъ не оставилъ.

— Горе наше великое, а жалобу принести не кому. Всякой сказываетъ: «не мое дѣло». Не похлопочетъ-ли какъ ваша милость. Сдѣлайте, господа, великую божескую милость!

Но мы тогда могли только сочувствовать этому горю; можемъ теперь занести этотъ фактъ на эту страницу нашего скромнаго разсказа и сказать *имѣющему уши слышати*, что безнадежное мѣсто водворенія тамбовскихъ переселенцевъ называлось тогда—*шестой станокъ*.

Заходили мы потомъ и во всѣ другіе станки: и всѣ эти переселенческія становища-лагери, словно сговорясь, вели одинъ и тотъ же мотивъ съ незначительными только варіаціями. Общій характеръ—недовольство и безнадежность; въ частности—со стороны однихъ желаніе совершенно перемѣнить мѣсто, хотя бы даже вдалекѣ отъ настоящаго, и со стороны другихъ стремленія болѣе ограниченныя: именно отыскать мѣсто посуше, но за то и поближе. Намъ хвалили два мѣста, какъ лучшія и болѣе удобныя, но одно изъ нихъ (Горинское) оказалось только возвышеннымъ, но мокрымъ, какъ на первый проѣздъ нашъ, такъ и на второй обратной. Второе мѣсто, такъ называемый первый станокъ, имѣло преимущество предъ другими только въ томъ отношеніи, что было ближе къ болѣе или менѣе срединному пункту, какова напр. Хабаровка, стоящая при сліяніи Уссури съ Амуромъ!

Вообще же въ дѣлѣ размѣщенія переселенцевъ насъ поразили слѣдующія крайности и случайности. Зачѣмъ было вести переселенцевъ именно на эти мѣста, въ верховья Амура? Если до сихъ поръ мѣста эти не были заняты и нужно было стянуть срединное населеніе Амура съ низовымъ, то во всякомъ случаѣ крестьяне не сдѣлаютъ больше, чѣмъ сдѣлали бы тоже самое казаки. Стратегическая линія нужна была, можетъ быть, на первые годы; теперь она анахронизмъ. Воинственное нѣкогда (лѣтъ двѣсти тому назадъ) манчжурское племя, покорившее въ срединѣ XVII вѣка Китай, теперь находится въ той кроткой апатіи и нѣгѣ, какую испытываетъ счастливый побѣдитель, довольный нынѣшнимъ днемъ и неимѣющій нужды заботиться о завтрашномъ. Китайцы уже давно разсказываютъ притчу о жирномъ нищемъ манчжурѣ, который пришелъ проситъ работы и защиты у сухощаваго, но богатаго китайца. Гиляки и гольды—безопасны, какъ бродячія, зависимыя отъ манчжуръ, племена, у которыхъ забота объ нынѣшнемъ днѣ выше всякой другой. Нѣтъ нужды, по нашему крайному разумѣнію, селить казаковъ именно только въ тѣхъ пунктахъ, которымъ могутъ угрожать манчжурскія нападенія. Къ тому же немного надо жить съ казакомъ, чтобы разувѣриться въ ихъ воинственности и знать, что если лягутъ передъ казакомъ соблазномъ лѣсъ и поле, онъ скорѣе возьмется ружье, чѣмъ за соху; а это сдѣлать ему было бы также легко и въ низовьяхъ Амура, какъ дѣлалъ онъ это на Аргунѣ, дѣлалъ на Шилкѣ, дѣлаетъ теперь въ верховьяхъ Амура. У амурскаго казака вотъ уже четвертый годъ хозяйство плохо ведется и до сихъ поръ не завелось ничего. Не за тѣмъ же, чтобы ничего не дѣлать, шелъ сюда великорусскій переселенецъ почти десять тысячъ верстъ и просился на Барабѣ, просился на Братской степи, приговаривался къ мѣстамъ по Шилкѣ и вымаливалъ себѣ мѣста на Амурѣ между рр. Уссури и Зеей. Онъ долгими путевыми страданіями, начатыми разлукой съ родиной и родными, выслужилъ себѣ право на лучшую участь, чѣмъ та, какую онъ несетъ теперь. Разселенные между казаками коннаго полка и казаками пѣшихъ батальоновъ (уссурійскаго и амурскаго) великорусскіе переселенцы внесли бы живую силу, которой отчасти не достаетъ казакамъ забайкальскимъ. Сопоставленные обокъ въ одни и тѣ же условія, они бы не затруднились во многомъ: казакъ нашелъ бы работника, крестьянинъ—друга, у котораго встрѣтилъ бы если не помощь, то совѣтъ. Что же теперь найдетъ ничего неимущій крестьянинъ у сосѣда гольда или гиляка, когда этотъ самый гольдъ и гилякъ умрутъ съ голоду, если манчжуры не подвезутъ имъ (за ихъ отступничество) хлѣба и если въ Амуръ придетъ мало рыбы, напуганной и разогнанной казенными и частными пароходами, которые, говорятъ, увеличиваются къ количествѣ? Какимъ образомъ установитъ крестьянинъ свои отношенія и чѣмъ скрѣпитъ свою дружбу съ сосѣдомъ гилякомъ не смотря (на всю дешевизну пріобрѣтенія этой дружбы), когда онъ самъ получилъ только казенный паекъ въ обрѣзъ, не имѣетъ своего поля и даже не успѣлъ засѣять огорода табакомъ? Другъ отъ друга крестьяне отдалены на большія разстоянія, изъ которыхъ самое меньшее 35 верстъ и самое большое 100 слишкомъ. Да и нѣкогда имъ теперь устанавливать сношенія и заводить завѣтную хлѣбъ-соль съ сосѣдями: все около себя они обязаны обряжать личнымъ усиленнымъ и тяжелымъ трудомъ. Казна дала имъ немного, почти ничего. Заготовленные для переселенцевъ дома крайне-плохи и притомъ въ такомъ небольшомъ количествѣ, что въ нихъ принуждены были помѣститься на предстоявшую зиму пять-шесть семей. Дома эти, или лучше деревянные срубы, строены были линейными солдатами, по казенному наряду, на срокъ и къ спѣху: стало быть вышли дурны, неблагонадежны. Углы этихъ избъ приложены на глазъ и на авось; пазы вышли неровные и законопачены были ветошью (прошлогодней травой), которая лѣтомъ высохнетъ на солнцѣ и превратится въ пыль; пыль эту выдуютъ и унесутъ въ лѣсъ крѣпкіе вѣтры, или вымочатъ въ грязь осенніе дожди. На многихъ домахъ успѣли наслать одинъ только потолокъ и то кое-какъ; на рѣдкомъ изъ нихъ были сдѣланы крыши; въ рѣдкомъ сложены печи, вставлены рамы; въ немногихъ изъ рамъ врѣзаны стекла — дорогой, рѣдкій продуктъ безстекольной Сибири. Равнымъ образомъ, переселенцы получили очень мало желѣза, да и то, которое было имъ выдано, оказалось дурнаго качества. Приготовленное на казенномъ Петровскомъ заводѣ, оно было плохо прокатано; топоры и заступы очень скоро расплющивались и становились негодными, рѣдкіе сошники годились на какое-нибудь употребленіе; жалобы на полученное желѣзо и просьбы о замѣнѣ его новымъ — были повсемѣстны. Переселенцы готовы были купить желѣзо, но купить было негдѣ. Восточная Сибирь, не смотря на существованіе двухъ большихъ казенныхъ заводовъ, и на избытокъ и изобиліе желѣзныхъ рудъ, до сихъ поръ также нуждается крѣпко въ желѣзѣ, какъ и въ стеклѣ и во всѣхъ мануфактурныхъ издѣліяхъ. Положеніе переселенцевъ и въ этихъ отношеніяхъ также безнадежно.

Безнадежно это положеніе особенно еще въ томъ важномъ отношеніи, что начальство упустило изъ виду слѣдующее главное обстоятельство. Россія дала для Амура переселенцевъ изъ двухъ совершенно различныхъ и діаметрально противоположнымъ мѣстностей: жителей степныхъ пространствъ съ одной стороны (каковы: тамбовскіе, орловскіе и воронежскіе крестьяне) и жителей лѣсной полосы Россіи (каковы крестьяне Вятской губерніи). Всѣ они безъ предусмотрительности и безъ различія поселены были — какъ мы уже выше сказали — въ лѣсной тайговой полосѣ мѣстности при-Амурья. Степнякъ, рѣдко имѣющій дѣло съ топоромъ и получающій всѣ деревянныя издѣлія (каковы напр. ведра, кадки и даже оконныя рамы) изъ ближайшихъ сѣверныхъ губерній (какова напр. Владимірская), затруднится, растеряется и ничего не сдѣлаетъ безъ примѣра и указанія въ лѣсныхъ мѣстахъ, хотя бы даже и этого Амура. Гигантскія работы расчистки лѣсовъ и приготовленія нóвей — для него дѣло непривычное, и больше чѣмъ неподручное. Онъ уже и теперь сидитъ у рѣки и ждетъ погоды; ждетъ и обдумываетъ, можетъ быть, въ крайномъ случаѣ бросится на сподручный промыселъ: на зиму въ извозъ (благо есть лошади), на лѣто на промыселъ лѣснаго звѣря или на мелкое торгашество около гольдовъ, ради соболей и бѣлки. И не въ правѣ мы пѣнять на переселенцевъ впослѣдствіи, если они отъ хлѣбопашества перейдутъ къ какому-нибудь городовому промыслу и размельчатся въ кулачествѣ до того, что забудутъ о землѣ и плугѣ, родныхъ и привычныхъ для нихъ съ-издѣтства. Всякая насилованная мѣра ведетъ за собою неизбѣжную путаницу, никогда не достигаетъ успѣшныхъ результатовъ не только въ началѣ, но и далеко впослѣдствіи. Примѣръ тотъ же Амуръ, да и сотни другихъ самыхъ новыхъ и самыхъ свѣжихъ и притомъ въ самой Россіи. Мы не будемъ распространяться объ нихъ, ради крайней извѣстности фактовъ, совершающихся у насъ ежедневно передъ глазами. Степнякъ едва ли останется въ амурскихъ лѣсныхъ мѣстахъ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ на родинѣ, т. е. хлѣбопашцемъ, и по всему вѣроятію ударится въ мелкой торговой промыселъ, тѣмъ болѣе, что и въ мѣстахъ родины онъ получилъ къ тому большую повадку. Несомнѣнно полезный и находчивый тамъ, гдѣ залегли по Амуру степныя пространства, на которыя его не выселили, степнякъ въ этомъ отношеніи составляетъ рѣшительный контрастъ съ переселенцами изъ Вятской губерніи.

Вятскій, какъ извѣстно, съ ранняго дѣтства и до гробовой доски имѣетъ дѣло съ топоромъ и лѣсомъ. Значительно развивающееся населеніе въ этой, одной изъ многолюдныхъ и населенныхъ, губерній Россіи, безпрестанно раздробляется на выселки. Для этихъ выселковъ вырѣзаетъ онъ въ тамошнихъ первозданныхъ лѣсахъ большія площади, жжетъ ихъ, вырубаетъ пни, вырываетъ корни съ изумительной скоростію, постоянствомъ и снаровкою. Дѣло это столько же сподручное и легкое для него, сколько для степняка умѣнье обращаться съ косой и плугомъ. Гдѣ же тутъ сходство? гдѣ же тутъ право на совмѣстное водвореніе и тѣхъ и другихъ? А между тѣмъ на Амурѣ при водвореніи переселенцовъ великорусскихъ губерній произведена была слѣдующая странная, непонятная операція. Переселенцы вятскіе—мастера строить дома и охотники рубить нóви, поселены въ готовыхъ домахъ ех—города Маріинска, откуда, какъ извѣстно, выведенъ былъ линейный батальонъ въ Николаевскъ. Маріинскіе дома, выстроенные тѣми же солдатами для себя, были обстроены необходимыми службами и обставлены кое-какими огородами, на приготовленіе которыхъ также потрачено было не мало усилій и трудовъ. Солдаты съ стѣсненнымъ сердцемъ, жены ихъ съ горькими слезами оставили за безцѣнокъ свою собственность доставшуюся потомъ далеко не въ тѣ руки, въ какія бы слѣдовало. Между тѣмъ переселенцы изъ степныхъ губерній заняли кое-какъ и наскоро слаженные дома, готовые только на меньшую половину, переселенцы, которые на родинѣ привыкли жить исключительно только въ землянкахъ и хатахъ. И вотъ Амуръ—по поговоркѣ «кому мать, кому мачиха» — не съумѣлъ удовлетворить ни тѣмъ, ни другимъ изъ переселенцевъ Великой Россіи.

Теперь, при соображеніи весьма многихъ важныхъ обстоятельствъ, почти не подлежитъ никакому сомнѣнію, что значеніе устья Амура, существованіе при немъ весьма неудачнаго Николаевскаго порта, а за тѣмъ, слѣдовательно и значеніе всѣхъ низовьевъ Амура, начиная отъ устья рѣки Уссури, должно со временемъ ослабѣть. Все движеніе вѣроятно устремится, какъ мы уже сказали, по направленію рѣки Уссури. Рѣка эта, какъ извѣстно, идетъ и близко подходитъ своими притоками къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ залегли отличныя во всѣхъ отношеніяхъ и соблазнительныя гавани и бухты Восточнаго океана, каковы: портъ Мей, заливъОльга, гавань Посьета. Съ одной стороны: излишне-большой и мелкой амурскій лиманъ, въ которомъ рѣдкое изъ судовъ не садится на мель, не смотря на существованіе створныхъ знаковъ и бакеновъ, и на проходъ которымъ ни одна изъ европейскихъ компаній не беретъ на себя страхованій по причинѣ многихъ несчастныхъ случаевъ (*); сверхъ того, негостепріимство сѣверныхъ частей Восточнаго океана, вѣчно обставленныхъ густыми, непроглядными туманами; безполезное сосѣдство Николаевскаго порта съ безлюдными мѣстностями прибрежій Охотскаго моря: съ Камчаткой, островомъ Сахалиномъ, Удскимъ и Аянскимъ краями, и наконецъ суровость климата, недоброкачественность почвы и рѣдко насаженное населеніе. За то съ другой стороны: по рѣкѣ Уссури огромныя и богатыя рощи корабельныхъ лѣсовъ. Они чѣмъ ближе къ морскимъ берегамъ, тѣмъ цѣлостнѣе и богаче разновидностями древесныхъ породъ; заливъ Ольга и портъ Мей обсажены сплошъ дубовыми вѣковыми лѣсами; берега гавани Посьета прорѣзаны толстыми пластами отличнаго каменнаго угля; эта и другія вмѣстѣ взятыя гавани представляютъ обширные, глубокіе и отлично защищенные рейды для стоянки морскихъ судовъ, командируемыхъ для плаванія въ Восточномъ океанѣ; и сверхъ того близость Японіи и Кореи, въ довершеніе всего, обезпечиваютъ существованіе и возможное развитіе морской торговли именно здѣсь, вблизи Кореи, а не тамъ, гдѣ существуетъ въ настоящее время городъ Николаевскъ. Если за нимъ останется исключительное право производить съ

(*) Два судна амурской компаніи (*Св. Иннокентій* и *Оросъ*) погибли со всею кладью: одно въ началѣ амурскаго лимана, другое въ концѣ его, не доходя Николаевска.

южными портами Китая въ большихъ размѣрахъ лѣсную торговлю и отчасти служить складочнымъ мѣстомъ продовольственныхъ припасовъ, заготовленныхъ для прибрежнаго населенія Охотскаго моря, то во всякомъ случаѣ мы можемъ смѣло предположить, что всякая другая возможная торговля устремится по направленію рѣки Уссури къ южнымъ портомъ Восточнаго океана, которые по послѣднему тянцзинскому трактату, какъ извѣстно, оставлены китайскимъ правительствомъ за Россіей. Кромѣ того, гавань Ольги обезпечиваетъ возможность существованія большаго населенія, въ развитіи которому не отказываютъ и мѣста, залегшія между этою гаванью и истоками рѣки Уссури. Это намъ доказываютъ и послѣднія правительственныя распоряженія, сосредоточенныя пока на проведеніи по этимъ мѣстамъ линіи телеграфа и на приглашеніе переселенцевъ именно сюда, хотя въ тоже время прибрежья Уссури еще могутъ съ избыткомъ удѣлить такія пространства, которыя удобны къ заселенію и до сихъ еще поръ лежатъ впустѣ (*).

Но возвращаемся снова къ нашимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Стоя на высокой горѣ, по которой разбросано селеніе Хабаровка и видя предъ собою, по ту сторону Амура, безконечную равнину, богатую травою степь, лежащую во всей своей неприкосновенности, мы снова вспомнили о несчастныхъ русскихъ степнякахъ, недавно нами оставленныхъ, и снова пожалѣли объ ихъ участи еще съ большимъ участіемъ и сожалѣніемъ. Ради

(*) Въ *Правилахъ для поселенія русскихъ и иностранцевъ въ областяхъ Амурской и Приморской Восточной Сибири*, между прочимъ, сказано въ § 7 (в) «На пространствѣ отъ вершинъ р. Уссури и по ея теченію къ морю такія участки (пространствомъ не болѣе 100 десятинъ на каждое семейство) предоставляются въ вѣчное и постоянное пользованіе всего общества, которое можетъ, если пожелаетъ, весь участокъ, въ полномъ его составѣ продать, только не иначе какъ другому обществу же, состоящему не менѣе какъ изъ 15 семействъ: за пользованіе этою землею общество, въ теченіе 20 лѣтъ, не платитъ ничего въ казну, но по истеченіи сего срока оно должно будетъ платить особую оброчную, именно за пользованіе землею, подать, въ томъ размѣрѣ, какъ это будетъ установлено впослѣдствіи.

чего (думалось намъ) пожалѣли роскошныя мѣста амурскихъ степей? ради чего такъ пунктуально держались Богъ вѣсть когда составленнаго назначенія и, имѣя въ виду одну малозначительную сторону, опускали изъ виду другую, весьма важную? Сколько бы скота развели на этихъ неоглядныхъ равнинахъ умѣлые и досужіе малороссы! Сколько бы любви и старанія приложили они здѣсь на знакомой почвѣ, которая только тѣмъ отличается отъ родной и покинутой ими, что эта — новая, дѣвственная почва, благодарная и обезпечивающая такимъ легкимъ, и такимъ близкимъ успѣхомъ! Приладили бы они здѣсь такія же землянки и жили бы тутъ также счастливо и домовито, какъ не удалось имъ жить на родинѣ и какъ хотѣлось бы имъ пожить на чужбинѣ. Насилованные въ своихъ пожеланіяхъ, они можетъ быть, круто обращенные на иную, вовсе незнакомую житейскую обстановку—растеряются и изноютъ въ нуждѣ, какъ уже и случились подобныя несчастія въ той же Восточной Сибиро (напр. на такъ называемомъ аянскомъ трактѣ). Грустно, безъисходно грустно стало намъ за несчастныхъ переселенцевъ, и воображеніе наше рисовало иныя подробности, не менѣе безутѣшныя не менѣе обидныя.

Ѣдетъ (думалось намъ) чиновникъ, по казенному наряду, осматривать и назначать мѣста, удобныя для станцій. Ѣдетъ этотъ чиновникъ и думаетъ: «пространство дали большое; я одинъ: всего не сдѣлаешь; всего не осмотришь; да и кто можетъ знать какія мѣста тутъ лучше, какія хуже. Съ гольдами говорить неумѣю, стало быть и спросить некого. Стану назначать для станцій мѣста тамъ, гдѣ живутъ эти гольды, лишь бы только по приблизительному разсчету около тридцати верстъ вышло». И ставилъ этотъ чиновникъ столбъ: быть дѣлу такъ. Пусть же строятъ тутъ избу: станокъ будетъ. Для станка особенныхъ условій не требуется. И вотъ черезъ годъ за этимъ чиновникомъ ѣдетъ другой чиновникъ и тоже по казенному наряду, но съ болѣе важнымъ порученіемъ. Ему приказано отыскать и назначить мѣста, удобныя для заселенія и селеній. Видитъ этотъ чиновникъ станки, видитъ гольдскія деревни, изъ которыхъ однѣ — большія, другія — маленькія; видитъ онъ все это, и думаетъ: гольдская деревня велика, стало быть мѣсто хорошее; иначе бы несе-лились тутъ гольды большой массой». И ставитъ тутъ подлѣ деревни этой, этотъ чиновникъ свой столбъ. Маленькія деревушки гольдовъ онъ проѣзжаетъ мимо и думаетъ: «тутъ не стоитъ, тутъ и гольдъ неохотно селится, да и будущему русскому населенію, около небольшаго числа гольдовъ, меньше гарантій чѣмъ нибудь поживиться на несчастной случай голодовки, чѣмъ напр., подъ бокомъ у большой гольдской деревни». Думаетъ этотъ чиновникъ такимъ образомъ — и ставитъ восьмой, ставитъ и девятый столбъ. Ставитъ этотъ чиновникъ этотъ девятый столбъ, глубоко врываетъ его въ землю и глубоко вѣруя, что вѣрнѣе врыть тамъ столбъ, гдѣ уже прежній чиновникъ поставилъ станокъ и мимо станка этого уже не одинъ разъ проѣзжало начальство. «Будетъ отвѣтственность, не будетъ ея, по крайней мѣрѣ сошлюсь на перваго: пополамъ отвѣтъ». И врываетъ чиновникъ новый столбъ, но забываетъ (а можетъ быть на тотъ разъ и не знаетъ), что на вкусъ и требованія гольда плохая надежда. Гольдъ ищетъ мѣста для жилища своего такого, которое, приходясь подъ горой, защищало бы его самаго отъ вѣтра и мятелей; а его юрту — отъ осенняго погрому. Мѣста ему нужно столько, чтобы построить зимникъ на горкѣ и лѣтникъ ближе къ водѣ, чтобъ подъ руками были и невода и рыба. Хлѣба гольды не сѣютъ, сѣна не косятъ: ни луговъ, ни полей имъ, стало быть, не надо: хлѣбъ привезутъ къ нимъ манчжуры, а изъ домашней скотины, они, кромѣ собакъ, никакой не держатъ. Какъ бы то ни было, но близость гольдской деревни не всегда ручательство за хорошую почву по близости. Служа двумъ господамъ, не угодишь ни тому, ни другому. И третій чиновникъ пріѣдетъ посмотрѣть — такъ ли сдѣлалъ второй и ничего не увидитъ, ничего не узнаетъ: мѣста, на угадъ назначенныя, такъ и останутся за переселенцами, и сядутъ на эти мѣста эти переселенцы и начнутъ съ тоски да съ горя кулаки грысть. Дѣло ихъ, во всякомъ случаѣ, дѣло проигранное, трудно-поправимое и почти безвозвратное. Разсердится крестьянинъ, да и напишетъ въ Россію къ роднымъ и знакомымъ такую грамотку: «пришли мы на Амуръ благополучно; а здѣсь намъ худо; а собирается кто изъ нашихъ сусѣдскихъ, сказывайте имъ: не ходили бы. Въ Сибери хорошо, а дома не впримѣръ лучше. А мы живемъ и невѣдомо какъ жить доведется: ничего у насъ нѣту, а видно на все власть божья, а мы тому видно непричинны, что блажь такая напала и ушли мы изъ деревни. Отъ хворости пока Богъ бережетъ, а по сіе число остаемся живы и здоровы: а впредь уповаемъ на Бога».

— Взять бы намъ мужиковъ-то своихъ передъ уходомъ сюда всѣмъ—да хорошенько выпороть, чтобы дури экой на себя не напускали: право такъ!—говорили мнѣ бабы, пришедшія съ мужьями изъ Воронежской губерніи. Мужья ,стоявшіе тутъ же, промолчали, крѣпко только почесавши сначала затылки, а потомъ—по сочувствію уже—и спины свои.

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ, водвореніе государственныхъ крестьянъ великороссійскихъ губерній на этихъ амурскихъ прибрежьяхъ—по нашему крайнему разумѣнію—произведено безразсчетно, неудачно и къ тому же несчастливо. Непринятыбыли въ разсчетъ и соображеніе опыты старыхъ годовъ, не выполнены самыя главныя требованія всѣхъ подобнаго рода операцій. Самый существенный недостатокъ, обусловившій естественнымъ образомъ неудачу, состоялъ въ томъ, что крестьянамъ отказано было въ правѣ: заблаговременно и предварительно отправить на мѣста депутатовъ, которые, будучи выбраны обществомъ и знакомые съ его требованіями, отвѣчали бы за выборъ мѣстъ водворенія. Высшее правительство никогда и никому изъ переселенцевъ въ этомъ не отказывало.

Въ заключеніе остается вамъ теперь еще одинъ вопросъ: кто же теперь придетъ на Амуръ изъ Россіи?

Въ Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ, въ мартовской книжкѣ нынѣшняго года на 127 страницѣ смѣси, мы встрѣчаемъ слѣдующія замѣчательныя и правдивыя строки: «Въ настоящую минуту мы отмѣтимъ слѣдующій фактъ, показывающій очень ясно, что новое положеніе переселенцовъ, если не лучше, то никакъ не хуже прежняго. Фактъ этотъ: большая готовность крестьянъ переселяться и притомъ всего охотнѣе туда, куда уже переселились ихъ односельцы, или сосѣди, или вообще земляки. Что крестьяне переселяются охотно, это подтверждается напр. объявленіемъ отъ ставропольской палаты государственныхъ имуществъ (*). Тоже доказываютъ и нерѣдкія дѣла «о крестьянахъ самовольно перешедшихъ изъ одной губерніи въ другую», вызвавшія въ прошломъ году особый циркуляръ (**). Что крестьяне охотно стремятся именно туда, куда уже переселились ихъ земляки, то въ подтвержденіе этого, помимо множества другихъ доказательствъ, приводимъ слѣдующій, свѣжій фактъ: въ прошломъ 1860 году изъ Полтавской губерніи, по вызову правительства, переселилось въ Крымъ 246 семей; въ послѣднее же время, изъ той же губерніи и почти изъ тѣхъ же уѣздовъ, изъявило желаніе переселиться до 850 семействъ, т. е. много болѣе, чѣмъ въ прошломъ году и чѣмъ предполагалось». Авторъ этой статьи говоритъ далѣе: «крестьяне прежде подачи просьбъ о переселеніи, обыкновенно посылаютъ отъ себя выборныхъ, чтобы осмотрѣть мѣста предполагаемаго переселенія и навести подъ рукою нужныя справки. Въ виду такой готовности переселяться, о *понудительномъ переселеніи*, говоря вообще, не можетъ быть и рѣчи. Мѣстнымъ властямъ приходится не понуждать, а развѣ регулировать эту ревность къ переселенію, сообразуясь съ размѣромъ суммъ, отпускаемыхъ ежегодно на переселенія.» Въ концѣ статьи своей авторъ задаетъ

(*) Палата объявляла: «многіе изъ государственныхъ крестьянъ и помѣщиковъ внутреннихъ губерній обращаются съ просьбами о дозволеніи имъ селиться на земляхъ, оставшихся свободными за выходомъ въ Турцію магометанъ, съ перечисленіемъ на ихъ земли», и проч.

(**) Въ циркулярѣ сказано: «изъ дѣлъ министерства видно, что государственные крестьяне совершали, въ весьма значительномъ количествѣ, по недостатку земли, самовольныя переселенія во многоземельныя губерніи.

вопросъ: «дѣйствительно ли русскій крестьянинъ такъ крѣпко привязанъ къ своему пепелищу,—къ мѣсту, гдѣ покоится прахъ его отцовъ и дѣдовъ, какъ въ этомъ увѣряютъ насъ многіе? Привязанность простаго русскаго человѣка къ своей семьѣ не подлежитъ сомнѣнію, но привязанность къ мѣсту—дѣло спорное. Если взглянуть поглубже, то быть можетъ окажется, что не только крестьяне, но и всѣ русскіе, причастны слабости или добродѣтели—перекочевывать при удобномъ случаѣ, изъ одного мѣста въ другое. Мы съ малолѣтства прислушались къ пословицѣ: «рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше». У малоросса есть и другая поговорка: «хошь гирше абы иньше». Вообще Журналъ мин. госуд. имущ. остановился на той мысли, что мы не умѣемъ цѣнить достойно русскаго человѣка, какъ колониста. «Впрочемъ еще недавно (говоритъ онъ) одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ политико-экономовъ уже сказалъ: «русскій крестьянинъ—колонистъ по преимуществу».

Во всякомъ случаѣ въ настоящее время, когда опустѣлыя мѣстности Закавказья и Крыма зовутъ настоятельно и ждутъ нетерпѣливо новыхъ хозяевъ изъ переселенцевъ Россіи—кредитъ расхваленнаго Амура — къ сожалѣнію — долженъ упасть и мы можемъ пока остановиться только на одномъ предположеніи, что изъ множества желающихъ переселенія, найдется часть и туда, хотя уже конечно и значительно меньшая.

Высказанная Журналомъ мин. госуд. имущ. мысль о всегдашной готовности русскаго народа къ переселеніямъ найдетъ себѣ значительную долю оправданія въ разработкѣ вопроса о такъ называемомъ бродяжествѣ. Вопросъ этотъ одинъ изъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ во всей русской исторіи.

Разстаемся съ Амуромъ ради сосѣдняго съ нимъ океана и съ тѣмъ однакожъ, чтобы снова вернуться на тотъ же Амуръ.

НА УСТЬѢ АМУРА.

Въ послѣднее время (и именно только въ послѣднее время) заговоритъ ли кто о системахъ заселенія Амура или о способахъ постройки на немъ городовъ: всѣ обращаются къ примѣру Соединенныхъ-штатовъ Америки. Ищутъ ли въ нихъ образцовъ и примѣровъ для руководства во всѣхъ подобнаго рода предпріятіяхъ?—сказать мы не можемъ утвердительно. Распоряженія на Амурѣ слишкомъ ярки и опредѣлительны для того, чтобы не видѣть въ нихъ ничего общаго съ подобными распоряженіями въ Сѣверной Америкѣ. Аналогія, существующая между тѣмъ и другимъ дѣломъ, поразительна; но подробности и образъ практическаго примѣненія ихъ діаметрально-противоположны. Чтобы не ходить далеко въ подтвержденіи нашей мысли останавливаемся на устройствѣ городовъ по Амуру. Для этого беремъ въ примѣръ американскій городъ (если уже только Сѣверную Америку серьезно хотятъ принимать въ образецъ и поученіе) и въ этомъ случаѣ, опираясь на свидѣтельство позднѣйшаго изъ русскихъ путешественниковъ (*), слѣдимъ за американскимъ городомъ съ самаго зародыша до конечнаго времени процвѣтанія. Особенно знаменателенъ для насъ городъ Шикаго. Въ 1830 году это былъ

(*) Г. Лакіера, по сочиненію его, изд. въ Спб. 1859 г. подъ заглавіемъ: «Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ-штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ».

сборный пунктъ американцевъ для торговли съ индѣйцами; черезъ десятъ лѣтъ въ Шикаго было 5 тысячъ жителей: еще черезъ десять—30 тыс.; а въ концѣ 50-хъ годовъ, меньше чѣмъ черезъ 30 лѣтъ, народонаселеніе этого города достигло до 160 тыс., и говорятъ, ежегодно увеличивается отъ 15 до 20 тысячъ человѣкъ. И между тѣмъ начало его такъ несложно, какъ несложно начало всѣхъ другихъ городовъ Сѣверной Америки.

Исхудалый, блѣдный, съ усталымъ лицомъ, послѣ двухъ-недѣльнаго плаванія черезъ океанъ, европейскій переселенецъ высаживается на берегахъ Америки, хотя бы напр. въ Нью-Іоркѣ. Заплативши въ emigrant-depot два доллара, изъ небольшаго капитальца, скопленнаго на родинѣ при долгихъ усиліяхъ, переселенецъ этотъ съ надеждой на трудъ, на первыхъ же шагахъ по чужой почвѣ, попадаетъ въ руки американца, который желаетъ дѣлать (и дѣлаетъ) изъ этого человѣка аферу и тѣмъ убѣждаетъ пришельца, что деньги, привезенныя имъ изъ Европы, надобно издержать всѣ до копѣйки, чтобы съизнова начать трудиться и работать. Для этого европеецъ (нѣмецъ ли онъ или ирландецъ- поступаетъ въ работу къ фермеру, копитъ жалованье; затѣмъ самъ дѣлается хозяиномъ - фермеромъ, покупаетъ нѣсколько акровъ земли, воздѣлываетъ ихъ, продаетъ съ барышомъ другому, если самъ надумалъ искать себѣ счастія въ заманчивомъ, соблазнительномъ дальномъ западѣ, еще нетронутомъ и съ баснословными сокровищами. Тамъ онъ пріобрѣтаетъ участокъ гдѣ-нибудь на судоходной рѣкѣ, близъ города, около желѣзной дороги и приглашаетъ въ компанію другихъ. Построятъ они общими силами домики, заборы, срубятъ часть лѣса, засѣютъ дѣвственную почву, гдѣ она поудобнѣе, заложатъ городокъ, расхвалятъ въ газетахъ его мѣстоположеніе, выгоды для переселенцевъ «и за тѣмъ будутъ ждать, пока правительство Соединенныхъ штатовъ взумаетъ продать эти участки съ публичнаго торга, начиная съ доллара съ четвертью за акръ и допуская къ торгамъ на однихъ съ другими основаніяхъ и тѣхъ, кто уже владѣетъ участками.» Такъ поступаютъ тѣ, которые ушли изъ Нью-Іорка.

Городъ ихъ еще не вылился въ опредѣленную форму, онъ только зачинается, но въ немъ ужъ обозначаются широкія улицы: «будущій городъ разбрасывается на огромномъ, почти безмѣрномъ пространствѣ; разсчитываютъ на послѣдующіе милліоны жителей, никакому кварталу, никакой улицѣ не дается предпочтеніе передъ другою, всѣ одинаковой ширины и длины; всѣ пересѣкаются подъ прямыми углами. Самъ народъ впослѣдствіи опредѣлитъ какая улица удобнѣе и конечно ведущая къ пристани, къ порту, на биржу первая покроется большими зданіями; а на другой улицѣ, непредставляющей тѣхъ же удобствъ, долго еще останутся деревянныя избы, наскоро сколоченными первыми переселенцами. «Мнѣ всегда кажется — говоритъ г. Лакіеръ — что и города въ Америкѣ носятъ на себѣ печать общаго американскаго равенства: рожденіе не представляетъ никакихъ преимуществъ ни улицѣ, ни классу людей, ни отдѣльному человѣку, а между тѣмъ, такъ какъ абсолютное равенство нигдѣ на земномъ шарѣ невозможно и невообразимо, непремѣнно образуются различія, явятся любимыя, многолюдныя, хорошо обстроенныя улицы, какъ образуются богатыя, почетныя семейства, знатные люди, и путь къ этому желанному исходу открытъ для каждаго, ничто не полагаетъ препятствій и помѣхъ, и можно быть увѣрену, что когда нибудь дойдетъ очередь и до тѣхъ, кто прежде оставался въ тѣни». Такимъ образомъ новое мѣстечко обстроивается само, управляется также само сабою, пришлое населеніе начинаетъ само управлять своими общественными дѣлами, имѣть свои суды, свои школы, устраиваетъ ихъ по своему благоусмотрѣнію, такъ что правительство обращаетъ на новый городъ вниманіе свое тогда только, когда городъ самъ дастъ знать о своемъ процвѣтаніи

Поразительная быстрота, съ какою создаются американскіе города, естественнымъ образомъ и болѣе всего доказывается тою свободою дѣйствій, которая сопровождаетъ всякое дѣло американца. «Мы здѣсь счастливы (говорилъ г. Лакіеру нѣмецъ изъ Швабіи); мы не боимся полиціи. Если человѣкъ честенъ и трудолюбивъ, нигдѣ нельзя быть довольнѣе судьбою; надъ нами нѣтъ власти, мы сами хлопочемъ и заботимся о себѣ, идемъ куда и когда хотимъ, занимаемся чѣмъ желаемъ, сами облагаемъ себя сборами». Справедливо главнымъ образомъ то, что выборъ земли предоставленъ частному лицу. которое, руководствуясь своими индивидуальными наклонностями, потребностями и вкусомъ, можетъ отдать предпочтеніе или изобилующей лѣсомъ или производящей пшеницу. Конечно, онъ предпочтетъ море, озеро, рѣку, которыя могли бы переносить его грузы, лѣса для постройки судовъ, и проч. Грязный въ началѣ, безъ мостовыхъ, наскоро застроенный американцами, городъ успѣлъ уже образовать дружную и согласную общину. Одинъ помогаетъ другому строить домъ; третій взялъ на себя обязанность учителя дѣтей. Переселенцы кое-какъ построили школу, потомъ церковь. Успѣхи эти привлекли многихъ американцевъ изъ восточныхъ штатовъ, городъ завелъ лавки, завелъ библіотеку, началъ издавать газету, къ нему пристроили линію желѣзной дороги: процвѣтанію его положено начало и новый городъ не замедлитъ сдѣлаться и извѣстнымъ и многолюднымъ.

Сколько поразительно быстрое достиженіе результата во всякомъ дѣлѣ, за какое ни возьмется легкая и счастливая рука американца, столько же невозможно и слишкомъ смѣло сопоставленіе американца съ какою нибудь другою націею, а тѣмъ болѣе съ другимъ государствомъ. Нѣмцы, при всемъ ихъ прилежаніи, при всѣхъ добрыхъ качествахъ, бережливости, идутъ вслѣдъ за американцемъ; а гдѣ американецъ, тамъ нѣмецъ долженъ уступить и уступаетъ ему мѣсто. «Можно говорить о числовомъ превосходствѣ нѣмцевъ, но не о первенствѣ ихъ. Если нѣмецкихъ переселенцевъ можно упрекнутъ въ недостаткѣ практическаго смысла, — ирландцы отличаются лѣностью или, лучше, безпечностью на счетъ завтрашняго дня, работаютъ болѣе, чѣмъ прилежно, цѣлые дни, пока на радости не промѣняютъ нажитаго доллара на джинъ и виски. Если у нѣмца нѣтъ смѣлости броситься въ предпріятіе, которое можетъ его раззорить и обогатить; у ирландца нѣтъ терпѣнія, нѣтъ усидчивости, нѣтъ изумительнаго постоянства американцевъ идти къ цѣли, пока не дойдешь до нея» (*). Американецъ всюду; своеобразный американскій элементъ даетъ жизнь и направленіе всякой дѣятельности на новомъ континентѣ; европеецъ долженъ стать американцемъ для того, чтобы не звучать фальшивымъ звѣномъ въ этой цѣпи постоянства, труда и дѣятельности.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ на нашей, новой и дѣвственной, почвѣ Амура; а потому и самое сопоставленіе не можетъ имѣть мѣста, при всемъ насилованномъ и рьяномъ желаніи желающихъ. У насъ другія причины основанія городовъ, иныя средства. Для чего же мы будемъ искать руководящаго примѣра въ Америкѣ, когда должны находить только поучающіе образцы, и никакъ не далѣе, и не болѣе? Чтобы не ходить далеко, мы возвращаемся опять къ тому же Николаевску на Амурѣ. Въ Америкѣ для него есть образецъ, весьма близкій по сходству, весьма опредѣленный по подробностямъ.

Въ верхней Канадѣ существуетъ городъ Бай-тоунъ. «Не прошло еще четверти столѣтія—говоритъ г Лакіеръ—съ тѣхъ поръ, какъ начали здѣсь расчищать лѣсъ, а ужъ титулъ town не удовлетворяетъ города, который умѣлъ сосредоточитъ въ себѣ болѣе десяти тысячъ жителей, провелъ широкія, еще впрочемъ немощеныя улицы, раскинулся на огромномъ пространствѣ, освѣщенъ газомъ, имѣетъ хорошія гостинницы.» Причина такого быстраго процвѣтанія—лѣсная торговля.

Гдѣ она въ Николаевскѣ, который изжилъ уже первый десятокъ лѣтъ? Гдѣ въ немъ предпріимчивые люди, вышедшіе изъ родной русской почвы, съ вѣрою и любовью къ родинѣ, съ надеждою на ея будущее процвѣтаніе, хотя бы только въ здѣшномъ отдаленномъ и поставленномъ въ новыя условія краѣ?

Обстоятельства благопріятствовали въ отдаленности отъ центровъ и централизаціи, благопріятствовали въ исключительности

(*) Лакіеръ, т. I. стр. 215—217.

положенія, во многомъ другомъ; воспользовались ли всѣмъ этимъ новые пришельцы въ новый городъ близъ устья Амура и водъ того океана, около котораго процвѣтаютъ Калифорнія, Японія, англійскія колоніи, и проч.? Нѣтъ!—скажемъ мы утвердительно; нѣтъ!—потому что у насъ другія требованія отъ города, другіе люди для города, и другіе элементы, изъ которыхъ сплачиваются и люди, и ихъ бытъ вещественный и нравственный. Объ Америкѣ мы на этотъ разъ должны забыть, и къ ней не возвращаться. Наша русская самобытность даетъ намъ на то право, обязываетъ насъ быть, въ свою очередь, исключительными для того, чтобы не искать подобія тамъ, гдѣ его нѣтъ, и не увлекаться чужими примѣрами и образцами, когда они къ нашимъ дѣламъ не прилаживаются ни одною изъ своихъ сторонъ. Николаевскъ—городъ, построенный на русской почвѣ вблизи китайской, и притомъ построенный русскими людьми, у, которыхъ въ истинномъ значеніи слова только три-четыре города, скорѣе иностранныхъ, чѣмъ русскихъ, каковы Петербургъ Рига, Одесса и можетъ быть Архангельскъ. Нѣсколько сотенъ городовъ лежатъ у насъ на картѣ, но надо выдѣлить въ нихъ только дома управленій, дома казенные, чтобы дальше уже не находитъ никакого сходства съ городомъ въ истинномъ значеніи этого слова. У насъ нѣтъ городскаго общества, мы за долгое существованіе не выработали удобства и комфорта городской жизни, которые въ истинныхъ городахъ, въ городахъ Европы доведены до щепетильности, до миніатюра; у насъ нѣтъ ничего изо всего того, чѣмъ заявляетъ и характеризуетъ себя всякой городъ на западѣ. Многіе изъ нашихъ городовъ два-три столѣтія силились стать на линію европейскаго города и все-таки до сихъ поръ представляютъ совокупность нѣсколькихъ отдѣльныхъ селъ, деревень, плохо сплоченныхъ вмѣстѣ и неживущихъ общими интересами. Самый большой городъ—смѣсь и совокупность маленькихъ общинъ, живущихъ отдѣльною жизнію, даже безъ заявленія на сближеніе въ одну общую городскую общину. Если уже и готовы инстинкты (хотя и неясные и неопредѣленные) для того, чтобы можно предположить скорую возможность сплоченія разрозненныхъ силъ и совокупность стремленій къ одной цѣли,—все-таки ни Москва, ни Ростовъ, ни Казань, ни Кіевъ—не города въ томъ смыслѣ, въ какомъ порождены они средневѣковыми событіями въ западной Европѣ.

Возвращаемся къ Николаевску, оставляя доказательства высказанныхъ нами положеній до благопріятнаго времени и мѣста.

Правительству нашему необходимъ былъ на первыхъ порахъ въ устьѣ Амура и въ возможно-скоромъ времени портъ. И вотъ выбрано было первое попавшееся подъ руку мѣсто, въ первозданномъ лѣсу. Сдѣланы росчисти, образовалась площадка, которая впослѣдствіи оказалась открытою и подверженною неблагопріятному вліянію сѣверныхъ вѣтровъ; но тѣмъ не менѣе приступлено было къ городскимъ работамъ. Наскоро сплочены казармы для матросовъ, дома для начальства, заложена церковь: все вдругъ, все вмѣстѣ, усиленными чрезмѣрными работами первыхъ русскихъ, случайно попавшихся въ это мѣсто. Еще не успѣли вырвать пни отъ деревьевъ— проложены, намѣчены были улицы; еще не успѣли довести до креста церковь—дома уже были готовы, сквозили въ стѣны вѣтромъ, обливали съ потолковъ и обрѣшетившихся крышъ дождемъ. И вотъ черезъ пять лѣтъ мы находимъ контору надъ портомъ въ какой-то банѣ, лачугѣ; провіантскіе магазины въ лодкахъ, приплавившихъ сверху Амура хлѣбъ и вытащенныхъ и оставленныхъ на берегу въ томъ же некрасивомъ и неудобномъ видѣ, въ какомъ эти баржи, эти лодки были на водѣ и въ водѣ рѣки Амура. Правда, что на то время были уже ряды маленькихъ домиковъ, кое-какъ выстроенныхъ семейными чиновниками, матросами изъ женатыхъ.

Американцы, вѣрные своей національной непосѣдливости и своему стремленію все далѣе на западъ, переплыли и сюда на Амуръ, очутившись такимъ образомъ на крайномъ востокѣ. Американцы эти пристроили свои дома къ домамъ русской постройки; дома американцевъ сохранили и здѣсь ту оригинальность, какою щеголяютъ они, если не въ Соединенныхъ штатахъ, то покрайней мѣрѣ въ Калифорніи. Домъ уютенъ и практиченъ; большія окна съ частымъ переплетомъ дѣлаютъ ихъ свѣтлыми; домъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной помѣщается полу-теплый магазинъ съ товарами; въ другой—жилище самого купца; дома американцевъ не столько высоки, сколько длинны; не столько красивы, сколько удобны и оригинальны съ виду для непривычнаго русскаго глаза. Вслѣдъ за американцами сдѣлали наѣздъ на Николаевскъ и нѣмцы; одни, говорятъ, прямо изъ Гамбурга, другіе—прямо изъ Санъ-Франциско, гдѣ въ послѣднее время нѣмцу не такъ счастливится, какъ напр. хоть бы въ той же Россіи. Гамбургскіе нѣмцы также поспѣшили выстроить дома, но съ своеобразнымъ оттѣнкомъ; ихъ дома узкіе и высокіе, потому что выстроены въ два этажа: въ верхнемъ хозяйская квартира, нѣмецкій языкъ и пиво; въ нижнемъ—магазинъ съ кое-какими мелочами въ едва примѣтномъ количествѣ и съ огромнымъ запасомъ водки и рому, между которыми—сладкая вишневка американскаго приготовленія, извѣстная подъ заманчивымъ названіемъ Cherry *Cordiale*. Водка эта или, лучше, наливка приготовлялась для любителей въ южныхъ портахъ Китая изъ туземцевъ и для того обклеивалась по бутылкамъ этикетомъ съ китайскою надписью, гдѣ хвастливо рекомендуются ея доблести, но попала на Амуръ. Попала она сюда не даромъ. Матросикъ, посаженный на новую дѣвственную почву, встрѣтилъ здѣсь чужую, трудную и непривычную работу плотничью, но въ то же время получилъ онъ и удвоенную противъ прежняго копѣйку. Вотъ почему матросикъ, когда весь вышелъ казенный спиртъ, охотно покупалъ сладкую cherry, а потомъ шампанское, а когда при его пособіи и съ помощію его скучающаго начальства, порѣшились въ лавкахъ и тѣ и другіе напитки: онъ, матросикъ, покупалъ одеколонъ, покупалъ духи и пилъ вмѣсто водки то и другое, рѣдко даже разбавляя водою. Представляя въ этомъ отношеніи поразительное сходство съ американскимъ ирландцемъ, нашъ матросъ можетъ быть также безпеченъ, если бы не былъ вызванъ на постоянную работу по казенному наряду (*).

Насильно милъ не будешь—по пословицѣ. Овощи и зелень Николаевскъ покупаетъ у крестьянъ, поселенныхъ въ низовьяхъ Амура. Мясо ѣстъ только тогда, когда приплавитъ казна и притомъ вялое, сухое, невкусное мясо. Цѣлый годъ николаевскія хозяйки изощрялись въ изобрѣтеніяхъ и придумкахъ въ приготовленіи рыбы, имѣющей свойство скоро пріѣдаться и надоѣдать. Выдумали рыбныя котлеты, какіе-то соусы, но мяса не ѣли. Поваженные къ чаю, пили его безъ сахару тоже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и вдругъ очутились при избыткѣ варенья, которое у всѣхъ оказалось въ добавокъ ананаснымъ, сваренным въ Америкѣ.

Принявши разъ такимъ образомъ казенное значеніе, Николаевскъ явился городомъ правительственнымъ, не вызваннымъ нуждами и требованіями народными. Онъ утвердился на искуственной почвѣ, а потому и на первыхъ порахъ своего существованія не могъ имѣть ничего своеобразнаго и самостоятельнаго. Хозяйства въ немъ нѣтъ никакого; онъ ждетъ подвозу предметовъ первой необходимости сверху каждымъ лѣтомъ, и предметовъ комфорта и роскоши на корабляхъ изъ-за-моря съ каждой весною. Тѣ и другіе удовлетворяютъ его желаніямъ; но,

---

(*) Положеніе матроса въ этомъ городѣ вообще незавидно: табакъ онъ покупаетъ по 50 коп., ржаную муку 1 р. 50 коп. пудъ, пшеничную 3 р. пудъ; мясо свѣжее 8 руб. и 8 руб. 50 к. за пудъ, за солонину платитъ 3 руб.—3½ за пудъ «За бутылку рому—разсказывали они мнѣ—на худой конецъ надо заплатить 1 р. 50 к., а кто Бога не боится, возьметъ и 2 руб. за бутылку и то ежели есть, а ежели нѣтъ, такъ не найдешь и за 5 руб. сер., а спирту и вовсе въ продажѣ нѣтъ для насъ, а только есть для гг. офицеровъ и то въ маломъ количествѣ». Такъ матросы и домой, въ Россію, объ этомъ пишутъ и прибавляютъ: «рубаха ситцевая стоитъ 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к.; а отдаешь бѣлье мыть, то прачка беретъ за рубаху 6 и 7 к.; за платокъ, чулки и полотенцо, 5 к. за каждую штуку. Однимъ словомъ, все такъ дорого, что бѣдному и жить никакъ нельзя».

«Жители—толковалъ другой грамотный—живутъ очень въ бѣдномъ положеніи, ибо инородцамъ платятъ за одну рыбу 50 к.; а ежели купить осетра въ три пуда, заплатишь за него не менѣе 5 руб.» и проч.

по крайней случайности, далеко не вполнѣ и далеко не такъ, какъ надо. Вмѣсто сахару—везутъ ананасное варенье; вмѣсто холста и полотна—кринолины и шляпки; вмѣсто ржи и пшеницы—американскіе сухари и презервы; вмѣсто колоніальныхъ товаровъ—одинъ только ромъ и шерри. Купецъ отчасти правъ, хотя и дешевъ въ своихъ коммерческихъ соображеніяхъ, если на временномъ и вынужденномъ (климатомъ и другими обстоятельствами) затребованіи крѣпкихъ напитковъ исключительно основываетъ приготовленіе своего корабельнаго груза. Послѣдователенъ и логиченъ и потребитель, если за неимѣніемъ правильныхъ данныхъ, не простираетъ своихъ требованій дальше того, что продаютъ и пока не ушелъ отъ крѣпкихъ напитковъ и предметовъ утонченной роскоши. Въ Николаевскѣ нѣтъ книгъ, и мало чтенія—стало быть, заботы объ насущномъ дѣлаютъ изъ этого занятія пока еще одну роскошь. Въ Николаевскѣ нѣтъ семейныхъ кружковъ, хотя и существуетъ тоска одиночества, однообразіе интересовъ; умѣнье играть въ карты, умѣнье танцовать—все, однимъ словомъ, то, на чемъ остановилось до сихъ поръ наше провинціальное общество и не пошло дальше. Былъ порывъ замкнуться въ клубѣ, образовать его: и клубъ былъ устроенъ, но плохо привился, вѣроятно отъ той же причины, что порывъ былъ неискренній, скорѣе искуственный, какъ искуственно и самое сопостановленіе случайныхъ обитателей въ этомъ мѣстѣ, какъ, наконецъ, искуственно и самое построеніе города. Николаевскъ въ этомъ отношеніи нисколько не ушелъ отъ другихъ, не менѣе искуственныхъ городовъ, каковы большая половина уѣздныхъ, гдѣ нѣтъ дворянства и гдѣ городъ образовался указомъ Императрицы Екатерины II изъ села. Николаевскъ начинаетъ походить и теперь, въ первые свои годы, на тѣ города, которые мы назовемъ казенными или военными, каковы напр. въ той же Сибири Омскъ, въ Россіи—Оренбургъ, Екатеринбургъ и прочіе бурги. Едва ли амурскій городъ пойдетъ дальше, если будетъ продолжать идти тѣмъ же путемъ, какимъ началъ. Іерархическія разности и бюрократическія тенденціи не уведутъ его дальше составленія кружковъ по табели о рангахъ; кружки эти будутъ замкнуты и враждебны другъ другу: псевдо-аристократическій будетъ смотрѣть съ-высока на другой псевдо-демократическій; этотъ, въ свою очередь, будетъ смѣяться и презирать соперника. Начало уже положено, хотя и не выказалось вполнѣ и опредѣлительно, но за углами идутъ уже глумленія, сдержанный шопотъ; слышатся насмѣшки, пересуды, начались сплетни. Видится во всемъ этомъ зачатокъ разложенія, серьезнаго разъединенія. Недостаетъ, можетъ быть, только слезъ зависти о томъ, что такая-то надѣла посвѣжѣе платье, такая-то счастливѣе поклонниками; а эта умѣетъ танцовать польки, не ограничиваясь знаніемъ кадрили и вывезеннаго изъ Камчатки туземнаго танца осьмерки, основателями котораго туземные остряки полагаютъ пьяныхъ китобоевъ. Николаевкое обществъ Въ этомъ отношеніи оно логично, если принять въ соображеніе, что Петропавловскій портъ съ его жителями и ржавыми пушками легъ въ основаніе новаго амурскаго города. Многіе умѣютъ говорить по якутски; многіе плохо говорятъ по русски, шепелявя, какъ чухонцы въ Питерѣ, не ладя съ буквою с, превращаемою почти во всѣхъ случаяхъ въ шипящую букву *ш*.

Мало вообще своеобразнаго въ городѣ, много завезеннаго— какъ и быть слѣдуетъ—изъ другихъ городовъ. Едва ли не всякій вноситъ свое и настаиваетъ на томъ, чтобы это внесенное получило право гражданства. Въ маленькомъ обществѣ все это выдается рѣзко, приходится какимъ-то угломъ; бросается въ глаза и въ общемъ не возбуждаетъ сочувствія. Искуственныя мѣры и искуственныя препоны опять-таки тутъ ничего не дѣлаютъ и не сдѣлаютъ. Общій столъ въ гостинницахъ не устоялся; библіотека и сходки въ ней ради чтенія фальшиво звучали въ началѣ и сосредоточились потомъ въ двухъ, трехъ лицахъ изъ искреннихъ любителей. Все дѣлалось насильно, искуственно и стало быть не имѣло вожделѣннаго успѣха. Напрасно доморощеный оркестръ изъ губастыхъ и грудастыхъ матросовъ зоветъ всѣхъ къ сближенію въ кадрили и другіе танцы: танцы могутъ состояться, но едва ли на-долго. На балъ явится (и не одинъ) такъ называемый скандалистъ и разстроитъ общество. Злые языки говорятъ, что ни въ одномъ изъ портовыхъ городовъ не бываетъ танцевъ безъ скандала, можетъ быть потому-то одинъ изъ бывалыхъ моряковъ, войдя въ залу николаевскаго собранія, изумился господствовавшей тишинѣ. Если бы муха пролетѣла — слышно было: до того этотъ моментъ былъ невозмутимъ и полонъ поразительной тишины. Морякъ не удержался и спросилъ все собраніе:

— Что это, господа, очень тихо? Ужъ не передъ скандаломъ ли?

Предсказаніе его сбылось; сомнѣнію его дали полную вѣру и подтвердили фактически въ концѣ этого вечера, который былъ въ ряду скандальныхъ не послѣднимъ и далеко не первымъ.

Вводя такимъ образомъ въ бытъ новаго города то, что добыто въ праздности и бездѣльи извращенныхъ кружковъ — новые пришельцы въ новомъ городѣ вдвойнѣ разъединяютъ общество: оказывая ему злоумышленное презрѣніе, они запираютъ себѣ двери въ семейные дома, и съ другой стороны — отбиваютъ охоту у другихъ бывать въ тѣхъ углахъ, гдѣ они сами принуждены будутъ сосредоточиться, ради изгнанія, скуки и одиночества. Николаевскъ въ послѣднемъ отношеніи дальше рому и сherry ничего не даетъ.... Мало даетъ онъ разнообразія и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: работы въ порту еще такъ неопредѣленны и неинтересны, что пріохотить и привязать къ себѣ не могутъ; семейные кружки ведутъ уже рутинный круговой разговоръ почти все объ одномъ и томъ же; почта ходитъ 5 — 6 разъ въ годъ, корабли приходятъ изъ Америки и привозятъ чужія, непитательныя новости. Николаевскій американецъ, получивши товаръ и газеты, выпьетъ лишную бутылку виски на радости; николаевскій русскій, не получившій ни того, ни другаго, все-таки выпьетъ лишную бутылку двойнаго портера, можетъ быть въ сотый разъ, — съ горя. Тоскуя въ одиночествѣ и вдали отъ родины, онъ въ своихъ стремленіяхъ можетъ быть не только однообразенъ, но даже эксцентриченъ. Все это въ порядкѣ вещей. Не удивляемся мы, если нѣкоторые находятъ главное свое удовольствіе въ ѣздѣ на собакахъ съ утра до вечера и достигаютъ въ этомъ занятіи кэюра завидныхъ результатовъ и виртуозности. Мы готовы извинить имъ это, зная что они къ книгамъ не пріучены съ измалѣтства, что въ Николаевскѣ улицы по зимамъ заноситъ до того глубокимъ снѣгомъ, что только одни собаки и могутъ спасти охотника до визитовъ и до служебныхъ обязанностей, и проч. Мы равнодушно смотримъ, если два не менѣе почтенныхъ господина также съ утра до вечера ѣздятъ верхомъ на маленькихъ лошадкахъ по весьма неинтересному городу, въ которомъ новаго ничего не увидишь, а старое успѣло уже до боли натрудить глаза. Привыкли мы — и при всей страсти къ сплетнямъ не придаемъ никакого особеннаго значенія всему, тому что разсказываютъ и показываютъ.

Но боясь тѣхъ же сплетенъ, на которыя такія мастера наши маленькіе города, а тѣмъ болѣе вновь образующіеся — мы спѣшимъ покончить съ Николаевскомъ, чтобы, боясь грѣха, уйти изъ него вонъ, хотя бы на этотъ разъ въ лиманъ и дальше въ Восточный океанъ. На прощанье бросаемъ съ палубы парохода нашъ взглядъ на этотъ городъ, которымъ мы пожалуй готовы на этотъ разъ даже любоваться. Раньше сказали мы въ подобающемъ мѣстѣ и при случаѣ, что «видъ на Николаевскъ съ рѣки чрезвычайно картиненъ и оригиналенъ,» что онъ «глядитъ рѣшительнымъ городомъ больше, чѣмъ даже Чита какая нибудь, а тѣмъ паче Благовѣщенскъ» — мы и теперь не беремъ этихъ словъ назадъ, а идемъ дальше, тѣмъ болѣе, что городъ сдѣлался намъ нѣсколько знакомымъ. Вонъ влѣво пакгаузы и дома Амурской компаніи, въ которыхъ завелось много крысъ, но еще очень мало необходимыхъ товаровъ; вонъ груда вывороченныхъ и навороченныхъ на одно мѣсто древесныхъ корней тамъ, гдѣ предполагается противъ церкви городская площадь, на которой поставятъ можетъ быть памятникъ кому нибудь и ужъ непремѣнно разведутъ бульваръ. Таковой и существуетъ около скандальнаго клуба и того мѣста, гдѣ успѣлъ образоваться маленькій рынокъ, тотъ же клубъ, но только народный. На рынкѣ этомъ съумѣли уже собрать всякій разноколиберный-хламъ и ломъ и привлечь любопытнаго матросика, для котораго есть уже тутъ всяческій соблазнъ: говорливая, бойкая щебетунья баба-вдова, свихнувшаяся съ пути правды дѣвка; есть крѣпчайшій до тошноты манчжурскій и нерчинскій табакъ самъ-краше, есть погребокъ, есть и кусокъ жаренаго на лоткѣ, и проч. Правѣе мы видимъ оврагъ и знаемъ, что дальше въ оврагѣ этомъ построена матросская баня; за ней по горѣ потянулся новый порядокъ домовъ и между ними казарма для каторжныхъ. Здѣсь, говорятъ, устроился клубъ другаго рода и вида: идетъ азартная игра, столь присущая людямъ сильныхъ страстей и преимущественно тѣхъ, которыхъ вовлекли эти страсти въ преступленія. Еще видимъ мы нѣсколько домовъ, которые подымаютъ въ нашей памяти много иныхъ воспоминаній, но пароходъ поднялъ якорь для того, чтобы уйти и унести насъ отъ Николаевска.

Туманная и потомъ дождливая погода мѣшаетъ намъ видѣть многое, хотя въ тоже время—собственно говоря—и видѣть нечего. На берегахъ сараи: одинъ для льду, которымъ предполагаетъ торговать съ Китаемъ Амурская компанія; на другомъ берегу—рядъ казармъ: новое каторжное и самое дальное мѣсто—Чинирраxъ; еще дальше нѣсколько гиляцкихъ юртъ, цѣлое селеніе гиляковъ—Проньга и повсюду лѣсъ, глухой, первозданный, непроходный лѣсъ, пока только пригодный для притона бѣглыхъ каторжныхъ. Виды непривлекательны; впечатлѣнія тяжелы; погода гармонируетъ съ тѣмъ и другимъ. Мы съ трудомъ различаемъ бакены и створные знаки и потому-только не садимся на частыя мели лимана, что ведетъ насъ опытный штурманъ.

Путь идетъ намъ дальше; смотрѣть по сторонамъ нечего; берега скоро отходятъ такъ далеко, что мы ихъ теряемъ изъ виду; вода становится соленою. Пользуясь этимъ случаемъ мы возвращаемся назадъ, предпосылая на всякій случай—къ свѣдѣнію—краткій историческій очеркъ амурскаго лимана.

Въ 1783 году французское правительство отправило въ Тихій океанъ ученую экспедицію подъ начальствомъ Лаперуза. Лаперузъ, слѣдуя вдоль татарскаго берега, открылъ заливъ, удобный для стоянки кораблей, и назвалъ его заливомъ Де-Кастри, въ честь бывшаго тогда во Франціи морскаго министра. На основаніи показаній туземцевъ, Лаперузъ предположилъ, что Сахалинъ соединяется съ материкомъ отмелью и что въ устьѣ Амура лежатъ обширныя мели; но на томъ не остановился, а, не теряя надежды пройти лиманомъ въ Охотское море, отправился къ сѣверу. Чрезъ нѣсколько миль глубина съ 15 саженъ пала до 9; Лаперузъ отправилъ шлюпки для промѣра, а самъ всталъ на якорь. Шлюпки нашли глубину въ 6 саж. и возвратились обратно. Постепенное уменьшеніе глубины убѣдило Лаперуза согласиться съ показаніями туземцевъ; онъ предположилъ существованіе перешейка или канала, весьма впрочемъ узкаго, съ глубиною не болѣе нѣсколькихъ футъ. Чрезъ 10 лѣтъ въ Татарскомъ заливѣ, на небольшомъ бригѣ, явился англійскій капитанъ Бретонъ. Сидя въ водѣ 9 футъ, Бретонъ надѣялся пройти въ Охотское море изъ Де-Кастри Пройдя миль 8 дальше Лаперуза, онъ встрѣтилъ глубину 2 саженъ, и послалъ промѣръ. Помощникъ его Чепменъ объявилъ, что хотя между мелями и встрѣчаются глубины, но онѣ, постепенно уменьшаясь, приводили его къ Сахалинскому берегу или къ сплошнымъ отмелямъ. Оба берега какъ бы сливались; проливъ между ними не былъ видѣнъ; берега повсюду окружены были песчаными отмелями: не было ни малѣйшихъ признаковъ прохода. Бретонъ заключилъ, что Сахалинъ соединяется съ материкомъ, и это мнѣніе съ той поры прошло въ позднѣйшія поколѣнія. Въ 1803 г. наше правительство отправило Крузенштерна для описи Сахалина (сѣверовосточной и сѣверной его части). Крузенштернъ (въ 1805 г.), описывая восточную часть острова, около 52°, на пространствѣ около 10 миль къ NO, встрѣтилъ признаки отмели и буруны. Обогнувъ Сахалинъ съ сѣвера и направляясь къ югу, онъ увидѣлъ проливъ въ 5 миль шириною, который и принялъ за каналъ, ведущій въ Амуръ. Направляясь въ него, Крузенштернъ дошелъ до глубины 6 саж. и дальше не пошелъ, отправивъ для промѣра шлюпки. Лейтенатъ Ромбергъ встрѣтилъ сильное теченіе и не видалъ глубины больше 4 саженъ, которая по мѣстамъ уменьшалась даже до $3\frac{1}{2}$. Вода, привезенная имъ, была прѣсная. Крузенштернъ писалъ впослѣдствіи: «сильное теченіе, встрѣченное мною въ этихъ мѣстахъ, и опасеніе, чтобы дальнѣйшими изслѣдованіями не навлечь подозрѣнія китайскаго правительства и тѣмъ не повредить кяхтинской торговлѣ (въ чемъ предостерегали его въ Камчаткѣ), и наконецъ опасеніе, чтобы не столкнуться съ китайскою эскадрою, наблюдающею за устьемъ Амура, заставили возвратиться въ Петропавловскъ». И Крузенштернъ такимъ образомъ поспѣшилъ заключить, что Сахалинъ—полуостровъ, что доступъ въ Амуръ, если и существуетъ, то развѣ только съ сѣвера, и по причинѣ сильныхъ теченій онъ долженъ быть весьма затруднителенъ и опасенъ; что отмель, встрѣчаемая на восточной сторонѣ Сахалина, дальше представляетъ баръ какой-либо большой рѣки, а можетъ быть даже и рукава Амура, и проч., и проч. Въ 1807 г. поручена была подобная же опись В. М. Головнину; но онъ—какъ извѣстно—попалъ въ плѣнъ къ Японцамъ, и опись не состоялась. Въ 1826 году изъ Кронштадта отправлена ученая экспедиція капитана Ѳ. П. Литке, но онъ, занятый учеными изслѣдованіями, не былъ въ Охотскомъ морѣ и предписанія, данныя ему относительно Сахалина, остались безъ исполненія (*).

Впослѣдствіи проэктъ ген. губ. Восточной Сибири Лавинскаго —какъ извѣстно—также не былъ приведенъ въ исполненіе по настоянію министра Финансовъ. Между тѣмъ несчастное поло-

---

(*) Въ инструкціи, выданной г. Литке отъ адмиралтейскаго департамента, между прочимъ сказано было: «возвращаясь отъ S, гдѣ предполагается вамъ провести зимніе мѣсяцы, имѣете вы прорѣзать гряду Курильскихъ острововъ, гдѣ найдете то удобнымъ, и оттуда держать къ сѣверной оконечности полуострова Сахалина и оттуда начать опись берега между Сахалиномъ и Удскимъ острогомъ.

женіе Камчатки, возможность и сила конкурренціи англичанъ въ нашей торговлѣ съ Китаемъ и многіе другія обстоятельства побудили наше правительство снова обратить серьезно вниманіе на устьѣ Амура, значеніе котораго видѣлъ еще прозорливый Петръ Великій и оцѣнила Екатерина II, сказавшая, «что если бы Амуръ могъ намъ только служитькакъ путь, чрезъ который легко можно продовольствовать Камчатку, то и тогда обладаніе имъ имѣетъ уже значеніе».

Въ 1846 году, по приглашенію правительства и на казенной счетъ, главный правитель сѣверо-американскихъ колоній Тебеньковъ отправилъ изъ Новоархангельска къ устью Амура бригъ *Константинъ* подъ командою штурманскаго поручика Гаврилова, Борясь съ теченіями и противными вѣтрами, онъ весьма медленно поднимался въ рѣку и прошелъ противъ теченія до 12 миль, дѣлая промѣры. Гавриловъ пришелъ къ такому заключенію: «къ сѣверной части лимана рѣки Амура могутъ, но съ большимъ трудомъ, подходить парусныя суда, сидящія въ водѣ не болѣе 16 футовъ; дальнѣйшее же плаваніе по лиману для парусныхъ судовъ невозможно (!) Что же касается до входа въ самую рѣку, то только при средствахъ, какія употребляются для промѣра въ шхерахъ Финскаго залива, можно надѣяться найти проходъ въ рѣку, но только для пароходовъ, сидящихъ въ водѣ не болѣе 5 футовъ и можно надѣяться также найти отъ устья рѣки къ сѣверу въ Охотское море узкій и извилистый протокъ, но по протоку этому, по узкости и извилинамъ, ни въ какомъ случаѣ невозможно проходить судамъ даже и мелководнымъ.»

Показанія эти имѣли нѣкоторую долю вѣроятія; по нимъ правительство остановилось на томъ положеніи, что «напрасно хлопотать объ Амурѣ, когда дознано, что въ него входить могутъ только однѣ шлюпки.» Велѣно было держаться за Аянскій портъ, уже существующій, чѣмъ отыскивать мѣсто для другаго порта въ устьѣ Амура. Такъ стояло дѣло до той поры, пока транспортъ Байкалъ въ 1849 г. и амурская экспедиція (съ іюня 1850 по іюль 1855 г.) не пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: Сахалинъ — островъ, а не полуостровъ; проливъ отдѣляющій его отъ материка на югѣ, имѣетъ глубину, достаточную для входа въ Лиманъ изъ Татарскаго залива судовъ всѣхъ ранговъ; (?) входъ въ амурской Лиманъ съ сѣвера изъ Охотскаго моря доступенъ для судовъ довольно значительныхъ ранговъ, равно какъ изъ Лимана въ рѣку Амуръ, т. е. что устья рѣки съ сѣвера и юга открыто, а не заперто для плаванія; на прибрежьяхъ страны имѣются гавани и рейды. Слѣдствіемъ этихъ открытій и занятія главныхъ пунктовъ края 1854 г., дана помощь или, лучше сказать, найдены средства спасенія для Петропавловска, равно и для японской экспедиціи въ 1854 и 1855 г. г. (*) отъ преслѣдованія сильнѣйшаго непріятеля. Здѣсь же нашли себѣ пріютъ суда, защищавшія Петропавловскій портъ.

(*) Состоявшей — какъ извѣстно — изъ экипажей судовъ фрегатовъ «Паллада» и «Діана» и шкуны «Востокъ».

VI.

ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ОКЕАНѢ.

1. НА БЕРЕГАХЪ ОКЕАНА.

И мы бороздили и бурлили воду амурскаго лимана, вслѣдъ за многими другими, пароходомъ-корветомъ «Америка», и вслѣдъ за другими испытывали всю тяжесть положенія, внушаемую обыкновенно тоскливыми, безхарактерными окрестностями, скверной погодой и еще несложившейся, непринявшей опредѣленныхъ формъ каютъ-компаніей. На палубѣ было также нехорошо и не менѣе скучно. Лотовые бросали лотъ постоянно и убійственно однообразнымъ голосомъ твердили одно и тоже: «пронесло»! Иногда замѣнялось это слово опредѣленнымъ обозначеніемъ въ цифрѣ футовъ и тогда все на пароходѣ приходило въ движеніе. Не думаю, чтобы такъ было вездѣ, но меня поражала всегда при этомъ какая-то безтолковая суетливость, усиленная брань, ожесточенные и даже озлобленные крики. Какъ будто мы на рѣкѣ вбиваемъ сваи и по обычаю русскаго человѣка не можемъ въ тоже время, мимоходомъ, ради скуки, не поругаться стороной, хотя бы даже и со встрѣчнымъ, непринадлежащимъ къ дѣлу, къ кастѣ или артели нашей. Въ такихъ случаяхъ я обыкновенно объяснялъ всѣ эти сердитые порывы возможною близостью непріятной опасности сѣсть на мель, при первой оплошности рулеваго, и, инстинктивно боясь ссоры, спѣшилъ спуститься внизъ въ каюту. Шумливая палуба, всегда для меня непріятная, на этотъ разъ казалась впрочемъ логичною и послѣдовательною въ своихъ неистовыхъ крикахъ и неистовыхъ стуканьяхъ матросскими сапогами прямо надъ головою. Мы только что успѣли пройти мимо того мѣста, гдѣ недавно разбилось въ дребезги судно *Оросъ*, адресованное съ грузомъ пароходовъ въ Амурскую компанію. Примѣтный съ нашей палубы разбитый остовъ этого судна, по всему вѣроятію, вдохновилъ моихъ сосѣдей, хотя вдохновеніе это и разрѣшилось усиленною бранью и криками и усиленнымъ топаньемъ, за неимѣніемъ лучшаго исхода.

Все-таки первый шагъ къ наблюденіямъ не былъ удаченъ и привлекателенъ, и за тѣмъ сумма общихъ впечатлѣній приняла какой-то тоскливый оттѣнокъ. Судя по сердитымъ лицамъ моихъ товарищей, и они были подъ вліяніемъ того же тяжелаго и сумрачнаго гнета впечатлѣній. У всѣхъ было одно на умѣ и на языкѣ: «поскорѣе бы выбраться изъ амурскаго лимана на большой просторъ настоящаго моря.» Мы уже двои сутки истратили на него, становясь на ночь на якорь, боясь опасности, боясь отмелей, подводныхъ камней. Желаніе у всѣхъ сдѣлалось общимъ и самая радость, когда стали приближаться и какъ будто надвигаться на насъ высокія мрачныя горы сѣверной части острова Сахалина, самая радость сдѣлалась общею: всѣ ее зачѣмъ-то старались скрыть или замаскировать, но не удержались въ порывѣ, когда наконецъ мы измѣнили курсъ, пошли на югъ, и когда снова очутились между двумя берегами: однимъ ближнимъ материковымъ, сплошь гранитнымъ, и другимъ — сахалинскимъ, дальнымъ, неопредѣленнымъ. Послѣдній берегъ разъ подошелъ къ намъ очень близко, но мы уже держались ближе къ правому и додержались до входа въ первый заливъ по русскому берегу Восточнаго океана-въ заливъ Де-Кастри.

Вотъ что писалось тогда въ дневникѣ, на сколько позволяла намъ это дѣлать до невозможности узенькая каютка и крышка умывальнаго ящика, служившая вмѣсто стола.

«Заливъ Де-Кастри—гавань по очертанію на картѣ, но плохая бухта для стоянки: и широка она и помѣстительна, да что въ ней толку! Четыре небольшіе острова сторожатъ входъ, но не защищаютъ отъ морскихъ волненій воды въ заливѣ. Два острова приглубы и стало быть пригодны для двухъ (много для трехъ) судовъ хотя бы перваго ранга. Острова по виду составляютъ осколки столько же океанскаго берега, сколько имѣютъ поразительное сходство съ островами амурскими. Одинъ изъ островов зовется Базальтовымъ и—говорятъ — базальтоваго строенія; другой называется Обсерваторія, хотя и не будетъ на немъ никакой обсерваторіи, но за то есть и долго не переведутся старички—забавная птичка (ростомъ немного побольше рябчика). Старички эти передъ закатомъ солнца стаями спускаются на воду въ громадномъ количествѣ, словно мухи обсыпаютъ воду, плаваютъ по ней и ныряютъ, поднимая пискъ, какъ будто ведутъ разговоръ, и строятся въ треугольники. Ко времени заката солнца верхній (передній) уголъ треугольника начинаетъ медленно подтягиваться къ берегу; въ сумерки старички уже на берегу, въ своихъ норахъ, откуда матросы таскаютъ ихъ руками и не надивятся глупости птицы, безъ смѣху не могутъ объ ней вспомнить и съ удовольствіемъ ѣдятъ на безрыбьи мясо забавной птички, хотя мясо это грубовато и отшибаетъ рыбой. При фонаряхъ, ночью, ловля этихъ старичковъ представляетъ нѣкоторый интересъ, по словамъ многихъ изъ нашихъ бывалыхъ. Мы сбирались и—не собрались».

«Третій островъ залива Де-Кастри называется Устричнымъ и вполнѣ оправдываетъ свое названіе. Устрицы (крупныя, жирныя, какихъ положительно не ѣстъ Петербургъ) прилипаютъ къ скаламъ и камнямъ острова въ огромномъ и не неистощимомъ количествѣ. На берегу залива пять-шесть домовъ, которымъ присвоено на картахъ и въ казенныхъ бумагахъ названіе Александровскаго поста. При немъ живутъ морской офицеръ, матросы и солдаты но тѣмъ и другимъ безпредѣльно скучно; скука могла бы истощить у нихъ весь запасъ нравственныхъ силъ и терпѣнія, если бы не шли сюда вѣсти прямо изъ Маріинска, не заходя въ Никалаевскъ».

Амуръ подошелъ сюда близко; ради близости его сдѣлана тропа и предполагается въ лѣсу просѣка по хребтамъ къ озеру Кизи. Въ Маріинскъ туземцы Де-Кастри ѣздятъ въ гости, чтобы провѣтриться, и оттуда же получаютъ почту, чтобы освѣжиться и окончательно не одурѣть отъ тоски. А тоска кругомъ и въ лѣсу густомъ, хвойномъ, полярномъ, и на берегу пустынномъ, сумрачномъ. На насъ тоска эта повліяла еще плотнѣе послѣ того, какъ мы видѣли на мысу (у Клостеръ-кампа) печальные остатки немене̇е печальна о парохода амурской компаніи *Св. Иннокентій*, разбившагося раньше упомянутаго нами *Ороса*. И еще одно полезное начинаніе для Амура разбилось съ дребезги! Спасли немногое: сняли ржавое желѣзо, прогнившій и почти безполезный такелажъ; остатки разбитаго и обобраннаго судна на морскомъ волненіи передъ нашими глазами то обнаруживали свои ребра на поверхности, то прятали ихъ подъ водою, какъ бы истый утопленникъ, недавно живой человѣкъ. Дивишься одному, какъ попало именно на это мѣсто судно, когда ему не было и дороги сюда, хотя въ тоже время не дивишься уже — по привычкѣ — судьбѣ сторожа, приставленнаго къ спасенному такелажу, сторожа, который оказался сосланнымъ на Амуръ изъ самой сѣверной части Финляндіи за смертоубійство.

На противоположномъ мысу залива Де-Кастри скалы такъ оригинально оступились въ воду, что образовали надводную арку, которую успѣли уже прозвать аркой Лаперуза. Подлѣ нея образовалась пещера, какъ будто также готовая скоро превратиться въ арку:. Около этой пещеры надъ аркой Лаперуза, молодой англичанинъ, выселившійся на Амуръ изъ Калифорніи, просилъ позволенія выстроить домъ.

— Кто же вамъ мѣшаетъ? — спросили его.

— На этомъ мѣстѣ предположенъ дебаркадеръ желѣзной дороги.

— До того времени пять домовъ успѣете тутъ выстроить и сгноить!—былъ отвѣтъ наивному и романтическому американцу, который такъ ярко высказалъ свое нѣмецкое происхожденіе, вовсе, можетъ быть, не желая того.

Заходили мы въ амбары, выстроенные для хлѣбныхъ и другихъ припасовъ—и слышали:

— Крысъ такая ужасть, что трава шумитъ, когда пойдутъ онѣ пить воду на рѣчку; и такія большія, такія сильныя и злыя: застигнешь ее врасплохъ, въ углу, въ амбарѣ, зубы оскалитъ и мечется на человѣка кусаться. Кусали носы, уши у людей грызли. На хлѣбъ крысы гибель кладутъ: забираются въ мѣшки съ мукой въ самую середину и отваливаютъ цѣлый бокъ, цѣлую половину прямо на полъ, чтобы сподручнѣе было поживляться. Расплодились кошки: крысъ стало меньше..... Убытковъ въ хлѣбѣ казна въ счетъ не ставитъ....

Но въ тоже время казна убытки эти ничѣмъ не обезпечиваетъ; не снабжаетъ излишкомъ, на случай разсыпки и увѣевъ; не запасаетъ и не даетъ пилюль съ фосфоромъ, признанныхъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ опаснаго и плодовитаго животнаго; не покупаетъ кошекъ и не прилагаетъ заботы о разведеніи ихъ. А между тѣмъ эта статья на Амурѣ и по прибрежьямъ океана требуетъ вниманія и содѣйствія (*).

Возвратились мы къ воспоминаніямъ о гавани Де-Кастри для того, чтобы разстаться съ нею и разстаемся съ ней, не вынося пріятныхъ и живительныхъ впечатлѣній. Вяло и неопредѣленно устроивается ея настоящее, и такъ мало надеждъ на будущее, которое все таки конечно въ судьбахъ исторіи. Не думаемъ,

---

(*) Разсказываютъ, что какой-то догадливый купецъ везъ на Амуръ цѣлой транспортъ кошекъ, но что кошки эти частію подохли, частію разбѣжались. Амурскіе жители продолжаютъ прибѣгать къ пособію манчжуровъ и покупаютъ кошекъ сравнительно высокою цѣною (до 1 руб. сер. и выше за кошку).

чтобы судьбы эти сложились для нея благопріятно, сколько ради ея неудобствъ, какъ гавани, столько же и по причинѣ ея неблагопріятнаго географическаго положенія. Что нибудь одно изъ двухъ или Николаевскъ долженъ процвѣтать въ ущербъ населенія Александровскаго поста, или постъ этотъ, благодаря близости къ Амура и озеру Кизи, долженъ ослабить будущую лѣсную торговлю, которая обезпечивается богатствомъ породъ древесныхъ въ низовьяхъ Амура и пребрежьяхъ океана и безлѣсьемъ южныхъ береговъ Китая и южныхь русскихъ портовъ океана. Два конкуррента вблизи, почти рядомъ, жить не могутъ безъ ущерба одинъ для другаго и тѣмъ болѣе при началѣ предпріятій одинаковаго вида и характера. И опять повторяемъ: мы оставили гавань Де-Кастри съ тяжелыми, непріятными впечатлѣніями. Послѣднія усилились еще болѣе, когда море встрѣтило насъ густымъ туманомъ; когда постоянно бившая рында наводила на насъ еще бо̀льшую тоску и однообразіе. Мы не видали береговъ; мы не могли видѣть солнца, чтобы опредѣлить себѣ его высоту и по ней уяснить свое мѣсто. Берега тоже затянуты были туманомъ; да и они такъ неопредѣленны и такъ еще невѣрно нанесены на карту, что мы все-таки выигрывали мало. Наши 6½ и 7 узловъ ходу, при помощи паровъ и поставленныхъ парусовъ неопредѣленно вели насъ впередъ: туманъ казался вдвое досаднымъ и обиднымъ тѣмъ, что онъ былъ густъ и устойчивъ и въ то время, когда мы считали 28 іюня—самую срединную пору лѣта.

Такъ или иначе, но мы все-таки приближались къ Императорской гавани. Послѣ полудня начинаемъ распознавать берегъ.

Крутая, словно обрѣзанная, скала, почти на двухверстномъ протяженіи, предшествуетъ низменности со множествомъ углубленій, такъ называемыхъ падей. Кончается эта низменность—идутъ снова крутыя и высокія скалы завершенныя мысомъ; открывается широкій, опредѣленный, ясный входъ въ заливъ Императора Николая. Направо—одна бухта; за нею на высокой скалѣ—деревянный знакъ, который указываетъ намъ, что за нимъ, нѣсколько влѣво, та искомая бухта, гдѣ мы должны бросить якорь. Безъ этого намъ трудно было бы найти истинную бухту: ей предшествуетъ много фальшивыхъ: впереди выплываетъ много мысовъ, обѣщающихъ за собою новыя бухты. Все это путало насъ: мы шли почти наугадъ, пока не обнаружилась на скалѣ руководящая досчатая пирамида.

Войдя въ гавань, мы очутились въ рѣшительномъ корридорѣ: направо, налѣво, впереди и назади обступили насъ высокія береговыя горы, обставленныя густыми хвойными лѣсами. Гавань превосходно защищена и крутое морское волненіе, сопровождавшее насъ отъ самой Де-Кастри, при входѣ въ Императорскую гавань разбилось на мелкія волны, которыя дальше только рябили и наконецъ совсѣмъ улеглись въ спокойную зеркальную поверхность, обступившую наше судно. Позади себя мы видѣли безконечный корридоръ, образованный береговыми горами и глубокою бухтою, и знали, что гавань эта хваленая, одна изъ лучшихъ въ свѣтѣ, помѣстительная и удобная по всей замѣчательной длинѣ своей. Устанавливай въ ней суда, сколько угодно: всѣмъ будетъ мѣсто. Однимъ словомъ, первыя впечатлѣнія наши слишкомъ свѣжи и опредѣленны для того, чтобы расположиться въ пользу того мѣста, въ которое привела насъ на этотъ разъ судьба. Искренняя веселость, готовность съѣхать на берегъ не одинъ разъ, поѣхать съ матросами на рубку дровъ, поѣхать съ офицерами покататься—не оставляла насъ въ теченіе всего перваго дня стоянки въ Императорской гавани. Но, странное дѣло!—второй и третій день были уже тяжелы, не давали ни свѣжихъ впечатлѣній, ни освѣщали первыя изъ нихъ: старыя, вчерашнія. Однообразіе береговъ притупило зрѣніе, хвойныя лѣса надоѣли, опредѣленность очертанія мысовъ и острововъ надоскучили. Мы старались повѣрить себя на сторонѣ: оказалось тоже. Скучали наши товарищи; невесело глядѣла команда: одинъ матросикъ высказался даже въ слухъ всѣхъ:

— Хуже мѣста стоять я не знаю.

— Отчего такъ?

— Тоскливое, неладное какое-то.

— Тепло очень, словно въ банѣ!—поддакнулъ ему какой-то острякъ.

Замѣчаніе его было также справедливо. До входа въ гавань, во время плаванія мы едва согрѣвались въ мѣховой одеждѣ; стали входить—на насъ повѣяло той теплотой, легкой, разнѣживающей, какая встрѣчается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ успѣлъ обжить и выжить сырость непочатаго и нетронутаго мѣста. Ничего этого не могло еще быть въ нашей гавани; но между тѣмъ мы принуждены были тотчасъ снять теплое и надѣть лѣтнее платье. Но и въ лѣтнемъ платьѣ намъ было жарко, по временамъ душно: воздухъ казался мертвымъ, какъ бы въ банѣ. Отъ жары мы нигдѣ не находили мѣста. Къ вечеру дѣлалось сыро: выпадала густая роса; снасти становились мокры; выплывалъ мѣсяцъ, но какой-то маленькій, тусклый, словно фонарь на мачтѣ нашего судна: и мало свѣтитъ, и нѣтъ въ этомъ свѣтѣ заманчивой яркости.

Не это ли — думалось мнѣ—все взятое вмѣстѣ съ тяжелыми впечатлѣніями окольностей повліяло на нашихъ матросовъ. Извѣстно, что чѣмъ нетронутѣе, первобытнѣе и естественнѣе натура человѣка, тѣмъ вліяніе природы на него сильнѣе и непосредственнѣе. Искуственности, подкупу, фальшивости въ воспріимчивости вліяній природы тутъ не можетъ быть мѣста. Я все-таки не отставалъ отъ матроса, и убѣждалъ его:

— Смотри, какая просторная гавань, сколько кораблей уставить можно.

— Экипажей пять установится!—поддакнулъ мнѣ мой матросъ.

— Такъ чѣмъ же она тебѣ не понравилась; за что ты на нее разсердился?

— А вонъ: кресты!—коротко и глухо отвѣчалъ мнѣ матросъ и указалъ при этомъ на большую группу крестовъ, виднѣвшихся между деревьями, вблизи отъ нашего поста, на мысу:

— Что же, ты товарищей тутъ схоронилъ?

— Нѣту, тутъ діанскіе (съ Діаны); отъ цынги померли. Много народу тогда положили; какъ мухи, сказываютъ, мерли.

И вздохнулъ, окончательно указывая па причину грусти своей, а можетъ быть и всѣхъ товарищей. Мнѣ пришла мысль найти сходство Императорской гавани съ кладбищемъ, тѣмъ болѣе, что крестовъ надъ могилами матросовъ и одного офицера было много, и сосновая роща была тутъ кстати; кстати и вся тоскливая неопредѣленность всего окольнаго. Мыслью своей я подѣлился со всѣми, и во всѣхъ нашелъ подтвержденіе и сочувствіе. Неотказался отъ того же и мой скучающій матросикъ. Онъ показался мнѣ окончательно правымъ въ томъ, что выносилъ тѣ же впечатлѣнія, какъ и всѣ мы; и особенно вспомнилъ я его въ то время, когда мы вышли на берегъ къ зданіямъ нашего поста. Угрюмо глядѣли эти зданія: жилая казарма и двѣ другихъ вновь застроенныхъ, но еще нежилыхъ. Шесть человѣкъ матросовъ, соблюдающихъ и обороняющихъ постъ, обрадовались нашему приходу, словно дню Христову. Одного изъ нихъ эта цынга облокотила на костыли: онъ вскочилъ съ мѣста, и веселый такой, побрелъ было къ намъ на встрѣчу, но, невыдержавши порыва, оступился и присѣлъ на нары. Матросы съ первыхъ словъ попросились въ Николаевскъ: «умирать-де, такъ ужъ тамъ умирать, а здѣсь тоска такая подступаетъ, что по ночамъ сна не находишь». Человѣколюбивое рѣшеніе исполнить ихъ просьбу, а присмотръ за зданіями поручить сосѣднимъ гилякамъ — было больше, чѣмъ справедливо. Матросамъ этимъ выдали спирту: они вечеромъ на радости пляску сочинятъ: спирту они не видали съ годъ, и около году не встрѣчали ни одной живой души русской, кромѣ сосѣдей-гиляковъ, которые живутъ селеніемъ верстахъ въ пяти отъ поста и промышляютъ рыбу въ морѣ и соболей въ прибрежныхъ хребтахъ (*). По дорогѣ въ эту де-

---

(*) Гиляки эти почти всѣ перебывали у насъ на корветѣ, привозя съ собою разнаго рода и вида рыбу. Между рыбами мы нашли крупную треску, киту (амурревню, ближе къ нашему посту, мы видѣли слѣды батарей, выстроенныхъ гр. Путятинымъ противъ англичанъ. Слѣды эти были свѣжи, свѣжи и слѣды строенiй, сожженыхъ англичанами; все это начинаетъ затягиваться (и отчасти уже затянуло) всегда готовымъ на этотъ разъ къ услугамъ малинникомъ, густымъ и съ трудомъ уже теперь проходимымъ.

— Знаете ли вы на какомъ мѣстѣ бросили мы якорь?—спрашивалъ меня одинъ изъ нашихъ офицеровъ.

— Стоимъ мы, можетъ быть, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ затопленъ фрегатъ «Паллада». Пустить водолаза (если бы былъ такой), онъ нащупалъ бы остовъ этого судна.

Слова эти слышалъ я отъ того самаго офицера, который, мучительнымъ зимнимъ путемъ по хребтамъ и рѣкамъ прямо, изъ Кизи, выѣхалъ сюда на собакахъ и въ 1855 году затопилъ «Палладу», о странствiяхъ которой Иванъ Александровичъ Гончаровъ далъ такую увлекательную и интересную повѣсть. Мы видѣли могилу фрегата и вспомнили, что память объ немъ оставлена потомству въ живыхъ и всѣмъ памятныхъ строкахъ таланта.

Но возвращаемся снова къ Императорской гавани, чтобы сказать, что она только четыре мѣсяца въ году свободна ото льдовъ и — для того, чтобы ее снова оставить ради южныхъ портовъ Восточнаго океана.

Лишь только мы вышли въ море, какъ опять насъ встрѣтили туманы. Правда, что суровость сѣвернаго климата начала смѣняться мягкостью теплой погоды уже недалекихъ для насъ южныхъ странъ. Правда, что и самая сырость тумановъ не имѣла той жгучести озноба, какими напр. сопровождаются туманы петербургскiе и даже тѣже николаевскiе. Правда, что на то время было уже глухое лѣто, все же палуба для насъ сдѣла-

---

скую семгу), которая-де начинаетъ уже подвигаться къ сѣверу: стало быть, приближается время, когда кита эта пойдетъ въ Амуръ и восполнитъ тамошнiе недостатки въ съѣстныхъ припасахъ.

лась если не пріятною, то довольно сносною. Чуя вѣяніе теплаго вѣтра, мы все-таки имѣли право досадовать на густоту досаднаго тумана, на его устойчивость. Мы задавали вопросъ бывалымъ товарищамъ нашимъ:

— Когда же здѣсь не бываетъ тумановъ?

— Лѣтомъ обыкновенно не бываетъ ихъ.

— Но теперь начало іюля?....

— Въ августѣ туманы прекращаются.

— А въ сентябрѣ?

— Въ сентябрѣ и ранней весной и по морскому уставу туманы полагаются и должны быть.

— Но мы шли въ іюнѣ, и шли въ туманахъ, вотъ и теперь....

— Подождите: *можетъ быть*, и прекратятся скоро.

Но мы ждали и—не дождались. Августъ, вопреки указаніямъ, простоялъ также туманнымъ; про сентябрь мѣсяцъ и говорить нечего. Если Восточному океану придали не совсѣмъ оправданный и приличный эпитетъ, *тихаго*, то намъ кажется, что эпитетъ *туманнаго* будетъ тутъ больше вѣроподобенъ и приличенъ, хотя можетъ быть и неисключителенъ. Природа вообще не осчастливила Россію морями: всѣ они какія-то негостепріимныя и всѣ они сплошь и вѣчно туманныя, каковы на этотъ разъ два океана и два моря: Бѣлое и Балтійское, изъ которыхъ послѣднее имѣетъ еще другія непривлекательныя слабости, вообще нерасполагающія въ его пользу.

Туманъ на переходѣ нашемъ изъ гавани Императорской еще болѣе досаденъ и тѣмъ, что натворилъ много бѣдъ. Мы не могли опредѣлить своего мѣста (не видали солнца); мы не могли выяснить себѣ береговъ и, предполагая войти въ гавань Ольги, вошли въ бухту Владиміра и должны были измѣнить нашъ курсъ на обратный. Постъ во Владимірѣ снятъ, и гавань упразднена, тѣмъ болѣе, что Ольга находится близко (*).

(*) Изъ Владиміра въ Ольгу существуетъ тропа, по которой поспѣваютъ верхомъ въ 4 часа и пѣшкомъ въ 8. Вблизи бывшаго нашего поста расположена, Въ бухту Ольги вошли мы—и не ошиблись; ждали въ ней новыхъ впечатлѣніяхъ — и не обманулись. Вотъ что ложилось подъ перо черезъ день по приходѣ: «Ольга очень хороша, какъ потому, что образуетъ дѣйствительный ковшъ, обставленный высокими горами, говорятъ, футовъ до 200 вышиною; такъ и потому, что глядитъ успокоительно и весело. Горы не тѣснятся стѣной и не оступаются въ воду крутыми навислыми скалами; онѣ идутъ отлого отъ воды и выростаютъ крутизнами тамъ, гдѣ-то далеко. Нѣтъ этой все-мертвящей, докучливой хвои; ее смѣнили широкіе и невысокіе дубы съ обновляющейся живой зеленью. Нѣтъ надъ нами шатра, нѣтъ по сторонамъ насъ высокихъ стѣнъ корридора, какъ въ Императорской гавани. Свѣтло надъ нами и кругомъ насъ; мы не испытываемъ давящей духоты, и отъ уподобленія общности вида гавани ковшу готовы отказаться и искать его въ подобіи жертвенной чаши съ откидистыми краями (если уже только дѣло идетъ на сравненіе). Гавань во всякомъ случаѣ защищена отъ морскихъ вѣтровъ окончательно: волненіе иногда заходитъ сюда, но очень рѣдко и притомъ достаточно слабое для того, чтобы не придавать ему никакого значенія. Бухта приглуба у всѣхъ береговъ; якорь бросаютъ подлѣ самаго берега и—хоть сходни клади. Губа на короткой срокъ мѣсяца замерзаетъ, но ледъ — говорятъ—не стоитъ на одномъ мѣстѣ въ сплошной массѣ, которой не позволяетъ скрѣпляться въ избыткѣ растущая въ гавани густая морская трава. Выносится ледъ очень скоро: входный заливъ открытъ морскимъ вѣтрамъ; въ него впала большая рѣчка, прозванная русскими Аввакумихой. И рѣка эта и окрестныя высокія, отлогія, коническoй формы горы обросли сплошными дубовыми лѣсами. Въ одной горѣ (при входѣ) сверкаетъ сплошная бѣлая, мраморная скала. Подлѣ скалы рѣка наметала баръ, но коротенькій, ничтожный, не мѣшающій общему пріятному впечатлѣнію, которое

говорятъ, большая деревня, дворовъ въ 20, съ отличнымъ хозяйствомъ: большими полями и огородами.

даетъ гавань Ольги. Все за нее и въ пользу ея: красивымъ разрѣзомъ оттѣняются вершины горъ въ совокупности на чисто-бирюзовомъ тропическомъ небѣ; легкость воздуха поражаетъ насъ и увлекаетъ. Хороша гавань, если смотрѣть на нее съ корвета; не теряетъ она цѣны и прелестей, если сойдешь на берегъ, и станешь скептически всматриваться во всѣ ея подробности, думая:—не декорація ли все это, но и съ берега уходишь побѣжденнымъ и подкупленнымъ удобствами и красотами Ольги».

Густая, сочная, до колѣнъ трава путаетъ наши ноги и мѣшаетъ идти. Въ травѣ мы встрѣчаемъ дико-растущими тѣ цвѣты, которые въ нашей Россіи тщательно хранятся и воспитываются. Цвѣты эти здѣсь обыкновенны и даже докучливы; въ нихъ примѣтно и поразительно разнообразіе. Мы видимъ дикую спаржу, всевозможные виды розъ и другихъ ароматныхъ растеній. Скотъ, который успѣлъ развести трудолюбивый и умѣлый хозяинъ поста, рогатый скотъ гладокъ, сытенъ, весело смотритъ. Шкура на немъ лоснится, нѣтъ ни морщинки и любая коровка годится для фотографіи, на картинку. Нашъ пароходный быкъ, которому промочили ноги еще на амурскомъ сплавѣ и вытрясла остатокъ жиру долгая и крутая морская качка, въ три дня отходился на берегу до того, что мы его не узнали, а матросы острили:

— Въ купцы видно записался: гладкій такой сталъ!

— Мы тобой брезговать не станемъ: поволитъ начальство—съѣдимъ.

— А хорошее, братцы, здѣшное мѣсто: умирать ненадо. Вотъ и въ банѣ сподобилъ Господь въ кои времена выпариться, и рубахи помыть.

— Мыломъ!—добавилъ четвертый.

Матросы наши были справедливы, хотя, можетъ быть, и не замѣтили, а можетъ быть и не хотѣли придать особеннаго значенія тому весьма важному обстоятельству, что и баня и сараи и казармы для матросовъ и домъ командира сдѣланы сплошь изъ цѣлаго дуба: другихъ деревьевъ не нашли подъ рукою, да и искать не думали, за крайнимъ избыткомъ дубовыхъ лѣсовъ.

Жаль было видѣть дубы въ стѣнахъ, на полу, на потолкѣ; но не жалѣли сами строители, поскучавши только тѣмъ, что трудно было превращать эти бревна въ доски, за неимѣніемъ пилъ; на топорахъ много-де времени уходило; работа же шла вяло и тихо....

Неособенно пожалѣли потомъ и мы объ этихъ дубахъ, когда привелось намъ выдти за казенныя зданія на гору, потомъ подъ гору въ лощину, гдѣ протекала вторая рѣчка съ прѣсной водой и раскинулась передъ нами огромная равнина, обросшая густой, непочатой, въ ростъ человѣка, травой на одну половину, и заставленная на другую, по окраинамъ, тѣмъ же густымъ, непрогляднымъ дубовымъ лѣсомъ.

И думалось намъ на ту пору: вырубятъ тотъ лѣсъ, выстроятъ тутъ городъ. Городъ будетъ приморскій, со всѣми правами и надеждами на процвѣтаніе, особенно, если съумѣютъ стянуть его съ населеніемъ Уссури, которое удалено отсюда—говорятъ—только на триста верстъ. Тогда Николаевскъ проиграетъ непремѣнно. Отъ Ольги недалекъ одинъ изъ манчжурскихъ большихъ городовъ; отъ нея 240 морскихъ миль (420 в.) гавань Посьета и за тѣмъ независимая, но богатая Корея. Между Уссури и Ольгой залегли тѣ богатыя растительностію и климатомъ пространства Манчжуріи, которыми она дорожитъ, и въ которыхъ растетъ прихотливое растеніе жинь-шэнь, обладающее, говорятъ, разнообразною цѣлебною силою. (*) Умѣлыя люди сдѣлаютъ со временемъ изъ Ольги такое цвѣтущее мѣсто, которому позавидуютъ многія счастливыя мѣста, хотя бы наприм. на томъ же Черномъ морѣ. Въ гавани Ольги будетъ городъ,—и городъ огромный, цвѣтущій, торговый...

Потокъ нашихъ мечтаній былъ прерванъ непріятнымъ сказомъ, что на той тропѣ, которую мы видимъ и которая ведетъ къ озеру Ханкаю, тигръ успѣлъ уже разорвать одного русскаго матросика. Шли они вдвоемъ, отправленные командиромъ изъ Ольги

(*) Про жинь-шэнь см. дальше, статью: «Въ манчжуріи.»

именно на рѣку Уссури за почтой; одному довелось приотстать, замѣшкаться. Товарищъ ждалъ—не дождался, кричалъ—не доаукался; пошелъ искать—нашелъ только рваное платье, клочки желтой шерсти и слѣды какого-то невиданнаго звѣря. Звѣрь этотъ оставлялъ слѣды по зимамъ на снѣгу и лѣтомъ на песку; съѣлъ казенную лошадь; у сосѣдняго инородца сосѣдней съ Ольгой деревушки оторвалъ руку. Не будетъ этотъ звѣрь класть слѣдовъ своихъ вблизи селеній и рвать чужія, людскія руки, когда вырубятся эти привольные ему лѣса и обстроятся жильемъ пустыри и населятся жилья большимъ количествомъ людей Всего этого тигръ боится и не любитъ, и отъ всего этого звѣрь уходитъ въ безлюдныя, глухія мѣста, гдѣ современемъ можетъ попадаться на горячую и вѣрную пулю. Мѣста около Ольги до сихъ поръ глухія (дома китайцевъ попадаются рѣдко) и мало обработанныя, дикія (здѣшніе Манзы и Тазы—плохіе хазяева); но гавани этой можно сулить блестящую будущность...

Но не давая мѣста преждевременнымъ, наивнымъ мечтаніямъ, на которыя такая сильная мода на Амурѣ и вообще въ Восточной Сибири, мы спѣшимъ возвратиться къ воспоминаніямъ о томъ, что видѣли своими глазами.

Видѣли мы: во 1-хъ рѣку Аввакумиху, которая широка только около своего устья и на третьей-пятой верстѣ съ трудомъ дѣлается удобною для прохода даже и такого мелкаго судна, каковъ былъ нашъ пароходный катеръ. Мы, пройдя верстъ 10, принуждены были остановиться. Во 2-хъ, мы встрѣтили на берегу ту же высокую траву, доходившую до высоты человѣческаго роста, какъ будто полынь; трава въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того была густа, что намъ становилось душно, мы были какъ будто въ банѣ. Силы наши истощились; мы съ трудомъ шевелили ногами; до китайскихъ домиковъ намъ оставалось отъ рѣки версты 3—4. На дорогѣ мы видѣли опустѣлыя юрты; встрѣтили китайцевъ, распахивавшихъ поля съ тѣмъ умѣньемъ и стараньемъ, съ какимъ распахиваютъ Манчжуры тѣ же поля на Амурѣ подъ Айгуномъ, отсюда за 5, за 6 тысячъ верстъ. Ласково взглянули на насъ пахари;

ласково приняли насъ въ самыхъ юртахъ, въ которыхъ было все тоже: тѣже нары кругомъ, печь по срединѣ, тѣже комельки съ угольями для раскуриванія трубокъ. Живутъ китайцы отшельниками: они, по всему вѣроятно, или бѣглые изъ внутреннихъ провинцій государства—Манзы (что подтверждаютъ и айгунскіе чиновники манчжуры) или Тазы (племя осѣдлыхъ тунгусовъ). Тѣ и другіе пылаютъ сильною ненавистью къ манчжурамъ, покорителямъ Китая, наводнившимъ всю страну корыстолюбивыми и жестокими чиновниками изъ своего лѣниваго племени. Тѣ и другіе живутъ въ юртахъ, повидимому отдѣльными хозяйствами, что называется по углу въ избѣ: по двѣ нары въ каждомъ углу, и передъ каждой нарой особый комелекъ съ угольями. Живутъ повидимому очень бѣдно, и въ дѣлѣ хозяйства какъ будто новички и новички неумѣлые: огородъ въ худомъ состояніи, полей распахано очень мало. Мы готовы были принять ихъ за ссыльныхъ китайцевъ, зная что мѣста эти—мѣста ссылки; но съ другой стороны, зная, что ссылка китайская обрекаетъ непремѣнно и неизбѣжно на безбрачную жизнь, мы не дѣлаемъ этого заключенія, потому что въ юртѣ Манзовъ мы нашли женщину. Женщина эта оказалась старухой, некрасивая, обрюзглая, съ мѣднымъ кольцомъ, продѣтымъ въ правую ноздрю, ради кокетства. Все это не располагало насъ въ ея пользу, хотя она видимо и старалась угодить; была намъ рада; оказалась страшною хлопотуньей. За нѣсколько бутылокъ она продала намъ трехъ курицъ; бѣгала за ними, суетилась, визгливо кричала и на куръ и на старика съ сѣдой рѣденькой наполеоновской бородкой и открытой честной физіономіей. Онъ показался намъ на ту пору истиннымъ мудрецомъ Конфудзи: по крайней мѣрѣ, сходство нашего старика съ этимъ реформаторомъ буддизма не особенно было подозрительно на этотъ разъ. Самъ Конфудзи былъ недалеко: изрѣченія его, по обычаю, были написаны на дверяхъ юрты, на домикѣ въ родѣ часовни, стоявшемъ при выходѣ изъ деревушки, на бѣломъ полотенцѣ, которое замѣняло въ досчатой часовнѣ бурхановъ и было повѣшено въ срединѣ надъ возвышеніемъ, уставленномъ курильницами и разноцвѣтными свѣчками. Внутри юрты на стѣнѣ висѣла картина, раскрашенная разными яркими красками, рѣшительное подобіе нашихъ суздальскихъ изображеній. Тоже толкованіе въ лицахъ, по всему вѣроятію, какой нибудь мистической мысли. Вьется змѣйкой рѣка, можетъ быть, рѣка жизни; въ рѣкѣ плывутъ люди, на этотъ разъ китайцы, а; по приличнымъ мѣстамъ тѣже надписанія гвоздеобразною китайскою надписью. Вотъ что мы вынесли изъ китайскихъ юртъ за неумѣніемъ вынести что-нибудь другое и болѣе опредѣленное. Причина простая: мы не знали языка. Небольшой запасъ словъ, переданный намъ однимъ изъ нашихъ офицеровъ, прожившимъ въ Ольгѣ цѣлую зиму, былъ больше, чѣмъ бѣденъ и недостаточенъ. Нѣсколько десятковъ разъ потомъ мы заходили въ юрты туземцевъ и дальше однажды—сложившагося разговора не шли. Рады были мы и тому, что хотя четыре-пять нашихъ словъ понимаютъ китайцы и намъ отвѣчаютъ. Разговоръ этотъ приносилъ впрочемъ иногда и существенную пользу, потому что знакомыя намъ слова имѣли практическое значеніе.

— Тита ю?—спрашивали мы, входя въ юрту.

— Ю; отвѣчали намъ туземцы, если были у нихъ продажныя, залишнія *курицы*; и

— Ми-ю: нѣтъ!—если дѣйствительно таковыхъ не было.

— Тіа ю? спрашивали мы, если хотѣли купить яицъ и уносили ихъ столько, сколько угодно будетъ дать хозяйкѣ на бутылку, на лоскутокъ сукна или дабы, что и случилось съ нами у сказанной некрасивой старухи. Унесли мы изъ ея юрты еще то убѣжденіе, что старуха эта, по правамъ китайскаго коммунизма, принадлежитъ единоправно всѣмъ тѣмъ манзамъ, которыхъ мы видѣли на поляхъ и въ юртахъ, но едва ли въ этомъ заключеніи были справедливы. Здѣсь и при знаніи языка мы ничего не могли узнать. Легче сказать слово *нюа* и для большаго вразумленія приставить къ головѣ обѣ руки вмѣсто рогъ и промычать, чтобы дать манзамъ знать, что мы хотимъ купить быка. Насъ и тутъ не понимали. Быка мы ни одного не купили. На всѣ наши разговоры и замысловатыя тѣлодвиженія отвѣчали одно неизмѣнное «путунда (т. е. не понимаю), и слышали мы «тунда» (т. е. понимаю), когда наприм., желая купить зелени, мы вели хозяевъ на огородъ; вырывали эту зелень, клали ее въ карманъ, за пазуху и, для большаго вразумленія, тотчасъ же показывали изъ другаго кармана вещи промѣна. Роскошь нашего знанія языка и распросовъ не простиралась дальше вопроса:

— Ламаза ю?

Хотя собственно и спрашивать было нечего: существованіе тигровъ въ этихъ мѣстахъ не подлежало сомнѣнію и подтверждалось разсказами нашихъ русскихъ на родномъ и понятномъ намъ языкѣ.

Самые рьяные и словоохотливые изъ нашихъ шли дальше—и спрашивали у туземцевъ:

— Манчжу шангавде? (Манчжуры хорошіе люди?)

— Пу—шангавде—нехорошіе!—отвѣчали намъ въ одно слово всегда и всѣ, и головой крутили при этомъ манзы, хотя, и здѣсь мы давались сомнѣнію: во множествѣ лицъ сухихъ худощавыхъ,—китайскихъ, даже и при той наглядности, которую мы имѣли, немудрено было отличить толстыя, сонныя, круглыя и лѣнивыя лица манчжуровъ, и конечно страшилицъ—чиновниковъ. Одинъ изъ нихъ даже не выдержалъ и явился въ казенной шапкѣ съ бѣленькимъ шарикомъ на верхушкѣ. Другіе изъ нихъ не умѣли даже прятать на правомъ рукавѣ пришитой узелокъ изъ тесемки, за который обыкновенно продѣвается ружейный фитиль, и тѣмъ эти наивные и недогадливые господа обнаруживали въ себѣ солдата, и именно солдата изъ манчжуръ-оберегателей, вообще недружелюбныхъ къ русскимъ-пришельцамъ.

Мы вернулись въ Ольгу, но и въ ней нашли пятно, безъ котораго—говорятъ—не живетъ и солнышко. Въ гавани этой ощущается недостатокъ прѣсной воды; пробовали рыть колодезь, но получили плохую воду; вода двухъ рѣчекъ далеко отъ поста, да и притомъ во время прилива она дѣлается негодною къ употребленію въ питье; а приливы здѣшніе—очень высоки. Они отравляютъ воду, по обыкновенію, горькой соленостью. Но за то изъ соленой воды бухты мы таскали краббсовъ, шримсовъ, варили и ѣли; ѣли также жирныхъ и вкусныхъ сельдей; послѣднія годами приходятъ сюда въ огромномъ количествѣ.

Но вообще мы должны сказать и признаться, что тамъ, гдѣ нѣтъ живой души, гдѣ нѣтъ правильно и знакомо сложившейся жизни, принявшей округлыя и законченныя формы, для наблюденій и впечатлѣній—пожива плохая. Къ незнакомому мудреному китайцу мы не можемъ подойти слишкомъ близко за незнаніемъ его языка, за недостаткомъ довѣрія съ его стороны, довѣрія, которое мы еще не успѣли и не умѣли возбудить и вызвать. Мы можемъ судить обо всемъ только гадательно, и потому скорѣе ошибочно, чѣмъ вѣроятно. Въ китайцѣ много хитрости, много умѣнья прятать то, что онъ показать не хочетъ. Чужеземца онъ ненавидитъ и презираетъ: въ гавани Посьета мы встрѣтили такія недружелюбныя сердитыя лица, что готовы были тотчасъ ихъ оставить, чтобы потомъ никогда уже больше къ нимъ не являться. Да и не одно только это: наши русскія семьи, насильно поселенныя, искуственно водворенныя, далеко не успѣли выработать что-нибудь самобытное, на чемъ можно было бы остановиться и остановить вниманіе другихъ желающихъ. Безлюдье и дикость — плохіе матеріалы для бесѣдъ и, да проститъ насъ читатель, если мы охотно вносимъ то, что попадается намъ на глаза и подъ руку; и да проститъ насъ читатель за то, что мы вносимъ слѣдующія строки въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ улеглись подъ перо на мѣстѣ, подъ вѣяніемъ самыхъ первыхъ и, стало быть, самыхъ свѣжихъ и искренныхъ ощущеній. Мы не рѣшаемся идти дальше того, что давала намъ природа и вся наша обстановка, хотя послѣдняя на этотъ разъ можетъ быть мало живительна и мало веселая.

«Отъ Ольги до Посьета, по вычисленіямъ нашего старшаго штурмана, 240 морскихъ миль (*). Входъ въ заливъ Посьета

(*) Вотъ приблизительный разсчетъ тѣхъ пространствъ, которыя сдѣлалъ пароходо-корветъ «Америка»: 130 морскихъ миль отъ Николаевска до Де-Кастри чрезвычайно примѣтенъ и опредѣлителенъ: налѣво идетъ длинная и узкая песчаная лента полуострова, который на дальномъ концѣ круто вбѣгаетъ и раздѣляется на четыре высокія скалы. За скалами между ущельями видятся домики или юрты туземцевъ, цѣлая деревенька. Между правымъ входнымъ берегомъ и этими лѣвыми скалами обрывистый голый камень, отъ котораго пошла сплошная гряда другихъ камней; камни набросаны въ замѣчательномъ множествѣ и около обоихъ береговъ. Между ними остается проходъ, который отыскать и распознать можетъ только крайне умѣлый и бывалый штурманъ. Вправо за входомъ открывается одна бухта, которую недавно назвали Новгородской. Прямо и потомъ за множествомъ мысовъ и полуострововъ—бухта Экспедиціи, на половину, по направленію къ китайской сторонѣ, отмелая и неспособная для стоянки даже мелкихъ судовъ. Правая—Новгородская—требуетъ также большаго знанія и опыта, за неимѣніемъ пока совершенно вѣрныхъ картъ.»

Первымъ дѣломъ нашего корвета было перенести, не задолго до нашего прихода поставленный, первый русскій постъ въ этомъ заливѣ съ берега Новгородской гавани на правой берегъ бухты Экспедиціи, ближе къ каменоугольной копи, которая собственно и составляетъ главную выгоду пріобрѣтенія Россіей этого мѣста. Со втораго же дня начались работы эти; со втораго же дня потянулись для насъ тоскливые и однообразные часы и дни, безъ дѣла, безъ отрадныхъ впечатлѣній. Ловили мы шримсовъ и краббсовъ руками и палочками; бродили по берегу, лазили по горамъ; слушали какъ ощупью и плохо сыгрывались наши музыканты, для пущаго великолѣпія взятые изъ Николаевска. Ничто не помогало—тоска насъ снѣдала. Мало разнообразія принесъ намъ взрывъ сосѣдней горы, произведенный

(т. е. 229 верстъ); 150 миль (254 версты отъ Императорской гавани до Де Кастри; 380 миль (665 верстъ) до Ольги; 240 миль (420 верстъ) до залива Посьета и ровно 500 миль (875 верстъ) прямо изъ гавани Посьета до японскаго города Хакодате—самаго крайнаго и дальнаго пункта нашего плаванія.

нашими отъ бездѣлья больше, чѣмъ ради пользы. Также безслѣдно прошли другія затѣи. Нѣсколько оживила насъ затѣянная нами экспедиція на китайскую сторону, туда, гдѣ видѣлись юрты, видѣлся лѣсъ (берега Посьеты совершенно голы и безлѣсны; внутреннія богатства угля словно поглотили, втянули въ себя возможныя лѣсныя богатства по прибрежьямъ). Экспедиція эта, прикрытая цѣлью рубки лѣсу, но собственно для удостовѣренія въ томъ, откуда и кто производитъ выстрѣлы, слышные намъ каждый день и довольно явственно. Мы встрѣтили войска, видѣли конныхъ солдатъ съ ружьями и фитилями, и пришли къ тому заключенію, что манчжуры оберегаютъ свой берегъ. Можетъ быть это войско охраняетъ границу, въ то время еще неопредѣленную, непризнанную, гадательную; можетъ быть оно прикрываетъ добычу жинь-шэня, корни котораго—исключительная собственность богдыхана. Можетъ, наконецъ, быть, что эти войска и оберегаютъ границу свою, но не противъ непризнанныхъ русскихъ, а противъ признанныхъ, но независимыхъ Корейцевъ, до которыхъ (говорятъ наши новые знакомые манзы) всего только два дня ходьбы (верстъ около 80 приблизительно).

И снова неопредѣленные данныя и слухи, и снова тоска неизвѣстности, а съ нею и снова горькія строки у насъ въ дневникѣ:

«Обѣ бухты тоскливы до невыносимаго. Кругомъ насъ голыя горы каменистаго, съ мелкимъ щебнемъ, строенія. Одинадцать сутокъ докучливо глядѣлъ на насъ съ самой верхней точки ближней горы флагъ на длинномъ шестѣ, съ коренастымъ матросикомъ подлѣ. На отлогости горы, по покатой террасѣ разсыпались скороспѣлыя палатки линейныхъ солдатъ и застроена подлѣ нашими матросами новая казарма. Тутъ же неподалеку и почти подлѣ два балагана матросовъ и флотскаго офицера, которые останутся для заготовленія каменнаго угля и для нужныхъ при этомъ работъ. Уныло глядѣли черныя отверстія, три ямы, прорытыя для каменоугольныхъ копей, подлѣ которыхъ наворочена большая куча свѣжаго угля. Уголь этотъ, говорятъ, хуже сахалинскаго, но лучше японскаго (хакодатскаго). Открытъ этотъ уголь въ прошломъ (1859) году, по указанію одного изъ туземныхъ китайцевъ, хотя впрочемъ и былъ уже давно извѣстенъ всюду-поспѣвающимъ англичанамъ, которые на своихъ картахъ назвали одинъ изъ мысовъ залива Посьета—*Угольнымъ*. Въ заливѣ нѣтъ прѣсной воды, нѣтъ лѣсу. Вода и лѣсъ верстахъ въ 8, но и то на китайской сторонѣ, гдѣ насъ встрѣтили недружелюбно. Между тѣмъ китайцы ежедневно пріѣзжаютъ къ намъ, на половину изъ любопытства, на половину ради торговли съ нами. Лодки, словно мухи, летаютъ вокругъ нашей «Америки» и дивятъ насъ эти манзы своимъ умѣньемъ держаться на веслахъ и управлять лодкой, словно собственными руками и ногами. Видно, что для нихъ это дѣло крайне привычное; видно, что они всѣ рыбаки, но не постоянные, а временные жители окрестностей залива Посьета, если судить по цѣлости ушей и носовъ (стало быть они не ссыльные), и по тому, что они живутъ безъ женщинъ и можетъ быть по вольному найму для ловли морскихъ травъ, морскихъ слизней, устрицъ. Всѣ эти продукты любитъ китайская кухня, особенно богатыхъ людей (напр. въ нашемъ Маймачинѣ), а тѣмъ паче любитъ избалованный и натружденный всяческими удовольствіями и пресыщеніями желудокъ и весь организмъ недавно-умершаго богдохана. Бѣдность бивака, временнаго жилища, встрѣтила насъ во всѣхъ портахъ и еще болѣе утверждала въ той мысли, что многіе изъ нашихъ гостей въ лодкахъ — не аборигены, а также пришельцы, какъ и мы сами. Внѣшній видъ каждаго чрезвычайно своеобразенъ: нѣтъ ни одного лица, хотя бы и близко подходящаго къ другому, чтó сплошь и рядомъ встрѣчается въ другихъ племенахъ: манчжурскомъ, гольдскомъ, гиляцкомъ, монгольскомъ и другихъ. Каждый глядитъ насмѣшливо и недружелюбно (что и доказали); изъ всѣхъ мы могли выбрать и полюбить одного только сухаго, бородатаго, костляваго старика, котораго почему-то всѣ прозвали Ѳомкой и всѣ остались довольны этимъ прозвищемъ. Кажется доволенъ былъ и самъ онъ, и привыкъ къ этому имени. Чаще другихъ являлся онъ къ намъ съ зеленью и огородными овощами, рыбой и вкусными жирными устрицами. Мы одного его пускаемъ на палубу и въ каюту, въ предпочтеніе предъ другими за его доброту и пріятельскія отношенія къ намъ. Ѳомка нашъ сначала не рѣшался спуститься въ каюту и позвалъ для компаніи земляка и товарища, а можетъ быть и родственника. Но на другой же день онъ уже былъ какъ дома: лазилъ незванный въ каюты и въ матросскую палубу; спускался и щелкалъ языкомъ отъ изумленія въ машинномъ отдѣленіи, и хлопалъ руками и неистово кричалъ что-то своимъ на лодкахъ и по своему, когда привели мы его на кожуховую рубку и поставили на самые кожухи. Добрый человѣкъ этотъ Ѳомка, но удивительное дитя, не смотря на свою клинообразную сѣдую бородку, которую, какъ извѣстно, китаецъ смѣетъ пустить только тогда, когда достигнетъ сорокалѣтняго возраста (*). Трепещется Ѳомка на высотѣ кожуховъ, какъ трепещется годовой ребенокъ при видѣ знакомой, яркаго цвѣта, вещи; и читаемъ мы на лицѣ пятидесятилѣтняго ребенка искренную, несдержанную радость и довольство. Онъ видимо доволенъ нами, и за доказательствами благодарности къ намъ далеко не ходитъ: на другой же день привозитъ снова зелень, устрицъ, рыбу. Мы подарили на его полуголое тѣло кусокъ дабы и сукна: Ѳомка выбѣжалъ къ борту, закричалъ что-то товарищамъ, поперхнулся на радости и чуть языкъ не проглотилъ отъ восторга. Всматриваемся мы въ лица соплеменниковъ нашего Ѳомки и находимъ, что бо́льшая часть изъ нихъ болитъ глазами; многіе подслѣповаты; не малая часть совершенно слѣпые; другіе—кривые (одношкивные—по выраженію нашего остряка). Не ушли глаза и нашего добродушнаго и довольнаго собою друга отъ того же порока подслѣповатости. Замѣчаемъ мы во всѣхъ манзахъ страсть къ торговлѣ, къ вымѣну, можетъ быть поваженной и вызванной самими же нами, а можетъ быть и присущей и немножко дикой, немножко своеобразной и много-независимой природѣ.

Торговля наша идетъ успѣшно, и начинаетъ видоизмѣнять-

(*) Усы китайцы отпускаютъ съ 35 лѣтняго возраста, по закону и по обычаямъ.

ся въ требованіяхъ и формахъ. Толпу продавцовъ, сгруппировавшихся около обоихъ бортовъ нашей «Америки» въ легонькихъ маленькихъ лодкахъ, брантъ-спойтомъ не пробьешь (какъ неловко предлагалъ одинъ изъ нашихъ рѣшительныхъ остряковъ).

Сначала шли у насъ бутылки (лодку зелени — за двѣ), требованія на которыя вдругъ поднялись и бутылки въ два дня взыграли въ цѣнѣ, но на третій упали. Кризисъ этотъ произошелъ вслѣдствіе появленія на рынкѣ у борта двухъ жестянокъ изъ подъ презервовъ (за одну такую жестянку нашъ кокъ ловко сторговалъ полъ-лодки съ устрицами). Требованія на жестянки усилились: мы съ трудомъ могли удовлетворять ими потребителей; цѣна бутылокъ упала, и только временно стояла высокая цѣна на стеклянныя банки. Но послѣднихъ въ привозѣ было мало и торговля наша начала ослабѣвать, подвергаясь неожиданнымъ и для насъ невидимымъ пружинамъ. Два дня мы не видали нашихъ манзовъ, на третій пріѣхали немногіе, и всѣ безъ товаровъ. Мы подозрѣвали во всемъ этомъ не англичанъ, но манчжуръ, которыхъ русскіе совсѣмъ не боятся. Толсторожій чиновникъ успѣлъ обезлюдить нашъ рынокъ и пріостановить теченіе торговли. Такъ мы думали, и мало ошиблись. На четвертый день явился къ намъ Ѳомка, но сердитый такой, словно вчера только оттрепали его по старымъ пятамъ свѣжимъ бамбукомъ. Онъ хотѣлъ говорить что-то и говорилъ многое, но мы его понять не могли, будучи въ состояніи оцѣнить только его готовность быть намъ еще въ чѣмъ-то полезнымъ. Онъ обѣщалъ намъ быковъ, посулилъ намъ хрю-хрю (свинью) привести; теперь махалъ руками, кричалъ, показывалъ на пустую свою лодку; мы поняли, что онъ извиняется передъ нами. Часто упоминалъ онъ потомъ слово «манчжу» и еще какія-то слова намъ незнакомыя; наконецъ приставилъ кулакъ къ макушкѣ своей, всегда обнаженной и лысой, головы: мы поняли, что чиновникъ (у котораго шарикъ на макушкѣ шляпы) не позволилъ ему исполнить обѣщанія.

Наши матросы на берегу были счастливѣе и находчивѣе насъ:

на бакъ манзы приносили и тихонько продавали рисовую водку (араки) чуть ли даже не за битое стекло и никакъ не дальше матросской одежной рвани. Съ берега же, и тѣже матросы, приносили намъ кое-какія политическія новости. Мой Ершовъ разсказывалъ мнѣ вечеромъ, въ каютѣ:

— Ихной начальникъ—болтаютъ наши ребята—войной на насъ сбирается.

— Чей начальникъ сбирается?

— А вотъ этихъ-то....

— Кого же этихъ?

— А чортъ ихъ знаетъ, свиней, какъ ихъ обзывать-то. Канаки что ли?!...

— Какой же войной собираются?

Ершовъ началъ говорить тише, чуть не шопотомъ:

— Ему вишь не любо, что мы ихнія мѣста отняли и солдатовъ туто-тка поставили: обижаются. Такъ вотъ войной и порѣшили идти, и насъ-де съ этого мѣста прогонятъ. Придутъ они на сорока лодкахъ, и прогонютъ-де.

— А тебя, Ершовъ, съ баку не прогнали вчера?

— Нѣту, ваше благородье, тепереча *всячески* въ каютѣ почиваемъ. Такъ и нынче поступать будемъ!... И засмѣялся.

Я радъ былъ за Ершова; вдвое радъ былъ за нашихъ матросовъ, которые, между тяжелымъ дѣломъ, нашли себѣ развлеченіе въ доморощенной, хотя и гадательной, невѣрной политикѣ. Радъ былъ, что нашихъ матросовъ тронули и заинтересовали хоть эти манзы, когда въ тоже время прошли для нихъ незамѣченными прежніе туземцы, изъ ихъ же породъ и родовъ. Но вдвое и втрое радъ я былъ, когда мы наконецъ подняли якорь и рѣшились оставить тоскливую, всѣмъ страшно-надоскучившую бухту Экспедиціи. Намъ предстоялъ еще путь въ 65 миль назадъ (къ сѣверу) въ портъ Мей, но мы были рады и тому, лишь бы только не видать намъ больше этихъ голыхъ береговъ, этихъ полуголыхъ манзовъ. Жаль было только одного Ѳомку. Онъ приходилъ къ намъ въ послѣдній разъ, но оставался при разставаньи замѣчательно равнодушнымъ. И въ послѣдній разъ поспѣшилъ поторговаться. Мнѣ за золотую часовую цѣпочку давалъ свою мѣдную ганзу (трубку); за часы, стукъ которыхъ ему крѣпко полюбнлся, уступалъ свою браслетку, простое мѣдное кольцо топорной работы. Навязывалъ было намъ свои ганзы, которыхъ онъ навезъ много, новенькія, неокуренныя, съ каменными прозрачными мундштуками, но имѣлъ успѣхъ только между матросами. Рынокъ нашъ былъ закрытъ; лексиконъ нашъ, вмѣстѣ въ нашимъ терпѣніемъ, истощился. Терпѣнія нашего хватило только для того, чтобы навѣстить еще портъ Мей.

Утромъ мы снялись съ якоря, на другой день были въ Меѣ. По пути туда мнѣ удалось еще сдѣлать поѣздку на катерѣ по такъ называемой бухтѣ Славянской, но не привелось получить особенно-рѣзкихъ впечатлѣній. Видѣли мы небольшой водопадъ: бойкой ручей пробилъ на верху плотную гранитную скалу и журчалъ и боевалъ вдоль ея, распуская у подножія на морской водѣ пѣну и бросая крупныя брызги, Встрѣтили мы двѣ юрты туземцевъ—купили у нихъ куръ; но свиней и быковъ намъ не продали. Около одной юрты видѣли какъ манзы сушили рыбу, каракатицъ, морскихъ пауковъ и крабсовъ (раковъ), раскладывая и развѣшивая и тѣхъ и другихъ на солнышкѣ. Вся эта снѣдь пойдетъ на столъ лакомки ближайшаго манчжурскаго города, а можетъ быть увезутъ и въ самый Мугденъ, гдѣ живетъ богдоханъ по лѣтамъ.

«Трои сутки стоимъ мы въ заливѣ Мей (писалъ я въ концѣ дневника). Портъ этотъ можно считать лучшимъ изо всѣхъ. Онъ многимъ напоминаетъ Ольгу, но только меньше ея, уютнѣе, но теплѣе и веселѣе. Впрочемъ тѣже дубы кругомъ, тѣже картинныя горы. Въ низменностяхъ рѣчки журчатъ; въ берегахъ много ключей бьетъ. На дняхъ поставленный постъ нашъ, своими бѣлыми палатками, хорошо глядитъ въ группѣ еще невырубленныхъ и еще только расчищенныхъ дубовыхъ деревьевъ.

— Авраамъ съ семействомъ своимъ поселился въ кущахъ, замѣтилъ одинъ изъ нашихъ остряковъ, но не совсѣмъ справедливо. Линейный офицеръ напоминалъ Авраама мало. Но самый портъ много напоминалъ намъ Ольгу. Таже теплота кругомъ; тоже чистое небо; таже невозмутимая поверхность воды и наконецъ тѣже самые манзы. Но здѣшніе глядятъ дружелюбнѣе и привѣтливѣе и даже самымъ обликомъ отдѣляются отъ тѣхъ, которыхъ мы оставили въ Посьетѣ. Верстахъ въ 8 отъ нашего поста они живутъ большой деревней; тамъ же впала въ эту морскую губу большая рѣка Суйфунъ, о которой идутъ споры съ китайцами и которая должна стянуть наше приморское населепіе съ населеніемъ рѣки Уссури. Верховья Суйфупа отъ верховья Уссури (какъ говорятъ) отдѣляются невысокимъ хребтомъ съ длинными падями.. Нерѣшась говорить по однимъ только слухамъ, будемъ ждать объявленія результатовъ той розыскной партіи, которая пойдетъ и опишетъ эти мѣста опредѣленнѣе (*). Пусть эта партія выяснитъ, на сколько справедливы слухи о густотѣ манчжурскаго населенія по рѣкѣ Суйфуну и о легкости провести водораздѣльнымъ хребтомъ хорошую тележную и намѣтить будущую, смѣло мечтательную, желѣзную дорогу, —но

«Мы идемъ уже 23 милю отъ порта Мей; направо отъ насъ островъ Маячный, налѣво пять скалъ (*пять пальцевъ*). На одномъ изъ островов видимъ большой рядъ избъ; на правомъ берегу праваго острова—много деревень большихъ и людныхъ. По водѣ снуетъ много лодокъ; слышатся крики, обнаруживающіе

(*) Нельзя замѣтитъ особеннаго старанія въ снаряженіи подобнаго рода экспедицій. Для примѣра не пойдемъ далеко. Между Ольгой и Императорской гаванью впадаетъ въ океанъ рѣка *Самальга*, широкое русло которой примѣтно за 14—15 миль отъ берега. Про нее разсказываютъ много диковиннаго: что берега ея густо населены китайцами и орочонами, что тамъ въ избыткѣ водятся самые лучшіе соболи, что баръ этой рѣки имѣетъ сажени двѣ глубины и сама рѣка удобна для входа большихъ судовъ. Идетъ она отъ моря по направленію къ югу и близко подходитъ къ Ольгѣ. До сихъ поръ ни одна русская нога не бывала тамъ, ни одинъ глазъ не осматривалъ этой рѣки, хотя уже и исполнится скоро десять лѣтъ существованія этой рѣки въ представленіяхъ и понятіяхъ амурскихъ русскихъ.

жизнь и суетливую дѣятельность. Справедливо показаніе англійскихъ картъ, которыя заподозрили здѣсь существованіе густаго населенія и сгруппировали нѣсколько селеній пунктиромъ. Вѣроятно, все это рыбаки, и уже исключительно одни рыбаки»...

Утомили насъ гавани съ ихъ безлюдьемъ и однообразіемъ; утомилъ слишкомъ цѣлой мѣсяцъ какого-то неопредѣленнаго и безцѣльнаго плаванія. Смотрѣли мы многое, но видѣли немногое. Намъ все начинало надоѣдать, начали замѣтно и мы сами надоѣдать другъ другу: боялись апатіи, опасались за вспышки, ссоры, которыя по временамъ уже и затѣвались, хотя и не серьезныя. Всѣ жаждали, всѣ ждали новыхъ, свѣжихъ и рѣзкихъ впечатлѣній, которыя заставили бы насъ забыть всѣ старыя, — дали бы намъ возможность *освѣжиться* вслѣдъ за пароходною командою, говоря мѣткимъ и правдивымъ морскимъ терминомъ. Ради послѣдняго обстоятельства мы полагали полную надежду на японскій городъ Хакодате, куда нашъ пароходъ и держалъ свой прямой курсъ.

2. ВЪ КАЮТЪ-КОМПАНІИ.

Я былъ свидѣтелемъ любопытнаго и, въ тоже время чрезвычайно оригинальнаго спора. Съ какого повода начался этотъ разговоръ — я не знаю; помню, что одинъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее:

— У насъ различныя точки отправленія: вы приказываете признавать себя за практика; мнѣ не хочется видѣть въ себѣ одного только теоретика. Вотъ почему у насъ больше крику и меньше дѣла: вотъ почему, желая сойтись въ примиреніи, мы только расходимся все дальше и больше, и никогда между собою не сойдемся. Я это знаю по долгому опыту. Но позвольте спросить васъ: принимая этого сѣренькаго человѣка, въ курткѣ, на свое попеченіе, ради обученія, вы думали-ли вотъ объ чемъ: за что я буду на него сердиться, за что я буду считать его несравненно хуже себя: вѣдь я и самъ не бѣлый. Его сѣрымъ сдѣлала природа, меня бѣлымъ не сдѣлали обстоятельства. У меня для того, чтобы изъ него, сѣраго, сдѣлать бѣлаго, нѣтъ никакихъ иныхъ химическихъ препаратовъ, кромѣ простаго способа загрунтовки. А грунтовку мнѣ даже и приготовлять не нужно; она, вмѣстѣ съ сѣрой курткой и мѣдными пуговицами, отпускается отъ казны. Я и буду грунтовать — думаете вы — и — дѣлаете. Вотъ на этомъ-то я васъ и хочу поймать. Теперь-то вотъ я и спрошу васъ: знаете-ли вы, что темные цвѣта самые крѣпкіе и упорные дляѣ того, то измѣняться всецѣло? Вы это знаете, но забыли. Я вамъ напомню. 18, 20, 25 и даже очень часто 35 и больше лѣтъ накопляется на вашемъ сѣромъ человѣкѣ тотъ цвѣтъ и всѣ цвѣтовые оттѣнки, съ какими вы его приняли въ науку. Смыть ихъ свѣжей рѣчной и морской водой или застоявшейся и заплѣснѣвалой водой вашей науки нельзя. Вы это знаете, но не догадываетесь во время. И что̀ же вы начинаете дѣлать?—Мыть, но не отмывается; вы начинаете скоблить—отскабливается лучше, но сѣрые процвѣты все еще остаются. Такъ вѣдь и должно быть; краска прочная, на нее взята привиллегія: даже Нѣмцы признали и поняли эту привиллегію. У васъ, очевидно, дѣло не клеится и по тому, что вы мало-умѣлый и знающій, и по тому, что субъектъ вашъ слишкомъ самобытенъ и оригиналенъ; вы оба — люди противоположныхъ полюсовъ. И что же выходитъ: вы начинаете сердиться не на себя, какъ бы слѣдовало, а на него, на своего паціента. И какъ сердиться!!! Какъ малый ребенокъ, который, не умѣя починить имъ же изломанную игрушку, начинаетъ ее хлестать круто-смотанной веревкой, колотить чѣмъ ни попало, чтобы потомъ бросить ее въ гальюнъ, говоря привычнымъ мнѣ морскимъ терминомъ.

— Но позвольте! — перебилъ другой споривщій: вы забываете, что у людей разные характеры: иные вспыльчивые, горячіе, злые.

— На такихъ людей существуетъ намордникъ, который называется просвѣщеніемъ, образованностью.

— Но вашъ сѣренькій человѣкъ дается мнѣ такимъ неумѣлымъ, такимъ робкимъ и тупымъ, что я готовъ положительно считать его дуракомъ, и такимъ, на которомъ я долженъ начинать науку свою снова, съ аза.

— Думая такъ, — ошибетесь. Вашъ новобранецъ или какъ вы называете его — рекрутикъ, кажется вамъ и тупымъ, и дуракомъ, потому только, что онъ оробѣлъ, испугался, а вы запугали его еще больше. Пѣняйте на себя! Въ многолюдное незнакомое общество, да еще притомъ такое, гдѣ только предубѣждены противъ васъ, вы смѣло и храбро не войдете: въ этомъ я поручусь за васъ. Растеряетесь вы, глаза у васъ разбѣгутся; вы не соберетесь ни съ физическими, ни съ нравственными своими силами, не найдетесь куда спрятать руки, не съумѣете владѣть ногами, не отыщете словъ настоящихъ, приличныхъ. И понятно: вы—новобранецъ, вы въ первый разъ въ этомъ обществѣ. Вѣдь не бьютъ же васъ, не колотятъ, а вѣжливо стараются привести въ чувство; замѣтивши вашу застѣнчивость, всѣми силами и средствами разсѣеваютъ ее. Будьте же справедливы: не бейте и другихъ за то, что̀ вамъ самимъ прощаютъ, за что васъ самихъ ласкаютъ.

— Но у насъ велятъ эту застѣнчивость уничтожать возможно скорѣе: она намъ не годится.

— Понимаю. Вамъ не дано другихъ средствъ, кромѣ палки говорю не дано, зная, что вы лѣнивы, ибо сами до сихъ поръ объ иныхъ средствахъ не думали, другихъ способовъ обращенія не изобрѣли, не прилагали. Правы ли вы?

— Правъ, потому что это общая европейская система.

— На это могу сказать одно только, что или васъ самихъ много сѣкли—и вы мстите, какъ мститъ своимъ воспитанникамъ директоръ, инспекторъ, вышедшіе изъ тѣхъ русскихъ заведеній, гдѣ неистово порютъ; или—васъ мало сѣкли, что вы не вошли во вкусъ и не знаете, какая это невыносимая пытка. Въ томъ и другомъ случаѣ вы неправы.

— Но вы рѣзко выражаетесь...

— Споръ дѣло такое; щепетильную щеголеватость словъ и мыслей оставимъ спичамъ и надгробнымъ рѣчамъ. Дальше придется, говорить, можетъ-быть, еще рѣзче. Заранѣе предупреждаю объ этомъ васъ и прошу извиненія. Пора же намъ говорить, не стѣсняясь другъ передъ другомъ, не боясь другъ друга. Постараюсь впрочемъ быть деликатнымъ въ вашемъ смыслѣ этого слова; извините, если промахнусь иной разъ противъ собственной воли. Попробую сдѣлать такъ, защищаясь отъ вашего замѣчанія такою формулою. Я долженъ дѣлать не такъ, какъ со мной самимъ дѣлали; но поступать такимъ образомъ, какъ не поступятъ со мной и какъ поступать никто не имѣлъ бы права. Говоря эти избитыя истины, я думаю (и досадую): неужели мы еще должны обращаться къ азбукѣ и, зная, что знакъ *а* называется азъ, сомнѣваться въ этомъ? Скептицизмъ дѣло хорошее, но не въ такой размельченности и дробности, въ дѣлѣ воспитанія еще больше. Примѣры и факты, и тѣ, и другіе давайте практическіе, по возможности историческіе

— Въ англійскомъ флотѣ существуетъ тѣлесное наказаніе.

— Вотъ мы и добрались, наконецъ, до той великой истины, съ которой намъ и начать бы слѣдовало. Съ грустною истиной этой всѣ носятся; всѣ ее, какъ бревно подъ ноги, бросаютъ всякому, позволяющему себѣ усумниться въ ея нравственномъ достоинствѣ. Я изъ послѣднихъ. И скажу: англичане—англичане, но вѣдь мы—мы русскіе.

— Я васъ не понимаю.

— Сожалѣю объ этомъ и отвѣчу вамъ пока такимъ же голымъ отдѣльно взятымъ фактомъ: капитаны китобойныхъ судовъ въ каждый карманъ кладутъ по револьверу, а кармановъ у всякаго китобоя столько же, сколько линьковъ на морскихъ судахъ. Безъ револьверовъ этихъ китобои-капитаны изъ каюты своей не выходятъ, да и вообще примѣчательно— рѣдко являются они на палубѣ. Ихъ бьютъ или просто убьютъ. Китобои—кабацкая сволочь: люди злые и озлобленные; да и капитановъ судовъ этихъ, не смотря на всю ихъ опытность въ морской практикѣ, правительственныя суда англійскія не берутъ къ себѣ, не нанимаютъ. Капитаны сами шли изъ кабака и добились этого званія потому только, что долго ходили въ море, много линьковъ на своемъ вѣку измочалили. Отъ такихъ господъ хорошаго не дождешься, да и не добьешься. Чтобъ не ходить далеко, перейдемъ прямо къ нашимъ...

— Но переходъ слишкомъ крутъ; громадная разница...

— Споръ—не разстановка хрій по еторикѣ Кошанскаго; а предметы, повидимому огромнаго различія, при сравненіи оказываются въ сильной аналогіи и сродствѣ. Это и по логикѣ Рождественскаго справедливо. Будемъ же спорить не о словахъ, а объ дѣлѣ; останавливаться не на фразахъ, а на ихъ сущности. Установимъ равныя права между собою и пойдемъ дальше. Вѣдь вы приравняли же къ линькамъ русскаго матросика, взятаго, какъ извѣстно, изъ мирнаго податнаго сословія къ англійскимъ матросамъ, схваченнымъ на половину изъ кабаковъ и изъ того разряда людей, которые на сухомъ пути потеряли все, даже чувствительность кожи, и въ тоже время сами потерялись безразлично и всецѣло.

— Позвольте вести мнѣ мои доказательства категорически. Въ дѣлѣ нашего спора я вижу начало и конецъ, а потому смѣю разсказать то и другое. Беру на себя начало, т. е. объясненіе основныхъ причинъ, лежащихъ въ характерѣ русскаго крестьянина, наканунѣ того дня, когда изъ него вытешутъ матроса; и конецъ, т. е. тѣ печальные результаты, которые изъ этого происходятъ. Средину, т. е. процессъ таковаго перерожденія я оставляю вамъ, моряку, моему оппоненту, мужу практики. Я самъ тоже изъ бывалыхъ, не изъ кабинетныхъ. Начинаю — извините — вопросомъ: какія мѣстности разнообразной Россіи даютъ своихъ представителей на флотъ нашъ въ матросы?

— По большей части это жители сѣверныхъ губерній: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, почти всѣ приволжскіе обитатели; много Татаръ, значительная частъ Финновъ или лучше — Чухонцевъ. Остальные виды безслѣдно пропадаютъ въ общей массѣ.

— Смотрите же, что выходитъ изъ словъ вашихъ: на флотъ поступаютъ лучшіе люди изъ всего податнаго состоянія Россіи. Сѣверныя губерніи, скрытыя за темными лѣсами и непроходимыми болотами отъ всякаго соблазна и всяческой порчи, какъ нѣкогда Новгородъ отъ татарскихъ погромовъ, населены такимъ народомъ, который крѣпко придерживается старины и до сихъ еще поръ и искренно-просто сердеченъ, и неподкупно-прямодушенъ. Обусловившись говорить проще, мы и дальше не будемъ прибѣгать къ діалектическимъ уловкамъ и хитростямъ. На этомъ—все наше право. Въ сѣверныхъ губерніяхъ нѣтъ фабрикъ и, стало быть, этого растлѣвающаго, заразительнаго разврата, какимъ полны напр. подмосковные и замосковные, тульскіе и владимірскіе уѣзды; фабричный плутъ и ловчакъ здѣсь немыслимы и неизвѣстны, потому что нѣтъ подъ бокомъ столицъ съ ихъ трактирами, площадями и всякимъ соблазномъ, на который такъ падокъ неискусившійся человѣкъ. Надзоръ держитъ здѣсь, на сѣверѣ, не полицейскій приставникъ, не фабричный хозяинъ, не заводскій прикащикъ, для которыхъ равно непонятна истинная нравственность, — но старый обычай и старая вѣра, которая вся за семью и за общину, за благосостояніе и счастіе той и другой. Не разбиваетъ этого строя, налаженнаго обычаемъ и поддерживаемаго общиной (пожалуй даже раскольничьей) и то многопечальное учрежденіе, которое зовется откупомъ, и то многострадальное заведеніе, которое обзывается кабакомъ. Рѣдкій гость въ этихъ губерніяхъ дѣдновецъ, который, какъ язва, съ своей водкой и своей темной снаровкой, усѣлся вездѣ, гдѣ существуютъ фабрики и бойкое базарное мѣсто. Сѣверныя губерніи не держатъ солдатскаго постоя и избавлены отъ того, чѣмъ даритъ кормильца развращенный вскормленникъ; нѣтъ воровства, нѣтъ наглаго подкапыванія подъ цѣломудріе чужой жены или дочери. Если въ этихъ губерніяхъ послѣдняя роль перешла на чиновника, то сумма случаевъ, при малочисленности помянутаго класса, ничтожна и для насъ нейдетъ въ соображеніе. Я хочу этимъ сказать только то, что и самыя преступленія тамъ несравнненно рѣже. Оффиціальныя свѣдѣнія, собранныя мною недавно, приводятъ меня къ тому заключенію, что бо̀льшая часть преступленій на Руси сопряжена съ захватомъ чужой собственности, а на захватъ этотъ увлекаетъ преступниковъ нужда, доведенная до крайности. И только самая незначительная часть преступленій совершена подъ вліяніемъ страстей. На это укажутъ вамъ и оффиціальныя донесенія и краснорѣчивыя цифры. Я намѣренъ дать объ этомъ предметѣ подробный трактатъ; а потому позвольте теперь возратиться къ тѣмъ же сѣвернымъ губерніямъ, гдѣ, какъ извѣстно, недавно только начали употреблять ключи и замки, и—простите мнѣ—я вѣрю факту, разсказываемому въ тѣхъ мѣстахъ зачастую, что потерявшій вещь приходилъ на базаръ, на площадь, въ церковь и объявлялъ о пропажѣ, и наводимъ былъ на слѣдъ или получалъ пропавшее или покраденное. Времена, правда, измѣняются, измѣняются и люди, но цифра всегда краснорѣчива. Я васъ не утомлю, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи на этотъ разъ опереться на эту цифру. 1854 годъ далъ Сибири изъ Арханг. губ. 16, 1855—67; 1856—37; 1857—38 преступниковъ всякаго рода. Олонецкая въ 1854—2; въ 1855—5; въ 1856—13; въ 1857—7. Вологодская губернія въ 1854—12; въ 1855—12; вь 1856—46; въ 1857—21. Года беру на выдержку и сопоставляю этимъ губерніямъ тѣ, напр., въ которыхъ и фабрики, и заводы и столицы:

Изъ нихъ: Петербургская	въ 1854 г. дала	516;	въ 1855	171;	въ 1856	149;	въ 1857	66
,, Московская	,, ,, ,, ,,	198	,, ,,	377	,, ,,	311	,, ,,	230
,, Пермская	,, ,, ,, ,,	579	,, ,,	381	,, ,,	489	,, ,,	468
,, Оренбургской	,, ,, ,, ,,	277	,, ,,	189	,, ,,	163	,, ,,	205

Тоже самое скажутъ намъ и другія цифры по другимъ губерніямъ, если мы сопоставимъ двѣ однородныхъ: одну, дающую большое количество матросовъ, напр. Костромскую, и другую не дающую матросовъ, но ближайшую къ Костромской по относительному числу жителей, напр. хоть Кіевскую. Всѣхъ преступниковъ изъ Костр. губ. ушло въ Сибирь въ тѣже годы слѣд. количество:

Изъ Костромской	въ 1854—86;	въ 1855—121;	въ 1856—46;	въ 1857—108
Изъ Кіевской	,, ,, 627	,, ,, 536	,, 304	., ,, 308

Цифръ кажется довольно; выводовъ, за краткостью времени, дѣлать не будемъ, оставляя ихъ про себя на всякой случай. Довольно будетъ съ насъ, если мы за жителями сѣверныхъ и приволжскихъ губерній оставимъ заслуженное право отличаться меньшимъ количествомъ преступленій передъ всѣми другими и поздравимъ флотъ съ завидною привиллегіею принимать въ число командъ жителей тѣхъ губерній, въ которыхъ мирное занятіе земледѣліемъ обратилось въ главный и существенный промыселъ. А ни одинъ промыселъ такъ не умягчаетъ нравовъ, какъ этотъ. Съ этимъ согласились всѣ—уступите.

— Но вы даете только общія положенія: не даете выводовъ.

— Я ихъ и не обѣщалъ вамъ. Не забудьте, что мы пишемъ не картину, а кладемъ только узоръ. Не забудьте, что въ нашемъ распоряженіи только канва: шерсть куплена, но не подобрана по цвѣтамъ; а иглы нѣтъ. Шить нечѣмъ.

— Вы забыли про Татаръ....

— Не забылъ я ихъ, когда говорилъ о приволжскихъ губерніяхъ; а теперь скажу, что Татары уличаются въ двухъ весьма странныхъ и подозрительныхъ преступленіяхъ: они идутъ въ ссылку за кражу лошадей и пристанодержательство почти исключительно. Матросами изъ татаръ моряки не нахвалятся. Въ нихъ видятъ даровитость, понятливость, честность. Это я слыхалъ, да и самъ на себѣ испыталъ. Про чухонъ говорятъ тоже. Инородцами вообще Россіи посчастливилось—старая истина. Но объ этомъ будетъ на первый случай.

— Вернемся нѣсколько назадъ. Помните, что въ матросы идутъ люди, сейчасъ только взятые отъ сохи и бороны, прямо съ поля, изъ избы, съ отдыха, а не изъ кабака и съ фабричной гульбы. Съ меня будетъ и этого довольно. Дитя доброе, послушное, кроткое, имъ не нахвалятся тѣ, кто его ближе знаетъ. Кротость въ его глзахъ, кротость въ его пѣсняхъ, миръ и любовь въ его обычаяхъ и житейскихъ отношеніяхъ. Прислушайтесь къ нему внимательнѣе — вы его заслушаетесь; присмотритесь къ нему прямо, не предубѣжденными глазами — не налюбуетесь; а главное, подходите къ нему, не царапаясь, не съ кулакомъ и крутымъ словомъ — онъ не обездолитъ, не обидитъ васъ недовѣріемъ. Такихъ дикихъ педогоговъ дѣти не любятъ; отъ нихъ бѣгаютъ. Убѣгутъ да и смотрятъ потомъ изъ—подлобья, спрятавшись. И пряникъ покажете — не пойдутъ. «А золъ-де ты такъ и я мстителенъ; другаго чувства кромѣ мщенія, я и найти не могу въ своемъ неопытномъ сердцѣ, въ своемъ наразвитомъ умѣ». Подходите же съ вѣрой и любовію, приласкайте этого умнаго, но только неученаго ребенка — онъ къ вамъ бросится на шею. Смѣю васъ въ этомъ увѣрить; смѣю не развивать больше этихъ простыхъ истинъ, ясныхъ какъ день Божій; смѣю замолчать, зная, что вы сами знаете это, да... да забыли (скажу, чтобы успокоить васъ и свою совѣсть).

— Позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ.

— Говорите тысячу, но такихъ, которыя бы опровергали прямо и безотносительно мои положенія.

— Вы ничего не говорите о самой системѣ нашего воспитанія.

— Не говорю, потому что я ее знаю только отчасти, видѣлъ только стороной и притомъ одинъ уголокъ при тщательно-скрытой картинѣ, съ опущенной завѣсой. Я уважаю вашу систему какъ историческій фактъ, но не знаю ея, потому что никто не говорилъ объ ней откровенно и простосердечно.

— Но вы не сказали еще какіе именно изъ крестьянъ поступаютъ въ морскую службу: прилежные или лѣнивые, способные или неспособные.

— Въ крестьянскомъ сословіи нѣтъ табели о рангахъ, тамъ, какъ извѣстно, всѣ равны и всѣ одинаковы. На флотъ идутъ рѣже богатые, чаще бѣдные, меньше взятые изъ семействъ, больше такъ называемые бобыли, т. е. одинокіе, круглые сироты. Помѣщичьяго права въ сѣверныхъ губерніяхъ не существовало, стало быть не было и произвола; вся *некрутчина* опредѣляется міровыми сходками, огуломъ. Татары — тоже всѣ крестьяне государственные; Чухны — также. Нужно знать положеніе общественное и житейскую обстановку бобылей, чтобы въ этомъ разрядѣ людей не видать людей испорченныхъ и безнравственныхъ. Это—люди, обездоленные сиротствомъ и безвыходнымъ положеніемъ. Имъ далеко до такъ называемыхъ наймитовъ, которые продаютъ свою волю за деньги и водку и пьютъ и буянятъ на счетъ своего наемщика только до рекрутскаго присутствія. Лишь только накинутъ на ихъ плечи казенный полушубокъ, они присмирѣютъ, какъ баба кликуша. Что въ характерѣ крестьянъ нашихъ нѣтъ самостоятельности и устойчивости въ убѣжденіяхъ—это отчасти вѣрно, но это уже другой вопросъ. Но не забывайте, что у нихъ есть въ тоже время упорство и неуступчивость, которыя въ дѣтяхъ называются упрямствомъ. Попробуйте прямѣе дѣйствовать, и у васъ не будетъ въ итогѣ недовѣрія со стороны ученика, съумѣйте только въ свою очередь сдѣлать себя кроткимъ, незлобивымъ, и у васъ самихъ не будетъ розогъ. Недовѣріе ученика не перейдетъ въ замкнутость и вы уже не встрѣтите въ немъ настоящаго упрямства, со всѣми его дурными послѣдствіями.

— Вы упомянули объ розгахъ. Къ розгамъ крестьянинъ привыкъ еще дома, съ ними онъ сроднился до того, что отучать его отъ нихъ для насъ трудно. Не будетъ розогъ въ крестьянствѣ—не будетъ нхъ и на флотѣ, у насъ.

— Отвѣчу на это сравненіемъ. Мальчикъ, набалованный безтолковой маменькой, привыкъ, подъ ея крыломъ, сладкое ѣсть. Съ этой слабостью и повадкой онъ поступилъ въ школу. Здѣсь не отучать его стали, а забаловывать, продолжать кормить сладкимъ. Педогоги не сообразили, или даже забыли, что баловство это задерживаетъ ростъ у ребенка, задерживаетъ развитіе его умственныхъ способностей; мальчикъ и безъ того отъ рожденія золотушной. Вина родителей: ихъ прежняя безпутная жизнь, помѣшавшая родительскимъ организмамъ сохранить въ тѣлѣ достаточное количество питательныхъ соковъ; не удѣлили они таковыхъ и дѣтямъ, а воспитатели, въ свою очередь, дали возможность развиться этимъ болѣзнямъ и въ дѣтяхъ. Лекарей, какъ извѣстно, въ деревняхъ нѣтъ и не полагается: подлекаря, люди темные, сами недоученые и неумѣлые. Ихъ выучили одному только средству «кормить больныхъ березовой кашей», они ею и пичкаютъ. Ребенокъ къ кашѣ привыкаетъ, но привыкаетъ ли въ такой мѣрѣ, чтобы лишиться возможности бросить и забыть ее тотчасъ же, какъ дадутъ ему другую пищу, другое блюдо, приготовленное изъ новыхъ, питательныхъ и здоровыхъ веществъ? Отрицательнаго отвѣта вы мнѣ дать не смѣете, иначе я назову васъ нравственно-развращеннымъ. Чортъ съ ней, съ этой кашей: она только засоряетъ желудокъ, а отъ несваренія послѣдняго происходятъ многія недуги, между прочимъ и задержка умственнаго развитія. Ребенокъ на возрастѣ становится какимъ-то пришибеннымъ, забитымъ, лишеннымъ нравственной иниціативы; боязливъ онъ, недовѣрчивъ. Если всегда будутъ няньки и опекуны у вашего ребенка, онъ вѣчно будетъ ходить на помочахъ и, придя въ возрастъ, все-таки останется калекой и недодѣланнымъ — безъ дядьки онъ не ступитъ, безъ опекуна слова сказать не найдется. Послушайте, педагогъ! Я далъ вамъ ребенка смышленаго и только неопытнаго; вы держали его у себя въ наукѣ 15, 20, 25 лѣтъ, все учили; пришло время, вы отдаете его мнѣ назадъ, ваше дѣло конечно. Приходитъ ребенокъ ко мнѣ. Я смотрю на него пристально, съ ногъ до головы, поворачиваю его; оглядываю, спрашиваю—и не узнаю. По внѣшности онъ какъ будто мой; по разговору, по убѣжденіямъ, совсѣмъ чужой. Мнѣ это больно и горько. Плакалъ бы, такъ уже и слезы у меня не текутъ: всё выплакалъ; къ сосѣдямъ пойти горевать, такъ ужъ надоѣло и мнѣ и сосѣдямъ этимъ. Приласкалъ бы я ребенка — не милъ онъ сталъ, насилованныя ласки не утѣшаютъ меня. Съ каждымъ днемъ постылѣетъ мнѣ мое родное дитя, постылѣетъ еще больше потому, что и само оно въ лѣсъ глядитъ отъ меня, ни за что взяться не умѣетъ. Что съ нимъ дѣлать? Само оно себѣ въ тягость, и мнѣ — совсѣмъ лишнее, Изуродовали его, искалечили. И пойду я ходить изъ угла въ уголъ, и стану дѣлать такъ не одинъ день, а недѣли цѣлыя, и какъ императоръ Августъ твердить одну и ту же фразу: Varre. Varre! reddi mihi *legiones*!

Разговоръ моихъ собѣседниковъ, къ несчастію, на этомъ прекратился. Мнѣ сильно хотѣлось подстрекнуть ихъ, чтобы вновь ихъ слушать. Много было недоговореннаго, много какъ будто неопредѣленно-высказаннаго, мало подкрѣпленнаго примѣрами и фактами.

— Неужели, думалъ я, и всегда у насъ такъ, и всѣ у насъ такъ. Говорятъ—не договариваютъ. Примутся спорить, шумятъ только и расходятся довольные не другъ другомъ, а сами собой; всякій остался при своемъ мнѣніи и думаетъ: чортъ ли мнѣ въ томъ, что мы хотѣли сойтись въ одномъ пунктѣ и—не сошлись. Завтра опять можно поспорить, времени свободнаго много;—на работу не зовутъ. Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не бѣжитъ,—увѣряютъ насъ. Чтожъ дѣлать? Повѣримъ на слово; станемъ и сами такъ думать. А вотъ что, между прочимъ, замѣтилъ я говорливому оппоненту.

— Любопытно было бы знать, къ какимъ выводамъ привели васъ наблюденія надъ нашимъ матросомъ.

— Я велъ дневникъ, отвѣчалъ мнѣ собесѣдникъ. Я прочту вамъ изъ него выдержки въ томъ безпорядкѣ, въ какомъ онѣ ложились въ тетрадяхъ. Возьмите ихъ и дѣлайте съ ними что хотите и что можете сдѣлать,—печатайте! Предупреждаю объ одномъ. Матросъ меня занималъ только въ своемъ законченномъ видѣ, наканунѣ отставки, которая уведетъ его опять въ ту семью, откуда онъ вышелъ новобранцомъ. Сожалѣя объ томъ, что мнѣ не случилось быть у новобранца этого на крестинахъ, не удалось пожить съ нимъ въ школѣ, скажу вамъ, что я навѣстилъ его только на праздникахъ;—пробылъ подлѣ него только два мѣсяца. Поближе другихъ я узналъ только одного, но этотъ одинъ былъ старый матросъ, марсовой, кругосвѣтный. Всѣ мои воспоминанія будутъ больше группироваться около него. Предупреждаю васъ объ этомъ и прошу снисхожденія.

Принявши этотъ дневникъ въ свое распоряженіе, я съ своей стороны оставляю за собой одно только право—сдѣлать его печатно гласнымъ. Измѣняю порядокъ и планъ, не смѣя дѣлать отступленій и сокращеній.

«Сегодня поступилъ въ мое распоряженіе матросъ первой статьи, Филиппъ Ершовъ—человѣкъ бывалый. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ, во время послѣдней войны нашей съ Англо-Французами, на одномъ изъ судовъ въ Восточномъ океанѣ. Передавая изъ рукъ въ руки, съ судна на судно, его наконецъ высадили въ Брестъ. Здѣсь онъ долго жилъ до размѣна,—отправленъ въ Черное море. Изъ Николаева ушелъ въ Кронштадтъ, а изъ Кронштадта на кругосвѣтномъ суднѣ—опять въ тѣ же моря, на водахъ которыхъ онъ началъ свою службу. Службѣ его 25 лѣтъ: стало-быть человѣкъ этотъ много испыталъ, кое-что видѣлъ, бывалъ марсовымъ; теперь, за вѣтхостью лѣтъ и старостью, оканчиваетъ послѣдніе мѣсяцы службы въ работахъ на бакѣ. Для меня онъ интересенъ тѣмъ, что два раза ходилъ кругомъ свѣта, многое и разнообразное видѣлъ, стало-быть многое поразскажетъ.

Вотъ передо мной эта плотная, коренастая фигура. Работы въ трюмѣ (въ началѣ службы) и на марсахъ (потомъ) развили въ немъ природную деревенскую силу до того, что чемоданъ мой, въ 9 пудовъ вѣсомъ, недальше какъ вчера, онъ таскалъ и бросалъ какъ бы легонькую суму. Бывало, не выдержатъ отводы и гдѣ нибудь на раскатахъ опрокинется моя тяжелая повозка, онъ только плечомъ подхватитъ ее—и готово: мы опять ѣдемъ дальше.

— Ершовъ! говорилъ я ему, собираясь изъ Иркутска въ дальную дорогу на Амуръ. По дорогѣ варнаковъ (бѣглыхъ), говорятъ, много ходитъ, не взять ли намъ съ собой кинжалъ или пистолетъ на всякой случай?

— Зачѣмъ?—глухо спросилъ онъ меня.

— Защищаться, чудакъ ты этакой!

Ершовъ показалъ мнѣ свою руку, молча усмѣхнулся и ничего не сказалъ. Я посмотрѣлъ на его кулачище, на его плечи и успокоился, и спалъ потомъ за нимъ всѣ ночи крѣпко. На дорожныя *шалости* дѣйствительно мнѣ не пришлось натолкнуться.

Разъ разбушевался онъ пьяный и доказалъ, что въ хмѣлю онъ человѣкъ, мало того что неспокойный, но еще и буйный, переломалъ все, перекорёжилъ. Хозяйка пришла жаловаться, говоритъ:

— Чортъ-человѣкъ матросъ вашъ, діаволъ.

— Убытки что ли причинилъ?

— Господь съ ними съ убытками. Убытки я въ счетъ ему не ставлю. Дверь изломалъ, сосновая дверь. новая; надо новыя петли заказывать.

— Закажите, мы заплатимъ.

— Я не прошу этаго, Христосъ съ нимъ!

— Такъ что же вамъ нужно?

— Чортъ человѣкъ-отъ онъ. Я этакихъ отродясь не видывала. Сосѣди не надивуются. Въ медвѣдѣ вонъ сказываютъ сто силъ человѣческихъ, а въ немъ больше,—ей-Богу! больше.

— За убытки мы, хозяйка, заплатимъ вамъ...

— Не надо, я и пришла не затѣмъ, а сказать только! Дикой онъ, человѣкъ-отъ дикой; какъ этакихъ-то земля родитъ и носитъ; страсти Господніи!..

Вотъ осязательныя, видимыя доблести моего матроса, другія пока предполагаемыя, гадательныя.

— Кругосвѣтный матросъ, думалъ я, поразскажетъ многое; не даромъ мелькали мимо него разныя страны и разные люди.

— Жилъ ты, Ершовъ, во Франціи: каковы на твои глаза Французы эти?

— Жидкой народъ, а тоже свою снаровку имѣетъ, къ нему съ простымъ кулакомъ не подходи. Француза надо бить въ бокъ.

— Ну, а Англичане?

— Эти—сильные. Съ ними, если на кулакахъ идешь: не зѣвай. Агличанина бей прямо въ лобъ.

— Какъ, то есть, въ лобъ?

— Въ переносицу.

— Ну, а другіе народы?

— Другихъ народовъ нѣту.

— А Нѣмцы?

— Объ этихъ и говорить не стоитъ. Съ этими мы на мысѣ Доброй Надежды подрались — руки только раззудили: и работать нечего было.

Я разъ двадцать потомъ приступалъ къ Ершову и всякій разъ слышалъ одно и тоже. Для него весь міръ развалился на три главныхъ народа: Французовъ, Англичанъ и Русскихъ. Нѣмцы были что-то среднее, межеумокъ, какъ бы переходъ къ другимъ народамъ, которыхъ, однако, Ершовъ не признавалъ за людей.

— Это не люди—говаривалъ онъ мнѣ. Это—*канаки.*

Слово канаки, пойманное имъ на Сандвичевыхъ островахъ, примѣнялось потомъ ко всѣмъ: къ Туркамъ, Китайцамъ, Индѣйцамъ. Плохо сознанное, слово это прилаживалось потомъ Ершовымъ ко всему, что не русское: манчжурскій табакъ онъ называлъ канацкимъ; голыхъ солдатъ въ банѣ назвалъ канаками.

— А какъ тебѣ нравятся эти голенькіе Японцы? — спрашивалъ я Ершова въ японскомъ городѣ Хакодате.

— Канаки!—однозвучно и рѣзко отвѣчалъ онъ мнѣ.

Хотѣлъ-ли онъ этимъ словомъ охарактиризовать всѣхъ тропическихъ жителей или просто ругать всѣхъ людей не русской вѣры, радуясь, что слово канаки близко къ слову канальи—я не могъ добиться. Понятія его объ этомъ были смутны и спутаны. Иногда онъ попадалъ вѣрно.

— Какія же тебѣ женщины больше понравились?

— Каначьки ужъ очень ласковы; неопрятны только, что свиньи. Француженки на этотъ счетъ всѣхъ лучше.

На мои глаза Ершовъ все-таки скорѣе матеріалистъ, чѣмъ идилликъ; онъ скорѣе за житейскія удобства, чѣмъ за природу и поэзію.

— Какое море лучше?—спрашивалъ я его.

— Всѣ равны.

— А красивѣе?

— Всѣ красивы. Море—извѣстно море; море оно и есть.

— Ну да врешь, братъ, канацкое море лучше французскаго.

— Канацкое — хуже. У нихъ вотъ насчетъ фруктовъ дѣйствительно, что очень хорошо. Стояли мы на острову Таитѣ: сады у нихъ поразсажены. Ступай — ѣшь сколько влѣзетъ, только съ собой брать не велятъ: не моги!

— Если (думалъ я) тебя не пробрала природа острововъ Отаити и вынесъ ты оттуда только то впечатлѣніе, что отаитскія женщины, какъ всѣ, даже еще и нѣмокъ хуже; то я къ тебѣ, Ершовъ, съ этими вопросами и обращаться больше не буду.

Пробовали за меня дѣлать это другіе, мои прітели — и тоже ничего не добилась.

Зато Ершовъ неистощимъ бывалъ, когда разспрашивали его о предметахъ, любезныхъ его сердцу. Особенно разговорчивъ онъ былъ, когда предварительно удавалось ему хватить амурскаго спирту, манчжурской араки или японской саки. Въ то время онъ былъ навязчивъ. Самъ придетъ бывало, и сказываетъ.

— Вотъ я теперь съ вами говорить могу долго. Спрашивайте!

И спрашиваешь его, бывало, о предметахъ сподручныхъ, приличныхъ торжественному случаю, и слышишь обыкновенно все одно и тоже. На Ершова находило вдохновеніе; въ моменты крайнаго экстаза онъ крутилъ плечами, присѣдалъ, понижалъ голосъ, прищуривался и велъ безконечный разговоръ о Брестѣ. Городъ этотъ былъ его любимый, и воспоминанія объ немъ самыя подробныя.

— Тамъ все мамзели торгуютъ: они и вино продаютъ. Вино у французовъ разное, трехъ сортовъ: первое — ромъ такъ и у нихъ, какъ у насъ зовется! Второе: брандеръ (brandis) и людвинъ (l'eau de vie); всѣ крѣпче нашего. Сейчасъ придешь къ мамзелѣ, сейчасъ начнешь говорить... сейчасъ наливаетъ...

Ершовъ при этакихъ словахъ обыкновенно умягчалъ голосъ, ёжился, щурилъ лѣвый глазъ, который у него особенно былъ эффектенъ въ этихъ случаяхъ. Мало того: онъ шаркалъ ногой, и изгибался туловищемъ, желая вѣроятно передать тѣ ловкія манеры, какія требовались и съ какими онъ подходилъ къ французскимъ мамзелямъ. Въ этихъ живыхъ, неопредѣленныхъ движеніяхъ онъ былъ рѣшительно вдохновленъ.

Вотъ гдѣ, Филиппъ Степановичъ, твоя истинная, неподдѣльная неподкупная поэзія! — думалъ я и спрашивалъ:

— Какъ же ты съ мамзелями объяснялся?

— На перстахъ онѣ хорошо понимаютъ.

— Ну, а слова?

— И языкомъ ихнимъ занялся: забылъ теперь. А то и такъ: спроситъ бывало: сколько вамъ надо водки? — сейчасъ прикинешь на пальцѣ и покажешь ей: столь-молъ надо! Француженки на счетъ деликатнаго обхожденія хороши очень и понятливы; ей-Богу, понятливы!...

Французскій словарь Ершова былъ не богатъ, но что особенно важнымъ показалось мнѣ, такъ это его философскій аналитическій взглядъ на языкъ.

— Дивлюсь я, ваше благородіе! — говорилъ онъ мнѣ однажды — отчего Французъ совсѣмъ нашему языку не выучится. Много онъ словъ нашихъ знаетъ; у нашихъ выучился.

— Какъ-такъ?

— Да вотъ на счетъ бы платья къ примѣру. Жилетъ—такъ и у нихъ жилетъ, сертукъ опять—также точно. Шляпу только шапкой (шапа) называютъ; наши штаны, а у нихъ все равно панталоны.

Это, впрочемъ, единственный случай, гдѣ Ершовъ позволялъ себѣ философствовать. Во всемъ остальномъ онъ опирался только на грубые факты, не разбирая ихъ и относясь къ нимъ съ уваженіемъ потому только, что они добыты были имъ, именно имъ самимъ, Филиппомъ Ершовымъ. Но и здѣсь повсюду онъ былъ глубокій матеріалистъ и такъ какъ любилъ придерживаться чарки (мочить морду— по его выраженію), то и всѣ наблюденія его по преимуществу группировались около этого продукта. Англичанъ онъ напр. сильно не любилъ и бранилъ ихъ За что? допытывался я.

— У нихъ матросу житье плохое.

— Бьютъ что-ли больно?

— Бьютъ-то и у насъ хорошо. На корабляхъ безъ этого нельзя. Матроса не бить—нельзя..

— Отчего же?—перебилъ я его.

— А для чего и начальство на корабляхъ состоитъ? Слушаться—*значитъ* ему и повиноваться.

— Ничего это *не значитъ*, а все-таки я тебя не понимаю: за что ты не любишь Англичанъ и бранишь ихъ?

-- Нельзя не бранить. Французы ихъ лучше: у нихъ коли воду пить даютъ, такъ въ ведро-то бутылку рому выливаютъ.

Стремленіе объяснять достоинство людей по степени и умѣнью потреблять крѣпкія напитки, натурѣ Ершова было сильно присуще и для меня уже не новость. Онъ возненавидѣлъ Манчжуръ за то, что они пьютъ свои араки изъ маленькихъ чашечекъ.

— Развѣ этакъ люди дѣлаютъ? — спрашивалъ онъ меня—изъ наперстковъ пьютъ водку? У амбаня (въ Айгунѣ) подавали мнѣ, когда вы обѣдали: я въ стаканъ налить попросилъ, обругалъ; прибить еще хотѣлъ.

И дѣйствительно хотѣлъ прибить и если не привелъ желанія своего въ исполненіе, то все-таки надѣлалъ скандалъ— по морскому обыкновенію, какъ о томъ жаловались мнѣ амбаневы нойоны (чиновники).

Пьянство не порывами, не загулами, а систематическое, постоянное пьянство было отличительною чертою Ершова. Онъ во всякое время дня и ночи готовъ былъ пить и отставалъ отъ водки, *отваливался* (какъ онъ самъ выражался на своемъ типическомъ языкѣ) тогда только, когда была суха посудина, вмѣщавшая обожаемую имъ влагу. Онъ не разбиралъ: своя она, чужая—ему было все равно. Чужой собственности отъ своей онъ не отличалъ въ этомъ случаѣ. Поразительно честный и вѣрный по отношенію къ другимъ моимъ вещамъ, деньгамъ и проч. (онъ рваныя тряпки напр. везъ съ собой и тщательно хранилъ ихъ и пряталъ)—водку Ершовъ воровалъ и выпивалъ всю. Не соображалъ онъ и того, что по—часту водка принадлежала тѣмъ добрымъ людямъ, которые меня съ нимъ пригрѣвали: онъ напивался и потомъ самъ просилъ запирать ее. Ни совѣты, ни просьбы, ни внушенія, ни мольбы мои—ничто не могло остановить его. Ершовъ давалъ честное слово не пить мѣсяцъ, держался недѣлю и снова прорывался и закучивалъ.

— Ступай ты отъ меня прочь; мнѣ тебя не надо!

— Три недѣли не буду пить—провались я совсѣмъ!

Прошло три дня. Онъ опять нахлестался.

— Чему обрадовался? спрашивалъ я его.

— Вы меня огорчили: отъ себя прогнать хотѣли.

И въ лицѣ его рисовалось поразительное добродушіе, поразительная вѣра въ святость словъ своихъ и помысловъ.

Чрезъ нѣсколько дней онъ снова былъ пьянъ; приходилъ ко мнѣ самъ по личному желанію; валился въ ноги, плакалъ—горько плакалъ и говорилъ:

— Простите!... не могу стерпѣть.... старъ сталъ: не въ силахъ... привыкъ.

— Неужели — думалъ я тогда — только на этихъ двухъ убійственныхъ характеристикахъ сосредоточивается все внѣшное и внутренное достоинство всякаго матроса. Что они, какъ гоголевскій Жевакинъ, мало понимаютъ и мало видятъ дальше своего карабля: для меня понятно. У нихъ не возбуждено это желаніе за неграмотностью, и не поддерживается, не направляется приставниками, можетъ быть за недосугомъ, можетъ быть за лѣнью, за нежеланіемъ. То и другое, и третье скверно и неутѣшительно, потому что существуетъ; съ этимъ, думаю, никто спорить не станетъ. Но вотъ что худо: матросы пьянствуютъ и пьянствуютъ притомъ неистово; неужели всѣ? Не можетъ быть! Дѣлаю свои наблюденія, веду ихъ дальше и—вотъ что вижу:

На палубѣ, около гротъ-люка, раздаютъ водку, крякаютъ и пьютъ, пьютъ и утираются наши матросы. Многіе изъ нихъ, едва-ли даже не всѣ, выпивши чарку, задерживая дыханіе (вслѣдствіе чего лица ихъ наливаются кровью), бѣгутъ опрометью на бакъ къ обѣду; Ершова тутъ я не вижу; вижу вечеромъ того дня въ каютѣ, вижу и спрашиваю:

— Что это вы, Филиппъ Степановичъ, водку-то не счастливите своимъ вниманіемъ: вѣдь большой вы до нея охотникъ и любитель.

— Я на заслугѣ.

Слово это было уже для меня понятно. Онъ копилъ чарки, чтобы потомъ получить за нихъ деньгами. Дѣло хорошее; но совсѣмъ ли это такъ? спрашивалъ я себя, и видѣлъ, что разъ, когда матросы получили вечернюю чарку и мой Ершовъ вслѣдъ за другими утираетъ усы и, задержавши дыханіе, бѣжитъ на бакъ, отмахиваясь отъ моихъ распросовъ рукой.

— Прорвало, Ершовъ, не вытерпѣлъ, пошутилъ только.

— Да вѣдь эта чарка въ заслугу нейдетъ. Эта подарочная. Ребята дрова таскали, за то имъ приказали выдать.

— А сколько у тебя заслуги?

— Десять чарокъ.

То есть десять дней соблазна и 30 коп. сер. въ пріобрѣтеніи. Табаку, думалъ я, купить ему есть теперь на что; а поговѣетъ еще двѣ недѣли—пріобрѣтетъ благородный цѣлковый, который, какъ извѣстно, на улицѣ не валяется. Смотрю: не тутъ то было. Ершовъ разъ и утромъ подошелъ къ мѣдному жбану съ водкой, но подошелъ не одинъ, подвелъ товарища матросика, и проситъ вахтера отдать ему двѣ заслуги. Это было сначала для меня непонятно. Ершовъ самъ объяснилъ.

— Земляка нашелъ на «Гриднѣ», вмѣстѣ на «Бояринѣ» шли кругомъ свѣта; угостить желаю.

— Зачѣмъ же самъ-то пьешь?

— Нельзя, обидится онъ.

Съ этого дня и заслуга пропала; вахтеръ такъ его и не записывалъ больше.

— Деньги-то вѣдь лучше, а ты ихъ водкой забралъ.

— Возни, ваше благородіе, много; жди, пока счетъ сведутъ господа офицеры къ концу кампаніи: тогда получишь. Лучше выпить.

Такъ же точно разсуждали, такъ же точно дѣлали и всѣ другіе матросы. При встрѣчѣ судовъ съ земляками, они то и дѣло угощали другъ друга своими *заслугами*. Ѣздилъ и мой Ершовъ на Гридня. Вахтеръ жаловался на то, что матросы его путаютъ, сбиваютъ въ разсчетахъ, а офицеры свидѣтельствовали, что отними у матроса право копить заслугу—лишишь его годовыхъ свѣтлыхъ праздниковъ; то и другое справедливо: съ одной стороны, не затертою, не искалѣченною національною слабостью гостепріимства матросъ желаетъ почтить земляка, съ другой, сберегая ежедневно трехкопѣечники, онъ обманываетъ себя этимъ незримымъ ему накопленіемъ запаснаго капитала въ 90 коп. сер. на цѣлый мѣсяцъ.

Вахтеръ жаловался, что матросы сало крадутъ и крадутъ его съ единственною цѣлью намазать на голову. Посмотрѣлъ я нарочно въ шапку Ершова (которая и воронамъ на гнѣздо не годится) и имѣлъ полное право заключить, что по этой статьѣ и онъ не безгрѣшенъ.

— Половину ткнешь въ волоса, половину на сапоги, такъ какъ ковыряешь по скорости, чтобъ не видали. Бить за это нашего брата не велятъ — объяснялъ мнѣ потомъ самъ Ершовъ.

Не заботясь рѣшительно ни объ чемъ, Ершовъ кокетливъ былъ относительно волосъ на головѣ и на усахъ. Послѣднимъ придавалъ онъ особенную важность, разглаживалъ ихъ, фабрилъ, расчесывалъ концами кверху. Желая походить на Людовика Наполеона. онъ прав да былъ похожъ скорѣе на таракана; но въ усахъ полагалъ всю свою красоту, хотя уже и было въ усахъ этихъ много сѣдины и лежало на плечахъ и ребрахъ его 50 лѣтъ жизни, да около 25 лѣтъ службы. Зато къ остальному костюму онъ былъ небреженъ, особенно же запустилъ онъ эту статью, когда получилъ отставку и поѣхалъ со мной обратно. Отъ костюма онъ требовалъ одного только, чтобы былъ онъ возможно форменный, съ свѣтлыми пуговицами. Исключеніе (и то въ рѣдкихъ случаяхъ) дѣлалъ онъ только полушубку; положитъ, бывало, обѣ руки въ карманъ, надѣнетъ на-бекрень теплую шапку съ собачьимъ околышемъ, съ зеленой бархатной выпушкой и шелковой кисточкой и ѣдетъ-себѣ, да чванится: «теперь-де я вольный человѣкъ, а матросъ-таки самъ по себѣ».

Сначала я думалъ, что онъ просто малодушествуетъ, какъ ребенокъ, наслаждаясь мнимой игрушечной волей, но потомъ убѣдился фактами, что онъ-таки былъ и гордъ и надмѣненъ. Еще въ Благовѣщенскѣ приходили ко мнѣ жаловаться на него солдаты, съ которыми онъ жилъ въ одной лачугѣ и которыхъ онъ ругалъ и даже колотилъ за то только, что они линейные, а не матросы.

— Сволочь они! оправдывался онъ передо мною.

— А ты бы на себя самого посмотрѣлъ.

— Флотъ завсегда первой. Когда большіе смотры бываютъ, матросы первые стоятъ; потомъ ужъ гвардія, пѣхота, кавалерія, антилерія. А этихъ дураковъ и на линію не пускаютъ.

— Да ты, Ершовъ, съ котораго конца считать-то началъ?

Ершовъ не подался и на это замѣчаніе, и сколько потомъ ни старался я разбить его предубѣжденія—успѣха не имѣлъ. Разъ напился онъ до безпамятства: солдаты его отливали, за нимъ ухаживали; онъ и тутъ упорно устоялъ на своемъ мнѣніи и не согласился не-только себя, но и матросовъ вообще признать за худшаго изъ нижнихъ военныхъ чиновъ.

— Вотъ что между прочимъ унесешь ты на родину въ среду твоихъ сродниковъ и сосѣдей-крестьянъ; и будешь ты тамъ лягаться, бросаться въ глаза этимъ чванствомъ; сначала поглядятъ на тебя съ недовѣріемъ, посторонятся, потомъ будутъ надъ тобой смѣяться, а наконецъ отойдутъ отъ тебя, назовутъ тебя тяжелымъ, неуживчивымъ человѣкомъ. И ступай ты въ сторожа въ церковь, въ лакеи въ гимназію, въ служители присутственныхъ мѣстъ. Для деревни ты не годишься. Ты самъ это знаешь и деревни уже не любишь, какъ чортъ ладону. А все-таки вѣдь ты погибшій человѣкъ, и погибель свою ты получилъ на службѣ; оттуда ты вынесъ себя такимъ неукладистымъ, такимъ нехорошимъ.

— Что же еще ты несешь въ деревню со службы?

— Чемоданчикъ, шитый досужимъ портнымъ матросикомъ изъ казенной парусины: вижу это по синей ниткѣ въ одномъ полотнищѣ. Что же у тебя въ чемоданчикѣ этомъ?

Заглянулъ я туда и удивился. Американцы такъ презервы не прессуютъ, какъ уложилъ и смялъ Ершовъ тамъ всякую дрянь и всѣ тряпки. Почетными гостями тутъ были разныя металлическія вещи, всякій мѣдный и желѣзный ломъ: папухъ табаку, шелкъ. Ковырять шиломъ и иглой Ершовъ на бакѣ выучился, слава Богу!.... Но большинство вещей принадлежитъ веревкамъ: веревки отъ перьевъ, веревочки отъ сахарной головы, обрывки снастей и проч. Страсть къ веревкамъ—одна изъ самыхъ сильныхъ въ Ершовѣ. Веревки у него всюду: въ сапогахъ, во всѣхъ карманахъ, за пазухой. Ни малѣйшаго случая онъ не упуститъ безъ того, чтобы не завязать даже и того, что и вязать вовсе не слѣдуетъ; чемоданъ мой онъ разъ до десяти въ разныхъ направленіяхъ обматывалъ крадеными на кораблѣ веревками. Вязать—была страсть Ершова, хотя онъ и называлъ этотъ процессъ не иначе, какъ найтовленьемъ.

— Надо, говорилъ онъ—кибитку занайтовить.

И найтовилъ кибитку, не щадя мертвыхъ узловъ на полномъ просторѣ и свободѣ, не боясь строгаго и зоркаго взгляда боцмана (который за мертвые узлы на спину лазалъ). Кибитка ѣхала станцію—къ концу все опять валилась на бокъ.

— Сдѣлай такъ, чтобы не передѣлывать.

— Слушаю-съ!

И опять валилась кибитка на бокъ на первомъ же перегонѣ, давая новый случай и полное, несомнѣнное наслажденіе Ершову совершать свой любимый процессъ—класть найтовы. Отдѣлался я отъ непріятности напоминать и упрашивать тогда только, когда поручилъ сдѣлать дѣло на моихъ глазахъ. Ершовъ крутилъ и перекидывалъ веревки такъ прихотливо, смѣло и мастерски, что я залюбовался, и мертвые узлы его дѣйствительно дѣлались мертвыми. Мы ѣхали 700 верстъ и не поправлялись.

Ершовъ въ этомъ отношеніи оказался великимъ мастеромъ: вязалъ онъ превосходно, искусно, веревкой владѣть умѣлъ.

Вотъ еще думалъ я, какое искусство и знаніе унесешь ты съ собой въ деревню!.. А еще что?

Безпечность, приправленную примѣчательной наивностью. Наступала для него пора свободы, полной отставки. При отставкѣ онъ получилъ деньги, получилъ долги, собралъ всего рублей до 50 сер. Вотъ—думалъ я — купитъ онъ себѣ избенку плохонькую сначала, дешевенькую; вспомнитъ давнее старое время, обзаведется хозяйствомъ небольшимъ, но такимъ, какого на его вѣкъ хватитъ. Съ такими мыслями — думалъ я — онъ и въ деревню ѣдетъ. Но узнаю, что онъ деньги всѣ промоталъ; ничего не оставилъ

— Чѣмъ же жить думаешь?

— Меня одна нянька въ Иркутскѣ любила, она денежная, живетъ при мѣстѣ. Тамъ ее любятъ.

— А отошла отъ мѣста—сама безъ денегъ.

— Не отпустятъ.

— А умерла, прошло больше года.

— Не умретъ; здоровая такая.

— Разлюбила..

— Смѣетъ ли она это сдѣлать?!!

И вотъ въ пятидесятилѣтнемъ солдатѣ наивность семнадцатилѣтняго юноши! И между тѣмъ это не личное, ему одному присущее убѣжденіе, я замѣчалъ тоже самое и на другихъ солдатахъ; общаго много: напримѣръ, непріученные собирать и цѣнить личную собственность—они просто и равнодушно относятся и къ чужой. У Ершова очутился лишній мѣдный котелокъ въ его чемоданчикѣ:

— Гдѣ ты это взялъ?

— На пароходѣ попъ забылъ; не пропадать же Не я—другой его взялъ бы.

— Да вѣдь за это бьютъ вашего брата.

— Я и самъ сдачи дамъ.

На одной станціи я слышалъ шумъ, крикъ на улицѣ подлѣ моего экипажа. Крикливый, грубый голосъ Ершова и ожесточенные жесты вызвали меня на крыльцо. Тамъ долетѣли до меня послѣднія слова одного изъ ямщиковъ, болѣе другихъ разсерженнаго и повидимому болѣе другихъ обиженнаго.

— Ты думаешь, что изъ тебя *нѣмца* сдѣлали, такъ ты и лучше насъ и смѣешь драться?

Слова относились къ Ершову.

— Уймите его, ваше высокородіе: озорничаетъ.

Эти слова уже обращены были ко мнѣ.

— Какъ ты смѣешь, кто тебѣ далъ это право?—спрашивалъ я своего солдата.

— Лошадей долго не впрягаютъ; колокольца не привязали.

— До всего этого тебѣ нѣтъ никакого дѣла, и всего этого мало для того, чтобы дать рукамъ своимъ волю.

— Мужики они — скоты, дѣла своего не знаютъ. Не знаютъ, что солдатъ ихъ завсегда лучше. Я вотъ ихъ еще ужо разнесу опять, чтобъ они меня нѣмцомъ-то не обзывали. Мужики!

Долгаго труда стоило мнѣ потомъ его успокоить. Онъ былъ озлобленъ, разсерженъ до того, что всю дорогу твердилъ одно; всю дорогу и прежде, и послѣ доказывалъ полное презрѣніе къ крестьянамъ. Съ солдатами, даже линейными, онъ шутилъ, смѣялся, игралъ въ карты; сходясь съ отставными матросами, непремѣнно напивался до зѣла и пьянствовалъ потомъ долго. Съ хозяевами квартиръ нашихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ онъ даже и разговоровъ не заводилъ никакихъ. Въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ обыкновенно ко сну и въ немъ одномъ искалъ удовольствія и развлеченія взамѣну всяческихъ бесѣдъ. Только съ однимъ изъ таковыхъ онъ позволилъ себѣ сойтись и подружиться, и то потому только, что человѣкъ этотъ пришелся ему по вкусу—тоже любилъ чарку до запоя, до страсти.

— Съ такими убѣжденіями ты, Ершовъ, не наживешь и не уживешься въ деревнѣ. Примѣровъ тысячи — и ты не изъ первыхъ, но и не изъ послѣднихъ. Жаль тебя! Въ тебѣ еще много осталось добрыхъ качествъ, у тебя въ основѣ мягкое сердце, видимая жестокость и крутость его только внѣшняя, накинутая, благопріобрѣтенная. Ты простосердеченъ и довѣрчивъ, хотя въ то же время и беззаботенъ, какъ вообще беззаботны люди, долго жившіе чужимъ умомъ, подъ вліяніемъ посторонней опеки. Ты, какъ Китаецъ или Японецъ, думаешь только о сегодняшномъ днѣ, завтрашній тебя не увлечетъ и, если онъ не пугаетъ тебя, то и не занимаетъ. Со смышленостью, находчивостью твоей ты не сдѣлался плутомъ, мазурикомъ потому, можетъ быть, что тебя не портила казарма, помѣщаемая между множествомъ соблазновъ. На тебѣ держали узду баковые порядки и отдѣльная, поставленная одиноко среди моря, корабельная артель. Въ ней ты уберегъ отъ крестьянства только три-четыре доблести и между ними главными—гостепріимство, веселость нрава, смышленость и добродушіе; а пріобрѣлъ новые оттѣнки въ характерѣ, но иного вида и свойства. Ты сталъ запивать безнадежно, словно переломила тебя жизнь такъ, что осталась одна только и то безпардонная дорога къ одному кабаку. Ты нахватался гордости и чванства, иногда похвальныхъ, но въ твоемъ положеніи тягостныхъ, плохо понятыхъ; въ добавокъ ты еще ихъ и прилагать не умѣешь; кулакомъ доказываешь то, чего не доказать тебѣ словами. Въ этомъ ты отъ канаковъ недалеко ушелъ. Похвалилъ бы я въ тебѣ твою усердную преданность моимъ интересамъ, зная, что она вышла изъ того же источника, изъ твоего обязательства служить также вѣрно и преданно, какъ тебя учили, но не похвалю въ тебѣ способъ примѣненія: онъ такъ похожъ на лакейское угодничество, выслуживаніе, что невольно думаешь (и жалѣешь) о твоей долѣ. Мало она сулитъ хорошаго впереди, потому что мало и назади тебя отраднаго. Не весело прошла твоя морская жизнь; вынесъ ты изъ нея немного полезнаго для себя въ будущемъ. Но это уже не твоя вина. Учили тебя и забыли, что ты не затѣмъ только созданъ, чтобы быть на кораблѣ, что тебя ждетъ отставка, за которой послѣдуетъ новая жизнь. А жизнь эта требуетъ подготовки. И если не могутъ этого сдѣлать на кораблѣ, то пусть не убивали бы въ тебѣ тѣ инстинкты и знанія, которые ты пріобрѣлъ дома до бритаго лба и сѣрой куртки. А ихъ-то въ тебѣ и убили — бѣдный Ершовъ! Все-таки спасибо тебѣ за вѣрную службу, за ласково-незлобивое расположеніе и отношенія ко мнѣ; спасибо тебѣ — *за тебя.* Посылаю тебѣ мой дальный привѣтъ и крѣпко обнимаю тебя! Еще разъ прощай, добрый чѣловѣкъ, умный человѣкъ, но попорченный, искалеченный!

Это были послѣднія слова въ дневникѣ, отданномъ въ полное мое распоряженіе.

V.

ВЪ ЯПОНІИ.

1.

Мы стоимъ на якорѣ передъ Хакодате; стоимъ всего нѣсколько часовъ послѣ того, какъ звякнула якорная цѣпь и японскіе лоцмана, вовсе ненужные и безполезные, но — по обычаю и по путятинскому трактату — вводившіе насъ на рейдъ, съѣхали съ парохода. Испытывая всю неловкость новаго положенія въ виду большаго, оживленнаго и оригинальнаго города, особенно послѣ однообразно-тоскливыхъ стоянокъ въ портахъ Восточнаго океана, — мы находимся подъ обаяніемъ сильнаго нетерпѣнія поскорѣе увидѣть городъ, побольше и поподробнѣе познакомиться съ нимъ. Нетерпѣніе наше возрастаетъ и становится едва побѣдимымъ послѣ того, какъ получаемъ заявленіе нашего флагмана, что для осмотра города мы можемъ имѣть въ распоряженіи всего только четверо сутокъ. Между тѣмъ, мы не можемъ тотчасъ же съѣхать на берегъ; не можемъ и за невыдачею намъ шлюпки и по той причинѣ, что на пароходѣ ожидаютъ обычнаго появленія японскихъ таможенныхъ чиновниковъ съ поздравленіемъ (вѣроятнѣе съ подозрѣніемъ: нѣтъ ли съ нами вооруженнаго войска, лишняго количества пушекъ, людей и проч). До чиновниковъ мы въ силахъ распорядиться только наблюденіями издали и дѣлаемъ это съ большою охотою и потому, что дѣйствительно передъ нами на склонѣ высокой прибрежной горы раскинулся диковинный городъ. Внѣшній видъ его не имѣетъ ничего общаго со всѣмъ тѣмъ, что мы знали и видѣли до сихъ поръ. Нѣтъ ничего, что бы могло напомнить намъ родные города наши (даже и европейскіе). Разстояніе, отдѣляющее насъ, на столько незначительно, что мы могли бы видѣть и разобрать многое; но видимъ только одинъ домъ европейской-архитектуры, командующій всѣмъ городомъ, поставленный выше всѣхъ, красивѣе и удобнѣе всѣхъ, домъ нашего консула; ниже его мы положительно ничего различить не въ силахъ: груды, масса чего-то страннаго и своеобразнаго рябитъ въ глазахъ, стушевывается въ нѣчто загадочное, гдѣ и понять ничего нельзя и выдѣлить мы ничего не въ силахъ, даже и вооруженнымъ глазомъ. Домъ консула подсказываетъ намъ знакомые виды: мы ищемъ тѣхъ высокихъ, возносящихъ главы и шпицы зданій, которыми преукрашены всѣ города и европейскіе и азіятскіе, безъ нихъ намъ ни одинъ городъ на свѣтѣ казался немыслимъ, и мы радуемся за новаго знакомца, которому судила судьба стать внѣ рутинныхъ порядковъ. Ни минаретовъ, ни церквей, ни крикливаго и роскошнаго богача — домины мы не видимъ. Не можемъ и судить о новомъ городѣ по завѣдомымъ и привычнымъ пріемамъ; теряемъ нить и всѣ тѣ признаки, по которымъ прежде клали себѣ путевыя тропы и устраивали выходы. Глядимъ на невѣдомой городъ и думаемъ: гдѣ ты нашъ завѣтный и неизбѣжный соборъ, самая большая, на большую часть самая древняя церковь изо всѣхъ церквей города, съ огромнымъ колоколомъ борисовичемъ, телепень котораго раскачиваютъ два человѣка и въ ревѣ котораго всѣ звонкіе колокола приходскихъ церквей пропадаютъ безслѣдно, какъ въ голосѣ протодьякона того же собора изнываютъ всѣ, самые крикливые и басистые голоса приходскихъ дьяконовъ? Гдѣ вы, наши отечественные купеческіе дома, неизмѣнно двухэтажные, съ длиннымъ заборомъ, утыканымъ гвоздями, съ параднымъ, верхнимъ этажемъ, всегда пустыннымъ, съ этажемъ нижнимъ, освѣщеннымъ одинокой лампадой въ то время, когда хозяева ваши, всѣ сбитые въ одну-двѣ комнаты, окнами на дворъ храпятъ и бредятъ и видятъ всегда пророческіе и большею частію зловѣщіе сны не къ добру? Не видимъ мы и тѣхъ крикуновъ — домовъ барскихъ, которые любятъ обставлять свои входы и выходы свирѣпыми и немилостивными звѣрями въ видѣ дикихъ львовъ и неумолимыхъ собакъ и которые кичились въ былую пору внѣшнимъ блескомъ хорошаго рода стеколъ и бронзы, отличной природы драпри и портьеровъ передъ сосѣдями изъ купеческой породы, прикрывающими невымытымъ каленкоромъ свои выгорѣвшія отъ времени и солнышка стекла, нелюбящими чистить домашную накипь и ржавчину? Нѣтъ васъ здѣсь, наши милые, добрые, старые знакомые — и намъ не по себѣ; мы положительно скучаемъ безъ васъ и теряемся; мы начинаемъ извѣдывать неловкое — мало того, непривычное, незнакомое и,—что грѣха таить!— какое-то странное и небывалое состояніе духа. Мы положительно растерялись, когда отвели глаза съ горы и города на бухту, всю вплотную усыпанную какими-то диковинными судами; ихъ такъ много, что по нимъ, какъ по мосту — можно кажется, не замочивши ногъ, пройдти съ нашей «Америки» въ городъ. Форма судовъ этихъ до того странной формы, что мы такой и во снѣ не видывали. Смутно вспоминаются намъ какіе-то рисунки къ какому-то кругосвѣтному путешествію, и по нимъ кое-какъ мы добираемся до сознанія, что это тѣ пресловутыя джонки, которыя имѣются въ Китаѣ; по крайней мѣрѣ, основная форма ихъ съ рѣзными украшеніями по бортамъ, по кормѣ и на носу одна и та же и здѣсь въ Японіи. Много потрачено времени на рѣзьбу и щеголевато-мелочную отдѣлку всѣхъ этихъ несуществующихъ птицъ, фантастическихъ животныхъ, каковыми украшены джонки; много надо умѣнья и проворства на то, чтобы умѣть ладить съ такими парусами, которые, какъ роскошныя драпри богатаго дома, всѣ на сборкахъ (кулисахъ), многосложно, но красиво спутавшихъ парусъ. Страннымъ кажется намъ пребываніе этого красиваго драпри на судахъ, назначенныхъ въ море и обязаннаго служить многотрудную службу: быть готовымъ распуститься въ тотъ роковой моментъ, когда простота и немногосложность могутъ сдѣлать гораздо больше. Къ чему эта ненужная роскошь рѣзьбы; эти красивые паруса, съ которыми, по всему вѣроятію, и управляться очень трудно и которые не дадутъ такого положительнаго отвѣта во роковой моментъ, какой даютъ паруса европейскіе? Мы готовы произнести японскимъ джонкамъ осужденіе, но удерживаемся, не смѣемъ, не въ силахъ сдѣлать это, по той причинѣ, что воспоминанія о дальной и милой родинѣ и здѣсь задерживаютъ наше воображеніе и рисуютъ намъ тождественныя, похожія картины. Давно ли въ великомъ множествѣ кишили по Волгѣ и притокамъ ея разшивы, мокшаны, коноводки и вся судовая благодать, расписанная, разрисованная, мечущаяся въ глаза своей пестротой и замысловатостью рѣзныхъ фигуръ по кормѣ, на носу, даже на верхней рубкѣ, съ особымъ тщаніемъ отдѣланныхъ на тѣхъ щеголяхъ-судахъ, какія назначались для стоянки въ Окѣ на время нижегородской ярмарки. Да и теперь, смотрите съ ярмарочнаго моста направо, гдѣ собрались суда со всей Волги и на многихъ изъ нихъ не только кормы писанныя, но цѣлыя картины висятъ безъ нужды на мачтахъ, и нѣтъ флага, который бы глядѣлъ просто, безъ штучекъ, безъ тѣхъ же рисунокъ, какимъ позавидуетъ не только японскій, но и китайскій живописецъ. Сколько соревнованія, сколько хлопотъ и стараній потрачено на это дѣло и сколько времени безполезно съѣло оно, это дѣло, все устремленное, всецѣло озабоченное однимъ внѣшнымъ лоскомъ и блескомъ, ради котораго потерпѣли ущербъ внутреннія достоинства, главная суть: черепашьимъ ходомъ шли эти пестрыя суда на лямкахъ разбитой ногами и несчастной во всѣхъ отношеніяхъ бурлачины; привели они товары, заказанные на низу и закупленные прожженнымъ плутомъ-прикащикомъ еще зимою не прошлаго, а третьяго года; повезутъ другіе обратно на темный рискъ, который въ настоящемъ году сказался такимъ зловѣщимъ и тяжелымъ кризисомъ не только для хлѣбной, но и для всякой другой торговли, ввѣряющей свои продукты этимъ допотопнымъ поставщикамъ и способникамъ. Многія изъ нихъ еще и до сихъ поръ тянутся впередъ на коротенькомъ концѣ завознаго якоря и по цѣлымъ суткамъ мозолятъ глаза (своей неуклюжей коноводкой) жителей тѣхъ городовъ, которые лежатъ на крутыхъ горахъ. Стоитъ этотъ внѣшній лоскъ за себя и не имѣетъ на Руси соперниковъ нигдѣ и ни на какихъ рѣкахъ, кромѣ матушки-Волги и столкнулся съ соперниками только здѣсь, въ такой дальной дали далекаго Японскаго моря; но—побѣды не одержалъ. Мимо насъ, почти бортъ-о-бортъ, прошла одна изъ джонокъ и поразила всѣхъ необыкновенной уютностью и чистотой до кокетливости, съ какими отдѣлана жилая каюта хозяина судна и его семейства. Далеко до нея нашимъ православнымъ казенкамъ! Мы и сравненій дальше дѣлать не въ силахъ; нить воспоминаній нашихъ обрывается. Рѣзкіе, дикіе звуки доносятся къ намъ съ берега; по временамъ они смолкаютъ, по временамъ затѣваются съ новою яростью. Прислушиваемся—и не понимаемъ; не понимаемъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока изъ-за одной джонки не показалась лодка на веслахъ, а на ней толпа гребцовъ, въ подспорье работѣ затянувшихъ не волжскую разносистую пѣсню, а безалаберную смѣсь изъ однообразныхъ, урывчатыхъ звуковъ, у которыхъ было только два тона и оба тона шли, безъ варіацій, въ безконечность: «Іоссо! ёссо! ёссо!»—выкрикали японскіе лодочники, и вся ихъ пѣсня, и весь ея смыслъ былъ тутъ, безъ остатка. Лодка эта привезла къ намъ японскихъ чиновниковъ.

Смѣлою поступью, придерживая рукой одну изъ двухъ сабель за рукоятку, входили къ намъ по парадному трапу три маленькихъ ростомъ, худощавыхъ и необыкновенно опрятныхъ человѣчка. Двое оказались чиновными, и потому, войдя въ каютъ—компанію, они незастѣнчиво-охотно поспѣшили помѣститься на диванъ, въ то время, когда ихъ третій товарищъ, внѣшнимъ видомъ и костюмомъ не отличавшійся отъ нихъ, устоялъ на ногахъ, не смотря на самыя усердныя и убѣдительныя просьбы наши садиться. Онъ исполнялъ при чиновникахъ обязанность переводчика, и зналъ сверчокъ свой шестокъ по русской пословицѣ и по японскому обычаю: при всякомъ обращеніи своего чиновника къ нему-круто изгибалъ спину, подобострастно втягивалъ въ себя воздухъ, какъ будто желая втянуть глубоко въ сердце и пустыя рѣчи, но испускаемыя изъ устъ людей высшаго ранга. Слова ихъ, не смотря на всю пустоту свою и дешевизну, были для насъ простыми, обыденными, рутинными вопросами, не смотря на то, что переводчикъ придавалъ имъ такое священное значеніе. Мы знали, что дешевые же и немудреные отвѣты наши будутъ донесены по начальству, разумѣется передѣланными съ придачей своихъ японскихъ замѣтокъ и объясненій—и въ уши сіогуна (по нынѣшнему тайкуна) попадутъ уже совершенно въ новомъ видѣ, гдѣ основной смыслъ безъ слѣда утратится. Все это мы знали по прежнимъ разсказамъ и жалѣли переводчика удивлялись мы и чиновникамъ, которые во все время съумѣлъ сохранить торжественно—важный, сосредоточенный тонъ. Тонъ этотъ очаровалъ насъ своею необыкновенною закругленностью и оконченностью: ни одного угловатаго жеста, ни одного лишняго слова. Сами чиновники, словно вырѣзанные ловкимъ японскимъ рѣзцомъ, были и приличны необыкновенно и замѣчательно кокетливы. По виду, ни одному изъ нихъ нельзя было дать больше двадцати лѣтъ. Самый видъ ихъ до того былъ привлекателенъ, что двухъ изъ нихъ мы положительно, по своимъ русскимъ примѣтамъ, назвали красавцами: румяные такіе, свѣжіе, съ живыми глазами, съ сытымъ и довольнымъ выраженіемъ, какъ бы и аристократы богатой породы. Гладко-на-гладко выбриты были ихъ губы, подбородокъ и щеки, до послѣдняго волоска вычищено въ ушахъ и ноздряхъ; и голова, бритая на переднюю половину, —съ задней вѣнчалась пукомъ волосъ, пышно взбитыхъ и завязанныхъ узломъ тамъ же на затылкѣ, ближе къ темени; отъ него впередъ и на лобъ кокетливо (въ японскомъ смыслѣ) легла коротенькая коса, щедро просаленная на лбу, перегнутая, возвращенкоторыми европейцы останавливаются въ изумленіи. Понадобилось русскому консулу мѣсто для дома и состоялся приказъ сіогуна не пускать пришельцевъ селиться въ средѣ города, не отводить имъ мѣстъ удобныхъ и въ центрахъ населенія,—хакодатское начальство не задумалось. Была у нихъ на горѣ, за городомъ, великолѣпная кипарисная роща. Мѣсто это отлично согласовалось со смысломъ предписанія изъ Іеддо и видами высшаго правительства, но представляло большія неудобства и трудности въ томъ отношеніи, что гора была слишкомъ отлога, слишкомъ глубока для того, чтобы можно было прилѣпить къ ней русское зданіе, задуманное, по нашему обыкновенію, въ широкихъ размѣрахъ. Какъ быть? Хакодатскій губернаторъ согналъ огромныя массы рабочихъ, въ короткое время немногихъ мѣсяцевъ муравьи эти, незнающіе устали, вырѣзали изъ горы громадной кусокъ (въ нѣсколько десятковъ саженъ длины и ширины), какъ разъ достаточный для того, чтобы имѣть видъ огромнаго плаца и помѣстить консульскій домъ со всѣми службами, даже съ церковью и домами секретаря и доктора. Заявилъ то же требованіе англійскій консулъ и другой разъ вырѣзали изъ горы массивную трапецію, новую малую гору, изъ остатковъ которой японцы соорудили, потомъ и подлѣ, крутыя и высокія террасы, съумѣвшія придать и тому и другому дому изящный видъ и картинную форму. На нашихъ глазахъ массы рабочихъ вырывали иную гору и зарывали глубокій оврагъ передъ нею, чтобы дать честь и мѣсто третьему, громадному дому японскаго князя, за какія-то добродѣтели ссылаемаго сюда на житье, въ этотъ бѣдный, самый худшій изъ городовъ японскихъ, городъ Хакодате. Когда городъ этотъ, вопреки правительственнымъ видамъ и въ силу назначенія его портомъ, открытымъ для торговли и сношеній съ европейцами, сталъ быстро подниматься, выростать и, притягивая народныя массы изъ окрестностей (даже изъ сосѣдняго большаго и хорошаго города Матсмая), обстраиваться, рѣка, снабжавшая Хакодате водой, осталась въ сторонѣ, не удовлетворяла нуждамъ всего города. Японское правительство не задумалось рѣшиться, при помощи тѣхъ же массъ дешевыхъ и послушныхъ рабочихъ, указать рѣкѣ новое направленіе и, прорывши искуственное русло вдоль всего города, провести ее въ море въ иномъ мѣстѣ, разстояніемъ въ нѣсколько верстъ отъ стараго. Нашъ консулъ увѣрялъ насъ, что стоитъ ему устроить одинъ фонтанъ, чтобы не дальше, какъ черезъ одинъ, много черезъ два мѣсяца увидѣть на губернаторскомъ дворѣ и въ губернаторскомъ домѣ такихъ же фонтановъ не одинъ десятокъ. Таковы факты, свидѣтельствующіе съ одной стороны о томъ, на сколько сильна переимчивость и торопливость подражанія, хотя и чужимъ, но хорошимъ образцамъ, въ японскомъ народѣ, и съ другой — доказывающіе то, какъ далеко и неудержимо идетъ восточная фантазія въ своихъ проявленіяхъ, основанная на досужествѣ народа, и до чего она можетъ дойдти, подкрѣпляемая дешевизной труда и заработной платы, а эта, примѣнительно къ нашему пониманію, превосходитъ всякую мѣру вѣроятія (но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ).

Мы идемъ дальше при звукахъ колокола, который, своимъ раскатистымъ звономъ, напоминаетъ намъ родной благовѣстъ и окончательно уподобляется ему въ нашемъ пониманіи, когда мы узнаемъ, что этотъ колоколъ точно также сзываетъ и здѣсь на молитву. Мы вдосталь поддались и все цѣло подчинились знакомымъ впечатлѣніямъ, когда прошли одну улицу, другую и третью: улицы грязныя, узенькія, неудобныя для проѣзда, едва пригодныя для прохода двухъ-трехъ человѣкъ рядомъ, точь-въ-точь какъ нѣкоторыя дальныя улицы Москвы бѣлокаменной, которая еще до сихъ поръ усердно сберегаетъ характеръ азіятской старины и крѣпко держится за ея немудреные порядки. Сходство, впрочемъ, на этомъ и кончается, дальше опять диковинки.

Мы видимъ улицу, длинную-предлинную и узенькую до того, что она пригодна только для пѣшеходовъ и положительно не имѣла въ виду ѣздоковъ въ экипажахъ (развѣ только верхомъ, и то при извѣстныхъ уступкахъ). Видимъ мы эту улицу и — странное дѣло — не видимъ домовъ, не смѣемъ принять за дома темную чта; въ носу какая то выемка—родъ распорки. Общая форма можетъ напоминать допотопный ноевъ ковчегъ, но не кажетъ ничего мореходнаго, ничего, къ чему успѣлъ уже привыкнуть нашъ глазъ на военныхъ судахъ. На джонкахъ какъ будто все стремится къ тому, чтобы какъ нибудь сдѣлать судно неуклюжѣе и неудобнѣе. Но за то въ отверстія сбоку мы видимъ внутри красивыя цыновки, полированное дерево, вездѣ, даже и на такихъ вещахъ, которыя этого не требуютъ; видимъ яркія краски, чисто и опрятно выглаженныхъ, выбритыхъ японцевъ и въ тоже время поражены гнилымъ, одуряющимъ запахомъ, бьющимъ намъ въ носъ, отъ насъ справа и слѣва, спереди и сзади. Вотъ она, Азія, въ своихъ передовыхъ, любимыхъ проявленіяхъ и кажется, неизмѣнная, та же самая, что лежитъ позади насъ далеко теперь, по ту сторону Восточнаго океана. И—странное дѣло! она здѣсь та же, но какъ будто измѣненная, поставленная вверхъ ногами, вмѣсто того, чтобы казаться по азіятскому закону и обычаямъ снаружи чистенькою и красивою, а внутри скверною и безобразною. Она здѣсь, въ Японіи, на японскихъ джонкахъ, является снаружи безобразною, внутри—росписанною, полированною. Неужели Японія задалась новой міровой задачей, и къ крайнему нашему сожалѣнію, не покажетъ намъ тѣхъ подобій и сходства, которыхъ мы ищемъ. Смотримъ мы больше и дольше и дѣйствительно убѣждаемся на первыхъ порахъ, что здѣсь все не такъ, не по привычному и завѣдомому, все вверхъ ногами. На встрѣчу намъ плыветъ отъ берега лодка. На ней, какъ и на той, которая привозила къ намъ таможенныхъ чиновниковъ, гребцы гребутъ веслами отъ себя, не по нашему; весла большія, неудобныя, гребцамъ тяжело, лодка двигается медленнымъ черепашьимъ ходомъ, какъ громко-усердно и не выкрикиваютъ японцы: ёссо, ёссо— и такъ въ безконечность. Недорого, видно, народу этому дорогое время, которое англичане назвали капиталомъ; видно, разсчитываютъ они поспѣть на свой вѣкъ сдѣлать то, къ чему другіе лихорадочно спѣшатъ и чего крѣпко домогаются, да знать и не такія важныя дѣла у японцевъ, чтобы подходить къ нимъ съ особенною охотою и нетерпѣливымъ желаніемъ. Лодка хоть и медленно везетъ, да за то непремѣнно и вывезетъ: когда? высмотрѣть это—намъ нѣтъ времени: мы пріѣхали въ Японію только на четыре дня, и спасибо *нашей* шлюпкѣ и сибирякамъ: они скоро поставили насъ на берегъ.

Но и здѣсь все такое диковинное. Мы слышимъ странные, глухіе звуки, какъ будто бьютъ въ бубенъ. Что такое?

— Полдень японскій—подсказываютъ намъ.

Смотримъ на часы: на нашихъ, провѣренныхъ секстаномъ, показывается уже $^1/_2$ 2-го. Что за причина?

— Японское правительство надуваетъ рабочихъ (цѣлыми сотнями кишащихъ и здѣсь, на берегу хакодатскомъ). Желая получить бо̀льшую выгоду, оно часомъ съ четвертью лишнихъ пользуется силами рабочихъ въ полденъ; да столько же требуетъ отъ нихъ къ ночи.

Что изъ этого происходитъ—намъ не видно: видимъ мы только голыхъ, па большую половину совершенно голыхъ рабочихъ, съ широкими спинами, крѣпкими мышцами, которыя такъ и кричатъ за себя изъ-подъ кожи, являя въ японскомъ рабочемъ такого красавца, до какихъ сильно лакомы присяжныя посѣтительницы столичныхъ цирковъ. Здѣсь они не въ почетѣ, а въ бѣдности и на такихъ работахъ, которыя укрѣпляютъ ихъ мышцы, но поражаютъ насъ и непрактичностью и громадной задачей исполненія. Они кладутъ, напр. теперь, на нашихъ глазахъ, каменныя горы по берегу, и безъ того обладающему хорошимъ и прочнымъ грунтомъ, неимѣющимъ нужды ни въ молахъ, ни въ набережныхъ, и для того, чтобы соорудить въ одномъ мѣстѣ простую, удобную пристань, японцы громоздятъ по всему берегу широкія и высокія стѣны. Говорятъ, сооруженіями этими они въ то же время надѣются защитить себя отъ европейскихъ армстронговыхъ пушекъ и отстояться отъ ловкихъ солдатъ европейской выучки. Говорятъ, въ сооруженіяхъ этихъ японцы не знаютъ границъ и мѣры и, не останавливаясь ни передъ какими естественными и другими препятствіями, доводятъ ихъ до такихъ формъ, предъ ная назадъ, къ затылку, и тамъ снова и въ послѣднiй разъ завязанная тесемкой; въ цѣломъ, японская коса имѣла видъ селедки (но не осѣледца) по прозванiю и приговору всѣхъ нашихъ.

Угощали мы этихъ пѣтушковъ не столько разговарами, сколько разнообразными сластями, стараясь угодить имъ, подладиться къ ихъ вкусу, который выше сладкаго не признаетъ, какъ давно извѣстно, ничего, и въ американскихъ пряникахъ и шанхайскомъ померанцовомъ вареньѣ наши гости получали величайшее наслажденiе. Мы видѣли это и по губамъ, которыя громко и усердно чмокали, и по маленькимъ ручонкамъ, чистенькимъ и правильнымъ, какъ бы и у прославленныхъ русскихъ красавицъ, ручонкамъ, которыя то и дѣло появлялись изъ-подъ стола, чтобы снять съ тарелки именно самые вкусные и самые сладкiе крендельки, булочки, конфетки.

И какая громадная разница, какая чудовищная пропасть легла между этими посѣтителями изъ японскаго города и, тѣми манзами (китайцами), которые докучливо лѣзли къ намъ на пароходъ въ заливѣ Посьета! Перегорѣлымъ чесночнымъ запахомъ преисполнялась на тотъ разъ вся атмосфера: въ каютѣ дышать было противно, когда бывало заберется въ нее два, только два такихъ молодца, рослыхъ, топорной работы, неуклюжо и тяжело ступавшихъ, которые все хватали въ руки, все усердно оглядывали тупымъ, безучастнымъ взоромъ, ко всѣмъ относились грубо и безъ сомнѣнiя бранились бы съ нами, если бы знакомы были съ богатымъ браннымъ лексикономъ мудренаго языка нашего. Если бы сказали намъ на первый моментъ свиданiя нашего съ японцами, что они происходятъ отъ китайцевъ, мы не имѣли бы никакого права повѣрить—мы не въ силахъ были бы найти хотя единую iоту не ближайшаго сходства, а даже и отдаленнаго подобiя. Тѣ рублены топоромъ и притомъ тупымъ и грубой работы; по этимъ прошелся рѣзецъ замысловатаго дѣла и притомъ руководимый мастерской и ловкой рукой. Тѣхъ одобрили бы въ Москвѣ на полицейской службѣ при стеченiи народной толпы; эти не ударили бы себя въ грязь въ самыхъ тонкихъ и притязательно-изысканныхъ салонахъ. Какъ медвѣди ломятъ тѣ вездѣ и всюду; какъ ловкія сайги, ни за что не задѣвая, почти ни до чего не касаясь, проскользаютъ эти и мимо мебели, тѣсно разставленной въ нашей каютъ-компаніи и мимо нашихъ очередныхъ вопросовъ, которые неопытныхъ и скрытныхъ могли бы поставить въ тупикъ.

Всѣ мы очарованы были нашими посѣтителями, съумѣвшими на первыхъ порахъ расположить насъ въ личную пользу и такъ ловко освѣтившихъ первые шаги наши къ знакомству съ невѣдомой, но заманчивой страной. Очарованіе наше было до того могущественно и сильно, что мы забыли на тотъ разъ глубочайшее оскорбленіе, нанесенное нашему патріотическому чувству японскими чиновниками, и вспоминаемъ объ этомъ оскорбленіи теперь, черезъ три года, когда дѣло, вызвавшее это оскорбленіе, по доходящимъ до насъ слухамъ, стоитъ въ старомъ видѣ и образѣ. *Въ Хакодате*— городѣ, въ которомъ четыре года до насъ жили постоянно русскіе люди цѣлой колоніей, гдѣ не одну зиму стояли военныя суда, имѣетъ пребываніе нашъ консулъ, отличный знатокъ языка, *мы должны были съ таможенными чиновниками говорить по англійски!!* При этомъ толмачъ изъяснялся на ангійскомъ языкѣ едва-ли не бойчѣе, чѣмъ на своемъ природномъ, тогда какъ извѣстно, что англійскій консулъ и англійскій купецъ поселились въ городѣ двумя и едва ли не тремя годами позднѣе нашихъ!... Намъ будетъ время объяснить впослѣдствіи это многосложное и замысловатое явленіе; быстро проходимъ мимо его теперь, увлекаемые все тѣмъ же японскимъ городомъ, передъ которымъ мы оставили читателя,—стоимъ и сами.

Поѣдемъ туда.

На веслахъ, управляемыхъ крѣпкими руками коренастыхъ и здоровыхъ сибиряковъ, составляющихъ бо́льшую половину нашей команды, идетъ наша шлюпка къ берегу, лавируя между сотнями диковинныхъ джонокъ. Направо и налѣво стоятъ онѣ росписанныя, оригинальныя, носъ и корма сильно приподняты; какія то тряпки, какія то рѣшотки; толстая до безобразія маоригинальную массу какихъ-то строеній, обступившихъ съ обѣихъ сторонъ этотъ корридоръ, прикрытый сверху небеснымъ сводомъ, необычайно голубымъ, бирюзовымъ. Послѣ долгихъ усилій мы выдѣляемъ какъ будто крыши, сурово надвинувшіяся надъ чернѣтью строеній и далеко выдвинувшія края свои, за которые такъ легко задѣвать и стукаться лбомъ, не трудно оставить на нихъ даже глазъ пригвожденнымъ—такъ низко опускаются эти навѣсы, такъ безсмысленно безобразятъ они улицы, и безъ того безобразныя и отъ грязи и отъ постоянныхъ заворотовъ, изгибовъ, угловъ. И только на углахъ этихъ рельефнѣе выдаются строенія, и можно различать въ нихъ отверстія (высотой отъ крыши до земли), долженствующія изображать двери, съ праваго боку которыхъ идутъ по двѣ, по три также высокихъ, но вдвое бо́льшихъ шириною, рамъ, обтянутыхъ тонкой, промасленной бумагой. Рамы эти—рамы оконныя; бумага замѣняетъ стекло; а при отсутствіи простѣнковъ японскіе дома ни малѣйшей іотой не напоминаютъ домовъ привычнаго, знакомаго вида и формы. Для довершенія несходства, почти во всѣхъ домахъ главной улицы рамы отодвинуты, и домъ, очутившись такимъ образомъ безъ передней стѣны, стоитъ передъ нами весь наголо, со всей своей внутренной, домашной, закулисной сутью и подноготною. Мы усердно заглядываемъ въ одинъ, въ другой, всматриваемся во внутренность третьяго и четвертаго, и видимъ въ пятомъ и шестомъ, что за бумажными рамами скрываются лавки, что почти во всѣхъ домахъ главной хакодатской улицы торгуютъ. Торгуютъ по преимуществу разными матеріями; рѣдкой изъ торговцевъ сидитъ сложа руки; всѣ заняты дѣломъ, ни въ одной лавкѣ мы не видали купца безъ трехъ-четырехъ помощниковъ, но и эти всѣ суетятся, о чемъ то хлопочутъ. Меньше дивитъ насъ обиліе торгующаго народа въ общей своей совокупности (по крайней мѣрѣ по главной улицѣ) послѣ того, какъ видѣли мы растянутыя верстахъ на двухъ по берегу, безпрерывныя массы рабочаго народа. Не останавливаемся мы теперь на торговцахъ, имѣя намѣреніе заглянуть въ лавки и познакомиться съ купцами послѣ, да и потому, во вторыхъ, что передъ глазами нашими происходитъ новая, диковинная, невиданная сцена.

Мы видимъ японца, который отличается отъ всѣхъ остальныхъ на улицѣ тѣмъ, что одѣтъ и одѣтъ прилично, одѣтъ такъ, какъ одѣты таможенные чиновники. Легонькое и коротенькое пальто съ широкими рукавами накинуто на плечи; при бедрѣ двѣ сабли: одна длинная, другая покороче. На головѣ нѣтъ ничего, кромѣ неизмѣннаго хохолка изъ собственныхъ волосъ, круто напомаженнаго и замѣняющаго въ теплой Японіи поголовно для всѣхъ головную покрышку. Мы видѣли, какъ этотъ чиновникъ (баніосъ) шелъ вдоль улицы, намъ на-встрѣчу, очень скромно и—вдругъ!—ни съ того, ни съ сего онъ присѣлъ на корточки и наклонилъ голову. Не успѣли мы придти въ себя отъ этой неожиданности,—смотримъ: передъ нимъ уже сидитъ другой, такой же, также склонившій голову и также бережно поддерживающій рукой на боку самую большую свою саблю. Что это такое? Игра въ родѣ пѣтушьяго боя, когда этимъ чиновникамъ остается только или начать стукаться лбами до тѣхъ поръ, пока чей-нибудь не расколется; или станутъ они улучать и высматривать удобную минуту, чтобы схватить другъ друга за плечи, подъ микитки, за шею, какъ нибудь по японски, и потомъ или сильному или ловкому побороть соперника? Или, можетъ быть, задумали они какую-нибудь игру въ карты, въ кости и, расположившись тутъ безъ церемоніи на улицѣ и на корточкахъ (въ Японіи такъ все своеобразно), метнуть разъ-два, да и разойтись? Однако, мы смотримъ добрыхъ пять минутъ, но видимъ все одно и то же: то одинъ, то другой присядетъ, и оба вмѣстѣ усердно тянутъ въ себя воздухъ и фыркаютъ; лица ихъ достаточно налились кровью, щеки изрядно надулись, и самое пальто у однаго изъ нихъ встало копной, какъ бы для пущаго подобія этой смѣшной сцены съ интереснымъ боемъ англійскихъ пѣтуховъ. Въ чемъ же тутъ дѣло, объ чемъ эти господа хлопочутъ? Мы стоимъ еще пять минутъ; но видимъ все то же: чиновники не расходятся. Пробовалъ приподняться одинъ изъ нихъ, чтобы ческой жизни его. Недалеко увели они свой народъ въ нравственномъ развитіи; а что неспособны они вести его никуда, объ этомъ домыслился самъ народъ, ни разу не оскорбившій европейцевъ, ни разу не показавшій имъ явно своего недоброхотства; народъ японскій, какъ прежде, такъ и теперь, дружелюбно улыбается новымъ пришльецамъ и охотно уступаетъ имъ дорогу и сторонится, чтобы пропустить ихъ къ себѣ, даже и въ то время, когда миссіонеры беззубаго буддизма стали разжигать его мертвенный религіозный фанатизмъ и когда во главѣ его хочетъ встать самъ невидимый, неумирающій, божественный микадо. До сихъ поръ японцы были безразличны къ вѣрѣ своей, да едва ли она и способна возбуждать и дѣйствовать на живыя струны народа; они, кажется, всѣ не за вѣру, а за тотъ практическій жизненный смыслъ, который пособилъ японцамъ выработать необыкновенную даровитость (замѣчательную воспріимчивость и таланты подражанія). Механики ихъ не много разъ побывали на невиданной ими дотолѣ голландской шкунѣ и черезъ годъ, безъ руководства и указаній, по собственнымъ наблюденіямъ и чертежамъ построили точно такое же судно и переплыли на немъ съ острова Нипона на островъ Езо. Случаевъ такихъ разсказать можно много; но важно одно, что буддизмъ, въ которомъ не безъ справедливаго основанія многіе находятъ признаки и проявленіе холоднаго и безразличнаго атеизма, не мѣшалъ развитію японскаго народа, хотя и одностороннему, не тормозилъ тѣхъ поступательныхъ движеній, которымъ во многихъ другихъ государствахъ противустояла правительственная церковь, католическая, напр.. Здѣсь врага народнаго должно искать въ другомъ правительственномъ двойникѣ — въ сіогунѣ съ его баніосами — привилегированномъ сословіи чиновниковъ. Эта безчисленная, лишившая народъ права носить оружіе и въ тоже время сама трусливая и непроизводительная масса, щедро разсыпанная по всему лицу государства и сидящая на народѣ голоднымъ паразитомъ, при видимомъ уваженіи, пользуется глубокимъ презрѣніемъ народа.

Систему стѣсненія народа повсюду, гдѣ встрѣчается случай, чиновничество довело до крайныхъ и возмутительныхъ предѣловъ. Мы запомнили себѣ въ поученіе одинъ случай, произшедшій у насъ передъ глазами, и въ другихъ уже мало нуждались. Между хакодатскими купцами намъ въ особенности понравился одинъ славный парень, добрый человѣкъ, самый ласковый и доброжелательный японецъ. Множество услугъ оказалъ онъ намъ, правда пустыхъ и малозначущихъ, но оказалъ онъ ихъ готовно и всегда при первомъ призывѣ. Надобилась намъ шелковая матерія—онъ назначалъ ей съ перваго слова такую цѣну, на которую соглашались другіе купцы, только крѣпко и настойчиво поторговавшись. Хотѣли мы имѣть товаръ, какого не было у него въ лавкѣ, онъ посылалъ за нимъ къ сосѣду и, покупая у него на себя, всегда передавалъ его въ наши руки за такую цѣну, какой намъ, чужеземцамъ, личными усиліями никогда бы не добиться, и проч. и проч. Вотъ за эти-то одолженія мы хотѣли угостить его, по нашему русскому обычаю, у насъ на корветѣ, гдѣ имѣлось и столько любимое японцами шампанское съ игрой и сладостію (хотя и сѣверно-американскаго дѣла). Мы предложили ему эту поѣздку. Ризо Рюгони (нашъ пріятель) охотно согласился и видимо былъ крайне-доволенъ и счастливъ, но оговорился: надо—говоритъ—спросить позволенія у чиновниковъ въ таможнѣ Разсчитывая видѣть въ этомъ желаніи его простую вѣжливость, только легую уступку заведеннымъ формальностямъ,—мы пошли за нимъ въ таможню; видѣли какъ онъ палъ ницъ передъ какимъ то чиновникомъ, и разговаривалъ съ нимъ, едва поднимая отъ полу голову, едва шевеля губами. Послѣ такого униженія и такихъ подобострастныхъ, унизительныхъ заискиваній, успѣхъ его просьбы казался намъ несомнѣннымъ. Можете себѣ представить нашу отчаянную досаду и едва выносимую обиду послѣ того, когда возвратившійся Рюгони объявилъ намъ (да и объявилъ-то не въ зданіи таможни, а далеко за угломъ, въ самомъ укромномъ и вѣроятно по его понятію безопасномъ мѣстѣ), объявилъ съ простодушіемъ и хладнокровіемъ наивнаго ребенка, что чиновизъ собственныхъ видовъ, только лица правительственныя. Сколько мы слышали и сколько мы сами понимать можемъ, дѣло это стоитъ въ такомъ видѣ:

Государственное устройство Японіи представляетъ Россію временъ удѣловъ. Государство раздроблено на множество отдѣльныхъ княжествъ. Сіогунъ—свѣтскій императоръ, живущій въ Іеддо—самый богатый изъ князей, но въ такой, однакожъ, мѣрѣ, что нѣсколько князей, взятыхъ вмѣстѣ, богаче и сильнѣе его; оттого феодальный союзъ всегда способенъ держать волю сіогуна въ подчиненіи и примѣтной зависимости. Зависимость эта, ограниченная извѣстною мѣрою и законами, слаба по отношенію къ дѣламъ внутренней политики, но велика по отношенію къ дѣламъ внѣшнымъ и въ особенности къ такимъ, которыя представляютъ новый, важный, неожиданный и непредусмотрѣнный законами и обычаями вопросъ, каковъ напр. вопросъ о сближеніи съ иностранцами. Здѣсь сіогунъ не самопроизволенъ и хотя бы онъ и желалъ этого сближенія, видѣлъ въ немъ пользу для народа—какъ видитъ ее настоящій сіогунъ,—онъ ничего не въ силахъ сдѣлать, когда не желаютъ этого князья, и не всѣ, а даже нѣкоторые. Двое изъ нихъ замѣчены въ особенной ненависти къ пришельцамъ и только интригамъ этимъ двухъ обязана Японія тѣмъ, что иностранцы не могутъ стать твердой ногой на японскую почву и терпятъ повсюду стѣсненія. Когда, по проискамъ дипломатіи, подкупами баніосовъ и по доброй волѣ сіогуна, сдѣлались доступными и открытыми пять портовъ для судовъ европейскихъ, интриги двухъ враждебныхъ европейцамъ князей указали на такіе города, большая половина которыхъ представляла мало удобствъ для торговли, были города самые бѣдные, меньше другихъ населенные и неторговые; между ними первый открытый по времени — нашъ Хакодате — положительно самый худшій изъ городовъ японскихъ; во второмъ, открытомъ черезъ годъ, интрига князей съумѣла отвести для европейскихъ жилищъ самое нездоровое и неудобное мѣсто, внѣ города, на маленькомъ морскомъ острову, и проч. (*) Затѣмъ, когда одинъ изъ князей, рьяный фанатикъ своей идеи, подкупилъ убійцъ для того, чтобы убить англійскихъ купцовъ въ Канагавѣ и нашего мичмана съ матросами въ Нагазаки, сіогунъ могъ наказать его арестомъ (и то послѣ многократныхъ и настоятельныхъ требованій европейцевъ), арестомъ въ его же собственномъ дворцѣ, и все-таки не помѣшалъ ему снарядить изъ-подъ ареста новую шайку убійцъ, присланныхъ имъ въ Хакодате для убійства тамошняго англійскаго консула. Въ послѣднее время объявился европейцамъ новый врагъ, неожиданный, не такъ давно и всѣми считавшійся безопаснымъ; это сластёна, потерявшій всю силу фактическаго вліянія, жившій только въ собственное удовольствіе и сильный единственно преданіемъ, — духовный императоръ, Микадо (Даири) — обитатель великолѣпнаго дворца въ Міако. До сихъ поръ знали, что предки Микадо, ослабленные какимъ-то изъ весьма давнихъ сіогуновъ и отстраненные имъ отъ дѣлъ государственныхъ, заперты были въ дворцѣ; надѣленные всевозможными благами жизни, получили нѣсколько десятковъ женъ въ утѣшеніе; окружены были всевозможною роскошью, недозволявшею имъ напр. надѣвать одно и то же платье два раза; а такъ какъ въ силу этого обыкновенія понадобилось несмѣтное множество шелковыхъ матерій, какъ для него, такъ и для всего множества женъ его, то вслѣдствіе того въ Міако развились и сосредоточились фабрики шелковыхъ издѣлій. Рядомъ къ нимъ пристроились другія, затребованныя роскошью и ею порожденныя всевозможныя заведенія, а между ними и фабрики лаковой мебели, какою справедливо гордится Японія. Ко дворцу прильнула литература и музыка, и всѣ изящныя искуства — и микадо стали покровителями и блюстителями всего умственнаго движенія японскаго народа, въ разрѣзъ сіогунамъ, которые стали такимъ образомъ руководителями административной и полити-

---

(*) Вотъ названіе этихъ пяти японскихъ портовъ, открытыхъ европейскимъ судамъ: Нагазаки (тоже Іеддо), Канагава, Юкагама, Симода и Хакодате.

сдѣлать движеніе въ ту сторону, куда ему идти было надо, но присѣлъ снова, снова ухватился обѣими руками за собственныя колѣна и опять засопѣлъ и захахакалъ. Другой повторилъ тоже движеніе, но снова присѣлъ и продѣлалъ въ свою очередь такую же штуку, видя товарища неподвижно-сидѣвшаго на корточкахъ. Мы все-таки ничего не понимаемъ. Что это: игра ради потѣхи проходящей публики, дешевое и обычное представленіе какихъ нибудь чудаковъ, дурачковъ? Смотримъ въ сторону: видимъ проходящихъ, съ тупымъ равнодушіемъ относящихся къ этой сценѣ и не дающихъ ей вниманія даже на столько, чтобы можно было видѣть, что они ее замѣчаютъ. Сцена для нихъ привычная; для насъ все-таки загадочная. Что же, наконецъ, это такое?

— Сцена встрѣчи двухъ чиновниковъ —объясняютъ намъ. А такъ долго топчутся они на мѣстѣ въ силу того желанія, чтобы скорымъ окончаніемъ докучнаго процесса не показать другъ передъ другомъ невѣжливости, крайнаго непочтенія. Чѣмъ одинаковѣе чины и привилегіи—тѣмъ присѣданье это продолжительнѣе, оно длится иногда по получасу времени, дешеваго въ Японіи вообще и между японскими чиновниками въ особенности. Посмотрите какъ пѣтушится одинъ, и будьте увѣрены, что это самый ѳешёнебельный. Другой не отстаетъ отъ него и чаще его присѣдаетъ по несомнѣнной причинѣ, что онъ хоть и равнаго чина, но поздняго производства. Я иногда съ особеннымъ любопытствомъ смотрю на эти чиновничьи продѣлки и по нимъ дохожу почти безошибочно до понятія о томъ, кто изъ нихъ крупнѣе чиномъ, даже вліятельнѣе по должности, моложе годами, подлѣе характеромъ. Конечно, если при встрѣчѣ двухъ чиновниковъ, оба присѣли, да одинъ вскочилъ на ноги прежде и быстрѣе другаго—нѣтъ сомнѣнія, что онъ присѣлъ только изъ приличія, а быстро поднялся оттого непремѣнно, что онъ старшій чиномъ. Для равныхъ эта точка препинанія мудрена тѣмъ, что и приподниматься надо именно на столько линій (и никакъ не меньше), на сколько приподнялся другой, и подвигаться назадъ и впередъ, чтобы разойдтись и развязаться, именно въ той силѣ, чтобы сдѣлать это обоимъ разомъ, въ одинъ и тотъ же моментъ! Какъ крайная точка нелѣпости, самаго отчаяннаго абсурда, до котораго можетъ дойти страсть ко внѣшнымъ знакамъ чинопочитанія—этотъ примѣрный пѣтушиный бой можетъ служить великолѣпнымъ образцомъ и примѣромъ. Въ другомъ мѣстѣ дорожныя, уличныя встрѣчи чиновника съ чиновникомъ могли бы почесться несчастіемъ, показались бы пыткою и мученіемъ; здѣсь онѣ считаются наслажденіемъ, потому что съѣдаютъ много времени, которое мучитъ японца и ненавистно ему въ своемъ докучномъ теченіи. Наслажденіе этими присѣданіями и впиваньями того воздуха, которымъ дышетъ товарищъ по службѣ, этого запаха, которымъ отшибаетъ его форменное платье, съ особенною яростію смакуется японскими чиновниками стараго закала. Слой ихъ, надо сказать правду, гуще, чѣмъ тотъ, который стоитъ за сближеніе съ европейцами и который, въ благодарность за то, европейцы прозвали прогресивнымъ. Мы, пожившіе здѣсь и присмотрѣвшіеся къ дѣламъ туземнымъ, называемъ ихъ проще—льдьми молодыми, свѣжими и, что для насъ нѣсколько странно, находимъ ихъ самыми практическими. У японцевъ все въ избыткѣ, всего очень много и все дешево—стало быть, съ ними торговля дѣло выгодное и пріятное. Это пока поняли только американцы, да недавно стали домекать англичане (ихъ консулъ въ то же время и купецъ на собственный капиталъ); понимаютъ это и русскіе, да почему-то не торгуютъ. Первые и послѣдніе покупщики изъ русскихъ здѣсь пока офицеры и матросы военныхъ судовъ. Но на этихъ, конечно, надежда плохая (хотя Хакодате и сталъ, говорятъ, поправляться на русскихъ деньгахъ). Матросы облюбили дешевую рисовую водку *сакй*, да домекнулись до полушелковой матеріи на штаны. Офицеры берутъ здѣсь шелковыя матеріи, тоже необычайно дешевыя, да лаковыя вещицы въ видѣ шкатулокъ и ящиковъ. Правильная и все-смекающая коммерція найдетъ здѣсь и иные предметы для выгоднаго пріобрѣтенія (ихъ очень много) и конечно получитъ ихъ, потому что народъ очень радъ новымъ знакомцамъ. Не рады имъ, никъ ѣхать ему къ намъ въ гости не позволилъ. На другой же день Рюгони объвилъ, что сегодня утромъ онъ принужденъ былъ заплатить не малую толику денегъ тому же чиновнику за то только, что онъ смѣлъ вчера сложить въ головѣ такую возмутительно-либеральную просьбу и могъ уложить тамъ такую дерзкую, оскорбительную для чести всего японскаго народа надежду. Но Рюгони былъ скрытенъ и несомнѣнно боязливъ по дешовому чувству самосохраненія. Скрытнымъ ему нельзя было не быть, когда въ лавку его, чаще другихъ посѣщаемую русскими, приставленъ былъ самый опытной и злой шпіонъ, въ видѣ рябоватаго и сытаго японца. Рюгони вообще про чиновниковъ говорилъ намъ мало, но охотно сдѣлалъ насъ свидѣтелями слѣдующей сцены.

Въ лавку его, когда мы отбирали въ ней какія-то шелковыя матеріи, вслѣдъ за другими японцами, праздно и изъ простаго любопытства глазѣвшими на насъ, явился японецъ съ бритой головой, на что, какъ извѣстно, имѣютъ право только доктора да бонзы (духовенство). Впрочемъ, еще до этого мы слышали на улицѣ какой то непонятный, дикой ревъ и только за неумѣньемъ спросить—не могли узнать причины. Теперь, когда появился передъ нами бритый японецъ, оказавшійся на этотъ разъ бонзой (что легко можно было заподозрить и по его оригинальному наплечнику изъ матеріи въ родѣ нашего глазета, съ двумя длинными концами, висѣвшими на груди)—Рюгони предложилъ намъ сказать этому бонзѣ какое то длинное слово. Слово это мы съ трудомъ вымолвили и услышали тотъ же дикій ревъ, теперь надъ самымъ ухомъ. Ревъ этотъ вызвалъ легкую улыбку на лицахъ всѣхъ, обступившихъ насъ японцевъ, а отъ насъ запросъ:

— Что же такое это значитъ?

— Бонза молится за тебя и твоихъ родныхъ и славитъ боговъ нашихъ—отвѣчалъ намъ ломанымъ языкомъ нашъ Рюгони въ такомъ смыслѣ. Дай ему двѣ желѣзныхъ монеты—онъ еще запоетъ.

Бонза дѣйствительно заревѣлъ еще усерднѣе и безобразнѣе, до того, что намъ уже стало невыносимо. Мы попросили у Рюгони завѣтнаго слова и были несказанно счастливы, когда, выговоривши это слово, не видали уже бонзы въ лавкѣ и передъ собою.

— Теперь бонза счастливъ на цѣлой день. Вы ему дали столько, чего бы не собрать ему у десятка купцовъ, изъ которыхъне всѣ охотники его слушать, и никто не заказываетъ, развѣ для потѣхи или когда онъ самъ навяжется и запоетъ — объяснялъ намъ Рюгони.

— А что же сдѣлаетъ онъ съ нашими деньгами?

— Половину спрячетъ; на другую половину сакѝ купитъ: станетъ пить ее. Имъ въ монастырѣ скучно жить. Идетъ туда тотъ, кто работать лѣнивъ.

— Но будетъ вамъ моихъ разговоровъ: идите сами и смотрите. Здѣсь много диковинокъ почти на каждомъ шагу—подсказалъ нашъ словоохотливый чичероне.

— Вотъ вамъ первая—продолжалъ онъ на пути нашемъ къ консульскому дому.

Изъ-за угла выскочила огромная желтая собака и, увидѣвши насъ, быстро схватилась съ мѣста, порывисто уркнула и опрометью бросилась назадъ, словно ошпаренная кипяткомъ или ошеломленная палкой. И, спрятавшись далеко за угломъ, она все-таки съ великаго перепугу не лаяла.

— Гдѣ вы въ другомъ государствѣ, а особенно въ нашемъ россійскомъ, встрѣтите такихъ диковинныхъ собакъ, которыя боялись бы проходящихъ, бѣгали отъ нихъ и не лаяли? Видно и мы съ вами въ свою очередь диковинка.

— Отгадайте: кто продаетъ эти груши: мужчина или женщина?

Отгадать невозможно: лица одинаково грубоватыя, одинаково некрасивыя. Даже костюмъ одинъ и тотъ же: широкій халатъ, обернутый кругомъ стана, до того плотно, что дѣлаетъ ноги мало свободными и шаги японцевъ коротенькими, поступь медленною.

Съ перваго раза отличить мужчинъ отъ женщинъ мы не можемъ и простосердечно нуждаемся въ ключѣ къ пониманію разницы.

— Отвѣтъ не мудреный. Женщины только и завертываются въ эти халаты, при которыхъ полагается широчайшій изъ черной матеріи поясъ; другаго платья не носятъ. У мужчинъ, у купцовъ, напримѣръ, этотъ же халатъ идетъ въ основаніе костюм взамѣнъ всякаго другаго исподняго платья. Сверхъ его полагается коротенькое пальто съ широчайшими рукавами, на манеръ рукавовъ нашихъ священниковъ и съ тою разницею, что нижная часть рукава до половины плотно зашивается. Это единственные (два) японскіе кармана, куда они кладутъ свою мягкую бумагу (въ родѣ чайной китайской); на ней онъ и пишетъ, что нужно для памяти, въ нее и носъ сморкаетъ, объ нее и руки вытираетъ за обѣдомъ; она, стало быть, и носовой платокъ, и салфетка, и записная памятная книжка. У мущины съ боку неизмѣненъ кисетикъ съ табакомъ и маленькой трубочкой (ганзой) и мѣдная чернилица съ кистью и разведенною тушью (японцы всѣ грамотны); на головѣ у мужчины неремѣнно пучокъ, въ формѣ селедки, и половина головы спереди бритая. У женщинъ цѣлая кипа на головѣ и бритва не смѣетъ касаться ихъ вѣтряныхъ головъ: въ этомъ ихъ главное отличіе отъ мужчинъ, и вычерненные зубы—принадлежность замужней; бѣлые же, неиспорченные по нашему,—единственное отличіе дѣвушки. У купца бываетъ иногда за поясомъ одна сабля, коротенькая, и то если онъ право на нее купитъ изъ тщеславія, при чемъ заплатитъ очень большія деньги, какъ платятъ ихъ за медаль купцы наши; у чиновника непремѣнно двѣ сабли: одна, какъ наша шашка, длинная, другая какъ кинжалъ или поварской ножъ, коротенькая. Первой саблей палачъ рубитъ чиновникамъ головы, второй, маленькой, онъ вскрываетъ самъ себѣ брюхо, когда выйдетъ на это повелѣніе, отдаваемое обыкновенно, какъ милость, самымъ вѣрнымъ и ревностнымъ, за прегрѣшеніе, которое кладетъ голову нечиновнаго на плаху подъ позорную руку презрѣннаго палача (*). Но важнѣе и рѣзче другихъ бросающееся въ глаза отличіе чиновника отъ простыхъ и глубоко презираемыхъ имъ смертныхъ состоитъ въ правѣ носить штаны. Штаны эти, составляя единственное исподнее платье, замѣняющее купеческій халатъ, могутъ носить исключительно одни только чиновники, да носятъ ихъ еще дѣти этихъ чиновниковъ— отъ рожденія привилегированное сословіе. Въ штанахъ у японцевъ великая сила, за то они и шьются такимъ оригинальнымъ, неловкимъ, не нашимъ покроемъ, съ дощечкой назади.

А вотъ и еще одно обстоятельство, кажется, также исключительно японское и тоже диковинное.

Проводникъ нашъ отворилъ двери въ одинъ изъ попутныхъ домовъ и пригласилъ насъ туда и самъ пошелъ впереди рѣшительнымъ шагомъ, смѣло-увѣренною поступью.

Мы очутились въ банѣ. Баня отличалась отъ нашихъ неизмѣнныхъ, облюбленныхъ всѣмъ всероссійскимъ народомъ, только тѣмъ, что не была такъ безпредѣльно-жарко натоплена, а содержала температуру, равную уличной, нагрѣтой жаркимъ іюльскимъ солнцемъ, да притомъ и въ Японіи. Мужчины и женщины мылись вмѣстѣ, какъ нѣкогда дѣлали это и въ древней Руси, какъ дѣлаютъ это и до сихъ поръ въ торговыхъ баняхъ очень многихъ дальныхъ и безхитростныхъ губернскихъ городовъ нашихъ (**). Въ древней Россіи даже чернецы и черницы мылись и парились вмѣстѣ, въ одной общей банѣ. Появленіе насъ, диковинныхъ людей, въ костюмѣ и по костюму, встрѣчено было мывшимися японцами съ тѣмъ же хладнокровнымъ равнодушіемъ, съ какимъ смотрѣли на насъ японцы и въ другихъ, менѣе рискованныхъ и болѣе безопасныхъ экскурсіяхъ.

(*) Японія выработала убѣжденіе и оформила его закономъ и обычаями: что чѣмъ выше и старше власть, тѣмъ на случай прегрѣшенія сугубѣе наказаніе.

(**) «И мужчины и женщины (свидѣтельствуетъ Н. И. Костомаровъ) входя и выходя изъ бани въ одну общую дверь, встрѣчались другъ съ другомъ нагишомъ, закрывались вѣниками (японцы и японки шайками) и безъ особеннаго замѣшательства разговаривали между собою».

Къ числу послѣднихъ мы относимъ посѣщеніе нами перваго попавшагося намъ на пути буддійскаго храма. Въ этотъ день въ храмѣ былъ праздникъ. Отъ входныхъ воротъ черезъ дворъ до дверей храма сидѣли въ два ряда торговцы и торговки съ разною диковинною съѣстною благодатью, разныхъ формъ и цвѣтовъ, преимущественно со сластями. Тутъ же на мѣстѣ нѣкоторые изъ торговцевъ, по заказу желающихъ, дѣлали изъ сладкаго тѣста разныя фигуры; изъ нихъ иныя можно было потомъ показывать только изъ-подъ полы, для веселыхъ любителей. Видѣли мы и походную картинную лавочку, продававшую печатанныя красками изображенія необычайнаго толстяка даже безъ штановъ и халата, но съ какимъ-то огромнымъ поясомъ. Это непомѣрной и каррикатурной толщины чудовище долженствовало изображать того бога, въ честь котораго совершалось празднество и ради котораго весь дворъ храма и улица, ведущая къ нему, увѣшаны были разноцвѣтными и разнокалиберными фонарями на столбахъ и на веревкахъ.

Фонари зажгутъ вечеромъ, и японцы всѣмъ городомъ начнутъ, какъ тѣни, бродить вдоль города. Запоютъ они свои горловыя гортанныя пѣсни задавленнымъ голосомъ и защелкаютъ соломенными башмаками, которые, между прочимъ будь сказано, сохраняютъ ихъ чулки въ такой чистотѣ, что ни единая капля грязи къ нимъ не прикасается. Такъ ловко ходить и такъ кокетливо-опрятно сохранять свои чулки и башмаки могутъ только одни замысловатые японцы. А между тѣмъ, хакодатская грязь смѣло можетъ поспорить съ любой изъ русскихъ уѣздныхъ и съ осеннею и зимнею петербургскою грязью.

Но мы вошли въ храмъ и были при самомъ входѣ поражены необыкновенною чистотою и красивымъ узоромъ особаго дѣла японскихъ циновокъ, разостланныхъ по полу. Деревянныя калоши молельщиковъ оставлялись при входѣ, какъ и въ мусульманскихъ мечетяхъ. И какъ тамъ нѣкогда, такъ и здѣсь теперь, насъ пригласили вытереть ноги и не помѣшали пройдти далеко въ самую внутренность храма, чтобы видѣть, какъ поджавши подъ себя ноги, на чистыхъ циновкахъ, сидѣли только женщины, однѣ толькоженщины, но и тѣ въ примѣтно-ограниченномъ количествѣ. Храмъ былъ почти пустъ, но и молельщицы въ халатахъ и съ огромными головами, тотчасъ, какъ взошли мы, обернулись къ намъ, смотрѣли на насъ пристально и настойчиво провожали насъ глазами, когда мы пошли за колонны. И тамъ онѣ не спускали съ насъ черныхъ глазъ своихъ, хотя въ это время съ возвышеннаго амвона, лицомъ къ народу, говорилъ бритый бонза крикливую проповѣдь. Въ чемъ состоялъ отрывокъ застигнутой нами проповѣди, мы могли понять изъ перевода, сдѣланнаго намъ проводникомъ, по счастію отлично-понимавшимъ по-японски.

«Вотъ, сегодня (говорилъ бонза) празднуемъ мы день строгаго, строптиваго бога, который любитъ на землѣ тишину и миръ. Но знаю васъ, что не молитвой вы станете прославлять его строгость, а начнете пить саки и напьетесь до пьяна».

И при словахъ этихъ бритый бонза ловко раскинулъ въ правой рукѣ очень красивенькій вѣеръ и, кокетливо-лукаво улыбаясь, граціозно помахалъ имъ на лицо и говорилъ дальше:

«Въ пьянствѣ, нехорошіе вы люди, въ пьянствѣ, скажу я вамъ много пороковъ, и главный изъ нихъ — это блудъ».

И опять лукавая улыбка и снова ловко свернутый одной рукой и однимъ взмахомъ вѣеръ опять съ легонькимъ пріятнымъ шумомъ развернулся и освѣжалъ бритую и мокрую отъ невыносимой жары и учености голову японскаго мудреца. Мудрецъ уходилъ далеко, поднималъ голосъ до выкриковъ, перечисляя порски отъ пьянства до безконечныхъ и фантастическихъ подробностей; говорилъ съ увлеченіемъ, на распѣвъ, тѣмъ речитативомъ и съ той интонаціей, подобіе которой незачѣмъ искать только въ Японіи или въ единовѣрномъ ей Китаѣ.

Мы не могли много слушать проповѣдника, сколько и потому, что говорилъ онъ больше общими мѣстами, хотя и логично-послѣдовательно, но говорилъ языкомъ, для насъ непривычныхъ и непосвященныхъ, не благозвучнымъ, гортаннымъ; къ тому же намъ хотѣлось осмотрѣть внутренность храма. Она показалась намъ проста до невозможности и до того же общаго мѣста, каковымъ поразила насъ сейчасъ мелькомъ прослушанная проповѣдь. Въ серединѣ: главный храмъ, по задней стѣнѣ котораго разставлены были бурханы, размалеванные красками, неимѣющіе человѣческаго подобія, уродливые, но для насъ, пришельцевъ, не страшные. Впереди бурхановъ возвышенное мѣсто кафедры, пустой теперь, вѣроятно потому, что съ нея имѣетъ право говорить только самый чиновный, самый старшій бонза; еще впереди та вторая кафедра, передъ которой сидитъ нашъ знакомецъ, вѣроятно менѣе чиновный бонза, все еще кокетливо-улыбавшійся и мастерски-свертывавшій и распускавшій свой бумажный вѣеръ. Направо и налѣво отъ главнаго храма два придѣла. Мы вошли въ правый, сходили въ лѣвый, и тутъ и тамъ нашли около заднихъ стѣнъ на полочкахъ одно и то же — безчисленное множество маленькихъ дощечекъ съ надписями. Надписи обозначали имена умершихъ, по объясненію знатока Японіи. Передъ дощечками стоялъ въ чашечкахъ рисъ, сахарный песокъ, лежали пряники, сладкія и сдобныя булочки. Это—приношеніе въ честь умершихъ, на ихъ поминовеніе, какъ объяснилъ намъ тотъ же знатокъ Японіи и ея замысловатыхъ обычаевъ. Передъ дощечками и передъ бурханами въ главномъ храмѣ горѣли толстыя, размалеванныя разными яркими красками свѣчи, такія впрочемъ, какихъ въ обыденномъ употребленіи у частныхъ лицъ по домамъ встрѣтить невозможно.

Дальше, въ храмѣ, смотрѣть намъ было нечего.

Мы вышли на дворъ и въ лѣвомъ углу, на особенномъ возвышеніи, увидѣли огромный колоколъ и подлѣ него большую деревянную колотушку.

— Хотите звонить—объяснялъ намъ проводникъ нашъ—запрещенія на то не полагается. Японцы даже будутъ рады и примутъ вашу любезность за настоящую монету. Люди они простые и во всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ крѣпко увѣренные.

Мы позвонили; звонъ — пріятный и несется далеко, едва ли не черезъ весь городъ. Наполнявшіе дворъ японцы на насъ не кинулись, насъ не разорвали; ближніе, дѣйствительно пріятно и умильно осклаблялись. Одинъ даже погладилъ насъ по спинѣ, когда мы проходили мимо его, прямо въ кельи, принадлежавшія монахамъ этого монастыря.

Тамъ мы нашли сравнительно убогое, бѣдное помѣщеніе, но ту же педантическую чистоту, какъ и повсюду въ жилищахъ японскихъ: циновки красивыхъ узоровъ и глянцовитаго плетенья на полу; выкрашенные самыми яркими японскими цвѣтами и лакированные (*) шкапики; этажерки по угламъ; одна комната выходила въ другую высокою и широкою дверью, которая задвигалась такими же рамами съ прозрачной бумагой, какія мы видѣли и въ лавкахъ главной хакодатской улицы. Въ одной изъ комнатъ нашли мы бозну, который почему то не пошелъ въ храмъ, но, увидѣвъ у насъ въ рукахъ вѣеръ, присталъ къ намъ, знаками просилъ себѣ въ подарокъ, усердно и низко кланялся всей спиной и, хватаясь руками за колѣнки, хахакалъ и таки-выклянчилъ себѣ вѣеръ. И чтобы показать свое удовольствіе и пущую благодарность, онъ тутъ же, скроивъ серьезную мину, заревѣлъ во все горло и раскинулъ вѣеръ съ неменьшею ловкостью и удальствомъ, какъ и тотъ бонза, котораго видѣли мы въ храмѣ.

— Такъ-вотъ онъ будетъ кокетничать передъ дамами завтра, когда наступитъ его очередь — объяснялъ намъ провод-

---

(*) Скажемъ разъ на всегда, что наведеніе лаку (который не боится горячей воды и замѣчателенъ прочностью и глянцовитостью) составляетъ секретъ. Нашъ консулъ—страстный любитель энтомологіи—задумалъ для своихъ насѣкомыхъ сдѣлать шкапы. Мастеръ японецъ, не иначе согласился лакировать, какъ въ запертой комнатѣ и притомъ совершенно безъ свидѣтелей. Ни за какія деньги онъ не рѣшился открыть иностранцу секрета. Окончивши работу, совѣтовалъ нѣсколько дней держать окна отворенными; но консулъ, по разсѣянности, притворилъ окно (однако дня черезъ три по окончаніи работъ лаковыхъ), съ полчаса покопался съ бабочками и кончилъ тѣмъ, что упалъ на полъ, отравленный еще свѣжими лаковыми испареніями, какъ бы угаромъ. Лакъ этотъ, какъ извѣстно, приготовляютъ изъ особаго лаковаго дерева, которое первоначально расло только на южныхъ островахъ Японіи, но теперь имъ засадили даже большую часть острова Езо.

никъ—и вашъ вѣеръ удостоится неожиданной чести и самаго приличнаго ему употребленія, какъ подсказываетъ мнѣ для сообщенія вамъ и самъ бонза, немножко подкутнувшій теперь. Ужо, къ слову сказать, онъ совсѣмъ будетъ пьянъ: безъ языка и безъ движенія. Здѣсь ни один праздникъ меньше трехъ дней не бываетъ и не знаю я другаго государства, кромѣ Рима и Испаніи, гдѣ бы больше было праздниковъ, гдѣ бы такъ беззаботенъ былъ народъ и такъ бы весело прогуливалъ свою жизнь, здѣсь подчиненную волѣ чужаго произвола и власти чиновниковъ, у которыхъ для каждой головы и для каждаго брюха по двѣ сабли, какъ вамъ уже теперь доподлинно стало вѣдомо.

— Идемъ дальше! Вотъ стучатъ въ бубны: это просятъ милостыни нищіе; добра этого здѣсь несравненно больше, чѣмъ даже въ католическихъ Римѣ и Неаполѣ. Нѣтъ только воровства и ночныхъ грабежей, потому что, по здѣшнимъ законамъ, если и нѣсколько копѣекъ укралъ—голову рубятъ. Народа здѣсь не жалѣютъ; добра этого также много. Прежде не проходило здѣсь дня безъ казней. И меньше стали рубить головы на плахахъ и сжигать на кострахъ живыми въ настоящее время потому, что японское правительство догадалось наконецъ дать живымъ людямъ приличное назначеніе; т. е., смягчивъ суровость закона, оно за преступленія, обрекающія на плаху, стало посылать въ ссылку на Сахалинъ. Островъ этотъ японское правительство недавно только признало японскимъ и скоро населитъ его своими преступниками, весь до самой вершины Айны; южные жители потянулись къ сѣверу и въ середину острова, вытиснутые пришельцами съ южныхъ острововъ: Езо, Нипона, Кіу-Сіу и Санкока. На островахъ этихъ, въ теченіе множества лѣтъ (которымъ японцы даже не знаютъ вѣрнаго счета), скопилось до того густое и тѣсное населеніе, что государство выработало преступный взглядъ и возмутительное убѣжденіе, по которымъ народъ для него дешевле пареной рѣпы. Рѣпу эту оно снисходительно употребляетъ для личнаго своего пользованія, если она ядреная и здоровая, и охотно мнетъ ее, рѣжитъ и бросаетъ прочь, если ее хоть на крупицу, хоть на ничтожную дозу хватила гниль и порча. Больныхъ мѣстъ здѣсь не лечатъ терапевтическими средствами, а пользуются единственнымъ, извѣстнымъ имъ способомъ леченія, посредствомъ ножа или сабли (что одно и тоже); потомъ и отрѣзанную часть и цѣлое обыкновенно сжигаютъ. Здѣсь, впрочемъ, жгутъ всѣхъ, даже и тѣхъ, которые воспользовались завиднымъ счастіемъ умереть собственною смертію. Японцы разсудили такъ, что если на такихъ пространствахъ, какія имѣются на трехъ островахъ, закапывать всю умирающую и умерщвляемую массу народа, кладбище одно будетъ имѣть видъ отдѣльнаго и цѣлаго государства; гніющія тѣла заражали бы воздухъ, скопляли гнилые и вредные міазмы, которые были бы гибельны для живаго населенія, не смотря на то, что Японію хорошо продуваетъ и отлично вывѣтриваетъ. «Пепелъ, то ли дѣло!»—думаютъ японцы и умершаго обыкновенно сажаютъ на корточкахъ въ бочку и жгутъ: пепелъ отъ тѣла и обуглившіяся кости складываютъ въ небольшой сосудъ, долженствующій занять крошечное мѣсто въ землѣ, которою крѣпко дорожитъ японское правительство. Сосудъ этотъ и ставятъ въ эту дорогую и цѣнную землю, предварительно три дня продержавши въ храмѣ, вѣроятно въ видѣ—говоря по нашему—отпѣванья. Хоронятъ, впрочемъ, съ торжествомъ и на общемъ кладбищѣ ставятъ также тщеславно-кичливые и кричащіе памятники. Объ этомъ и здѣсь не стоятъ!

Для того, чтобы судить о равнодушіи японцевъ къ жизни, лупомъ равнодушіи этомъ, воспитанномъ въ народѣ самимъ правительствомъ, которое установило немилостивные законы и породило обиліе смертныхъ казней, вовсе не нужно быть свидѣтелями закулисныхъ домашнихъ сценъ у тѣхъ чиновниковъ, по милости сіогуна вскрывающихъ себѣ брюхо, надрѣзая его по извѣстнымъ пріемамъ и разъ-установившимся образцамъ. Сходите за городъ, на обширную площадь, гдѣ не сегодня, такъ завтра непремѣнно будетъ гдѣ-нибудь и какая нибудь смертная казнь. Въ стѣнахъ тюремныхъ рубятъ головы почти каждый день, но безъ свидѣтелей: изъ шести палачей, одинъ самый ловкій и лучшій обязанъ отхватить голову однимъ взмахомъ, по командѣ остальныхъ пяти товарищей, которые откашливаютъ одно слово: «*хха*». Если онъ не отрубитъ головы съ одного взмаха, ему велятъ вспороть собственное брюхо. Съ этой-то вотъ стороны японцы и кажутся намъ такимъ звѣрскимъ, жестокимъ народомъ и по этой-то выработанной привычкѣ считать собственную жизнь ни во что, они равнодушно относятся и къ чужой жизни. Отсюда понятно намъ легкое и дешевое пріобрѣтеніе наемныхъ убійцъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, удобное не только для сильныхъ и вліятельныхъ князей, но и для простыхъ людей, нежалѣющихъ одного или двухъ золотыхъ ко̀бановъ (*). Мы полагаемъ на этомъ основаніи, что жизнь европейцевъ, дешевая для народа по сознанію и досадная правительству по принципу, всегда въ опасности и всегда будетъ подчиняться острымъ японскимъ саблямъ, булатъ которыхъ, какъ давно извѣстно европейцамъ, не имѣетъ на всемъ свѣтѣ соперниковъ. И прежніе и недавніе факты этого рода не позволяютъ намъ сомнѣваться въ томъ (**). Мы не сомнѣваемся и въ томъ

(*) Овальная, тоненькая, пластинчатая золотая монета, рѣдкая въ Японіи и равняющаяся стоимости нашихъ шести руб. сер. (съ какими то копѣйками). Серебряная четырехугольная монета, *ицебу*, стоитъ на наши деньги 43 коп. сер. Она дробится на $1/2$—$1/4$, также четырехугольныя; четырехугольную японцы золотятъ немного и приглашаютъ иностранцевъ считать ее за полъ-ицебу. Ицебу дробится, сверхъ того, еще на *семьсотъ каши*; а каши—круглая чугунная монета съ четырехугольнымъ отверстіемъ въ срединѣ. Въ отверстіе это продѣвается соломенный жгутикъ, на которомъ и носятъ эти монеты, какъ бы у насъ въ Россіи баранки. Не смотря на такую поразительную дробность монетной величины, каждая каши имѣетъ практическое, осязательное значеніе; такъ напр. за одну эту кругленькую желѣзку цирульникъ насаливаетъ хохолъ на головѣ и брѣетъ всѣ необходимыя мѣста на лицѣ. А бритье это обязательно даже для крайнаго бѣдняка.

(**) Нельзя не винить въ этомъ дѣлѣ и самихъ европейцевъ. Вотъ для примѣра хакодатскіе недавніе случаи. Портерръ, торгуюшій въ этомъ городѣ (дѣйствительно портеромъ и разною съѣстною благодатью, устроившій при этомъ родъ трактира для нашихъ офицеровъ), имѣетъ собаку. Мимо квартиры этого англичанина идетъ пьяный японскій чиновникъ; собака хватаетъ его за ноги и кусаетъ до крови. Японецъ выхватываетъ саблю. Движеніе это замѣчаетъ тоже пьяный Портерръ, замѣчаніи, что народъ не только равнодушенъ къ чужой крови (а тѣмъ паче крови иноземцевъ), но даже доволенъ и счастливъ, когда приглашаютъ его быть свидѣтелемъ загородныхъ казней. Все людное населеніе Хакодате бросилось за городъ, когда назначена была казнь преступника, покусившагося поджечь здѣшнее адмиралтейство. Бѣжали, впрочемъ, за городъ одни только мужчины; женщины прятались въ заднихъ покояхъ, и тѣ изъ нихъ, которыя были застигнуты на улицѣ въ то время, какъ вели по ней преступника, опрометью бросались въ закрытыя мѣста, за углы, съ глазъ долой, чтобы онъ не осквернилъ ихъ брошеннымъ на нихъ взглядомъ. Въ этотъ часъ закрыты и заперты были всѣ лавки по пути, чтобы такимъ образомъ зловѣщій и нечистый взглядъ преступника не опоганилъ и товаровъ, не обездолилъ бы торговли, не затормозилъ бы барышей. Мы ходили также, ходили какъ будто за тѣмъ, чтобы убѣдиться, до какого равнодушія, даже отупѣлаго хладнокровія и безпредѣльнаго безучастія можетъ дойдти народъ, присмотрѣвшійся къ казнямъ, развращенный ими. Самъ преступникъ шелъ къ костру такъ смѣло и храбро, съ такимъ безжизненнымъ и тупымъ выраженіемъ въ лицѣ, что мы испугались и вознегодовали въ немъ за человѣка вообще, сколько ненавидѣли въ тоже время законъ, допускающій и оправдывающій подобныя зрѣлища. Мы примирились съ преступникомъ только тогда, какъ онъ, стоя на кострѣ

выскакиваетъ съ товарищами на улицу—бьетъ чиновника; связываетъ ему руки, и ноги—опять колотитъ и тащитъ къ своему консулу. Консулъ надѣваетъ колодки и арестуетъ у себя. Губернаторъ требуетъ—не даютъ. Вступился нашъ—чиновника выдаютъ, но японца лишаютъ обѣихъ сабель, т. е. налагаютъ такое наказаніе, которое едва выносимо для японскаго чиновника. Самъ англійскій консулъ катается и, пьяный самъ, давитъ пьянаго, попавшагося ему на дорогѣ. Другой разъ, онъ же бьетъ хлыстомъ чиновника, загородившаго ему дорогу и когда тотъ выхватилъ саблю, онъ его вяжетъ и тащитъ къ губернатору. Тотъ же Портерръ, подстерегши вора ночью и кинувшись за нимъ, выстрѣливаетъ всѣ пули изъ револьвера; при осмотрѣ тѣла не нашли въ спинѣ изъ шести только двухъ пуль. Но всѣхъ случаевъ не перечислишь. Въ Хакодате англійскаго консула дразнятъ мальчишки. Въ Еддо и Канагавѣ англичанъ рѣжутъ.

и ожидая огня, заговорилъ что-то, попросилъ—по объясненію ближе стоявшихъ къ нему—попросилъ ускорить казнь. До того времени, и привязанный, онъ смотрѣлъ безучастно и хладнокровно на толпу, кишавшую подъ его ногами въ примѣчательномъ многолюдствѣ и въ поразительномъ однообразіи. Въ толпѣ этой ходили разнощики, носили на коромыслахъ горячій и завѣтный японскій зеленой чай туземнаго произрастенія; продавали пряники, груши, вареный рисъ; разнощики выкрикивали также, какъ бы и на улицѣ; толпа жевала, чавкала и гудѣла говоромъ; разговаривала съ тѣмъ же хладнокровіемъ, съ какимъ привыкла говорить дома, въ лавкахъ, на рынкѣ. Оживленный говоръ и густой гулъ не переставали даже и на то время, когда преступника охватило дымомъ (но не пламенемъ), и онъ, по всему вѣроятію скоро задохся въ этомъ дымѣ, по крайней мѣрѣ, его, почернѣлаго, задымленнаго, но въ полномъ составѣ (несгорѣвшаго) еще три дня держали на мѣстѣ казни, приглашая сюда тѣхъ кто не попалъ въ главный день. Охотниковъ находили; кучки зрителей собирались бы и на четвертый день, если бы палачи не убрали казненнаго и не сожгли его въ пепелъ. Тѣмъ же тупымъ, безжизненно-оскорбительнымъ хладнокровіемъ (по свидѣтельству очевидцевъ) встрѣчено было японскимъ народомъ въ Еддо зрѣлище казни убійцы, покусившагося на жизнь брата сіогуна (регента престола): его живаго варили въ котлѣ.

— И чтобы сказать вамъ все—(заключилъ свою рѣчь нашъ проводникъ)—все, что привелось къ слову и пришло намъ на память въ этотъ разъ, скажу еще, что на сколько дешевъ взглядъ японца на жизнь вообще, на столько же дешевы въ Японіи и средства къ этой самой жизни. Чтобы не сказать безсмысленнаго каламбура, попрошу васъ завтра убѣдиться въ томъ лично. Сегодня и похожденій и разсказовъ довольно. Въ заключеніе посмотрите на городъ отсюда (отъ консульскаго дома внизъ),— что это такое? А вѣдь не городъ, и тоже диковина. Это еще моя штучка, хорошая штучка, но послѣдняя—какъ приговариваютъ русскіе раевщики.

Дѣйствительно, остановившись на террасѣ консульскаго дома, у подножія котораго долженъ бы лежать городъ Хакодате,— города, въ привычномъ смыслѣ и приличномъ видѣ, мы опять-таки не видимъ. Видимъ черную, безразличную массу, но не строеной, а какихъ-то досокъ, пустыри между ними, обозначающіе улицы, и на первомъ планѣ и впереди всего—груды огромныхъ камней, иногда наваленныхъ въ симметріи, дорожками, иногда сваленныхъ въ груды и высокія кучи. Какъ будто оторвалась отъ сосѣдней къ намъ горы каменная скала, и, разорванная въ мелкой щебень и крупныя глыбы, разбросалась по всему пространству, занятому городомъ, и безслѣдно погребла его подъ собою. Мертвый видъ этотъ напомнилъ намъ пустынные гранитные берега Бѣлаго моря, гдѣ такія явленія не въ рѣдкость, но подозрѣвать большой японскій городъ, подъ грудою этого щебня и этихъ камней, было невозможно. Всѣ чисто-азіятскіе и преимущественно мусульманскіе города имѣютъ форму безпорядочно и безразлично нагроможденныхъ камней; но тамъ и дома, даже въ бѣдныхъ аулахъ, всѣ и непремѣнно строятся изъ камня. Здѣсь же, на крайномъ азіятскомъ востокѣ, въ этомъ Хакодате, какъ въ Манчжуріи и Китаѣ, дома непремѣнно досчатые и деревянные,—видъ на городъ сверху превзошелъ всякое вѣроятіе: былъ крайне-диковинный и неожиданный. Такихъ мы уже и не встрѣчали больше ни прежде, ни послѣ. И вотъ по той причинѣ, что японскіе дома деревянные и досчатые, наскоро и непрочно строенные, на крышахъ ихъ навалены огромные камни во множествѣ, на случай тѣхъ свирѣпыхъ урагановъ, какіе господствуютъ только въ Японіи и съ отчаянною свирѣпостью налетаютъ изъ сосѣдняго ущелья между двумя горами, крѣпче и чаще всего на этотъ несчастный городъ Хакодате. Мы поймемъ и камни эти и другія прессы и контрофорсы, когда припомнимъ, что японскіе острова, а въ числѣ ихъ и Езо, помѣстила природа на самымъ дѣятельномъ и жизненномъ волканичеекомъ кратерѣ. Не такъ давно еще дохнула сосѣдняя городу конусообразная гора дымомъ и пламенемъ и пролила такую лаву которая въ то же время и въ теченіе долгихъ недѣль не могла остыть, да и теперь, черезъ два года, лава эта находится еще въ полуразжиженномъ состояніи (*).

Только на дальныхъ краяхъ, на правомъ и лѣвомъ крылѣ своемъ, японскій городъ похожъ, если не на городъ, то на жилое и населенное мѣсто: тамъ мы видимъ украшенные кіосками, на китайскій образецъ, храмы, отличающіеся чешуйчатыми крышами и башенками, видимъ огромные сады, въ которыхъ потонули дома губернатора и дворецъ князя, и высокую прямую кипарисную рощу, потянувшуюся въ гору, немного отойдя отъ русскаго консульскаго дома, выстроеннаго цѣликомъ и сплошъ изъ кипариснаго дерева. И когда отвели мы глаза съ города и смотрѣли прямо: передъ нами сверкала бирюза очаровательнаго южнаго моря, зажилъ весь на—голо оживленный множествомъ судовъ, заливъ Хакодатскій, вначалѣ съ нашей «Америкой» и голландскимъ корветомъ немного поодаль, а дальше очаровательная синь и бирюза (въ одномъ мѣстѣ обрамленная крутымъ гористымъ берегомъ) пропала, слившись съ горизонтомъ и съ взбурленною и пѣнившеюся крутыми и сердитыми волнами поверхностью обширнаго и свободнаго океана. Картина дѣйствительно была и оригинальна и очаровательна!

(*) Ураганъ, свирѣпствовавшій въ Хакодате за нѣсколько недѣль до нашего прихода, былъ до того силенъ, что порывами несъ черезъ городъ огромныя бревна, даже камни. Деревянную церковь, выстроенную при нашемъ консульскомъ домѣ однимъ порывомъ стащило съ мѣста, другимъ поставило на новое, саженяхъ въ, сорока отъ стараго. При этомъ ничего не было изломано; даже свѣчи остались на своихъ мѣстахъ, нетронутыми.

2.

Еще шесть дней пробыли мы въ Хакодате. Назначенный въ началѣ срокъ не выстоялъ передъ соблазномъ живыхъ и новыхъ впечатлѣній, которыми дарили насъ день-за-день японскій городъ и японскій народъ. На берегу такъ было хорошо, что на пароходъ свой мы ѣздили только за крайной нуждой и разъ для того, чтобы быть свидѣтелями визита, который отплачивалъ нашему флагману хакодатскій губернаторъ. Визитъ этотъ, впрочемъ, не представлялъ ничего особенно-интереснаго. Рѣзче прочаго бросился намъ въ глаза ловкій маневръ японскихъ лодочниковъ, шестью лодками буксировавшихъ огромное судно съ обширной каютой,—маневръ, съ какимъ они подвалили къ парадному трапу это неповоротливое и неуклюжее судно. Маленькій губернаторъ со своимъ помощникомъ и нѣсколькими баніосами ловко, привычнымъ шагомъ, поднялся по трапу и безучастно-холодно осмотрѣлъ всѣ диковинки, какія могла показать ему наша «Америка»: необыкновенно-чисто содержимую машину, мало опрятные бакъ и жилую палубу, до тѣсноты набитую матросами, между которыми шли съ нами и портовые музыканты и гребцы главнаго командира; видѣлъ онъ наши пушки, недавно усердно салютовавшія въ размѣнъ съ любезными голландцами, возвращавшимися въ отечество изъ Іеддо (гдѣ они выдержали свою долголѣтнюю и тоскливую стоянку); ходилъ онъ по шканцамъ и по кормѣ, борты которой вчера только тронуты были свѣжей краской, и, сидя потомъ въ нашей довольно тѣсной и мало удобной каютъ-компаніи, губернаторъ услаждался всякою сластью, какая нашлась подъ руками. Съ большею любовью относился и губернаторъ и его товарищи къ шампанскому американскаго приготовленія, похожаго вкусомъ на подслащенный березовыйсокъ, съ тою же горечью и осадкомъ, и продававшагося даже въ безпредѣльно-дорогомъ Николаевскѣ по 2 руб. сер. за бутылку. Сладковато-горькой, но шипучей и вышибающей пробку дряни этой губернаторъ выпилъ чрезвычайно много и, какъ впившійся пьяница, не измѣнилъ себѣ ни въ одномъ глазѣ. Необычайно-много съѣлъ онъ при этомъ мороженаго, потребленное количество котораго, въ другомъ мѣстѣ (напр. въ нашемъ возмутительно-нездоровомъ Петербургѣ), не миновало бы для него безъ жестокихъ холерныхъ припадковъ. Видимо, японецъ ѣлъ эту бальную и кандитерскую сласть въ первый разъ въ жизни, потому что, прихваливши ее, онъ пожелалъ въ то же время узнать изъ чего и какъ она приготовляется. Въ видахъ общаго благополучія, во избѣжаніе римскаго обѣденнаго скандала и памятуя, что буддизмъ строго воспрещаетъ употребленіе молока, мы ему не сказали, отъигравшись тѣмъ отвѣтомъ, что приготовленіе вкуснаго мороженаго—секретъ повара. Съ этимъ губернаторъ отъ насъ и уѣхалъ на голландскій корветъ, гдѣ, вѣроятно, также усердно пилъ, если не шампанское, то портеръ, и когда, вернувшись оттуда, онъ попался намъ на берегу сошедшимъ съ лодки, мы нашли, что ноги его были тверды и достоинства своего онъ не ронялъ передъ японцами, повергавшимися ницъ передъ его мощью и силой, а на этотъ разъ и передъ его непредставительной, мелконькой фигуркой.

На берегу мы исходили всѣ мѣста и всѣ закоулки, гдѣ только было можно или казалось намъ безопаснымъ (а безопасно во всемъ Хакодатѣ); отмѣчаемъ же только то, что сознательнѣе и памятнѣе осталось въ нашемъ представленіи.

Впереди всѣхъ впечатлѣній и яснѣе другихъ рисуются намъ японскія лавки, чаще другихъ нами посѣщаемыя. Какъ гуси, одинъ за другимъ вереницей въ поднебесьѣ, или овцы гуськомъ одна за другой по сырой землѣ,—такъ и мы, по примѣру и совѣту бывалыхъ, потянулись со всѣмъ наличнымъ и припасеннымъ на Амурѣ количествомъ серебряныхъ рублей, потянулись другъ за дружкой съ хакодатской пристани прямо въ таможню. Тамъ въ одно изъ огромныхъ оконъ кургузые чиновники брали наше круглое серебро съ лигатурой, клали его на одну чашку вѣсовъ особаго мудренаго устройства, и потомъ грузили на другую свое четырехугольное серебро, чистое, безъ лигатуры. Когда стрѣлка останавливалась на самой точкѣ, мы получали горстями японское серебро; причемъ собравшіеся гурьбой чиновники со скрытою завистью и съ нескрываемымъ изумленіемъ смотрѣли на насъ и вѣроятно, пожелали намъ прогуляться съ этимъ серебромъ, небрежно разсованнымъ нами по всѣмъ карманамъ, ночью и въ глухомъ мѣстѣ, Но мы пошли въ самое бойкое; понесли серебро въ лавку, къ Рюгони, рекомендованному намъ за человѣка честнаго и не затруднявшагося (по японскому словарю Гашкевича) объясняться по русски.

Рюгони раскинулъ передъ нами множество матерій, и всѣ поразительной дешевизны: цѣлые куски (аршинъ въ 20 —25) матерій въ родѣ фуляровъ, окрашенныхъ самыми яркими красками, которыя способны только выработываться въ странахъ тропическихъ, стоили 7½—8 ицебу: отъ 3 р. 22 к. до 3 р. 44 коп. Самая лучшая, прочная и дорогая бѣлая матерія, обладавшая похвальнымъ свойствомъ становиться упружѣй при всякой новой стиркѣ, стоила, кускомъ въ 25 аршинъ, всего только 22 ицебу, т. е. 9 руб. 46 к. Матерія эта, сдѣланная изъ шолка-сырца, имѣла видъ накрахмаленной, какъ бы изящно сдѣланной, нитка къ ниткѣ, волосяной матеріи. За лучшій атласъ (5 аршинъ) мы платили 1 р. 72 к. на наши деньги, и проч. и проч. При этомъ матеріи свѣтлыхъ цвѣтовъ и въ особенности окрашенныя моднымъ и любимымъ зеленымъ цвѣтомъ стоили дороже, чѣмъ матеріи темныхъ цвѣтовъ. Темные цвѣта и въ Японіи траурные. Желтый, императорскій цвѣтъ, дорогой въ Китаѣ, здѣсь въ Японіи былъ ни-по-чемъ.

А гдѣ дешевизна, тамъ и неудержимый соблазнъ, а гдѣ любимые покинутые люди, тамъ и приготовленіе подарковъ для нихъ:—вотъ два рычага, на которые попала вся наша каютъ-компанія и долго не могла сорваться. Мирно дремала она до сихъ поръ подъ однообразіе впечатлѣнія скучнаго похода по пустыннымъ портамъ океана; быстро поднялась и разбѣжалась она потомъ, когда развернулъ свои соблазны дешевый городъ. Первымъ поживился отъ насъ Рюгони; вторымъ и третьимъ два купца, торговавшіе лакированными и другими бездѣлушками. Японскаго вкуса чернильницы въ ящичкахъ, рабочіе ящики, на внутреннее многосложное устройство которыхъ можетъ быть способно только японское умѣнье и терпѣнье; всѣ эти произведенія міакскихъ фабрикъ съ изящно-оттиснутыми на крышкѣ рельефами пѣтуховъ съ позолоченными гребешками, цѣлой горой Фудзи, до половины снѣговой, высоко чтимой японцами и почитаемой ими за священную—все это громоздило наши тѣсныя, узенькія и неудобныя каюты. Все это насъ всѣхъ поголовно (нечего грѣха таить!) сильно занимало и радовало. Дешевле купленная, и счастливо выбранная бездѣлушка возбуждала зависть; курьезная вещица подмывала на поиски ей подобной и съ нетерпѣніемъ ожидалось новое утро, чтобы размѣнять въ таможнѣ резервное серебро и снова надѣлать глупостей, въ которыхъ вечеромъ приходилось каяться и разочаровываться. У насъ начались мелкія ссоры, затѣялась мѣновая торговля, и будь мы двумя-тремя ступенями ниже въ нравственномъ развитіи и убѣжденіяхъ, кто знаетъ—можетъ быть пустились бы и на худшее художество. Оживленіе было всеобщее, страсти неожиданно разгорѣлись и, вопреки ожиданій, на такомъ пустомъ поводѣ, вызванномъ пріобрѣтеніемъ японскихъ издѣлій, въ каждомъ изъ насъ начали обнаруживаться мелочныя черты характеровъ. Всякій успѣлъ обнаружить кое-что изъ того, что до сихъ поръ усердно и ловко припрятывалъ. Одинъ, накупившій всѣхъ больше и имѣвшій въ запасѣ множество серебра, не хотѣлъ мѣнять его на ассигнаціи тѣмъ, кто безразсчетно потратилъ все серебро свое до послѣдняго гривенника. Другой, имѣвшій возможность легчайшаго и болѣе удобнаго для него размѣна, подвелъ такую интригу, что доступъ въ размѣнную кассу сталъ невозможенъ. Третій готовно, по необъятно-доброй душѣ своей, предлагалъ имѣвшееся у него золото, но золота японцы не любятъ и за нашъ полуимперіалъ давали только три рубля съ какими-то копѣйками (*). Даже въ покупкахъ, на вещахъ объяснился опредѣленнѣе характеръ многихъ: нашъ дѣловой старшій штурманскій офицеръ, который все время похода или писалъ шканечный журналъ, или дѣлалъ папиросы (потребляемыя имъ въ огромномъ количествѣ), только разъ съѣхалъ на берегъ, купилъ себѣ табаку да тѣмъ и покончилъ. Другой нашъ товарищъ, обладавшій высокимъ ростомъ, въ выборѣ вещей придержался такихъ, которыя были и велики и громоздки; напротивъ третій нашъ товарищъ, молоденькій, красивенькій, выбралъ миніатюрныя, болѣе изящныя. Священникъ консульства, возвращавшійся въ Россію, вывозилъ съ собою исключительно только одинъ японскій атласъ во множествѣ кусковъ, да намѣренъ былъ накупить по портамъ океана и на Амурѣ соболей: и то и другое, по его словамъ, онъ везъ въ подарокъ архіереямъ и его отцамъ-благотворителямъ. Двое семейныхъ купили больше матерій женамъ на платье, одинъ пріобрѣлъ даже дешеваго и необычайно вкуснаго рису, который только и можно пріобрѣтать въ Японіи; купилъ овса, купилъ пряниковъ. На бакѣ повторилось тоже явленіе: писарь, вахтеръ и унтеръ-офицеры съ боцманомъ накупили шелковыхъ матерій, щеголь-фельдшеръ пріобрѣлъ фиксатуары и стальное зеркало; а матросъ Ершовъ, съѣхавшій вмѣстѣ съ другими на берегъ *освѣжиться* и получившій отъ насъ два ицебу на прогулъ, пряниковъ не купилъ, а вернулся пьянымъ и былъ семь вечеровъ сряду въ крѣпкомъ подгулѣ, пока цѣлы были двѣ огромныхъ плетушки съ японской водкой сакі, провезенныя контрабандой на офицерской шлюпкѣ и спрятанныя подъ нашей койкой, въ каютѣ.

(*) Консулу нашему не высылали серебра, но за то въ избыткѣ снабжали изъ Петербурга золотомъ, на размѣнѣ котораго такимъ образомъ приходилось терять ему и другимъ нашимъ чиновникамъ по два рубля сер. съ каждаго золотаго.

Всѣ остались при своемъ, и у всѣхъ были *пицки*—эти уже настоящія японскія бездѣлушки, въ видѣ различныхъ фигуръ изъ кости и дерева, необычайно изящно-выточенныя и привѣшиваемыя японцами къ кисетикамъ съ табакомъ, въ должности старинныхъ европейскихъ брелоковъ. Теперь все это очень смѣшно; тогда было не до шутокъ. Выведенные изъ своего покойнаго и нормальнаго положенія въ какое-то новое и искуственное, но тѣмъ не менѣе сильно-возбужденное и безпокойное состояніе духа, мы и въ этихъ бездѣлушкахъ завидовали другъ другу и негодовали на нашего американца, механика Нортона, который, какъ истинный янки, умѣлъ все купить несравненно дешевле насъ и купилъ при томъ такія вещи, какія намъ и на глаза не попадались: словно вырывалъ онъ ихъ изъ земли. И покупая вещи дешево, онъ въ тоже время успѣлъ обратить на себя любовь и вниманіе всѣхъ торгующихъ японцевъ, даже пользовался тамъ популярностью. Меньше насъ зная языкъ, упорнѣе и упрямѣе стоя за свой родной (три года проживши въ Россіи, онъ ни слова не говорилъ по русски), американецъ столковывался мимикой и тѣлодвиженіями и таскалъ изъ лавокъ такія вещи, какія приходились ему по вкусу и казались стоющими его вниманія. Купцы при первомъ приближеніи его ему улыбались; при выборѣ вещей усердно прислуживались, хотя онъ и платилъ меньшія противъ насъ деньги, и когда уходилъ — ему кивали головой и посылали самыя дружелюбныя, самыя кроткія и ласковыя улыбки. Нортонъ торжествовалъ; мы всѣ ему завидовали; онъ разсказывалъ—мы всѣ его слушали; онъ зналъ, сколько получаетъ рабочій, что стоитъ трудъ, чѣмъ можно успѣшно торговать съ Японіей; мы повѣряли его свѣдѣнія и убѣждались, что онъ ни въ чемъ не ошибался и удивлялись одному, изъ какихъ источниковъ, не зная языка, онъ и другіе американцы могли пріобрѣтать эти свѣдѣнія. Въ прошломъ году они предсказали, что на будущій все въ Японіи вздорожаетъ и предсказанія ихъ сбылись; мы за все платили дороже, чѣмъ тѣ изъ русскихъ, которые были въ прошломъ году. Американцы говорили, что на многіе товары падетъ запрещеніе—и не ошиблись: японцы въ годъ нашего посѣщенія не продавали рису, не продавали рогатаго скота. Америка, вся погруженная въ чтеніе отечественныхъ саженныхъ газетъ, съ большимъ любопытствомъ останавливается на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится про Японію, и по газетнымъ свѣдѣніямъ добирается до того знанія и до тѣхъ предрѣченій, которыя понятны только въ американцѣ. Мы принуждены были блуждать въ потьмахъ, не смотря на то, что не первый годъ живетъ въ Хакодате цѣлая колонія наша (въ количествѣ девяти человѣкъ), по собственнымъ словамъ, сильно заинтересованная интересной страной и понимающая необходимость знакомства съ нею непосвященныхъ, но.... до сихъ поръ, мало—сказавшая (*).

Изъ газетъ америкнаскихъ слышали мы, что японскій рабочій получаетъ въ сутки десять желѣзокъ (кàши), т. е. меньше нашей серебряной копѣйки, а въ консулскомъ домѣ узнали мы, что слуга японецъ, усердно и безпрекословно исполняющій всякую службу по дому, получаетъ немного больше рубля серебромъ на наши деньги въ мѣсяцъ и за тѣмъ живетъ на всемъ на своемъ: свое ѣстъ, самъ себя одѣваетъ и одѣвается при этомъ прилично. Американцы увѣряли насъ, что дурное поведеніе женщинъ до замужества и чорныхъ зубовъ—народная добродѣтель, обезпеченная обычаемъ и освященная закономъ—и въ консульскомъ домѣ нравственность женщинъ не хвалятъ (**). Отъ иностранцевъ узнали мы, что японская кухня вся изъ различныхъ рыбныхъ блюдъ, приготовляемыхъ съ зеленью, на манеръ французскихъ паштетовъ, самая вкусная изо всѣхъ неевропейскихъ и въ консульскомъ домѣ мы

(*) Говорили о Японіи (въ Морскомъ Сборникѣ): В. Н. Назимовъ; состоявшій при церкви г. Маховъ, да супруга доктора Альбрехта подарила какую то газету весьма бойкой и интересной статьей.

(**) Двѣ богатыя и чиновныя японки пріѣзжаютъ съ визитомъ; посидѣвши, переглянулись и захихикали.

— Чему смѣетесь?

— Да вотъ совѣтую своей гувернанткѣ пойти въ любовницы къ тому офицеру, который взялъ ея воспитанницу, чтобъ той легче было—наивно и охотливо отвѣчала японка.

снова доходимъ до конечнаго убѣжденія въ непогрѣшимости выводовъ и замѣтокъ, какія приводилось намъ слышать отъ европейцевъ, но не отъ нашихъ, русскихъ. За неимѣніемъ ихъ указаній, мы по прежнему блуждаемъ въ потьмахъ и, наталкиваясь на диковники, въ большой части случаевъ не знаемъ какой смыслъ приписать имъ, какъ понимать то или другое явленіе. И, шатаясь въ потьмахъ, мы естественно спотыкаемся; думаемъ не такъ, говоримъ не то, а потому, полагаясь на слова комментаторовъ и, довѣряя своему глазу на другую половину, станемъ говорить только о томъ, что̀ видѣли сами, и объяснимъ это такъ, какъ намъ самимъ объяснили это люди, долѣе насъ жившіе въ Японіи и лучше знающіе эту страну, во многомъ поставленную къ европейскимъ обычаямъ вверхъ ногами. Вотъ еще примѣръ.

Мы шатались по городу, догулялись до вечера, когда сумерки покрыли японскія улицы. По приглашенію пошли мы въ одну улицу, зашли въ другую и третью, видѣли одно: толпы народа, постукивая своими деревянными калошами, снуютъ по этимъ улицамъ, и все мужчины: одни въ маскахъ, другіе безъ масокъ. Съ какою цѣлью?

— Смотрите направо, смотрите налѣво, въ окна домовъ!— подсказываютъ намъ.

Смотримъ въ окна: видимъ большую комнату; на середину ея выдвинутъ столъ, за столомъ, поджавши подъ себя ноги, по восточному, сидятъ разряженныя, разукрашенныя цвѣтами, съ вѣерами въ рукахъ, но бѣлозубыя японскія красавицы.

— Считайте ихъ!—приглашаютъ насъ.

— Насчитываемъ семь въ одномъ домѣ; десять въ другомъ, пять въ третьемъ. .

— Берите среднюю цифру—шесть дѣвушекъ; въ каждой улицѣ такихъ домовъ среднимъ счетомъ—двадцать; такихъ улицъ пять (*minimum*). По моему, выходитъ—шестьсотъ дѣвицъ, выставляемыхъ каждый день на охотниковъ; и не придавайте этому никакого дурнаго смысла, смѣло печатайте объ этомъ,—дѣвушки эти утромъ учатся. Учатъ ихъ чтенію, письму, танцамъ, музыкѣ, рукодѣльямъ—даромъ. Вечеромъ онѣ на выставкѣ, выставка пособляетъ имъ выплачивать хозяйкѣ за выучку. Пройдетъ четыре года, онѣ выходятъ изъ пансіона; ни одинъ японецъ не сочтетъ позоромъ для себя взять эту дѣвушку замужъ; онъ даже и сговорился съ ней объ этотъ еще во время ея обученья. Но, выйдя замужъ, она непреклонно-цѣломудренна (повѣрьте моему опыту); она потому и зубы чернитъ краской разъ навсегда, до гробовой доски—виноватъ!—до костра—не смываемой. Затѣмъ, становясь женой, женщина въ Японіи не дѣлается рабыней: она приглашается въ лавку, какъ помощница, она торгуетъ и отъ себя самостоятельно. Смѣлый взглядъ, свободныя движенія, открытое лицо, дородное тѣло и здоровый румяный цвѣтъ лица,—все это мѣшаетъ оцѣнивать общественное положеніе женщины по общимъ азіятскимъ образцамъ. Въ Японіи женщина свободнѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ странахъ деспотической Азіи.

— Возвращаюсь назадъ. Если выставка молоденькихъ дѣвушекъ на охотника и помѣщеніе ихъ въ такіе дома на воспитаніе—не входитъ въ коренныя, народныя убѣжденія и не основываются они на общихъ вѣрованіяхъ: зачѣмъ же тогда такое множество дѣвушекъ ежедневно? да вѣдь онѣ и перемѣняются. На мѣсто старыхъ поступаютъ новыя; за этимъ я слѣжу лично вотъ уже цѣлый годъ. Прибавлю еще: здѣсь скандальныя картины продаются въ лавкахъ открыто; таковыя же ницки (брелоки) носятъ на кисетахъ; а помните пирожниковъ, и тѣсто и фигуры, изъ него приготовляемыя, на дворѣ храма?

— Здѣсь существуютъ монастыри, въ которыхъ монахи живутъ съ женами. Въ Японіи—что храмъ, то новая вѣра; сектъ великое множество. Есть монахи, которые не ѣдятъ зелени и табаку не курятъ; есть и такіе, которые не ѣдятъ мяса, но на табакъ не кладутъ запрещенія. Говорить—всего не перескажешь.

На другой день мы гуляли въ кипарисной рощѣ, слушали цикадъ, смотрѣли, какъ громоздили неустанные рабочіе княжескій дворецъ надъ оврагомъ, для котораго они не пожалѣли срубить и такимъ образомъ уменшить кипарисную рощу. Воздухъ въ ней былъ великолѣпный (да и вообще въ Японіи хорошо дышется, и объ эпидемическихъ и повальныхъ болѣзняхъ не думается, по свидѣтельству нашихъ). Прогулка наша могла быть безконечною; но мы услышали новые звуки дикаго бубна (стукъ по Хакодате и звонъ на улицахъ не прекращаются во весь день, раздаются даже и ночью,—веселый народъ!). Мы думали, что это опять или приглашеніе на молитву, или снова ватага нищихъ идетъ собирать подаянія.

— Нѣтъ!—отвѣчаютъ намъ. Пойдемъ и посмотримъ.

Къ кипарисной рощѣ примыкаетъ высокій заборъ, по забору мы доходимъ до воротъ; ворота вводятъ насъ на большой дворъ губернаторскаго дома. Съ этого двора мы входимъ на второй, куда глядитъ своимъ фасомъ самое жилище хакодатскаго начальника. Противъ дома бесѣдка съ навѣсомъ. Подъ нимъ на табуретахъ сидитъ, знакомый уже намъ, сумрачный губернаторъ (*), его помощникъ (который при нашемъ приближеніи всталъ съ своего мѣста и предложилъ его намъ), двое бритыхъ, изъ которыхъ одинъ оказался бонзой, другой, съ выбритой также на-голо головой, былъ губернаторскій домашній врачъ. Передъ ними происходила замысловатая сцена, неимѣвшая, впрочемъ, для насъ особеннаго значенія. Нѣсколько японцевъ, на маленькихъ рысачкахъ, ловили на всемъ скаку бѣлые и красные мячики, поднимая ихъ съ земли въ мѣшечки, привязанные къ коротенькимъ палкамъ. Схвативши мячикъ (что сдѣлать довольно

(*) Для Хакодате, какъ и для всякаго японскаго города, полагается два губернатора. Въ то время, какъ одинъ управляетъ городомъ, другой слѣдитъ за его дѣйствіями, контролируетъ ихъ въ Іеддо. Черезъ годъ, этотъ ѣдетъ сюда, а старый на годъ отправляется ко двору сіогуна, для той же цѣли—контроля и доклада. И такъ далѣе, по очереди: одинъ живетъ въ Хакодате, другой въ Іеддо.

(**) Въ Японіи только духовные могутъ быть докторами (оба званія тамъ равнозначущи, какъ и у бурятъ, отчасти у китайцевъ, у мусульманъ, да и у насъ въ старину, на Руси). Не брѣютъ волосъ доктора и бонзы, не подбриваютъ лбовъ остальные японцы только на случай траура. Когда умираетъ сіогунъ (одинъ только микадо безсмертенъ), вся Японія цѣлый годъ отращиваетъ волоса на головѣ, на губахъ, на щекахъ и на подбородкахъ.

трудно, потому что остальные стараются его вышибить), ловчакъ летитъ назадъ къ барьеру и оттуда бросаетъ мячикъ въ цѣль. Попалъ въ нее—мальчики весело и усердно заколотятъ въ бубенъ.

Но въ бубенъ колотили рѣдко, хотя возни, гику и крику было много. Губернаторъ флегматически покуривалъ трубку, но по видимому принималъ въ играхъ и скачкѣ живое участіе. Намъ онѣ надоѣли. Мы поблагодарили и раскланялись.

— Надо родиться японцемъ—толковали намъ дорогой, чтобы понимать, напримѣръ, ихъ пляску, это мучительно-длинное коверканье на разные лады, присѣданье, прыганье, особенно когда гудитъ ихъ однообразная, имѣющая только три тона, музыка.

Мы слышали и музыку эту, налаживаемую чернозубыми женщинами на инструментѣ въ родѣ бандуры, съ тремя металлическими струнами и вполнѣ согласились со словами нашего чичероне.

— Пѣсня ихъ также небогата тонами и вся сидитъ въ горлѣ безъ варіацій, безъ жизни, какъ пѣсни татаръ, калмыковъ, монголовъ и другихъ степныхъ азіятовъ. Поютъ въ носъ, на манеръ нашихъ старообрядскихъ духовныхъ пѣсенъ.

И это было поразительно справедливо.

— Замысловаты у японцевъ туманныя картины, на которыхъ они фигурамъ придаютъ такія позы и дѣлаютъ съ ними такія превращенія, до какихъ европейцы еще не додумались. Нельзя не пожалѣть, что ихъ не всякому и не на всякомъ мѣстѣ можно показывать. И туманныя картины эти и женскія пляски начинаются какъ будто и благоприлично, а въ концѣ концевъ впадаютъ въ ту же нескромность по нашему, до какой такъ жадна вся Японія и какую она вовсе не почитаетъ нескромностью.

На бакѣ нашей «Америки» мнѣ привелось убѣдиться въ замѣчательной правдѣ и этихъ замѣчаній, когда визжалъ отъ восторга весь нашъ бакъ, всей своей массой, изъ среды которой, застывшей на корточкахъ, самые впѣчатлительные и воспріимчивые выскакивали даже и ржали не на шутку по лошадиному.

Но, будетъ!

Разсказовъ объ Японіи хватило бы надолго. Многое досказали намъ позднѣе; многое можно припомнить и изъ личныхъ наблюденій, если бы подольше постоять на одномъ мѣстѣ и сосредоточить около него наши воспоминанія. Не дѣлаемъ этого теперь изъ разсчета. Не скроемъ мы этого разсчета изпотаенной, преднамѣренной цѣли нашей, когда въ силу предвзятаго плана, мы встрѣтимся на берегахъ Амура съ манчжурами, на берегу Кяхты съ китайскимъ Маймаченомъ.

VI.

ВЪ МАНЧЖУРІИ.

1. МАНЧЖУРЫ.

Въ то время, когда наша православная Русь обрѣталась въ непроглядномъ мракѣ суевѣрія и невѣжества и, въ ожиданіи тяжелой руки Петра, рѣшала на-послѣдяхъ вопросъ о преимуществѣ стараго передъ новымъ и даже въ доказательство истины успѣла не одинъ разъ поколоться (пиками), порубиться (бердышами) и пострѣляться (изъ пищалей)—языческій Китай находился на верху своей славы и въ положеніи государства, цивилизація котораго дошла до своихъ крайныхъ предѣловъ и на то время сто́ила дороже европейской. Все, что было нужно азіатскому государству—въ Китаѣ имѣлось даже съ европейскимъ избыткомъ: въ двухъ столицахъ (Нанкингѣ и Пекинѣ) помѣщалось его правительство, съ главнымъ представительствомъ самого сына неба, съ коренною опорою на войско, умѣвшее уже стрѣлять изъ ружей порохомъ, и на громадную массу чиновниковъ, которые сидѣли на народѣ чужеяднымъ паразитомъ и, какъ пьявки, высасывали изъ него самыя лучшія силы, самые жизненные и питательные соки. Народъ — основа китайскаго государства — въ потѣ лица своего снискивалъ хлѣбъ и по временамъ сыто наѣдался, по временамъ вымиралъ, какъ мухи, отъ необычайно — частыхъ и жестокихъ голодовъ, въ то время, когда мандаринская кухня не умѣла ограничиваться количествомъ меньшимъ тридцати блюдъ ежедневныхъ. Но у народа имѣлись книги, съ незапамятныхъ ему временъ печатавшіяся тѣмъ же способомъ подвижныхъ буквъ, какимъ Гуттенбергъ далеко позднѣе изумилъ и разшевелилъ Европу; въ книги эти мудрецы китайскіе вносили все, что доставалось ихъ разумѣнію и добывалось ими на домашномъ близорукомъ досужествѣ, разсказывали въ нихъ и исторію государства, которую — чтобы быть вполнѣ народными — наполняли по обще-человѣческому обычаю и китайскому способу всякимъ непроглядным фантастическимъ вымысломъ, невѣроятными побасенками и небывалыми сказками. Народъ вѣрилъ имъ на слово — и все-таки не зная ни своей исторіи, ни своего политическаго значенія, подъ рукой создалъ Конфуція и разбилъ свою буддійскую вѣру на множество противоборствующихъ и противорѣчащихъ сектъ. Воздавая божественныя почести и питая рабское уваженіе къ своему сыну неба, народъ китайскій замышлялъ подъ рукой заговоры противъ его чиновниковъ, затѣвалъ бунты и поднималъ оружіе, и, побѣждаемый силою и хитростью, покорно ложился на каленыя сковороды, чтобы быть изжаренным, съѣдалъ икры изъ собственныхъ своихъ ногъ и просовывалъ головы въ тяжелыя рамы и колодки, чтобы носить ихъ на шеѣ и плечахъ до счастливой минуты смертнаго часа (*). Но за то китаецъ безнаказанно пилъ чай и курилъ табакъ и ѣлъ всякую сквѣрну и нѣчисть изъ царствъ животнаго и растительнаго въ то время, когда на западѣ, въ Европѣ, рѣзали за это носы и губы, вырѣзали глаза и уши, и также хладнокровно клали

(*) Особенно серьезно и важно то возстаніе китайцевъ противъ манчжурской династіи (подготовленное въ 1808 году), которое обнаружилось въ 1813 и продолжалось два года.

на костеръ или сажали на цѣпяхъ въ сырыя, затхлыя и темныя подземелья. Въ Европѣ, на то время, едва помирились съ Лютеромъ; Россія успѣла забыть о татарскихъ погромахъ, но еще съ трудомъ оправлялась отъ внутренныхъ смутъ междуцарствія; на московскомъ престолѣ сидѣлъ молодой царь Алексѣй; въ Китаѣ въ это время, когда господствовала династія, уже изнѣженная и разслабленная роскошью и бездѣйствіемъ (невидными для народа,—примѣтными, со стороны, для ближнихъ и зоркихъ сосѣдей)—случился громадный, но неожиданный переворотъ. Китай былъ покоренъ манчжурами—сильнымъ и воинственнымъ народомъ изъ того же монгольскаго племени, которое сбило себѣ подъ ноги и православную Русь и держало въ долговременномъ и паническомъ страхѣ всю, начинавшую тогда цивилизоваться, Европу

И если и тогда, какъ и теперь, китайская исторія затемнялась вымыслами историковъ и представлялась въ формѣ легендъ, басенъ и сказокъ, въ которыхъ, какъ и въ первоначальной европейской исторіи, трудно добираться до настоящаго и истиннаго смысла,—все-таки несомнѣнно одно, что Китай во второй половинѣ XVII столѣтія нашей эры утратилъ свою самостоятельность и независимость, и подчинился манчжурамъ. Племя это кочевало подъ бокомъ, вблизи китайскихъ границъ и на обширныхъ и благодатныхъ равнинахъ, омываемыхъ огромнѣйшею рѣкою Сунгарѝ съ ея безчисленными притоками, скопило великую мощь и силу, достаточныя для того, чтобы при помощи одного смѣлаго и рѣшительнаго собирателя земли своей и подъ его руководствомъ всей своей массой опрокинуться на сосѣда и задавить его.

Въ Китаѣ начались новые порядки. Народу приказано было думать, что по волѣ самихъ небесъ старый, прежній сынъ неба, за прегрѣшенія и преступленія, отозванъ на небо и вмѣсто него присланъ оттуда новый преемникъ, за которымъ народъ будетъ жить въ томъ же неизмѣнномъ положеніи. Народъ въ массѣ своей остался при этомъ наказѣ и приказу повѣрилъ, хоть въ самой сущности не зналъ, что прежняго богдыхана отправили на небо обыкновеннымъ человѣческимъ способомъ, на всѣхъ пространствахъ земнаго шара однообразнымъ, многократно-испытаннымъ и схожимъ въ мельчайшихъ подробностяхъ. За богдыханомъ поспѣшили искоренить въ конецъ и весь его родъ и племя (*), перерѣзали и перевѣшали всѣхъ его друзей и приближенныхъ; заколотили на вѣкъ въ колодки всю массу чиновниковъ изъ китайцевъ и отправили ихъ на житье въ самыя отдаленныя и пустынныя страны государства, каковыми на этотъ разъ для Китая были берега Амура и сѣверныя страны Манчжуріи, прилегающія къ рѣкѣ этой и ея притокамъ. И послѣ того, какъ и новый богдыханъ изъ манчжуровъ засѣлъ за пятой стѣной, въ неприступномъ и недосягаемомъ за множествомъ неподкупныхъ стражей дворцѣ своемъ и новая неисчислимая ватага нойоновъ— чиновниковъ изъ манчжуръ расползлась по самымъ дальнымъ окраинамъ государства и по самымъ мелкимъ городамъ и селеніямъ, навалившись на нихъ тѣмъ же чужеяднымъ паразитомъ и пьявицей; и послѣ того отдаленныя страны Манчжуріи, сосѣднія Амуру, не потеряли своего политическаго значенія, приданнаго имъ новыми повѣлителями. До сихъ поръ онѣ имѣютъ для манчжурскаго правительства значеніе ссыльнаго мѣста, куда присылается въ наказаніе и прегрѣшившій нойонъ и преступники противъ государственныхъ законовъ, китайцы, избавленные случайностями отъ огня и сабли. На берегахъ Уссури и на прибрежьяхъ Амура и океана селитъ строгій и жестокій Китай своихъ преступниковъ, осужденныхъ за мелкія преступленія. Сюда же (и именно на берега Уссури) прислали изъ Пекина обратно, но съ колодкой на плечахъ, и того старика айгунскаго амбаня, который пустилъ русскихъ въ устье Амура и заговорилъ лѣвый

(*) Только одинъ изъ представителей этой династіи успѣлъ спастись отъ казни и бѣжать въ горы внутренняго Китая. Тамъ одно изъ горскихъ племенъ—по способамъ, доступнымъ только горцамъ, сохранившее свою независимость—пріютило этого бѣглеца и бережетъ его въ средѣ своей про всякій случай и въ настоящее время.

берегъ рѣки въ пользу Россіи. Здѣсь же, т. е. на берегахъ океана, Уссури и Амура, мы собственными глазами нерѣдко видали изуродованныхъ людей, съ вырѣзанными ноздрями, съ проколотыми глазами, съ переломанными руками и ногами, присланныхъ сюда также изъ самаго Пекина, а подъ городомъ Айгуномъ и до сихъ поръ существуетъ огромная деревня, извѣстная подъ названіемъ *никанъ-ула* (китайская деревня), указывающимъ на корень и причину ея появленія въ средѣ кореннаго манчжурскаго населенія.

Такимъ образомъ, Амуръ оставался пустыннымъ въ верховьяхъ, оживляемыхъ прикочевками *манегиръ* изъ дальныхъ внутренныхъ провинцій Китая на лѣтнее время, и *орочонами*, приходившими изъ ближняго сосѣдства. Былъ онъ рѣдко населенъ въ низовомъ теченіи своемъ *гольдами*—этими мирными и кроткими рыбаками, которые за то, что не ходили вмѣстѣ съ манчжурами для завоеванія Китая, остались до сихъ поръ въ полукочевомъ состояніи—и *гилякамн*, которые, кажется, до сихъ поръ не признаютъ ничьей власти. И скопилъ Амуръ густое населеніе изъ манчжуръ на всемъ томъ прибрежномъ пространствѣ, какое залегло между устьями двухъ большихъ его притоковъ: Сунгарі и Зéи. Множество деревень съ осѣдлымъ населеніемъ, при прочномъ хозяйствѣ и домоводствѣ, съ городомъ Айгуномъ (по манчжурски Сахалянъ-ула-хотонъ) въ самомъ центрѣ своемъ, тянулись въ непрерывномъ рядѣ, цѣпляясь одна за другую садами и соединяясь кладбищами, на всемъ этомъ степномъ пространствѣ Амура. Особенно сильно облюдѣло оно и обильно застроилось постоянными жилищами осѣдлыхъ манчжуръ, когда, послѣ изгнанія русскихъ изъ Албазина и съ береговъ Амура, выстроилась въ Айгунѣ крѣпость и сосредоточилось въ ней мѣстное военное управленіе, назадъ тому почти двѣсти лѣтъ.

Въ такомъ видѣ нашла Россія Амуръ и манчжуровъ на немъ, послѣ заключенія айгунскаго трактата, и въ наши дни, когда начались вдоль всей трехтысячеверстной линіи рѣки поселенія забайкальскихъ казаковъ. Гуще и чаще потребовались и русскія селенія тамъ, гдѣ усиленнѣе скопилось манчжурское населеніе, и то, которое подчинено дзянь-дзюню (генералъ-губернатору) въ Гиринѣ и тѣснится къ рѣкѣ Сунгари, и то, которое находится въ вѣдѣніи другаго дзяндь-зюня, живущаго въ Цицикарѣ и управляющаго второю областію. Эта область граничитъ на сѣверѣ съ рѣкою Амуромъ и вѣдомствомъ военнаго города Айгуна, подчиненнаго амбаню, на правахъ русскаго военнаго губернатора. Все остальное — коренное — манчжурское населеніе тѣснится къ южному морю и занимаетъ однѣ изъ роскошнѣйшихъ и великолѣпныхъ равнинъ въ свѣтѣ. Оно группируется по берегамъ р. Сунгари и въ срединѣ страны около главнаго своего города Мугдéна, предоставляя сѣверную и восточную окраины нынѣшней Манчжуріи по прежнему ссыльнымъ поселенцамъ; по старому— полуосѣдлымъ, голоднымъ и негражданственнымъ племенамъ дикарей, каковы манзы и тазы (рыбаки—манчжуры (*) по берегамъ океана, тазы и гольды по р. Уссури, и гольды, самогиры, манегры и другія мелкія племена по прибрежьямъ Амура. Всѣ племена эти, какъ пограничныя и значительно-удаленныя отъ административнаго центра, находились къ Китаю въ томъ полузависимомъ положеніи, какое на этотъ разъ обезпечивалось, съ одной стороны—выгодою географическаго положенія, съ другой неудобствомъ примѣненія къ нимъ законовъ подчиненія, какъ къ племенамъ неосѣдлымъ. Гольды—лѣтомъ рыбаки—на большую половину года уходятъ во внутренніе, самые дальные хребты горъ, богатыхъ пушнымъ звѣремъ (и преимущественно соболемъ), и платя шкурками звѣрей принудительный ясакъ, другаго подчиненія не знали, и имѣть его не могли. Айгунъ, слишкомъ занятый сосредоточеннымъ и зоркимъ наблюденіемъ за русскими казаками (торговавшими съ орочанами, манегирами и тунгусами на верховыхъ берегахъ Амура) и плохо защищенный самъ, плохо

(*) Т. е. тѣ, которые исключительно промышляютъ звѣря и рыбу. Манзы исключительно ссыльные китайцы.

обезпеченный, былъ безсиленъ къ тому, чтобы, наложивъ тяжелую руку, держать ее въ неизмѣнномъ положенiи. Къ тому же сами гольды изъ жизненныхъ и экономическихъ условiй быта вышли тѣмъ кротко-податливымъ и безпрекословно-уступчивымъ народомъ, который готовъ удѣлять свой избытокъ, лишь бы только невыводили его изъ положенiя, мирно настроеннаго и разъ на всегда ими облюбленнаго. Къ нимъ, какъ къ манегирамъ и орочонамъ, разъ въ году наѣзжалъ изъ внутренныхъ городовъ Китая манчжурскiй чиновникъ, собиралъ шкурки для правительства, собиралъ для себя, и крѣпко нагрѣвая при этомъ руки всѣми неправдами и притѣсненiями, уѣзжалъ живымъ и здоровымъ чтобы опять черезъ годъ явиться сюда, и опять безъ стражи и безъ оружiя. Такъ было съ тѣми гольдами, которые жили по близости къ Айгуну и къ Гирину; но жившiе на Уссури и тазы сосредоточившiеся на рѣкахъ, текущихъ въ океанъ, находились еще въ меньшей зависимости. Между ними ближайшiе къ морю извѣстные подъ общимъ именемъ та-тху-су — бродяги независимые, издавна находились внѣ всякаго покровительства китайскихъ законовъ и управлялись своимъ выборнымъ начальствомъ какъ нѣкогда наши русскiе казаки. И можетъ быть, только потому они не сложились въ подобное казачеству учрежденiе, что не было подлѣ злаго сосѣда, съ неожиданнымъ и безпощаднымъ набѣгомъ, и что, живя въ сосѣдствѣ съ океаномъ, они съумѣли на личныхъ занятiяхъ выработать кроткiй духъ и довольство насущнымъ.

Въ этой независимости при-океанскихъ жителей, въ этой малой подчиненности при-амурскимъ гольдовъ, и въ положительной самостоятельности гиляковъ (о существованiи которыхъ едва извѣстно Китаю и въ настоящее время) заключается одна изъ причинъ такой скорой и легкой уступки Китаемъ Амура, а съ нимъ вмѣстѣ и такого огромнаго косяка земли, какой залегъ между океаномъ, Уссури и Амуромъ. Недружелюбно, даже злобно смотря на прiобрѣтенiе Россiей праваго берега Уссури, манчжурское правительство нерѣшительно, съ немалою долею равнодушія относилось къ землямъ гиляковъ и тунгусовъ и къ тѣмъ мѣстамъ, которыя прилегаютъ къ океану отъ устья Амура до независимой Кореи. И на сколько слабо было манчжурское вліяніе и на рѣкѣ Уссури да и на тѣхъ берегахъ Амура, гдѣ живутъ гольды, можно судить по суетливымъ хлопотамъ гиринскаго дзянь-дзюня. Не строгимъ и рѣшительнымъ приказомъ отнесся онъ къ жителямъ всѣхъ мѣстъ этихъ, какъ полноправный хозяинъ, а льстиво-угодливыми, лживо-заискивающими подметными письмами выпрашивалъ онъ у нихъ сочувствія къ себѣ и ненависти къ новымъ пришельцамъ, какъ человѣкъ безсильный и потерявшій уваженіе, у котораго только и осталось одно это мало-надежное и послѣднее средство (*). Ненадежными оказались и всѣ запрещенія, употребленныя въ ущербъ русскаго населенія айгунскимъ начальствомъ, когда сосѣдніе Благовѣщенску манчжуры, (вопреки приказанію своего амбаня и настояніямъ нойоновъ его) крадучись ночью, привозили въ городъ овесъ и буду (крупу). Безсильными остались и попытки русскаго начальства воспретить казакамъ покупать и пить манчжурскую водку изъ риса, такъ называемую арак̀и, восполнявшую крайній недостатокъ въ отечественномъ спиртѣ и въ одинаковой степени умѣвшую временно поддерживать жизненныя силы, растрачиваемыя на усиленныхъ работахъ и въ сырыхъ скороспѣлыхъ земляныхъ жилищахъ. Въ то время, когда два соперника такимъ образомъ от-

---

(*) Подлинныхъ, возмутительныхъ листовъ этихъ гиринскій губернаторъ написалъ и распространилъ замѣчательно много. Нѣкоторые случайно попались въ русскія руки. Вотъ содержаніе одного изъ нихъ, извѣстнаго въ Благовѣщенскѣ и полученнаго изъ Хабаровки. «Намъ извѣстно, что вы, живущіе на Уссури,—бѣглые изъ Китая, что поселились тамъ для того, чтобы разводить корень жиньшень (по манчжурски орохото) и продавать его намъ. Извѣстно также, что вы остаетесь независимыми и что у васъ были четыре начальника, которые съ вами дружно жили, но которыхъ, поссорившись, вы прогнали. Знаемъ также, что вы управляетесь теперь однимъ старшиною, которому уже болѣе двухсотъ лѣтъ отъ роду. Слышали мы теперь, что русскіе пришли къ вамъ и васъ притѣсняютъ, даже хотятъ подчинить всѣхъ васъ своей власти: но вы имъ не отдадитесь. Лучше всего, не затѣвая войны, предоставьте ихъ самимъ себѣ: они сами погибнутъ. Если вы буносились другъ къ другу недружелюбно, въ средѣ стараго и новаго населенія устанавливалось взаимное сочувствіе, а съ нимъ завязывалась и та народная связь, предъ которою оказались безсильными всѣ несогласія обѣихъ начальствъ. Съ большою быстротой и легкостью устроилось это великое дѣло между казаками и гольдами и велось со всѣмъ непосредственнымъ простосердечіемъ, открыто и громко; съ нѣкоторымъ упорствомъ и осмотрительностью устанавливалось оно у казаковъ съ манчжурами. Но добрая связь сосѣдей вязалась въ тихомолку и тайно, хотя въ томъ и другомъ случаѣ замѣчательно-прочно. Гольды безбоязненно разсказывали казакамъ нашимъ о манчжурскихъ чиновникахъ, какъ о своихъ притѣснителяхъ, дневныхъ грабителяхъ, умѣющихъ, по неизвѣстному имъ дикарямъ праву, отнимать все ихъ лучшее, все для нихъ необходимое. Манчжуры, озираясь и полушопотомъ говорили, то же самое, и надѣвая на плечи русскіе полушубки (по недостатку живыхъ мѣстъ, способныхъ держать заплату), годные только для помойной ямы, — краснорѣчиво доказывали всю выгоду сношеній съ пришельцами и невыгоду подчиненія старой отечественной власти. Пришельцы въ три года успѣли одѣть всѣ рваныя и полуголыя племена амурскихъ аборигеновъ и, заводя мѣновой торгъ со взаимнымъ договоромъ, сами въ то же время были сыты, за недостаткомъ забайкальскаго, манчжурскимъ хлѣбомъ и имѣли на черную думу и про недоб-

---

дете продавать имъ одинъ только рисъ и не станете уступать ни молока, ни мяса то они, привыкшіе къ этой пищѣ, безъ нея умрутъ сами собою, безъ насилія съ вашей стороны. Мы спрашивали объ этомъ высокое небо и оно подтвердило наши слова. Оно же повелѣваетъ вамъ поступать такъ и проститъ васъ», и т. д Вообще тонъ посланія—мягкой и осторожный, въ формѣ предложенія, а не предписанія. Подписи гиринскій губернаторъ не сдѣлалъ, а скрылъ ее подъ замысловатымъ титуломъ «разсужденія многихъ людей, бывшихъ на высокой горѣ». Чтобы придать посланію видъ сказанія мудрецовъ, дзянь-дзюнь во множествѣ снабдилъ текстъ пословицами, изрѣченіями, метафорами, но усердно перемѣшалъ съ ругательствами на главныхъ руководителей амурскаго дѣла. Впрочемъ, посланіе это миръ предпочитаетъ войнѣ: «мы-де начинать не станемъ, пусть сами русскіе начнутъ первыми».

*

рый часъ хотя и плохую, но недорогую аракі — водку. Въ этомъ инстинктивномъ предчувствіи дружескаго сосѣдства, подкрѣпленнаго вѣроятіемъ обмѣна избытковъ съ обѣихъ сторонъ, легла и вторая причина укрѣпленія русской ноги на берегахъ Амура,— именно въ этой серединѣ теченія его, густо населенной, защищенной крѣпостью, кое-какимъ войскомъ и большой флотиліей рѣчныхъ джонокъ. Надежное, испытанное средство основывать международныя сношенія на мирныхъ началахъ торговыхъ сношеній не измѣнило себѣ и здѣсь, въ этихъ мѣстахъ при-амурскихъ, казавшихся болѣе опасными и менѣе прочными для русскаго водворенія.

Наши два раза сожгли кумирню, выстроенную манчжурами на самомъ священномъ для нихъ мѣстѣ, но на берегу, уступленномъ Россіи; манчжуры выстроили новую кумирню, и когда нѣкоторые русскіе разбросали и эту, манчжуры кумирни не строили въ третій разъ, но амбань запретилъ продажу крупы и овса и всякаго жита: войны не объявлялъ. Когда съ нашей стороны воспослѣдовали намеки на возможность такого недобраго дѣла, тотъ же айгунскій амбань шуточками и остротою отвѣчалъ на вызовъ, прося извѣстить о нападеніи за нѣсколько дней, чтобы предварительно выслать изъ Айгуна овса для голодныхъ казачьихъ лошадей. Не поднялись манчжуры и на этотъ разъ, когда на запрещеніе амбаня впускать русскихъ въ городъ Айгунъ— наши отвѣчали построеніемъ противъ самаго города поста, или лучше избы, сооруженной въ одну ночь и получившей названіе *Неожиданной*. Манчжуры и на этотъ случай не шелохнулись. Добрыя отношенія сосѣдей не нарушились, хотя въ избу Неожиданную и посажены были сорокъ казаковъ со штуцерами.

Таковы были дѣла въ среднемъ теченіи Амура. Низовья рѣки стояли во всей своей дикой непривлекательности, лѣсистыя, невоздѣланныя, пустынныя, на всемъ тысячеверстномъ протяженіи своемъ имѣвшія только пять русскихъ поселеній и одинъ городъ — всѣ вблизи самаго устья. На нихъ Манчжуры не обращали вниманія и, не считая своими и не заселяя своими, твердо убѣждены были въ томъ, что Амуръ исчезъ при сліяніи съ рѣкой Сунгари, и рѣка эта, сдѣлавшись такимъ образомъ главной въ соединеніи съ рѣкой Уссури и Амуромъ, пошла въ неизвѣстную даль и тамъ гдѣ-то исчезла, впала можетъ быть въ другую рѣку, а можетъ быть и въ самое море. При равнодушіи къ низовьямъ (оказавшимся выгодными для Россіи) манчжуры съ тѣмъ же чувствомъ безразличія относились и къ лѣснымъ чащамъ и пустынямъ въ верховьяхъ рѣки, сосѣднихъ Россіи. Разъ въ году на пограничныхъ межахъ, въ назначенныхъ мѣстахъ по международному договору, съѣзжались наши и китайскіе чиновники для повѣрки границъ, въ собственномъ смыслѣ для обмѣна привѣтствій, привозили подарки, привозили вино, ѣли, пили, оставались другъ другомъ довольны и разъѣзжались, границъ не провѣривъ. Смутно рисовался предѣлъ ихъ на притокѣ Амура, рѣчкѣ Горбицѣ, но стоялъ русскій караулъ усть-стрѣленскій на нѣсколько сотенъ верстъ выше при сліяніи Шилки съ Аргунью; и сдерживалось казачье населеніе далеко ниже караула, въ двухстахъ верстахъ отъ Амура. И въ то время, когда правительство искало средствъ и путей къ пріобрѣтенію этой нѣкогда русской рѣки, и лица, командируемыя иркутскимъ начальствомъ, подбирались туда подъ тайнымъ прикрытіемъ и съ сильною осторожностью, казаки границъ не признавали и амурскихъ соболей считали своими. По старой памяти, восходящей до временъ Албазина, и по нисходящему живому преданію отъ прадѣдовъ, шилкинскіе и аргунскіе казаки клали по берегамъ Амура охотничьи тропы, устраивали съ амурскими орочо̀нами, далеко внутри теченія рѣки этой, такъ называемые больчжо̀ры (*) и бывали въ самомъ Айгунѣ, забирались въ рѣку Уссури, а старообря-

---

(*) Больчжо̀ры - родъ ярмарокъ, назначаемыхъ для обмѣна товаровъ,—существуютъ между казаками, тунгусами и орочонами съ незапамятныхъ временъ. Сходки эти назначались, по предварительному соглашенію обѣихъ сторонъ, въ извѣстномъ мѣстѣ на берегахъ Амура и въ извѣстное время. Въ назначеніи времени руководились обыкновенно фазисами луны и устраивали больчжоры въ началѣ такой то децъ Гурій Васильевъ жилъ на Амурѣ скитомъ три раза и проплылъ рѣкою до самаго устья (**).

По этимъ намѣченнымъ и завѣдомымъ путямъ и при такомъ положеніи дѣлъ манчжурскихъ могла пройти изъ Шилки вдоль всего теченія до самаго устья Амура и та небольшая флотилія, которая вышла подъ видомъ доставленія провіанта нашимъ морскимъ судамъ, а возвратилась назадъ, успѣвъ устроить пріобрѣтеніе всего лѣваго амурскаго берега. Заселеніе, начатое вскорѣ затѣмъ, уже не встрѣчало противодѣйствія и препятствій и, осѣвшись тамъ, ко времени нашего свиданія съ ними, глядѣло довольно-прочнымъ по отношенію къ туземцамъ и непрочнымъ можетъ быть, только по смыслу собственнаго положенія: безъ хозяйства, безъ руководства, безъ знанія, безъ сѣмянъ для посѣва, безъ соли для рыбы, со скотомъ, который валился послѣ дурной дороги, отъ неблагопріятныхъ вліяній новаго мѣста. Я встрѣтилъ тамъ русское населеніе въ томъ настроеніи, когда оно недружелюбно относилось къ существовавшимъ порядкамъ, сердито отзывалось о прошломъ и не имѣло никакой вѣры, не питалось надеждами на будущее. Старыя времена — но тяжелыя времена! Тогда думали, что какъ легко было пріобрѣсти Амуръ,

---

луны, въ 1-ю, во 2-ю четверть, въ полнолуніе. Самыя людныя и оживленныя сходки падали обыкновенно на январь и мартъ мѣсяцы. Казаки пріѣзжали съ хлѣбомъ, солью, водкой, дабой, ситцами; инородцы привозили пушныхъ звѣрей: бѣлокъ, лисицъ, куницъ и соболей.

(**) Гурій Васильевъ, старообрядецъ изъ Екатеринбурга, сосланъ былъ на поселеніе въ 1808 году, и водворенъ въ Удинскомъ округѣ. Весною 1815 г. онъ, съ двумя товарищами, бѣжалъ на Амуръ и поселился скитомъ въ пещерѣ, близъ Албазина, при устьѣ р. Урсы, и провелъ тутъ цѣлую зиму. Весной его схватили манчжуры и привезли въ Айгунъ. Здѣсь предлагали ему остричь бороду и принять подданство, какъ сдѣлали это многіе изъ бѣглыхъ русскихъ, проживающихъ въ Китаѣ. Васильевъ съ товарищами не согласился и, черезъ Цицикаръ и Хайляръ представленъ былъ на русскую границу въ Цурутухайтѣ. Водворенный на старомъ мѣстѣ жительства, онъ снова бѣжалъ на Амуръ искать уединенія и снова лѣтомъ, 1819 г. былъ пойманъ и тѣмъ же путемъ, изъ того же города Айгуна, возвращенъ назадъ. Наказанный плетьми и сосланный въ нерчинскій заводъ, Васильевъ бѣжалъ на Амуръ въ третій разъ (1822 году) и въ ту же пещеру при устьѣ Урсы. Здѣсь, питаясь кореньями, дичью и рыбой, прожилъ онъ двѣ зимы этого и слѣдуюто также легко можно произвести на немъ и поселенія; что если манчжуры скоро подались на уступку, то также быстро они могутъ взять свое слово назадъ: иначе ничѣмъ нельзя объяснить ту поспѣшность, съ какой дѣлалось вначалѣ дѣло проведенія этой вытянутой на двухъ съ половиной тысячахъ верстъ оплотной линіи, на которой помѣщены кое-какъ селенія забайкальскихъ казаковъ. Манчжуры, какъ мы сказали, и ухомъ не вели, и только когда явилась противъ Айгуна Неожиданная, и принесъ одинъ манчжуръ, возвратившійся изъ бѣговъ, недобрый слухъ о томъ, что онъ собственными глазами видѣлъ, на Шилкѣ, въ Горбицахъ большое русское войско, манчжуры подтянули къ Айгуну свои войска, начали ежедневно производить артиллерійское ученіе и перестали допускать русскихъ въ свой городъ. И далеко ужъ потомъ, когда казачьи станицы съ береговъ Амура и съ селенія Хабаровки повернули на правый берегъ Уссури, манчжурскія власти опомнились, засуетились, стали высказывать всякому встрѣчному свое неудовольствіе и смѣло увѣряли, что они русскихъ съ новаго мѣста прогонятъ. Рѣка Уссури сдѣлалась спорною, обѣщала быть встрѣчнымъ пунктомъ для стычекъ и конечнаго неудовольствія: передовому посту нашему на озерѣ Ханка угро-

---

щаго года. Весной въ 1823 г., изъ боязни старой исторіи непроизвольнаго перемѣщенія, онъ на маленькой берестяной лодкѣ (вѣткѣ) сталъ спускаться внизъ порѣкѣ, но, не пройдя ста верстъ, снова былъ схваченъ и представленъ въ Айгунъ. На этотъ разъ манчжурскія власти, не отправляя въ Россію, отдали его подъ присмотръ и отпустили на свободу въ городѣ, вмѣнивъ ему въ обязанность обученіе мальчиковъ русскому языку, за что хорошо кормили его, одѣвали и вообще содержали въ довольствѣ. 1826 году, Гурій, по распоряженію айгунскихъ властей, вмѣстѣ съ другими, отправленъ былъ внизъ по Амуру для ловли рыбы. Жестокость обращенія заставила его на вѣткѣ бѣжать еще дальше по теченію, гдѣ (показывалъ на допросахъ Гурій), «пройдя сліяніе рѣки Сунгари съ Амуромъ, я былъ внѣ всякой опасности, ибо народъ янты (гольды), обитающій по Амуру, уже не зависятъ отъ китайцевъ и манчжуръ». Продолжая путь свой далѣе по Амуру, съ помощію туземцевъ, онъ достигъ къ осени до земли гиляковъ, гдѣ становился на зимовку. Отъ гиляковъ онъ узналъ, что къ сѣверу отъ Амура живутъ тунгусы, а потому весною 1827 года вышелъ изъ Амура на гиляцкой лодкѣ въ море Охотское. Слѣдуя вдоль берега и не доходя 30 верстъ до устья р. Тугуръ, становился у тунгусовъ на зимовку и вмѣстѣ съ ними, къ веснѣ 1828 г., явился въ Удской жала даже серьезная опасность, оба офицера, и нашъ и манчжурскій, крѣпко поссорились, грозили другъ другу оружіемъ. Близъ другаго поста нашего въ гавани Посьета поставлены были манчжурскіе караулы; сосѣдніе жители прекратили съ нашими торговыя сношенія; дѣла не клеились. Но пекинскій трактатъ прекратилъ всѣ недоразумѣнія, и прекратилъ ихъ въ то время, когда на берегу Уссури существовали десятка полтора русскихъ казачьихъ селеній, красовавшихся на обширныхъ и роскошныхъ низменностяхъ.

Мы помнимъ эти низменности, покрытыя богатой растительностью и сочной травой, и на которыя приводилось намъ любоваться въ теченіи двухъ недѣль, бывшихъ у насъ въ распоряженіи. Однѣ низменности упирались въ каменистыя подножія высокаго хребта Хёхцира, большая часть другихъ уходила въ конечную даль, гдѣ сквозъ матовую синеву дàли уже тускло прорѣзались вершины горъ, далеко ушедшихъ къ морю. Долина Уссури была бы сплошною, если бы раза три невыпускалъ на ея берегъ отдаленный хребетъ свои невысокіе отроги, какъ бы для того, чтобы придать берегамъ бòльшее разнообразіе—и дѣлалъ свое дѣло. Амуръ въ самыхъ лучшихъ, красивѣйшихъ своихъ мѣстахъ не выдерживаетъ сравненія съ улыбающейся приуссурійскою мѣстностью, на всемъ ея протяженіи, доступномъ для судоходства, на всѣхъ этихъ, почти трехъ сотняхъ русскихъ верстъ, какія легли между устьемъ р. Сунгачѝ, вытекающей изъ озера Ханкà, и устьемъ самой Уссури, при впаденіи круто-пово-

---

острогъ. На показаніяхъ этого Васильева ген.-губ. Восточной Сибири Лавинскій основывалъ свои виды на Амуръ. Въ 1832 году онъ предполагалъ установить плаваніе по рѣкѣ этой, поставляя китайцамъ на видъ и въ укоризну, что мы желаемъ только свободно плавать, а не отыскивать въ ихъ предѣлахъ перебѣжчиковъ, проживающихъ у нихъ въ приамурскомъ краѣ въ противность заключенному съ ними трактату. Министръ финансовъ отвѣчалъ Лавинскому, въ 1833 году: „мнѣ кажется, что всякое предпріятіе плавать по Амуру безполезно и въ отношеніи подозрительности китайцевъ опасно; поелику мы не имѣемъ ни силы, ни намѣренія обладать тѣмъ краемъ, а безъ обладанія имъ нельзя думать о судоходствѣ и о торговлѣ, а потому безъ этого и не слѣдуетъ что-либо затѣвать„.

рачивающей Амуръ на сѣверо-востокъ. Здѣсь сама природа поспѣшила указать направленіе для поселеній, и будь онѣ свободными (безъ той безрасчетной опеки, съ какою велись всѣ дѣла на Амурѣ), пришельцы предпочли бы суровымъ и негостепріимнымъ низовьямъ Амура долину рѣки Уссури. Тамъ мертвая хвоя, мшистыя тайговыя болота, хорошо родится ячмень и удержится рожь; здѣсь корабельные лѣса въ представительствѣ клена, дуба, орѣшника, роскошныя травы въ поляхъ, годами дозрѣваетъ виноградъ, дико растутъ яблоки, въ одномъ изъ озеръ водятся рѣчныя черепахи, а у китайца Викула родится самъ 250 кукуруза, самъ 350 буда. Тамъ господствуютъ сѣверные вѣтры и Амуръ спитъ еще подо-льдомъ въ то время, когда на берегахъ Уссури наливается почка и луга улыбаются зеленью при господствѣ вѣтровъ югозападныхъ. Амуръ идетъ въ Охотское море-никогда, при всѣхъ усиліяхъ, недопускавшаго прочнаго населенія и неподдержавшаго ни одного морскаго порта; Уссури, притокомъ своимъ, Сунгачей, и озеромъ Ханкаемъ, черезъ невысокій водораздѣльный хребетъ, и рѣку Суйфунъ, впадающую въ море — всегда будетъ въ связи съ тою частію океана, которая принадлежитъ самымъ лучшимъ изъ русскихъ гаваней, каковы: Мей, Ольга, Экспедиція и Новгородская. Цѣлыя полдня колеса нашего маленькаго парохода, поднимавшагося вверхъ по рѣкѣ въ августѣ мѣсяцѣ, били громадное руно рыбы, и она, въ количествѣ трехъ десятковъ, испуганная шумомъ, бившись о-бортъ, случайностью всплесковъ накидалась въ лодку, шедшую за нами на буксирѣ. Множество деревенекъ, въ числѣ вдвое большемъ количества казачьихъ станицъ, сѣло на обоихъ берегахъ судоходной рѣки этой и огромное населеніе гольдовъ умѣетъ ограничивать свои нужды тутъ же на мѣстѣ, мало нуждаясь въ дальныхъ хребтахъ, меньше тяготясь манчжурскимъ ясакомъ. И не смотря на то, что и здѣсь, по крайной непредусмотрительности, сѣли тѣ казаки, которые занимались на Аргуни не хлѣбопашествомъ, а контрабандой, не скотоводствомъ, а питьемъ по нѣскольку разъ въ день дешеваго карымскаго (кирпичнаго) чаю:

мы меньше слышали жалобъ на бездолье и не слыхали ихъ на трудную обработку почвы. На Уссури не захватывали казаки китайскихъ землицъ для сѣнокосовъ, и хотя цѣлыхъ полгода жили безъ соли, но ѣли хорошую рыбу и удержали скотъ, въ большомъ количествѣ противъ амурскихъ, свободнымъ отъ падежей, сытымъ отъ отличнаго корма. Въ то время, когда такъ называемые сынки (изъ штрафованныхъ гарнизонныхъ солдатъ, присланныхъ изъ Россіи) блудили воровствомъ и развратомъ на Амурѣ, здѣсь они спарились по трое—по четверо и могли начать хозяйство. Домовитый и денежный казакъ изъ шилкинскихъ въ одну осень съумѣлъ поторговать въ Николаевскѣ рублей на пятьсотъ серебромъ одними орѣхами; а другой изъ такихъ же установилъ правильный торгъ пушнымъ звѣремъ, обѣщавшій со временемъ большую для него и значительную операцію. Обиліе дикихъ пчелъ, по сосѣднимъ лѣсамъ, послужило причиною тому обстоятельству, что рѣдкій казакъ не угощалъ насъ ароматными сочными сотами, рѣдкій изъ нихъ не услаждалъ ими и собственную житейскую горечь, порожденную несвоевременнымъ и неаккуратнымъ полученіемъ казенныхъ хлѣбныхъ сплавовъ, которые—къ довѣршенію пущаго горя—уссурійскіе казаки должны были тащить на лямкахъ, вверхъ по теченію. Теченіе рѣки, къ счастію дѣла—не быстрое, не быстрое потому, чтъ идетъ Уссури по плоской равнинѣ и истоки ея скрыты въ весьма далекихъ горахъ, составляющихъ раздѣлъ водъ, текущихъ въ Амуръ, и другихъ, которыя направляются уже прямо въ океанъ. Горы эти, обросшія кленомъ и дубомъ, снабжены тѣми долинами, какія служатъ мѣсторожденіемъ тигровъ и барсовъ (успѣвшихъ уже съѣсть одного матросика, отправленнаго на Уссури съ почтой); въ то же время роскошныя долины эти привлекаютъ сюда изъ внутренняго Китая и изъ самаго Пекина десятки отрядовъ, назначенныхъ откапывать чудодѣйственный корень—*жинь-шень* (*).

(*) «Онъ излечиваетъ поносъ (говоритъ, слово въ слово, одна попавшаяся намъ въ руки китайская рукопись), онъ утишаетъ боль въ кишкахъ, прекращаетъ параличъ и конвульсіи, возвращаетъ утраченныя силы, возстановляетъ ослабленныя и

Вотъ что узнали мы объ этомъ дѣлѣ.

Корень этотъ любилъ покойный богдыханъ и вмѣстѣ съ дворомъ своимъ потреблялъ его огромное количество, во всѣхъ видахъ, допускаемыхъ и европейскою фармаціею (т. е. и въ декоктахъ, и въ порошкахъ, и въ настоѣ, и проч.). Пресыщенный чувственнными удовольствіями, незнавшій въ нихъ мѣры, онъ нуждался въ чудодѣйственной силѣ корня и вѣрилъ ей, а приписывая ему божественное происхожденіе, въ знакъ особенной милости Будды, дарованной только его родинѣ, онъ считалъ всѣ долины Манчжуріи, въ которыхъ растетъ жинь-шень, собственностью двора. Всѣ мѣсторожденія корня были заповѣдными плантаціи его поручались особому, бдительному надзору начальниковъ областей и охранялись нарочно-назначаемою лѣсною военною стражею; но рыть драгоцѣнный корень имѣлъ право всякій, получившій билетъ отъ губернаторовъ. При этомъ ограничивалось число искателей и опредѣлялось количество работниковъ, а также назначались и тѣ мѣста, въ которыхъ они имѣли право производить поиски. Въ Тенъ-дзинѣ служили для этой цѣли всѣ горы, идущія на востокъ къ морю (около озера Ханка̀), и число билетовъ ограничивалось цифрою 1752—самою большею изо всѣхъ; выпадающихъ на долю остальныхъ пяти мѣстъ, изобилующихъ, жинь-шенемъ (**). По всѣмъ горамъ разсыпалось ежегодно около

укрѣпляетъ ихъ, увеличиваетъ въ человѣкѣ жизненный духъ, утущаетъ въ мгновеніе ока загорающіяся страсти, чистить кровь, уменьшаетъ избытокъ испарины, ободряетъ стариковъ и возстановляетъ силы, растраченныя на любовныхъ наслажденіяхъ. Сверхъ того пріостанавливаетъ, на нѣкоторое время, самую смерть. Напр., если порошокъ этого корня дать въ чаѣ больному, находящемуся при послѣднихъ минутахъ жизни, то и такой больной придетъ въ чувство, получитъ, такъ сказать, добавку жизненнаго духа и проживетъ еще нѣсколько часовъ». Самое слово жиньшень въ подстрочномъ переводѣ означаетъ жизненный духъ, а манчжурское орохото—корень-человѣкъ—придано корню за сходство его съ человѣческой фигу-

(**) Въ Гиринъ-улѣ выдавалось 465 билетовъ; въ Нингутѣ—195; въ Бедунѣ—32; въ Алчукѣ—27; въ Санъ-синѣ—33. Въ Тень- дзинѣ выдавался билетъ одному хозяину съ 4 рабочими; въ Гиринѣ—одинъ билетъ 4 промышл. съ 5 рабочими.

19 тысячъ искателей; правитель округа, раздавшій всѣ билеты, удостоивался отъ двора награды. Промышленники отводимы были въ горы подъ военнымъ надзоромъ, —цѣлое войско сопровождало искателей въ Тень-дзинѣ; а въ небольшихъ хребтахъ (въ Улѣ, Нингутѣ, Хунь-чунѣ и Сань-синѣ) разставлялись отдѣльные военные отряды, обязанные наблюдать, чтобы жинь-шень не сѣяли и не добывали тайно. Въ горы пускали по особымъ билетамъ; каждый работникъ, ѣдущій водой, имѣлъ право на лодку и на 6 четвериковъ рису и проса, а отправлявшійся сухимъ путемъ могъ имѣть одного верблюда. Признаки корня распознавались по внѣшному виду растенія, имѣвшаго стебель, вышиною въ аршинъ, съ 5 или 6 вѣтками, расположенными одна противъ другой, на подобіе чаши, съ красными сѣменами и цвѣтами, съ пятью листьями на каждой вѣткѣ (*). По возвращеніи изъ горы, рабочихъ осматривали на заставахъ и надписывали на билетахъ количество добытаго корня, прозваніе, имя и обликъ каждаго промышленника; при этомъ назначалось время для обратнаго слѣдованія, опредѣлялись станціи, предписывались явиться въ контору. Если открывалось, что кто-либо ходилъ не въ назначенныя мѣста, или продавалъ билеты другимъ, или самовольно пробирался въ заповѣдныя горы, или, взявъ большее противъ положенія количество хлѣба, провелъ въ горахъ зиму, или, наконецъ, бралъ съ собою ружья, сѣти: всѣхъ тѣхъ предавали строгому, немилостивому суду. Всякій возвратившійся изъ горъ искатель платилъ оброкъ, за уплатою котораго ему дозволялось продавать купцамъ, но только въ конторѣ (**). Весь оброчный жинь-шень поступалъ въ дворцовое правленіе, которое за каждый ланъ

(*) Жинь-шень растетъ кустами. На Уссури разводится искуственно.

(**) Купцы частнымъ образомъ не имѣли права ввозить корень жинь-шеня въ Китай подъ страхомъ смерти. При проходѣ черезъ Великую стѣну, они сверхъ того обязаны были платить пошлину: за жинь-шень изъ Тяндзина по 4 лана серебра съ каждаго чина. (Въ русскомъ фунтѣ—11 ланъ; въ ланѣ—10 чинъ). Провозить свой имѣли право только при казенномъ транспортѣ и подъ прикрытіемъ стражи.

корня выдавало по 5 ланъ серебра, какъ бы въ вознагражденіе за путевыя издержки. Поступивши въ контору, корень подвергался самому строгому осмотру. Ежели попадался сѣяной, то наводились справки и виновному спуску не давали. Ежели, по сдачѣ корня въ правленіе, оказывались свинцовыя дробинки и соръ, прибавленные для вѣсу, отвѣчали своей шеей сами члены правленія. Затѣмъ корень сортировался на пять разрядовъ: крупные корешки первыхъ четырехъ сортовъ оставлялись во дворцѣ, а корешки пятаго разряда, раздробленные и вымоченные снова дѣлились на $3\frac{1}{2}$ разряда и поступали въ продажу (*).

Въ этой многознаменательной силѣ дорогаго корня, имѣвшаго счастіе поправиться и оказывать пользу недавно умершему богдыхану, заключается отчасти причина той хлопотливости, которою сказались всѣ манчжурскіе чиновники при извѣстіи о занятіи рѣки Уссури рускими, и объясняется отчасти множество военныхъ отрядовъ, встрѣчавшихъ русскихъ вездѣ: и на Уссури и на берегахъ океана. Не всегда съ цѣлію охраненія границъ группировались войска въ извѣстныхъ пунктахъ:—очень часто охраняли онѣ тѣ добычи, которыя удовлетворяли прихотливому и набалованному вкусу повѣлителя Китая. Вблизи Кореи добывались морскія растенія, устрицы и другія слизни, любимыя китайскою кухнею; противъ острова Формозы, на крутыхъ и отвѣсныхъ скалахъ китайскаго берега, получались драгоцѣнныя птичьи гнѣзда (приготовляемыя особою породою морскихъ ласточекъ). Но такъ какъ всѣ эти пріобрѣтенія сопряжены были съ большими лишеніями на океанѣ и съ крайнею опасностью жизни противъ Формозы, то, находя подрячиковъ—промыслы эти не нашли бы охотниковъ, если бы китайское правительство само не придумало средствъ пособляющихъ.

Откупщики всякаго подобнаго рода статей получали въ помощь себѣ отъ двора нужное имъ количество преступниковъ,

---

(*) Ланъ корня 4-го разряда оцѣнивается въ 400 ланъ; 5-го разряда въ 300 ланъ, дробнаго корня—въ 150 и мелкаго корня во 100 ланъ чистаго серебра.

для которыхъ въ свою очередь назначалось извѣстное число войска для порядка и надзора. И изо ста человѣкъ девяносто валились въ море, на скользкомъ поприщѣ добычи ласточкиныхъ гнѣздъ; а изъ нѣсколькихъ тысячъ другихъ, назначенныхъ для ловли травъ и океанскихъ устрицъ, образовались огромныя и частыя селенія и въ заливѣ Посьета, и Ольгѣ, и въ бухтѣ Находка, гдѣ и встрѣчаютъ ихъ кругосвѣтныя военныя суда наши и суда амурскаго отряда. Ради этихъ промышленниковъ—по всему вѣроятію—собраны были, около бухты Экспедиціи, и тѣ войска манчжурскія, встрѣчу съ которыми мы описали уже въ одной изъ прежнихъ статей нашихъ. Не осѣлось населеніе ссыльныхъ около мѣстъ добычи жинь-шеня и то потому, что копаютъ его руками наемными и притомъ людьми, приводимыми сюда изъ внутренняго Китая, и только на озерѣ Ханкаѣ видали наши людей съ отрубленными ушами и рваными нодзрями. При нихъ-то—вѣроятно—и состоялъ караулъ, офицеръ котораго гналъ нашъ постъ съ этого озера. Только объ этомъ мѣстѣ, какъ о крайной границѣ плантацій жинь-шеня, усиленно хлопотали манчжуры и, выговоривъ его въ пекинскомъ трактатѣ, не стояли за Уссури, полагая жителей ея въ сомнительномъ и шаткомъ подданствѣ. Впрочемъ, такъ было и на самомъ дѣлѣ.

Живущіе на Уссури китайцы съ бо̀льшимъ озлобленіемъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, отзывались объ манчжурахъ, и чиновники изъ племени этого, разъ въ году, являлись сюда изъ Гирина, пріѣзжали собственно для однихъ только гольдовъ. Впрочемъ, и изъ гольдовъ были плательщиками ясака—не уссурійскіе, а тѣ, которые приходили сюда по старой привычкѣ съ низовьевъ Амура, черезъ хребты, прямикомъ и съ добычей, состоящею большею частію изъ соболей посредственнаго достоинства (*). Но стоило казакамъ нашимъ дать и этимъ людямъ —

(*) 75 к., 1 р. 50 коп. аа шкуру въ первые годы занятія русскими Амура и не свыше 6 руб. въ то время, кинулись сюда всѣ сибирскіе торгаши (даже одинъ армянинъ) и наперерывъ другъ передъ другомъ набивали цѣну. Прикащики амурдѣтямъ природы, одареннымъ простосердечіемъ и наивностью понятій,—дешевый совѣтъ неповиновенія, чтобы и эти гольды, на второй годъ пребыванія русскихъ на Уссури, возвращались назадъ не по рѣкамъ и на глазахъ манчжуровъ, а новымъ путемъ — по хребтамъ и за глазами. На слѣдующій годъ они уже вовсе не приносили податей, и на Уссури явились тайкомъ, чтобы распродать казакамъ добытыхъ звѣрей. Манчжуры, впрочемъ, и не заявляли о томъ никакихъ видимыхъ знаковъ своего неудовольствія, а къ жителямъ притоковъ рѣки Уссури (каковы напр. Бикинъ, Еманъ и Поръ) они положительно оставались безразличными. Съ тѣмъ же равнодушіемъ отнеслось и русское начальство ко всѣмъ мѣстамъ этимъ и только потому, что разъ наладивши ходить прямой дорогой, оно не обратило никакого вниманія (да едва-ли придаетъ и какое-либо значеніе) всѣмъ мѣстамъ, лежащимъ въ сторонѣ отъ Уссури и отъ Амура. Изъ амурскихъ притоковъ, только на Зею обращено нѣкоторое вниманіе и то благодаря досужеству вольныхъ поселенцевъ изъ молоканъ Таврической губерніи; а про уссурійскіе притоки ходили только неопредѣленныя вѣсти и слухи, обязанныя тому обстоятельству, что нѣкоторые изъ торговыхъ казаковъ, въ видахъ барышей и корысти, проникали туда. Между тѣмъ по рѣкамъ этимъ —самая раскошная растительность, самые густые и лучшіе лѣса со всѣмъ разнообразіемъ древесныхъ породъ и въ то же время богатые соболемъ (**). Рѣка Еманъ (впадающая въ Уссури въ 400 верстахъ отъ Амура) до того быстра, что не замерзаетъ во всю зиму и потому привлекаетъ къ себѣ на это время несмѣтное количество гусей и утокъ и до того богата растительностью, что берега ея почти вплотную оплетены виноградными лозами; а по Бикину и

ской компаніи отличались тутъ больше всѣхъ. Туземцы, обсчитанные и общипанные манчжурами, привыкли и русскія штучки считать во благо и ведутъ торговлю съ нашими и охотнѣе и сговорчивѣе.

(**) Одинъ казакъ въ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца успѣлъ набить тамъ до 40 соболей; другой принесъ 15. Много и бѣлки, но ею стали уже брезговать казаки и бьютъ этого, любимаго на Шилкѣ, звѣря неохотно.

пору кедровые лѣса стоятъ непроглядной стѣной и съ трудомъ проходимы. На весьма рѣдкихъ и небольшихъ проталинкахъ (луговинкахъ) стоятъ одинокія юрты оро́чей—небольшаго племени, языкъ котораго непонятенъ манчжурамъ и съ трудомъ понимается гольдами. Рѣдко имѣя сношенія и съ тѣми и съ другими, орочи съумѣли сохранить до такой степени одичалую простоту нравовъ, что при одномъ видѣ русскихъ и при появленіи ихъ въ юртѣ,— они бѣжали вонъ, прятались за деревьями:

«Ревешь — ревешь потомъ, да такъ и не доклечешься — разсказывали казаки и прибавляли, что когда пронесся слухъ о воинственномъ движеніи манчжуръ въ эту сторону, оро́чи (вскорѣ спознавшіеся съ нашими) сказывали, что они убѣгутъ въ лѣса, и оттуда уже никогда и ни къ кому не выйдутъ, а сдѣлать имъ это легко, потому что племя ихъ небольшое и почти всѣ знаютъ другъ друга. Однако, отъ тигровъ, которые ходятъ здѣсь всегда въ сопровожденіи одного или двухъ барсовъ, имѣющихъ обыкновеніе поживляться остатками отъ тигровой добычи (*), орочи не бѣгутъ и мѣстъ, какъ и гольды, не перемѣняютъ. Составляя такимъ образомъ также полуосѣдлое племя, они отличаются отъ гольдовъ большею кротостью и робостью, и также какъ и тѣ отличаются всѣми доблестями первобытныхъ народовъ: они не воры, необыкновенно-цѣломудренны и непосредственно-нравственны. Когда двое гольдовъ убили въ азартѣ женщину, они пришли просить русскаго суда, за неимѣніемъ своихъ законовъ; неуспѣвшихъ предусмотрѣть такой неожиданный случай. Казаки прибавляли къ этому въ поясненіе:

— У нихъ и медвѣдь, какъ и сами они, до того смиренъ, что бѣжитъ прочь, когда попадется на встрѣчу. Одинъ казакъ

(*) Казаки разсказываютъ, что тигръ, насытившись добычей, неистово реветъ, и тѣмъ какъ-бы приглашаетъ провожатыхъ своихъ, ненаходчивыхъ барсовъ. Большинство слуховъ останавливается на томъ, что звѣри эти на людей нападаютъ неохотно, — иначе нечѣмъ объяснить отсутствіе несчастныхъ случаевъ при огромномъ количествѣ этого хищнаго звѣря.

провалился къ нему въ берлогу и не успѣлъ креста положить: медвѣдь выскочилъ прежде него и пятки показалъ, да еще—на смѣхъ—всего казака обрызгалъ со страху.

Медвѣжьи берлоги въ замѣчательномъ множествѣ попадаются въ лѣсахъ, идущихъ къ приморскимъ хребтамъ по правому берегу Амура. Не мало ихъ и въ лѣсахъ уссурійскихъ. Орóчи и гольды поднимаютъ семейныхъ медвѣдицъ на копья, а медвѣжатъ отбираютъ и воспитываютъ, съ цѣлью продать ихъ потомъ гилякамъ. Гиляки почитаютъ этихъ звѣрей священными и покупаютъ ихъ за большія деньги къ каждому празднику, на которомъ медвѣдю принадлежитъ главная роль. Съ нимъ борются, передъ нимъ пляшутъ и потомъ съѣдаютъ всѣмъ множествомъ семей, являющихся на этотъ праздникъ.

Но не медвѣди и тигры, не гуси и утки и не фазаны (также прилетающіе на Уссури)—краса и гордость всѣхъ лѣсовъ и хребтовъ при-уссурійскихъ и при-амурскихъ; не они, и не жень-шень — главная приманка и пущій соблазнъ—для манчжуровъ прежде, для русскихъ—теперь. Это—самый злой изъ всѣхъ, лукавый, проворный и хищный звѣрокъ, наружнымъ видомъ и внутренными качествами похожій на кошку; этотъ — давній путеводитель къ открытію новыхъ странъ, гроза всѣхъ своихъ лѣсныхъ сосѣдей: бѣлокъ, горностаевъ, хорьковъ, тетеревей и рябчиковъ; житель норъ въ древесныхъ дуплахъ или подъ деревомъ, гдѣ онъ нѣжится на постелѣ изъ травы, моху и перьевъ. Это — соболь, который живетъ всегда домовито, строитъ нѣсколько гнѣздъ и дальше пяти верстъ (приблизительно) изъ своего околодка не заходитъ, развѣ на случай выбора подруги, и тогда обыкновенно ночуетъ въ ея гнѣздѣ, въ видѣ исключенія. Сдѣлавшись отцомъ, онъ въ тоже время не перестаетъ быть злодѣемъ, самоѣдомъ, и самка, зная его кровожадныя наклонности, родитъ обыкновенно гдѣ-нибудь въ горѣ подъ плитой (двухъ и трехъ, а иногда 6, 7 и даже 9), скрытно отъ самца, который щенятъ своихъ жретъ; но и самъ, въ свою очередь, пожирается пробѣгающимъ товарищемъ, если настороженный промышленникомъ лукъ убьетъ его стрѣлою, а другой приводъ въ снарядѣ (óчепъ) не подниметъ его на воздухъ, оставивъ валяться на землѣ. Такой снарядъ, устанавливаемый на слѣдъ соболя, болѣе другихъ употребителенъ по зимамъ, когда глубокія снѣга не могутъ удерживать собачьей ноги. Собака во всѣ другія времена года ловитъ соболя только на открытомъ мѣстѣ и служитъ охотнику въ лѣсу тѣмъ, что загоняетъ звѣрка на дерево, но и тамъ находитъ его стрѣла или пуля, только такія, которыя пускаетъ крѣпко привѣсившаяся рука, управляемая зоркимъ и привычнымъ глазомъ. Ходя намѣченными и привычными путями, соболь любитъ по преимуществу отроги Яблоноваго или Становаго хребта (включая сюда и оба Хингана) и селится въ дремучихъ лѣсахъ по рѣкамъ: лучшіе въ вершинахъ Олёкмы, на Алданѣ и Удѣ, средніе — на Колымѣ и худшіе — на Вилюѣ, а за тѣмъ и по Амуру и по Уссури; при чемъ только албазинскіе стоятъ еще въ высокой цѣнѣ и въ большомъ почетѣ (*).

Нѣкогда соболь увлекъ сюда на Амуръ Хабарова съ товарищами; онъ же и въ наши дни не теряетъ магнетической силы своей для большинства русскаго люда (когда золото составляетъ еще запутанную и трудно разрѣшимую, а для частныхъ людей и недоступную на Амурѣ загадку). Не только сюда, но и на Уссури пришли за соболемъ и сибирскіе купцы, для которыхъ это дѣло перваго сорта и бывалое, явились съ Сунгари коммиссіонеры китайскихъ купцовъ и манчжуры съ Амура съ русскимъ серебромъ. Серебро зазвенѣло и засверкало и здѣсь въ такомъ множествѣ, о каковомъ и не снилось орóчамъ и гольдамъ, привыкшимъ отдавать соболей за дабу, за желѣзныя и мѣдныя вещи. *А* за тѣмъ появился соболь и на шапкахъ айгунскихъ

(*) Нижегородская ярмарка разцѣнила амурскихъ соболей весьма скупо, поставивъ ихъ несравненно ниже якутскихъ. Тамъ, именно въ удскомъ краю — встрѣчаются бѣлые соболи, но шкурка этихъ, кромѣ рѣдкости, другихъ достоинствъ не имѣетъ. На Олекмѣ встрѣчается другая рѣдкость: черная бѣлка.

нойоновъ, которымъ служилъ прежде дешевый мѣхъ мелкаго барашка—мерлушки.

Къ-нимъ-то, къ этимъ нойонамъ, и переходимъ мы теперь, чтобы съ ихъ разрѣшенія и по ихъ указаніямъ— проникнуть въ глубь города Айгуна и разсказать о томъ, что мы видѣли и слышали въ короткое и торопливое время знакомства и свиданій.

2. ГОРОДЪ АЙГУНЪ.

На первый проѣздъ мой по Амуру входъ русскимъ въ Айгунъ былъ строго запрещенъ по поводу ссоры, возникшей послѣ запрещенія манчжурамъ продажи ихъ водки (араки). Прежде наши свободно разгуливали по деревнямъ и по городу; тутъ и тамъ заводили торговыя дѣла; застигала ихъ ночь—ночевали; днемъ, свободно и не встрѣчая обидъ, бродили по-всюду. Но разъ благовѣщенскія дамы, возвращаясь изъ Айгуна, въ одной деревнѣ, были встрѣчены неистовымъ крикомъ мальчишекъ; въ сани было брошено нѣсколько камней, одинъ кирпичъ успѣлъ даже больно зашибать кого-то. Въ самый городъ въ день моего пріѣзда не впустили любопытную молодежь-моряковъ даже и послѣ того, когда они сошли на берегъ и вступили въ одну изъ городскихъ улицъ.

Чтобы получить дозволеніе на осмотръ города, мы должны были обратиться къ посредству одного изъ нойоновъ, случайно прибывшаго въ Благовѣщенскъ и на обязанности котораго лежали всѣ дѣла по сношенію съ русскими. Это былъ славный старикъ, любимый всѣми своими и всѣми нашими (за послѣднее онъ не одинъ разъ поплатился) (*) и дѣйствительно болѣе на-

---

(*) Съ него на цѣлый мѣсяцъ снимали знаки достоинства, т. е. отбирали шапку съ шарикомъ, бусы шейные, курму съ леопардами, не позволяли подбривать лобъ, держали въ домѣ за то, что онъ попустилъ сжечь кумирню на томъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ дѣлаетъ колѣно, наподобіе волжскаго въ Жигуляхъ, подъ Самарой.

клонный къ дѣламъ миролюбиваго и кроткаго порядка, чѣмъ къ такимъ, которыя вызывали на ссору, посѣевали неудовольствія. Старикъ Оргинга, съ синимъ прозрачнымъ шарикомъ на шляпѣ, скоро устроилъ намъ это дѣло: амбань далъ разрѣшеніе, съ назначеніемъ утра одного дня, въ который намъ надо было плыть мимо Айгуна, внизъ по Амуру. Утромъ мы попасть не успѣли; пріѣхали вечеромъ на солнечномъ закатѣ, думая переночевать и на другой день пуститься въ городъ. Такъ мы разсчитывали; вышло иначе.

Лишь только остановилась наша лодка и пяти минутъ не прошло, на берегу собралась толпа густая, говорливая, разнообразная: тутъ были и мальчишки и мальчики, старики и взрослые: не было только женщинъ, но и ихъ любопытныя лица можно было различать въ окнахъ домовъ на берегу. Любопытство было возбуждено сильно: нѣкоторые покидали работу, привязывали лошадей, выскакивали изъ лодки. Толпа прибывала. Явились полицейскіе. Мальчишки толкали другъ друга въ Амуръ, брызгались водой, шумѣли, толкались, особыхъ безпорядковъ не дѣлали, но двое полицейскихъ все-таки съ палками въ рукахъ бросались въ толпу, валили ее назадъ, лупили палкой на право и на лѣво, увеличивая такимъ образомъ шумъ, производя безурядицу. Толпа все-таки шумѣла и напирала; мальчишки не переставали рѣзвиться; полицейскіе били ихъ палкой по спинамъ, по плечамъ, бѣжали за самыми неугомонными въ гору, усиливая и учащая удары. Сильнѣе другихъ доставалось переднимъ. Словомъ—первая картина была крѣпко знакомая! Одинъ изъ взрослыхъ, спину котораго урѣзалъ-таки полицейскій, крѣпко снялся съ нимъ спорить и браниться; полицейскій возражалъ, но слабо, заикаясь, не отыскивая словъ, и долго потомъ не мѣшался въ толпу и не колотилъ народъ палкой. Мы не могли дать себѣ отчета въ томъ, зачѣмъ вся эта толпа? Вѣдь не диковина же для нея русская лодка и сами русскіе, послѣ того какъ пять лѣтъ сидимъ о-бокъ другъ съ другомъ.

Послѣдствія объяснили причину. Вскорѣ на нашу лодку явился молоденькій нойонъ съ шарикомъ, въ сопровожденіи другаго, но не слуги, а неизмѣннаго шпіона и соглядатая, называемаго общимъ именемъ *божкó*, обязаннаго по китайскому положенію доносить обо всемъ, что увидитъ и услышитъ (*). Пришедшій чиновникъ передавалъ, что теперь уже пробита заря, и въ городъ по положенію пройти намъ невозможно, что амбань ложится спать, что онъ нарочно цѣлый день сегодня ждалъ насъ и по этой причинѣ не ѣздилъ за городъ на маневры, но что онъ завтра радъ насъ видѣть и сейчасъ приказалъ придти къ намъ коменданту, лишь бы мы подождали часа полтора.

Очутившись такимъ образомъ въ положеніи людей, нежданно-негаданно сдѣлавшихся безъ вины виноватыми, но надъ которыми замышлено мщеніе и на первыхъ порахъ налагается запрещеніе, ранній часъ называется позднимъ, объявляютъ, что амбань ложится спать, когда по всему вѣроятію жена его еще и дѣтей не укладываетъ; я и двое моихъ товарищей рѣшили покориться своей участи и ждать коменданта.

Прошло полтора чаеа, онъ не является. Прибѣжалъ другой чиновникъ со своимъ неизмѣннымъ прихвостнемъ; просилъ еще часъ льготы, и тогда уже обѣщалъ показать коменданта. Но комендантъ все-таки не пришелъ; чиновникъ стащилъ у насъ нѣсколько папиросокъ и сахару; божкó укралъ у нашей прислуги платокъ: тѣмъ и начали оба первое знакомство наше съ Манчжуріей. Впослѣдствіи намъ окончательно привелось убѣдиться въ томъ, что воровство чужаго добра глубоко и прочно лежитъ въ убѣжденіяхъ манчжурскихъ чиновниковъ; но тогда мы были изумлены и разочарованы. Я и мои товарищи ждали отъ манч-

---

(*) Такими господами обставляется всякая власть въ Китаѣ; нѣсколько такихъ чиновниковъ приставлено и къ амбаню. Разъ въ годъ они обязаны непремѣнно донести что-либо въ Пекинъ. Про такихъ, которые хорошо имъ платятъ, они обыкновенно пишутъ легкое, удобо-извинительное, но непремѣнно пишутъ что-нибудь дурное. Китайское правительство твердо увѣрено въ томъ, что всякій, кромѣ его одного, поступаетъ дурно. Отчего и смѣна чиновниковъ очень частая; ими играютъ какъ шашками.

журъ чего нибудь національнаго, хорошаго, манчжурскаго; ожидали диковинокъ, особенностей. Но нашли ихъ уже на другой день.

«Крѣпко спалось намъ на водѣ (записалъ я въ дневникѣ своемъ). Проснувшись, мы услышали, что амбань присылалъ уже за нами два раза и зоветъ теперь въ третій, и проситъ, чтобы мы не пили чаю дома, а пришли бы пить его, настоящій, китайскій чай. Мы все-таки рѣшили по рутинѣ предварительно напиться своимъ и сдѣлали дурно, для себя крайне-невыгодно. Чиновники то и дѣло вбѣгали въ нашу каюту, чтобы узнать—скоро ли мы соберемся. Послы эти до тошноты надоѣли намъ.

Мы пошли берегомъ. Впереди шествовалъ нойонъ, съ палкой, зыкая и толкая мальчишекъ, которые совались къ намъ на встрѣчу и подъ ноги. При входѣ въ улицу насъ встрѣтилъ другой чиновникъ, при входѣ въ крѣпость еще двое; изъ соглядатаевъ тѣхъ и другихъ чиновниковъ сзади насъ образовалась цѣлая свита; шествіе представляло видъ торжественный, но въ то же время и забавный. Толпа наша обратила на себя общее вниманіе и когда мы шли по длинной и—по видимому—главной улицѣ, купцы выскакивали изъ лавокъ смотрѣть на насъ. Толпа мальчишекъ на рысяхъ трускомъ бѣжала по бокамъ. Мы—или послы иноземные, встрѣчи которыхъ съ такою любовью описывали московскіе лѣтописцы временъ Іоанновъ и позднѣйшіе европейскіе кругосвѣтные плаватели—или плѣнные, и все-таки иноземцы, отъ глаза которыхъ заслоняютъ живой и движующейся стѣной всю туземную суть, для того, чтобы они потомъ не болтали много своимъ. Послѣдняго предположенія мы испугались и торопливо спѣшили глядѣть по сторонамъ, укорачивали шаги, по временамъ останавливались. Но болтать приводится немногое. Мы видѣли мало. Улица напомнила намъ Москву, переулки, всѣ кривые и узкіе до невозможности, перенесли насъ туда цѣликомъ. Направо и налѣво лавки, лавки сплошъ въ изумительномъ множествѣ: однѣ съ москательными, другія съ красными, третьи съ бакалейными товарами; тутъ и съѣстныя, въ которыхъ жарятъ, пекутъ и воняютъ на всю улицу. Чѣмъ не харчевни и чѣмъ не Зарядье этотъ айгунскій Невскій проспектъ, московскій Кузнецкій мостъ! Къ довершенію сходства и здѣсь въ лавкахъ съ красными товарами толкутся дамы съ подбритымъ надлобьемъ и черной косой, съ воткнутыми въ нее длинными спицами и волосами, зачесанными, уже безъ подлога и обмана, положительно à la chinoise. Но дамы здѣсь еще стыдливыя, застѣнчивыя, дикія; завидѣвъ насъ, онѣ потуплялись, нѣкоторыя просто бѣжали за уголъ и тамъ прятались. Не видали мы красавицъ, но встрѣтили миловидныхъ; смотрѣли вторымъ дѣломъ и на ноги, съ желаніемъ встрѣтить извѣстныя всему міру, знаменитыя китайскія ножки, но видѣли обыкновенныя русскія, простыя женскія ноги (*).

Москва продолжала преслѣдовать насъ своими воспоминаніями особенно рѣзкими и опредѣленными, когда мы подошли къ крѣпости, правда, на этотъ разъ деревянной, сложенной изъ бревенъ, а не изъ частокола на подобіе нашихъ остроговъ, но съ такими же глубокими воротами, прикрытыми башней съ бойницами. Такая же башня, старая и почернѣлая отъ времени, и также крѣпко подержанная, какъ и всѣ стѣны, виднѣлась съ противоположнаго конца крѣпости; китайскаго на ней были только неизмѣнныя краски, и пестрая разрисовка. Крѣпость представляла собою настоящій, собственно городъ; здѣсь, направо и на лѣво, внутри ея, казенные дома: тюрьма съ желѣзными рѣшотками и въ дверяхъ преступникъ съ деревянной рамой на плечахъ и двое другихъ съ кольцомъ на шеѣ, отъ котораго къ рукамъ и ногамъ шла тяжелая и толстая желѣзная цѣпь; тюрьма по обыкновенію грязная, съ деревянными нарами, съ изломанной рѣшоткой и плохо прилаженной на петляхъ дверью; направо отъ тюрьмы—судилище; прямо—казначейство, храмъ одинъ и другой, а

(*) И оставивши Манчжурію и послѣ тщательныхъ распросовъ и наблюденій, мы вынесли то убѣжденіе, что маленькія ножки—проще копытца—принадлежность знатныхъ и богатыхъ пекинскихъ красавицъ, у которыхъ есть возможность нанимать чужія ноги и ходить на нихъ въ носилкахъ. Манчжурскія же дамы сами ходятъ въ лавки, сами ходятъ за дѣтьми и за мужьями: имъ не до моды!

рядомъ съ судилищемъ и домъ амбаня, главнаго коменданта крѣпости, айгунскаго военнаго-губернатора—конецъ и цѣль нашего церемоніальнаго шествія.

Мы повернули направо на первый дворъ, наполненный множествомъ статныхъ, красивыхъ и осѣдланныхъ лошадей. Здѣсь насъ встрѣтили двое чиновниковъ. Мы взяли потомъ еще направо —еще дворъ и еще чиновники. Пришли на третій: передъ нами какія то диковинныя ворота съ китайскими арабесками и намалёванными страстями въ видѣ неизмѣнныхъ драконовъ и другихъ фантастическихъ чудовищъ: намъ показалось смѣшно, но не страшно. Одиноко стоящія ворота, съ загнутыми къ верху, по китайски, крышами, заперты; мы хотѣли обойти ихъ, чтобы попасть на четвертый дворъ, но ворота быстро отворяются и насъ приглашаютъ идти въ нихъ смѣло и прямо. Но входимъ мы одни; провожатые обошли кругомъ и подобострастно остановились мертвой стѣной и потупились. Мы думали передъ самимъ амбанемъ, оказалось, что только передъ его домомъ, куда и вошли мы, по приглашенію.

Со входомъ туда, мы попались въ передѣлъ китайскихъ церемоній, очутились въ томъ самомъ центрѣ и близъ того лица, отъ котораго онѣ исходятъ и къ которому йдутъ. Но мы еще съ утра рѣшились выдерживать ихъ до конца со всѣмъ упорствомъ и стойкостью, пока не лопнетъ послѣднее терпѣнье (а терпѣнья на то время у насъ было много).

Битыхъ четыре часа длилась вся процедура свиданія. Ему—противъ нашей воли—суждено было предшествовать тому дѣлу, ради котораго мы забрались въ Айгунъ Мы дорожили временемъ; манчжуры—за избыткомъ своего—нашего не пожалѣли; насъ самихъ не поняли и давали намъ не то, что мы хотѣли, а то, что они сами сочли за благо. Весь планъ вышелъ не тотъ, какой мы себѣ рисовали, и, не привыкши ходить въ чужой монастырь со своимъ уставомъ, шли какъ слѣпые впередъ, цѣпляясь за проводника изъ манчжуръ и, къ несчастію, натолкнулись по пути и на то, что собственно должно было далеко лежать для насъ въ сторонѣ. Такъ напр., мы должны были выдержать церемонію торжественнаго пріема, а—какъ по пословицѣ—изъ пѣсни слова не выкинешь, то и считаемъ своею обязанностью разсказать про нее.

Насъ ввели въ одну комнату, наполненную нойонами, и, не давъ усѣсться, подняли снова и повели во вторую. Здѣсь стоялъ высокій столъ, покрытый краснымъ сукномъ; на возвышеніи старинные русскіе часы; другіе часы щелкали на стѣнѣ (амбань—какъ оказалось впослѣдствіи—поддался страсти пріобрѣтенія этого товара, во множествѣ привезеннаго на Амуръ амурской компаніей). Нойоны пришли вслѣдъ за нами и размѣстились при входѣ; амбань не приходилъ, заставляя насъ дожидаться и видимо желавшій этимъ послѣднимъ маневромъ отплатить намъ за то, что мы и вчера пріѣхали поздно и сегодня пришли не по первому вызову. Отъ бездѣлья мы занялись созерцаніемъ чиновниковъ. Между ними видѣли и своего знакомаго старика Оргингу, который на этотъ разъ былъ не въ засаленной курмѣ и, имѣя праздничный видъ, былъ одѣтъ въ шелковую курму фіолетоваго цвѣта; она, какъ греческій саккосъ, была коротка и на груди и на спинѣ украшена большими квадратами, по которымъ вышиты шелками какіе-то хищные звѣри, кажется тигры, какъ знакъ достоинства и отличіе военныхъ чиновниковъ (*). На шеѣ у Оргинги и у нѣкоторыхъ другихъ висѣли длинныя четки или бусы изъ каменьевъ. По спинѣ шла тесемка, на самой поясницѣ кончавшаяся— у однихъ аметистомъ, сердоликомъ, оправленнымъ въ серебро и служившимъ—по объясненію чиновниковъ—амулетомъ. Амулетъ этотъ обязанъ былъ предохранять военнаго на полѣ битвы отъ напрасной смерти. Всѣ въ шапкахъ съ приподнятыми къ верху краями, съ шариками, утвержденными на макушкѣ мѣдными шпенёчками. У самыхъ низшихъ чиномъ (*хорунжихъ*—по объясненію нашего казака переводчика Перебоева, бывалаго, люби-

---

(*) У гражданскихъ чиновниковъ на парадныхъ курмахъ вышиваются, вмѣсто барсовъ, драконы.

маго всѣми манчжурами и извѣстнаго у нихъ подъ именемъ *Перебо*) шарики были бѣлые, стеклянные, матовые; у нойоновъ чиномъ постарше—бѣлые, прозрачные; еще постарше—синіе, тусклые; у *войсковыхъ старшинъ*—синіе прозрачные, и т. д. (*). Оргинга оказался маіорскаго чина; старикъ съ длинными сѣдыми усами—непришедшій къ намъ на лодку комендантъ—былъ въ полковничьемъ рангѣ, съ зеленымъ прозрачнымъ шарикомъ на шляпѣ. Молодые чиновники были безъ усовъ; другіе только съ усами и третьи съ усами и бородой, у всѣхъ козлиной формы, въ родѣ испаньолки (широкія русскія бороды лопатой у манчжуръ и китайцевъ никогда и нигдѣ не выростаютъ (**).

Пока занимались мы этими наблюденіями, прошла добрая четверть часа. Но вотъ—толпа чиновниковъ зашевелилась; сидѣвшіе вскочили съ мѣстъ; задніе засуетились и разступились; передніе почтительно вытянулись, обдернули курмы и оправили бусы: въ дверяхъ показался самъ амбань, манчжурскій генералъ—весь красный, въ суконной, но не шелковой, ярко-красной курткѣ, съ маленькими металлическими пуговками, въ шапкѣ, украшенной по краямъ не мерлушкой, а пушистымъ соболемъ; на макушкѣ ея красовался матовый розовый, генеральскій шарикъ (***). Съ изогнутой спиной, осторожно ступая, вышелъ онъ изъ толпы нойоновъ; съ вопросительнымъ, торопливымъ видомъ обратился онъ къ нашему переводчику и сейчасъ же, наведя на физіономію свою ласково-привѣтливую, весело-глядящую улыбку, онъ подошелъ ко мнѣ прямо, радостно пожималъ въ обѣихъ своихъ

(*) Божко—шпіоны и лакеи неофицерскаго званія и отличаются отъ другихъ чиновниковъ тѣмъ, что шарикъ на шапкѣ у нихъ просто металлическій, именно мѣдный.

(**) Относительно бородъ и усовъ у китайцевъ существуютъ такіе порядки: всѣ китайцы до 35 лѣтняго возраста обязаны бриться на чисто; съ 35 лѣтъ позволяютъ носить усы, съ 45-ти выходитъ разрѣшеніе на бороду.

(***) За этимъ шарикомъ слѣдуетъ еще одинъ и послѣдній—яхонтъ, выдаваемый непосредственно самимъ богдыханомъ изъ дворцовыхъ сокровищъ. Чинъ съ этимъ знакомъ дѣлается придворнымъ, неправильно наз. мандариномъ (съ легкой руки португальцевъ).

мою руку осторожно взявши за плечи, посадилъ меня на возвышеніе и похватавши руки двухъ моихъ товарищей, помѣстился на томъ же возвышеніи, рядомъ со мной. Привѣтливая улыбка расположилась на устахъ его и не сходила съ нихъ почти во все время нашей бесѣды.

Началъ онъ ее тѣмъ, что, пересадивши моихъ товарищей на табуреты (при чемъ штабсъ-капитана помѣстилъ ближе къ себѣ, а мичмана у меня въ ногахъ), онъ велѣлъ Оргингѣ передать что-то Перебоеву. Перебоевъ, аргунскій казакъ, какъ и всѣ тамошніе, ловко навострившійся говорить по монгольски, принялъ монгольскую рѣчь Оргинги (полученную имъ отъ амбаня на манчжурскомъ) и передалъ ее намъ на кое-какомъ русскомъ.

— Амбань очень радъ васъ видѣть.

— И мы также.

— Вчера ждалъ цѣлый день; нарочно на ученье къ войскамъ не ѣздилъ: вы не пріѣхали.

— Извинилъ бы: задержали свои въ Благовѣщенскѣ. Не хотѣлось скоро разставаться съ ними.

И пошла писать!

— Сколько намъ лѣтъ отъ роду? Какъ насъ зовутъ? (а сами спросъ о годахъ почитаютъ крайней невѣжливостью; вопросъ объ имени, при чинѣ, полагаютъ также излишнимъ и неделикатнымъ.)

— Какой на насъ чинъ? (привыкшіе по чинамъ опредѣлять степень уваженія, придавали вопросу этому огромное значеніе, какъ такому, на которомъ крѣпко зиждется и китайская неподвижность и вся суть многочисленныхъ церемоній).

— Какъ называется городъ, въ какомъ мы родились? (вопросъ для манчжура также первостепенной важности).

Предупрежденные, въ видахъ приличія, обращать и свои вопросы въ томъ же смыслѣ, мы узнали, что амбань родился въ деревнѣ подъ Цицикаромъ, что въ городѣ этомъ въ званіи нойона онъ дослужился до того уваженія и довѣрія, на основаніи которыхъ его призвали быть секретаремъ при переговорахъ генерала Муравьева съ генералами манчжурскими объ Амурѣ. И когда семидесятилѣтняго старика амбаня заковали въ колодки и сослали на Уссури, онъ, Аджентай, занялъ его мѣсто; и строго держитъ теперь въ своемъ подчиненіи всѣхъ своихъ прежнихъ товарищей. Они его боятся, но не любятъ, и, къ сожалѣнію, вспоминаютъ о старомъ амбанѣ, безусловно добромъ и прекрасномъ человѣкѣ (*).

И—что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ: амбань Аджентай круто повернулъ свою рѣчь и заговорилъ другими вопросами:

— Гдѣ теперь Муравье—фу? Когда онъ на Амуръ пріѣдетъ, черезъ сколько *ночей*?

— Русскіе насъ обижаютъ: кумирню сожгли (и глаза амбаня загорѣлись мгновенно).

— Мы хотѣли жить дружно, а у насъ Уссури отнимаютъ. Мы желаемъ вести торговлю, а намъ запрещаютъ араки вывозить.

Амбань уже вспыхнулъ и вскочилъ даже съ мѣста, но мгновенно спохватился и, хотя глаза его все еще горѣли неестественнымъ огнемъ и взглядъ его былъ дикъ и непріятенъ, онъ сѣлъ опять на мѣсто. И, говоря потомъ сдержаннымъ голосомъ, онъ все-таки съ трудомъ собиралъ взволнованный духъ, по временамъ отдувался, шевелился на мѣстѣ. Онъ казался мнѣ барсомъ, на котораго случайно накинута человѣческая личина и укрѣплены путы безчисленнаго множества китайскихъ церемоній. Они его выполировали снаружи, но дичины не соскребли извнутри.

Аджентай говорилъ намъ:

— Мы желали жить въ дружбѣ, а на насъ въ Цицикаръ хотятъ войной идти. Нечего дѣлать: мы сами собрали войска и

(*) Считаемъ нелишнымъ замѣтить здѣсь, что во все время разговоровъ нашихъ мы видѣли въ толпѣ чиновниковъ одного съ бумагой и кисточкой. Это былъ фискалъ, приставленный къ самому амбаню и обязанный записывать весь разговоръ.

вотъ они размѣщены теперь подъ городомъ на сорока верстахъ (и вретъ, по манжурскому обычаю). А мы хотѣли торговать.

— Но ваши купцы дорого берутъ, а теперь начали продавать еще дороже.

— Оттого и дороже, что войска къ намъ пришли, все стало дорого и у насъ самихъ. Войскамъ надо много мяса, будѝ имъ надо.

— Но дòроги у купцевъ вашихъ и такiе товары, въ какихъ войска ваши не нуждаются.

— Въ этомъ уже не я виноватъ и тутъ ничего не могу сдѣлать. Это зависитъ отъ самихъ купцовъ; они у насъ независимы. Мы ихъ въ этомъ не стѣсняемъ. Они дѣлаютъ, какъ хотятъ.

И опять амбань вретъ и не краснѣетъ, и вретъ снова, садясь на своего любимаго конька, который—признаться—начиналъ надоѣдать намъ:

— Съ русскими мы желаемъ жить дружно и торговать всѣмъ. У насъ законъ есть такой, чтобы со всѣми народами ссориться— съ русскими жить дружно. Больше двухъ сотенъ лѣтъ положенъ у насъ законъ этотъ. Объ немъ давно хлопоталъ вашъ Гегелинъ (*).

А вотъ и еще больное мѣсто, которое на это время не шутя ныло и сильно болѣло.

— Пришли ѝнзели (т. е. англичане) въ Печили?

— Давно пришли и съ франками (французами).

— А есть у нихъ войско, которое можетъ и на берегу сражаться?

— Есть и такое; они и мосты готовые привезли съ собой, и дома готовые приплавили; хотятъ выходить съ моря на берегъ.

Смотримъ: у амбаня и у всѣхъ нойоновъ и ушки на макушкѣ: такъ и зашевелились всѣ.

(*) Т. е. Головинъ, заключившiй съ Китаемъ трактатъ (1668 г), такъ наз. нерчинскiй, по которому Россiя отступилась отъ Албазина и вывела съ Амура русскихъ.

— А сколько у нихъ этого войска?

— Сто тысячъ! сказали мы, желая поддѣлаться къ манчжурскому счету и посмотрѣть какое впечатлѣніе произведутъ слова эти. Какъ ни скрытничали, какъ ни сдерживали себя,—патріотизмъ и здѣсь, въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ Пекина, въ бѣдномъ и голодномъ городишкѣ, вспыхнулъ какъ порохъ. Нойоны замерли на одномъ мѣстѣ и не шелохнулись; амбань привскочилъ даже на мѣстѣ. Онъ могъ отвѣтить только:

— Мы ихъ не пустимъ.

И увѣренно, при этомъ, покрутилъ головой.

— Они пройдутъ сами: они храбрые и хитрые.

— Въ прошломъ году наши ихъ не пустили, всѣхъ разбили. Намъ это вѣрные люди сказывали.

— Тогда у нихъ не было такого войска, которое могло бы на землѣ драться, а теперь привезли его.

— А мы ихъ не пустимъ—всѣхъ переколотимъ. Это нельзя, нельзя, никакъ нельзя!

И амбань ожесточенно крутилъ головой. Смотримъ, крутятъ головой и всѣ нойоны до послѣдняго и на лицахъ всѣхъ обнаружилось самодовольство и самоувѣренность. Амбань въ другой разъ къ вопросу этому охотно возвратился, но велъ его въ другомъ тонѣ.

— Вашъ совѣтовалъ намъ бояться, чтобы инзели не прошли въ Айгунъ съ моря, по Амуру. У нихъ, онъ сказывалъ, есть мелкія суда.

— Но мы затѣмъ и Амуръ заняли, чтобы никого уже не пускать сюда. Затѣмъ и Николаевскъ выстроенъ на устьѣ и на нездоровомъ мѣстѣ.

— А далеко Николаевскъ отсюда! — заговорили нойоны старшіе.

— Очень-очень далеко; у—у! поддакивали младшіе.

— А сколько ночей—десять? спрашивалъ амбань.

— Больше—мы думаемъ двадцать проѣхать—отвѣчалъ я. Не бойтесь англичанъ; они къ вамъ не придутъ: мы не пустимъ.

Послѣднія слова мои произвели восторгъ неописанный. Манчжуры радовались какъ дѣти; амбань учащенно подчивалъ; нойоны переглядывались, переговаривались; подсказывали прислугѣ поподчивать меня, и божкò-прислужникъ, Богъ вѣсть для чего, перемѣнялъ у меня нетронутое блюдо и ставилъ на мѣсто его другое и съ тѣмъ же. Восторгъ манчжуръ превзошелъ всякую мѣру, когда мы, путаясь въ вопросахъ, добрались опять до начала, заговорили объ араки—этомъ камнѣ преткновенія, этой крошкѣ, которая засѣла въ горлѣ и производитъ перхоту:

— Я оттого запретилъ продавать русскимъ хлѣбъ, что намъ не позволяютъ вывозить въ Благовѣщенскъ араки, за то только, что тамъ одинъ солдатъ опился и умеръ.

— Кто много пьетъ, тотъ и у насъ въ Россіи сгораетъ отъ нашей русской доморощенной водки.

Амбань вскочилъ съ мѣста и вдохновеннымъ тономъ продолжалъ нашу мысль въ такомъ дешевомъ смыслѣ, но которому почему-то онъ приписывалъ много ума, судя по довольству на лицѣ его и по изумленнымъ лицамъ нойоновъ его. Аджентай говорилъ:

— Пить немного водки здорово и всякому необходимо. Кто опивается—тотъ глупый и неосторожный человѣкъ. Тотъ самъ одинъ въ бѣдѣ своей виноватъ. Никто за него отвѣчать не долженъ.»

Пророческій тонъ, взвѣшиванье каждаго слова и видимое нежеланіе бросать слова по пустому—все это заставило нойоновъ потупиться и впивать съ почтеніемъ умныя рѣчи самаго чиновнаго мудреца, не смотря на всю ихъ истасканную, обыденную и дешевую форму. И стоило намъ (чтобы сказать что нибудь) безъ особеннаго намѣренія подтвердить слова эти, чтобы видѣть, какъ амбань не могъ уже сдержаться и разсыпался въ благодарностяхъ и ласкѣ: пожималъ намъ руки, трепалъ по плечу, опять схватывалъ руки и необыкновенно мягко смотрѣлъ намъ въ глаза своими (которые такъ еще недавно горѣли звѣринымъ огнемъ) и смѣялся кроткою, наивною, дѣтскою улыбкою. На этотъ разъ онъ былъ совсѣмъ другой, совсѣмъ не тотъ, какимъ мы видѣли въ разговорѣ про англичанъ и нашихъ. Неподражаемъ, хотя нѣсколько и докучливъ, онъ былъ во время втораго разговора нашего на угощеніяхъ, начатыхъ съ перваго слова и въ промежуткахъ оживлявшихъ нашу странную и неожиданную бесѣду. На угощеніяхъ амбань былъ также охотливъ и искрененъ, также изворотливъ, ловокъ и предусмотрителенъ. Мы дивились и на этотъ разъ; видно, наука церемоній не прошла для него даромъ, и айгунскій амбань казался намъ такимъ человѣкомъ, который не пропалъ бы и на самыхъ скользкихъ паркетахъ, въ самыхъ изысканныхъ и капризныхъ салонахъ. Находчивый на отвѣтахъ, изобрѣтательный на словахъ, онъ былъ ловокъ въ движеніяхъ. Умные глаза его такъ и бѣгали повсюду, отыскивая чѣмъ угодить, чѣмъ прислужиться, чѣмъ почествовать гостей,—дорогихъ и священныхъ и по манчжурскому обычаю, какъ и по всякому другому изъ азіатскихъ.

Угощеніе амбань началъ съ того, что, покуривши поданную ему нойономъ (съ матовымъ бѣленькимъ шарикомъ) трубку, коротенькую ганзу, готовую и закуренную—онъ передалъ ее мнѣ. Покуривши немного, я возвратилъ назадъ. Амбань опять покурилъ и передалъ одному нашему товарищу. Получивши отъ него, онъ отдалъ курить ее третьему, и когда ганза снова очутилась въ рукахъ амбаня—на лицѣ его уже сіяла безпредѣльно довольная улыбка счастія, что первая тройка церемоній благополучно проѣхала и тяжесть съ души свалилась. Вторая тройка завязла на нюхальномъ табакѣ, заключенномъ въ стеклянномъ пузырькѣ, откуда костяной ложечкой досталъ амбань порошку себѣ, потомъ по очереди и по чинамъ предложилъ намъ. Нюхательный табакъ сѣропепельнаго цвѣта оказался съ замѣчательнымъ и оригинальнымъ ароматомъ. Столько же пріятенъ и ароматенъ былъ и курительный табакъ. Чтобы не отстать отъ амбаня и помня благовѣщенскія наставленія,—каждый изъ насъ предложилъ амбаню по папироскѣ; амбань улыбался, щолкалъ губами, прикладывалъ папиросы ко лбу и къ сердцу и несомнѣнно былъ очень доволенъ нашей находчивостью.

Явился чай: желтый, ароматный, общеупотребительный въ Китаѣ (какъ зеленый въ Японіи). Съ чаемъ поставили на столъ: пряники, прянички, финики, безсмертный въ Азіи кишмишъ, обсахаренный рисъ, вкусомъ похожій на наши маковники, сухіе плоды, какіе то диковинные орѣхи и недиковинныя фисташки Однимъ словомъ, обѣдъ, вопреки нашимъ пріемамъ и обычаямъ, стоялъ вверхъ ногами—начался съ конца, со сладкаго. Сладости снимали; приносили новыя; подсыпали свѣжихъ, хотя свѣжими въ истинномъ смыслѣ назвать ихъ нельзя: все это залежалось слежалось, высохло и покрылось плѣсенью во время трудной и медленной доставки изъ дальныхъ городовъ южной Манчжуріи. Когда мы, голодные съ Благовѣщенска и отъ прогулки съ берега, вооружились щепотками и напали на сласти охотливо, амбань былъ еще довольнѣе; еще чаще сталъ чмокать,—самодовольно мычать. Собственными руками бралъ онъ съ тарелочекъ леденецъ и щедро валилъ намъ въ чашку, замѣчалъ соръ—торопливо старался вынимать; потребовалъ ложечку—подали серебряную, грубо сдѣланную, изъ нашего же серебра; ложечка къ довершенію бѣды, не влѣзла въ чашку. Амбань крутилъ головой, сердился, дзыкалъ на прислугу. Замѣтивъ, что намъ больше всего понравились сушеныя фрукты, онъ усердно подваливалъ ихъ щепотями; навалилъ такимъ образомъ цѣлую груду; приказывалъ принести еще. Выпьемъ чашку—является другая, третья, пятая. Намъ стало не въ мочь, но хозяинъ давно ужъ подмѣтилъ это и передъ нами стоялъ нойонъ съ подносомъ и лилъ по рюмочкамъ въ наперстокъ изъ мѣднаго чайника тепловатую араки—предметъ международнаго спора. Водка эта—желтоватая, мутная жидкость, приготовленная изъ рису домашнымъ способомъ, безъ предварительной очистки отъ сивушнаго масла—дурно пахла, была и подогрѣтою непріятна: горьковата на вкусъ, царапала въ горлѣ. Скрыть этого мы не умѣли, амбань спохватился, дзыкнулъ нойону, сказалъ что-то. Явилась другая водка, тоже подогрѣтая, но уже довольно вкусная и пріятная, съ характернымъ запахомъ розоваго цвѣта, нелюбимымъ нашими русскими пьяницами, но боготворимымъ во всемъ Китаѣ. Мы прихвалили.

— Это — *никанъ-араки* (т. е. китайская араки) — сообщалъ намъ амбань. То была манчжу-араки. Мы ее не очищаемъ, а никаны, т. е. китайцы, свою перегоняютъ черезъ сушеные цвѣты розъ.

И такъ какъ эту араки наливали въ бокалы русскаго дѣла и изряднаго объема, то амбаню привелось насъ упрашивать, поднимать свой бокалъ — чокаться съ нами. Мы вспомнили свой обычай и, вопреки китайскому — пригласили амбаня выпить съ нами за здоровье жены его и дѣтей. Амбань снизошелъ на просьбу, извинился передъ нойонами своими, но видимо остался доволенъ, снова дзыкнулъ и сказалъ что-то прислужникамъ.

Не прошло минуты, одинъ изъ нихъ несъ на рукахъ ребенка, некрасиваго, чумазаго. То была дѣвочка, дочка амбаня. Отецъ приласкалъ ее, хотѣлъ передать намъ; дѣвочка заревѣла и была вынесена. Принесли лѣтъ четырехъ мальчика, кругленькаго, красивенькаго. Мы его прихвалили.

— Ая, ая! (хорошъ, хорошъ!) — подпѣвала намъ вся толпа нойоновъ: они брали его на руки, трепали по спинѣ, передавали съ рукъ на руки, заласкали его до того, что и мальчикъ заревѣлъ и былъ также вынесенъ. Амбань былъ совершенно доволенъ отъ полноты родительскаго чувства, недоволенъ остался, можетъ быть, тѣмъ, что мы нарушили порядокъ церемоній, столь старательно налаживаемыхъ имъ въ началѣ, и при всѣхъ усиліяхъ его не установившихся потомъ. Мы были голодны и неудовлетворенные сладкимъ, хотѣли ѣсть что-нибудь поблагонадежнѣе, безъ тошноты и оскомины.

Появилось и съѣстное, удобо-варимое. Въ нѣсколько смѣнъ поставлены были на столъ вяленая говядина, разрѣзанная на кусочки, копченая рыба, вяленая рыба, яичница на сковородѣ, кругленькія изъ свинаго мяса фрикадельки (любимое китайское блюдо), кусочки свинаго сала въ соусѣ пріятнаго вкуса, яичница на молокѣ, соленыя овощи, мастерски (не по русски,) приготовленныя; огурцы длинные, рѣдька, морковь, капуста манчжурская и сдобные пирожки, разрѣзанные на четыре части, съ лукомъ внутри (кушанье невкусное, но амбань почему-то хотѣлъ придать этимъ пирожкамъ особое значенiе, хотя они никакого не заслуживали). Всѣ эти блюда были спутаны, смѣшаны, въ безпорядкѣ, но всѣ они намъ были памятны, всѣхъ блюдъ мы отвѣдали, и на то время кухня амбаня, не смотря на то, что неизмѣримо далеко отстала отъ изысканнаго стола маймаченскихъ купцовъ, показалась роскошною и вкусною. Роскошною показалась она и потому, можетъ быть, что въ Благовѣщенскѣ и на всемъ голодномъ Амурѣ ни у кого нѣтъ и десятой доли того, что выставилъ намъ амбань на хвастовство и на угощенiе. Угощенiе шло усердно. Заручившись оправданiемъ, что въ дорогу надо ѣсть больше; что дорога хлѣбъ любитъ, амбань валился на насъ со всеусердными просьбами даже и послѣ того, когда мы уже довольно наподчивались: щипнули того, расположились къ другому, осчастливили вниманiемъ третье кушанье, помѣщенныя на маленькихъ тарелочкахъ, въ небольшомъ количествѣ. Амбань не унимался и безъ разбора валилъ въ кучу все: соленое со сладкимъ, холодное съ жирнымъ; послѣ бокала араки далъ намъ, каждому по очереди, и не нарушая степени важности, съ какою достоинство каждаго изъ насъ сложилось въ его головѣ и сердцѣ, далъ намъ на ложечкѣ уксусу. Уксусъ оказался особеннымъ, но такого прiятнаго вкуса, съ какимъ европейская кухня положительно не употребляетъ. Этимъже уксусомъ Аджентай не затруднился поподчивать и послѣ того, какъ, кончивши обѣдъ, мы снова принялись за желтенькiй чай и снова, вмѣстѣ съ чаемъ явились на столѣ прежнiя, неизмѣнныя сласти и самъ чай былъ теплый и приторно-сладкiй.

— Очень жаль, что мы должны говорить черезъ переводчика, а не прямо,—замѣтилъ амбань.

— Мы тоже сожалѣемъ объ этомъ, потому что, зная вашъ языкъ, мы могли бы говорить много; могли бы легче узнать другъ друга.

— А учатся у васъ, въ Петербургѣ, по манчжурски?

— Учатся.....

— А сколько человѣкъ?

— Двѣсти — совралъ я невѣсткѣ на отмѣстку, увлеченный манчжурскимъ примѣромъ.

— А наши уже начали учиться по русски и многіе хорошо умѣютъ—замѣчалъ амбань, и на этотъ разъ говорилъ сущую правду.

И опять подчивалъ и опять стоялъ на своемъ, оставался себѣ вѣренъ, даже и послѣ того, какъ показалъ рукой, что у него отъ араки голова зашумѣла и, вставая съ нами прощаться былъ не твердъ на ногахъ, даже и тогда — въ довѣршеніе хлѣбосольства—онъ не забылъ отправить съ нами на дорогу всѣхъ тѣхъ блюдъ (и именно всѣхъ и такихъ, которыхъ мы больше ѣли, и которыя, стало быть—по его замѣчанію—намъ сильнѣе понравились). Намъ стоило прихвалить дѣйствительно мастерскія соленья—и соленья эти были съ нами; мы простую жареную говядину предпочли сложной и подозрительнй смѣси всякихъ другихъ блюдъ—и она лежала въ узелкѣ въ большомъ обиліи.

Уходя отъ амбаня, мы выносили убѣжденіе, что если русское хлѣбосольство достохвально и препрославленно, то манчжурское его перещеголяло и не можетъ идти въ сравненіе ни съ какимъ другимъ изъ азіатскихъ, т. е. напр. съ тѣмъ же русскимъ, съ персидскимъ, татарскимъ и проч. Не забыть намъ его, не забыть и той особенности, безъ которой не обходится ни одно изъ азіатскихъ угощеній. Въ манчжурскомъ оно шло какъ неизмѣнный придатокъ, какъ обязательная приправа. Сытые и довольные гости должны были благодарить хозяевъ икотой, но мы упустили это изъ виду, хотя и были предувѣдомлены. Амбань не выдержалъ и зарыгалъ самъ, какъ будто мгновенно воспалилась его грудо-брюшная преграда и какъ будто отечественная кухня непремѣнно должна возбуждать икоту. Конецъ обѣда, съ самой середины его, амбань приправлялъ одной икотой и притомъ такой, которая положительно была своеобразна и нами неслыханная. Я едва держался отъ смѣха и крѣпко побаивался за своихъ товарищей: одинъ изъ нихъ не-вытерпѣлъ—таки и порскнулъ отъ смѣха, когда изъ горла амбаня выскочилъ самый крѣпкій *голубокъ* и разсыпался въ мелкую дробь, какъ бы на барабанѣ. Три раза амбань изумилъ насъ такой мастерской игрой на своемъ доморощенномъ инструментѣ. Нойоны всякій разъ послѣ этихъ звуковъ смиренно потуплялись, какъ будто проникались даже благоговѣйною дрожью по всему тѣлу, считая вѣроятно въ горлѣ своего высоко-вельможнаго начальника особые хрящи, наростающіе только при высокомъ чинѣ и дающіе этому чину возможность показать твердое знаніе правилъ хорошаго тонко-политическаго умѣнья вести себя между людьми низшихъ ранговъ.

Всѣ чины эти и самъ амбань вышли насъ провожать; мы благодаримъ за хлѣбъ-соль:

— Извините: ничего нѣтъ у насъ (а слишкомъ тридцать блюдъ въ нашемъ доморощенномъ чемоданѣ).

— Желаемъ амбаню быть дружнымъ со всѣми нашими.

— Я вамъ желаю счастливаго пути! Когда будете назадъ, приходите ко мнѣ: я радъ буду. Смотрѣть въ городѣ можете все: вотъ вамъ чиновникъ въ провожатые, онъ кстати хорошо понимаетъ и умѣетъ столковываться съ вашимъ переводчикомъ.

Возникъ вопросъ о лошадяхъ, которыя понадобились одному изъ нашихъ товарищей съ переводчикомъ. Мы просили объ этомъ самого амбаня. Товарищъ обѣщалъ заплатить деньги.

— Мнѣ денегъ не надо! обидѣвшись, отвѣтилъ амбань.

— Но я плачу прогоны. Я на это дѣло казенныя деньги получаю, и трачу ихъ на то, на что онѣ мнѣ выданы.

Но амбань не понялъ его и вывернулся по своему:

— Если я пріѣду въ Благовѣщенскъ: развѣ возьмутъ съ меня деньги, когда и мнѣ тамъ понадобятся лошади?!

И лошади были готовы, когда мы вернулись съ прогулки.

— У насъ лошадей ужасно много!—прихвастнули при этомъ манчжуры.

Городъ не далъ намъ никакихъ особенно-интересныхъ и занимательныхъ впечатлѣній. Неумѣнье говорить, а стало быть невозможность разспрашивать обо всемъ, что интересовало насъ и казалось намъ оригинальнымъ, прежде всего помѣшали дѣлу. Разговоръ черезъ переводчика—дѣло мучительное и притомъ мало надежное. Манчжуры нарочно и усердно скрывали все самое интересное и необлыжно національное; врали они переводчику, переводчикъ въ свою очередь перевиралъ выслушанное, частію безъ намѣренія, иногда съ намѣреніемъ помирволить манчжурамъ, не желая обидѣть раскрытіемъ тайнъ тамъ, гдѣ тѣ полагали щекотливое и секретное мѣсто. Два раза потомъ мы ѣздили въ Айгунъ и въ оба не могли узнать ничего опредѣленнаго и законченнаго: много неяснаго, много противорѣчиваго, непонятнаго: чепуха какая-то. А свой глазъ—свой алмазъ, привыкшій видѣть свое и родное съ подсказомъ заранѣе выработанныхъ представленій и понятій, въ этихъ новыхъ и диковинныхъ мѣстахъ блуждалъ, видѣлъ не то, на каждомъ шагу обманывался. Мы были счастливы, если удавалось намъ ограничиться дешевыми видами и уразумѣть только ихъ.

Въ концѣ концовъ—безъ языка въ новой странѣ ничего не поймешь, кромѣ наружныхъ подробностей, и чтобы уразумѣть и понять Манчжурію—русскому племени надо пожить съ этимъ народомъ подольше, подружнѣе и поближе: съѣсть не одинъ пудъ соли, по русской примѣтѣ. До сихъ поръ они на насъ смотрятъ какъ на враговъ, отъ которыхъ почитаютъ необходимостью сторониться и все съ глазъ припрятывать. Дружба должна помочь сближенію, а за нимъ и знакомству; авось тогда разувѣрятъ манчжуръ и въ зловѣщихъ слухахъ, что русскіе привезли съ собой на Амуръ годы голодные и зимы холодныя (прихвативши кстати и тараканов, до того времени манчжурамъ невѣдомыхъ). Недоброе время помѣшало отчасти и нашему пущему сближенію съ манчжурами, а безконечно церемоніальное угощеніе у амбаня, истомившее насъ, истомило и Оргингу, все время стоявшаго на ногахъ. Онъ съ трудомъ ходилъ за нами, хотя и отдохнулъ въ лавкахъ; едва шевелилъ ногами, когда мы хотѣли еще походить, еще посмотрѣть. Намъ было жаль его, а потому мы и видѣли немногое видѣли храмъ, лавки, училище.

На площади въ крѣпости какія-то кучки народу съ колчанами въ рукахъ, со стрѣлами, но безъ особенныхъ отличій въ костюмѣ: это солдаты. Амбань велѣлъ ихъ удержать на площади послѣ ученья, чтобы похвалиться и попугать насъ про всякой случай. А войско рваное, вялое и невоинственное.

Передъ нашемъ нойономъ пѣшіе солдаты кланяются, круто сгибая спину и слегка присѣдая; верховые соскакиваютъ съ лошадей и вытягиваются въ струнку. Оргинга со всѣми привѣтливъ.

Передъ какимъ-то строеньемъ какой-то старикъ встрѣчаетъ насъ и передъ нашимъ нойономъ падаетъ на правое колѣно, быстро вскакиваетъ и отпираетъ три двери. Двери ведутъ насъ въ храмъ, заставленный по нишамъ бурханами въ ростъ человѣка, деревянными, крашеными. Два со птичьими ногами и носами одинъ противъ другаго; еще два съ бѣлыми человѣческими лицами, задернутые занавѣской съ мѣдными подвѣсками и бубенчиками. На алтаряхъ: желѣзные подсвѣчники, жировыя розовыя свѣчи, ящики съ пепломъ и съ какими-то куреньями. Въ храмъ вбѣжали ребятишки—шумятъ, рѣзвятся; нойонъ ходитъ въ шапкѣ и не останавливаетъ и замѣчать не хочетъ, что нашъ товарищъ закурилъ папироску. Особаго благоговѣнія мы не замѣчаемъ; нойонъ трогаетъ все своими руками, указываетъ все:

— Вотъ *поигро́*.

Сейчасъ къ храму примыкаетъ балконъ, огороженный перилами и снабженный боковыми пристройками: это театръ, у будистовъ, какъ неизбѣжный аттрибутъ, какъ непремѣнная принадлежность религіи, въ видахъ и въ смыслѣ которой представляются на этихъ подмосткахъ на открытомъ воздухѣ и безплатно духовныя мистеріи въ образахъ и лицахъ. Какъ олицетворенное изображеніе какой-нибудь нравственно-религіозной сентенціи, театръ употребителенъ на время празднествъ, когда служитъ продолженіемъ храмовому обряду и дополняетъ собою то, что не успѣваютъ высказать молитвы и проповѣдь бонзы. Вотъ почему такъ близко и бокъ о-бокъ къ храму становится театръ, и вотъ почему только на большіе народные праздники сюда пріѣзжаютъ изъ деревень актеры—этотъ самый несчастный, презрѣнный классъ китайскаго народа (въ то же время бонзы пользуются примѣтнымъ уваженіемъ: у китайцевъ больше, чѣмъ у японцевъ). Въ представленіяхъ театральныхъ нѣтъ никакого движенія, одни только діалоги, длинные, разсказываемые на распѣвъ и при томъ на такомъ древнемъ языкѣ, который теперь уже совсѣмъ не понимаютъ.

— Ничего въ театрѣ нѣтъ у нихъ хорошаго—разсказывалъ намъ переводчикъ. Выбѣжитъ одинъ разодѣтый—покричитъ, поковеркается; убѣжитъ: заколотятъ въ бубны, зазвенятъ, на музыкѣ поиграютъ. Другой выбѣжитъ и то же дѣлаетъ; а то двое снимутся разговаривать. Опять музыка заколотитъ. Ничего въ манчжурскомъ театрѣ нѣтъ хорошаго.

Я видѣлъ потомъ театръ въ Маймаченѣ и принужденъ подтвердить слова Перебоева.

— Не бойкой-же народъ эти манчжуры—говорилъ онъ намъ не больно же умный!

— Но смѣтливый, веселый! Вонъ, слышишь, кругомъ хохочутъ, значитъ весело жить.

— Живутъ точно весело, но жить не весело. Очень ужъ народъ-отъ эти нойоны изобижаютъ, грабятъ очень и не столько большіе, сколько мелконькіе. Чиновники всѣ богаты, но скряги преужасные: деньги спрячетъ, а самъ въ засаленной курмѣ ходитъ, словно нищій. Не дай Богъ деревнямъ, чтобы мимо нихъ куда нибудь поѣхалъ амбань. Съ нимъ большая свита ѣздитъ. Гдѣ онъ ни остановится—вездѣ они, какъ саранча, все поѣдаютъ, все воруютъ. У нашего губернатора бокалы украли, стаканы; у правителя канцеляріи—ложечки серебряныя. Либо гони ихъ въ шею слѣдомъ за амбанемъ, либо они всѣ остатки и со стекломъ и со столовымъ бѣльемъ поѣдятъ. Если съ нашими такъ, что же со своими-то? И не любитъ же народъ своихъ чиновниковъ, не приведи Господи!

— А нравственны они, цѣломудренны?

— Нѣтъ. Однако ни одна манчжурка за русскаго идти не хочетъ, какъ ни стараются наши казаки по приказанію начальства. Оно тому казаку, который съумѣетъ жениться, сто рублей посулило, да нейдутъ манчжурки за нашихъ замужъ.

Мы идемъ дальше. Передъ Оргингой падаетъ на колѣни еще одинъ манчжуръ и опять отпираетъ ворота. Мы входимъ во дворъ; на дворѣ двѣ огромныя лохматыя, злыя собаки, налѣво старый, полуразрушенный домъ: школа. Въ дверяхъ встрѣчаетъ насъ тоже развалина: сухой манчжуръ въ огромныхъ круглыхъ очкахъ, чахоточный, пергаментный, типъ германскаго ученаго, какихъ любилъ рисовать Dorfbarbier и не любилъ Гейне. Онъ намъ радъ: усаживаетъ, подчуетъ ганзой, суетится приготовить чаю. Кругомъ комнаты, съ землянымъ поломъ, построены широкія нары; на нихъ поставлены маленькіе столики; за столиками, поджавши подъ себя ноги, сидятъ мальчики и пишутъ (тѣ, которые читать учатся, по словамъ учителя, ушли уже домой). У всѣхъ въ рукахъ кисти и разведенная на плиткахъ тушь; у всѣхъ на мягкую бумагу положены желѣзныя кольца; внутри колецъ этихъ мальчики учатся врисовывать мудреныя каракульки манчжурской азбуки, одна къ другой, сверху внизъ. Мальчики пишутъ бойко.

— Учатся они по-никански?—спрашивалъ я.

— Здѣсь не учатся: на то есть другая школа.

— Ты, учитель, изъ никанъ?

— Нѣтъ, манчжу̀. Присланъ сюда издалека.

— А умѣешь читать по-никански?

И чтобы доказать это, учитель запѣлъ гнусливо, громко, видимо старался и видимо пѣлъ охотно, но вышло все-таки скверно; точь въ-точь какъ поютъ актеры китайскіе на театральныхъ подмосткахъ. Мы чуть не покатились со смѣха, выслушивая эти неблагозвучныя трели.

Намъ захотѣлось, чтобы мальчикъ прочиталъ по-манчжурски. Учитель обратился къ нему: мальчикъ замоталъ головой. Мы повторили просьбу, онъ не послушался.

— Не хочетъ! снисходительно и кротко пояснилъ намъ учитель и не послалъ въ шею ученика, по русскому недавнему способу и обычаю—внушительной затрещины. Вообще въ обращеніи учителя съ учениками видно много мягкости, ласковое, дружеское обращеніе. Онъ—не пугало, какъ въ былую пору у насъ; онъ не страшилище и не начальство, а просто учитель, наставникъ. Мальчики весело смотрятъ, охотливо заняты дѣломъ, которое—по всему вѣроятію—оттого у нихъ и спорится. Манчжуры всѣ грамотны и письменны; всѣ знаютъ ариѳметику, т. е. выкладку на счетахъ (счеты у китайцевъ особаго рода и вида, съ перегородкой, отдѣляющей двѣ косточки на верху и десятки внизу; счетъ у китайцевъ десятичный, необыкновенно скорый, легкой).

Мы вышли изъ училища, выходили изъ крѣпости. У воротъ сидитъ старикъ рваный, съ уродливой губой, оголившей всю верхную челюсть и зубы. Говорятъ, что ему 80 лѣтъ, что это манчжурской *несчастной*, присланный сюда за грабежи.

— Отчего же у него губа такая?

— Наказанъ: губу ему рвали щипцами и ноги ломали для того, чтобы на вѣкъ помнилъ и всѣ люди знали, что онъ былъ нѣкогда плутомъ, злымъ и вреднымъ человѣкомъ.

Онъ просилъ милостыни; подать ее намъ разрѣшили.

По дорогѣ мы зашли въ лавки, гдѣ все неприступно дорого и не все намъ рѣшались продавать; манчжурскія валяныя изъ шерсти шапки мы могли пріобрѣсти только съ разрѣшенія нойона. Всюду преслѣдовало насъ угощеніе ганзами и чаемъ; усерднѣе насъ всѣхъ угощался Оргинга, не отказавшійся ни отъ одной трубки, ни отъ одной чашки; а перебывали мы въ десяти лавкахъ. Когда надоѣли намъ эти лавки и эти товары, которые и покупать не стоитъ и продаютъ дорого, мы пошли вонъ изъ города. По улицамъ безцеремонно расхаживали совсѣмъ голые ребятишки; такіе же голыши прыгали по берегу Амура. Мальчишки изъ рукъ вонъ некрасивы и некрасивы большіе подростки манчжуры. И бѣдность кругомъ, вопіющая, рваная, голая бѣдность!

Съ богатыми или, лучше, достаточными людьми намъ привелось встрѣтиться позднѣе, по возвращеніи изъ Николаевска и въ Благовѣщенскѣ, на такъ называемой манчжурской ярмаркѣ. При вторичномъ посѣщеніи амбаня, въ домахъ самыхъ богатыхъ купцовъ намъ отводили помѣщеніе для ночлега и тамъ встрѣчали мы отличный сытый столъ, теплыя комнаты; но богатые купцы были никаны, т. е. китайцы. Торгующихъ манчжуръ очень мало Племя это, сдѣлавшись побѣдителями и хозяевами и перенявши у китайцевъ все, даже до костюма, облѣнилось и опустилось; стало искать и занимать только правительственныя должности. Вся торговля, всѣ промыслы и ремесла, всѣ художества, искусства и наконецъ науки остались въ рукахъ китайцевъ; а за тѣмъ и вся матеріальная и умственная сила страны сосредоточилась въ ея аборигенахъ. Побѣдители воспользовались только наружными, поверхностными заимствованьями и упираются теперь — какъ мы уже разъ и сказали — единственно на войскѣ и на чиновничествѣ.

3. БЛАГОВѢЩЕНСКАЯ ЯРМАРКА.

Айгунъ, какъ искуственно созданный городъ на правахъ пограничной крѣпости и при томъ значительно удаленный не только отъ главныхъ центровъ (Пекина и Мугдена), но даже и отъ Цицикара, главнаго города провинціи, мало производителенъ. Промысловъ не могъ породить, торговлю въ состояніи былъ развить только по отношенію къ городской потребности, а потому и дорогъ и скуденъ средствами для широкой и обезпеченной жизни. Не обладая другимъ залишкомъ, кромѣ произведеній земли, и другими предметами, кромѣ тѣхъ, которые потребны чиновникамъ, солдатамъ и ссыльнымъ голышамъ, онъ плохой сосѣдъ, мало надежный, мало выгодный для другаго голыша, выстроившаго въ сорока верстахъ отъ него свои холодные, на скоро сложенные дома. На сколько не сильна торговля, можно судить уже изъ того, что начальство можетъ класть на нее запрещеніе; достаточно одного этого запрещенія, чтобы серьезно ослабить ее, хотя бы даже и существовали заугольныя сдѣлки тайкомъ и по ночамъ. Съ другой стороны, самъ покупая все въ три-дорога, по причинѣ отвратительныхъ дорогъ и трудностей сообщенія по высокимъ горамъ и на вьюкахъ, Айгунъ не можетъ продавать товары доступной цѣной даже и богатымъ, легкимъ на сдѣлку русскимъ. Самый чай айгунскій, при существованіи на всей линiи Амура porto-franco, стоилъ тѣхъ же цѣнъ, за какiя уступалъ Маймаченъ свой чай, оплаченный высокою таможенною пошлиной. При этомъ въ необлыжное доказательство того, на сколько ничтожно требованiе Айгуномъ выписныхъ товаровъ, этотъ же чай, приносимый манчжурами въ Благовѣщенскъ, горсточками, фунтиками, можетъ служить образцомъ и руководствомъ для соображенiй. Не зачѣмъ далеко ходить—посмотримъ на благовѣщенскую ярмарку.

Въ началѣ каждаго мѣсяца, какъ только засмотрятъ въ Айгунѣ новую луну, въ Благовѣщенскѣ наполняются манчжурами всѣ тѣ десятки, наживо сколоченныхъ изъ шестовъ лавчонокъ, которыя стоятъ на одномъ изъ концовъ города, на берегу Амура. Въ тоже время, крѣпкимъ чесночнымъ запахомъ преисполняются всѣ городскiя квартиры. Это—манчжуры явились сказать «мендо!» (здравствуй), подать шероховатую руку, сѣсть на стулъ, подхвативши подъ себя одну ногу, закурить ганзу; заплевать полъ, вытащить изъ за пазухи какую нибудь дрянь, обыкновенно вѣеръ со скандальными картинами, рѣдко кусокъ залежалаго, жиденькаго фуляра, который они облыжно, безъ совѣсти, называютъ ка́нфой, т. е. атласомъ. Собственно манчжуры заходятъ всякiй разъ и къ каждому для того, чтобы зазвать къ себѣ въ лавку.

Значитъ, ярмарка началась. Но надо много смѣлости и рѣшимости для того, чтобы дѣйствительно назвать не только ярмаркой, но даже торжкомъ—это двухнедѣльное тасканье манчжуръ по домамъ безъ дѣла, безъ цѣли, на общую досаду, которой желаютъ противопоставить желанiе поддерживать русскую связь съ сосѣднимъ государствомъ. Въ терпѣнiи и снисходительности, къ манчжурской докучливости наши находятъ первыя двѣ добродѣтели, первыя два звена въ этой обязательной цѣпи. Въ обонянiи тяжелаго перегорѣлаго чесноку и потомъ въ выкуриванiи его изъ домовъ благовѣщенскихъ видятъ первые перлы и первыя прелести этихъ добрыхъ отношенiй. На самомъ дѣлѣ, выдерживать посѣщенiе трехъ-четырехъ манчжуръ за одинъ разъ

—геройство и подвигъ, приправляемый обыкновенною и неизбѣжною головною болью отъ запаха чеснокомъ и отъ крѣпкаго угара, производимаго вонючимъ манчжурскимъ табакомъ туземнаго произрастенія. Новое удовольствіе свиданія съ знакомцами (которые не бываютъ въ Благовѣщенскѣ только двѣ недѣли въ мѣсяцъ) состоитъ еще въ томъ, что они обезсиливаютъ всѣхъ всегдашными, неизмѣнными вопросами о времени пріѣзда графа Муравьева, ежедневно, ежечасно. Вечеромъ, на закатѣ солнца, они проваливаются ночевать въ сосѣднюю деревню по ту сторону Амура, прямо противъ Благовѣщенска (на русской землѣ имъ этого не дозволяется подъ страхомъ жестокаго наказанія), на другой день опять каждый изъ нихъ перебываетъ по нѣскольку разъ (забѣжитъ утромъ, въ полдень, вечеромъ), забѣжитъ въ знакомый домъ, въ незнакомый—все равно; забѣжитъ за тѣмъ, чтобы сказать завѣтное «медно» и докучливое «шолоро». Послѣднее слово, приправленное жестами, означаетъ приглашеніе въ лавку. Пойдите и посмотрите.

Что это за торговля, что это за ярмарка?

Висятъ манчжурскія валяныя шляпы, способныя держаться единственно на макушкѣ, а по зимамъ грѣть полувыбритыя головы и самихъ манчжуръ только при условіи мѣховыхъ ушей, въ которыя, какъ въ мѣшокъ, съ трудомъ и при выработанномъ умѣньи вправляются уши. Висятъ картины, размалеванныя яркими, правда, красками, но такого художества, что и на вкусѣ русскаго лакея онѣ не выдерживаютъ большой цѣны. Показываютъ стеклянныя бутылочки съ воткнутой, костяной ложечкой, прикрѣпленной къ цвѣтной стеклянной пуговкѣ—крышкѣ. Ганзы лежатъ съ маленькой мѣдной трубочкой, куда входитъ столько табаку, сколько нужно для манчжура, но не для русскаго. Предлагаются сушенныя прогнившія сласти; конфекты продаются въ аляповато—сколоченныхъ деревянныхъ ящикахъ, конфекты, къ какимъ можно приступить съ крайной голодухи, но на каковыя наши институтки и глядѣть не станутъ. Курмы имѣются готовыя, засаленныя, всегда подержанныя; брюзгливый человѣкъ и въ руки ихъ взять побоится. Для курьозу, пожалуй, продадутъ щоты; валеные, обшитые кожей и ловко и терпѣливо простроченные башмаки, какіе могутъ влѣзть на рѣдкую русскую ногу (даже и дамъ благовѣщенскихъ). Предлагаютъ, пожалуй, и порядочныя шелковыя матеріи, да просятъ такія неимовѣрныя цѣны (и въ самомъ дѣлѣ дешевле отдать не могутъ), что матеріи эти обыкновенно только разсматриваютъ и если покупаетъ кто, то также исключительно для курьозу.

— Что же остается для покупокъ?

— Да есть, напримѣръ, мѣховыя лисьи курмы въ родѣ русскихъ полушубковъ, по цѣнѣ подходящія къ мѣхамъ сибирскимъ (руб. 15 штука); такъ покрой неладенъ; перешивать надо. Привозятъ веревки и тесемки, шнурки тонкіе и толстые, но и почти только.

— Для чего же ярмарка?

— Для манчжуръ какъ вакація, какъ разсѣяніе послѣ однообразнаго сидѣнья въ запертомъ городѣ, въ спертомъ воздухѣ, въ добавокъ угарномъ отъ очаговъ, трубокъ и жаренаго (на берегу Амура все-таки продуваетъ). Для русскихъ ярмарка въ началѣ тоже маленькое разнообразіе послѣ докучнаго одиночества; къ тому же можно и потѣшиться надъ забавными сценами, стравить напр. двухъ ребятъ—прикащиковъ: одного манчжура, другаго китайца. Они засверкаютъ глазами, поругаются между собою, потомъ подерутся—по русски кулаками и—по китайски за косу; причемъ сухопарой китаецъ непремѣнно одержитъ верхъ надъ толсторожимъ, сытымъ и румянымъ манчжуромъ (манчжуръ непремѣнно толстощокій и сытый, точь въ точь, черта въ черту, какъ наши батюшкины сынки, купеческіе баловни).

— Для чего же ярмарка? Манчжуры все куда-то ходятъ, все что-то носятъ въ плетушкахъ, схватывая по пути и пощипывая проходящихъ бабъ и солдатокъ, которыхъ зовутъ они «бабусяки»?(лишенные возможности выговаривать двѣ согласныхъ буквы рядомъ и неспособные одолѣвать букву *р*, выговариваемую ими всегда картаво, какъ *л*).

— Для кого же ярмарка, для чего же пріѣжаютъ волокиты-манчжуры, сладострастные китайцы? спрашивали мы всѣхъ, сами ходили каждый день разузнавать и высматривать—и пришли къ конечному, несомнѣнному для насъ заключенію.

Вотъ, что подсказывали общія, обычныя и обыденныя сцены на ярмаркѣ:

У прилавка солдатъ, вдвоемъ съ товарищемъ, *въ измыганной* на плотничьихъ работахъ шенелёнкѣ, въ обшлепанныхъ чаркахъ на ногахъ. Солдатъ вытащилъ изъ сапога трёшникъ (3 коп. сер.), брякнулъ его на прилавокъ; примолвилъ:

— Шолоро! (*)

Манчжуръ понялъ, спрятался подъ прилавокъ, вытащилъ плетушку. Солдатъ держитъ уже у него передъ носомъ два мозолистыхъ перста, другой рукой показываетъ на товарища. Манчжуръ и замоталъ головой. Солдатъ пустился въ объясненія.

— Слушай, анда (другъ)!Ты слушай, шельма, давай—*шолоро*—двѣ. Одна лаканча (худо); два *ая* (хорошо).

Манчжуръ мотаетъ головой.

— Другой анда походи буду—говоритъ солдатъ: тотъ даетъ, а ты лаконча, свинья! и т. д.

Солдатъ хлопоталъ объ водкѣ, покупалъ араки, которую манчжуры продовали тихонько даже и въ то время, когда она въ Благовѣщенскѣ была строго запрещена. Сняли запрещеніе—ярмарка необычайно оживилась. Солдаты наводнили ее. Водкой торговали и тѣ, которые пріѣзжали со сластями, и тѣ, которые маклачили неидущей съ рукъ пустяковиной. Солдатъ послѣ тяжелыхъ

(*) Слово эти при крайной распространенности своей, за неимѣніемъ другихъ. имѣетъ частное примѣненіе и обширное значеніе. Оно значитъ: и приди, и ступай и давай. Кто какъ хочетъ, тотъ такъ и уцотребляетъ это слово. Манчжуры его считаютъ русскимъ словомъ, отчасти и справедливо; если вести его корень отъ слова *шолъ*, хотя въ такомъ случаѣ его правильнѣе назвать оманчжуреннымъ русскитъ словомъ.

работъ и поселенецъ изъ сырыхъ землянокъ, выносили выработанное и справедливо заслуженное право на водку, при недостаткѣ казеннаго спирта, и пили скверную араки, не разбирая, что она продается въ холодномъ видѣ, но пьется подогрѣтою. Тѣ и другіе охотно и много пили манчжурскую водку и покрякивали и приговаривали: ая араки! хотя въ сущности и безъ всякаго сомнѣнія она была лаканча, *лаканчѣе* всякихъ подонковъ въ винокуренныхъ русскихъ заводахъ.

Въ водкѣ главная суть, смакъ и поддержка утлой, искусственной благовѣщенской ярмарки. Покупаютъ еще овсеца по малости для своихъ лошадокъ, у кого онѣ есть, чиновники, да забирали буду̀ для солдатскаго приварка и каши, при недостаткѣ запасовъ казенной крупы. Кое-когда брали зелень, солености по малости, иногда манчжуры привозили замороженное мясо, и чрезвычайно рѣдко фазановъ (этой и вообще всякой птицы въ степныхъ мѣстахъ Амура очень много, да не установился правильный ловъ и на нихъ, какъ и на рыбу, которою кишитъ благодатный Амуръ). Но все привозное стояло въ высокой цѣнѣ; все нужно было покупать на серебро: серебро составляло рѣдкость (присылали его по немногу, хотя и постановлено было выдавать чиновникамъ половину жалованья серебряной монетой). Манчжуры на уступку брали и бумажки, но съ такимъ расчетомъ, что за вещь стоившую, по ихъ соображенію, два селебла (два серебряныхъ рубля), просили три бумасеки (3 руб.) Брали они и мѣдную монету, предпочитая въ ней старинные пятаки, разсчитывая получить сибирскаго чекана съ сибирскимъ гербомъ и съ избыткомъ серебра, отдѣлять которое отъ мѣди тогда не умѣли. Но потомъ и на пятаки отошла честь, когда распознали манчжуры, что они уже не тѣ, и слухи, полученные изъ Кяхты и дошедшіе къ нимъ черезъ весь Китай, невѣрны и запоздали.

Но вотъ начали манчжуры учащеннѣе заглядывать въ дома и вмѣсто мендо—говорить прямо:

— Бумасеки есть купи, бумасеки купи нѣту? т. е. хочешь мѣнять бумажки на серебро съ четвертакомъ на рубль лажу—

давай; не хочешь—я къ другому зайду; и онъ меня разругаетъ и прогонитъ: я къ третьему и добьюсь-таки своего и найду человечка, который усмотритъ выгоду и барышомъ не погнушается (завелись въ Благовѣщенскѣ и такіе).

А забѣгали манчжуры — значитъ, близко новолуніе: ярмаркѣ скоро конецъ и — слава богу! — она не столько полезна, сколько докучлива; не столько снабжаетъ необходимымъ, сколько ненужными пустяками. И только манчжуры остались въ барышахъ и на этотъ разъ вывезли малую-толику русскаго серебра къ себѣ безвозвратно, да заполучили мелкій барышъ промѣнщики, да солдаты по казармамъ раза три, во время ярмарки, были пьяны.

На этомъ замыкаются почти всѣ наши взаимныя отношенія: другихъ по крайной мѣрѣ намъ не указывали, и сами мы не замѣтили. Въ Благовѣщенскѣ даже языкъ международный плохо устанавливается, не смотря на обоюдную способность обоихъ народовъ къ этому дѣлу и не смотря на то, что въ Маймаченѣ онъ давно существуютъ и помогъ тамъ творить большія и крупныя торговыя операціи (но объ этомъ въ слѣдующей статьѣ).

Скажемъ послѣднее наше слово:

Дорого и неудобно было жить на Амурѣ! Дай Богъ счастья и терпѣнья тѣмъ, кто попалъ туда! Нѣтъ на свѣтѣ такого рая, гдѣ бы валились въ ротъ голушки сами, безъ труда; но на Амурѣ трудъ этотъ требуетъ большаго вниманія и усидчивости. Помощи ждать не откуда: манчжуры охотно продаютъ и могутъ продавать одну только водку, да въ урожайные годы хлѣба немного. Американцы съ николаевской стороны идутъ тѣмъ же манчжурскимъ путемъ и на Амуръ явились только искатели приключеній изъ Калифорніи и тоже продаютъ почти одну водку. Амурская компанія скупаетъ исключительно соболей для себя, да привозитъ изъ Гамбурга дешево-пріобрѣтенные, но мало-пригодные для амурцевъ товары. Поселившійся на рѣкѣ житель, или аргунскій казакъ, который всю жизнь якшался съ монголами и занимался вмѣстѣ съ ними чайной и золотой контробандой или шилкинскій казакъ, выбранный жеребьемъ, явившійся сюда наймитомъ, больше бобыль и звѣровщикъ, чѣмъ хлѣбопашецъ, или наконецъ гарнизонный штрафованный солдатикъ изъ Россіи, пролетарій насквозь да и плутъ и лѣнтяй къ тому же. Была надежда на вольныхъ поселенцевъ изъ черноземнымъ губерній Россіи: да они поселены дурно, попались на плохія мѣста, а молокане, извѣстные на Руси своимъ отличнымъ хозяйствомъ, пришли съ деньжонками, подселены были къ городу (Благовѣщенску), а потому стали охотнѣе маклачить подгороднымъ мѣщанскимъ промысломъ и на землю надеждъ не кладутъ. Стали класть надежды на Чеховъ изъ Америки (на нихъ пока и замыкаются амурскіе виды и желанія); другихъ мастеровъ и работниковъ въ наше время на Амурѣ не было. Плохо ладились дѣла тамошнія; лѣниво принимались за работу переселенцы; казаки, состоя на казенномъ содержаніи, на казну и работали, имѣя мало досуга про себя; присяжные руководители всѣхъ амурскихъ начинаній имѣли мало средствъ, мало присмотрѣлись, плохо привѣсились къ дѣлу. Машина была пущена въ ходъ, вертѣла колесами, но только буравила воду, а по временамъ давала даже ходъ назадъ, едва не стопорилась, хотя въ тоже время пускала свистокъ, возвѣщала о себѣ смѣло и громко. Лучше бы сдѣлала она, еслибъ молчала и втихомолку творила свой честный трудъ шествія впередъ: онъ и безъ хвастовства оказалъ бы себя.

Въ заключеніе приводится сказать и на этотъ разъ словами практической русской поговорки:

Ту́гой поля не изъѣздишь: ну́дой моря не переплывешь.

VII

У КИТАЙЦОВЪ.

1. КИТАЙЦЫ ВЪ МАЙМАЧЕНѢ.

— Здравствуй, пріятель!

— Здоластуй, какой поживу?

— Маленьки.

— Како тиби позову?

— Такъ-то.

— Который годофа?

— Столько-то.

— Какой фамилъ?

— Фамилія такая-то.

— Когда пришела?

— Недавны.

— Какой своя городъ?

— Такой-то.

— Поторговай е́си?

— Нѣтъ, я не купецъ и не торговать пришелъ, а посмотрѣть на тебя и съ тобой познакомиться послѣ того, какъ ты опросилъ меня обо всемъ, что̀ для тебя интересно и что̀ въ твоихъ китайскихъ привычкахъ и обычаяхъ.

Разговоръ твой, когда прислушаешься и примѣнишься къ твоей картавой рѣчи—становится немножко понятенъ, и хоть языкъ этотъ (который ты въ простотѣ сердца считаешъ за русскій) совсѣмъ не родной мнѣ, а какая то незаконнорожденная помѣсь словъ твоего мудренаго языка съ неменѣе замысловатыми и трудными словами изъ нарѣчія твоихъ сосѣдей, моихъ земляковъ—я и тому радъ. На Амурѣ, у манжуръ, если на хлѣбъ да на родъ свой пальцами не покажешь—съ голоду умрешь. Тамъ безо-времени и на безвременьи инструментъ этотъ еще настроить не успѣли и ладовъ не подобрали: переговариваются кто какъ сможетъ и кто какъ хочетъ. Но здѣсь инструменты уже налажены и ноты подобраны такъ, что музыка очень давно идетъ съ блестящимъ успѣхомъ даетъ крупныя выгоды обоимъ хорамъ исполнителей: теперь у китайцевъ денегъ столько, что лопатой не прогребешь, а у русскихъ чаю столько, что самый горькій бѣднякъ изъ нашихъ не умѣетъ безъ него обходиться. И небогатъ языкъ, да широко приспособленіе и картавъ китаецъ, и у русскихъ зубъ не безъ свищей—да другъ друга не обижаютъ и условнымъ, своимъ языкомъ хорошо владѣютъ и оба дуэтомъ этимъ очень довольны. Не останутся довольны имъ Гречъ и Востоковъ, но вѣдь и они не безъ грѣха въ поползновеніяхъ своихъ на уродованіе прирожденной русской рѣчи; и они не безъ упрека въ насилованной навязчивости языку русскому такихъ формъ и правилъ, какіе взяты въ иностранныхъ земляхъ и какихъ они лѣтъ сорокъ учатъ и еще мало кого во все это время на Руси святой выучили. Стало быть, много требовать и сильно негодовать на кяхтинскій языкъ мы не въ силахъ да и не вправѣ, зная, что начало ему клали наши древніе, просто-плетеные казаки; сказывали слова, какія они сами помнили и забыть на чужбинѣ не успѣли, шатаясь по Сибири въ новой обстановкѣ, среди иныхъ картинъ природы и въ другой жизни; а сговариваясь съ китайцами, отдавали слова съ тѣмъ же выговоромъ, какому ихъ самихъ выучили китайцы, принимая слова на свой упругой языкъ, дѣлали съ ними, что могли и хотѣли; отламывали кусочикъ съ конца или съ начала (гдѣ для нихъ было способнѣе), приставляли свой слогъ китайскій (такой, какой былъ для нихъ полегче и познакомѣе). Любя придзекнуть, они изъ *годиться* сдѣлали годиза; вмѣсто *братъ* стали выговаривать братиза; банкротъ превратился въ банкроза, и равно родной и возлюбленный и китайскимъ и русскимъ и всѣмъ поголовно азіатскимъ бокамъ и плечамъ, халатъ сталъ на Кяхтѣ халадза и пошелъ у китайцевъ за русскую шубу, и за нѣмецкое пальто, и за англійскій фракъ, и за французскіе панталоны, жилеты, пиджаки: все стало халадза; гдѣ тутъ разбирать? китайцы этимъ товаромъ не торгуютъ и его не покупаютъ ни въ раздробь, ни оптомъ. Сказали имъ обвѣтшалое и полузабытое слово *ярый* въ смыслѣ смѣлаго: полюбилось оно имъ, и пошло во всякомъ смыслѣ: «моя ярова купецки», скажетъ китаецъ, если, какъ петербургскій нѣмецъ, захочетъ похвастаться своей честностью, если имѣетъ намѣреніе объявить, что онъ человѣкъ рѣшительный и любитъ въ торговлѣ рискнуть иногда. Не умѣя выговаривать русскія слова съ твердымъ окончаніемъ (и всѣми силами души ненавидя букву р, всегда превращаемую въ л), китайцы сдѣлали изъ *Богъ* Боха, *какъ*—како, изъ *вамъ*—вама; а заурядъ и изъ *хочешь* — вышло у нихъ хычи; изъ *пить*—пиху, изъ *есть*—еси, вмѣсто ѣсть—*кушать* — кушаху, а слово *буду* приглянулось такъ, что пошло въ приставокъ ко всякому глаголу и всякая рѣчь уснащается имъ, какъ прикрасой, какъ такимъ словомъ, за которымъ прячется всякая недомолвка, всякій язычный недостатокъ, и къ которому прибѣгаютъ всегда, когда необходимо станетъ затыкать диры, неизбѣжныя въ языкѣ плохо-составленномъ и никѣмъ и никогда не исправляемомъ. Его какъ сложили изъ словъ, исключительно нужныхъ только для оборота въ торговыхъ дѣлахъ, да такъ и увезли за Великую стѣну. Тамъ, въ большомъ и торговомъ городѣ Калганѣ, устроили училище русскаго языка и постановили кореннымъ государственнымъ закономъ, чтобы купецъ получалъ право торговать тогда только, когда онъ выучится говорить и писать по-русски. «Подобная мѣра (говоритъ секретная пекинская инструкція) необходима для отвращенія необходимости русскимъ изучать языкъ китайскій, владѣя которымъ они могутъ проникнутъ въ тайны нашей торговли и политики нашего государства.» А потому на Кяхтѣ мы не встрѣтили ни одного русскаго, который умѣлъ бы говорить по китайски и—ни одинъ китаецъ до тѣхъ поръ, пока не выдолбитъ на память всѣ къ ряду и въ разбивку слова изъ длиннаго лексикона, вывезеннаго съ границы Россіи, пока не выучится чертить ихъ китайскими каракулями и пока не выдержитъ въ обѣихъ этихъ искусствахъ строгаго экзамена, до тѣхъ поръ онъ не получитъ паспорта и за предѣлы великой стѣны его не выпустятъ (*). За то во всемъ Маймаченѣ нѣтъ уже ни одного китайца, который не коверкалъ бы русскаго языка, и нѣтъ ни одного русскаго торговца, который усердно не подлаживался бы къ этой исковерканной рѣчи, слывущей подъ именемъ кяхтинскаго торговаго языка. Приспособленный къ спеціальной цѣли своей и выгодно, съ блестящимъ успѣхомъ служа ей, языкъ этотъ къ другимъ приспособленіямъ уже неспособенъ, для иныхъ распросовъ, помимо торговыхъ, не годится. Понадобилось одному любознательному, изум-

---

(*) Выпускаютъ же за границу и за дѣйствительно-великую стѣну всякаго китайца, желающаго торговать съ чужеземцами, только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ семью своихъ дорогихъ и кровныхъ съ собой не бралъ, а оставлялъ на родинѣ въ видѣ заложниковъ, на которыхъ правительство и изліетъ свой гнѣвъ потомъ, когда купецъ вздумаетъ бѣжать къ иноземцамъ. Случаевъ подобнаго рода нигдѣ и никогда не бывало и сѣверныхъ китайцевъ ни одно государство въ числѣ своихъ подданныхъ не считало; но законъ этотъ равно неизмѣненъ повсюду; тоже самое и въ Айгунѣ, и на рѣкѣ Уссури и на берегахъ Великаго океана. И въ Маймаченѣ живутъ купцы холостяками; и во всемъ городѣ этомъ женскаго духа слыхомъ не слыхать и видомъ не видать. Заморозивъ постановленіе это на вѣка-вѣчные, пекинскій дворъ дѣлаетъ только такую уступку, что позволяетъ купцу ленному великимъ множествомъ бурхановъ, поставленныхъ въ храмѣ, узнать о числѣ боговъ буддійской миѳологіи, и какъ набился онъ, какіе ни подбиралъ синонимы для облегченія своего вопроса, собственными силами до отвѣта добраться не могъ.

— Сколько у вашего старшаго бога товарищей? спрашивалъ онъ.

Китаецъ хлопалъ глазами.

— Сколько у вашего бога *помощниковъ*?

Китаецъ вопросительно озирался и переступалъ съ ноги на ногу.

— Сколько у него *пріятелей*?

Китаецъ усердно крутилъ головой и все-таки не понималъ ничего, и отвѣта бы не далъ, не смотря ни на какія усилія. Выручилъ находчивый кяхтинецъ, которому надоѣло взаимное томленье:

— Слушай, пріятель! Скольки вамо у боха *прикащиковъ*?

— Стольки-то!— радостно и охотливо отвѣтилъ китаецъ, къ слову сказать—плохо-интересующійся, какъ и всѣ буддисты, своей вѣрой, близкой къ самому крайному атеизму и спутанной и измѣненной множествомъ сектъ и толковъ до безразличія и безобразія.

И на сколько мало пригоденъ и удобенъ китайско-русскій языкъ на Кяхтѣ ко всѣмъ другимъ разговорамъ, помимо торговыхъ, на столько полонъ и опредѣлителенъ онъ для коммерческихъ условій и сдѣлокъ.

черезъ три года съѣздить на родину повидаться съ семьй да кстати понабраться снова китайскаго духа, который какъ-ни-какъ, а на чужой сторонѣ успѣваетъ повывѣтриться. Этого Китай пуще всего не любитъ и со скрежетомъ зубовъ и искусавши губы подписалъ въ 1860 г. дозволеніе южнымъ китайцамъ—куліямъ—эмигрировать, но только потому, что европейскія войска побѣдительно стояли въ самомъ Пекинѣ,—и съ тѣмъ непремѣнно, чтобы при первомъ же случаѣ постановленіе это ограничить, а потомъ и отмѣнить совсѣмъ. Это, вѣрно по тѣмъ многократнымъ примѣрамъ двоедушія, какое старательно показываютъ китайцы въ отношеніяхъ ко всѣмъ народамъ, навязывающимъ имъ свою непрошенную дружбу.

— Какой товаръ ѐси?—спрашиваетъ китаецъ у русскаго, пришедшаго покупать чай на Москву и Россію.

— Всяка товаръ—отвѣчаетъ русскій не по русски—и высчитаетъ товары свои:

— Еси сіански, барха, мизеридски сукно (*). Посовѣтую буду за моя своя: полуторъ, цвѣтоки, сансински полуторъ, красненьки,— всяка маперъ буду (**).

— Какой цѣна постави ѐси?

— Моя ярова! Одинъ слово—безъ перебивай: мянзи не надо.

— Моя тоша (тоже) ярова купецки!

— Тута (такую-то) цѣна хычи?

— Ну конча.

— Конча.

И добрые пріятели, живущіе всегда въ ладу и на взаимныхъ угощеніяхъ и чествованіяхъ, сойтись въ цѣнѣ и договориться на товары не задумаются.

— Хычи серебро, хычи аршанъ (***) товара!—Китаецъ все беретъ.

— Тута сорта!—говоритъ онъ и товаръ съ собой носитъ, изъ-за пазухи во всякой часъ готовъ вытащить пакетъ съ чаемъ и на пробу дать.

— Тиби слова была за мерлушку?

И на мерлушку китаецъ чай промѣняетъ, какой угодно.

— Хычи цвѣтоки своя (т. е. цвѣточный своей фирмы); хычи цвѣтоки сансински (т. е. цвѣточный фузъ города Сансина—центральнаго пункта всѣхъ арендаторовъ фучанскихъ чайныхъ плантацій).

Но всякій китаецъ серебро предпочитаетъ другому товару и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда на рукахъ у него остается

(*) Подъ именемъ барха слыветъ московскій плисъ, за мизерицкое сукно, выдѣланное въ Мезеричахъ, идетъ на Кяхтѣ всякое съ московскихъ фабрикъ.

(**) Всякій сортъ мѣнять готовъ.

(***) Аршинъ.

мало чаю, и притомъ такого, который сильнѣе требуется въ Россію. Безъ прижимокъ и обмановъ и здѣсь не обходится: дѣло торговое!

Извѣстно, что Россія сбываетъ въ Китай московскаго дѣла плисъ и сукна, кинешемской работы дабу́ и ивановскія бумажныя матеріи, сибирской добычи мягкую рухлядь и серебро и— почти только (порохъ, огнестрѣльное оружіе, сырыя кожи и русскія деньги не дозволены). Китайцы привозятъ на Кяхту байховый и кирпичный чаи, сахаръ-леденецъ да малую толику необычайно—дорогихъ шелковыхъ матерій (канчу̀, ка̀нфу, гранетуръ, чемучу̀, янчу̀, ля́нзу и проч.). Матеріи эти очень плотны и добротны, но привозятъ ихъ такъ мало, что въ торговомъ движеніи Кяхты онѣ не имѣютъ никакого значенія. Вся роль принадлежитъ главнымъ и исключительнымъ образомъ чаю—это благодѣтельной, здоровой и цѣлебной травкѣ. Она давно крѣпко шевелила московскую торговлю; она не такъ давно держала въ полной зависимости все торговое движеніе самой большой изъ всѣхъ всемірныхъ ярмарокъ—нижегородской; она благодѣтельствовала Сибири, дѣлала и другія дѣла хорошія, но такъ какъ не объ нихъ теперь рѣчь наша, то и перейдемъ къ тому, съ чего начали.

— Хао, хао!—говоритъ нашъ пріятель-китаецъ и, хватившій россійской цивилизаціи, послѣ китайскаго привѣтствія, подаетъ намъ по европейскому обычаю руку.

Ухватимся мы за нее и пойдемъ за нимъ всюду, куда бы ни повелъ онъ насъ.

Узенькая улица, низенькіе дома напоминаютъ намъ Айгунъ. Деревянная стѣна кругомъ Маймачена и ворота, ведущія въ нее и заставленныя съ той и другой стороны ничего не защищающими и ни къ чему неслужащими ширмами, переносятъ наше воображеніе на дворъ нашего пріятеля амбаня Аджентая. Тотъ также заставился ширмами и тоже намѣренъ пугать намалеванными на нихъ чудовищами. Символическій звѣрь Китая, длиннохвостый драконъ, и здѣсь кажетъ намъ свою огненную пасть во всѣхъ видахъ, и рѣзнымъ, и рисованнымъ, на домахъ, на углахъ, на воротахъ. На воротахъ и дверяхъ съ большею охотливостью изощряется китайская пугливая фантазія; но въ Айгунѣ она сдержанная; здѣсь, въ Маймаченѣ—она въ широкихъ размѣрахъ Тамъ—рваная, босая бѣдность въ заплатахъ, съ продиравленными плечами, живетъ въ задымленныхъ деревянныхъ домахъ сиротливаго вида и утлой постройки, тамъ и купецъ китаецъ ходитъ въ бумажныхъ курмѣ и халатѣ и носитъ валяную шерстяную шапку. Здѣсь купецъ тоже китаецъ, но ходитъ весь въ шолку, начиная съ шапки и кончая курмо̀й и халатомъ, и живетъ въ необычайно опрятныхъ, свѣтлыхъ и просторныхъ покояхъ, гдѣ завелись у него и кое-какіе предметы роскоши русскаго дѣла. У одного купца мы видѣли русскія картины; другой снялъ съ себя и развѣсилъ фотографическіе портреты. У Сіофаюна и каминъ завелся и часы при нихъ подъ стекляннымъ колпакомъ и бронзовые. Ко-ху-синъ (кажется?) началъ строить даже каменный домъ и, чтобы заслѣпить глаза всѣмъ маймаченцамъ, вывелъ его въ два этажа, въ величайшую рѣдкость и въ единственную диковину цѣлаго города, чуть ли не цѣлаго Китая Въ то время, когда въ Айгунѣ купцы жмутся въ двухъ-трехъ комнатахъ, здѣсь три комнаты только для гостей полагаются, а на второмъ дворѣ хозяйскія, особыя, для прикащиковъ иныя. Хорошій костюмъ, опрятный нарядъ въ Айгунѣ только у нойоновъ; въ Маймаченѣ рѣдкій прикащикъ не выряженъ въ шелковую курму̀ и такую же шапку, какія имѣютъ право носитъ тамъ только чиновники. Впрочемъ, вглядываясь дальше, мы все-таки несомнѣнно видимъ, что если верхъ крытъ иначе и богаче, то съ другой стороны, подкладка все та же.

Вотъ для примѣра передъ глазами у насъ нашъ пріятель. Осмотрите его.

На боку болтается подержанный, но неразлучный другъ и спутникъ всякаго китайца —кисетикъ съ табакомъ, плотно слаженный изъ непрочной, но шелковой матеріи. Изъ-за пазухи торчитъ неизмѣнная ганза̀, но съ той разницей, что она здѣсь побольше чубучекъ подлиннѣе и мундштукъ бѣлесоватый, сердоликовый

Грудь у китайца маймаченскаго высокая, но не потому чтобы не успѣлъ онъ ее испить на опіумѣ, а потому, что и пазуха и весь онъ, по случаю холоднаго зимняго времени, простеганъ кругомъ ватой и курточку (курму), накинутую сверху, носитъ мѣховую, дѣланную на большую часть изъ ровненькихъ и мелкихъ мерлушекъ. Маймаченскій китаецъ красивѣе китайца айгунскаго и кажется поопрятнѣе.

— Повернись-ко.

По спинѣ лежитъ неизмѣнная длинная коса, и къ полному нашему разочарованію, она послѣ себя оставила такой же грязный, сальный слѣдъ на этотъ разъ и по шелковой курмѣ маймаченца, какъ видали мы и на бумажной айгунца. У того и у другаго коса на половину искуственная, шелковая, но такъ плотно придѣлана и ловко поддѣлана, что, и вглядѣвшись, ее примешь за настоящую и позабывши, что и здѣсь ее рветъ и треплетъ попечительное начальство (въ видахъ поученія и ради наказанія)— ее мы готовы почесть за природную. И незаплетенная комомъ, какъ у дьячковъ и горничныхъ нашихъ, китайская коса въ Маймаченѣ отбиваетъ не коровьимъ, а какимъ-то душистымъ масломъ. Пахнетъ имъ и весь здѣшній китаецъ; но заговоришь съ нимъ, и онъ отшибаетъ манчжуромъ: отъ перегорѣлаго чесночнаго запаху не продохнешь. На ногахъ тотъ же родъ туфель и хоть съ плисовымъ, а не валянымъ изъ шерсти передкомъ, но съ такой же, чрезвычайно-толстой, подошвой. Ухватки и пріемы сложились точь-въ-точь такія же, какъ будто и манчжуръ и китаецъ лажены на одну колодку. Въ Айгунѣ китаецъ и сухой и испитой по той причинѣ, что на счетъ его тамъ манчжуръ сытый, румяный и толсторожій; Маймаченѣ и китаецъ съ такимъ же одутлымъ лицомъ, румяными щеками и заплывшими глазами отъ жиру, съ лѣнивой походкой въ перевалку съ медленными движеніями, какъ бы тотъ же московскій купецъ, иногородный купеческій сынокъ. За то здѣсь и манчжуровъ одинъ только дзаргучей съ помощникомъ и десяткомъ чиновниковъ, составляющихъ штатъ городскаго (административнаго и полицейскаго) управленія. Хоть и сюда дзаргучей (какъ и въ Айгунь амбань) пріѣзжаетъ весь общипанный и обобранный до послѣдней чохи, на каковыя въ Китаѣ покупаются всѣ хлѣбныя и сытыя мѣста—маймаченскихъ купцовъ на него станетъ. Пусть живетъ дзаргучей первый годъ нищимъ: на второй и слѣдующій заживетъ онъ достаточнымъ человѣкомъ, съ примѣтнымъ комфортомъ. На послѣдній годъ передъ выѣздомъ въ отечество, становясь очень богатымъ, дзаргучей опять, по примѣру перваго года, начнетъ жить какъ нищій (чтобы, по китайскому обычаю, смиренствомъ этимъ прикрыть свое богатство отъ хищнаго глаза высшихъ властей), тѣмъ не менѣе ему никто въ Маймаченѣ въ томъ не вѣритъ. Сколько ни дери онъ со всякаго виновнаго, какъ ни хитри въ прижимкахъ и денежныхъ вымогательствахъ съ самыхъ богатыхъ,—тамошнаго купца больно не укусишь и самаго небойкаго изъ нихъ во все-не обездолишь. Бери да знай мѣру; бери да дѣлай послабленія, гдѣ попросятъ—китайцы взятку считаютъ дѣломъ національнымъ и священнымъ: шесть лѣтъ тому назадъ самаго отъявленнаго, но умѣлаго хапуна̂ дзаргучея весь Маймаченъ провожалъ далеко за городъ и теперь вспоминаетъ объ немъ съ удовольствіемъ.

— Собралъ онъ *много* денегъ, но для насъ (говорилъ мнѣ пріятель-китаецъ) сдѣлалъ *больше*, больше всѣхъ прежде бывшихъ дзаргучеевъ.

— Что же вамъ, китайцы, нужно, чтобы подкупъ дзаргучея вашего сдѣлалъ васъ счастливыми? Нужно—

Во первыхъ:

Какъ торговый человѣкъ и при томъ богатый, какъ китаецъ вообще, и притомъ такой, который пріѣхалъ сюда изъ большаго города (каковъ напр. Санъ-Синъ),—здѣшній купецъ привыкъ ко многимъ запретнымъ сладостямъ. Ему, набалованному повадкой, многія изъ нихъ обратились въ неодолимую привычку, и, на бѣду, именно тѣ, которыя строго запрещены закономъ и влекутъ за собою тяжелыя и унизительныя наказанія. Куреніе опіума—первый и давній соблазнъ, да первая и близкая петля. Изъ-за него загорѣлась война на югѣ; ради его, между прочимъ, и здѣсь, на крайномъ сѣверѣ монгольской степи, существуетъ наблюдательная, полицейская власть дзаргучея. Она снабжена и бамбуками для пятъ и тяжелыми рамами, пуда въ три, для плечъ; она можетъ ковать по рукамъ и по ногамъ грузными цѣпями временъ допетровскихъ; можетъ нажаловаться въ Пекинъ, отправить въ Пекинъ: власть дзаргучея много можетъ. При домѣ его и судилище пристроено и тюрьма глядитъ кривымъ бокомъ и чернымъ окномъ со ржавой рѣшоткой тутъ же не подалеку, точь въ точь такая же, какъ и въ Айгунѣ и вездѣ, гдѣ есть наказующая власть и наказуемое человѣчество. Между тѣмъ это человѣчество, на склонѣ дней успѣвшее затворить свое порывистое, кипучее южнымъ огнемъ и слабое сердце для многихъ соблазновъ, оставляетъ его отвореннымъ для наслажденій чувственныхъ. Китаецъ же чувственникъ насквозь (и это общее мнѣніе онъ и кухней обзавелся такой, которая скоро питаетъ, но за этимъ тотчасъ же горячитъ кровь и сильно возбуждаетъ: начнетъ сладкимъ и жаркими, а потомъ и пойдетъ подливать ко всякому куску пряный уксусъ, всякой кусокъ заливать аракой водкой, процѣженной сквозь розовыя листья, и выведетъ въ концѣ опять-таки къ желтому, самому пряному чаю и къ двумъ сортамъ орѣшковъ (какихъ въ Европѣ не водится,—съ гладкой желтой скорлупой и шероховатой—коричневой), со внутренней мякотью, неимѣющей особенно пріятнаго вкуса, но обладающей конфертативными свойствами. Каждый пряничекъ, всякая конфетка снабжена какими-нибудь корешками, обладающими тѣми же свойствами. Скандалезныя картины продаютъ открыто и за сравнительно дешевыя цѣны; въ измышленіяхъ на нихъ напрягаютъ свою фантазію до крайной степени смѣлости, невѣроятія и неожиданностей. Какъ будто одряхлѣлъ организмъ здѣшняго человѣка до невозможности естественныхъ возбужденій и полагаетъ послѣднія и единственныя надежды на искуственныя;

какъ будто въ нихъ только и все спасенье. И идя этимъ путемъ до позволенія на 45 году жизни отростить бороду, и дойдя до того времени, когда бороду эту прошибетъ сѣдиной, у китайца уже ничего не остается, и онъ не находитъ въ себѣ иныхъ силъ, кромѣ тѣхъ, какія можно найти въ курьезныхъ орѣшкахъ, въ конфертативныхъ пряничкахъ, въ замысловатомъ янтарномъ корнѣ жинь-шеня. Не выручитъ изъ бѣды послѣдній (которому китайская фармакопея приписываетъ вѣроятіе «возстановлять потерянныя силы, ободрять стариковъ и возвращать крѣпость тѣла, утраченную въ любовныхъ наслажденіяхъ») — китаецъ озлобленно закуритъ опіумъ и, впивая его въ громадныхъ размѣрахъ съ ранняго утра и до позднаго вечера, добьется до того, что изъ груди сдѣлаетъ доску, изъ кожи пергаментъ, изъ всего тѣла сухой скелетъ съ лѣнивыми и вялыми движеніями, съ сонливыми глазами, далеко провалившимися подъ лобъ (*). Результатовъ этихъ любятъ добиваться и въ Маймаченѣ; а курятъ опіумъ и здѣсь весьма многіе, едва ли не всѣ капитальные и пожилые, но курятъ такъ, что никто не видитъ и не вѣдаетъ, но дзаргучей знаетъ и всегда сторожитъ ловко налаженнымъ глазомъ передъ тѣмъ, какъ ему самому захочется серебра, и за-

---

(*) Я видѣлъ старика Маюкона съ братьями, извѣстнаго въ большей части России за нѣкогда сильно-распространенный черный чай его фузы — въ видѣ скелета, отлично приготовленнаго для анатомическаго кабинета. Онъ былъ страшенъ видомъ, отчаянно и безпрестанно кашлялъ, съ трудомъ стоялъ на ногахъ и при насъ свалился не въ гробъ, а на нары. Растянувшись по нимъ во весь свой ростъ, онъ клалъ свою голову на подушку; бралъ въ ротъ чубучокъ въ то время, когда другой старецъ (его братъ) зажигалъ ему опіумъ, положенный въ такой же снарядъ, какъ и персидскій кальянъ. Старикъ неистово начиналъ тянуть сладковатый и дѣйствительно пріятный дымъ опіума и при насъ же заснулъ въ пріятныхъ грезахъ, между которыми онъ конечно не встрѣтилъ образа своей немилостивой и заслуженной смерти. Юрта же, до которой шли мы мудреными переходами черезъ нѣсколько дворовъ, между какими то бочками, за которыя задѣвали мы и оступались, на нашъ приходъ была полна народа, жаждавшаго попить отъ этой сладости. Къ тому же кальяну съ другой стороны могъ подвалиться второй, для чего кстати приготовлена была еще одна подушка.

— Милости просимъ! — предлагали мнѣ китайцы; но я не рѣшился на этотъ разъ, потому что мнѣ предстояла прогулка по улицамъ Маймачена, иллюминованнымъ фонарями по случаю праздника бѣлаго мѣсяца: «смотра фонарей».

крываетъ этотъ глазъ послѣ того, какъ отсыплютъ ему этого серебра русскаго дѣла въ его глубокіе и широкіе манчжурскіе карманы. Добра этого у торгующихъ на Кяхтѣ китайцевъ необычайно много. (*).

Во вторыхъ:

Всякая торговля любитъ и требуетъ свободы, а китайская, стѣсненная правительственной опекой и ежегодно сдерживаемая разными секретными инструкціями, присылаемыми изъ Пекина, требуетъ еще бо́льшей свободы. Полной имъ не даютъ и не дадутъ, но маленькія льготы, изъ которыхъ умѣлый можетъ выкроить большіе барыши, можно получать отъ дзаргучея во всякій часъ дня и ночи. Многомогущій, хотя всего только съ бѣленькимъ шарикомъ (значитъ, мичманъ), дзаргучей и живетъ по просту, по-мичмански, чуть ли не съ однимъ деньщикомъ (по крайной мѣрѣ, угощая насъ, онъ намъ самъ же и прислуживалъ, при помощи своего товарища и еще двухъ какихъ-то получиновныхъ молодцовъ): попасть къ нему не только на открытый дворъ, но и въ его домъ, состоящій всего только изъ двухъ комнатъ, весьма не трудно — нѣтъ ни швейцаровъ, ни цѣпныхъ собакъ, ни jour fixes; дзаргучей всегда готовъ (это мы на себѣ самихъ испытали). Желаемая пышность и видимая торжественность, на какую натолкнулись мы въ Айгунѣ, здѣсь въ сношеніяхъ съ дзаргучеемъ смѣнена простотой и готовностью. Что въ Айгунѣ объявляли намъ запретнымъ, то здѣсь, въ Маймаченѣ,

---

(*) Мнѣ довелся случай попасть во внутренніе покои одного маймаченскаго купца, и я положительно былъ озадаченъ громаднымъ количествомъ серебряной монеты, которую купецъ до насъ считалъ и, разставляя столбиками по полу,— русскими цѣлковыми и полтиниками уставилъ большую половину очень большой комнаты. Въ доказательство того, до какого громаднаго количества доходятъ капиталы у китайскихъ купцовъ, разсказывается случай, бывшій при богдыханѣ Кянъ-Лунѣ. При немъ жилъ въ Пекинѣ такой богачъ, который на вопросъ самого хана отвѣчалъ, что имѣетъ серебра столько, сколько можно въ его домѣ измѣрять глазами. Богдыханъ велѣлъ все это отнять у купца, а его самого казнить. У другаго купца имѣлся погребъ, до верху наполненный серебромъ.

показывалось во всей наготѣ и подробности, да такъ, что все это какъ будто давно уже такъ устроено и прилажено. Если въ Айгунѣ, для того, чтобы ночевать у купца, надо было просить разрѣшенія у амбаня, и онъ могъ давать его, то здѣсь спросить объ этомъ у дзаргучея и не подумаютъ. Тамъ, чтобы купить принадлежности національнаго костюма, мы должны были просить разрѣшенія у чиновника, на которое онъ самъ уполномоченъ былъ амбанемъ; здѣсь, въ Маймаченѣ, мы могли брать все, что имѣлось въ лавкахъ; мало того, все, что намъ было нужно, приносили въ Кяхту на домъ, принесли бы и въ Троицкосавскъ, если бы пропустили на нашей таможенной заставѣ. Въ Айгунѣ купецъ торгуетъ и оглядывается, чтобы лишній разъ не попало въ спину или шею (за что—онъ и самъ не знаетъ), здѣсь купецъ ни первой не сторонитъ, ни за вторую не боится. Онъ дѣлаетъ такъ, какъ ему вздумается и какъ онъ захочетъ, и дѣлаетъ это потому, что ходилъ къ дзаргучею съ подаркомъ, потому что самого дзаргучея обязываетъ на пріемъ поднесеннаго и народный обычай и народная вѣра. На второй день «бѣлаго мѣсяца« (китайскій новый годъ) къ дзаргучею и его помощнику приносятъ подарки, говорятъ, въ такомъ громадномъ количествѣ, какому озлобленно позавидовалъ бы блаженной памяти любой нашъ городничій въ Ростовѣ ли то, въ Рыбинскѣ, въ Ельцѣ или Моршанскѣ. Въ китайскомъ Моршанскѣ—Маймаченѣ живется и торгуется такимъ образомъ свободнѣе, чѣмъ въ сосѣднемъ городѣ и можетъ быть потому только, что купленный и подкупной дзургачей не свободенъ и не позволяетъ ему совѣсть кривить въ третій разъ, подчиняясь внушительнымъ, но стѣснительнымъ приказаніямъ изъ Пекина. Самъ Пекинъ, въ свою очередь, иначе отношеній къ пограничнымъ сосѣдямъ не понимаетъ, какъ такимъ только образомъ, какому выучили его старыя преданія и прежніе примѣры. По предписанію пекинскаго двора, два раза въ годъ дзаргучей отъ имени богдыхана даритъ нашимъ чиновникамъ по нѣскольку кусковъ лучшей шелковой матеріи и по нѣскольку ящиковъ самаго рѣдкаго душистаго чая, и при томъ только тѣмъ изъ нихъ, которые находятся въ непосредственныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ пограничному торгу и могутъ принести зависящую отъ нихъ пользу подданнымъ Небесной имперіи, великаго цинскаго государства. (*)

Въ третьихъ:

Для того, чтобы быть маймаченскому китайцу счастливымъ, ему необходима неприкосновенность всѣхъ началъ и правилъ, на какихъ устраиваются всѣ, такъ называемыя, фузы—всѣ тѣ торговыя компаніи, мимо которыхъ рѣдкій китаецъ торгуетъ, и внѣ которыхъ существованіе его предпріятія невозможно. Глубоко храня въ секретѣ всѣ основныя положенія, и самому искреннему другу изъ русскихъ не довѣряя ихъ, маймаченскіе китайцы не подѣлились этимъ знаніемъ въ примѣръ и поученіе нашимъ. Полтораста лѣтъ прожили тѣ и другіе о-бокъ другъ съ другомъ, и въ то время, когда богатѣла одна сторона, стоящая привычной ногой на прочномъ и твердомъ фундаментѣ,—другая сторона колебалась между жизнью и смертью, старалась поставить ногу, но попадала въ болото и, едва удерживаясь, попадала въ самую трясину и въ ней погрязала. Въ то время, когда китайцы торговали людными и сильными компаніями, и всѣ компаніи, по секретной инструкціи, дѣйствовали за единый духъ, наши торговали въ одиночку, съ ненадежными капиталами, съ ничтожными ручательствами, всегда въ ущербъ другъ другу, очень часто въ ущербъ самимъ себѣ. Когда маймаченскіе дзаргучеи попивали чаекъ ду-

---

(*) Можетъ быть, даже и нинь-дзинь (серебряную иголку)—первый чай, показавшійся на корѣ чайнаго дерева и еще не развернувшійся въ листъ, а свернутый стрѣлкой, иголкой. Онъ бываетъ покрытъ тончайшимъ бѣлымъ пухомъ, какъ бы волокнами бѣлаго шелка. Чай этотъ—рѣдкость, сборъ его вредитъ плантаціямъ, и хозяева ихъ посылаютъ нинь-дзинь въ подарокъ друзьямъ и къ двору богдыхана, откуда идутъ, также для подарковъ, два сорта чая цвѣточныхъ: цю-мы (царскія брови) и ку-мы (дань брови), т. е. такіе чаи, листики которыхъ дугообразны и подобны человѣческимъ бровямъ. Сорты эти обязательны поставкой ко двору богдыхана, какъ дань, подать съ чайныхъ фучанскихъ плантаторовъ.

шистый, да помалчивали, изъ Иркутска въ Кяхту наѣзжали чиновники, усердно дѣлали обыски, конфисковали товары купцовъ, изумляли всѣхъ своею находчивостью и дѣятельностію. Маймаченскій купецъ тѣмъ временемъ рядился въ шелковую курму и завертывался отъ холода въ соболей и ѣлъ съ чѣмъ то двадцать блюдъ ежедневно, обогатилъ одного дзаргучея, обогащалъ другаго; между тѣмъ, на Кяхтѣ двѣнадцать купцовъ обанкрутились, а многіе умерли нищими. У русскихъ стѣснительныя мѣры задержали торговлю и непрактическія правила сводили ее на окольный путь и вели по трущобамъ и рытвинамъ; у китайцевъ она съ перваго раза попала на настоящій путь и пошла, подъ руководствомъ мудрыхъ правилъ, такъ бойко и сильно, что, говорятъ, сансинскіе монополисты и деньги считать перестали. А всему виной особаго дѣла и склада компаніи, эти фузы китайскія съ громкими титулами сохраняющихся добродѣтелями поколѣній—ши-ты-чуанъ, чистаго нефрида справедливости—мы-ю-конъ; возвысившихся отъ великаго согласія—ко-ху-синъ, всегда счастливыхъ въ предпріятіяхъ—сіо-фа-юнъ; источника обновляющейся справедливости—синъ-и-юа; доброты чистаго нефрида—мы-ю-ты, и проч. (*). Про фузы эти на Кяхтѣ очень мало извѣстно. Знаютъ, напр., что это родъ европейскихъ торговыхъ домовъ и даже вотъ съ такими же коротенькими и хвастливыми фирмами; знаютъ, напр., что нѣкоторыя фузы, съ разными отдѣленіями и подъ другими видами и именами, владѣютъ торговлею всего Китая, и сансинская фуза на Кяхтѣ имѣетъ отдѣленіе свое въ Пекинѣ, въ манчжурской столицѣ

(*) Изъ самыхъ названій фузъ можно видѣть, во 1-хъ, что фузы эти—компаніи; такъ напр., есть санъ-и-чэнъ—составившійся справедливостію троихъ; эллъ-ха-конъ-цзи—справедливость двухъ соединившихся; санъ-ю-конъ—справедливость троихъ оставшихся; цу-юа-шэнъ-дзи—разбогатѣвшій отъ двухъ источниковъ; во 2-хъ, видно, что фузы эти богаты: ко-лунъ-ко—блистаетъ великимъ богатствомъ; санъ-шэнъ-чу-анъ—сохраняется богатствомъ троихъ; ко-фа-чэнъ—разбогатѣлъ обширными предпріятіями; хунъ-ю-се—единодушіе великихъ богачей; въ 3-хъ, справедливость почитается великимъ источникомъ; согласіе—первою добродѣтелью; тишина и согласіе—путемъ къ изобилію и барышу.

Мугденѣ, помѣстила прикащиковъ въ Айгунѣ, для веденія торговли съ англичанами въ Кантонѣ и опять съ русскими на южныхъ границахъ западной Сибири: въ Кульджѣ и Чучучакѣ. Видятъ наши кяхтинцы, что всѣ эти толпы прикащиковъ, наполняющихъ входныя, переднія комнаты богатыхъ купцовъ— исполняютъ обязанности прислуги (кстати сказать, свободно и чисто) исполняютъ недолго и притомъ не какъ рабы, а какъ товарищи. Знаютъ кяхтинцы, что здѣсь всякій прикащикъ при поступленіи на службу заполучаетъ пай, который, при счастливыхъ оборотахъ торговли, .возрастаетъ въ солидную сумму. На нее, черезъ какихъ нибудь десять-двѣнадцать лѣтъ, въ одно прекрасное утро, тотъ же толсторожій и краснощекій сытый молодецъ, который вчера закуривалъ гостю ганзу̀ и разогрѣвалъ въ мѣдныхъ чайникахъ на уголькахъ тепловатую араки̇̀ и горячій чай, сегодня объявляется хозяиномъ, дѣлается самъ отвѣтственнымъ или главнымъ участникомъ, компаніономъ благодѣявшей ему фузы. А затѣмъ круговая порука эта идетъ въ безконечность; одряхлѣвшіе старики, не смѣя складывать на чужеземной почвѣ свои никанскія кости, везутъ ихъ въ сырую землю своей сансинской родины (*). На ихъ мѣсто выдвигается новое поколѣніе изъ прежнихъ прикащиковъ—теперешныхъ хозяевъ, которые также, въ свою очередь, вытискиваются богатѣющимъ и подрастающимъ, сначала до усовъ, а потомъ и до бороды, поколѣніемъ новыхъ дѣятелей, но съ тѣми же старыми и окаменѣлыми пріемами и убѣжденіями. Изъ числа послѣднихъ, самымъ главнымъ держитъ купецъ на умѣ то, что онъ долженъ, вмѣстѣ съ другими, дѣйствовать во вредъ русской торговли. И дѣйствуетъ на сколько хватаетъ силъ и умѣнья, не стыдясь прибѣгнуть ко лжи, нагло прикрыться обманомъ. За эти добродѣтели его выручаетъ компанія, фуза, и поддерживаетъ все торгующее

(*) Замѣчательно, что ку̀ли (южные китайцы), прежде другихъ заявившіе желаніе эмигрироваться, не иначе нанимаются на работы въ Калифорніи, какъ съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы тѣла ихъ, по смерти, перевезены были на китайскую землю.

на Кяхтѣ сансинское товарищество,—Май-ма-ченъ,—весь торговый городокъ.

И досягаетъ китайца счастье и удачи и съ этого боку и хорошо ему торговать на Кяхтѣ потому,

Въ четвертыхъ,

Что русскаго сколько хочешь дави—у него на Кяхтѣ сила небольшая (она вся въ Москвѣ, а здѣсь только оборыши, остатки). Компаніи собираются на Плотинѣ́ (*) только для картишекъ да для выпивокъ, а такихъ, какъ въ Китаѣ, ладить не умѣютъ ни для торговли, ни ради ремесла и промысла. И, *въ пятыхъ*.

Наконецъ,

Китаецъ—не русскій, а совсѣмъ другой человѣкъ.

Мы, впрочемъ, другаго о томъ убѣжденія. Пришли въ Маймаченъ, чтобы поискать чертъ, схожихъ и родственныхъ съ нами, и не находимъ ихъ на первыхъ порахъ потому только, что собственно-китайскія черты слишкомъ крупны и соблазнительны для изслѣдованія. Но, отдѣляя ихъ, мы все-таки вынесли то убѣжденіе, что человѣкъ видоизмѣняется въ коренныхъ основаніяхъ очень мало: онъ только верхную шкурку иногда надѣваетъ другую, силится видоизмѣниться, иногда какъ будто достигаетъ цѣли, превращается. Станешь скоблить да докапываться смотришь: нашъ братъ—во-очію.

Впрочемъ, говоримъ мы все это по поводу предмета, который насъ въ настоящую минуту занимаетъ; а боясь утомить читателя подробностями этого большаго дѣла, мы подберемъ теперь только черты крупныя, собственно китайскія. Съ насъ и ихъ будетъ довольно на первый разъ.

(*) Народное названіе Кяхты. См. ниже объ этомъ.

Купецъ-китаецъ—какъ мы сказали—прежде всего чувственникъ, а потомъ сибаритъ. Сибаритъ онъ насквозь. Для этого у него много досуга. Горячее время чайной торговли кипитъ только въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ; въ остальные мѣсяцы долгаго года, течетъ тихо и ровно, безъ порывовъ и напряженія (*); нѣкоторые мѣсяцы задаются даже и такіе, что купцу стоитъ сѣсть, развалиться и задремать: никто и ничего ему въ этомъ не помѣшаетъ. Оно дѣйствительно и бываетъ такъ. Приспособивъ такъ называемыя вольтеровскія кресла русскаго дѣла, онъ, ради бездѣлья, сидитъ въ нихъ и дремлетъ какъ котъ, жмуря глаза, заплывшіе жиромъ, лѣниво шевеля нѣжной и мягкой рукой, по привычкѣ: въ рукѣ этой у всякаго китайца имѣются шарики. Игрой и перебрасываніемъ шариковъ этихъ, во всякій часъ и во всѣхъ случаяхъ, китаецъ старается заполнять пустоту досужаго и досаднаго времени. Почти всякій изъ китайевъ, отъ частаго употребленія, доводитъ это занятіе до фокуса, и виртуозности, а самые шарики вытираетъ до того, что они не имѣютъ уже ни образа, ни подобія. Дремлетъ и шевелитъ въ рукѣ этими шариками хозяинъ-купецъ во всякое время, даже, и тогда, когда русскіе пріятели угощаются у него заказнымъ китайскимъ обѣдомъ. Раскрываетъ онъ глаза для того, чтобы поправить свою шапку (таковую китаецъ снимаетъ только на ночь и, можетъ быть, спалъ бы въ ней, еслибъ это было удобно и возможно), или съ тѣмъ, чтобы приказать подлить араки, потподчивать чаемъ. Проводивши гостей и наговоривши имъ кучу комплиментовъ, онъ опять садится и дремлетъ, дремлетъ и засыпаетъ, если съумѣетъ и сможетъ. Въ противномъ случаѣ, у сибарита-китайца и на этотъ предметъ найдутся средства и приспособленія. Не беретъ его сонъ и не смежаются очи, онъ

(*) Лѣтомъ у маймаченскихъ китайцевъ имѣется развлеченіе въ разведеніи садиковъ съ цвѣтниками и огородовъ для овощей. На то и на другое китайцы, какъ извѣстно, не имѣютъ соперниковъ на всемъ земномъ шарѣ, особенно по части искуственныхъ и тепличныхъ прозябеній.

устремляетъ ихъ на птичекъ, порхающихъ привязанными за ножки, по комнатѣ; слѣдитъ за ихъ порывистыми, но сдержанными движеніями, внимательно прислушивается къ ихъ веселому чириканью. Не поможетъ это: у него на столѣ стоитъ много органчиковъ; въ комнатѣ приспособлены колокольчики; мало того, онъ можетъ лечь на нары, подогрѣваемыя снизу и способныя нагрѣть ему одинъ бокъ до истомы (если не полѣнится перевернуться на другой). А если догадается приложить къ уху знаменитый стеклянный ящичекъ, съ заключеннымъ внутри его жучкомъ, сверчкомъ, кобылкой,—насѣкомыя эти шуршатъ по стеклу ножками, шуршатъ въ безконечность, силясь удержаться на скользкой поверхности и установиться на ней: и китаецъ, въ концѣ концовъ, достигаетъ своей цѣли. Сонъ возьметъ его и возьметъ съ тѣмъ радушіемъ и готовностью, съ какими онъ любитъ принимать въ свои объятія людей сытыхъ, беззаботныхъ, мало думающихъ о завтрашномъ днѣ, крѣпко довольныхъ сегодняшнымъ. Въ этомъ отношеніи китайскій купецъ въ Маймаченѣ похожъ на манчжурскаго чиновника, т. е. также вялъ и лѣнивъ въ движеніяхъ, съ безжизненнымъ взглядомъ, съ ненавистью къ умственнымъ упражненіямъ: не читаетъ книгъ, даже и романовъ, каковыми преизбыточествуетъ китайская литература. Онъ и чайныя дѣла ведетъ потому хорошо, что идутъ онѣ намѣченнымъ и завѣдомымъ путемъ и подталкиваются молодыми и крѣпкими руками поразительнаго множества прикащиковъ (*). Онъ и изъ дому рѣдко куда выходитъ, не имѣя въ томъ большой нужды, и посѣщеніе такимъ большимъ человѣкомъ русскаго купца считается у нашихъ праздникомъ, великою почестью, и особенно по тому смыслу, что китайцы до визитовъ озорные и неудержимые охотники, доводящіе притязательность до смѣшныхъ и крайныхъ размѣровъ. Коммисіями торговыми занимаются у большихъ купцовъ ихъ старшіе прикащики, и только маленькіе ведутъ это

(*) У нѣкоторыхъ купцовъ, число ихъ доходитъ до 20 и болѣе, особенно въ тѣхъ фузахъ, главные хозяева которыхъ живутъ въ Сан-Синѣ.

дѣло сами. И не столько за дѣломъ, сколько ради того же бездѣлья, съ ранняго утра до поздняго вечера, русская Кяхта преисполнена посѣтителями изъ Маймачена.

Сколько десятковъ разъ ни приводилось мнѣ бывать въ торговой слободѣ русской, я приходилъ въ изумленіе отъ безчисленнаго множества китайцевъ, бродившихъ толпами и кучками; я благоговѣлъ передъ терпѣніемъ, съ какимъ относились къ этимъ шатунамъ-посѣтителямъ наши кяхтинцы. И нѣтъ дѣла-китаецъ лезетъ въ домъ и отъ бездѣлья; и хозяева уѣхали въ Троицко Савскъ—ему и до этого нѣтъ дѣла. За чѣмъ же приходитъ онъ? Отвѣтъ дешевый: промотать въ чужихъ людяхъ добрую долю докучнаго времени; выждать, не разохотится ли самъ хозяинъ на разговоръ, не подвернется ли человѣкъ свѣжій, или словоохотливый. Тогда онъ часы посмотрѣть попроситъ, осмотрѣвши ихъ на своемъ вѣку цѣлыя сотни; пуговицы потрогаетъ; очки выпроситъ примѣрить; ганзой поподчуетъ, папироску выпроситъ; пригласитъ къ себѣ въ гости изъ вѣжливости и по принятому обычаю; не придете къ нему—онъ и не вспомнитъ. И это—все-таки дѣло; всего этого въ Маймаченѣ онъ продѣлать не можетъ. Въ Кяхтѣ китайцу все терпѣливо прощаютъ; ко всему этому тамъ очень привыкли. Для китайцевъ имѣютъ отворенными парадное крыльцо, затѣмъ оставляютъ переднюю и залу и отдаютъ эти комнаты въ полное распоряженіе, но непремѣнно съ тѣмъ, чтобы двери въ другія комнаты были заперты. Китаецъ назойливъ: если пріотворена дверь—то онъ и въ кабинетъ влѣзетъ; если захочетъ бо̀льшаго, то не затруднится и въ спальную пройдти. Притворены двери — онъ и за̀лой остается доволенъ. При этомъ въ залѣ, кромѣ мебели, ничего оставить нельзя; забыто что, китаецъ непремѣнно украдетъ и слѣдъ припрячетъ. Вообще, нечистые на руку, не одинъ десятокъ разъ воровавшіе иконы въ серебряныхъ ризахъ, мѣдныя лампадки, даже вербу и фарфоровыя яички, китайцы прикрываютъ порокъ этотъ народнымъ повѣрьемъ и, въ теченіе всего «бѣлаго мѣсяца», воруютъ всѣ поголовно, отъ самаго богатаго и до самаго бѣднаго, въ видахъ заполученія счастья въ торговомъ и другихъ общественныхъ предпріятіяхъ. Чтобы помирволить этой національной слабости, наши купцы обязали себя такой штукой (приготовляемой обыкновенно для пріятелей): гдѣ нибудь въ углу, подъ комодомъ, за шкапомъ, бросаютъ дешевенькій бумажный платокъ, съ нѣжнолюбимыми русскимъ и китайскимъ людомъ городочками, съ изображеніемъ исторій Дмитрія самозванца, Наполена, Петра Перваго; иногда платокъ этотъ привязываютъ къ ножкѣ стула: пришедшій китаецъ подарокъ слизнетъ непремѣнно. Вѣря въ простотѣ сердца (или стараясь обмануть себя) въ томъ, что подложенная нарочно вещица попалась нечаянно, въ похищеніи ея китаецъ полагаетъ для себя великое счастье и безпредѣльную радость цѣлый годъ ему будетъ удача во всякихъ предпріятіяхъ, «ванъсунъ-чо» (по китайски)!...

Обычай этотъ, восходя источникомъ своимъ до того древняго времени, когда устанавливались первыя сношенія наши съ Китаемъ и положеніе русскихъ на Кяхтѣ было шатко и ненадежно, когда правительство и начальство настоятельно требовало отъ русских̀ъ купцовъ постоянныхъ и всяческихъ уступокъ, твердило о кротости взаимныхъ отношеній, о необходимости угодничества, не теряетъ обаятельной силы и въ наши дни, когда все это стало не нужно. Не нужна и терпѣливость, которая сложилась въ привычку, не нужны и платочки, подкладыванье которыхъ обратилось въ непремѣнный обычай, забаловавшій китайцевъ до того, что они не задумались злоупотребить терпѣніемъ, не постыдились зарекомендовать самый обычай, не смотря на то, что онъ у сосѣдей почитается порокомъ, называется преступленіемъ. И кто усомнится въ томъ, что и теперь, ходя налаженнымъ и наповаженнымъ путемъ, китайцы бродятъ по кяхтинскимъ домамъ для чего? Чтобы нагрязнить, наслѣдить, наплевать, насорить табачнымъ пепломъ, посидѣть на чужомъ стулѣ, подхвативши подъ себя ногу (объ которую — кстати сказать — прямо на полъ, выколачивается трубка), поглядѣть въ чужое окно и при случаѣ надоѣсть чужому человѣку, а очень часто, по-просту намолчаться мрачно, нагрубить рѣзко; что нибудь наобѣщать и обмануть непремѣнно; что нибудь стянуть, если попадется подъ руку. Не воруютъ только короткіе пріятели, но входить въ домъ, по старымъ приказамъ и обычаямъ, имѣетъ право всякій китаецъ, даже монголъ изъ Гобійской степи можетъ класть свои широкіе слѣды на крашенныхъ полахъ кяхтинскихъ мучениковъ.

Мнѣ одинъ разъ посчастливило: нашелся китаецъ, который вызвался принести показать и продать мнѣ такъ сильно расхваленные, искуственные цвѣты китайскаго дѣла и не обманулъ на этотъ разъ (потому, главнымъ образомъ, что китаецъ, какъ еврей, поторговать любитъ чѣмъ бы то ни было). Цвѣты были сдѣланы дѣйствительно очень замысловато и искуственно, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые были приготовлены изъ такъ называемой рисовой бумаги (*). Я былъ изумленъ, подкупленъ замысловатымъ мастерствомъ и ловкой поддѣлкой подъ природу, и не могъ скрыть этого изумленія.

— Никански люди—мудрены люди! выговорилось у меня на первый разъ и говорилось потомъ вообще о способности народа этого ко всему тому, что требуетъ усидчивой работы, тонкости въ дѣлѣ и нечеловѣческаго терпѣнія въ отдѣлкахъ. Китаецъ внимательно слушалъ меня, молча, съ трудомъ понимая русскій языкъ, и вдругъ схватилъ меня отчаянно за руку, потащилъ къ себѣ и къ двери, указывая на которую, говорилъ онъ мнѣ:

— Пожала ходи!

— Куда?

— Тута, за наша юръ.

— Зачѣмъ въ твою юрту?

— Моя за тиби хорошанки цай почивай буду. Между тѣмъ, глаза горятъ неестественнымъ дикимъ огнемъ и на тотъ разъ

(*) Но неправильно. Это сердцевина особеннаго рода бамбука, растущаго только на островѣ Формозѣ. Разрѣзая ее на тонкія, въ писчій листъ, пластинки, китайцы получаютъ такую нѣжную (немножко замшистую бумагу), что туземныя яркія краски и терпѣливо отдѣлываемые рисунки ложатся на ней дѣйствительно оригинальнымъ и красивымъ образомъ.

показались мнѣ страшны, непріязненны. А я, все таки, слышу дальше:

— Закуски всяка манеръ за нама е́си.

— За что такая милость?

— Уруски люди—хорошанки люди! твердилъ китаецъ и усердно продолжалъ тащить меня въ дверь, увлекъ на дворъ и только на нейтральной землѣ отпустилъ мою руку, наболѣвшую отъ пожатій и приглашеній. И идя потомъ впереди, не переставалъ онъ оглядываться, какъ бы не довѣряя мнѣ; и приведя къ себѣ въ домъ, заподчивалъ меня такъ, какъ бы самаго выгоднаго и богатаго кяхтинскаго пріятеля.

— Уруски люди— хорошанки люди!—продолжалъ твердить онъ и послѣ того, какъ удалось ему разбудить своихъ вѣчно дремлющихъ компаніоновъ и привести ко мнѣ, чтобы познакомить.

— Таки слово поговори было: никански люди—мудрены люди! объяснялъ онъ товарищамъ и при этомъ, показывая на меня рукой, обнаруживалъ дѣтское непритворное удовольствіе.

Только теперь сталъ мнѣ понятенъ этотъ порывъ его, эти мгновенно и ярко загорѣвшіеся глаза, оттого что мнѣ (нечаянно и безъ намѣренія) удалось попасть въ самую нѣжную жилу китайца, ударить по самой чувствительной струнѣ его простаго безъискуственнаго сердца. Патріотизмомъ называется эта струна и эта жила, патріотизмъ зажегъ глаза у моего пріятеля; онъ же разбудилъ и его товарищей въ самую сладкую послѣобѣденную пору, когда половина Маймачена любитъ понѣжиться.

Затѣмъ, при дальнѣйшихъ столкновеніяхъ моихъ на этомъ пунктѣ, струна патріотизма давала звукъ, хотя и всегда однообразный, но всегда по первому возбужденію и затребованью.

На что бы ни посмотрѣлъ китаецъ, на часы, напримѣръ, у него всегда готовъ равнодушный, далекій отъ изумленія взглядъ, всегдашній неизбывный отвѣтъ:

— Печински лучши (т. е., хороша твоя вещь, а въ Пекинѣ дѣлаютъ лучше, хотя можетъ быть и не такія)!

Мы имѣли случай показать замысловатую французскую дѣтскую игрушку; но китаецъ и на этотъ разъ отвѣчалъ досаднымъ равнодушіемъ и хладнокровнымъ отвѣтомъ:

— Печински лучши!

Показывали внутреннее устройство фортепіанъ; сложную систему шпенечковъ на валу органа; увѣренно разсчитывали этимъ растрогать и добиться эфекта.

— Печински лучши! картавилъ досадный китаецъ. Но въ хладнокровіи своемъ дѣйствительно былъ и логиченъ, и не лживъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ войдти въ подробность и короче познакомиться со всѣми тѣми диковинками, какія производитъ Китай, чтобы окончательно утратить способность изумляться европейскимъ замысловатымъ бездѣлушкамъ.

— Я, когда смотрю на китайца (говорилъ мнѣ одинъ изъ кяхтинскихъ старожиловъ) — мнѣ всегда приходитъ на память и хочется сказать каждому изъ маймаченскихъ: дѣйствительно, вы мудреные люди. Шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, когда они и жемчугъ выдумали дѣлать искуственно изъ простой раковины, какая водится въ прѣсныхъ водахъ (*).

И хотя человѣкъ этотъ былъ нелишенъ увлеченій и находился подъ сильнымъ обаяніемъ хорошо довѣдомой ему китайской цивилизаціи и ея видимыхъ внѣшныхъ проявленій, тѣмъ не менѣе онъ не былъ ни первымъ, ни послѣднимъ. Сколько крупныхъ примѣровъ у насъ въ Россіи тому обстоятельству, что долго прожившіе въ Китаѣ и возвратившіеся въ отечество наши вывозили благоговѣйный, простодушно-дѣтскій восторгъ отъ всего того, что клало на нихъ вліяніе и металось у нихъ передъ глазами, въ теченіе какихъ нибудь шести лѣтъ, проведенныхъ въ стѣнахъ миссіи. Если съ одной стороны наша податливая, уступчивая народность давно ищетъ чужихъ образцовъ въ евро-

---

(*) Дѣлается эту просто: подъ перепонку раковины, приготовляющую перламутръ ея, вкладываютъ какое нибудь постороннее тѣло и снова бросаютъ въ воду. Года черезъ два, черезъ три вынимаютъ изъ воды приспособленныя такимъ образомъ раковины, и получаютъ жемчужины.

пейскихъ національностяхъ, то съ другой, чѣмъ же другимъ, какъ не своей силой и законченностью вліяетъ на русскую воспріимчивую натуру китайская цивилизація. Теперь, когда прошло время невѣжественныхъ насмѣшекъ надъ всѣмъ, что не носитъ европейскаго оттѣнка, пошиба, когда глумленія эти становятся смѣшными и когда приблизилось вѣроятіе болѣе короткаго и пристальнаго знакомства съ Китаемъ, люди эти перестаютъ быть чудаками, смѣшными эксцентриками. Жаль только объ одномъ, что, изъ боязни насмѣшекъ, они не разсказали о своихъ увлеченіяхъ. Въ нихъ, несомнѣнно, нашлось бы много такого, намъ чѣмъ европейцамъ привелось бы остановиться и призадуматься. Кто знаетъ: можетъ быть даже привелось бы сказать, что вотъ: рядами войнъ за вѣру, крестовыми походами, изобрѣтеніями, успѣхами наукъ, революціями и реформаціями, европейскіе народы впередъ видимо ушли далеко, оторвались отъ первоначальной азіатской почвы своей; выработывались въ новый народъ съ новыми правленіями, законоположеніями и обычаями—и между тѣмъ неподвижный, замкнутый Китай то тутъ, то тамъ покажетъ такія стороны и обнаружитъ такіе виды, которые уже нѣсколько столѣтій Европа считаетъ прирожденными себѣ, своими кровными дѣтищами. Что же это такое? Европа ли, идя прогресивнымъ путемъ, незримо и неожиданно во многихъ мѣстахъ и явленіяхъ шла путемъ ретрограднымъ и дошла, наконецъ, до начала своего, крайній корень котораго все-таки и несомнѣнно для нея укрѣпленъ былъ здѣсь, въ азіатскихъ горахъ и равнинахъ. И если Европа отошла неизмѣримо далеко и на самую огромную половину своихъ начинаній отъ деспотическаго, эгоистическаго, полудикаго Китая, то во многомъ онъ все-таки можетъ находить себѣ оправданіе здѣсь, и во всякомъ случаѣ, въ урокахъ этого громаднаго государства найдетъ много больныхъ уколовъ для себя, не въ бровь одну, а прямо въ глазъ. Мы этому, конечно, можемъ окончательно повѣрить только тогда, какъ представится болѣе легкая возможность сопоставленій и сравненій на очныхъ ставкахъ, когда откроется широкій путь въ самую глубь и въ самую суть китайской премудрости, любопытной, обширной, нелишенной глубочайшаго общечеловѣческаго значенія. Несомнѣнно то, что въ Китаѣ все задумано въ широкихъ размѣрахъ, рѣшительныхъ и смѣлыхъ, но все, въ то же время, какъ будто недовѣршено, не по бездарности и безталанности народа, а также по какимъ то другимъ отдаленнымъ и временнымъ причинамъ, едва ли не одинаковымъ съ неменѣе самоувѣренною, и едва ли не болѣе хвастливою Европой.

Что всего рѣзче бросается въ глаза: это недостатокъ прочности во всѣхъ дѣлахъ рукъ китайскихъ. Китайцы думаютъ о будущихъ годахъ менѣе, чѣмъ о настоящемъ лѣтѣ, и въ то время, когда для настоящаго у нихъ много, для будущаго мало. Съ нихъ довольно, чтобы жить со дня на день; они привыкли даже тяжелую жизнь считать счастьемъ. Соображеніе европейцевъ простирается на отдаленное будущее, и ему дикъ и страненъ китаецъ собственно потому, что онъ непредусмотрителенъ и беззаботенъ въ такой мѣрѣ, что осужденъ на вѣчную тяжкую работу и на бѣдность, кажущуюся ему невыносимой.

Живетъ онъ въ домахъ, построенныхъ изъ сыраго кирпича, глины и плетня, набитаго землей, подъ потолкомъ изъ тростника, привязаннаго къ перекладинамъ; перегородки дѣлаетъ изъ бумаги, которая больше года не держится. Таковы же у него посуда и мебель, приготовляемыя большею частью не изъ металла, а изъ того же дерева. Имъ желается пріобрѣтеніе болѣе дешевое, а зато и получаютъ они его менѣе прочнымъ. Большія пространства земли (преимущественно болотистой) лежатъ нетронутыми, необработанными именно потому, что на это дѣло потребовалось бы нѣсколько лѣтъ: надо прорыть канавы, ждать, пока онѣ высушатъ мѣсто; необходимо потомъ предоставить еще сушиться солнцемъ и пока болото станетъ давать жатву, а для того надо долго хлопотать; между тѣмъ, какъ рисъ—хлѣбъ очень плодородный: даетъ возможность жатвы два раза въ годъ (въ іюнѣ и октябрѣ), и китаецъ пріучилъ себя къ умѣнью ограничиваться вначалѣ восьмимѣсячнаго періода, раздѣляющаго время обѣихъ жатвъ, чтобы не нуждаться въ концѣ его. И все-таки ни въ одномъ государствѣ не бываетъ такихъ жестокихъ и частыхъ голодовъ, какъ нѣкогда въ Россіи и теперь въ томъ же Китаѣ, о которомъ собственно и рѣчь наша.

«Въ тѣхъ вещахъ, гдѣ вознагражденіе слѣдуетъ за трудомъ скоро, гдѣ работы таковы, что немедленно даютъ результаты, китайцы совершили изумительные успѣхи. Благодаря теплому климату, естественному плодородію почвы, пріобрѣтенію жителями знанія того, какіе земледѣльческіе продукты даютъ выгодный урожай—китайцы почти изо всякаго клочка земли умѣютъ очень быстро извлекать тотъ продуктъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, съ избыткомъ вознаграждается трудъ ея обработки. Они собираютъ въ годъ обыкновенно двѣ, иногда три жатвы. Почти каждая мѣстность, которую можно разработать безъ большаго труда, находится подъ посѣвомъ. Китайцы взбираются на холмы, даже на горы, и обращаютъ ихъ въ террасы. Вода, главное условіе плодородія въ ихъ землѣ, проводится на каждый кусокъ нивы канавами или поднимается очень удобными и простыми машинами, которыя съ незапамятныхъ временъ употребляются этимъ страннымъ народомъ. Дѣло это облегчается для нихъ тѣмъ, что почва даже по горамъ очень глубока и покрыта толстымъ слоемъ растительныхъ остатковъ. Но еще замѣчательнѣе охота, съ какою они обращаютъ въ пригодныя для нихъ вещи матеріалы, негодные для обработки, если опять-таки трудъ скоро можетъ принести результатъ, для котораго совершается. Свидѣтельствомъ тому служатъ часто встрѣчающіяся на ихъ озерахъ и рѣкахъ постройки, подобныя пловучимъ садамъ перуанцевъ: это плоты, покрытые растительною землею и служащіе нивами; Европейскіе путешественники изумляются, видя маленькія пловучія фермы подлѣ болотъ, которыя для превращенія въ нивы стоило бы только осушить; имъ странно кажется, что китайцы употребляютъ свой трудъ не на материкъ, гдѣ его результаты были бы долговѣчны, а на сооруженіе того, что портится и въ нѣсколько лѣтъ пропадаетъ» «Горизонтъ китайцевъ не имѣетъ европейской обширности», заключаетъ шотландецъ Ре, одинъ изъ первыхъ обратившій на Китай вниманіе, какъ политико-экономъ, съ точки зрѣнія своей науки.

Въ послѣдовательномъ порядкѣ намъ остается разсказать о томъ, какъ смотрѣла на Китай Россія, и въ какихъ отношеніяхъ, вслѣдствіе выработаннаго ею взгляда, она находилась къ этому сосѣднему ей государству. Знакомству русскихъ съ Китаемъ скоро минетъ два столѣтія. Мы стояли съ нимъ въ болѣе близкихъ связяхъ, чѣмъ всѣ другія европейскія государства. Народъ заводилъ торговыя дѣла, правительство входило съ нимъ въ политическія обязательства.

2. РУССКІЕ ВЪ КЯХТѢ.

Когда во времена царя Грознаго, послѣ покоренія двухъ татарскихъ царствъ, московскому государству открылась возможность къ пріобрѣтенію новыхъ земель и новыхъ народовъ, ослабленныхъ паденіемъ Казани и Астрахани — двухъ крѣпкихъ и сильныхъ центровъ востока Россіи — въ русскомъ народѣ уже готовы были всѣ формы, благопріятныя новымъ замысламъ московскихъ царей и способныя отвѣчать стремленіямъ ихъ къ завоеваніямъ и пріобрѣтеніямъ. Казачество, бродя вооруженными толпами на южныхъ и восточныхъ украйнахъ Великороссіи, не только воевало, но, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, по примѣру Ермака Тимофѣевича, завоевывало значительныя пространства земли, до тѣхъ поръ населенныя кочевниками. Сами полу-кочевники, русскіе люди, слѣдуя давнимъ отцовскимъ обычаямъ и примѣрамъ, брели врозь, съ мѣстъ насиженныхъ на невѣдомыя, съ утѣсненныхъ на мало-населенныя и свободныя. Разбитые и разрозненные сыны Новгорода великаго шли, подъ видомъ торговыхъ людей и въ видахъ распространенія торга и промысла, не стѣсняясь негостепріимствомъ сѣверныхъ странъ и сѣверныхъ народцевъ, налаживали торговыя тропы по тундрамъ, вели коммерческіе пути черезъ горы и, попадая на казачьи дороги, завязывали прочныя связи тамъ, гдѣ бездомовные удальцы успѣвали класть первыя основы подчиненія. Вскорѣ послѣ того, какъ вооруженная рука, счастливая удачей и ею же набалованная, спѣшила убивать князьковъ и владѣтелей лучшихъ людей изъ племени отсылать въ Москву заложниками, съ остальныхъ собирать первый ясакъ и назначать количество и мѣста для складовъ новаго—торговые люди являлись съ караванами, заводили мѣну, мирнымъ путемъ своего дѣла упрочивали казачьи пріобрѣтенія. Москва заполучила Пермь, пріобрѣла Сибирь. Подвигаясь впередъ очертя голову, не разбирая средствъ, не оглядываясь назадъ и не спрашивая дозволеній, сибирскіе казаки преимущественнѣе другихъ обнаружили въ этихъ предпріятіяхъ изумительную дѣятельность, поразительное умѣнье и навыкъ. Въ силу ихъ Москва, при отправленіи на новыя земли своихъ воеводъ, стала уже заручать ихъ неизбывнымъ и непремѣннымъ наказомъ—«разспрашивать и промышлять неоплошно новыя землицы и приводить иноземцевъ подъ государеву царскую высокую руку и ясакъ съ нихъ имать на государя съ великимъ радѣньемъ». Наказы эти, принявшіе у первыхъ преемниковъ Грознаго форму общаго мѣста, нашли уже русскихъ на трехъ великихъ сибирскихъ рѣкахъ, изъ которыхъ на дальной великой рѣкѣ Ленѣ сидѣли уже самые смѣлые и предпріимчивые удальцы. Здѣсь собрались и организовались тѣ промышленныя артели, какимъ обязана Россія пріобрѣтеніемъ Амура—изъ всѣхъ отдаленыхъ рѣкъ сибирскихъ самой дальной и самой соблазнительной. Въ то время, когда выходецъ изъ Великаго Устюга-Хабаровъ сидѣлъ въ укрѣпленномъ городкѣ Албазинѣ на самомъ берегу Амура и товарищи его пробирались въ рѣку Сунгари,—новгородскіе торговые люди съ другой стороны были уже за моремъ-Байкаломъ и тамъ наскоро ладили торговыя связи съ туземцами.

Такимъ образомъ въ двухъ мѣстахъ безразсчетно и неожиданно московское государство очутилось въ близкомъ сосѣдствѣ и въ непосредственныхъ соотношеніяхъ съ огромнымъ, богатымъ, накрѣпко зачурованнымъ и неподвижнымъ Китаемъ. На немъ остановились смѣлыя казачьи попытки — и не пошли дальше; здѣсь же оборвались новгородскія торговыя тропы и, повисши надъ пропастью, повернули назадъ: бороздили Сибирь, пробрались въ Камчатку, перекинулись въ Америку, прилаживались въ Японію, на островахъ Сандвичевыхъ оставили русскіе слѣды (*), едва не забрались на острова Ликейскіе (Лю-су), разсчитывали на острова Филиппинскіе (**), но на Китаѣ остановились и дальше границъ Небесной имперіи новгородская, смѣлая и привычная нога не ходила.

Дѣла амурскія извѣстны. Только около сорока лѣтъ сидѣли русскіе на Амурѣ владѣльчески, завоевательно, и, какъ полноправные хозяева, на всѣхъ занятыхъ мѣстахъ строились домами, заводили хозяйство и снятые съ обогрѣтыхъ мѣстъ нерчинскимъ трактатомъ 1689 года, не прерывали связей съ амурскими обитателями даже до нашихъ дней. Амуръ былъ всегда самымъ живымъ вожделѣніемъ. Петръ Великій на устьѣ этой рѣки смутно предполагалъ и гадательно разсчитывалъ основать столицу; Екатерина II старалась фактически выпросить у китайцевъ право свободнаго плаванія, чтобы по рѣкѣ этой снабжать Камчатку хлѣбомъ; Александръ Благословенный въ инструкціи Головкину повелѣвалъ между прочимъ «съ случаѣ согласія китайцевъ на

(*) Докторъ Шефферъ, посланный Барановымъ—однимъ изъ энергическихъ дѣятелей сѣверо-американской компаніи, въ 1816 году привелъ въ подданство Россіи короля Сандвичевыхъ острововъ и получилъ отъ него актъ, свидѣтельствовашій о королевской готовности къ подчиненію. Актъ велѣно было возвратить королю, Шеффера вызвали въ Петербургъ. Въ 1830 году пруссакъ Шлётке затѣвалъ снова поднять этотъ вопросъ и подалъ проэктъ, за который получилъ благодарность.

(**) Всѣ эти планы, ловко составленные, и всѣ эти предпріятія, мастерски задуманныя, принадлежатъ ирландцу Петру Добеллѣ — дальновидному, смѣлому и энергическому. Онъ думалъ Ликейскіе острова сдѣлать центромъ торговли Россіи съ Калифорніей, Манилло͏й, Китаемъ и Японіей, предполагалъ снабжать Камчатку хлѣбомъ съ острововъ Сандвичевыхъ; намѣревался завести морскую торговлю чаемъ; былъ увѣренъ въ возможности подчиненія острововъ Филиппинскихъ. За проэктъ этотъ Добеллу назначили русскимъ консуломъ въ Гельсинорѣ. Злополучный мученикъ, человѣкъ также энергическій, практически-опытный Рязановъ, но сопоставленный въ русскихъ американскихъ владѣніяхъ во враждебныя отношенія съ Крузенштерномъ, умеръ на дорогѣ въ С.-Петербургъ, везя широкіе и важные проэкты и планы, касавшіеся преимущественно Японіи, куда уже ходили торговые русскіе люди.

распространеніе торговли съ Россіей, исходатайствовать право содержать ей своихъ торговыхъ агентовъ на устьѣ Амура» и «развѣдать о степени судоходности рѣки и вытребовать отъ китайцевъ позволеніе ходить по Амуру хотя нѣсколькимъ судамъ ежегодно, для снабженія Камчатки и русской Америки необходимыми припасами» (**). «Признавая Амуръ за Китаемъ (объясняетъ инструкція въ другомъ мѣстѣ), доказать ему такимъ образомъ, что Россія ищетъ этого плаванія не изъ видовъ честолюбія, а единственно изъ сердоболія къ своимъ отдаленнымъ подданнымъ и тѣмъ оказываетъ Китаю свое довѣріе, потому что повергаетъ судьбу этихъ областей въ руки китайцевъ, которые, возбранивъ ходъ по Амуру, могутъ наказать Россію въ случаѣ какого-либо съ ея стороны проступка. Если эта попытка не удастся, надобно будетъ внушить китайцамъ, что Россія вынуждена искать пріобрѣтенія на островахъ Индѣйскаго океана и окончить негоціацію по этому предмету съ одною державою, не называя съ какой».

И все-таки слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ до того времени, когда Амуръ пекинскимъ договоромъ, 2 ноября 1860 года, окончательно укрѣпленъ за Россіей въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она того желала (т. е. съ правымъ берегомъ рѣки Уссури и океана).

(*) «Если по Амуру (дополняла инструкція) могутъ ходить суда только мелкія, немогущія пускаться въ море, въ такомъ случаѣ домогаться, чтобы китайцы дозволили устроить Россіи на устьѣ Амура складочное мѣсто для перегрузки товаровъ; при этомъ не отрекаться отъ пріема могущихъ быть со стороны китайцевъ условій, на какія можетъ ихъ подвигнуть ихъ мелочность и трусость». На Амуръ отправленъ былъ Д' Овре. Велѣно было скрывать цѣль его прибыванія въ Нерчинскѣ въ тайнѣ. Ему предписано собирать свѣдѣнія о военномъ положеніи страны, лежащей между Байкаломъ и чертою китайской границы, начиная отъ Стрѣлки до Кяхты и особенно о части, ближайшей къ сліянію Шилки съ Аргунью. Д' Овре обязанъ былъ узнать о состояніи военной силы у китайцевъ въ Манчжуріи, по Амуру, и проч., представить заключеніе о томъ, возможно ли будетъ со временемъ совершить небольшую тайную экспедицію въ страны, лежащія между Амуромъ и Становымъ хребтомъ; не ввѣрять тайны никому, сотрудниковъ

Таковы были отношенія съ этой стороны по поводу амурскаго вопроса, самаго труднаго и запутаннаго.

Иную картину представляетъ другая сторона, болѣе прочная и не менѣе важная — это сношенія русскихъ съ китайцами въ другихъ пограничныхъ пунктахъ, внѣ-амурскихъ.

Въ первомъ случаѣ удачамъ нашимъ мѣшала неуступчивость и надменность Китая, счастливаго многими побѣдами и завоеваніями: въ срединѣ и концѣ прошлаго столѣтія Китаемъ покорены были Тибетъ и Малая Бухара или Восточный Туркестанъ. Враждебное манчжурской династіи племя или тайное общество Бѣлой водяной лиліи», хранящее въ средѣ своей потомство природной китайской династіи «Минъ», было еще малочисленно; теперь члены общества разбросаны повсюду (есть даже у трона богдыхана), и хотя возмущенія ея адептовъ были часты, но онѣ были до того часты (и ничтожны), что пекинскій дворъ перестал даже обращать на нихъ вниманіе. Опираясь на воинственный духъ солоновъ -коренное манчжурское племя, и на монголовъ—обязательныхъ защитниковъ имперіи, манчжурская династія не боялась ни морскихъ разбойниковъ Китайскаго моря, ни острова Формозы—вѣчныхъ и заклятыхъ враговъ Китая и отступившись и признавши независимость Кореи и горскаго народа Мяо-дзы (китайскихъ шапсуговъ и черкесъ), она въ то время не имѣла никакихъ основаній къ опасеніямъ со стороны инсургентовъ, теперь и грозныхъ и счастливыхъ завоеваніями—и со

занять астрономическими наблюденіями и вообще всѣмъ, что обратитъ на себя вниманіе; отнюдь не переходить черту границы» и проч. Отъ 10 мая 1805 г. Головкинъ представилъ записку объ Амурѣ къ князю Чарторыскому и мнѣніе свое о невозможности и ненадобности домогаться у китайцеъ уступки всей рѣки ограничиваясь пространствомъ, какое опредѣляется Зеей, Амуромъ и Удью 17 окт. того же года Головкинъ представилъ императору серебряный ковшъ и печать, пожалованные бывшему городу Албазину царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и доставленные послу иркутскимъ губернаторомъ Селифонтьевымъ. Тогда же слѣдовала въ Петербургъ записка Головкина съ сокращенными свѣдѣніями объ Амурѣ и съ картою. Д'Овре доставилъ свѣдѣнія о путешествіи боярскаго сына Игнатія Милованова, въ 1686 году, по рѣкѣ, Дзеѣ, съ картою этой рѣки (одинъ экземпляръ ея долженъ быть теперь въ Енисейскѣ, а другой въ Москвѣ).

стороны Англіи, которая уже поставила теперь свою ногу въ самомъ Пекинѣ.

Но въ то время, когда русскіе очутились на границахъ Китая и входили въ сношеніе съ монголами, самъ Китай утратилъ свою независимость, покорившись манчжурамъ, и сами манчжуры, вступая въ свои владѣльческія и завоевательныя права, на первыхъ порахъ стояли въ необходимости искать сочувствія пограничныхъ вассальныхъ земель, принуждены были мирволить всѣмъ ихъ видамъ и пожеланіямъ. Мало путались они въ сношенія русскихъ съ китайскими сосѣдями, позволяя ходить купеческимъ караванамъ не только внутръ Монголіи, но и внутръ Манчжуріи (во владѣнія—какъ называли наши казаки—князя Шамшакана), и только когда торговые караваны стало снаряжать само правительство и—манчжурское сошлось такимъ образомъ лицомъ къ лицу съ нашимъ, побѣжденнымъ имъ въ Нерчинскѣ,—начались придирки и притѣсненія. Посольства русскія, одно за другимъ (въ количествѣ четырехъ кряду), не имѣли успѣха по ничтожнымъ причинамъ несоблюденія церемоній (какими оправдывались послы петербургскіе), въ сущности по тому обстоятельству, что русскіе и Россія пользовались малымъ уваженіемъ въ глазахъ пекинскаго правительства. Оно допустило сношенія въ видѣ исключенія для себя, въ видахъ особой милости для Россіи, но Россіи не знало и могло узнать ее только въ представительствѣ нашей миссіи и судило о русскихъ по тѣмъ лицамъ, которыя составляли миссію.

Не входя въ разбирательство того, что хорошіе люди нужны были въ отечествѣ, что выборъ членовъ миссіи производился людьми, незнакомыми съ требованіями дальной страны и невѣдомаго народа: часто на-угадъ, часто по одному произволу и по частному капризу—пекинскій дворъ могъ видѣть и хотѣлъ видѣть только то, что ему показывали. Показывали же ему безразсчетно и безразлично даже и то, по-часту, что и въ Россіи привыкли прятать, чѣмъ и въ Россіи тяготились. Какъ будто желая сбыть съ рукъ тяжелую ношу, за неимѣніемъ инаго выхода, сваливали ее въ Китай. Начальниками и членами миссіи нашей въ Пекинѣ являлись люди нетрезваго поведенія, плохой нравственности. Пекинъ какъ бы служилъ въ этихъ случаяхъ послѣднимъ ссыльнымъ мѣстомъ—предшественникомъ разстриженія; миссія какъ будто полагалась исправительнымъ заведеніемъ, но въ собственномъ смыслѣ (при неблагопріятныхъ условіяхъ замкнутости въ четырехъ стѣнахъ подворья и крайняго бездѣйствія и безвыходности положенія) она являлась въ плохихъ условіяхъ, усугубляющихъ пущую распущенность, увеличивающихъ вящшую порчу людей. Люди эти, мало обученные жизнію, невыработавшіе характера, плохо освоивались со своимъ общественнымъ и политическимъ положеніемъ (*). Еще въ 1817 году (въ апрѣлѣ) вновь прибывшій въ Маймаченъ дзаргучей спрашивалъ директора кяхтинской таможни Голяховскаго:

— Для чего люди безъ поведенія посылаются въ Пекинъ?

Голяховскій отвѣчалъ ему:

— Правительство всегда выбираетъ людей съ поведеніемъ но видно отдаленность отъ своего начальства и мало занятная жизнь доводитъ ихъ до той слабости, которой прежде не примѣчено было въ нихъ.

И хотя дзаргучей замѣтилъ на это, что:

— Онъ не сомнѣвается въ томъ, что русскіе по всѣмъ отношеніямъ хороши и жаль только, что выборъ духовнаго начальника неудаченъ—

Тѣмъ не менѣе, еще въ 1814 году, изъ Пекина обращены были въ Россію «за слабость поведенія двое: ученикъ Левъ Замойловъ и церковникъ Пальмовскій».

Да еще и задолго прежде—составъ пекинской миссіи былъ неблестящій. Только два первыхъ начальника составляли нѣко-

---

(*) Одинъ изъ начальниковъ миссіи (именно архимандритъ Софроній), говоря, въ своемъ «извѣстіи о китайскомъ государствѣ, о трезвости китайцевъ, дѣлалъ такое заключеніе: «очень рѣдко случалось мнѣ видѣтъ, дабы китаецъ, *подобно россійскому дьячку или ученику, живущему въ Пекинѣ* (Бейдзинѣ), *шатался пьяный по улицѣ*.

торое исключеніе. Простой полуграмотный священникъ—Максимъ Леонтьевъ, отведенный въ плѣнъ изъ Албазина (въ 1685 году) вмѣстѣ съ 25-ю русскими (*), велъ себя кротко и трудолюбиво: нѣкоторыхъ изъ китайцевъ успѣлъ обратить въ христіанство, у пекинскаго правительства пользовался уваженіемъ. Уваженіе это перешло и на преемника его архимандрита Иларіона и обнаружилось на этомъ тѣмъ, что богдыханъ наградилъ нашего монаха достоинствомъ мандарина 5 класса, а іеромонаха и іеродіакона, бывшихъ при миссіи, произвелъ въ чинъ 7 класса. Тѣмъ, однакожъ, благоволеніе пекинскаго двора къ русской миссіи и кончилось. Слѣдующій духовный начальникъ, прибывшій въ Пекинъ въ 1719 году, архимандритъ Антоній, за дурные поступки, былъ высланъ изъ Пекина подъ присмотромъ. Преемники его (исключая Гервасія и Амвросія) возвращались въ Россію съ невыгодными отзывами о себѣ, и въ самой сущности дѣла и въ большей части случаевъ были, сверхъ того, необразованы и вовсе неготовы къ такому важному посту, каковымъ оказался нашъ русскій о-бокъ съ миссіонерами католическими. Эти, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, дѣлали все, что могли. По ихъ внушеніямъ и вліянію пекинскій дворъ и правительство прекратили всякое сношеніе съ нашей миссіей; многіе албазинцы успѣли впасть въ буддизмъ,-частію перешли въ католичество. Вмѣсто того, чтобы хорошей организаціей своей замѣнить всякое нарочное посольство, миссія, къ тому же скудно обезпеченная въ денежныхъ средствахъ, безплодна была даже для торгующихъ на Кяхтѣ: не вела справочныхъ цѣнъ, не замѣчала торговыхъ нуждъ и требованій китайцевъ; наконецъ, долгое время содержавшаяся на счетъ китайскаго правительства, не пользовалась сочувствіемъ самой паствы, изъявлявшей желаніе,» чтобы

(*) Эта небольшая кучка русскихъ, усилившаяся браками и переродившаяся изъ кавказскаго въ малайскій типъ, была первою христіанскою колоніей внутри Китая. Ради ея устроилась миссія и существуетъ до сихъ поръ при представительствѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей, когда-либо являвшихся начальниками пекинской миссіи, почтеннаго отца-архимандрита Гурія.

миссія въ церковномъ своемъ служеніи слѣдовала грамотѣ, данной въ 1695 году отъ тобольскаго архіепископа Игнатія находившемуся тогда въ Пекинѣ священнику, гдѣ онъ велѣлъ приложить эктенію о китайскомъ императорѣ, чтобы молить Бога о умноженіи лѣтъ живота его и о прочемъ».

«Миссія, существуя съ давнихъ лѣтъ въ столицѣ Китая, не доставляла Россіи никакой пользы», говоритъ инструкція, выданная Головкину, и предписываетъ затѣмъ послу хлопотыо томъ, чтобы снабдить архимандрита ея нужными наставленіями, исходатайствовать ему позволеніе присылать донесенія въ министерство иностранныхъ дѣлъ по крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ и сноситься съ своимъ правительствомъ по дѣламъ купцовъ.

Не смотря на то, что миссія прожила въ Пекинѣ слишкомъ столѣтіе, въ началѣ нынѣшняго Россія все-таки не знала многаго о Китаѣ, не знала ничего положительнаго политическаго и при назначеніи новаго посла разсчитывала только черезъ посредство его развѣдать о томъ, что уже давно ей надлежало вѣдать. Головкинъ долженъ былъ собрать свѣдѣнія о политическихъ видахъ пекинскаго двора, о его связяхъ или враждѣ съ сопредѣльными владѣльцами и народами; обязанъ былъ узнать какихъ склонностей самъ богдыханъ и его министры: миролюбивыхъ или завоевательныхъ, и если въ нихъ есть расположеніе къ завоеваніямъ, то въ какую сторону болѣе клонится ихъ стремленіе распространить свои границы. Кромѣ того, посолъ обязанъ былъ собрать точнѣйшія и подробнѣйшія свѣдѣнія о силахъ, средствахъ и состояніи Китая, объ отношеніяхъ китайцевъ къ манчжурамъ и монголамъ; о поведеніи пекинскаго двора съ Далай-Ламой и Кутухтой и узнать до какой степени вліяніе ихъ на народъ опасно этому двору. Все это безъ дальныхъ затрудненій, безъ нарочныхъ посольствъ—могла бы разузнать миссія въ большихъ подробностяхъ. Не зачѣмъ бы тогда употреблять на чрезвычайныя посольскія надобности двадцать пудовъ серебра въ слиткахъ, съ предоставленіемъ, сверхъ того, права не стѣснять себя издержками, требовать новыхъ денегъ въ присылку («а между тѣмъ расходовать свои»). Въ то же время инструкція эта въ самомъ началѣ своемъ должна была прибѣгнуть къ такой оговоркѣ «что по неизвѣстности страны, нравовъ и нуждъ народа и личныхъ качествъ правителей, невозможно опредѣлить заранѣе послу образъ поведенія въ Китаѣ». Во всякомъ случаѣ посолъ обязанъ былъ поддержать свой санъ и достоинство Россіи, условливаясь съ китайцами предварительно объ образѣ пріема и отпуска и этикетѣ, «но не жертвуя, впрочемъ, въ случаѣ упорства китайцевъ, существенными выгодами обряду».

Причиной отправленія посольства полагала инструкція желаніе Государя распространить торгъ съ Китаемъ къ выгодѣ русскихъ купцовъ и промышленниковъ, утвердивъ его на прочномъ основаніи. Предлогомъ посольства назначались:—поздравленіе богдыхана со вступленіемъ на престолъ и извѣщеніе его о восшествіи на престолъ Государя Императора. Время отправленія Головкина было самое неблагопріятное и ожидаемый успѣхъ отъ его посольства былъ весьма необходимъ и чрезвычайно важенъ для Россіи. Границы двухъ имперій были неясно опредѣлены; русскія слабо защищены, пограничныя сношенія часто порождали враждебныя столкновенія; а потому, при разборѣ распрей, всегда теряли русскіе—выигрывали подданные Китая. Русскій чиновникъ, въ видѣ пристава, сопровождавшій калмыковъ въ Тибетъ на богомолье къ Далай-Ламѣ, всегда встрѣчалъ отъ китайскихъ властей сильныя препятствія и большія неудовольствія. Всякія требованія отъ сибирскихъ начальствъ были напрасны, отнятое никогда не возвращалось, виновные не наказывались и продолжали хищничества (*). Случалась обида со стороны русскихъ—въ самомъ скоромъ времени вымогалось удовлетвореніе. Пекинъ оскорблялъ грубыми и унизительными бумагами. Въ самой столицѣ миссія наша получала отъ богдыхана весьма скудное содержаніе: на погребеніе членовъ ея опредѣлено было отпускать пять ланъ

(*) Не только купцовъ, но и военные разъѣзды хватали въ плѣнъ и людей безнаказанно продавали въ Ташкентъ, Бухару и Хиву.

серебра, т. е. ровно столько же, сколько полагаетъ богдыханская казна на похороны любаго китайскаго нищаго, умершаго на улицѣ. Издавая въ народное употребленіе и поученіе карту своего государства, китайскіе географы увѣренно придѣлывали громадную Россію въ видѣ ничтожнаго клочка земли. Получая подарки отъ Государей нашихъ, китайскіе чиновники хвастливо увѣряли народъ въ томъ, что это—дань обязательная отъ покоренной страны и вассальнаго правителя (*) Рѣдкое коммерческое условіе, рѣдкій договоръ, заключенный русскими въ Пекинѣ, китайскіе купцы считали обязательными для себя къ исполненію; миссія накопляла множество тяжебныхъ дѣлъ; изъ нихъ ни одного крупнаго не выиграла; по поводу многихъ получала даже сверхъ всего тяжелыя оскорбленія (**) Между тѣмъ существованіе ея въ Пекинѣ обезпечено было международнымъ договоромъ, формальныхъ дозволеніемъ императорскаго правительства, въ то время, когда католическая миссія держалась въ китайской столицѣ исключительно однимъ присущимъ народу религіознымъ индеферентизмомъ и, основавшись въ Пекинѣ по своей доброй волѣ, безъ всякихъ правъ и гарантій, пользовалась при дворѣ уваженіемъ, была даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильно-вліятельною. Еще въ 1685 году, при вторичной осадѣ Албазина, рѣшившей судьбу русскихъ на Амурѣ, всѣми осадными работами

(*) Не допуская русскихъ чиновниковъ до непосредственной передачи подарковъ въ Пекинъ, внутри самаго дворца—китайскіе чиновники принимали ихъ въ Калганѣ. Отсюда везли ихъ, накрытыми эмблемами богдыхана, съ торжествомъ и пышностью, приглашая народъ на это зрѣлище; при чемъ старательно хлопотали выговорить обязательство для русскихъ быть одѣтыми въ простые, непышные костюмы.

(**) Архимандритъ Софроній Грибовской, возвратившійся въ Россію въ 1808 году, указывалъ на нѣсколько подобныхъ случаевъ и между ними на одинъ весьма характерный. Китаецъ Ли-Си-Джовъ взялъ у Софронія бобровые мѣха и не заплатилъ денегъ. Приведенный въ судъ онъ говорилъ: «русскіе, пріѣхавъ изъ своей земли къ намъ въ холщевомъ платьѣ да въ сермягахъ, ведутъ себя смирно; а у насъ, одѣвшись въ канфу да лянзу, которыхъ они въ своемъ мѣстѣ можетъ быть никогда и не видывали, а не токмо не нашивали, ставятъ себя выше всѣхъ людей на свѣтѣ.» «Сказавъ сіе (прибавляетъ о. Софроній), началъ было закатывать рукава, что значитъ у китайцевъ (?!) начинать драку, отъ коей офицерами удержанъ».

манчжуръ руководили два іезуита Жербильонъ и Пирепель, и войска китайскія находились подъ ихъ непосредственнымъ начальствомъ. Марко Паоло семнадцать лѣтъ былъ любимцемъ богдыхана; ему даже было ввѣрено управленіе провинціей. Въ самыхъ глухихъ внутреннихъ областяхъ Китая европейскіе миссіонеры сѣяли семена христіанства. Жертвуя по-часту собственною жизнію, испытывая тяжелыя оскорбленія, встрѣчая безчисленныя препятствія, іезуиты съумѣли, въ концѣ концовъ, религіозной пропагандѣ придать смыслъ и значеніе политической. Не безъ основанія думаютъ въ Европѣ, что сильные средствами и счастливые успѣхами, китайскіе инсургенты исповѣдуютъ христіанскую вѣру, завѣщанную іезуитами, но не нашей миссіей. Европейцы, негарантированные договорами, ненавидимые правительствомъ, клали въ Китаѣ основной фундаментъ для будущихъ сближеній съ необыкновенной энергіей, безъ устали, не стѣсняясь инструкціями, охотно жертвуя тѣми изъ своихъ, которые вершили головой на ненадежной почвѣ надменнаго, неуступчиваго государства. Не льстя чувству народной гордости, не потворствуя личнымъ слабостямъ правителей, не унижаясь тамъ, гдѣ нужно было показать настойчивость и самостоятельность, европейцы, прежде Русскихъ, успѣли и съумѣли захватить всѣ тѣ права, на которыя Россія клала только смутныя и гадательныя надежды. Манчжурамъ стоило только въ 1839 г. повѣсить въ виду англійскихъ факторій китайца, уличеннаго въ торговлѣ опіумомъ, какъ Англія не задумалась объявить войну и по нанкинскому трактату 1844 г. получила пять портовъ для свободной торговли не только для своихъ, но и для всѣхъ европейцевъ. Въ 1856 году экипажъ одного китайскаго судна разграбилъ кантонскую деревню, но, спасаясь отъ вооруженныхъ джонокъ, поднялъ англійскій флагъ, и все-таки былъ захваченъ кантонской полиціей. Англійскій консулъ потребовалъ освобожденія плѣнныхъ, обѣщаясь передать ихъ въ руки китайскихъ властей, если найдетъ тѣхъ виновными, и, получивши отказъ, подалъ поводъ къ новой войнѣ. Въ 1861 году она кончилась пекинскимъ трактатомъ, по которому Англія и Франція получили право содержать въ самомъ Пекинѣ постоянныя посольства, производить свободную торговлю въ шестомъ портѣ, съ паспортами ѣздить по имперіи, безнаказанно и безбоязненно исповѣдывать христіанскую вѣру, и проч. Европа такимъ образомъ далеко ушла, идя шагами рѣшительными и смѣлыми. Китайцы почувствовали уваженіе тогда только, когда увидѣли иноземцевъ въ самой столицѣ и встрѣтились лицомъ къ лицу съ неуступчивымъ въ свою очередь и настойчивымъ лордомъ Эльгиномъ.

Какимъ образомъ подходила къ Китаю Россія, можно судить по инструкціи, руководившей Головкинымъ и долженствовавшей представлять результатъ изъ всѣхъ прежнихъ сношеній и итоги, заимствованные изъ наблюденій прежнихъ посольствъ. Инструкціей строго предписывалось «избѣгать всѣхъ причинъ къ непріятностямъ, какія могли возникнуть между посольствомъ и китайцами; предотвращать всякія недоразумѣнія и притязанія ласковымъ объясненіемъ и, въ случаѣ крайности, благоразумнымъ снисхожденіемъ. Приказывалось строго смотрѣть за подчиненными, отъ которыхъ требовалось самыхъ ласковыхъ отношеній къ китайцамъ, внутренняго порядка и дисциплины. Виновныхъ, состоящихъ въ восьмомъ классѣ и выше, предписывалось высылать обратно въ Россію, а съ седьмаго класса и ниже — наказывать арестомъ, «съ нижними чинами поступать на основаніи военнаго устава». Посолъ обязанъ былъ изыскать для китайцевъ какія-либо выгоды со стороны Россіи, взамѣнъ уступокъ съ ихъ стороны, и развѣдать на границѣ — нѣтъ ли какихъ злоупотребленій при производствѣ торговли и, если найдутся, то донести въ Петербургъ и принять мѣры къ ихъ искорененію. «Если китайцы вздумаютъ требовать новаго разграниченія съ Россіей, опредѣленнѣе существующаго, отозваться, что на это не уполномоченъ, но, подавъ надежду на всякую со стороны Россіи податливость, отклонить самое дѣло до другаго времени, не столь неблагопріятнаго, какъ нынѣшное, по смутнымъ обстоятельствамъ, существующимъ въ Европѣ».

Посольство Головкина, не достигнувъ всѣхъ предполагаемыхъ выгодъ по отношенію къ международнымъ сношеніямъ, положило главнымъ образомъ основаніе къ болѣе точнымъ свѣдѣніямъ о положеніи дѣлъ въ самомъ Китаѣ и на границахъ его съ Россіей. Россія ничего не могла достигнуть по предмету видовъ ея на заведеніе торговли съ Индіей черезъ Тибетъ, на сношенія съ владѣльцемъ Кабула, на торговлю съ самымъ Китаемъ въ Кантонѣ и посредствомъ каравановъ внутри самой имперіи, на учрежденіе постояннаго посольства русскаго въ Пекинѣ и проч., выиграла она значительно только съ другой стороны: узнала о положеніи дѣлъ на Амурѣ и знаніе объ немъ поставила на такую почву, что на ней уже легко было основать самую главную часть дѣла пріобрѣтенія, совершеннаго такъ скоро и счастливо гр. Муравьевымъ. До тѣхъ поръ китайское правительство не желало и не допускало иныхъ сношеній съ Россіей, такъ только торговыхъ, и притомъ по трактату 1768 года (когда окончательно запрещенъ пропускъ нашихъ каравановъ, до тѣхъ поръ свободно ходившихъ по Монголіи и Манчжуріи) — только въ двухъ торговыхъ пунктахъ: Цурухайтѣ и Кяхтѣ, на границахъ Восточной Сибири (за Байкаломъ), а съ 1852 г. еще въ двухъ: Кульджѣ и Чугучакѣ, за границами Западной Сибири. Въ сущности же вся торговля сосредоточилась въ одной Кяхтѣ и послѣ множества кризисовъ и колебаній, утвердилась тамъ на прочныхъ началахъ, на широкой ногѣ. Но кромѣ торговыхъ, Кяхта другихъ сношеній уже не имѣла, иной пользы Россіи не приносила, знаній Китая отъ столѣтняго существованія этихъ сношеній на Кяхтѣ не прибавилось; наши русскіе тамъ не выучились даже говорить по китайски и, заручившись условнымъ торговымъ языкомъ, могли приспособить его только къ однимъ торговымъ переговорамъ. Свѣдѣнія о Китаѣ были смутны и сбивчивы тамъ всегда; и въ наши дни онѣ не уведутъ далеко желающаго черезъ кяхтинцевъ и въ Кяхтѣ знакомиться съ интереснымъ, богатымъ и невѣдомымъ сосѣдомъ. Но — обо всемъ этомъ потомъ; теперь разскажемъ о самой Кяхтѣ, а по зависимости отъ нея поведемъ краткую рѣчь о торговыхъ сношеніяхъ, единственномъ предметѣ, на которомъ сходились двѣ огромныя имперіи.

Въ половинѣ XVII вѣка начались первыя торговыя сношенія подданныхъ Россіи съ подданными Китая (въ Ургѣ съ монголами, въ Наунѣ или Цицикарѣ съ манчжурами). Начались дружелюбно и удачно, въ двухъ пунктахъ, съ двумя народами монгольской расы, на обоюдныхъ выгодахъ и взаимныхъ договорахъ; русскіе успѣли побывать на рѣкѣ Сунгари, водились съ монголами подъ самой великой стѣной и съ самими китайцами въ Пекинѣ. Все предвѣщало добрый успѣхъ. Но вмѣшалось сибирское начальство, хотѣло гарантировать торговлю договоромъ; отправлено было по этому поводу первое посольство—и не имѣло успѣха. Между тѣмъ русскіе потеряли Амуръ, и хотя китайскіе послы присягою утвердили, что тѣ мѣста, гдѣ былъ построенъ Албазинъ и другія русскія селенія, китайцы не будутъ занимать никакими городами и селеніями, позволятъ себѣ содержать тутъ только караулы—торговыя связи наши обрывались, уступкою лѣваго берега Амура полагалось прочное препятствіе для сношеній. Къ счастію тотъ же Головинъ, который подписалъ нерчинскій трактатъ въ 1689 году, успѣлъ склонить пекинскій дворъ на позволеніе пропускать наши караваны, и положилъ такимъ образомъ основаніе обезпеченной свободной торговлѣ между частными людьми. Въ послѣдующія 14 лѣтъ было отправлено такимъ образомъ восемь каравановъ, изъ которыхъ уже первые воспользовались хорошимъ барышомъ; торговля съ Китаемъ начала представлять столь большія выгоды, что Петръ Великій (въ 1692 г.) рѣшился отправить въ Пекинъ голландца Избранда-Иве, съ порученіемъ хлопотать о подобномъ же правѣ торговли для казны. Голландецъ успѣлъ доставить казеннымъ караванамъ свободу торговли. Они стали ходить уже прямо въ Пекинъ, и оставляли за собой это исключительное право въ то время, когда частные негоціанты (преимущественно москвичи) производили одну мѣну (и не только въ Монголіи, но и въ Пекинѣ), устанавливая съ китайцами родъ ежегодныхъ ярмарокъ и проживая на нихъ до окончательнаго сбыта всѣхъ своихъ товаровъ. Но русскіе товары промѣнивались безпошлинно, казенные караваны, со дня вступленія въ предѣлы Небесной имперіи, содержались на счетъ правительства, безъ всякаго вознагражденія со стороны русскаго. Китайцы стали тяготиться; мало того,—начали дѣлать прижимки, притѣсненія, перестали удовлетворять жалобамъ, а когда возникли между русскими кое-какіе безпорядки, богдыханъ Камъ-хи грозился формальнымъ образомъ изгнать русскихъ изъ своихъ владѣній и запретить имъ торговлю даже въ Монголіи. Въ 1717 году, прибывшему изъ Россіи каравану запрещено было продавать товары, караванъ слѣдующаго года былъ просто-на-просто высланъ изъ Пекина. Петръ Великій, чтобъ предупредить разрывъ, въ 1719 году, отправилъ новое посольство съ Л. В. Измайловымъ. Измайловъ кончилъ распрю на время; но новаго разрыва не предупредилъ. Богдыханъ придумалъ иной предлогъ и, недовольный переходами монголовъ за русскую границу подъ покро вительство и защиту русскаго правительства, потребовалъ ихъ возвращенія. Русскіе на это не согласились и окончательно были изгнаны изъ предѣловъ Китая, въ 1722 г. Шесть лѣтъ продолжался этотъ разрывъ, до тѣхъ поръ, пока Савва Владиславичъ Рагузинскій, послѣ пятидесяти восьми мучительныхъ конференцій, въ 1728 году, заключилъ новой трактатъ (буринской) Караванамъ ходить было дозволено, но тогда уже сами русскіе не могли упрочить этой торговли. Полковникъ Кропотовъ, прибывшій въ Пекинъ въ 1763 году, по волѣ Екатерины, съ казенными мѣхами, не продалъ ихъ и умеръ на китайской границѣ говорятъ, изнемогшій отъ мучительно-унизительныхъ церемоній. Онъ успѣлъ, однакожъ, заключить новый трактатъ (18 окт. 1768 г.), по которому окончательно запрещенъ былъ пропускъ нашихъ каравановъ, а для торговыхъ сношеній пограничныхъ жителей избраны были только два пункта: Цурухайтъ и Кяхта. Съ 1755 года въ Пекинъ казенные караваны уже на ходили; въ 1759 г. вовсе кончились-было сношенія между обѣими государствами и возобновились впослѣдствіи только тогда, когда Императрица Екатерина (въ 1762 г.) уничтожила монополію казны въ торговлѣ мѣхами. Съ этихъ поръ начала возрастать кяхтинская торговля: въ 32 года (съ 1768 по 1800 годъ изданія новаго тарифа для сбора пошлинъ и новаго руководства для торговли) вымѣнъ товаровъ возросъ отъ 230 тысячъ руб. до 4 милліоновъ въ годъ, не смотря на то, что никто не думалъ давать Кяхтѣ какія либо льготы, а Иркутскъ постоянно налагалъ на торговлю ея свои цѣпи. Послѣ нашествія на Москву французовъ, въ особенности въ 30 годахъ настоящаго столѣтія, дѣла на Кяхтѣ пошли съ изумительной быстротой впередъ, когда въ Россіи возрасло требованіе на чай, а въ Китаѣ русскіе товары пошли въ честь и перебили англійскіе. Съ этихъ поръ исчезла вся мелкая мѣновая торговля и изъ Китая стали требовать одни только чаи; изъ Россіи—одни только издѣлія московскихъ мануфактуръ, потомъ золото и серебро. Монополія московскихъ купцовъ ослабѣла; въ число торговцевъ поступила большая часть сибиряковъ. Къ монополистамъ съ китайской стороны (къ сансинскимъ капиталистамъ) стали примыкать новыя компаніи другихъ торговцевъ. Въ послѣднія четырнадцать лѣтъ торговля на Кяхтѣ начала принимать другой видъ и приняла бы весьма широкій, если бы дозволеніе къ вывозу кантонскихъ чаевъ не подрѣзало ей крылья. Теперь ужъ ей не летѣть высоко и далеко: время паденія близится и первые признаки его, несомнѣнные и осязательные, ясно обнаружились на прошлой нижегородской ярмаркѣ. Кяхта должна будетъ принять новый видъ. Но мы еще одинъ разъ возвратимся къ старому, и на томъ покончимъ.

Больше ста лѣтъ назадъ тому, въ 1743 году, первымъ указомъ сената велѣно: «для распространенія купечества поселять на Кяхтѣ людей, отводить имъ на строеніе домовъ, заводовъ и огородовъ, такъ и на скотскій выпускъ, отвесть потребное число земли за городомъ близъ кяхтинскаго форпоста и селиться особливою слободою». Въ 1745 г. вторымъ указомъ поселено при форпостѣ, на первый случай, до ста семей. *Особливая сло-*

бода образовала собственно такъ называемую Кяхту—торговую купеческую слободу, а семьи, поселенныя на форпостѣ, послужили приращеніемъ къ населенію будущаго города Троицко-Савска (*). Отъ города этого, служащаго вмѣстилищемъ всего казеннаго управленія и всѣхъ чиновниковъ, до слободы *Плотины̀*, населенной исключительно торгующимъ съ Китаемъ купечествомъ и коммисіонерами русскихъ купцовъ—полагаютъ разстояніе въ четыре версты, и за тѣмъ уже только 120 саженъ (такъ наз. *нейтральной земли*) отдѣляютъ нашу торговую слободу отъ китайскаго (*торговаго городка*) Май-Ма-Чена.

Чтобы попасть въ слободу Кяхту, нужно дождаться когда поднимутъ шлагбаумъ; чтобы выѣхать изъ нея—необходимо подвергнуться таможенному осмотру (который повторялся въ наше время еще одинъ разъ за Троицко-Савскомъ для ѣдущихъ въ Иркутскъ и далѣе) (*).

Русская слобода съ богатымъ соборомъ, съ довольнымъ количествомъ деревянныхъ, крѣпко-подержанныхъ домовъ, принадлежащихъ кяхтинскимъ купцамъ и иногороднымъ коммисіонерамъ, внѣшнымъ видомъ своимъ не представляетъ никакихъ особенностей. Слава Богу: имѣется клубъ на общихъ россійскихъ положеніяхъ, рѣдко посѣщаемый и притомъ исключительно для

(*) Кяхта получила свое названіе отъ рѣки, а рѣка отъ монгольскаго слова, означающаго траву пырей—любимую пищу верблюдовъ и растущую по рѣкѣ этой и по всѣмъ окрестностямъ въ изобиліи. У кяхтинцевъ существуетъ преданіе о томъ, что когда возникъ вопросъ о выборѣ мѣста для торга, китайцы требовали такой рѣки, которая текла бы за границу и не представляла бы удобствъ къ отравленію воды на случай непріязненнаго времени. Одна эта рѣчка (текущая всего только 11 верстъ) и могла выполнить это требованіе. Для поднятія воды устроены были двѣ плотины: верхняя и нижняя, въ настоящее время уже не существующія, но по нимъ офиціальное названіе Кяхты (собственно торговой слободы) измѣнилось на мѣстномъ языкѣ въ имя Плотины.

Троицко-савская крѣпость основана была въ 1727 г. иллирійскимъ графомъ Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ, заложившимъ церковь во имя Св. Троицы, названіе которой съ именемъ основателя перешло въ наименованіе города.

(*) Нѣкогда русская таможня существовала въ пяти верстахъ отъ города Селенгинска, на такъ называемой Стрѣлкѣ (т. е. при впаденіи р. Чикоя въ р. Селенгу). Здѣсь всѣ идущіе въ Россію чаи очищались пошлиною. Сюда наѣзжали карточной игры, но выписывающій журналы и газеты, и держится, какъ и всѣ наши клубы, кое-какъ и на непрочномъ основаніи; здѣсь въ особенности потому, что ему противодѣйствуетъ домовитость купцовъ нашихъ. Кяхтинцы любятъ жить келейно и семьями на общихъ русскихъ положеніяхъ, плохо довѣряя и не безъ основанія устраняя себя отъ клубныхъ затѣй, иниціатива которыхъ всегда идетъ отъ чиновниковъ, доказавшихъ сотни разъ свою неспособность заводить клубы, всегда является подражательною, какъ бы какое казенное обязательство, какъ бы новый видъ служебныхъ обязанностей. Кяхтинцы также не любятъ этого и, запираясь въ своихъ теплыхъ и просторныхъ домахъ, всѣми помышленіями устремлены на то дѣло, ради котораго тутъ пристроились, всѣми дѣяніями сосредоточились на томъ пунктѣ, изъ котораго исходитъ свѣтъ и матеріальныя выгоды. Чай—со стороны Китая, мануфактурныя издѣлія и серебро—со стороны Россіи: вотъ три коренныхъ звѣна, закрѣпляющихъ цѣпь взаимныхъ связей между представителями двухъ громадныхъ имперій. Теперь звѣнья цѣпи этой начинаютъ ослаблять руками тѣхъ, которые торгуютъ чаями чрезъ Кантонъ.

Что произойдетъ изъ того—скажетъ намъ Москва и время, да тѣ изъ русскихъ, которые пробираются теперь въ самую глубь Китая караванами. Что знаемъ мы сами—объ этомъ повѣдаемъ дальше.

китайскіе чиновники, а съ ними весьма часто и купцы съ товарами. Завелась было торговля, но вскорѣ прекратилась по тому поводу, что казаки, бурята и бѣглые начали грабить китайцевъ; китайцы перестали ѣздить. Таможню перенесли въ Троицко-Савскъ; теперь она уже въ Иркутскѣ.

3. БѢЛЫЙ МѢСЯЦЪ.

Въ концѣ декабря, въ январѣ, а иногда и въ началѣ февраля мѣсяца, кяхтинскій трактъ, разъ въ году, дѣлается примѣтно оживленнымъ. На станціяхъ по-часту и по-долгу задерживаютъ проѣзжающихъ, на долю смотрителей выпадаетъ нѣсколько безсонныхъ ночей; въ большомъ количествѣ расходуются ими чернила и сальныя свѣчи; съ большою твердостью и готовностью подкладываютъ они подъ руку горяченькаго проѣзжаго жалобныя книги (которыя, какъ извѣстно, не имѣютъ особаго значенія и, кромѣ переводовъ смотрителей на другія мѣста, другихъ улучшеній не вызываютъ).

Бойкія на ногу сибирскія лошади (между которыми въ Забайкальѣ лучшими почитаются степныя сартольскія) въ серединѣ зимы на кяхтинскомъ трактѣ начинаютъ возить вяло, очень медленно: въ концѣ станціи едва шевелятъ ногами; свѣжія выводятся съ задняго двора лохматыми, закуржавѣвшими отъ инея; многія изъ нихъ кашляютъ; всѣхъ продергиваетъ по тѣлу жестокая дрожь. Новый ямщикъ, подтягивая супонь, сердито смотритъ и громко ворчитъ:

— Подойдетъ это окаянное время, словно ихъ изъ пушки кто выпалитъ: и днемъ и ночью ѣдутъ. Чаю напиться не успѣваешь.

А безъ кирпичнаго чаю — какъ извѣстно — сибирякъ, простой человѣкъ, и лба не креститъ; а безъ того, чтобы не надергать лошадямъ ноздри и такимъ образомъ не заставить ихъ счихнуть (въ предупрежденіе сапа)—сибирскій ямщикъ ихъ и въ стойла не поставитъ. Долго проводитъ онъ ихъ потомъ, чтобы не запалились и уже навѣрно на это время одна лошадь хромаетъ, а другая, насквозь простуженная, учащенно дышетъ и отдаетъ паромъ.

— Я сегодня въ третій: ты въ которые?—переговариваются ямщики.

— Въ пятые. Прибѣжалъ на станокъ: лошадей нѣту, въ разгонѣ. Сталъ упрашивать смотритель, чтобы прогоны взять и «на водку» моя—чужой станокъ обработалъ.

— Какъ, парень, кони выдерживаютъ?!

— Дивуюсь, другъ!

Перестали дивиться этому обычному явленію на всѣхъ трактахъ Восточной Сибири, ведущихъ въ Петербургъ и на Амуръ и дивуются ямщики усиленному разгону лошадей только на кяхтинскомъ трактѣ (болѣе другихъ свободномъ) и только во время двухъ вышеупомянутыхъ зимнихъ мѣсяцевъ, дивуются ямщики и переговариваются:

— И все, другъ, изъ Иркутска.

— Все чиновники.

— Все съ семействами: на двухъ, а то и на трехъ тройкахъ!

— Все на китайскій праздникъ гоношатъ.

Это вѣрно. Если за нѣсколько дней до этого времени прислушаться къ общественнымъ разговорамъ во всѣхъ кружкахъ разбитаго на два лагеря иркутскаго общества, въ числѣ многихъ пустопорожнихъ городскихъ новостей на первомъ мѣстѣ неизбывно встрѣтишь извѣстіе о томъ, что вотъ этотъ ѣдетъ въ Кяхту, что вотъ тотъ собрался со всѣмъ семействомъ, и проч. За тѣмъ въ томъ же Иркутскѣ, во весь годъ потомъ за вопросомъ: «удалось ли вамъ побывать въ Кяхтѣ» непремѣнно поподчуютъ вторымъ: «случилось ли вамъ попасть туда на Бѣлый мѣсяцъ?«

Пишущему эти строки на Бѣлый мѣсяцъ попасть довелось, а что случилось ему тамъ узнать и увидѣть тогда, о томъ-онъ намѣренъ разсказать теперь. Маленькое, круглый годъ скучающее, общество пограничнаго городка Троицко-Савска нашелъ онъ примѣтно-оживленнымъ: туда наѣхали гости изъ иркутскихъ чиновниковъ, для которыхъ китайскій праздникъ служитъ развлеченіемъ, нѣкотораго рода вакаціей и вмѣстѣ съ тѣмъ наградою за годичные труды и однообразныя занятія. Въ четырехъ верстахъ отъ Троицко-Савска, въ скромныхъ общественныхъ кружкахъ торговой слободы Кяхты, также явились новыя лица и также большею частію изъ Иркутска, про каковой и привозятся самыя свѣжія вѣсти, три года тому назадъ имѣвшія для Восточной Сибири большой интересъ.

Вѣсти и новости эти для насъ не имѣютъ большаго интереса, но китайскій праздникъ «Бѣлаго мѣсяца»—явленіе любопытное Ему предшествуетъ обыкновенно исчезновеніе всѣхъ китайцевъ до единаго изъ домовъ всѣхъ кяхтинскихъ купцовъ и коммисіонеровъ. Китайцы одинъ день изъ Маймачена не выходятъ и туда никого изъ русскихъ не пускаютъ. Этотъ день полагается первымъ днемъ, началомъ праздника, онъ же и первый день весенняго мѣсяца и новаго года. Въ то время, когда и мусульманеазіяты, привыкшіе распредѣлять свои годы по луннымъ измѣненіямъ, высматриваютъ новый мѣсяцъ, чтобы кончить постъ, начать ѣсть сладкія явства; и буддисты-азіяты, маймаченскія китайцы, приступаютъ къ своему завѣтному празднеству, основанному на томъ же появленіи первой весенней луны.

Съ полуночи люди всѣхъ состояній ставятъ въ главной комнатѣ на столѣ свѣчи, куренія и вещи, назначаемыя въ жертву богамъ: большею частію изъ съѣдомаго. Сначала они покланяются, стоя на колѣняхъ, лицомъ къ отворенным дверямъ это—жертва духу неба и духу земли. Потомъ, обратясь внутръ покоя и къ столу, установленному жертвенными вещами, совершаютъ поклоненіе въ честь домашнихъ духовъ и предковъ. За этимъ поклоненіемъ немедленно производится третье и послѣднее поклоненіе родителямъ и хозяевамъ: старшимъ кланяются въ ноги, равные разсчитываются между собою поясными поклонами. Наконецъ, становятъ на столъ различныя кушанья (между которыми въ этотъ день пельмени почитаются почетнымъ и праздничнымъ блюдомъ)—и угощаются. На другой день родственники и друзья посѣщаютъ другъ друга, и въ теченіе слѣдующихъ пяти дней стараются окончить эту операцію, потому что позднѣйшіе визиты вмѣняются ни во что, въ счетъ нейдутъ, а даже заполучаются, какъ маленькое намѣренное оскорбленіе, легкое поношеніе чести. Въ эти пять дней въ Китаѣ пріостанавливаются всѣ дѣла: нѣтъ присутствія, нѣтъ казней, всѣ пируютъ и отдыхаютъ; строго воспрещенная азартная игра въ карты и кости (сильно распространенная въ Маймаченѣ и другихъ торговыхъ городахъ преимущественно между купцами)—открыто дозволяется; куреніе опіума также не возбуждаетъ въ эти дни въ чиновникахъ негодованія и не преслѣдуется. Къ первому дню первой луны всѣ начальники областей представляютъ въ Пекинъ оброчную сумму и остатки расходовъ. Въ первый день первой луны самъ богдыханъ обязывается тяжелымъ обрядомъ. Онъ, по древнему обычаю, въ этотъ день зажигаетъ нарочно приготовляемую для этого случая ароматическую свѣчу и, держа ее въ рукѣ, съ нею принимаетъ поклоненіе и поздравленіе отъ нѣсколькихъ сотенъ мандариновъ высшихъ степеней и за тѣмъ остатокъ свѣчи, какъ эмблему, полагаетъ на главный алтарь въ вѣчное храненіе (*). Мандарины тогда же одариваются избытками отъ стола и милостей своего сына неба.

Маймаченскіе китайцы, по окончаніи взаимныхъ поздравленій являются къ своимъ кяхтинскимъ знакомымъ и друзьямъ, присна-

---

(*) Все количество свѣчей, сложенное на алтарѣ главнаго храма, наглядно представляетъ сумму лѣтъ, прожитыхъ Китаемъ, потому что свѣча приготовляется въ одномъ экземплярѣ на весь Китай и только для руки богдыхана. Для прочихъ властей и правителей дѣлаются свѣчи худшаго достоинства, меньшей толщины и съ болѣе слабымъ ароматомъ. Приготовленіе и разсылка ихъ составляютъ привилегію Далай-Ламы, который съ нарочными разсылаетъ ихъ изъ Тибета по всему буддійскому и ламайскому міру и продаетъ за высокія цѣны. Свѣчи эти приготовровляя свои посѣщенія и поздравленія съ собственнымъ праздникомъ до того дня, который, по ихъ вѣрованіямъ, полагается счастливымъ. Не получить подарка отъ нашихъ—для китайцевъ огорченіе; не своровать какой либо плохо—положенной или нарочно-подложенной хорошимъ пріятелемъ вещи—для нихъ несчастіе, которое обусловливаетъ въ теченіе года другія невзгоды и огорченія. Въ этотъ счастливый день обыкновенно вся Кяхта наводняется посѣтителями до того, что становится тѣсно и тошно. Такого громаднаго наплыва китайцевъ въ другіе дни года не бываетъ. Такого огромнаго расхода на ивановскіе ситцы, на мезеридское сукно и московскіе платочки безъ промѣна на чай, а въ видахъ подарковъ—тоже никогда въ другое время въ Кяхтѣ не случается. Китаецъ любитъ честь, чувствуетъ дружбу, но безъ подарка ни той, ни другой не принимаетъ и не понимаетъ. И еще послѣдній долгъ и обязательство: всякій русскій купецъ непремѣнно долженъ навѣстить всѣхъ тѣхъ маймаченскихъ китайцевъ, съ которыми имѣетъ или желаетъ имѣть дѣло. Днемъ этихъ многотрудныхъ и многочисленныхъ визитовъ полагается обыкновенно пятнадцатый день Бѣлаго мѣсяца, самый веселый и самый интересный. Это—по-китайски Шань-юань, по-русски—смотръ фонарей, большое гулянье по улицамъ, повсемѣстная иллюминація.

Бродили и мы въ этотъ день по Маймачену въ товариществѣ нашихъ кяхтинскихъ знакомыхъ; видѣли и мы разные китайскіе виды, а потому считаемъ себя въ правѣ и обязательствѣ разсказать всю суть Шань-юаня (*).

ля тся изъ самыхъ ароматическихъ (и символическихъ) травъ, которыя такъ искусно и плотно пресуются, что имѣютъ видъ и твердость дерева. Онѣ не горятъ пламенемъ, но тлѣютъ; цвѣтъ ихъ красноватый; но свѣча богдыхана темно-коричневая. Небольшой обломокъ ея попалъ мнѣ въ руки, благодаря досужеству нашихъ казаковъ, бывшихъ свидѣтелями разгрома дворца богдыхана и главнаго буддійскаго храма во время недавняго нападенія англичанъ и французовъ на Пекинъ.

(*) Во внутреннемъ Китаѣ праздникъ Бѣлаго мѣсяца отправляютъ богатые 17 дней; бѣдные только пять. Въ богатомъ Маймаченѣ обычаю этому не слѣдуютъ и на досугѣ прихватываютъ, къ обычнымъ, еще нѣсколько лишныхъ дней.

Когда уже достаточно смерклось, отправились мы въ Маймаченъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что, тотчасъ по закатѣ солнца, въ городѣ должны быть зажжены фонари и начнется обычное, самое веселое и людное гулянье. Въ этомъ мы не ошиблись.

Улицы Маймачена, идущія параллельно по направленію отъ кяхтинскихъ воротъ въ Гобійскую степь и въ сторону Урги и Пекина, были изувѣшены фонарями и набиты народомъ до невозможности. Гулянье было въ началѣ, но уже и въ полномъ разгарѣ своемъ. Фонари разнообразныхъ цвѣтовъ, но большею частію однообразной формы, извѣстные и въ Европѣ подъ именемъ китайскихъ, развѣшены были въ замѣчательномъ множествѣ и въ замысловато-прихотливыхъ порядкахъ. Дома богатыхъ купцовъ, извѣстныхъ въ Россіи по московскимъ чайнымъ публикаціямъ, отличались фонарями большими, флеровыми, съ изображеніями различныхъ фигуръ и видовъ, какими украшаются продажные ящики цвѣточныхъ, зеленыхъ и желтыхъ чаевъ, какими испещряютъ китайцы свои мудреныя костяныя бездѣлушки: вѣера, вазочки, ящики и проч. и проч. Въ подобныхъ издѣліяхъ китайцы не имѣютъ себѣ соперниковъ въ цѣломъ свѣтѣ, и если съ особеннымъ мастерствомъ отдѣлываются эти вещи и продаются на европейскія суда въ южныхъ гаваняхъ Небесной имперіи, то и здѣсь на сѣверѣ, и въ Маймаченѣ, для этихъ издѣлій и для приготовленія красивыхъ и оригинальныхъ фонарей имѣются особые и остроумные мастера. Нельзя утаить, что между фонарными украшеніями попадаются и такія, которыя способны оскорбить цѣломудренный вкусъ русскихъ посѣтительницъ, но безъ этого запѣвка какъ извѣстно, рѣдкая пѣсня поется въ Китаѣ. Въ Кяхтѣ про это хорошо знаютъ; знаютъ и разсказываютъ тамъ про маймаченскихъ китайцевъ и еще многое, о чемъ—ради скромности—мы говорить не имѣемъ права. Возвращаемся къ фонарямъ и заключимъ, что дома бѣдныхъ украшаются фонарями меньшихъ величинъ и притомъ такими, которые сдѣланы изъ простой обыкновенной, полупрозрачной бумаги, каковою обклеиваются оконныя рамы вмѣсто стеколъ и каковая имѣетъ поразительную крѣпость (свѣжую, незалежалую бумагу разорвать можно только крѣпкими мускулистыми руками, хотя и она, въ свою очередь, приготовляется, какъ и всякая другая изъ хлопчатника). Если бы продолжить и сосредоточить свои наблюденія, намъ кажется, можно бы придти къ тѣмъ выводамъ чтобы по формѣ, по количеству фонарей и по разнообразію рисунковъ на нихъ — объяснить себѣ степень избытка каждаго изъ купцовъ маймаченскихъ. Восходя отъ самыхъ богатыхъ, черезъ болѣе распространенный рядъ среднихъ капиталовъ, можно дойти до тѣхъ бѣдняковъ, которые маклачатъ чаемъ по малости и торгуютъ главнымъ образомъ тѣми мелкими галантерейными товарами, какіе помѣщаются въ одной комнатѣ, въ двухъ-трехъ шкапикахъ, и держатся только для спеціалистовъ-охотниковъ изъ китайцевъ и русскихъ: немножко ароматическаго красненькаго нюхательнаго тебаку, связка круглыхъ курительныхъ трубокъ, десятокъ стеклянныхъ и каменныхъ табакерокъ въ видѣ бутылочки, нѣсколько скандальныхъ картинокъ, ящикъ съ искуственными цвѣтами, три-четыре курьезныхъ дѣтскихъ игрушки: вотъ и все почти. Торговцы эти живутъ обыкновенно въ самыхъ дальныхъ и глухихъ улицахъ, и какъ крайніе бѣдняки (говорятъ живутъ главнымъ образомъ шпіонствомъ и поэтому чаще другихъ бродятъ по Кяхтѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что фонари ихъ мерцаютъ слабѣе, хотя также вѣрно, что ни одинъ китаецъ не откажетъ себѣ въ удовольствіи изукраситься фонарями на завѣтный «Бѣлый мѣсяцъ» и силится потратить на это даже и завѣтную чоху

Во всякомъ случаѣ, маймаченская иллюминація въ полномъ цвѣту. Фонари, большею частію розовые, развѣшены по наружной сторонѣ домовъ и лавокъ въ нѣсколько рядовъ, одинъ надъ другимъ, гирляндами. Мало того, они болтаются надъ головами гуляющихъ привязанными къ веревкамъ, перекинутымъ съ крыши одного дома до крыши сосѣдняго, чему способствуютъ узенькія, какъ корридоры, маймаченскія улицы, неимѣющія соперниковъ себѣ ни въ Москвѣ и Хакодате, ни въ Тифлисѣ и Ѳегеранѣ. Даже пресловутый московскій Газетный переулокъ и петербургская Галерная улица гораздо шире узенькихъ маймаченскихъ корридоровъ, хотя, въ пріемахъ освѣщенія надвѣшенными по серединѣ и сверху улицы фонарями, эти двѣ русскія имѣютъ нѣкоторое сходство съ улицами маймаченскими. По крайней мѣрѣ, намъ на то время онѣ пришли на память и воспоминанія эти преслѣдовали насъ во все время, пока шли мы вдоль первой, попавшей намъ улицы. Съ трудомъ пробираясь сквозь плотную густую толпу, съ терпѣніемъ выдерживая толчки, мы ничего не разумѣли среди этой крикливой массы людей въ странныхъ невиданныхъ костюмахъ, съ гортанно-картавою и непонятною рѣчью. Въ видахъ особаго одолженія долетаетъ иногда до слуха озорная ругань нашего брата-русака, изливающаго свой гнѣвъ за пинокъ и толчокъ; да по временамъ слышится взвизгъ изъ женскаго горла (тоже несомнѣнно русскаго дѣла, потому что въ Кяхтѣ женскаго духу не дозволяетъ пекинское правительство подъ страхомъ смертной казни). Понятенъ этотъ визгъ нашихъ женщинъ въ толпѣ этихъ полудикихъ людей, которыхъ по четыре — по пяти лѣтъ выдерживаютъ строгими холостяками и монахами и держатъ притомъ на такой пищѣ, которая на большую половину свою состоитъ изъ возбуждающихъ снадобій и пряностей. Неудивительна и крутая ругань русскаго выдѣла, потому что въ этотъ вечеръ маймаченскія улицы рѣшительно захлѣбнулись народомъ. Надо было битыхъ полчаса работать плечами и боками, чтобы кое-какъ дотащиться до перваго дома купца—благопріятеля нашихъ обязательныхъ спутниковъ. Китайская улица въ буквальномъ смыслѣ представляла поразительную

> Смѣсь одеждъ и лицъ,
> Племенъ, нарѣчій, состояній.

Разберемъ ихъ.

Вотъ, въ полумракѣ фонарнаго свѣта глядитъ на насъ узенькими бойкими воровскими глазами, скуластая, смуглая, квадратная физіономія монгола изъ Гобійской степи. Онъ пришелъ въ

Маймаченъ въ проводникахъ каравана верблюдовъ, которые несутъ на своихъ бокахъ, отъ самой великой стѣны и города Калгана до города Урги, черезъ степь Гоби (или Шамо), т. е. ровно девятьсотъ верстъ громоздкіе и вѣскіе тюки съ чаемъ (по два и по три ящика съ каждаго боку). Одѣтый въ овчинную шубу крашенаго желтаго цвѣта, съ вышитыми на груди квадратами изъ черной матеріи,—гобійскій монголъ этимъ нарядомъ отличается отъ всѣхъ другихъ, составляющихъ праздничную и говорливую толпу зрителей маймаченскаго Бѣлаго мѣсяца. Лицомъ своимъ онъ мало имѣетъ разницы съ русскимъ бурятомъ, который также явился сюда поглазѣть и потолкаться и отъ своего соплеменника и единовѣрца отличается толко шапкой, по тульѣ которой отъ макушки распласталась неизмѣнная, любимая нашими Братскими, шелковая кисть, приготовляемая и покупаемая обыкновенно у китайцевъ. Оба они, и гобійскій монголъ и братскій бурятъ, попали сюда по завѣтному праву, оба они празднику рады, потому что оба буддійской вѣры и для обоихъ китайскій бѣлый мѣсяцъ—тоже бѣлый мѣсяцъ; оба пьяны, оба ведутъ оживленный разговоръ на языкѣ для нихъ понятномъ и общемъ. Одинъ—подданный Китая, потому что платитъ въ Ургѣ дань пекинскому правительству, но давно наклоненъ къ русскому подчиненію и не подчинился ему потому только, что въ нерчинскомъ трактатѣ китайцы положили запрешеніе переходить монголамъ (по мѣстному—мунгаламъ) на русскую сторону и въ русскія руки. Другой — уже давно подданный русскій, потому что еще прапрадѣды его перешли на забайкальскія степи, и стали русскими (по мѣстному—братскими) и теперь правятъ сибирскими работами, привыкаютъ къ русскимъ городамъ, занятіямъ, обычаямъ и большая половина начинаетъ между прочимъ руководиться и языкомъ русскимъ.

Вотъ и коренные русскіе въ той же толпѣ, потрясающей крикомъ, безтолковымъ и дикимъ гамомъ маймаченскія улицы.

Это—прежде всего—люди, заинтересованные тѣмъ же дѣломъ, ради котораго создался и выстроился самый Маймаченъ, люди, живущіе чайной торговлей и также, въ свою очередь, основывающіе собственное существованіе на ея операціяхъ. Главныхъ руководителей и двигателей на улицахъ не видать; они по улицамъ не бродятъ и можно встрѣтить ихъ только развѣ переходящими изъ одной фузы въ другую. Всѣ купцы и коммисіонеры кяхтинскіе сидятъ обыкновенно за столами благопріятелей маймаченскихъ и угощаются китайскими оригинальными яствами. На улицахъ и на крѣпкомъ сибирскомъ морозѣ толкутся только тѣ изъ русскихъ, которые пользуются крохами, остатками отъ обильнаго и сытаго брашна кяхтинской торговли. Это большею частію мѣщане города Троицко-Савска, да чернорабочая прислуга слободы Кяхты. Первые являются въ представительствѣ двухъ главныхъ типовъ: широ̀вщиковъ, занятыхъ въ таможнѣ обшивкой (шировкой) чайныхъ цыбиковъ въ кожу, и тѣхъ ловкихъ молодцовъ, которые занимаются контрабандой цвѣточныхъ чаевъ, кяхтинскихъ контрабандистовъ.

Опытный, приглядѣвшійся глазъ, не медля, отличитъ перваго изъ нихъ по блѣдному, мертвенному лицу чахоточнаго вида, по впалой груди, по сутулой спинѣ, вообще, по всѣмъ тѣмъ признакамъ, по каковымъ и на Москвѣ сразу узнаютъ давняго фабричнаго. По сытому лицу, по смѣло-плутоватому взгляду, по бойкимъ и юркимъ движеніямъ, распознается за тѣмъ всякій мѣщанинъ троицко-савскій, не занятый шировкой, не запертый на большую половину года въ таможенномъ амбарѣ, преисполненномъ зловонія отъ намоченныхъ и гніющихъ кожъ, не надламывающій свою грудь и плечи надъ сидячей спѣшной и неловкой работой (прошивкой толстой кожи нетонкими бичовками). Когда этотъ (въ особо организуемой и многолюдно-составляемой артели) ищетъ заработка на таможенномъ дворѣ, и не сможетъ найдти его въ другихъ занятіяхъ, обездоленный своимъ мѣщанскимъ положеніемъ (и съ ботойскимъ выгономъ да безъ земли, удобной для хлѣбопашества)—другой сосѣдъ его, такой же мѣщанинъ (состоящій въ тѣхъ же общественныхъ условіяхъ, при пограничномъ городѣ Троицко-Савскѣ)—и здоровѣе его, и обезпеченіе матеріальное ищетъ въ болѣе выгодныхъ предпріятіяхъ. Мы назвали бы ихъ вполнѣ вознаграждающими трудъ, если бы въ рискѣ контрабанды не заключалось ежечасной опаности и дѣло это (отправляемое лучшими во всей Сибири наѣздниками, при помощи степныхъ скакуновъ, которые на горныхъ дорогахъ умнѣе человѣка) не наскакивало по-часту на обрывы и пропасти. Правда, что пропасть эта, не Богъ-вѣсть какая опасная: казачью пику держитъ въ Сибири рука неумѣлая и мало привѣсившаяся къ ея завѣтному употребленію, а изъ ружья контрабандистъ всегда стрѣляетъ вѣрнѣе и лучше. Это давно извѣстно, какъ извѣстно между прочимъ и то, что въ то время, когда казачья лошадь покупается за два, за три десятка рублей,—троицко-савскіе мѣщане продаютъ своихъ за нѣсколько сотенъ, да имѣютъ и такихъ, какихъ и за счетну-тысячу не уступятъ. Вотъ почему и твердо знаютъ въ городѣ завѣдомаго вора, какъ главнаго воротилу контрабанднаго дѣла, да лѣтъ десять его ловятъ, и никто еще не поймалъ; вотъ почему прохожіе и проѣзжіе изъ города въ слободу, весьма нерѣдко, въ двухъ верстахъ отъ жилаго мѣста (сейчасъ за кладбищемъ), видятъ, какъ казакъ стоитъ надъ мѣстомъ, сброшеннымъ контрабандистомъ на землю, стоитъ и кричитъ, прося о помощи, и сдѣлать ничего не можетъ: въ рукахъ у него только нагайка. Между тѣмъ, контрабандистъ ловкимъ ударомъ и одной рукой сбросилъ его съ лошади, другой нахлесталъ и угналъ его дешеваго рысака; самъ спрятался за горой, чтобы не показать своего лица и выждать тамъ товарища. Вмѣстѣ съ нимъ, онъ потомъ непремѣнно отобьетъ свою контрабанду отъ казака, который рѣдко ходитъ съ товарищемъ, и за это тѣ же контрабандисты постараются врѣзать ему въ спину, сколько влѣзетъ.

На маймаченскихъ улицахъ, въ Бѣлый мѣсяцъ, мѣшаются и эти молодцы, у которыхъ по несчастію не пишется на лицѣ, рода его рискованныхъ и молодецкихъ занятій, съ тѣми немолодцами изъ пресловутыхъ сибирскихъ казаковъ, по лицамъ которыхъ на большую часть можно видѣть, что они карымы. Правильный русскій носъ, пропорціональный разрѣзъ рта, иногда русскіе глаза, но либо рѣденькая клочьями бороденка, либо верхняя, или нижняя челюсть выдаются крупнымъ угломъ, и непремѣнно черные какъ смоль волоса необлыжно показываютъ въ этихъ карымахъ новое племя, среднее звѣно, помѣсь двухъ сосѣднихъ племенъ кавказскаго (старо-сибирскаго казачьяго) съ монгольскимъ (бурятскимъ и тунгузскимъ). Карымы эти, въ видѣ особаго племени, живущіе въ большинствѣ по Аргуни (*), населяютъ и сосѣднія Кяхтѣ пограничныя селенія, приходятъ и въ Троицко-Савскъ на казачью службу и на заработки; явились и сюда, вмѣстѣ съ другими, на шумной и людной китайской праздникъ.

Кажется, весь городъ, и несомнѣнно почти вся слобода, въ представительствѣ всѣхъ сословій, отъ стараго до малаго, отъ женщинъ до дѣвчонокъ, собрались въ Маймаченъ и тѣснятъ его улицы заурядъ и о-бокъ съ монголами и бурятами. Настоящіе китайцы, истинные хозяева мѣста и города, въ этотъ вечеръ на улицахъ не бываютъ. Они всѣ дома, отъ самаго толстаго и сонливаго хозяина до самаго молодаго, сытаго и румянаго прикащика; у нихъ у всѣхъ, въ этотъ день, мало свободнаго времени; всѣ они серьозно и важно заняты дѣломъ угощенія, прежде всего, благопріятелей, а потомъ, званаго и незванаго, знамаго и незнакомаго. Въ маймаченскихъ фузахъ—пиръ горой.

Войдемъ—и посмотримъ.

На встрѣчу намъ валитъ толпа, угостившаяся и насыщенная; сзади насъ уже напираетъ вторая ватага, второе людное семейство, также чающее насыщенія. Приманокъ много: китайскій столъ, араки разливанное море, даровое угощеніе; китаецъ не смотритъ въ лицо: знакомъ ли ты? не спрашиваетъ: за чѣмъ пришелъ? Пріѣхалъ въ Кяхту гость издалека: пойдемъ къ китайцамъ обѣдать. Китаецъ всякаго принимаетъ:

— Милости полосимъ.

Подвигаетъ скамейку, усаживаетъ за столъ, суетъ въ руки свою ганзу, велитъ подавать скорѣй водки.

(*) А теперь они во множествѣ поселены и на Амурѣ и по р. Уссури.

— Ца пиху хычи?

Чай подадутъ.

— Табакы хычи?

Свѣженькую ганзу наложатъ хорошимъ вкуснымъ табакомъ и закурятъ несуетливые, но услужливо-предупредительные прикащики.

— Араки пиху хычи?

И водку въ стеклянныхъ, съ наперстокъ, синенькихъ чашечкахъ предложатъ разогрѣтою, тепловатою.

— Кушаху!—попроситъ хозяинъ и не отстанетъ съ навязчивыми и докучливыми приглашеніями до тѣхъ поръ, пока не отвѣдаете десятковъ двухъ блюдъ всякой китайской дряни, отъ которой у непривычнаго надолго разстроивается желудокъ; у привычныхъ идутъ въ смакъ и сласть: и каракатицы—въ видѣ пьявокъ, и червячки въ уксусѣ, желтенькіе, тоненькіе, и червячки коричневые, толстенькіе, пельмени съ мышинымъ мясомъ; супы съ какими-то диковинными травами, и проч. и проч. (*). Свиное сало, разваренное и размягченное до состоянія и вида смѣтаны, поросенокъ, прожаренный до того, что верхняя кожица его трещитъ подъ ножомъ и на зубахъ, маленькіе кругленькіе пирожки *кушо́* и бараньи фрикадельки—верхъ торжества китайской кухни, заткнувшей въ этомъ случаѣ за-поясъ всякую другую: все это къ услугамъ посѣтителей не только у самыхъ

(*) Китайцы вообще не гнушаются употреблять въ пищу то, что другіе народы позволяютъ себя иногда въ видахъ исключенія. Мясо лягушекъ, лошадей, ишаковъ и верблюдовъ здѣсь является общеупотребительною снѣдью. И не смотря на то что правительство не позволяетъ убивать этихъ животныхъ въ здоровомъ состояніи, ихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ ѣдятъ палыми. Собачина въ Пекинѣ не дешевле баранины, и употребляется уже не бѣдняками, а только одними богатыми китайцами. Бѣдняки не гнушаются ѣсть мышей, кошекъ и проч. Рыба въ Пекинѣ, самое рѣдкостное лакомство, привозится только для богдыхана и употребляется въ пищу (по причинѣ долговременнаго путешествія съ Амура и его протоковъ) всегда крѣпко тронутой, сильно попортившейся. Привычка съумѣла однакожъ пріучить китайцевъ, находить въ этомъ разложеніи и гніеніи то, что мы называемъ смакомъ. Лучшимъ мясомъ китайцы почитаютъ: мясо поросятъ, утокъ, голубей и воробьевъ.

богатыхъ, но и у купцовъ средняго и небольшаго состоянія. Кучи сластей (прянички, сушеные и обсахаренные фрукты, орѣшки) у тѣхъ и другихъ постоянно и охотно смѣняются новыми кучами. Хозяева и приспѣшники съ особеннымъ вниманіемъ слѣдятъ за движеніями гостей и предупреждаютъ малѣйшее желаніе ихъ всегда очень ловко, и всегда очень вѣрно, особенно въ тѣхъ покояхъ, гдѣ угощаются болѣе почетные и нужные гости. Китайцы (и богатые и бѣдные) пируютъ обыкновенно на двѣ половины: въ одной при хозяевахъ и при всемъ сонмѣ прикащиковъ чествуются знакомые; въ другомъ отдѣленіи, въ другихъ комнатахъ, гдѣ нибудь на дворѣ, стоятъ столы съ виномъ и закуской для всякаго желающаго: будетъ ли то кучеръ, линѣйный или этапный солдатъ, почтальонъ, почтовый ямщикъ, кухарка, или горничная. Лѣзутъ всѣ любители даровагo угощенія и для всѣхъ находится у китайцевъ и привѣтливая улыбка, и крѣпкая водка, и жирныя холодныя кушанья, хотя и въ меньшемъ количествѣ, но также съ обильнымъ возліяньемъ отличнаго цвѣточнаго и желтаго чаю, съ закусками разнообразныхъ и характерныхъ сластей, каковыхъ въ продажѣ не найдешь и которыя берегутся только на парадные случаи (*). Между ними «Бѣлый мѣсяцъ» самый парадный. Трудно представить себѣ все то множество вина, сластей и съѣстнаго, что пожирается въ этотъ день у китайцевъ! Невозможно вообразить себѣ всю степень выносливости желудковъ, какими наградила природа троицко-савскихъ ѣдоковъ. Изъ нихъ нѣкоторые, не довольствуясь самоличнымъ угощеніемъ, хватаютъ горстями со стола все, что ухватится и не выскользнетъ изъ пальцовъ, все, что можетъ улечься въ карманы и не просочится сквозь нихъ. Словно круглый годъ голодавшие, пришли сюда эти озорные гости съ бездоннымъ желуд-

---

(*) Какъ бы недостаточенъ ни былъ китаецъ, для всякихъ гостей, по народному обыкновенію, онъ долженъ поставить *полный обѣдъ*, т. е. четыре чашки и пять тарелокъ, *всего восемь блюдъ*, полагаемыхъ для 4-хъ человѣкъ. Для 4-хъ же почетныхъ ставятъ обѣдъ изъ десяти чашекъ и восьми тарелокъ, т. е. всего восемнадцать блюдъ.

комъ съ безстыжими глазами. Съ ранняго утра до поздняго вечера, таскается это ополченіе, составленное изъ многочисленныхъ ватагъ, съ бабами и ребятами: словно обозлилось оно на китайскую снѣдь, какъ саранча на поля забайкальскія, словно вступили они побѣдительно въ покинутый и завоеванный городъ, послѣ долгаго и голоднаго стоянья около него.

Мы заходили въ нѣсколько домовъ и въ рѣдкомъ намъ не лѣзла на встрѣчу одна компанія; въ рѣдкомъ за тѣснотою мы находили свободное мѣсто отъ нѣсколькихъ другихъ. Во то время, когда одна ватага угощалась въ полу-обѣдѣ, другая, кончивши обѣдъ, снималась съ мѣста и уходила съ тѣмъ, чтобы свое мѣсто уступить четвертой, которая также усядется за обѣдъ. Откуда набиралось столько народу изъ двухъ сравнительно небольшихъ городовъ—мы въ то время не могли допроситься, не можемъ сообразить и теперь. Откуда набиралось столько досужества и терпѣнія у самихъ китайцевъ? гдѣ находили они столько всегда готовыхъ привѣтовъ и улыбокъ даже и въ тѣ часы, когда гости окончательно сбили ихъ съ ногъ и упарили? — мы можемъ объяснить только тѣми силами, которыя заключены въ прирожденномъ всѣмъ азіатамъ чувствѣ хлѣбосольства, готовности и умѣньѣ обрадоваться гостю, почествовать пришельца. Китайцы въ этомъ отношеніи представляютъ поразительное явленіе.

Гдѣ у нихъ соперники, да и имѣются ли таковые?

Какъ тогда, такъ и теперь встаетъ въ представленіи нашемъ наша родная деревушка съ ея незамысловатой подробностью, немудреной житейской обстановкой. Въ деревушкѣ годовой праздникъ, каковой по обыкновенію палъ на лѣтнее время, и по старому завѣту и обычаю совпалъ со днемъ чествованія церковью одной изъ чудотворныхъ иконъ Богоматери. Утро этого дня началось молебномъ въ полусгнившей, полуразвалившейся, рѣдко починяемой деревянной часовнѣ. Къ полудню попы успѣли обойти всѣ дома со славой, крестомъ и св. водой, обобрали нарочно приготовляемые для нихъ житники, которыми нагрузили не одинъ мѣшокъ и не одну телегу(оттого поповы телята и свиньи самые породистые и сытые). Послѣ полудня въ деревушку нагрянули гости изъ сосѣднихъ деревень; первыми пришли изъ ближняго города мѣщане, изъ ближней усадьбы—лакеи. И когда поповъ увезли на мірскихъ подводахъ въ село—въ деревушкѣ пришлые гости развели пѣсни. Къ вечеру полна деревушка пьяныхъ и гулъ отъ веселья далеко несется по окольнымъ полямъ, ходитъ говорливой и невнятной волной по всѣмъ избамъ. Въ избахъ пиръ горой, дымъ коромысломъ. Гости бродятъ какъ тѣни, полупьяные, нетвердые на ногахъ, и все больше ватагами, цѣлыми семьями. Посидятъ они, поѣдятъ въ одномъ домѣ: плетутся въ другой; а тамъ, смотришь, въ третьемъ они загорланили пѣсню; немного погодя, въ четвертомъ застоналъ и загудѣлъ полъ отъ веселаго пляса все той же ватаги. Въ рѣдкомъ домѣ не побываютъ они, въ рѣдкомъ домѣ не отвѣдаютъ водки, не откушаютъ хлѣба-соли въ разнаго вида и рода стряпнѣ: въ пирогахъ и пряженцахъ, въ блинахъ и жареныхъ поросятахъ. Съ большею скромностью, съ большимъ озорствомъ и безцеремонностью угощается свой братъ — сосѣдъ мужичекъ; и съ лютостью голодныхъ волковъ вскидываются на угощенья другіе сосѣди, и между ними господская дворня и городскіе мѣщане старательно доказываютъ, что у нихъ, какъ и у самыхъ первыхъ гостей, брюхо—по народной поговоркѣ—также изъ семи овчинъ шито. Съ равнымъ терпѣніемъ, съ одинаковою готовностью и съ тѣмъ же мягкимъ и охотливымъ привѣтомъ и просьбой обращаются и къ этимъ гостямъ хлѣбосольныя хозяйки, хотя и твердо увѣрены онѣ въ томъ, что отъ обоихъ пролетаріевъ не получатъ отплаты. У мѣщанъ годовыхъ праздниковъ не бываетъ и имъ справлять эти праздники не на что: испоконъ вѣку и заводу въ томъ нѣтъ; а барскіе лакеи только тѣмъ и веселье правятъ, что весь вѣкъ чужой хлѣбъ ѣдятъ, даровой кусъ считаютъ сытымъ и лакомымъ. Хозяйки и хозяева этого не разбираютъ: ѣшь дружки, набивай брюшки, по самыя ушки, точно камушки! И угощая званыхъ и незваныхъ съ одинаковымъ стараніемъ, доходящимъ у тароватыхъ до докучливости, самые хлѣбосольные хозяева выходятъ на улицу, завидя дорогаго гостя просятъ, кланяются не остудить пира, зайти въ избу, хоть рюмочку пропустить, хоть кусочикъ пирожка отвѣдать. Настойчивые уговоры, добродушно-усердныя просьбы всегда сильны на столько, что едва ли бываютъ на Руси такіе удальцы, которымъ удалось устоять противъ этихъ просьбъ и зазывовъ.

Вотъ въ чемъ наше русское хлѣбосольство перещеголяло и перехвастало китайское, которое любитъ угощать только пришедшихъ, встрѣчаетъ гостя въ дверяхъ: на улицу не выходитъ, и если иногда позволяетъ себѣ заблаговременной зазывъ (на коковой тароватo и наше отечественное хлѣбосольство), то оно же на домашномъ угощеніи и кончаетъ все дѣло. Русское преслѣдуетъ часто гостя и дальше: отпускаетъ съ нимъ бурачокъ домашной бражки, кончикъ сладкаго пирога въ тряпицѣ. И если китайцы празднуютъ въ году двѣ недѣли,—наши русскіе только три дня (и то въ такомъ случаѣ, когда праздникъ не совпадаетъ съ горячей и спѣшной рабочей порой), за то у нашихъ не одинъ такой праздникъ въ году; по зимамъ выпадаютъ и не такіе коротенькіе и торопливые. Въ общей сложности, праздничныхъ дней у русскихъ несравненно больше, чѣмъ у китайцевъ; съ нами могутъ посоперничать въ этомъ одни только японцы— другіе буддисты, да католики испанцы. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что китайцы вообще равнодушны къ вѣрѣ, и давно промѣняли догматъ на обрядъ и, облюбивши послѣдній, не усердствуютъ первому. Мы были въ храмѣ въ этотъ день по-утру; видѣли разукрашенныхъ цвѣтами и лентами барановъ, видѣли грузы съѣдомыхъ вещей, принесенныхъ въ даръ алтарю; слышали, что все это пролежитъ и простоитъ все время праздниковъ и потомъ поступитъ въ желудки ламъ и бонзъ, но ни бонзъ, ни молельщиковъ мы въ храмѣ не видѣли. Для того, чтобъ попасть туда, намъ надо было отправиться за ключемъ къ начальнику города, къ дзаргучею. Въ Айгунѣ насъ поразило равнодушное, небрежное отношеніе манчжуръ къ духовному святилищу, здѣсь, въ Маймаченѣ, мы встрѣтили тоже: ходятъ въ шапкахъ, курятъ трубки, громко разговариваютъ; мальчишки и здѣсь рѣзвятся и бѣгаютъ; трогаютъ руками пузатаго бурхана, шевелятъ другаго, самаго краснаго, рогатаго и страшнаго бога—огня и войны (*). И не пускаютъ ихъ за перила, къ главному алтарю, потому только, что тамъ сгруппированы всѣ жертвенныя вещи, изъ которыхъ многія возбуждаютъ аппетитъ и могутъ натолкнуть ребятишекъ на грѣхъ святотатства.

Вообще китайскій «Бѣлый мѣсяцъ» съ особыми храмовыми празднествами не соединяется; нарочныхъ церемоній не имѣетъ, и все вокругъ кажетъ такъ, какъ будто бы у народа и нѣтъ никакой вѣры, и какъ бы самый праздникъ вытекъ не изъ религіознаго принципа. На самомъ дѣлѣ это не такъ; вѣръ и въ ламайскомъ Маймаченѣ не одна, а такое же множество, какъ и во всемъ Китаѣ: живутъ и послѣдователи ламайства и содержащіе ученіе Лау-дзи и ученіе Кумфу-дзи (Конфуція), и тѣ, которые держатся религіи Фо, и такіе, которые вѣруютъ по началамъ религіи Будды, безъ очистки и измѣненій ея двумя главными реформаторами. И сюда, въ Маймаченъ, точно также привезли китайцы индеферентизмъ къ дѣламъ вѣры, который здѣсь, вдалекѣ отъ религіозныхъ центровъ и въ средѣ сосредоточенно-

---

(*) Маймаченскіе бурханы тѣмъ отличаются отъ айгунскихъ, что покрыты самыми дорогими и цѣнными матеріями. Канфа (атласъ) чудовищно-громаднаго бога до того плотна, что на-ощупь сдаетъ рѣшительной кожей, и до того ея много, что по наглазному расчету на бурхана пошло свыше ста русскихъ аршинъ. А такихъ бурхановъ въ маймаченскомъ храмѣ пять. Одинъ бурханъ покрытъ мантіей изъ канфы желтаго цвѣта, разрѣшеніе на которую выдано было самимъ богдыханомъ въ видѣ особаго его благоволенія къ Маймачену (по этому поводу городъ ликовалъ цѣлый день). Множество другихъ бурхановъ, стоящихъ одинъ противъ другаго двумя рядами, не имѣютъ облаченія. Между ними рѣзко отличается отъ другихъ одинъ въ латахъ, въ греческомъ шлемѣ и въ греческой туникѣ, но съ китайскомъ обликомъ, усами и бородкой, который, по мнѣнію знатоковъ, изображаетъ Александра Македонскаго, возведеннаго китайцами въ божество за то, что онъ не шелъ дальше Индіи и такимъ образомъ пощадилъ Китай. Обожествленіе не только умершихъ, но и живыхъ героевъ—въ духѣ буддійской религіи, которая при этомъ предпосылаетъ только сказаніе про героевъ изъ иноземцевъ, что они, и будучи пришельцами, все-таки по предкамъ и по преданіямъ принадлежатъ къ китайской расѣ и въ жилахъ ихъ течетъ несомнѣнная никанская кровь.

дѣловой жизни, едва-ли не сталъ еще сильнѣе и опредѣленнѣе. На большой густо-населенной городъ имѣется одинъ только храмъ; въ средѣ крѣпко-богатаго и замѣчательно-капитальнаго купечества, храмъ этотъ далеко не такъ великолѣпенъ и роскошенъ, какъ можно было бы того ожидать, восходя отъ образца рускаго, усерднаго къ благолѣпію храмовъ, купечества. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь служители религіи не пользуются никакимъ уваженіемъ и, находясь въ состояніи крайнаго нищенства, играютъ въ городѣ, какъ и во всемъ государствѣ, самую жалкую роль. Ихъ и здѣсь охотно и зло осмѣиваютъ въ драмахъ, которыя разыгрываются на публичныхъ театрахъ, не смотря даже на то, что театральные подмостки всегда находятся въ связи съ помостомъ церковнымъ и самыя зрѣлища тѣсно соединены и непосредственно зависятъ отъ религіозныхъ обрядовъ, служа имъ дополненіемъ и образнымъ объясненіемъ.

Таковыя представленія даются и въ Маймаченѣ, гдѣ онѣ получили полурусское, изуродованное названіе *поигрò*, охотно усвоенное самими китайцами. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, съ самаго полудня и до глубокой ночи, поигрò это существуетъ подлѣ городскаго храма, во время Бѣлаго мѣсяца. Съ айгунскимъ (о которомъ мы имѣли случай говорить прежде) маймаченское поигро не имѣетъ никакой разницы. Точно въ такомъ же народномъ презрѣніи находится и здѣсь классъ актеровъ; точно также и здѣсь женскія роли (какъ и по всему Китаю) исполняются мужчинами; и если тамъ актеры живутъ разсѣянно по окольнымъ деревнямъ, то здѣсь они находятся въ городѣ безвыѣздно, готовые на свое дѣло во всякое время. Самымъ приличнымъ и удобнымъ полагается этотъ праздникъ Бѣлаго мѣсяца.

Китайская драматическая литература, стоя на почвѣ старинныхъ европейскихъ духовныхъ мистерій, даетъ сценическія пьесы всегда съ такимъ смысломъ, въ основаніи котораго лежитъ бывалое историческое событіе, а въ заключеніи какое нибудь нравоученіе. Говорятъ при этомъ, что драмы эти остановились въ своемъ развитіи съ тѣхъ самыхъ поръ, когда, послѣ покоренія Китая манчжурами, остановилась вся его цивилизація: упали искуства, ослабѣли техническія производства, народная изобрѣтательность сдѣлалась вялою и слабою до того, что пріостановила всякое поступательное движеніе страны и сдѣлала даже нѣсколько шаговъ назадъ (*). Говорятъ также, что самый языкъ сценическихъ пьесъ устарѣлъ до того, что сдѣлался непонятнымъ большинству слушателей, и что сцена стала говорить со зрителями одной мимикой и внѣшными знаками, и что слова остались только лишнымъ, ненужнымъ прибавкомъ, тяжелымъ и обременительнымъ даже для самихъ актеровъ. Сцену и театръ стали понимать такъ, какъ кто хочетъ и можетъ, а уже не такъ, какъ бы они того желали.

Мы были въ числѣ зрителей маймаченскаго поигро и свидѣтелями того, съ какимъ равнодушіемъ и неподвижностью стояла предъ подмостками толпа бурятъ и монголовъ (представленіе безплатное, всякій, кто хочетъ, можетъ подойти и остановиться: нѣтъ ни запоровъ, ни заборовъ, ни кассъ, ни капельдинеровъ). Актеръ, изображавшій женщину, пискливо визжалъ непріятнымъ голосомъ, исходившимъ изъ крѣпко-простуженнаго и сильно-натруженнаго горла. Актеръ, изображавшій мужа, кривлялся усердно, становился на колѣни; голосилъ что-то задавленнымъ голосомъ и въ тонѣ безобразной декламаціи, длиннымъ речитативомъ. Кончалъ онъ — начиналъ визжать актеръ, изображавшій женщину: подобный же крикливый речитативъ. Тотъ и другой усердно размахивали руками, можетъ быть и по требованіямъ искуства, а можетъ быть и по требованіямъ мороза, которой на то время былъ золъ не на шутку. Выходилъ третій актеръ, бритой (вѣроятно бонза), начиналъ опять какія-то непонятныя кривлянья

(*) Общественныя сооруженія запустѣли; многіе фабричные секреты утратились. Старый фарфоръ несравненно лучше; древнія машины, прежнія краски и матеріи изъ шолку были прочнѣе и идти въ сравненіе съ настоящими ни въ какомъ случаѣ не могутъ.

подавалъ супругамъ какой-то сосудъ, изъ котораго актеры поочередно что-то пили. Вставши на ноги, они снова гнусили что-то и, сдѣлавши еще нѣсколько прыжковъ и поворотовъ, уходили со сцены. Одна драма кончалась. Послѣ непродолжительнаго антракта новые актеры начинали другую. Надо было много терпѣнія для того, чтобы выслушать и эту до конца и не вынести другаго заключенія, кромѣ того, что на китайской сценѣ мало движенія; у ней нѣтъ связи съ зрителями; на актерахъ богатые дорогіе костюмы, но въ драмахъ нѣтъ того, что могло бы и должно было шевелить народъ. Постояли предъ сценой монголы, переступая съ ноги на ногу; потолкались бурята, тупо и безсмысленно глядя на сцену; втискались наши русскіе; и тѣ и другіе и третьи ушли тотчасъ же, какъ представилась къ тому возможность, безучастными, недовольными. А между тѣмъ передъ поигро стояла плотная стѣна, и наростала отъ новыхъ пришелцевъ; одни смѣнялись другими; видѣлось желаніе зрѣлища и не соскользнули съ лицъ каждаго недовольство и разочарованіе. Кажется, при этой мертвенности и при такомъ однообразіи сценическихъ кривляній, голосованья и визговъ, возбужденный въ зрителяхъ смѣхъ и слезы на этотъ разъ показались бы одинаково-смѣшными и непонятными: до того китайскій театръ не былъ похожъ на тотъ, до котораго доработалась Европа! Разъ (и только одинъ разъ) разразилась смѣхомъ молчаливая публика, и то потому, что актеръ (по ходу ли пьесы или отъ себя) опрокинулся навзничь, поднялъ ноги кверху и откололь еще какую-то штуку. Смѣшнаго тутъ ничего нѣтъ, но монгольская публика умѣла-таки снизойти до уровня и уподобиться на этотъ разъ вкусами и инстинктами той, которую воспиталъ въ Петербургѣ Александринскій театръ. И эта полудикая, стоя на морозѣ, жаждала только смѣху, того же, способствующаго пищеваренію, смѣха, за которымъ усердно ходитъ и до котораго терпѣливо высиживаетъ другая публика, привыкшая смѣяться въ теплѣ и не подъ открытымъ небомъ. Въ этомъ ихъ осязательное сходство. Но въ Маймаченъ — смѣху не даютъ; въ Петербургѣ — на охотника смѣху этого сколько хочешь, и именно такого, какой требуется и который способенъ смѣшить только смѣшливыхъ и нетребовательныхъ: вотъ и разница. Въ казармахъ гвардейскихъ солдатъ, на время святочныхъ вечеровъ и въ образцѣ царя Максиміана (разыгрываемаго также передъ даровыми и непретендательными зрителями), мы увидѣли столько чертъ, похожихъ на спектакль маймаченскій, что остались пораженными, недоумѣвающими: тѣ же мертвые пріемы, то же стремленіе замѣнить жизнь и движеніе ходульнымъ до смѣшнаго декламаторскимъ тономъ и та же мораль избитая, рутинная, прописная. Какъ тутъ, такъ и тамъ ищутъ только игры и удовлетворяются фокусами, эксцентричностями, неожиданностями. Если поставить китайскій театръ передъ русскими зрителями изъ соотвѣтствующихъ классовъ народа—театръ достигнетъ совершенно той же цѣли; если въ свою очередь перенести и нашъ театръ съ его водевилями и мелодрамами на китайскую почву—онъ встрѣченъ будетъ съ тою же охотою и любопытствомъ, съ тѣмъ же смѣхомъ и удовольствіемъ (что разъ уже и доказали маймаченскій дзаргучей со своимъ помощникомъ) (*).

Въ то время, когда этотъ дзаргучей—молодой рябоватой парень, въ опрятной курмѣ, разгуливалъ со своими гостями по городу, послѣ офиціальнаго обѣда (продолжавшагося битыхъ три часа)—наша компанія успѣла обойти десять домовъ купеческихъ, побывала въ поигро, нѣсколько разъ потолкалась по улицамъ. При этомъ провожатый нашъ показалъ замѣчательную способность въ разысканіи тѣхъ домовъ, которые ему были нужны для визита, что необычайно трудно при томъ однообразіи построекъ, гдѣ ворота подведены подъ одну мѣру, когда

(*) Дико смотрятъ манжчуры и китайцы на наши танцы; но любятъ прислушиваться къ нашимъ грустнымъ пѣснямъ; въ театрѣ смѣются всему тому, что занимаетъ дѣтей и дешевенькихъ зрителей изъ смѣшливыхъ и неразвитыхъ. Обливали изъ горшка чрезъ окно; ломали шляпу и палку притаившагося водевильнаго любовника—китайцы хохотали съ неменьшимъ простосердечіемъ, какъ напр. тѣже зрители водевилей Александринскаго и другихъ русскихъ театровъ.

самые дома, азіятскимъ обычаемъ, выходятъ на улицу слѣпымъ (безоконнымъ) бокомъ. Разъ мы ошиблись, попали къ незнакомому; но здѣсь встрѣчены были еще съ большимъ радушіемъ и привѣтливостью; къ намъ, незванымъ и нежданымъ, отнеслись какъ къ своимъ роднымъ и кровнымъ. Товарищъ нашъ — великій мастеръ сходиться съ людьми и возбуждать къ себѣ большое сочувствіе, въ то же время замѣчательный знатокъ всякой китайщины, умѣлъ обставить наши визиты такими подробностями, что самое шатанье изъ дома въ домъ приняло видъ интереснаго путешествія. Въ одной фузѣ онъ показалъ намъ укромный уголокъ, гдѣ два китайца, пользуясь тремя льготными днями праздника, торопливо́ и азартно обыгрывали другъ друга во всесвѣтную «на-право-на-лѣво» (*). Ихъ обступила молчаливо-сосредоточенная толпа; надъ ихъ головами висѣли головы зрителей изъ китайцевъ, точно также старавшихся въ безучастномъ созерцаніи переживать тревогу отъ капризовъ и колебаній темной игры и переносить на себя удачи и неудачи людей, несомнѣнно имъ чуждыхъ. Непосредственнѣе, откровеннѣе высказывали они свое участіе, обнаруживали снѣдающій ихъ внутренній огонь сочувствія тому или другому изъ играющихъ; и эти въ свою очередь не умѣли сдерживать себя съ тѣмъ хладнокровіемъ, какое поразительно въ европейскихъ азартныхъ игрокахъ: можетъ быть потому, что натурой своей они ближе къ природѣ, можетъ быть потому, что короткій срокъ правительственнаго дозволенія торопилъ ихъ пить чашу наслажденія залпами, безъ остановокъ. Три дня и три ночи на-пролетъ китайскіе игроки пользуются, запретнымъ во всякое другое время года, наслажденіемъ, а такихъ охотниковъ — говорятъ — на каждую маймаченскую фузу приходится по два. Несравненно меньшее

(*) У китайцевъ она производится съ нѣкоторыми (незначительными впрочемъ варіаціями и своими картами и такими же костями, какъ у нѣмцевъ, и въ ту же подкаретную (или въ три листика, съ бардадымомъ, фалькой и съ темной), каковую охотно переняли они у нашихъ русскихъ.

число любителей обрѣтается здѣсь на другой запретный плодъ— опіумъ, который любятъ курить только старики и притомъ самые богатые. У молодежи такимъ образомъ остаются только карты, да араки, да обязательство угодить старшему, чтобы при помощи его и времени въ свою очередь сдѣлаться потомъ старшимъ и почетнымъ. Нигдѣ—какъ извѣстно—все существо человѣка не направляется къ наживанію денегъ, какъ въ Китаѣ (гдѣ даже дѣти, едва начинающія лепетать, уже пускаются въ спекуляціи); ни въ какомъ народѣ не развито до такой степени почтеніе къ старинѣ и старшимъ, какъ въ этой странѣ, преклоняющейся передъ дѣлами предковъ и безсильной отступить отъ ихъ образцовъ и примѣровъ ради новыхъ, своихъ и самобытныхъ. Оттого Китай и неподвиженъ; оттого, создавши большія дѣла, онъ, не изобрѣтая новыхъ, весь ушелъ въ мелкую, дробную разработку готоваго, въ щепетильную отдѣлку подробностей уже созданнаго. Онъ не пишетъ широкой и смѣлой кистью картинъ, а лѣпитъ сотни фигуръ на такомъ клочкѣ, на которомъ европейскій художникъ затруднится написать свое полное имя Онъ не создаетъ пластическихъ красотъ изъ мрамора и гранита а нарубаетъ на камняхъ такіе дробные виды, что только европейскаго изобрѣтенія микроскопомъ можно разглядѣть ихъ и понять всю безобразную терпѣливость этого южнаго народа, съ горячей кровью съ тропическою жгучестью страстей (по природному нраву). Не знаешь чему дивиться тутъ — необъятной дешевизнѣ времени у этого живаго народа; безполезной жизни его, которая оцѣнивается такимъ дешевымъ, ненужнымъ, ни къ чему непригоднымъ трудомъ, или тому избытку населенія въ государствѣ, для силъ котораго оно въ состояніи дозволять такіе кривые, непроизводительные выходы?...

Между тѣмъ, ни одно захолустье въ мірѣ не представляетъ такихъ возмутительныхъ картинъ народнаго несчастія и страданій. Вліяніе манчжурской системы управленія для края ужасно. Коренныя законы доколотили китайцевъ: они лживы до того, что ни одному изъ нихъ нельзя довѣрить въ клятвѣ; купцы хвастаются обманомъ и надувательствомъ, какъ подвигомъ и добродѣтелью. Они трусливы—и вмѣстѣ съ тѣмъ выработали презрѣніе къ смерти и выносливость въ самыхъ тяжкихъ наказаніяхъ и злополучіяхъ. Они рабски послушны властямъ—и нигдѣ нельзя встрѣтить такой ожесточенной дикости при случаѣ. Они крѣпко привержены къ семьѣ—и только на мусульманскомъ востокѣ женщина находится въ большемъ рабствѣ и презрѣніи, и нигдѣ уже, въ другихъ азіятскихъ странахъ, отецъ семейства не пользуется такой широкой и безграничной властью, какъ у Китайцовъ. Всякое свободное и самобытное стремленіе души человѣческой къ благородству и подвигу убито въ народѣ. Страстный до обрядовъ, привыкшій внѣшное предпочитать внутренному, народъ этотъ весь ушелъ въ форму и формальность, которыя раздробились здѣсь до такихъ мелочей и подробностей, о какихъ и не снилось другимъ народамъ и государствамъ. Нигдѣ домашная жизнь не стѣснена такимъ множествомъ обрядовъ, нигдѣ общественная жизнь не спутана такими пріемами, обязательными церемоніалами, число которыхъ для простаго человѣка выходитъ свыше тысячи.

Остались еще физическая сила, воспитываемая на благодатномъ климатѣ, острый умъ при замѣчательной способности извлекать, съ дешевыми и простыми орудіями, большую пользу тамъ, гдѣ другіе не увидятъ и малой, окрѣпшее и сознательное патріотическое чувство, замѣчательная народная гордость, передъ которой блекнетъ англо-саксонская: съумѣли заставить народъ отыскать въ себѣ самихъ то, чему другіе народы учатся взаимно другъ у друга. Шелководство и шелковыя фабрики (долгое время исключительная принадлежность Китая) до сихъ поръ не имѣютъ соперниковъ и соперницъ даже въ Европѣ; фарфоръ уступаетъ европейскому только въ изяществѣ; земледѣліе, шедшее давно самостоятельнымъ и всегда оригинальнымъ путемъ, находится теперь въ томъ состояніи, когда подражаніе ему почти невозможно; система ирригаціи уже успѣла прожить въ рукахъ китайцевъ тысячи лѣтъ, а гидравлическія сооруженія, доведенныя во всей Азіи до изумительно-смѣлыхъ и поразительныхъ размѣровъ и подробностей, у китайцевъ опередили и персидскія и египетскія работы подобнаго рода.

Мы бы долго не могли кончить, если бы статья наша имѣла другое назначеніе.

Кончаемъ ее на томъ, съ чего начали...

Русскіе часы показывали полночь; но фонари на маймаченскихъ улицахъ горѣли также привѣтливо, освѣщая толпы народа, бродившія въ полумракѣ и въ полпьяна. Уходились прикащики, усѣлись сами хозяева за ужинъ, но на улицахъ все еще хлопали ракеты, щелкали подъ ногами шутихи, раздавались выстрѣлы изъ фитильныхъ ружей китайскаго дѣла. Сверкали повременамъ потѣшные огни въ темныхъ закоулкахъ маймаченскихъ корридоровъ, накрытыхъ голубымъ сводомъ неба, по которому гуляла виновница торжества, февральская (по нашему), весенняя (по китайскому смыслу) луна, послѣ первой своей четверти, въ фазисѣ полнолунія. Хорошихъ картинъ она не видала; добрыхъ разсказовъ не слыхали и мы, тотчасъ вернувшись съ праздника и сидя въ радушной семьѣ кяхтинскаго знакомца. Большая ватага монголовъ подралась съ толпою русскихъ гулякъ и побила гостей. Наши пришли судиться и жаловаться; меньше всѣхъ досталось мѣщанамъ, больше всѣхъ пострадали кучера; они же оказались и пьянѣе другихъ по русскому обычаю и отъ китайскаго угощенія. Одинъ кучеръ хватался за бока со стономъ, со вскриками; у другаго завалило крупной опухолью одинъ глазъ и начиналъ синѣть краснорѣчивый фонарь подъ другимъ глазомъ; у третьяго (и нашего) вмѣсто носа оказалась невѣроятнаго безобразія и безразличія кровяная нашлёпка.

Все, стало быть, обстояло благополучно, на нашему и по обычному. Завтра городская кучумка, одна изъ сибирскихъ сибирокъ будетъ преисполнена многоразличныхъ стоновъ и оханій, и не сѣтованій па пьянство и личное безобразіе, а хвастливой похвальбой на собственное досужество, что удалось-таки посчитаться съ пьяными нехристями черной кости, обросшей дикимъ мясомъ. Да вотъ, въ добавокъ къ удальству и похожденiямъ, въ части ночевали.

Не будутъ ночевать въ части маймаченскiе только потому, что тамъ взамѣнъ этого исправительнаго заведенiя существуютъ бамбуки. Не будутъ щелкать по пятамъ и эти бамбуки (*), опять-таки потому только, что у маймаченскихъ завѣтное право— у нихъ большой, самый важный и торжественный праздникъ. Разъ наканунѣ его умеръ богдыханъ (**) и мандарины не имѣли права удержать народъ пекинскiй отъ завѣтнаго празднества въ теченiе двухъ дней. Только на третiй оставлены были потѣхи, заперты были лавки, запрещены потѣшные огни и комедiи, и весь Китай на цѣлый годъ покрылся трауромъ, т. е. утратилъ право брить свои головы.

Затѣмъ ради Бѣлаго мѣсяца и новаго года уже и не существуетъ больше никакихъ другихъ запрещенiй. Даже роскошь и пышность, ненавидимая, вообще бережливыми и всегда умѣренными во всемъ, китайцами, не только дозволена и допускается на эти дни, но даже еще и подтверждена законами.

Но—

О «Бѣломъ мѣсяцѣ» въ Маймаченѣ мы сказали все, что знали и видѣли.

(*) При наказанiяхъ соблюдается такой порядокъ: если манчжура бьютъ плетью, то китайца камышевой доской; если китайцу достанется бамбуки, то манчжура за подобную вину вовсе не наказываютъ.

(**) Цянъ-лунь въ 1798 г.

4. ЧАЙНАЯ ТОРГОВЛЯ.

Во времена Грознаго Царя, когда, послѣ покоренія двухъ татарскихъ царствъ, съ легкой руки Ермака Тимофеевича покорена дальная Сибирь, сдѣлана была первая попытка къ сношеніямъ Россіи съ Китаемъ. Во 1567 г. два казачьихъ атамана Иванъ Петровъ и Бурнинъ—Ялычевъ, посланные разузнать о неизвѣстныхъ странахъ, проникли въ Пекинъ. Побывавши въ мѣстахъ между Байкаломъ и Кореей и въ Монголіи и составивши имъ описаніе, атаманы эти въ Пекинѣ однако ничего не сдѣлали. За неимѣніемъ подарковъ, ихъ не приняли и не слушали, и попытка осталась такимъ образомъ безъ успѣха. Счастливѣе дѣйствовали новые пришельцы изъ Россіи, когда покореніе Сибири значительно расширилось и упрочилось и предстояла географическая возможность сближеній съ манчжурами и монголами. Начались они дешевымъ путемъ обмѣна подарками нашихъ пограничныхъ властей съ китайскими и мѣновой торговлей нашихъ пограничныхъ жителей съ монголами. Все это дѣлалось независимо отъ правительственнаго участія, въ теченіе двадцати лѣтъ, именно до 1608 года, когда въ защиту частныхъ интересовъ понадобилось покровительство китайскихъ начальствъ. Тогда сибирскіе воеводы, по первоначальному примѣру томскаго, стали отправлять караваны отъ имени правительства. Первый караванъ и съ нимъ вмѣстѣ первое посольство, отправленные изъ Томска, возвратились безъ успѣха. Черезъ восемь лѣтъ, съ вторымъ посольствомъ въ 1616 году произошла та же неудача. Слѣдующіе годы, въ промежутокъ времени около двадцати лѣтъ (съ 1631 по 1649), были роковыми для китайской самостоятельности. Китай, послѣ крупныхъ политическихъ переворотовъ, покорился сосѣднему полу-осѣдлому и полу-дикому народу, манчжурамъ. Богдыханомъ сталъ манчжуръ Чунъ-джи; правителями Китая до мелкаго чиновника — манчжуры. Обстоятельства перемѣнились, но для русскихъ сдѣлались еще неблагопріятнѣе. Сношенія возстановились, но посольства, одно за другимъ были неудачны. Неудачи преслѣдовали и Байкова (въ 1654 г.), ѣздившаго въ Пекинъ со свитою, грамотою и подарками, но не умѣвшаго, какъ говорятъ, соблюсти китайскихъ церемоній, и Перфильева (въ 1658 г.) и бухарца Албина (въ 1668 г.) и грека Спафаріи (въ 1675 г.), отправленнаго съ исключительною цѣлью установить торговый договоръ. И въ то время, когда такимъ образомъ казнѣ не удавалось установить собственную торговлю, частныя лица дѣлали свое дѣло: они нѣсколько разъ успѣвали побывать въ Ургѣ, съ мягкою рухлядью, проникали въ глубь Монголіи и, уступая товары дешевле казенной цѣны, казеннымъ караванамъ наносили ненамѣренный ущербъ. Чтобы пресѣчь вредную для казны конкуренцію, правительство, опираясь на безобразное поведеніе купцовъ нашихъ въ Монголіи, сначала запретило имъ продавать пушнину (въ 1727 г.), а потомъ (черезъ три года) ѣздить въ Монголію. Въ 1755 году отправленъ былъ послѣдній купеческій караванъ.

Вслѣдствіе этого-то запрещенія, купцы рѣшились сосредоточиться въ Кяхтѣ.

Въ 1792 году купцы изъ архангельскихъ, вологодскихъ, московскихъ, тульскихъ, казанскихъ, тобольскихъ и иркутскихъ уроженцевъ образовали въ средѣ своей пять компаній. Каждая компанія избирала одного уполномоченнаго — старосту. Старосты или *компаніоны* полагали норму цѣнности всѣмъ товарамъ (китайскимъ и русскимъ) и опредѣляли, сколько должно отдавать извѣстнаго количества русскаго товара за извѣстное количество китайскаго. Кяхтинская торговля съ этихъ поръ начала производиться по ежегодному *положенію*, устанавливаемому компаніонами. И такъ какъ эти положенія основаны были только на взаимномъ соглашеніи купцовъ и, не считаясь обязательными для каждаго, не соблюдались всѣми купцами, то правительство и сочло необходимостью своею вмѣшаться въ это дѣло снова, чтобы собственными мѣрами гарантировать купеческія положенія.

Въ 1800 году, 15-го марта, правительство издало для кяхтинскаго торга правила, которыя, съ немногими измѣненіями, существовали даже до 1854 года. Главная сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Торговля должна быть мѣновая и безъ кредита.

2) Вывозъ золотой и серебряной монеты воспрещается.

3) Все, дозволенное къ отпуску за китайскую границу, должна свидѣтельствовать таможня и хранить до размѣна въ гостиномъ дворѣ, устроенномъ въ Торговой слободѣ (т. е. въ Кяхтѣ).

4 Ежегодно, передъ расторжкой, въ общемъ собраніи торгующихъ производить компаніонамъ расцѣнку товаровъ по представленнымъ образцамъ, т. е. русскимъ товарамъ назначать такія цѣны, ниже которыхъ они не могутъ быть промѣнены.

Когда при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ начиналась кяхтинская торговля вслѣдствіе непониманія ея условій въ отечествѣ, со стороны китайцевъ давно уже выточенъ былъ противъ нея ножъ, не менѣе острый и почти одинаковаго вида и формы. Далеко прежде, всѣмъ китайскимъ купцамъ ставили въ непремѣнное обязательство къ исполненію слѣд. правила (передаваемыя подъ величайшею тайною и до сихъ поръ извѣстныя не всѣмъ торгующимъ на Кяхтѣ *):

(*) Благопріятный случай, основанный на крайной степени довѣрія и дружбы, случайно передалъ въ руки нашихъ китайскій подлинникъ маймаченской инструкціи. Открывшій ее русскимъ—по застрасткѣ, изложенной въ послѣднемъ циркулярѣ—подвергается смертной казни или вѣчной ссылкѣ. Разсказавшій одну часть ея присуждается къ пятилѣтней греблѣ на хлѣбныхъ баркахъ.

1) Всѣ письма, полученныя кѣмъ бы то ни было, должны быть вскрыты въ общемъ собраніи, чтобы каждый изъ торгующихъ дѣйствовалъ во вредъ иностранцамъ сообща и вмѣстѣ съ другими. Старшина собранія рѣшаетъ, какое количество товара можно покупать и за какую цѣну, и также кладетъ запрещеніе на другіе товары.

2) Китайскихъ товаровъ всегда должно быть меньше, чѣмъ русскихъ; не продавши старыхъ, не должно сбывать вновь привезенныхъ.

3) Вывозъ предметовъ роскоши, вина, спирта и проч. строго запрещается и, проч., и проч.

«Старайтесь убѣдить (говоритъ предписаніе 8-мъ параграфомъ своимъ), что Китай излишка шелковыхъ и хлопчатобумажныхъ товаровъ не производитъ; и 6 мъ: «если какого нибудь цѣннаго товара привезено русскими немного, то скупайте все количество, раздѣливъ по-ровну между купцами, а русскихъ старайтесь увѣрить, что на этотъ товаръ явилась большая потребность. Слѣдствіемъ будетъ то, что въ слѣдующемъ году они доставятъ въ Кяхту значительное количество этого товара, а вы, объявивъ имъ тогда, что требованіе уменьшилось, будете имѣть надъ ними преимущества и выгоды. Когда русскіе подымутъ цѣну на какой-нибудь товаръ, котораго запасъ у нихъ невеликъ, то въ теченіе мѣсяца никто не долженъ у нихъ покупать его. Если же они объ этомъ снесутся съ нами, мы отвѣтимъ, что торговля должна быть остановлена».

Эта игра въ темную, это взаимное поползновеніе къ обманамъ, обоюдное стремленіе скрыть количество привезеннаго и желаніе показать, что каждый вовсе не нуждается въ товарахъ сосѣда, имѣли печальное слѣдствіе для слабой силами русской купеческой корпораціи. Кяхтинскій рынокъ очутился совершенно въ рукахъ китайцевъ. Сансинцы, мастерски организованные въ большія и сильныя компаніи, работали скопомъ и сообща, а русскіе должны были торговать каждый отдѣльно, вслѣдствіе чего дѣйствовали во вредъ другъ другу. Китайцы все это обращали въ свою пользу и постоянно держали высокую цѣну на своихъ товарахъ, между тѣмъ какъ въ товарахъ этихъ въ то время мало населенная, грубая, дикая, младенческая Сибирь крѣпко нуждалась. Кяхтинская торговля висѣла на волоскѣ, тѣмъ болѣе, что и самая мѣна дальше пушныхъ товаровъ, предметовъ роскоши, дабы и отчасти золота и серебра не шла, да и на все время труднаго для Сибири XVIII столѣтія идти не могла: она могла-или пасть вовсе или прицѣпиться на правахъ временной случайности къ снисходительной терпѣливости и охотливости китайцевъ. Но время и обстоятельства судили иначе. Въ концѣ XVIII ст., когда русское образованное общество носило не только иноземный видъ съ наружи, но и думало по иноземному и даже выработало новые вкусы, взамѣнъ тѣхъ, которые прежде почитали многое запретнымъ и грѣховнымъ изъ того, что потомъ вмѣнили себѣ въ сласть и удовольствіе, проклятое зеліе табаки не считалось уже быліемъ, а дымилось какъ сласть въ видахъ развлеченія и въ трубкахъ, сохло и въ золотыхъ табакеркахъ, и въ покупныхъ берестяныхъ тавлинкахъ. Въ это время и «китайская стрѣла, которая въ Россію взошла и въ чувствительныя сердца — сгубила всѣхъ до конца,» тогда и чай не полагался уже быліемъ проклятымъ, а заурядъ съ другими шелъ какъ лакомый, здоровый и крѣпкій напитокъ. И чѣмъ больше успѣвала входить Русь во вкусъ напитка, и чѣмъ опредѣленнѣе сказывался онъ, какъ ловкая и удачная замѣна всесокрушающей и погибельной водки, тѣмъ значительнѣе усиливалось и потребленіе ароматной и вкусной травки. Въ концѣ прошлаго столѣтія, понятія эти уже сложились такъ опредѣленно, что въ началѣ нынѣшнаго потребленіе чаю быстро усилилось, и требованія на него обрушились со всею неожиданностью и порывистостью, на какія способны только молодые, еще невыбродившіеся и несложившіеся въ окончательный ростъ народы и общества. Въ кяхтинской торговлѣ произошелъ крупный переворотъ. Съ этаго времени она начинаетъ свою правильную и опредѣленную исторію съ тѣмъ главнымъ измѣненіемъ, что вся торговля сосредоточилась теперь въ рукахъ московскихъ капиталистовъ.

Требованія на чай усилились до того, что сибиряки не могли ограничиваться одной пушниной, по недостатку ея принуждены были прибѣгнуть къ иностраннымъ мануфактурнымъ издѣліямъ и удовлетворять ими. Москвѣ легко это было дѣлать, когда, послѣ 12 года начала быстро возрастать ея торговля, и когда возникла строгая, охранительная система. Москва вслѣдствіе того обстроилась собственными фабриками, заручилась собственными издѣліями, перестала требовать изъ Китая шелковые и бумажные товары и начала присылать, вмѣсто иностранныхъ, свои сукна и плисы. Мало по малу товары эти стали входить во вкусъ китайцевъ и въ концѣ концовъ совершенно вытѣснили съ кяхтинскаго рынка всѣ издѣлія англійскихъ и французскихъ фабрикъ. Чай сдѣлался почти единственнымъ предметомъ вымѣна въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ. Въ эти года, въ особенности въ тридцатыхъ, начала развиваться золотопромышленность, и Сибирь, привлекая новые капиталы, поспѣшила сама, въ благодарность за извозную и другія работы, задаваемыя Кяхтой, пособить ея торговлѣ. Продуктъ, вымываемый изъ сырыхъ и безплодныхъ тайговыхъ болотъ сѣверной Сибири, усиливъ фабричное производство въ Москвѣ и Россіи, наводнилъ Кяхту мануфактурами, появился и самъ во всемъ блескѣ и всемогуществѣ своей силы. Число участниковъ въ торговлѣ увеличилось: къ московскимъ примкнули во множествѣ купцы другихъ городовъ; количество сибиряковъ оказалось вдвое большимъ противъ того же количества торгующихъ русскихъ (*); къ чис-

---

(*) Изъ объявившихъ въ Кяхтѣ капиталъ на 1858 годъ, 65 принадлежали сибирскимъ купцамъ, 34—купцамъ россійскихъ губерній. Болѣе крупныя цифры пали на купцовъ селенгинскихъ (14), иркутскихъ (13), кяхтинскихъ (9) и тюменскихъ (9); а въ Россіи—на московскихъ и казанскихъ (по десяти) и на подольскихъ (5). Мелкія цифры раздробились въ Россіи: на с.-петерб. (1), царскосельскихъ (1), верейскихъ (2), верховажскихъ (2), кунгурскихъ(2) и пермскихъ (1). Въ Сибири по одному изъ кійскихъ, минусинскихъ, якутскихъ, нерчинскихъ, верхнеудинскихъ, три тобольскихъ, 5 тарскихъ, 4 томскихъ, 2 енисейскихъ.

лу предметовъ вымѣна присоединилось и золото. Правила кяхтинскаго торга, по своему монопольному характеру, не могли уже держаться на прежныхъ основаніяхъ; начавъ стѣснять торговлю, они подавали поводъ къ безпрерывнымъ нарушеніямъ закона. Запрещенные товары (опіумъ и сибирское золото) провозились за границу тайно. Контрабанда народилась и, находя силу въ самой себѣ и случайныхъ обстоятельствахъ, годъ отъ году укрѣплялась, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда нанкинскій трактатъ 42 года открылъ европейцамъ четыре южныхъ китайскихъ порта и привлекъ къ нимъ громадные англійскіе капиталы. Мѣна на Кяхтѣ перестала уже обходиться безъ серебра и золота; причемъ и то и другое стояло, въ понятіяхъ китайцевъ, въ высокой цѣнѣ (полуимперіалъ принимали они за 8 и 9 руб. серебряный рубль за 180 серебряныхъ копѣекъ). Привычка къ драгоцѣннымъ металламъ вскорѣ до того усилилась, что маймаченскіе купцы безъ нихъ часто не соглашались брать никакихъ товаровъ. Боясь, чтобы товаръ не залеживался, каждый спѣшилъ промѣнивать его возможно дешевле, затыкая дыри прорвы контрабанднымъ золотомъ и породивъ такимъ образомъ то странное (и до той поры неразгаданное) явленіе, въ силу котораго въ самыхъ дальныхъ провинціяхъ Китая наши русскія сукна продавались одиннадцатью-десятью рублями дешевле цѣнъ московскихъ, фабричныхъ. Торопливость и недальнозоркость кяхтинцевъ надорвали ихъ силы; опасная игра въ соперничество не устоялась; многіе капиталы лопнули, многіе капиталисты пали и паденіемъ своимъ увлекли за собою другихъ. Выходъ изъ кризиса объяснился указомъ 1854 года, когда разрѣшенъ былъ вывозъ золота и серебра въ издѣліяхъ, а въ 1855 году установленъ торгъ «по вольнымъ цѣнамъ, безъ всякаго ограниченія какими либо общественными постановленіями и дозволенъ отпускъ, черезъ Кяхту, золотой монеты съ тѣмъ, чтобы она вывозима была не иначе, какъ совокупно съ товарами и чтобы цѣнность ея, вмѣстѣ съ цѣною золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, составляла каждый разъ, для торговца, не болѣе $^1/_3$ цѣнности мануфактурныхъ и $^1/_2$ пушныхъ товаровъ.» Купцамъ 2—й гильдіи дозволено производить «заграничную на Кяхтѣ торговлю, суммою на 90 тыс. руб. ежегодно, по общей сложности цѣны отпускныхъ и привозныхъ товаровъ.» Расторжка, опредѣленная во время двухъ зимнихъ мѣсяцевъ (февралѣ и мартѣ), замѣнена ежедневной торговлей.

Вслѣдствіе этихъ постановленій обмѣнъ товаровъ облегчился, торговые обороты усилились, капиталы стали возвращаться скорѣе, ходъ торговли сдѣлался болѣе свободнымъ и болѣе правильнымъ. Но, что главнѣе всего, вымѣнъ чаевъ производился теперь за несравненно дешевыя цѣны, хотя въ Москвѣ и поднялись въ то же время сильныя жалобы фабрикантовъ, работавшихъ на Кяхту.

Къ текущему шестому десятку лѣтъ настоящаго столѣтія торговля на Кяхтѣ обрѣталась въ вожделѣнномъ благосостояніи. Не смотря на уклоненія отъ правильнаго хода торговли, она привлекала большіе барыши и выгоды и на Москву, и на Сибирь, и на самую Кяхту. И скопляя капиталы, и дорого продавая чаи, она неожиданно для нея самой оказалась монополіей въ то время, когда тѣ же привозимые къ ней чаи изъ Фучана, но покупаемые въ Шанхаѣ англичанами, пріобрѣтались несравненно дешевле, обѣщали выгоду потребителямъ. Такъ называемый кантонскій чай грозился стать сильнымъ конкуррентомъ и всполошилъ всѣхъ торгующихъ на Кяхтѣ: пересталъ онъ бытъ зерцаломъ въ гаданіи, пугливымъ, но неяснымъ призракомъ, когда правительство рѣшилось пріостановить впускъ кругосвѣтнаго чая только на время, и для того, чтобы исключительно дать возможность кяхтинской торговлѣ перейти изъ настоящаго неестественнаго положенія къ нормальному, и по той причинѣ, чтобы дать нашимъ фабрикантамъ время сообразить и соразмѣрить свое производство съ иными требованіями, которыя могутъ возникнуть отъ измѣненія правилъ кяхтинской торговли. И теперь, когда кончилось урочное время, и ввозъ чая съ запада дозволенъ, когда Россія, пріучившаяся (но не выучившаяся) пить чай, не выработавъ (исключая Москвы, Казани и Сибири) вкуса къ хорошему, охотно ухватилась за болѣе дешевый и стала пить кантонскій въ ту же сласть и мѣру, кяхтинская торговля очутичась на краю гибели. Теперь нижегородская ярмарка ясно опредѣлила это явленіе, подсказавши въ свою очередь, что если пойдутъ дѣла такимъ путемъ, то черезъ два года Кяхта падетъ окончательно и, вмѣсто 200 тыс. ящиковъ на Россію, будетъ вывозить чаевъ не болѣе 20 тыс., и тѣ только для Сибири. Сумма до двухъ милліоновъ р., платимая за провозъ чаевъ и расходившаяся въ народѣ, должна уменьшиться до примѣтнаго ничтожества: до какой цифры? Что будетъ съ нашей мануфактурой?.. Но возвращаемся снова къ чаю (ради котораго мы и рѣчь нашу начали) и пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ въ мѣста безопасныя, теплыя и благодатныя, на его родину, въ самую глубь темнаго Китая.

Родина чая, какъ извѣстно, фучляндская область, именно фучанъ (или правильнѣе фу-дсянъ). Тамъ родится цвѣточный чай, и зеленый, и желтый и байховый послѣдній въ особенности распространенъ въ торговлѣ). Байховымъ, правильнѣе бай-хао, названъ онъ сансинскими купцами, торгующими съ Россіей, въ видахъ уподобленія пепельныхъ цвѣтковъ его цвѣту перьевъ птицы аиста, — посланницы небесъ, по китайскимъ понятіямъ. На мѣстѣ чай этотъ называется у-и-ча по горѣ, находящейся въ двухъ миляхъ отъ города Дзуньгань-хянь, вблизи которой растетъ этотъ чай на почвѣ бѣлесоватой, легкой и песчаной, и собирается съ деревцовъ, насаждаемыхъ подобно виноградныхъ лозамъ. При этомъ деревцамъ чайнымъ не даютъ подниматься свыше саженн и разростаться, а черезъ 4 или 5 лѣтъ ихъ пересаживаютъ въ тѣхъ видахъ, чтобы листъ не дѣлался грубымъ, жесткимъ и остраго вкуса. Оставленныя на произволъ деревья доростаютъ до 12 футовъ, становятся красивы, но для чаю не годятся. Цвѣтокъ ихъ долженъ походить на цвѣтокъ розы, бѣлаго или блѣдно-розоваго—цвѣта.

Первый листокъ, показавшійся на корѣ, но не развернувшійся, покрытъ тончайшимъ бѣлымъ пухомъ, какъ бы волокнами бѣлаго шелка, и имѣетъ видъ иголки, а потому и называется ниньдзинь (серебряная иголка). Это — первый сортъ чая. Собранный изъ первыхъ листиковъ со вновь посаженныхъ деревцовъ, изъ самыхъ первыхъ почекъ мо-уча — величайшая рѣдкость, которую посылаютъ только богдыхану и мандаринамъ первыхъ степеней, и небольшое количество удѣляютъ друзьямъ въ подарокъ. Въ продажѣ этого сорта нѣтъ: такой сборъ сильно вредитъ плантаціямъ. Впрочемъ дожди дѣйствуютъ на молодое растеніе благодѣтельно, снова появляются листья: черезъ 2—3 недѣли опять зазеленѣли вѣтки листьями, готовыми къ новому сбору, самому важному въ теченіе всего года.

Листъ чая, постепенно развертываясь и выростая, принимаетъ видъ цвѣта созрѣвшей вишни на исподней сторонѣ, а на внѣшней удерживаетъ тотъ же тончайшій пушекъ серебристаго вида. По этимъ признакамъ знатоки чая опредѣляютъ его достоинство и полагаютъ, что пушокъ заключаетъ въ себѣ ароматъ, а темно-вишневая исподка листа содержитъ сокъ или настой чая. Въ подобіе божества, выражающаго долголѣтіе и изображаемаго въ видѣ сгорбленнаго старца съ высокимъ наростомъ на лысой головѣ, съ рѣденькой сѣдой бородой и длинными, сѣдыми же и насупленными бровями — китайцы этому второму сорту чая придали имя этого бога шеу-мей (шеу-брови), хотя въ торговлѣ этотъ сортъ извѣстенъ болѣе подъ названіемъ ароматнаго лянъ-сина (т. е. цвѣтка сердца). Европейцы называютъ его цвѣточнымъ и за урядъ съ нимъ, въ томъ же разрядѣ, ставятъ псилча (кожаный чай), собираемый изъ цвѣтковъ, растущихъ на корѣ (кожѣ) дерева. Растущій на горныхъ покатостяхъ, обращенныхъ къ югу, почитается лучшимъ, высокаго сорта, и по той причинѣ, что плантаціи его законтрактовываются сансинскими купцами, онъ въ торговлѣ носитъ названіе фамильнаго. На оборотъ чай, созрѣвающій на сѣверныхъ горныхъ отклонахъ, сбирается бѣдными китайцами и продается низкой цѣной, а смѣшанный съ другими сортами (черными, какъ наз. въ Москвѣ), поджаренный и подкрашенный идетъ въ Шанъ-хай къ англичанамъ за настоящій и лучшій (*).

Третій сортъ чая, самый дешевый, приготовляется изъ созрѣвшихъ уже листьевъ; отборные изъ нихъ образуютъ лучшій сортъ, красненькій чай, названный такъ (хунъ-мей) въ честь *красныхъ бровей* божества огня.

Чай начинаютъ собирать съ перваго мѣсяца весны (онъ же первый мѣсяцъ года), и собираютъ его въ теченіе всѣхъ слѣдующихъ за тѣмъ трехъ мѣсяцевъ: въ первый—высокій сортъ; во второй, когда листъ будетъ крупнѣе, потеряетъ нѣжный ароматъ, но за то станетъ содержать больше соку (настоя)—хорошіе сорты; и въ третьемъ мѣсяцѣ—такъ называемые сансинскіе, по дешевизнѣ своей весьма выгодные въ покупкѣ. Эти чаи обыкновенно смѣшиваются съ чаями высшихъ сортовъ, причемъ операція эта съ одной стороны облегчала начетъ дорого купленныхъ чаевъ, а съ другой вообще представляла для покупателя въ цѣнѣ товара весьма выгодный разсчетъ. Чаи эти для Кяхты продавались въ Калганѣ, а въ самой Кяхтѣ разбивались вновь на многіе сорты: высшій, первый, второй и т. д. Изъ нихъ первые два въ разсортировкѣ весьма близки къ фамильнымъ, почему и продавались въ Москвѣ и другихъ русскихъ городахъ нѣсколько дешевле фамильныхъ чаевъ (**).

По окончаніи сбора, благопріятнымъ временемъ для котораго полагается постоянно ясная погода (при сырой и пасмурной листья быстро растутъ, теряя пушокъ, а съ нимъ и ароматъ), приготовленный чай изъ горъ фучанскихъ выносится на бам-

---

(*) Поджариваютъ его для того, чтобы придать листьямъ темно вишневый цвѣтъ (вкусъ остается все таки грубый и вяжущій), а когда листъ чая неспособенъ принять такого видоизмѣненія, его просто подкрашиваютъ, т. е. вспрыскиваютъ красцами, разведенными въ водѣ.

(**) Вотъ сорты байховаго чая, извѣстные на Кяхтѣ: цвѣточный, торговый, квадратный, неквадратный, перваго, втораго, третьяго и проч. сортовъ. Изъ фамильныхъ: ванъ-синъ-чи, мы-ю-конъ, шиты-чуанъ,-хынъ синъ-ты, санъ-юконъ, сіо-фаюнъ, ко-фа-чуанъ и-санъ-и чуанъ.

буковыхъ коромыслахъ, по одному мѣсту на каждомъ концѣ. Путь этотъ къ пристани по одной изъ незначительныхъ рѣчекъ совершаютъ носильщики въ три дня. По рѣчкѣ этой чай идетъ на чжонкахъ, по довольно значительной рѣкѣ Ян-цзы-цзянъ, впадающей въ море при многолюдномъ и богатомъ торговомъ городѣ Шань-хай. Здѣсь закупаютъ чай европейцы; отсюда же шолъ онъ, тремя путями (*), и на Кяхту, испытывая множество мытарствъ, подвергаясь многимъ случайностямъ, неоднократно оплачиваемый пошлинами: въ первый разъ въ таможнѣ города Тунчжеу, во второй въ городѣ Калганѣ, до котораго шелъ сухопутно на верблюдахъ и въ которомъ онъ выпускался за ворота, великой стѣны, за границу ея и небесной имперіи. Самый путь на верблюдахъ по мало населеннымъ мѣстамъ, по безбрежнымъ пустынямъ степи Гоби (или Шамо), мимо кочевьевъ монголовъ на пространствѣ полуторы тысячи верстъ (считая отъ Кяхты до Пекина), въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, значительно увеличивалъ цѣнность чаевъ. Въ то время, когда издержки для провоза чая изъ Фучана въ Шанхай равнялись 1 р. 32 к., провозъ его изъ Фучана въ Кяхту стоилъ 10 руб. съ пуда, не считая пошлины и другихъ мелкихъ расходовъ, и когда фрахтъ въ Англію обходится въ 30-40 коп съ пуда, пудъ провезеннаго въ Москву продукта обходился отъ 5 до 6 руб и

(*) Первый: отъ пристани Тянъ-дзинъ до гор. Тунч-жеу, главной таможни, и отсюда уже сухопутьемъ до Калгана (Цзянъ-чже-коу). Второй: отъ тяндзинской пристани нѣкоторое разстояніе по рѣкамъ и каналамъ черезъ озеро, образовавшееся вслѣдствіе разрыва двухъ рѣкъ при наводненіи, въ Императорскій каналъ. Здѣсь, по милости чиновниковъ, чаи тянутся на бичевѣ вмѣстѣ съ милліонными тяжестями казеннаго хлѣба, доставляемаго для войскъ въ Пекинѣ) до Пекина; отсюда чаи идутъ въ таможню въ Тунч-жеу. Третій путь идетъ на с. з. къ губ. Шань-си, а потомъ на с. в., чрез многія рѣки, въ губ. Чжили (гдѣ столица Пекинъ). Здѣсь всѣ три пути соединяются. Боясь англичанъ, неохотно везли китайцы чаи моремъ, не стали возить ихъ и сухопутьемъ по южнымъ провинціямъ, гдѣ въ теченіе 5 лѣтъ были три опустошительныя наводненія: многія провинціи были затоплены, многія рѣки размыли берега свои и величайшее изъ китайскихъ сооруженій—императорскій каналъ—представляетъ теперь печальное и многострадальное зрѣлище.

даже болѣе. По разсчету Тенгоборскаго, количество чаевъ, потребляемыхъ нынѣ въ Россіи, обошлось бы десятью милліонами дешевле, еслибъ былъ допущенъ ввозъ кантонскаго. Желанія его сбылись; чай сталъ дешевле; сталъ ли онъ лучше?— Это вопросъ, второстепенный для большей части Россіи, которая какъ мы сказали, чай пить любитъ, но вкуса въ чаю не знаетъ и знать не желаетъ. Стоялъ на Кяхтѣ важный вопросъ о сбавкѣ пошлины на торговые чаи и байховые, объ уничтоженіи ея на кирпичныхъ чаяхъ и объ уменьшеніи на цвѣточныхъ, оплачиваемыхъ обыкновенно чрезвычайно высокою пошлиной, — но вопросъ этотъ, какъ извѣстно, обошли и прямо приступили къ разрѣшенію кантонскаго чая. Ему посчастливитъ: это вѣрно! Но..

Заговорившись снова, мы опять ушли далеко отъ предмета. Возвращаемся къ нему, чтобы вновь начать съ начала.

Милости просимъ, вмѣстѣ съ нами, въ Май-Ма-Чень (въ переводѣ съ монгольскаго—торговый городокъ), который отъ Торговой слободы нашей, на оффиціальномъ языкѣ извѣстной подъ именемъ Кяхты, а на языкѣ русскихъ туземцевъ подъ названіемъ Плотины, отстоитъ всего на нѣсколько саженъ.

Пограничный коммиссаръ даетъ билетъ, таможенный солдатъ неизмѣнно стоящій съ саблей въ воротахъ, пропускаетъ. Мы не то въ огородѣ, не то въ полѣ; кругомъ насъ деревянный заборъ дурно пахнетъ... пойдемъ дальше!

Вотъ передъ нами какая-то ширма изъ досокъ, ярко размалеванная, торчитъ безъ всякаго дѣла; за нею скрываются ворота, вдѣланныя въ стѣну и ведущія непосредственно въ городъ. Эти то ворота и замѣняетъ эта ширма, по китайскому образцу и обычаю.

Объѣдемъ ее и поспѣшимъ просунуться въ ворота; если мы встрѣтимся въ нихъ съ другимъ экипажемъ, нашъ не выцарапаться: мы непремѣнно завязнемъ и, сколько ни ругайся нашъ кучеръ (по русскому обычаю) простоимъ долго. Для насъ, это крайне невыгодно: дни зимніе — крѣпко морозные да ктому же еще и коротенькіе, январскіе.

Прямо изъ воротъ, по привычкѣ мы разсчитывали попасть въ улицу, но наткнулись на домъ; должны были повернутъ направо или налѣво, чтобы увидѣть одинъ уголъ, другой уголъ, а въ серединѣ перспективу какого-то узенькаго корридора, который намъ велятъ принимать за улицу. Признаетъ ее таковою и нашъ ямщикъ, круто повернувшій вдоль по ея направленію. Дома на право, дома налѣво, но стоятъ они въ такомъ близкомъ разстояніи, что отводы саней едва не задѣваютъ за углы и за ворота, и если бы кучеръ нашъ захотѣлъ закурить трубку въ правомъ окнѣ, то сплюнуть ему привелось бы непосредственно въ лѣвое. Мы боимся встрѣтиться съ другимъ экипажемъ и не встрѣчаемся съ нимъ потому только, что кяхтинцы ходятъ сюда пѣшкомъ, а троицко-савскимъ Маймаченъ надоѣлъ, да имъ до него и нѣтъ никакого дѣла.

Проѣхали мы вдоль всей улицы, всматривались во всякій домъ, обернулись назадъ, снова присмотрѣлись, снова сообразили: что-то необычайно-диковинное, игрушка какая-то, а не часть города, не жилое мѣсто. Наляпано, нагромождено, настроено; изъ за каждаго угла, изо всякаго косяка торчатъ какія-то нашлепки ни къ селу, ни къ городу. Вся перспектива улицы, представляя невиданную форму, путаетъ представленія. Восходя отъ сравненія съ Петербругомъ, даже съ Москвой, ни къ чему не придешь. Вообразить себѣ замысловатую игрушку китайской работы изъ слоновой кости, гдѣ кропотливость рѣзца превосходитъ всякую мѣру вѣроятія въ смѣлости замысла, въ усидчивости работы, — преставленіе маймаченской улицы начинаетъ выясняться рѣзче и опредѣленнѣе. Да — это игрушка, но такая, надъ которой потрудился умѣлый и терпѣливый мастеръ, въ особенности это ясно, когда станешь оглядывать каждый домъ въ отдѣльности. Особенно замысловаты украшенія на воротахъ; не такъ пестры эти и многочисленны они на самыхъ домахъ, воротахъ должны заманивать и принять прежде всего гостя, а домъ и въ Китаѣ красится не углами, а пирогами. Дома всѣ въ одинъ этажъ (только одинъ китаецъ измѣнилъ народному обыкновенію и нанесъ на старый домъ второй этажъ: такъ за то онъ и прежде всѣхъ другихъ снялъ съ себя потретъ фотографическій). У кого не пришлись ворота, тотъ истощилъ весь запасъ фантазіи на рѣзныя украшенія дверей и косяковъ; и можно дать голову про закладъ, что тотъ, у кого карманъ пошире, и здѣсь, въ Китаѣ, пустклъ пестроты больше, налѣпилъ рѣзьбы не скупясь и безграмотно. (*) Ясно, что и здѣсь пестрота — красота, а лѣпная работа говоритъ за чванство хозяина, который такимъ образомъ не ушелъ далеко отъ нашихъ купцовъ съ ихъ рѣзьбой и позолотой, и покраской пукетами по мелкой землѣ яркими цвѣтами, какіе влѣзутъ маляру въ голову и какихъ не бываетъ въ природѣ. Разница та, что у китайцевъ существуютъ аллегорическія животныя, освященныя религіей и знакомыя народному пониманію, основанному на крайномъ суевѣріи. За всѣмъ этимъ имъ отъ всѣхъ нареканій и насмѣшекъ крѣпкая защита. Одна бѣда: въ маймаченскія улицы рѣдко глядитъ солнышко, и ихъ не освѣщаетъ, какъ и быть слѣдуетъ въ Китаѣ, но за то и хозяева не глядятъ на улицы, а живутъ окнами на дворъ. По этой причинѣ и дворъ размалеванъ и разукрашенъ такъ, какъ можно видѣть только въ Петербургѣ, въ домѣ Монферрана. И за то, что размалеванъ дворъ и содержится въ необыкновенной чистотѣ, улицы Маймачена грязны, а лѣтомъ — говорятъ — въ нихъ не продохнешь отъ зловоннаго смрада. Выброшена кошка, приспѣлъ собачій смертный часъ на улицѣ — городовыхъ, по китайскому поло-

---

(*) Любимыми украшеніями полагаются у китайцевъ надписи надъ верхними косяками дверей. Надписи эти — изрѣченія мудрецовъ Кон-фу-дзи и Лао-тсе. Надъ воротами дома полагаются рѣзныя надписи — названія фузъ, фирмы торговаго дома на манеръ европейскихъ: та же вычурность, та же замысловатость. Вотъ напр. въ переводѣ на русскій значеніе фамилій, пользующихся въ торговлѣ извѣстностію: Ванъ — Синъ-Чи — процвѣтающій отъ удачи во всемъ; Мы-ю-конъ — чистый нефридъ справедливости; Ши-ты-чуанъ — сохраняющійся добродѣтелями поколѣній; Хынъ-синъ-ты — добродѣтель, постоянно возвышающаяся; Санъ-ю-конъ — справедливость троихъ оставшихся; Сіо-фа-юнъ — всегда счастливый въ предпріятіяхъ; Ко-фа-чэнъ — разбогатѣвшій обширными предпріятіями; Санъ-и-чэнъ — составшійся честностью троихъ и проч.

женію, не имѣется и на крюки манчжурская казна подряду не дѣлаетъ.

А что городъ этотъ, необлыжно азіатскій—свидѣтели самыя неуклюжія въ мірѣ животныя,—верблюды, которыхъ—какъ извѣстно—въ Европу не пускаютъ и держатъ ихъ, какъ диковину, только въ царскихъ звѣринцахъ. Здѣсь же верблюдъ черную работу правитъ: идетъ за вола и за лошадь, а въ безводной Гоби и за себя самаго. Вотъ ихъ цѣлая вереница, одинъ за другимъ, привязанные хвостами къ поводьямъ заднихъ товарищей, шествуетъ изъ стеѣи въ городскія ворота тѣмъ медленно-торжественнымъ и знакомымъ шагомъ, какимъ умѣютъ ходить только пѣвцы итальянской оперы. Не тѣ только звуки, когда провожатый дернулъ передняго за поводья и поставилъ его на колѣна: точно быкъ, съ простуженнымъ и наболѣвшимъ горломъ, да притомъ еще съ неожиданнаго перепугу, звякнулъ что было силы. Самымъ непріятнымъ, отвратительнымъ ревомъ отвѣчали верблюды, становясь на колѣни и подставляя бока, къ которымъ съ обѣихъ сторонъ прилажены по два огромныхъ тюка: съ чѣмъ?

— Разумѣется съ чаемъ.

— Къ кому пришелъ онъ?

— Къ Сіофаюну, къ Мыюкону, къ Кохусину, къ Юясинъюну: не все ли равно? Всѣ чаи будутъ въ русскихъ рукахъ-у Б., у П—ой, у Ю—ва, у кого нибудь изъ кяхтинскихъ. Коммиссіонеры московскихъ торговцевъ пошлютъ прикащиковъ; кяхтинскіе сходятъ сами, переговорятъ, столкуются...

Переговоры обыкновенно ведутся на условномъ языкѣ, который китайцы называютъ русскимъ; мы сами можемъ признать его только за уродливую смѣсь словъ изъ того и другаго языка; причемъ китайскія слова пошли цѣликомъ безъ передѣлу, русскія взъерошены и растрепаны такъ, что во многихъ изъ нихъ ни образа, ни подобія. И для того, чтобы принимать изъ устъ китайца эту изломанную помѣсь словъ, понятныхъ только при выучкѣ, надо обладать еще вторымъ даромъ, или привычкой отдѣлять одно слово отъ другаго. Китаецъ обыкновенно цѣпляетъ одно за другое и тянетъ какъ верблюдовъ вереницей, привязывая переднія къ заднимъ. И если прибавить къ этому китайскую неспособность ладить съ буквой р, и плохое умѣнье осиливать двѣ поставленныя рядомъ согласныя безъ того, чтобы не вдвинуть между ними такую гласную, какая ему будетъ угодна, то китайскій разговоръ по русски окажется вс его меньше русскимъ. Этотъ калейдоскопъ всяческихъ словъ, этотъ сплошь шепелявый речитативъ можно уподобить развѣ ему самому; другихъ сравненій подыскать трудно. Между тѣмъ безъ этой изуродованной китайщины, безъ знанія этой неблагозвучной мусикіи, которой въ Китаѣ даютъ названіе русскаго разговора, ни одинъ китаецъ за границу не выпускается. Желающій торговать на Кяхтѣ прежде всего живетъ и учится въ Калганѣ, гдѣ, говорятъ, имѣется для выучки русская академія и учителя изъ бѣдняковъ, живавшихъ при милостяхъ на Кяхтѣ. Только тогда, когда ученикъ выдержитъ теоретическій экзаменъ, онъ получитъ билетъ (пехьо), дающій ему право на выѣздъ за ворота великой стѣны. Но и по пріѣздѣ въ Маймаченъ онъ по-закону не имѣетъ права, въ теченіе года, заниматься торговыми дѣлами хозяина, а во все это время обязанъ практически и вдосталь изучать псевдо-русскій языкъ. На это имѣется въ секретной инструкціи, выданной торговцамъ пекинскимъ правительствомъ, между прочими (выше поименованными), и такія статьи: 1-я. Позволеніе торговать да будетъ дано купцу тогда только, когда онъ выучится говорить и писать по русски. Подобная мѣра обязательна для устраненія необходимости русскимъ изучать языкъ китайскій, владѣя которымъ, они могутъ проникнуть въ тайны нашей торговли (*), и 2-я. Купецъ, по прибытіи въ Кяхту, въ продолженіе года, долженъ познакомиться съ тайнами торговли, чтобы избѣгать впослѣдствіи ошибокъ.

(*) Цѣль эта достигнута: изъ кяхтинскихъ торговцевъ только самые досужіе и даровитые кое-какъ умѣютъ разговаривать по китайски. Большинство русскихъ должно было волей—неволей изуродовать родной языкъ и приспособиться къ тому, источникъ котораго лежитъ въ Калганѣ.

Вотъ образчики этого таинственнаго и обязательнаго языка кяхтинскаго, который, мы надѣемся, окажется больше понятнымъ изображенный письменами на бумагѣ, чѣмъ въ томъ видѣ, какимъ исходитъ онъ, въ звукахъ, изъ устъ картавыхъ маймачепскихъ китайцевъ.

— Хао! хао!—говоритъ всякій разъ и всякой китаецъ слово это въ привѣтствіе, не придавая ему инаго значенія помимо нашего неизмѣннаго «здравствуй!»

Отвѣчайте ему этимъ же «хао», если желаете быть его гостемъ. Тогда китаецъ не затруднится сказать:

— Милости полосимъ! — и покажетъ на домъ свой, а приведя въ чистенькую комнату и посадивши на нары, покрытыя (*) опрятной циновкой красиваго рисунка, не задумывается спросить первымъ словомъ:

— Ца пиху хычи?

И угоститъ отличнымъ, настоящимъ китайскимъ чаемъ (который изъ Москвы обыкновенно не выходитъ не мѣшаннымъ). Давайте только положительный отвѣтъ, что *чай пить вы хотите*; онъ не замедлитъ положить щедрую щепоть въ черненькой чайникъ, поставитъ чайникъ на уголья, всегда готовыя въ очагѣ, вдѣланномъ въ нары. Не успѣете глазомъ мигнуть, онъ сунетъ вамъ подъ носъ закуренную и самимъ аппробованную маленькую мѣдную трубочку на коротенькомъ чубукѣ, съ неизмѣннымъ холоднымъ сердоликовымъ мундштукомъ (называемымъ ганзою вездѣ, даже въ Японіи.)

И наливая потомъ чай въ маленькія отличнаго китайскаго фарфора чашечки (съ сахаромъ только по желанію и предупрежденію вашему), китаецъ прихвастнетъ:

(*) Кстати замѣтимъ, что названіе это китайцы не любятъ, считая его насмѣшливымъ ругательствомъ (въ значеніи *раба, побѣжденнаго невольника*), придуманнымъ для нихъ манчжурами. Сами себя они называютъ *пеканами*, а небесную имперію свою величаютъ *великимъ цынскимъ государствомъ*. Такъ титулуется Китай и въ грамотахъ богдыхана.

— Моя за тиби хорошанки цай почивай буду—и не совретъ онъ, охотникъ во всѣхъ другихъ случаяхъ приврать и прихвастнуть даже и тамъ, гдѣ это вовсе не нужно. Чай въ Маймаченѣ оказывается чаще желтый, любимый и распространенный употребленіемъ по всему Китаю и нерѣдко самый букетный фамильный своей фузы (т. е. своего хозяина и своей фирмы).

Посидите, полакомитесь чаемъ, покажите видъ, что вамъ у него гостится охотно и сидѣть пріятно,—хозяинъ не задумается сдѣлать вамъ и такое приглашеніе:

— Закуски всяка манеръ за нама еси...

И будьте увѣрены, что когда бы ни пришли вы, — утромъ, въ полдень, вечеромъ—у хлѣбосольныхъ и домовитыхъ китайцевъ маймаченскихъ всегда найдется блюдъ десять запасныхъ. Ихъ всѣхъ и подадутъ вамъ на маленькихъ блюдечкахъ, съ неизбывными палочками вмѣсто вилокъ и съ неизмѣннымъ чеснокомъ и вкуснѣйшимъ уксусомъ въ видѣ приправы. Ко всему этому непремѣнно попадетъ съ угольевъ разогрѣтая въ мѣдномъ чайникѣ аракѝ, подаваемая въ стеклянныхъ чашечкахъ, немного побольше и покрупнѣе наперстка. Аракѝ эта важна собственно въ томъ смыслѣ, что она—вкусная и пріятная водка, а главнымъ образомъ по той причинѣ, что безъ нея русскій желудокъ не сваритъ китайскаго обѣда. Тутъ попадаются и каракатицы (въ видѣ піявокъ), и мышиное мясо (въ пельменяхъ), и какія-то диковинныя растенія, рачки, червячки, да вдобавокъ и поросенокъ, любезный русскому сердцу, но съ такой вкусной жаренной верхней кожицей, что его не узнаешь. Тутъ и простое свиное сало, свареное такъ, что оно кажется кускомъ густѣйшихъ сливокъ и какъ ароматное масло, имѣющее способность быстро таять во рту, исчезаетъ съ языка во мгновеніе ока. Здѣсь и супы съ морскими травами и безпредѣльно дорогимъ птичьимъ гнѣздомъ, и бульоны съ тонкими ломотками всякихъ мясовъ дикихъ и домашнихъ птицъ, съ необыкновенно вкусными фрикадельками и съ какими-то длинными-предлинными трубочками въ родѣ вермишели, но, кажется, необлыжнаго растительнаго происхожденія. Найдете и кругленькіе пирожки — *кушд,* единственное мучное блюдо въ товариществѣ съ пельменями, которые такъ вкусно только и могутъ приготовлять китайцы. Не даромъ кухня ихъ держится въ величайшемъ секретѣ и дорогопріобрѣтаемый поваръ не рѣшается открывать его даже самому хозяину. А сколько блюдъ въ китайской кухнѣ, этого и счесть почти невозможно. На самомъ плохомъ мы получали 42, а маймаченской дзаргучей на офиціальномъ праздникѣ Бѣлаго мѣсяца кормитъ троицко-савскихъ чиновниковъ равно четыре часа къ ряду. Если вы боитесь этого многоблюдства и неаппетитныхъ сокровенностей, не соглашайтесь на угощеніе; если же вы немножко рѣшительны и любознательны,—садитесь! смѣло ручаюсь, замысловатая китайская кухня вамъ очень понравится, не смотря на то, что она начинаетъ обѣдъ вверхъ ногами, прямо со сладкаго, а супы помѣщаетъ въ концѣ. И—нечего грѣха таить—она и пріѣдается, а при частомъ повтореніи разстраиваетъ желудокъ, потому что положительно-таки китайскій столъ очень жиренъ и требуетъ приспособленій, любитъ привычный къ нему китайскій, а не привозный русскій желудокъ.

Угощенія свои китаецъ обыкновенно приправляетъ разговоромъ, и разговоръ этотъ начинаетъ отъ общаго мѣста:—увы!—точно тѣми же словами, съ какими встрѣчаетъ и у насъ на Руси всякій туземецъ всякаго проѣзжаго гостя.

— Тиби за наша Маймаченъ погули еси?

Если вы дѣйствительно погулять пришли, посмотрѣть городъ, — ступайте, хозяинъ проводитъ васъ до воротъ и отпуститъ съ напутствіемъ и пожеланіемъ:

— Тута за нама юръ (юрта, домъ): пожала ходи! Моя тиби подожди буду.

Т. е.

— Вотъ мой домъ: на-предки просимъ жаловать.

Таковъ обиходный разговоръ китайцевъ съ гостемъ, а вотъ и дѣловой съ чайнымъ покупателемъ, для примѣра:

— За одина мѣсица (т. е. мѣсто) полуторъ (т. е. чаю) сколько аршанъ барха Морозофа давай буду?

— Восемидесяти аршанъ.

— Како можно такой цѣна! Если тиби хычи: безъ перебивай (*) поговори.

— Моя вѣрна поговори: восемидесяти аршанъ.

— Какой тиби вѣрна?! чево напрасно? Тута цѣна кому давай буду (**)?

— Вамо люди давай буду.

— Какъ жа! не погнѣвайся!

— Если тиби хычи, моя два аршанъ прибави буду.

— Напрасно слово такой не буду.

— Како хычи!

— Тиби цѣна здѣсь нашолъ не буду.

— Здѣси нашелъ не буду: Печински (въ Пекинъ) ходи буду: тамъ нашелъ буду.

— Ходи, ходи! Намо болза (пользы) нѣту. Ходи буду: сама узнаши—какой тама цѣна. Вамо подумай—намо люди бараша побольшамъ бери. Не погнѣвайся: бараша мала: убытки еще éси.

— Моя вѣра тиби нѣту. Вамъ Калгански цай дешево покупи.

— Вамо русски люди вѣри нѣту (***). Моя обмани не буду, еще Бога еси! Что моя обмани напрасно! Хычи: само пощитай Калгански, осень-пора (осенью), красненьки цай купи было 18 ланъ каждо мисяца (мѣсто, цыбикъ), провоза два ланъ: за все двадцати ланъ (****) стоитъ.

— Вами все поговори, убытки много, барыша совсѣмъ нѣту, покупочки дорого!

— Како тиби не вѣри?! Убытки наша очень многа. Ей Боха;

(*) Безъ торгу, безъ запросу.

(**) Такую цѣну кто тебѣ даетъ?

(***) Вы русскіе люди, не вѣрите!

(****) Каждый ланъ чистаго серебра, 95-й пробы, имѣетъ $8\,^{885}/_{1000}$ золотниковъ русскихъ; слѣд. представляетъ, по цѣнѣ чистаго серебра, у насъ цѣнность 2 руб. $5\ ^{86}/_{100}$ коп. сер.

Если все бараша бери: наша-бы кругла (всѣ) люди купецки стала. Намо еще многа лавки банкроза (банкроты) стала: Тысынъ-ши, Фу-ченъ-лунъ, Юнъ-ху-хо: его (ихъ) все убытка было, банкроза стала.

— Чаво напрасна тута слова пустяки поговори. Если хычи барха: конча 82 аршана.

— Не хычи. Послѣдня слова, како буду?

— 82 аршана.

— Какой тиби мянзя (*): лучши ярова (скорѣй) рѣши. Хычи не хычи 95 аршанъ?

— Не хычи.

— Само вола (**)! Посли тиби непремѣнна жали буду!

— Чего перебивай много: слово далеки. Прощай лучше, китаецъ.

— Эка шельма! Такой слово не нада купецки люди!

И разошлись, поругавшись слегка.

Сходясь на разговорахъ, наши русскіе по неволѣ принуждены были перемѣнить всѣ родныя слова, наровя китайскимъ тонамъ и смыслу: напримѣръ *халадза* назвали всеотъ халата до шубы, пальто и до послѣдней части нѣмецкаго костюма, въ который давно уже вырядились всѣ кяхтинскіе торговцы (и даже весьма многіе изъ нихъ щеголяютъ по московски, козыремъ). Слово *жонушка* равно стали приспособлять и къ общему понятію о всякой женщинѣ, и къ частному къ женѣ, сестрѣ и родственницѣ. *Вόда* пошла вм. водá, *лошка* вмѣсто лошадь, *шибки* вм. *очень*, *цвѣточки* вм. цвѣточнаго чаю, *кушаху* вм. ѣсть, кушать, *братиза* вм. братъ, *ярово* вм. хорошій, и горячій, и честный, и проч. и проч. По всему вѣроятію надавали слова эти первые заводчики русской торговли на этомъ мѣстѣ, сами въ дальной Сибири и между инородцами успѣвшіе достаточно призабыть и видоизмѣнить рѣчь родины, а китайская національность, успѣвшая поглотить всѣ сосѣднія (и даже такую большую, какъ манчжурская),

---

(*) Мянзя—деньги.

(**) Твоя воля!

перестроила эти слова на свой ладъ, когда дока на доку нашелъ и русскія слова совсѣмъ проглотить и вовсе перековеркать стало китайцамъ не въ мочь и крѣпко не подъ силу.

Какъ бы то ни было, но и на этомъ дешевомъ ломаномъ языкѣ шли дорогія торговыя дѣла и шли притомъ въ громадныхъ размѣрахъ. Круглымъ счетомъ ежегодно затрачивалась на чаи сумма на 50 милліоновъ рублей! Ежегодно вывозились черезъ кяхтинскую таможню оплаченными пошлиной четыреста тысячъ пудовъ чаю: байховаго и кирпичнаго; кирпичный почти исключительно расходился въ Сибири западной (восточная почти вся продовольствуется контрабанднымъ) и въ восточной полосѣ Россіи. Прочіе сорты чаю идутъ всѣ въ Россію. Въ свою очередь. Кяхта передавала китайцамъ до 1,500,000 аршинъ сукна (*), до 120 тыс. арш. драдедама, до 3,500,000 арш. бумажнаго бархату (плису), до 600 тыс. арш. нанки (**), до 270 тыс. арш. разныхъ льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, до 500 тыс. штукъ юфтевыхъ, сафьянныхъ и другихъ кожъ, до 20 тыс. мелкихъ зеркалъ. Двѣсти разныхъ фабрикъ и заводовъ въ Россіи исключительно существовали отъ Кяхты и для Кяхты. Американская компанія, счастливая всевозможными льготами и привиллегіями, отправила въ Китай самые цѣнные и лучшіе пушные товары; на долю остальной Сибири выпала въ общемъ итогѣ самая малая сравнительно—ничтожная часть!) (***).

(*) Сукна русскія, по китайски кало, имѣли на Кяхтѣ свои названія, перековерканныя изъ фамилій фабрикантовъ: были мезерицкія, масловыя, карповайскія или тридцатовыя. Эти три сорта самые любимые. Съ большею охотою разбираютъ въ Китаѣ наши плисы (по большей части съ фабрики Хлѣбникова.)

(**) Нѣкогда нанка, какъ туземное издѣліе, шла сама въ Россію изъ Китая, когда Сибирь еще заселялась. Теперь русской таковая же честь!

(***) 20-го февраля 1850 г. Россійско-американской компаніи, «въ видахъ воспособленія ея оборотамъ», дозволено привозить изъ Китая чай моремъ для продажи въ С.-петерб., въ губ. Остзейскихъ и въ Финляндіи, въ теченіе двухъ лѣтъ, до 4 тысячъ ящиковъ или по 8 тыс. пудовъ. 19-го декабря 1852 г. пособіе это продолжено было еще на два года, а въ 1854 году компанія исходатайствовала право провезти въ С.-петерб. въ слѣдующемъ году, сверхъ дозволенныхъ, еще 4 тыс. ящиковъ.

Но торговля со стороны Китая производилась почти исключительно одними чаями; неоднократныя попытки кяхтинскихъ купцовъ къ вымѣну другихъ китайскихъ предметовъ торговли, помимо чаю, нап. шелку, индиго, другихъ красильныхъ веществъ и проч. не имѣли успѣха. Сансинскіе монополисты, арендовавшіе, на нѣсколько десятковъ лѣтъ, всѣ фучанскія чайныя плантаціи, старались въ своихъ видахъ высокими цѣнами отбить охоту къ повторенію подобныхъ попытокъ. Привозили кое-когда и по мелочи сахаръ—леденецъ, китайку, дабу̀, селенскія яркихъ цвѣтовъ бумажныя издѣлія и кое-какія шелковыя матеріи, какъ то: канфу, канчу, чемучу, янчу, лензу, гранетуръ, и проч. Но все это стояло въ такихъ высокихъ цѣнахъ, что пріобрѣталось любителями, какъ рѣдкость; къ тому-же китайскія шелковыя матеріи не приспособлены выдѣлкой къ европейскому и русскому вкусамъ, не смотря на то, что необычайно добротны и прочны (особенно тѣ, которыя похожи на атласъ). Во всякомъ случаѣ къ вывозу большими партіями шелковыя матеріи неудобны, и сколько ни хлопотала Кяхта около другихъ предметовъ вывоза, она всегда принуждена была возвращаться къ чаямъ.

Возвращаемся къ нимъ и мы, чтобы сказать о предметѣ этомъ послѣдніе, остаточные выводы наши.

Четыреста тысячъ ящиковъ шло изъ Китая на потребленіе Россіи, гдѣ въ настоящее время даже староверы примирились съ нимъ и гдѣ въ одномъ московскомъ трактирѣ истребляется этой травы цѣлый ящикъ въ одни сутки (365 ящиковъ въ годъ!) И когда въ одной Москвѣ рѣдкій не пьетъ чаю три раза въ день, когда и этотъ городъ и всѣ другіе торговые города захлебнулись отъ торговыхъ заведеній съ намалеванными на вывѣскахъ чайниками и чашками, съ десятками столовъ, предназначенныхъ преимущественно для чаепійства,—способны ли при этихъ условіяхъ 400 тыс. кяхтинскихъ ящиковъ удовлетворить Россію, если бы даже глубокая недобросовѣстность торговцевъ и пускала въ пособіе высушенные на медленномъ жару чайные остатки, такъ называемые опивки? Можетъ-ли устоять эта цифра при тѣхъ условіяхъ, когда, сверхъ того, мы должны будемъ исключить еще значительное количество кирпичныхъ чаевъ, потребляемыхъ исключительно по ту сторону Уральскаго хребта? Гдѣ набраться столько чаю при повсемѣстномъ употребленіи его по два раза въ день? Гдѣ тому подспорье? Кипрей-чай или капорскій, извѣстный болѣе подъ названіемъ *иванъ-чай* (*), пересталъ играть роль подмѣси къ плохому чаю изъ настоящихъ: его распозналъ самъ народъ и рѣшительно отъ него отшатнулся, когда послѣдовало на то формальное запрещеніе. Другими травами надувать также не такъ легко, какъ кажется съ перваго раза; даже въ самомъ Китаѣ, даже для англичанъ—самыхъ плохихъ знатоковъ чаю (любителей только крѣпкаго, но не ароматнаго), подмѣси эти весьма ничтожны, не смотря на сильное желаніе, замѣнить чайныя листья листьями другихъ растеній (**).

Спросимъ опять: въ чемъ-же было подспорье и замѣна недостаточнаго количества чаевъ, прежде привозимыхъ изъ Кяхты, и въ чемъ найдется оно и теперь, при вывозѣ китайскаго чая моремъ? На вопросъ этотъ давно уже отвѣтили повсемѣстныя наблюденія и всевозможные разсчеты и вычисленія; замѣна недостающаго:

Въ контрабандѣ!

Контрабанда тормозила дѣло и являлась злымъ врагомъ для Кяхты, доставляя ровно столько же тысячъ ящиковъ, сколько и этотъ городъ, она, наповаженная успѣхами и давно уже сложившаяся въ правильно-организованное цѣлое на западныхъ русскихъ границахъ, уже приладилась и теперь, и рѣшительно дѣйствуетъ со всѣхъ концовъ. За Байкаломъ, по Аргуни, монголы

(*) Это—высокая трава, растущая въ степяхъ, съ длинными султанами лиловато-розовыхъ цвѣтовъ Она даетъ и плодъ, наполненный сѣмечками съ длинными шелковистыми волосками.

(**) Напр. Rhamnus или fallopia. Растенія эти (впрочемъ предварительно высушенныя) употребляются китайскими бѣдняками въ питье вмѣсто чаю.

передаютъ нашимъ землямъ большія партіи кирпичнаго чаю, сильно распространеннаго по Сибири, на хищническое золото, также сильно распространенное по Сибири. У кяхтинскихъ мѣщанъ съ давнихъ временъ ведутся удалыя лошади, мастерски приспособленныя къ горнымъ дорогамъ, и на нихъ давно уже вывозятъ они чрезъ Хамаръ-Дабанъ цыбики чаевъ, преимущественно цѣнныхъ, т. е. цвѣточныхъ. Въ Семипалатинской области, чаще всего около Бійска, жителямъ западной Сибири нѣсколько разъ въ году приводится подраться, погоняться и пострѣлять по ловко утекающимъ черезъ Чую, на бойкихъ степныхъ лошадяхъ, контрабандистамъ изъ киргизъ и ташкенцевъ. Пишущему эти строки, въ одной изъ деревень Закавказья, привелось пить чай, крѣпко отшибавшій посторонними запахами и провезенный, какъ увѣряли, черезъ Персію и черезъ ленкоранскую границу Россіи. Въ городѣ Кеми, на Бѣломъ морѣ, авторъ статьи этой покупалъ за 1 рубль сер. фунтъ сѣдаго (но не ароматнаго) цвѣточнаго чаю, а въ одномъ изъ подгородныхъ петербугскихъ ресторановъ ему подавали чай, дававшій въ стаканѣ отсадокъ въ родѣ плавающаго масла, а въ чайникѣ отстой краски, которою китайцы имѣютъ обыкновеніе подкрашивать чай *Гизонъ*, любимый англичанами въ Гонъ-Конгѣ за его крѣпкой и крутой настой (*). Если мы пойдемъ въ польскія губ. и по Малороссіи, то неизбывно наткнемся на такъ называемую herbaty, которую чаемъ называть едва-ли кто рѣшится изъ знающихъ, что запахъ лошадинаго пота и отстой краски вовсе не добродѣтель и никогда не составляли особенности чаевъ собственно китайскихъ, даже и въ томъ извращенномъ и измѣненномъ видѣ, въ какомъ выпускаетъ чаи свои Москва изъ своихъ чайныхъ заводовъ. Какими-бы замысловатыми, широковѣщательными и заманчивыми названіями ни прикрывала она сорты приготовляемыхъ ею чаевъ, —настоящихъ,

---

(*) Окрашиваютъ берлинскою лазурью съ гипсомъ. Это невинно, потому что безвредно; чаще приспособляютъ окраску къ зеленымъ чаямъ, потребляемымъ американцами и англичанами.

цѣльныхъ, безъ подмѣсей китайскихъ чаевъ (кромѣ желтаго и зеленаго) она почти не продаетъ. А Петербургскіе торговцы давно остановились на томъ, что бездушные терпкаго и вяжущаго вкуса чаи контрабандные кладутъ, они въ основаніе всѣхъ сортовъ чая, сочиненія того города, гдѣ, какъ извѣстно, бѣдный классъ народа удобно замѣняетъ дурной чай довольно сноснымъ кофеемъ. Получаются контрабандные чаи въ Петербургѣ и Москвѣ черезъ прусскую границу и Царство Польское, или черезъ Финляндію, а въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ — съ юго-западной австрійской границы, въ особенности черезъ Дунай.

Въ заключеніе мы попросимъ сообразить слѣдующія два обстоятельства. Въ Кяхтѣ при чайной торговлѣ существуетъ особый видъ торговли сырыми кожами, производимый нашими инородцами и сибиряками, а также и китайскими монголами. Кожи эти употребляются (шерстью внизъ, мездрой наружу) для упаковки чайныхъ ящиковъ, тамъ называемыхъ цыбиковъ. При таможнѣ, съ этою цѣлію образовалась особая артель рабочихъ занятыхъ исключительно широ́вкой чайныхъ мѣстъ въ видѣ кубовъ, вмѣщающихъ въ себѣ отъ 2 до 2½ пудовъ. Въ сараяхъ, преисполненныхъ вреднымъ зловоніемъ (на усидчивой, спѣшной работѣ получая тяжелыя, трудно излечиваемыя болѣзни, между прочимъ и чахотку), артель эта ширитъ (сшиваетъ) толстыми бичевками всѣ мѣста чайныя. Употребляя для этого сырыя намоченныя кожи, они такъ плотно стягиваютъ ихъ швами, что въ высохшемъ видѣ весь ящикъ представляетъ такую массу, которая какъ будто облита коженымъ составомъ. Кажется, никакая капля, ни единая струя сыраго воздуха неспособна проникнуть внутрь и попортить чай, извѣстный своею воспріимчивостью ко всякаго рода крѣпкимъ и дурнымъ запахамъ. Кяхтинскій чай, доставленный сухопутьемъ, всегда сохранялъ свой букетъ, а тотъ же чай, провезенный моремъ, не портился отъ неизбѣжной сырости въ трюмахъ, когда былъ зашированъ точно такимъ же путемъ (какъ доказала американская компанія). Но отчего же кантонскій чай не имѣлъ букета и отчего сильно распространено мнѣніе, въ русскомъ обществѣ возродился поклепъ на морской путь за то, что онъ портитъ чай? Портитъ чай не морской путь, портитъ его контрабандный путь. Въ то время, когда на Кяхтѣ съ такимъ тщаніемъ упаковываютъ чаи, съ западныхъ границъ Имперіи везутъ его скрытно часто рядомъ съ сильно пахучими веществами, въ простыхъ ящикахъ, большею частію въ коробахъ а на южныхъ границахъ Имперіи (за Кавказомъ) просто въ холщевыхъ мѣшкахъ, которые сверхъ того кладутся на потные бока лошади по способу всяческихъ вьюковъ.

По сличеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ и данныхъ, за нами остается еще одинъ вопросъ, послѣдній: справедливо ли убѣжденіе, что въ Россіи понимаютъ толкъ въ чаяхъ, любятъ только хорошіе и пьютъ только настоящіе?

Пить настоящіе чаи въ Россіи не могутъ, потому что мѣшаютъ, не позволяютъ дѣлать этого наши торговцы, которые дали ходъ только чаямъ мѣшанымъ и пріучили вкусъ потребителей почитать эту смѣсь чаями цвѣточными. Въ Петербургѣ и въ Россіи пьютъ ихъ по немножку въ формѣ подслащеннаго декокта, пропаренаго и проваренаго на трубѣ самовара, причемъ и послѣдній остатокъ ароматнаго масла улетаетъ, а самый чай, съ прибавленіемъ крѣпкихъ кислотъ (лимонной, клюквенной, молочной и проч.), превращается въ совершенно другое, новое вещество. Употребляемый съ солеными, сдобными и сладкими булками вкуснѣйшій въ мірѣ настой цвѣточнаго чаю низводится такимъ грубымъ употребленіемъ на степень и значеніе кирпичнаго; такъ пьютъ калмыки, киргизы и бурята этотъ чай въ замѣну супа, щей и другаго горячаго. Въ Москвѣ и городахъ по пути къ Сибири цвѣточному чаю воздаютъ большій почетъ, рѣдко прибавляя постороннія примѣси, и любятъ употреблять напитокъ въ видѣ настоя и пьютъ неслащенымъ, приготовленнымъ на хорошо вскипѣвшей (но не прокипѣвшей) водѣ. Чай, какъ неизбѣжный напитокъ послѣ ночнаго сна утромъ и по окончаніи послѣ-обѣденнаго сна вечеромъ, во всѣхъ мѣстахъ этихъ, во всякое другое время дня понимается, какъ самое лакомое и вкусное угощеніе и предлагается гостю, какъ здоровый напитокъ, съ крѣпкимъ и отчасти справедливымъ убѣжденіемъ, что «зимой чай согрѣваетъ, лѣтомъ прохлаждаетъ».

Если прибавимъ ко всему, нами сказанному, еще одно наблюденіе, что чайная торговля руководитъ съ своей стороны общественными вкусами, оставляя въ Сибири лучшіе черные, втискивая въ Москву въ большинствѣ чаи цвѣточные и лянсинные, и снабжая Петербургъ по преимуществу красненькими, то мы имѣемъ въ рукахъ еще новое и осязательное доказательство тому, что Россія толку въ чаяхъ знаетъ мало. Положеніе это можемъ формулировать такимъ образомъ, что Сибирь пьетъ чаи, какіе растутъ въ Фучанѣ, и непорчеными везутся черезъ Кяхту; Москва потребляетъ тѣ, какіе для нея и въ ней сдѣлаютъ, а Петербургъ и вся Россія обходятся тѣми, которые привезутъ и за неимѣніемъ другихъ навяжутъ.

Изъ этого же положенія выходимъ мы и къ тому заключенію, какого доискивались и по которому намъ кажется яснымъ, что при неразборчивости вкуса, при невыработанности толку въ чаяхъ, и худшимъ шанхайскимъ, привезеннымъ моремъ, должна предстоять равная участь удачи и успѣха, какими пользовались до сихъ поръ чаи кяхтинскіе. Не будемъ мы оттого пить хорошихъ, но выиграемъ въ денежномъ отношеніи на худшихъ и дешевыхъ. И дай Богъ, чтобы удешевленный чай, надежный суррогатъ вина, еще больше ослабилъ пьянство, столь сильно распространившееся теперь при дешевкѣ и, идя объ руку съ пивомъ подарилъ нашъ трудовой рабочій народъ хотя отчасти тѣми же добрыми качествами, какихъ безразсчетно и ретиво ищетъ онъ до сихъ поръ въ винѣ!..

prem
M

2010456781